ПОЭЗИЯ
НАРОДОВ
СССР
XIX –
НАЧАЛА XX
ВЕКА

Библиотека
всемирной литературы

Серия вторая **

Литература XIX века

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БИБЛИОТЕКИ
ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе И. В.
Айтматов Ч.
Алексеев М. П.
Бажан М. П.
Благой Д. Д.
Брагинский И. С.
Бровка П. У.
Бурсов Б. И.
Бэкман В. Э.
Ванаг Ю. П.
Гамзатов Р.
Гафуров Б. Г.
Грабарь-Пассек М. Е.
Грибанов Б. Т.
Егоров А. Г.
Ибрагимов М.
Иванько С. С.
Косолапов В. А.
Лупан А. П.
Любимов Н. М.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Неупокоева И. Г.
Нечкина М. В.
Новиченко Л. Н.
Нурпеисов А. К.
Пузиков А. И.
Рашидов Ш. Р.
Реизов Б. Г.
Сомов В. С.
Тихонов Н. С.
Турсун-заде М.
Федин К. А.
Федоренко Н. Т.
Федосеев П. Н.
Ханзадян С. Н.
Храпченко М. Б.
Черноуцан И. С.
Чхиквишвили И. И.
Шамота Н. З.

ПОЭЗИЯ НАРОДОВ СССР
XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА · 1977

Вступительная статья и составление
Л. Арутюнова

Сб 2
П 67

П $\frac{70403\text{-}226}{028\ (01)\text{-}77}$ подписное

© Издательство «Художественная литература», 1977 г.

НАХОДИТ СЕБЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Не дал ты мне, человеку,
Доли человека!
Я не знал ее вовеки!
Вовеки! Вовеки!

Тарас Шевченко

А чего ж теперь захотелось им,
Угнетенным века, им, слепым и глухим?—
Людьми зваться!

Янка Купала

Тебе, рабочий класс!
Быть воином твоим — вот высший идеал,
За человечество, за солнце ты восстал.

Ян Райнис

Объять единым взглядом столь разные литературы столь многих народов, поэзия которых собрана в этом томе, хотя бы и за один век их истории,— задача, прямо скажем, не из легких. Попытаемся, однако, очертить общие контуры этой обширной и многогранной панорамы.

В первую очередь, и это вполне закономерно, читателя поразит удивительное разнообразие художественных стилей, манер, форм, самих судеб представленных здесь разноязычных литератур. Одни из них, такие, например, как армянская, таджикская, азербайджанская, узбекская, грузинская, имеют более чем тысячелетнюю историю. Причем в некоторых случаях на пути к современной культуре эту поистине великую средневековую традицию приходилось преодолевать уже в новых социально-общественных условиях. Напротив, другие литературы стали формироваться как искусство письменного слова, вычленяясь из фольклорной стихии, только в XIX веке, даже в XX веке!

Этот процесс характерен также и для социалистической эпохи, которая придала ему невиданное ранее ускорение и полноту. Вспомним, как на Первом Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 году Алексей Максимович Горький с волнением говорил о Сулеймане Стальском — «этом Гомере XX века», призывая всех беречь эту уникальную сопряженность далеких художественных эпох. Но, читая трагические строки великого киргиза Токтогула, написанные им на каторге в самом начале XX века, читатель с удивлением и восторгом почувствует, как буквально на его глазах, из песен акына рождается индивидуальная, личная поэзия, то есть мысленно перенесется к знакомым только по книгам и преданиям временам далекой античности, к временам Гомера, Эсхила, Софокла...

А в эти же десятилетия в грузинской, армянской, украинской литературах молодые поэты Тициан Табидзе, Паоло Яшвили, Егише Чаренц, Максим Рыльский, Павло Тычина увлекаются популярными тогда идеями и стихами Александра Блока, Андрея Белого, Вяч. Иванова, Валерия Брюсова, Рембо, Бодлера, Верлена, Аполлинера, Малларме... Причем если в их творчестве модные увлечения представали как единственное для них направление, которое они затем должны были преодолевать в условиях революционной действительности, то такие классики национальных литератур конца XIX— начала XX века, как Иван Франко, Леся Украинка, Иоаннес Иоаннисиан, Аветик Исаакян, Ваан Терьян, Галактион Табидзе, Ян Райнис, с одной стороны, демонстрировали связь с традицией и социально-освободительным движением (в некоторых случаях непосредственно с марксизмом), с другой стороны, впитав и переработав всю предшествовавшую и новейшую художественную культуру, сопрягали ее с традициями и возможностями своих национальных литератур, с требованиями современности.

Но и само понятие современности здесь достаточно подвижно. Так в творчестве Тараса Шевченко и Николоза Бараташвили, явно соотносимого с европейским романтизмом, украинская и грузинская литературы уже в начале XIX века обретают свою национальную определенность и, одновременно, выходят на мировую арену. В молдавской (Александр Эминеску), латышской (Ян Райнис), армянской (Ованес Туманян, Аветик Исаакян) литературах это явление связано со второй половиной XIX века.

Уже эти первоначальные — по необходимости лаконичные и контрастно-отрывочные — факты воочию убеждают в *неравномерности художественного развития* народов России XIX — начала XX века.

Перед нами как бы модель мирового словесного творчества, представленная в нескольких измерениях: по горизонтали — в движении исторического времени, в смене и членении художественных методов и стилей, более или менее синхронных с европейским и русским опытом (романтизм, реализм и т. д.), и по вертикали, то есть в движении собственно художественного времени, как бы независимо в себе самом.

Конечно же, эти два ряда взаимодействуют друг с другом, а каждая национальная литература, имея свой отсчет художественного времени,

взаимодействует с временем историческим и близкой ей по духу иноязычной культурой.

XIX век в истории искусства письменного слова народов СССР характеризуется развитием литератур нового времени. Подключение их в этот художественный процесс происходило далеко не синхронно, да и генезис их был достаточно разнороден. Поэтому организующей единицей тома становится не автор и время, а национальная поэзия, данная в движении, в чередовании этапов ее художественного развития, что влечет за собой и принцип регионального построения всей книги, что в общем и целом, хотя и не без некоторых закономерных исключений, соответствует исторической картине вхождения национальных литератур в мировой литературный процесс.

Но, говоря таким образом о развитых литературах, мы ни в коем случае не должны думать, что ранние или постфольклорные этапы поэтического искусства менее художественно значимы...

Литература, даже молодая, хотя и близко стоит к фольклору, тем не менее есть качественно иная художественно-эстетическая система. Не порывая связи с народной поэзией, она все время «уходит» от нее, вернее, уходит от прямого и внешнего ее использования к постижению сущности национального художественного мышления на уровне личностного творчества.

Понимание индивидуальных особенностей каждого писателя, меры и качества лирического, эпического и личного начал в его искусстве приводит не только к осознанию его уникальности и специфичности, но и, что более важно, к постижению некоей общности эволюции творчества, что, в свою очередь, дает более ясное представление о новаторстве и неповторимости каждого большого художника.

Но здесь важно иметь в виду следующее. Как современность поэзии, так и специфика лирического начала в поэтическом искусстве, особенно на ранних стадиях его формирования, не есть и не могут быть единственным мерилом эстетической оценки.

Художественная значимость произведения или творчества в целом не связана с жанровыми или эстетическими категориями. Поэтому преобладание эпического в поэзии за счет лирического, хотя и связано с самим ходом развития литературы, не может считаться эстетической оценкой.

Гомер был «чистый эпик»; персидская поэзия не развила личностного начала в той мере, как это сделала европейская, в которой степень лирического подтекста у Петрарки и Бодлера тоже далеко не однотипна. Но кто отважится утверждать, что восточная лирика менее совершенна, чем европейская, что поэзия Рильке или Аполлинера, поскольку она стоит ближе к нашему времени и явно более личностна, тем самым эстетически ценнее, чем лирика Данте или Омара Хайяма, или что лирика вообще во всех случаях предпочтительнее эпической поэзии!

Вот как, например, туркменский поэт Сеиди описывает своего коня, свои ощущения, которые он дарует, покоряя вместе с всадником пространство, сливаясь с ним в единое целое.

Когда в снаряженье садишься верхом,
Как трон Сулеймана — спина скакуна.
Покрыта атласным она чепраком,
В шитье златотканом спина скакуна...

«Ну!» — крикнешь, бывало, на скачках гоня,
И в конском глазу полыханье огня.
Сто тысяч верблюдов не стоят коня —
Столь сердцу желанна спина скакуна...

Мы — дети греха, многогрешны подчас,
Но скачка мой дух очищала не раз,
Речет Сеиди, завершая свой сказ:
Достойна дестана спина скакуна.

(Перевод Т. Стрешневой)

Эта поэзия эпична по своему мироощущению, но какая это сильная и смелая поэзия! Она передает чувства кочевника, его связь с пустыней, с суровостью патриархальной простоты, в которой человеческие ценности раскрываются через подробности обыденного вещественного мира. Но в такой эпике явственно ощутим и эмоциональный настрой, подобно тому, как он чувствуется у Гомера при описании щита Ахиллеса.

Пора, однако, задаться вопросом, что же все-таки следует понимать под литературой Нового времени?

Говоря о ее великих творцах и зачинателях, мы прежде всего вспоминаем имена Данте, Сервантеса, Мольера, Рабле, Шекспира, Гете, Пушкина, а в литературах народов СССР — Т. Шевченко, Н. Бараташвили, Д. Гурамишвили, Х. Абовяна, М.-Ф. Ахундова, В. Александри, Абая Кунанбаева и т. д.

Творчество подобного типа писателей, в отличие от средневековых, связано прежде всего с национально-общественным и личностным самовыражением, начало которого мы обычно соотносим с эпохой европейского Ренессанса. Этот процесс в той или иной степени обусловлен наступлением и формированием буржуазного правопорядка и сознания, возникновением наций и образованием новых государственных структур.

Личность, находящаяся в системе определенных общественных связей, становится организующим фактором литературы и художественного сознания. Причем это соотношение между индивидуальным и общим началом весьма многозначно.

В европейских литературах самовыражение личности в условиях завершенной буржуазной расчлененности общественных связей не могло не привести к индивидуализму и отчужденности. Однако, поскольку развитие капиталистического строя происходило далеко не равномерно, наступление

Нового периода в каждой национальной литературе было всегда сопряжено со спецификой общественного бытия и самой современности, всегда выдвигающей новые задачи. Так, например, главной задачей для литератур Средней Азии становится просветительство, которое в силу своей идеологической значительности порождает и соответствующие художественные проблемы.

С точки зрения исторического развития наши национальные литературы далеко не однородные величины. Многие из них в свое время не только имели «некоторое» отношение к мировому литературному процессу, но и были в то же время его художественно овеществленным выражением. Таковой, в частности, была грандиозная ирано-таджикская и тюркская поэтическая цивилизация, средневековая армянская и грузинская культура.

Вместе с тем, являясь величайшим художественным феноменом, восточная поэзия развивалась как бы «внутри себя», и это особенно стало заметно после того, как возникли предпосылки для общемирового литературного процесса, в котором это высокое искусство своею уникальной неповторимостью заняло определенное, самостоятельное место.

Если считать началом всеобщего культурного подъема, охватившего многие страны от Японии до Средиземноморья,— выдвижение идеи Человека, то, как доказал академик Н. И. Конрад, Восточный ренессанс, безусловно, является фактором мирового литературного процесса. Однако идея Человека, замыкая Восточный ренессанс в себе самом, как раз и не позволила всему региону в целом войти в мировую литературу Нового времени. Чтобы сыграть решающую роль в дальнейших судьбах европейской и мировой культуры, идея Человека должна была подняться до идеи Личности. А это произошло лишь в период Западного ренессанса.

Применительно к Востоку речь должна идти, видимо, о великой художественной цивилизации, связанной с другими идейно-эстетическими мирами (Византия, Латино-германский мир, Индия, Китай) и обладающей ярко выраженной собственной качественной определенностью. Именно поэтому включение художественных достижений данного региона в мировой литературный процесс новейшего времени было и поздним и затруднительным. Дело, разумеется, не только в замкнутости этого грандиозного поэтического мира, но и в его специфичности, которая не могла иметь продолжения, во всяком случае, в том виде, в котором она сложилась.

В XIX веке художественное сознание народов Средней Азии, для своего успешного развития, должно было на первых порах «порвать» с этой традицией и войти в идейно-эстетический мир классической русской поэзии и прозы, соприкасаясь, а затем и входя через него в мировую культуру. Идея народа, выдвинутая русским реализмом, своим демократическим, общественным, гуманистическим содержанием как бы ограждала художественное сознание от «разгула» индивидуализма, столь характерного для данного времени.

Таким образом, пусть в самой общей форме можно констатировать наличие трех этапов эволюции поэтического сознания, связанных с раз-

витием социально-экономических формаций и сосредоточенных в определенных региональных «центрах», обладающих общечеловеческой новаторской эстетической энергией:

1. Феодальный строй, Восток, идея Человека; «разомкнутый в будущее» гений, вбирающий достижения предшествующей культуры и намечающий качественно новые пути художественной мысли,— Алишер Навои.

2. Буржуазный строй, Запад (точнее, Европа), идея Личности — Шекспир.

3. Россия, идея Народа, несущая в себе возможность нового подъема общественного и нравственного сознания,— А. С. Пушкин, классическая русская литература XIX века.

Русская литература, обогащенная общемировым художественным опытом, способствовала развитию национальных культур на путях народности и реализма. «Поворот к народу», который зафиксировал Достоевский в творчестве Пушкина, знаменовал собой новое качество русского реализма по сравнению с европейским, поскольку он противопоставил идее индивидуализма идею Человека, связанного с народом, передовым и социальным движением, что, в свою очередь, способствовало и художественному, и национальному, и общественному прогрессу народов России дооктябрьского периода. Исходя из идеи народности, классическая русская литература не подавляла и не растворяла в общепринятом национальные культуры, а способствовала — вопреки официальной царской политике — их самобытному существованию и развитию.

«Русские видят мир,— утверждал Абай в книге «Назидания».— Если ты будешь знать их язык, то на мир откроются и твои глаза. Человек, изучивший культуру и язык иного народа, становится с ним равноправным и не будет жить позорно... Главное — научиться русской науке. Наука, знание, достаток, искусство — все это у русских. Для того, чтобы избежать пороков и достичь добра, необходимо знать русский язык и русскую культуру».

Мухтар Ауэзов, автор знаменитой дилогии об Абае, писал о смысле его творчества и предназначения: «Проповедь просвещения через сближение с русской и общечеловеческой культурой. Учиться, учиться у всех народов, имеющих накопленную веками культуру! Во имя этой великой исторической задачи просвещения своей родной страны он объявляет беспощадную борьбу всем устоям прошлого, бичует всех носителей отсталой, отжившей свой век идеологии...

Отрешившись от догм и устоев исламизма, Абай воспитывает в себе удивительно смелую независимость духа, необыкновенную широту взглядов, как истинно просвещенный борец и деятель культуры, воспитанный на классических образцах русской и европейской литературы с их общечеловеческими идеалами добра, долга и бескорыстного служения народу, родине, на благо угнетенного человечества».

Мухтар Ауэзов заканчивает свои рассуждения об Абае глубокой мыслью: «Смысл человеческого существования осознан по-новому». Действи-

тельно, социальные противоречия XIX века, в том числе разложение феодальных и патриархально-родовых устоев были столь значительны и новы, что архаизированные и застывшие традиции восточной средневековой культуры уже не могли объяснить их, направить ум к будущему.

Абай Кунанбаев вводит критерий разума, критерий чисто просвещенческий, что обуславливает социально-общественную трактовку явлений. Последнее порождает в художественном творчестве момент личного присутствия творца, а это делает его искусство не только народным, но и личностным, современным.

Сейчас нам близки в поэзии Абая не его дидактические поучения и наставления, находящиеся еще в пределах формул разума, который видит несовершенства человеческой природы и, гневно негодуя, предлагает свои рецепты должного, а мощные и многомерные стихотворения, посвященные народу и природе, вобравшие в себя всю полноту естественного человеческого чувства. Именно в них Абай выступает не только как просветитель, но как тонкий и глубокий трагический лирик.

И когда он пишет:

Человеком назваться я
Не могу, окруженный тьмой.
Как найти мне смысл бытия,
Коль народ невежествен мой? —

(Перевод А. Штейнберга)

то это и конкретно, ибо исходит из личного опыта, и всеобще, но всеобще не в плане былых канонов восточной поэзии и просветительского рационализма, а в плане совершенно новых традиций, исходящих из личного чувства, обращенного к жизни и народу.

Жизнь моя коротка,
А цель далека,
И силы мои сочтены.
Улетают дни —
Не вернутся они,
Мы в гордыне коснеть должны.
То, что прожито,— не вернуть,
Без запасов я вышел в путь.

(Перевод Л. Озерова)

Эта поэтическая миниатюра раскрывает судьбу общественной личности, связанной с народом, не понятой им — уже в пределах современного лирического искусства.

Эпическое мышление в поэзии XIX века, будучи всегда связанным с крестьянским, патриархальным миром, означало не только возможность создания соответствующих жанров, но прежде всего уникальную в своем роде возможность охвата и воссоздания национального бытия на уровне

трагической цельности гармонии. Таких примеров немного в развитых литературах, но они есть — это Важа Пшавела и Ованес Туманян. Будучи эпическими поэтами, они одновременно дали образцы трагического лирического искусства, до которого не всегда могли подняться даже романтики. Их стенанья и муки не только могучи, как и их эпический мир, но и глубоко человечны, личны и одновременно всеобщи. Вот, например, стихотворение Важа Пшавела «Почему я создан человеком?», в котором он мечтает раствориться в природе и тоскует по людской счастливой жизни на земле.

Почему я создан человеком?
Почему, исполненный красы,
В сонме туч, в высоком мире неком,
Не рожден я капелькой росы?..

Взял бы он меня к себе обратно
И не разлучался бы со мной,
Чтоб не жить мне в мире безотрадно,
Не бороться с горькою судьбой.
И, любуясь солнцем и сверкая,
Плыл бы я в безбрежные края,—
Сверху небо, снизу грудь земная,
Оба вместе — родина моя...

Был бы я лишь несколько мгновений
Как бы мертв, а там, глядишь, опять
Возвратился в этот мир весенний,
Чтоб его с улыбкою обнять.

(Перевод Н. Заболоцкого)

Эпическое сознание, «вброшенное» в социальные и нравственные противоречия Нового времени, порождает возможность трагического лирического искусства — достаточно вспомнить Абая и Токтогула, дагестанских лириков — Казака, Махмуда и других. В сущности именно в условиях драматических жизненных обстоятельств эпическая, даже фольклорная традиция перерастает в собственно литературное творчество, сохраняя при этом непосредственность и остроту естественного чувства, что в других случаях есть цель, которую нужно достигать чисто художественными средствами. В этом смысле могучая стихия эпического сознания и фольклорной традиции, которая столь свойственна казахской, киргизской, туркменской, каракалпакской поэзии, сыграла первостепенную роль в создании современной литературы, поскольку несла в себе возможность жизненного и социального взгляда на мир, что обнаруживает себя прежде всего в реалистических и сатирических формах поэтического искусства. Это тем более существенно отметить, что поэзия региона в целом находилась под сильным воздействием канонов средневековой классики, которые заключали в себе огромный художественный опыт многих народов Востока.

Как всегда на разломе старых и новых представлений рождалось поэтическое искусство, которое видело достоинства и недостатки того и другого

и в своих сомнениях и надеждах утверждало величие человеческого сердца, человеческого духа.

В своих знаменитых суждениях о творчестве Л. Толстого В. И. Ленин объединил социальное новаторство национальной действительности России, неотвратимо идущей к революции, с художественными открытиями литературы, ее отразившей. В. И. Ленин писал, что воссоздание великим художником общественного бытия, имеющего всемирно-историческое значение, позволяет искусству сделать шаг вперед в художественном развитии человечества.

В этом смысле литературы дооктябрьского периода связывают общие черты. Они сказываются прежде всего в том, что эти литературы отразили национально-освободительное движение народов России в их совместной с русским народом борьбе за социальный прогресс. Эта единая идейно-общественная база стала основой бурного развития разноязычных литератур, совмещения национальных, социальных, этических и эстетических задач художественного развития. Идея национального освобождения выдвигает на первый план такие явления, как реализм и прогрессивный романтизм, такие понятия, как народность и гражданственность, что свидетельствует о значительном вкладе национальных литератур в общемировую культуру.

Почему мы часто говорим о мировом и общероссийском художественном процессе применительно к этому периоду развития национальных литератур?

В отличие от средневекового периода развития культур, когда последние опирались на идеи религиозного миропонимания, что влекло за собою известную замкнутость в себе каждой поэтической цивилизации, в новое время литература стала формой общественного и личностного сознания. В условиях зарождающегося единства буржуазного мира обретение культурой своей национальной сущности означало в то же время и выход на мировую арену, вовлечение в цепь общих для всех закономерностей.

Так, в поэзии Т. Шевченко и Н. Бараташвили украинская и грузинская литературы уже в первой половине XIX века с наибольшей полнотой выразили свою национальную и художественную определенность, что позволяет нам видеть в их творчестве связь с европейским и русским романтизмом, видеть, таким образом, национальную литературу как часть общего художественного процесса.

Сама национальная идея в этот период обладала прежде всего общественным содержанием, она была связана с освободительным движением. Романтики поэтому первыми подошли к постановке проблем гражданственности и народности в их целостности как общенародной задаче и художественной цели.

В самом деле, поэзия Т. Шевченко, Н. Бараташвили, А. Чавчавадзе, В. Александри, М. Эминеску, как и романтическое творчество И. Франко, Л. Украинки, Я. Райниса, А. Исаакяна или Й. Майрониса есть настолько полное и мощное изображение человеческого духа и проблем национального

существования, что не имеет смысла замыкать ее в пределах какого-либо одного направления. Этот романтизм имел громадное значение для развития национальных литератур, он стал, по существу, первой формой художественного осознания и освоения национальной жизни в масштабе мировой истории и культуры Нового времени. Соединение идей национальной и социальной свободы порождало и новое понимание народности, как выражение общечеловеческой идеи. Именно в этом величие таких истинно народных и национальных творцов, как Т. Шевченко, Н. Бараташвили, М. Эминеску, О. Туманян, Важа Пшавела и другие.

Для романтизма первой половины XIX века характерна прежде всего постановка проблемы личной свободы и свободы родины. Первая рождает интимную лирику, с ее углубленным, философским показом мира внутренних переживаний, вторая — гражданский пафос, часто трагически окрашенный.

Наиболее ярким представителем этого романтизма является Николоз Бараташвили. Для его лирики характерна углубленная сосредоточенность на своем личном мире как вместилище общезначимых представлений. Даже любовь понимается поэтом не иначе, «как растущая от встречи к встрече нечеловеческая красота», а в воспевание родины Н. Бараташвили привносит личный момент, момент трагической судьбы и рока. Частная судьба становится зеркальным изображением судьбы родины, именно поэтому подобное изображение, будучи глубоко лирическим и трагическим, становится всеобщим и исторически оптимистическим.

В этом смысле судьба родины предстает как народная судьба. Этот аспект народности особенно ярко воплощен в поэзии Тараса Шевченко, в которой на первом плане выступает судьба народная, в то время как сам образ лирического героя несколько приглушен народным гневом и скорбью. Вот эта взаимосвязь и взаимозаменяемость образов-идеей национальной природы, истории, свободы, судьбы являются громадным художественным достижением национальных литератур. Именно это и позволяло разноязычным поэтам на всех уровнях изображения жизни быть и национальными и современными — и с точки зрения эстетической, и с точки зрения общественной.

У Майрониса, например,— это движение от истории к современности, к самопознанию:

Кто смог бы расковать глубокий сон былого,
Живую жизнь вдохнуть в чреду веков остылых?
Кто, полный мудрости, в их даль проникнуть в силах,
Завесу приподнять, висящую сурово?

Былое, словно гром, нас поразив порою,
Чудесный аромат струит, как дым кадильный.
Порою говорит замшелый ров могильный,
Воображение волнуя молодое.

(Перевод Д. Бродского)

У Лидии Койдулы — от личного переживания к осознанию своей исторической связи с родиной.

Ярко выраженная идея народности приближала романтизм к реализму, во всяком случае, служила ему основой и почвой, в отличие от постромантических явлений в европейской поэзии, связанных с парнасом, символизмом, декадентством.

В этом смысле романтизм в национальных литературах XIX века все-таки отличен от романтических явлений европейских литератур, поскольку он исходил не из идеи индивидуализма, а из представлений гражданственности, социального прогресса и национальной свободы. Именно поэтому — чем более гражданственнее была такая поэзия, тем более реалистичнее было ее звучание, что и становится общепринятым образцом у шестидесятников — у И. Чавчавадзе, А. Церетели, М. Налбандяна, Н. Некрасова, творчество которых органически сочетает и общественный пафос, и народность.

Эти начала художественно неразделимы, например, в некрасовском поэтическом мире. И Ф. М. Достоевский специально подчеркнул это, назвав Н. А. Некрасова — наиболее яркого представителя этого направления — «Народным поэтом».

Но здесь прежде всего важно видеть специфику развития национальных литератур. Так, для эстонской, латышской, литовской литератур характерны интеллектуалистские и реалистические тенденции, для белорусской и еврейской лирико-реалистические — Тётка, М. Богданович, Я. Лучина, Шолом-Алейхем...

Национальная идея обладала на первых этапах освободительного движения XIX века общественным, гражданским содержанием. Она не позволяла идти слишком далеко в художественном расчленении национальной жизни, стремясь, напротив, к целостному охвату и пониманию мира и человека.

В некоторых литературах поэтому, в частности в армянской и украинской, гражданственность и народность некрасовского типа объединялась с целостным воспроизведением национального бытия на уровне художественно-гармонической завершенности и национального классического стиля, то есть с типологической точки зрения — с пушкинской задачей. Видимо, Тараса Шевченко и особенно Ованеса Туманяна мы можем отнести к такого рода поэтам.

Ф. М. Достоевский назвал музу Н. А. Некрасова — «раненым сердцем». Подобный образ поэта был весьма близок многим литературам XIX века, в которых понятия «национальной скорби», «раненого сердца» означали меру и народности и гражданственности.

Разве поэзия Тараса Шевченко и Ованеса Туманяна, Акакия Церетели и Янки Купалы, как и многих других, не создает кроме образа поэта-борца, призывающего «глаголом жечь сердца людей», еще и образ «раненого сердца»? И хотя по отношению к вышеназванным поэтам мы часто применяем эту строку из пушкинского «Пророка», дабы справедливо подчеркнуть

их гражданственность, все-таки образ «раненого сердца», будучи более народным и лирическим, может быть здесь более уместен, тем более что этот образ вовсе не принижает поэтов, как поэтов гражданских, выразителей мыслей и чаяний народных.

Симон Чиковани в своем эссе о А. Церетели и Н. Бараташвили сравнил этих двух великих поэтов именно в этом плане: «Для поэзии Н. Бараташвили характерны напряженность поэтической мысли, драматизм и в какой-то мере сомнения, а в творчестве Акакия Церетели главное — непосредственное выражение чувств и главным образом — чувств, связанных с родиной. Лирическая песнь его выразила натуру грузина, мелодию его души. В поэзии Акакия Церетели с изумляющей живостью и естественностью отразились народные думы и надежды. Народная поэзия до конца жизни была для него неиссякаемым источником поэтического вдохновения. Лирические образы поэта были так близки и понятны народу, что глубоко проникли в его духовный мир и казались созданными самим народом».

Акакия Церетели назвали «Соловьем Грузии», «Певцом-проповедником», так же как Лидию Койдулу — замечательную эстонскую поэтессу — «Соловьем Эстонии»...

Патриотизм и демократизм, образы родины, ее исторического прошлого, представителей трудового народа и особенно образ женщины — труженицы, матери, любовь к родной природе и родному языку, стремление постичь народный, национальный характер, его психологию и быт, выступление в защиту устного поэтического творчества и против ходульноромантической идеализации народной жизни имели и художественное и политическое значение, поскольку означали не только укрепление позиций реализма, но и антикрепостнических, гражданственных тенденций в литературе и в национальном сознании, активизируя его до уровня общественно-социального мировоззрения.

Многие писатели этого периода, развивавшие реалистические традиции, были политическими и идеологическими борцами — И. Чавчавадзе, М. Налбандян, И. Франко, Л. Украинка, Я. Райнис, К. Хетагуров, М. А. Сабир и другие. Народность и активная общественная позиция вела к созданию нового художественного качества реализма, к новым эстетическим открытиям. Приближение литературы к народной жизни, преисполненность революционными, патриотическими, гуманистическими идеями создали тот тип «русского реализма» XIX века, который стал всеобщим достоянием и завоеванием многих наших литератур.

Сам тип «жизненного реализма» (если использовать слова Н. А. Добролюбова о Н. А. Некрасове) оказался чрезвычайно близким многим писателям — от Украины до Армении, от Латвии до Грузии. Эта реалистическая традиция утверждала народную жизнь как социально-обусловленное существование масс, она не только констатировала историческое развитие, но всегда искала возможность активного воздействия на действительность.

Реалистическая поэзия стремилась показать трудный рост человека из народа, она, по существу, создала новый тип художественного мышления, органично воспринявшего национальные традиции и идеи передовой мысли эпохи. Как следствие этой позиции явилось синтетическое изображение мира, неприятие индивидуализма, антигуманизма и «разорванного» изображения жизни, которые становились все более преобладающими в европейских литературах.

Буржуазная культура в конце концов вынуждена была заявить, что «бог умер», что «начало этическое более неприемлемо», то есть искусство, человек, общество освобождались от нравственной и гуманистической цели, от идей общественного прогресса.

Русская и национальные культуры сохранили эту цель, гарантом которой стала идея народа, революционная идея социального изменения мира, идея национально-освободительного движения. Именно поэтому мы видим, как в этой поэзии народность и гражданственность обрели необходимую художественную целостность.

Однако подобный художественный синтез, это художественное открытие не сразу были осознаны. В творчестве таких поэтов порой видели или черты одной народности, или одной гражданственности, в то время как их новаторство заключалось как раз в синтезе этих начал.

Три этапа освободительного движения в России — дворянский, революционно-демократический или разночинный и пролетарский — дают возможность и разграничить литературы внутри их собственного движения, и объединить их. Однако нужно помнить, что этот процесс в некоторых случаях растягивается, что возможны «пропуски» этапов, их «наложение» друг на друга, в частности, в силу позднего возникновения литературы или соответствующих общественных и художественных условий.

Дворянский этап развития освободительного движения, нашедший выражение в романтизме, более или менее полно реализует себя в грузинской литературе, в остальных литературах он выражен гораздо слабее и неопределеннее. Поэзия Тараса Шевченко скорее предвосхищает художественные и идейные принципы шестидесятников.

Революционно-демократический этап, напротив, во всех литературах получает полное развитие, во многих случаях непосредственно смыкаясь или переходя в следующий этап революционного сознания, пролетарский.

Признание момента общности художественного развития не противоречит факту национальной самобытности писателя, напротив, именно в сопоставлении близких по природе явлений мы с наибольшей полнотой ощущаем их индивидуальную специфичность. Сравнивая Н. Бараташвили или В. Александри, Т. Шевченко или О. Туманяна, Г. Тукая или Я. Райниса с А. Пушкиным и Н. Некрасовым, с Байроном и Мицкевичем, мы постигаем эту особенность общего.

Во-первых, с точки зрения художественного процесса показательно, что тип творчества, явленный в украинской литературе в поэзии Тараса

Шевченко и затем Ивана Франко, в грузинской — в поэзии Николоза Бараташвили и Ильи Чавчавадзе, в армянской — в поэзии Ованеса Туманяна, Иоаннеса Ионнисиана и Аветика Исаакяна, в татарской — в поэзии Габдуллы Тукая и т. д. возникает в литературах народов СССР на всем протяжении века, по мере включения их в общероссийский культурный процесс. Во-вторых, эти сравнения отчетливо показывают, что внесли нового национальные литературы в этот общий процесс, какими чертами они обогащали его. Так, европейский романтизм с его идеей индивидуализма, противопоставленного миру официальной буржуазной обыденности, существенно дополняется в литературах народов СССР идеей гражданского служения общественному благу, идеей социальной и национальной свободы, смыкаясь с самыми передовыми социальными движениями эпохи. И дело не только в том, что гражданственность и патриотизм развивали этот романтизм к реализму, главное — *в реальности*, национальной и социальной, самих романтических коллизий и эмоций, вплотную приближенных к проблемам борьбы за свободу и достоинство народов, братство всех людей.

Художественный метод обусловлен прежде всего тем, как писатель понимает взаимоотношения личности и общества. Начало утверждения буржуазного миропорядка на окраинах Российской империи можно отнести лишь ко второй половине XIX века.

Иллюзии патриархального крестьянского демократизма и просветительства в целом исчерпывают себя только в первой русской буржуазной революции 1905—1907 годов, воочию показавшей мощь пролетарского движения и неотвратимость для России социалистической революции. Идейно-художественные этапы и направления национальной культуры благодаря своему позднему старту накладываются друг на друга в весьма сложных и противоречивых сочетаниях.

Романтизм, выросший на почве национально-освободительной борьбы, включает в себя и элементы просветительского рационализма. Критический реализм второй половины XIX века также вбирает в себя некоторые просветительские тенденции. Развитие романтизма как бы «распадается» поэтому на два этапа, и лишь в XX веке он приобретает свою антибуржуазную, разоблачительную, трагическую направленность, то есть приобретает свою индивидуальную сущность, полностью освобождаясь от просветительских и рационалистических черт. Идейно он связан прежде всего с нарастанием и поражением первой русской революции, с отрицанием буржуазного миропорядка.

В художественной практике наших национальных литератур все эти оттенки поэтического развития переплетены между собой, так что весьма трудно в сочетании многих созвучий найти ведущую тему.

Учитывая возможность внешнего совпадения, например, протеста романтиков против «рассудочной цивилизации» и реакции первых символистов

против натурализма, их преимущественного интереса ко всему духовному, «сверхъестественному», мы должны тем не менее ясно представлять всю меру противоположности этих направлений. Романтизм создает общественную личность, противопоставляя ее «голому чистогану» буржуазного общества; декадентство и символизм разрушают личность, отчуждая ее в мистическую потусторонность или в холодное равнодушие индивидуализма.

С этой точки зрения поэзия Аветика Исаакяна, Галактиона Табидзе, Майрониса, Габдуллы Тукая и других может служить ярким примером романтического искусства и мышления. Эпическое состояние мира уступает место разорванному, дисгармоническому восприятию, которое воплощалось в субъективной лирике, в развитии прежде всего «личностного» начала в поэзии.

Буржуазное общество, угнетающее человеческую индивидуальность, порождает романтизированное противопоставление ее действительности. Лирический герой замыкается в пределах собственного «я», ограждая созданный личным воображением мир как бы иллюзией действительной свободы, гарантирующей от посягательств буржуазной обыденности, ее низменности и жестокости.

В отличие от предшествующей лирики, которая описывала внешний мир, частью которого был и мир человеческой души, поэты конца XIX—начала XX века воссоздают внутренний мир посредством передачи интимнейших личных переживаний — они выражают отношение лирического «я» к реальности и тем самым, минуя описание, саму реальность.

Эти художники слова развили громадные лирические потенции народной поэзии, в том числе ее способность быть выражением всенародного, а не частного сознания, что позволило их творчеству, находившемуся в пределах романтического художественного мышления, достигнуть тех способов отображения внутреннего мира, которые стали уделом лишь последующих после них периодов развития литературы.

Однако лирическая магия, казалось бы, обычных слов и чувств, вторгающих читателя и слушателя (народ пел песни Аветика Исаакяна, например, как свои собственные) в состояние высокой сопричастности с трагедией и неблагополучием мира, нации, человека и собственной души, воспринималась порой прямолинейно, как некий недостаток, якобы лишающий поэзию ее непосредственных функций.

На самом же деле, чем более трагическими становились звуки романтической лиры Аветика Исаакяна или Галактиона Табидзе, тем более возрастала внутренняя социальная, народная насыщенность их творчества, тем более общественно значимым оно становилось.

Их ранние стихи лишь говорят о неблагополучии мира и трагической судьбе нации; исход как будто видится в мечте, он все-таки существует. Но, когда поэты, полные гнева и разочарования, уходят из этого враждебного человеку мира, когда их покидают все мечты и надежды, именно в этот момент наивысшего драматизма и напряжения их творчество полностью

обретает свое индивидуальное, национальное и общественное бытие. Ибо в подобном неприятии было больше бунтарского утверждения идеала и человеческой воли, чем в былых надеждах, ставших в новое время лишь отвлеченными иллюзиями.

Бегство лирического героя из мира — это гимн жизни, гимн человеческому достоинству. И не только потому, что для поэта самая страшная пустыня — это реальный мир, где принужден жить человек по волчьим законам бытия, но и потому, что сам принцип разлада, само неприятие сущего предполагают некое очищение, освобождение и возможность стремления к идеалу. В этом бегстве нет ни смирения, ни примирения, есть гнев и презрение к ничтожному: «Быть хочу вне пределов, не ведать владык, долга не знать, забыть божество: Быть свободной безмерно, безгранно во всем — душа моя жаждет лишь одного!» («Абул Ала Маари» Аветика Исаакяна).

Многие из поэтов, подобных А. Исаакяну, Л. Койдуле, Майронису и Тётке, опирались на стихию народного художественного сознания и создавали песни в фольклорном ключе, в которых мотивы разлада смягчены, поскольку именно в национальном художественном мышлении виделось им положительное начало жизни, возможность ее будущего возрождения. Стихия народной поэзии не столько сглаживала трагизм индивидуальности, сколько, принимая его в себя, делала не столь безнадежным. Принцип поэтизации бытия и целостного его восприятия, столь свойственный народной песне, особенно ощутим в литовской, латышской, эстонской, армянской, белорусской лирике.

Романтизм в поэзии конца XIX — начала XX века, будучи, конечно, связан с национальной идеей, одновременно более индивидуален, более опирается на опыт и традиции европейской литературы и в некоторых аспектах художественной выразительности близок также новейшим течениям, связанным с именами Верхарна, Рембо, Бодлера, Верлена,— как представителей, скорее, поэтической культуры, чем определенного направления.

Сравнивая свою книгу «Конец и начало» с одной из ранних книг, Ян Райнис писал: «Там личность ищет себя и находит в революции. Здесь — исходит от революции, социализма, свободы человечества, отделяет себя и находит себя и человечество — в космосе. Это степень высоты и окончательный вывод всей прежней жизни».

Вот это обретение себя и человечества в поэтическом космосе культуры, истории, этики и грядущей революции становится характернейшей чертой многих поэтов конца XIX — начала XX века.

В этом смысле творчество И. Франко, Л. Украинки, Я. Райниса, А. Исаакяна, В. Терьяна, Х-Н. Бялика, Г. Табидзе, Майрониса, Г. Тукая, Л. Койдулы, Г. Джавида вмещает в себя многие направления и оттенки раннего и позднего романтического искусства, в том числе и таких, где оно непосредственно смыкается с реализмом, являясь формой последнего.

Буржуазные отношения в России, в том числе и на ее окраинах, складывались достаточно определенно и интенсивно особенно к концу века, что

позволяло формироваться не только реалистическим формам поэтического искусства, но и романтическим, однако, поскольку национально-освободительная идея все еще обладала позитивным содержанием, она как раз и не позволяла покидать романтическую почву в пользу таких форм отчужденного изображения человека, как декадентство, символизм и т. д.

Надо учесть также, что, возникнув на базе противопоставления себя буржуазному обществу, этот романтизм в условиях Закавказья или Прибалтики становится рядом с революционным романтизмом пролетарской поэзии, рядом с поэзией А. Акопяна, П. Грабовского, И. Эвдошвили, Г. Кучишвили, Ю. Яноииса. Уплотненность этапов художественного развития и революционная насыщенность эпохи сближали этот разрыв. Идея родины в этом романтизме была ведущей, предохраняющей от распада личности в индивидуализме и разобщенности.

Грузинский и армянский романтизм XX века по своему внутреннему, идейно-общественному смыслу достиг лишь первой фазы, фазы противопоставления личности буржуазному обществу, хотя, конечно, романтизм XX века «осовременивался» по форме, и поэзия могла апеллировать к именам, темам и образам всех своих предшественников, в том числе и к первым французским символистам.

Естественно, что этот романтизм в условиях общественной реакции мог иметь известную тенденцию к обособлению в рамках формальных задач чистой лирики. Однако гораздо важнее и типичнее то, что в период нарастающей революции поэзия обращается к важнейшим социально-историческим коллизиям эпохи, становясь ее непосредственным идейно-художественным эквивалентом.

В некоторых случаях романтическое мироощущение в поэзии есть форма выражения вполне реальных чувств и образов. Это относится не только к таджикской, узбекской, азербайджанской поэзии, в которых сильна восточная традиция, но также к грузинской, украинской и армянской, хотя в последних это, скорее, формы лирического видения мира.

Смелость сопоставлений, масштабность, символичность и афористичность образов (ее отнюдь не следует путать с символизмом), широкая ассоциативность, столь свойственные грузинской поэзии, есть порождение прежде всего национально художественного мышления и ярко прослеживаются от Руставели до наших дней. Конечно, эта обширная романтическая сфера соприкасалась в своем развитии со многими литературными явлениями и течениями. Важно, однако, видеть ее собственный характер, собственное содержание.

Ведь трагический разлад личности, неспособной примириться с существующим миропорядком, ее мечты о будущем и разочарование в настоящем, чувства пессимизма и одиночества, вновь возрождающиеся к высоким страстям, чтобы затем впасть в скепсис, апелляция ко всем мощным стихиям природы и тончайшим переживаниям одинокой души — все эти характерные для романтизма мотивы могут быть рассмотрены в его собственной худо-

жественной сфере, далекой от равнодушия и эгоизма декадентства и символизма. И национальный романтизм XIX века, и романтизм конца XIX—начала XX века в национальных литературах — это вполне выявленное и великое художественное целое, которое преемственно внутри себя и вовне, если в последнем случае иметь в виду связь с развивающейся эпохой и ее художественными возможностями.

Чем позже наступает период утверждения буржуазного строя и, следовательно, разочарования в нем, тем позже поэзия переходит в область противопоставления индивидуальности миру. В национальных литературах этот процесс не пошел дальше романтических форм поэтического искусства. В связи с этим следует отметить, что романтизм здесь сыграл гораздо большую роль, чем в русской литературе, в которой преобладающее и формирующее значение уже в творчестве А. С. Пушкина приобрел реализм с его идеей народа и гражданского служения, стремлением к нравственным ценностям особенно в творчестве Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского.

Эту роль в национальных литературах XIX — начала XX века, прежде всего, конечно, в поэзии, сыграл романтизм, который, будучи поддерживаем идеей родины и ее национальной и социальной свободы, нес в себе громадный заряд позитивных, содержательных, общечеловеческих функций и возможностей, что не только сближает его с реализмом (в поэзии это всегда затруднительно раскрыть), но как бы растворяет в нем.

В самом деле, все великие поэты XIX — начала XX века самым тесным образом связаны и с реалистическими и с романтическими формами воплощения мира, причем с преобладанием последних. Мы можем говорить о творцах по преимуществу эпического склада, таких, например, как О. Туманян, но и он к концу жизни, после того как убедился в иллюзорной стабильности системы патриархальных и просветительских ценностей, пошел в своих четверостишиях по пути чисто романтических, трагических философских раздумий.

Эпическое состояние мира, которое столь отчетливо выявлено в казахской, киргизской, каракалпакской литературах, конечно, внешне соблюдает формы жизнеподобия, но это еще не реализм с его аналитичностью, выявлением общественных и личностных связей. Распад эпического состояния мира в художественном сознании неизбежно порождает акцентировку личностных, гражданских, сатирических элементов в поэзии, что и является, по существу, элементами складывающейся реалистической системы, одной из фундаментальных основ которой становится романтическое искусство.

С наибольшей отчетливостью этот процесс проявил себя в 60—70-е годы XIX века, когда литература была частью революционно-демократического движения. К концу же века формы романтизма в национальных литературах приобретают все большее значение. С одной стороны, они были свидетельством художественной возмужалости многих литератур, с другой — ясно говорили о том, что общественная жизнь уже была на пути к буржуазной определенности, однако громадный потенциал демократизма

и революционности, накопленный национальными литературами, ведомыми идеей национальной свободы и независимости, не позволял остановиться на ней как на искомом идеале, взыскуя таких человеческих и социальных ценностей, которые могли быть найдены только на путях революционного и социалистического переустройства мира.

Одна из примечательных особенностей этого тома, между прочим, состоит в том, что он воочию показывает, как деятели национальной культуры шли к революции,— по-разному, конечно, но движимые представлениями о народном счастии,— неотвратимо и целеустремленно.

Когда мы говорим о связи, например, И. Франко и Л. Украинки, Я. Райниса и В. Терьяна с марксизмом — это уже привычно, поскольку свидетельствует, в частности, о неизбежности связи культуры и передовой мысли эпохи. Но, когда мы видим, как Токтогул, находящийся с точки зрения художественной в гомеровском времени, с точки зрения сознания — за временем патриархально-родовым, входит в революцию, принимая прежде всего один из ее фундаментальных лозунгов — вся власть народу,— это все-таки удивительно до сих пор. Но такие случаи вовсе не единичны. Они со своей стороны подкрепляют одну из великих мыслей В. И. Ленина о том, что Россия поистине выстрадала марксизм, что революция и социализм есть не навязанная извне прихоть, мода, идея, а национальная необходимость.

Пролетарская революция возглавила национально-освободительное движение, которое, если иметь в виду национальные культуры, влилось в нее, став одной из ее составных частей. Но, обращая свой взгляд назад, мы не можем отделаться от впечатления, что этот процесс в поэзии, начатый великим Т. Шевченко, поддержанный далее борцами за народное счастье — шестидесятниками, во многом принятый — и на уровне национальной судьбы (О. Туманян, Я. Райнис и др.), и на уровне личного сознания и культуры (И. Франко, Л. Украинка и др.) в конце XIX — начале XX века — есть, в сущности, *единый процесс*, ведущий к светлому будущему для широких трудовых масс.

Конечно, с точки зрения сознания мы видим существенные различия между обозначенными этапами; конечно, в каждой национальной культуре, как известно, есть две культуры, одна из которых, в частности, поддерживает реакционные и антинародные представления.

Все это так! Но поскольку поэзия есть искусство выражения прежде всего человеческих эмоций, поскольку общественная структура национальных окраин России определялась прежде всего идеей национальной свободы и вплоть до конца XIX века так и не «отвердела» в своей расчлененности, как это было ранее в европейских государствах, постольку такое — пусть тоже эмоциональное — представление правомочно, ибо в этом *историческом и революционном процессе искусство, личность, народ находят себя и человечество!*

Предлагаемая читателю книга преследует цель дать более или менее полное представление о многообразии поэтического творчества народов

России XIX — начала XX века. Однако при этом нужно учитывать следующее. Во-первых, материал этой книги целесообразно воспринимать в единстве и в ряду других томов БВЛ, в которых отдельно представлены писатели народов СССР. Мы имеем в виду тома БВЛ, посвященные творчеству Т. Шевченко, И. Франко, Л. Украинки, Я. Райниса, М. Эминеску, В. Александри, Я. Купалы, Я. Коласа, а также два тома советской многонациональной поэзии, в которых читатель может познакомиться с творчеством Г. Табидзе, Е. Чаренца, М. Рыльского, Т. Табидзе, П. Яшвили, Д. Гулиа, П. Тычины и многих других зачинателей и строителей нашей социалистической культуры.

Во-вторых, обилие материала и размеры книги не позволили включить в нее поэмы Н. Бараташвили, И. Чавчавадзе, В. Пшавела, О. Туманяна, Х.-Н. Бялика, А. Исаакяна, как и других поэтов, да и лирическое наследие многих представленных здесь писателей, конечно же, скорее намечено в наиболее характерных образцах, чем объято с достойной их искусства и нашей любознательности полнотой.

Советская переводческая школа, особенно ее первое и второе поколение, связанное с именами В. Брюсова, А. Блока, Б. Пастернака, Н. Тихонова, Н. Заболоцкого, А. Ахматовой, С. Липкина, А. Тарковского, М. Петровых, Н. Гребнева, А. Межирова, создала непреходящие ценности переводческого искусства, навсегда вошедшие в нашу духовную жизнь. Благодаря их усилиям грузинские, армянские, таджикские, азербайджанские, узбекские, латышские, литовские поэты давно и прекрасно звучат на русском языке. При всем том наши переводчики открывают все новые, ранее нам неведомые, пласты поэтического наследия народов нашей страны. Мы открыли для себя великолепных дагестанских лириков, обогатилось наше представление о прошлом белорусской поэзии, но, может быть, самое волнующее открытие — это по-новому прочтенное огромное художественное наследие народов Средней Азии, которое еще недавно связывалось только с фольклорно-акынской традицией, в то время как сейчас мы видим в ней преобладание личностного поэтического искусства.

Мы постарались эти открытия представить более или менее полно, сознавая в то же время, что объять все невозможно, что главная задача книги — дать общее представление о единстве и многообразии литературного процесса XIX — начала XX века, которое позволит, мы надеемся, более целенаправленно знакомиться затем с творчеством выдающихся творцов.

Открытие прошлого, интерес к художественному наследию народов есть результат социалистического образа жизни и сознания. В той мере, в какой книга служит этой великой цели, она оправдывает свое скромное предназначение.

Л. Арутюнов

ПОЭЗИЯ НАРОДОВ СССР XIX—НАЧАЛА XX ВЕКА

ПЕТРО ГУЛАК-АРТЕМОВСКИЙ
(1790—1865)

ЛЮБАША

Любаша славная, так делать не годится.
Терзаешь для чего ты сердце казаку?..
Ты — будто козочка: под маленьким копытцем
Сухому зашуршать достаточно листку —
И уж она от страха еле дышит.
Лишь ящерицы бег, лишь дятла стук заслышит —
Родную ищет мать и, трепеща, бежит.
Любаша славная, а что тебя страшит?..
Лишь покажусь — дрожишь, обоих нас пугаешь!..
Лишь подойду, а ты тотчас же убегаешь!..
Я не литовский зверь, не пчеловод-медведь:
Нет мысли у меня обманывать, лукавить,
Тобою не хочу и так и сяк вертеть,
Тебя не думаю, красавица, ославить!..
Но девушке пора о девичьем вздыхать.
На ветке ягоде не весь свой век томиться,
Не век при матери теленочку гулять...
Расстаться с ней пора, с ней — время распроститься!..

1856

ЛЕВКО БОРОВИКОВСКИЙ
(1806—1889)

РЫБАКИ

После бури девчоночка
В Дону воду брала:
«Чье весельце здесь волнами
К берегу примчало?
Не того ли удалого,
С которым гуляла,
Которого до рассвета
Жарко целовала?»
Плывет челнок, но недолго
Плыть ему, как видно,
На челне том одиноком
Рыбака не видно.
Буйный ветер, как бывало,
Над рекой играет,
По-над Доном черный ворон
Каркает, вещает:
«Ой, оставил горемычный
Челнок и весельце,
Утопил он в глуби Дона
Горячее сердце.
Утопил он свое сердце
В пучине глубокой
И сказал: плыви, челнок мой,
К милой черноокой!
Пусть же мне мой челн рыбачий
Вместо гроба будет,
И весло, как крест могильный,
Мне поставят люди!»

СУД

Петро́ у Федора кобылу призанял
И в лес направился, да завернул к Одарке — шинкарке,
И, грешный, после чарки
Так без вожжей кобылу погонял,
Что хвост ей вовсе оторвал.

Тут Федор на Петра прошенье в суд подáл.
Судья толстел — Петров кошель тощал...
И разрешилось дело просто:
«Понеже оный Петр у Федора взаймы
Кобылы никогда не брал бесхвостой,
То мы
Названному Петру и присудили,—
И приговор наш остается в силе,—
Кобылу у себя держать,
Покуда хвост не отрастет опять,
Тогда ж — хозяину отдать».

За Федорово жито,
Глядь,— Федора же бито!

1852

МАРКИАН ШАШКЕВИЧ
(1811—1843)

ХМЕЛЬНИЦКИЙ ОСАЖДАЕТ ЛЬВОВ
Строем народной песни

Как во чистом поле,
У самой дороги,
Там намет раскинут великий, шелкóвый.
А под тем наметом стол стоит тесовый,
Сам гетман Хмельницкий за тот стол садится,
Вся казачья сила вкруг него толпится.
Пишет гетман письма — да не сто, не двести,
По всей Украине рассылает вести.

Войско куренное в поход выступало,
Ляхов разбивало, за Львов отгоняло.
Как гетман Хмельницкий коня оседлал —
Львов тревожен стал;
А гетман Хмельницкий саблею махнул —
Львов главу нагнул.
На заре из замка рушницы стреляли,
К вечеру казаки зáмок зажигали.

А наутро рано город окружали,—
Грянули мушкеты, дворы запылали.

А гетман Хмельницкий послов посылал,
Так говорить приказал:
Коли будете мириться —
На выкуп скорее червонцы несите,
На выкуп за город коней выводите;
А будете биться —
Высокие стены размечу мечами,
Улицы с дворами вытопчу конями!

Поутру во Львове звонницы звонили —
Ворота раскрылись, казаки входили.

МИКОЛА УСТИЯНОВИЧ
(1811—1885)

ВЕРХОВИНЕЦ

Привольный край, наш ты оплот,
Родимая Верховина!
Вешней водой твой день плывет —
Свободно, весело, мирно.

По кручам вверх, из бора в бор,
С легкой, свободной душою,
В поясе — нож, в руках — топор,
Мы горной бродим тропою.

Гей, что мне там Подолья край,
Нам полонина — Подолье,
А чаща — степь, а сосны — рай,
В рычанье зверя — раздолье!

Не манит нас корысть и лесть,
Имей лишь ружье да заряды,
У бога — свет, в народе — честь,
Свирель да овечье стадо.

Да чтобы встал хребет из туч,
Медведь поднялся над камнями,
Теплом дохнул что солнца луч,
Черёмош взыграл волнами!

Это по мне, это люблю —
Товарищ, зовут просторы!
Овечек ты сбирай семью
И дальше, все дальше в горы!

Все лето сплошь, ночью и днем,
Хлопцам привольно там нашим:
Владеем мы водой, огнем,
Довольно леса и пашен.

Там пан не ставил ввек оград,
Чужак не ступал ногою,—
Нетронут там земли наряд,
Взлелеян песней — росою.

Лишь там звучит трембиты звук,
Флояра вольно щебечет,
А зарычат медведи вдруг —
Ружье в них пламенем мечет.

ЕВГЕН ГРЕБЕНКА
(1812—1848)

ЧЕРТОПОЛОХ И КОНОПЛИНКА

В степи Чертополох ворчал на Коноплинку:
«Негодная, меня толкаешь под бока!»
«Да как же мне расти,— ответила былинка.—
Ты не оставил мне земли для корешка!»

Найдется средь людей колючке этой пара.
Других тесня, в ответ он требует любви.
Такого знаю я.
— Попробуй назови!
— Да ну его! Боюсь прогневать комиссара.

ЧЕРНЫЕ ОЧИ[1]

Очи черные, очи страстные,
Очи жгучие и прекрасные!
Как люблю я вас! Как боюсь я вас!
Знать, увидел вас я в недобрый час.
Ох, недаром вы глубины темней!
Вижу траур в вас по душе моей.
Вижу пламя в вас я победное:
Сожжено на нем сердце бедное.
Но не грустен я, не печален я,
Утешительна мне судьба моя:
Все, что лучшего в жизни бог дал нам,
В жертву отдал я огневым глазам.

СЕМЕН ГУЛАК-АРТЕМОВСКИЙ
(1813—1873)

ИЗ ОПЕРЫ «ЗАПОРОЖЕЦ ЗА ДУНАЕМ»

РОМАНС ОКСАНЫ

Месяц мой ясный,
Светлый, прекрасный,
Звездные очи
Сумрачной ночи!

Кличу вас снова:
Скорбь облегчите,
Зов принесите
Края родного!

Сокол крылатый,
Коршун пернатый,
Век вы на воле
В радостной доле!

Кличу вас снова:
Скорбь облегчите,
Зов принесите
Края родного!

---

[1] Стихотворение написано по-русски.

Волны Дуная,
Чаща лесная,
Омут кипучий,
Ветер могучий!

Кличу вас снова:
Скорбь облегчите,
Зов принесите
Края родного!

ДУЭТ ОКСАНЫ И АНДРИЯ

Андрий

Черной тучей мгла ночная
Опустилась на Дунай.
Жду тебя, моя родная,
Мы умчимся в отчий край.

Оксана

Здесь, в убогой хате бедной,
Сиротинка, слезы лью,
Здесь растрачу я бесследно
Юность горькую мою.

Андрий

О мой друг, о мой прекрасный,
Сердцу сладок этот час!
Навсегда ты мной любима,
Смерть одна разделит нас!

Оксана

О мой друг, о мой прекрасный,
Сердцу сладок этот час!
Я твоя, о мой любимый,
Смерть одна разделит нас!

Андрий

Меж камнями у Дуная
Мой челнок привязан там.
Темнота кругом ночная,
А у турок тут байрам.
Мне знакома вся дорога,
Без помехи мы пройдем,
И с надеждою на бога
Мы Дунай переплывем.

ПЕСНЯ ОДАРКИ

Говорила мне родная
И приказывала,
Чтоб я хлопцев в наш садочек
Не приваживала.
Ой, мама, мама, мама...
Не приваживала!

Посылала меня мама,
Белолицую:
Ты сходи, моя голубка,
За водицею!
Ой, мама, мама, мама...
За водицею!

Ой, пошла я за водицей
И утешилась:
С запорожцем черноусым
Позамешкалась!
Ой, мама, мама, мама...
Позамешкалась!

Ждет-пождет меня родная,
Дожидается,—
Ее дочка с запорожцем
Обнимается.
Ой, мама, мама, мама...
Обнимается!

1862

МИКОЛА КОСТОМАРОВ
(1817—1885)

БРАТ С СЕСТРОЮ

Затужила Украина —
Злая подошла година:
Орды хана подступают,
Грабят села, сожигают,

Грабят села, да с церквами,
Топчут нивы, да с хлебами,
Даром мир крещеный губят,
Одних топчут, других рубят.
Не одна тогда дивчи́на
Горько в поле голосила,
Под арканом ступаючи,
Белы ножки сбиваючи.
Два полка на Украине,
А еще два на Волыни,
Пятый с ханом наступает,
Святой Киев окружает.
В воскресенье Киев взяли,
Разрушали, разоряли.
Брали серебро и злато,
Брали талеры, дукаты,
Адамашки и атласы,
Бархаты и блавата́сы,
Брали коней и коровок,
Брали девок чернобровых.
На ту пору на Подоле
Мещанин жил доброй доли,
Имел хату и овины,
Имел дочку, имел сына.
Тут татары наскочили,
Мужа с женкой погубили,
А девчонку в полон взяли,
Только хлопца не поймали.
А в середу, утром рано,
Ушли степью басурманы.
Ивась ходит да горюет,
По родной семье тоскует:
Ни отца нету, ни матки,
Нету сада, нету хатки.
Тогда взяли сиротину
Добры люди на чужбину.
Запорожцы-молодцы́
Его на́ Сечь увезли,
Вырастили на славу,
На казацкую отвагу.
Казаков таких уда́лых
Еще в Сечи не бывало:
Сам пригожий, волос черный,
На все быстрый и проворный,—

И на чайке выйти в море,
И верхом, во всем уборе.
Трижды ходил с атаманом,
Бился в поле с басурманом,
Отца, матерь поминая,
За родимых отомщая,
За сестрицу, что в неволе,
За свою беду-недолю.
И добычу брал богато,
Брал и серебро и злато,
Кармазинные жупаны,
Шелком шитые кафтаны,
Опояски цветные,
И суконца дорогие.
Вот направился Иванко
На Бендеры спозаранку,
А в Бендерах на базаре
Девку продают татаре.
Ивась ходит, не зевает,
Христианку примечает.
Стал он девку покупать,
А татарин объяснять:
«Эта девка — не на́ймичка,
Пригожая, как па́нночка,
Как былинка молодая,
Как звездочка золотая,
Из далекой, из чужбины,
С той казацкой Украины».
Ивась деньги отмеряет,
Сам дивчину выкупает,
И привез домой обновку:
Украинку-чернобровку.

Стоит в дверях полонянка,
За столом сидит Иванко,
Плачет дивчина слезами,
Говорит казак словами:
«Не плачь, девка, не плачь, красна,
Твоя доля не бессчастна.
Взял тебя я не для глума,
Не такая моя дума.
Я с тобою — обещаюсь —
В воскресенье повенчаюсь.

Чуть тебя окину взглядом —
Отца, матерь вижу рядом».
Славно казак говорил,
Только рода не спросил.
Вот в субботу обручились,
В воскресенье поженились,
Лишь тогда разговорились.
«Ты скажи мне, моя краля,
Ты какого роду, края?»
«Я в Киеве рождена,
По отцу — Ивановна:
На Подоле все мы жили,
Вдруг татары наскочили,
Отца, матерь погубили,
Меня, девку, полонили,
А маленький брат остался,
Не знаю, куда девался».

Как Ивась узнал об этом,
Занудился белым светом:
«Ох, бедный я сиротина!
Злая пропади година,
Когда мать нас породила:
Лучше б в речке утопила,
Лучше б хищные татары
Нас обоих порубали!
Я из Киева — Петренко,
По отцу я — Иване́нко;
На Подоле все мы жили,
Вдруг татары наскочили,
Отца, матерь погубили,
Тебя, сестра, полонили,
А я, хлопчик, укрывался,
На несчастье жив остался!
Видно, бог нас покарал,
Что брат сестру не узнал?
Или свет кончается,
Что брат с сестрой венчается?
Пойдем, сестра, горою,
Развеемся травою,
Пойдем, сестра, степями,
Развеемся цветами.
Станешь сестра, желтый цвет,
А я стану — синий цвет.

Будем жить до конца света:
В одном цветке — два цвета».

Пошли они горою,
Развеялись травою;
Пошли они степями,
Развеялись цветами,
Стал Иванко — синий цвет,
Стала Марья — желтый цвет.
Как связали в церкви руки,
Не бывало им разлуки;
Как в той церкви повенчались,
Оба вместе и остались:
В одном цветке — двоим жить!
Стали люди косить,
За них бога молить,
Стали девки цветы рвать,
Грехи из них забирать.
Стали люди толковать:
Вот это — травица,
Где с братиком сестрица.

1859

ЯКОВ ЩЕГОЛЕВ

(1823—1898)

НЕВОЛЯ

Дайте мне коня лихого,
Дайте вороного;
Отпустите казачину
В путь-дорогу снова.

Я уздою золотою
Коня зануздаю;
Ветром буйным понесуся
К родимому краю.

Конь казацкий — борзый, хватский —
Копытами грянет,
Возле куреня родного,
Как вкопанный, станет.

Соскочу я с вороного,
Землю поцелую,
Чарку, полную горелки,
К губам приложу я.

Тихо, тихо... Нету больше
Коня вороного,—
Не пускают казачину
В путь-дорогу снова.

Знать, помчится пан полковник
Без меня на сечу,
Взойдет солнце в чистом поле —
Я его не встречу.

Чья-то сабля засверкает,
С недругами споря,
В быстрых чайках запорожцы
Расколышут море...

Ой, когда б мне снова дали
Коня вороного,
Ой, когда б меня пустили
В путь-дорогу снова!

1843

БЕЗРОДНЫЕ

Брат казак, скачи за мною на коне горячем!
Все равно о нас с тобою никто не заплачет,
Только матушка-свобода, сабелька-сестрица,
Конь буланый, быстроногий да степная птица.
Ой, тряхнем казной своею, брякнем золотыми,—
Сразу сыщутся-найдутся други-побратимы.
Все равно поляжем в поле, как судьба судила,
Только солнце и увидит раннюю могилу,
Только жалобно кукушка закукует в чаще,
Только волки в голос взвоют по родне пропащей...

Ох, судьба моя, судьбина, тяжко жить на свете!
Ну, а все ж не наглядеться на родные степи.
Поразвеются туманы, солнышко проглянет,
Поразвеются печали, светлый час настанет.

1846

В ПОЛЕ

У меня был конь ретивый,
Конь могучий, долгогривый,
Самопал, и сабля злая,
И девчонка разбитная.
Турки скакуна убили,
Ляхи саблю иззубрили,
И не стало самопала,
И девчонка убежала.
За буджакскими степями
Ходят наши с бунчуками,
А я с плугом да с сохою
Гнусь над пашнею сухою.
Что ж, такая моя доля:
Вол устал, в бурьянах поле...
Ветер веет-повевает,
Котелочек закипает.
Ой, кто в роще — отзовися,
Ой, кто в поле — появися,
Скоро все покроет мглою —
Сядем ужинать со мною!
Нет... никто меня не слышит,
Из-за тучи месяц вышел;
Ветер веет-повевает,
Котелочек остывает...

1846

СТРУНЫ

Жизнь моя летит, как ветер
Над студеным морем —
Светлым счастьем не богата,
А богата горем.

Оглянусь да посмотрю я,
Все окину взглядом:
Что́ там милого найдется,
Что припомнить надо?

Мчались годы, словно воды
По степной долине,
И кропил я ту долину
Лишь слезой доныне.

Видел я, как всюду правду
Яростно топтали,
Как последнюю рубаху
С бедняка сдирали;

Как безродный сиротина
Под забором жался;
Как, трудясь за корку хлеба,
Кровью обливался;

И как мать дитя больное
К сердцу прижимала,
Не в пеленки, а в лохмотья
Кутала, рыдала;

Как пригожую дивчину
Нищета заела,
Как напрасно погибало
Молодое тело.

Все я видел; и, внимая,
Сердце надрывалось,—
И взволнованное слово
Под пером рождалось.

Не тебе я, обыватель
Сытый да счастливый,
Понесу свой труд посильный,
Искренний, не лживый.

Чтоб тебе его усвоить,
Чтобы с ним сдружиться,
Нужно внове, без сорочки,
На свет появиться.

Только вам лишь: сиротине,
Матери безвестной
И покинутой дивчине
Я откликнусь песней.

Мои струны необычны,
Не для всех играют;
Но зато кого полюбят —
Того привечают.

1877

ЗАБРОШЕННЫЙ ХУТОР

Вон этот хутор, в балке по соседству.
Давным-давно, должно быть, в раннем детстве
Я знал его. Тогда могучий бор
Нетронутый стоял, а чистый двор
Ковром богатым возле дома стлался
И, весь в цветах, казалось мне, смеялся.
Нигде конца не виделось полям,
От желтых скирд ломило землю там.
Пастись в степи, как тучи — тесно, плотно,—
Стада овец спешили беззаботно
И рыбою кишел студеный пруд;
Немолчно мельница стучала тут;
Пчела заботливо в тени гудела,
На выгоне от птиц в глазах темнело;
Амбары поднимались чередой,
Зерно лилось рекою золотой...
А в вышине лишь небо расстилалось
И солнце шло и хутору смеялось.
Ну, скажете, один лишь божий рай
Ухожен был, как этот дивный край.

Но годы шли, как волны проходили,
Чтоб все затем собрать в одной могиле;
А с ними то, что некогда цвело,
Плыло себе и вовсе уплыло.
Те старики — хозяева, не гости —
Давно уж опочили на погосте,
А молодежь из хутора как раз
Куда-то вся по свету разбрелась.
И тут иная занялась им сила:
Сначала топорами бор свалила,
Засохли яркие цветы тогда
И все покрыл бурьян да лебеда;
Неисчислимые в былом отары
Погнал чабан из степи на базары;
Пруд беспризорный тиной занесло
И мельницы затихло колесо;
Пчела далеко в рощу улетела
И птица погулять уже не смела.

В амбарах тех, что гнулись от зерна,
Нет ни дверей, ни кровли, ни окна...
А небо все висит, не содрогнется,
И то же солнце хутору смеется.

1880

КУКЛА

Славная девочка, ты и мила и пригожа,
С куклой играя, сама ты на куклу похожа!
Косы ты ей заплетаешь, пестро одеваешь,
Пышными лентами, нитями бус украшаешь,
В ушки ей вденешь сережки, обуешь ей ножки,
То ей головку подымешь, то склонишь немножко!
К сердцу ее прижимая, ласкаешь, милуешь,
В черные глазки и в алые губки целуешь,
А надоело возиться с игрушкой никчемной —
Схватишь за ножку и в угол швырнешь полутемный.

В дальние годы я взором, дитя, проникаю:
Жаль мне и куклы и няньки, девчушка родная!
Ты не заметишь, как годы промчатся вот эти...
Чистому сердцу недолго погибнуть на свете!
Куколка девушкой станет, красивой и стройной;
Щеки румянец согреет и свежий и знойный;
Солнечным блеском девический взор загорится.
Люди с тобою начнут, точно с куклой, носиться:
Истины-правды тебе ни один не укажет;
Мыслей, тревожащих душу твою, не развяжет;
Любящим сердцем твоим заниматься не будет;
Силы, что дремлет в тебе, не поймет, не разбудит;
Льстить тебе станут, к ногам твоим жадно прихлынут —
И, точно куклу, потом тебя в угол закинут...

1886

КОБЗАРЬ

Мой кобзарь — не тот вояка,
Что когда-то в старину
Вместе с пикой да чеканом
Брал бандуру на войну.

Мой кобзарь — не запорожец,
Что, в атласе да в шелках,
Пел о штурме Трапезунда,
Об отважных казаках.

Нет, незрячий и убогий,
С бедной лирой за плечом,
Он плетется боязливо
За мальцом-поводырем.

Со двора во двор заходит,
Приглашенья робко ждет
И под взвизги струн то псальму,
То про Лазаря поет...

«А сыграй-ка мне, любезный,
Про Подкову и Сомка,
Про Хмеля, про Дорошенка
Да про грозного Сирка!»

«Нет, не знаю! Может, лучше
Про бедняжку-попадью,
Про Фому да про Ерему
Да Сковороду спою?

Как Чечеточка ходила
Погостить к своим зятьям?
Про «Мещанку», про «Дворянку»?
Это я пропел бы вам!»

Пой, что хочешь; тоже сгинет,
Сгинет на́прочь, как туман...
Пой, мой лирник, мой незрячий!
Ты — один из могикан!

1888

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН

Вдаль бредет чумак усталый, пыль покрыла ноги,
Одинокая ракита клонится к дороге;
Не поет чумак, не крикнет на волов несытых,
Лишь покорно и печально говорит раките:

«Ой, кудрявая ракита, спрячь меня с волами
От чумацкой горькой доли, что идет за нами.
Нынче я в пути далеком никого не встретил,
Там, где деды шли с возами, лишь гуляет ветер».

А в ответ ему с вершины ястреб молвит зычно:
«Широка степь, но и в степи тесно стало нынче!
Арендованы колодцы, высохла водица,
И волам в дороге негде досыта напиться...»

Ой, волы, волы степные, други круторогн!
Перепаханы плугами прежние дороги.
Уж по тем дорогам старым не ходить нам вместе,
Добредем до Крыма с вами и — допета песня!

1894

ЛЕОНИД ГЛЕБОВ
(1827—1893)

КУЗНЕЧИК

Как в степи, в траве пахучей,
Наш Кузнечик-сорванец —
И певучий и прыгучий,
Словом, парень-молодец,
Наслаждался буйным цветом
И в пшеничке и во ржи
И целехонькое лето
Жил на свете — не тужил.
Веселись, покуда молод,
Все на свете — трын-трава.
Только чует — зимний холод
Предъявил свои права.
К Муравью Кузнечик скачет,
Плачет, просит пособить:
— Посоветуй мне, земляче,
Как тут зиму перебыть?
Слышишь: ветер завывает,
Видишь: снег лежит везде...
Дядя, сжалься, умоляю,
Не оставь меня в беде! —

Головой в ответ качая,
Так сказал ему земляк:
— Тем, кто лодыря гоняет,
Не поможешь, брат, никак.
— Как же не гонять по свету,
Когда все вокруг цветет?
Ведь на то у нас и лето,
Знаешь сам: душа поет.
Поневоле тут заскачешь —
Ведь на то простор степей.
— То ты скачешь, то ты плачешь,—
Отвечает Муравей.—
Такова твоя удача:
Божье лето проскакал,
А теперь танцуй, казаче,
На морозе гопака!

1890

НЕ ПЛАЧЬ, ПОЭТ!

Не плачь, поэт! Пускай порой и горько будет —
Рыданьем не тревожь своим;
Плаксивых слов теперь не уважают люди,
Чужое горе — чуждо им.

Куда приятней жить, когда кругом смеются,
Беды и так уж полон рот;
И через золото, толкуют, слезы льются —
Не добавляй своих забот!

Не плачь, поэт! В тиши, наедине с собою,
Встречай безмолвно свой конец.
«Он,— скажут,— никому не докучал слезою,
Ему хвала, ему венец!»

1890

В СТЕПИ

Судьбой заброшенный в наш город суетливый,
Добра и зла вертеп, раскрашенный пестро,
Я все-таки в душе люблю луга и нивы,
Родную степь, и речек серебро.

Там светлая заря мне радостно сияла,
Летала на коне там молодость моя;
О счастье, о любви надежда мне шептала,—
И этим шепотам внимал и верил я.

Степная ширь кругом, как море, голубела,
И роща пышная кивала мне листвой;
Кто насадил ее, мне мало было дела —
Но это был наш тихий рай земной.

Была там пасека, стоял шалашик скромный,
И пасечник-старик свой век в нем доживал;
Любил я навещать его приют укромный:
Там отдыхал душой, тревоги забывал.

И жарким днем, и ввечеру, бывало,
На таганке кипит невзрачный котелок,
И, глядя ласково, в кулеш подсыпав сала,
О давнем, о былом толкует старичок.

Вся молодежь порой к нему сходилась наша,
И допоздна не молк звук песен молодых;
Садились ужинать — и старикова каша
Была вкуснее нам всех лакомств дорогих...

Но верно говорят: не будет лета дважды...
Пришла беда — и смутный час настал!
Тряхнул мошной делец какой-то важный,
Безжалостно топор вдруг застучал,—

Все уничтожила под корень воля злая!
И горько, горько видеть это мне,
Душа болит... Лишь воронье летает,
Да дятел иногда стучит в прогнившем пне.

Где пасека была — все мурава покрыла,
И не дымится там наш милый таганок;
В густой траве схоронена могила,
В могиле спит забытый старичок.

А было ведь не так: уж раннею весною
Слетались соловьи звенеть в тени ракит...
Березка бедная осталась сиротою,
Над одинокою могилою стоит.

Изгорбилась она, и ветви долу гнутся,
А в головах — поросший мохом крест...
Настанет ночь — с березы слезы льются,
И ветерок чуть шелестит окрест...

О, сколько их — могил, где доля спит казачья!
Но где они? Жизнь не вернуть назад.
Никто, никто над ними не заплачет:
И плакать некому, и плакать не велят...

[1893]

* * *

Скакал гарбуз по долинам,
Искал свой род гарбузиный.
С огорода покатился —
В Чернигове очутился.

Нашлись огурцы и дыни,
Гарбузята, гарбузыни...
Будьте живы и здоровы,
Все родичи гарбузовы!

1893 (?)

Я С Л И

Жил на селе казак Кирило Яловец.
Богато жил, счастливо:
Имел при доме садик и хлевец,
И огород, и ниву.
А главное — была ему дана
Разумная жена.
Ведь без нее казак — что блин без масла,
Ни швец, ни жнец и ни в дуду игрец...
Затеял мой Кирило Яловец
Плести посреди хаты ясли.
На что, на что — на это был горазд.
Лозу отборную припас,
Старается, плетет — лозиночку к лозинке,
Как будто мастерит не ясли, а корзинку:

Там выплетет мережку, там узор.
Уж ясли заняли полхаты.
Такие ясли, что куда там!
Но как их вынести во двор?
Такой вопрос Кирила не заботит,
Кирило весь в работе,
Не ждет, что попадет впросак.
Возможно, он бы и подумал,
Что ясли в дверь не протолкать ему, мол,
Да был он думать не мастак.
Зовет жену Кирило. Пусть посмотрит.
— Что, ясли хороши? Не так ли, Мотря?
А Мотря: — Так-то так,
Да вот из хаты как?—
Смеется Яловец: — Найдем дорогу!
Покличем кума на подмогу.—
А Мотря: — Нужен тут не кум,
А ум.
Зови ты кума или свата —
Как ясли вынести? Подумай сам...—
Подумал Яловец. В затылке почесал.
И ясли разобрал — не разбирать же хату!
Не делай так, как делал Яловец.
Сообрази вначале, мастер,
Какой предвидится конец,
Чтоб дважды не плести одни и те же ясли.

*

Как будто басня врет порядком,
Однако режет правду-матку,
Того клеймя, над тем труня...
Читайте, помните меня.

1895

СТЕПАН РУДАНСКИЙ
(1834—1873)

* * *

Повей, ветер, в край родимый,
Где расстался я с любимой,
Где оставил черны очи...
Повей, ветер, с полуночи!

На родимой Украине
Хатка белая в долине;
А в той хатке — там отрада,
Там отрада — моя лада...

Повей, ветер, прежде солнца,
Прежде солнца, у оконца:
У оконца спит на воле,
Спит на воле моя доля.

Повей, ветер, с лаской прежней,
Над румяной щечкой нежной;
Над той щечкой наклонися,
Спит ли милая — вглядися.

Если спит, не пробудилась,
Ты напомни, с кем любилась,
С кем любилась, целовалась,
В любви вечной признавалась.

Если сердце встрепенется,
Если милая проснется
И в тоске вздохнет сильнее,—
Возвращайся поскорее!

А уж если позабыла
И другого полюбила,
То развейся по долине,
По родимой Украине.

Ветер веет, ветер веет,
Сердце тужит, сердце млеет,
Ветер веет, повевает —
А назад не прилетает.

1856

ДЯДЮШКЕ ПРОХОРУ, КУЗНЕЦУ

(Отрывок)

Не знаешь ты горя,
Не ведаешь вздохов,
Счастливец ты, право,
Наш дядюшка Прохор!

Железо пудами
Большими считаешь,
Сидишь у оконца,
Все думку гадаешь.

Все думаешь думку,
В заботе немалой:
Как выковать людям
Брусок небывалый?

И вмиг твои хлопцы
Угля насыпáют,
Большими мехами
Огонь раздувают.

Горит черный уголь,
Пылает не быстро,
Железо калится,
Рассыпало искры.

Железо взбелело —
Клещами подцепишь,
На сталь наковальни
Кидаешь и клеплешь!

Готова работа,
И нечего охать...
Счастливец ты, право,
Наш дядюшка Прохор!

1857

СЛАВНО ТОРГОВАЛОСЬ

В Киеве или в Полтаве,
Может, и в столице,
Меж торговыми рядами
Шел чумак с мазницей.

В лавках серебро и злато,
Глазу больно даже,
А он спрашивает: «Нет ли
Дегтю на продажу?»

Со смеху сидельцы-дурни
Так и помирают!
А чумак еще богаче
Лавку выбирает.

В самой пышной лавке двое
Купчиков сидело.
И туда чумак заходит
С мазницею смело,

Говорит степенно: «Люди
Добрые, здорово!»
А затем уже про деготь
Спрашивает снова.

«Нету дегтя! — закричали
Шельмы и смеются: —
В нашей лавке только дурни
Одни продаются!»

А чумак им: «Чтоб не сглазить,
Славно торговалось,
Если вас, таких пригожих,
Только два осталось!»

1857

ПОЧЕМ ДУРНИ?

«Где же нынче побывал ты,
Расскажи мне, Ваня!»
«Где я только не был! Всюду
Побывал я, пане!

Был в Адесте, и в Бендерах,
В Ромнах, и в Полтаве,
Понаведался и в Киев,
Бывал и в Варшаве».

«А почем, скажи мне, Ваня,
Дурни продаются?»
«Да смотря еще какие
Дурни попадутся!

Дурень-пан — цена дороже:
Всё же уважают.
Ну, а мужика, понятно,
Задарма спускают...»

1857

ДАЛЕКО ЛИ ДО КИЕВА?

Спрашивают как-то хлопца
Дорожные люди:
«Сколько верст, скажи, любезный,
До Киева будет?»

«Да вот так: еще намедни
Было восемнадцать,
А теперь,— говорит хлопец,—
Считаем семнадцать...»

«Что ж, любезный, за причина
С вами приключилась?»
«Да причина не причина:
Верста повалилась!»

1858

СВЕЧКА

Свечечку купил купец,
Подает другому
И вдогонку говорит:
«Сергею святому».

А сосед-то глуховат,
Подает другому
И вдогонку говорит:
«Андрею святому».

Пошла свечка по рукам,
Купец наблюдает:
Вот и староста вперед
С нею выступает.

Да к Андрею и пошел!
Купец как взовьется:
Всех толкает и вперед
Собакою рвется!

«Ты какому,— заорал,—
Лепишь дуралею?
Не энтому, говорят!
Говорят, Сергею!»

1859

* * *

Ой, пойду я во садочек, где растет калина,
Где шелками вышивает милая дивчина.
Погляжу я на калину — она расцветает,
Погляжу я на дивчину — она обнимает.

Только нынче та калина листья обронила;
Только нынче та дивчина меня разлюбила.
Та же самая калина, да не расцветает,
Та же самая дивчина, да не обнимает.

Проберусь я во садочек, чуть забрезжит утро,
Может, выйдет дорогая поглядеть на руту?
Выходила дорогая, к руте подходила,
Все цветы пообрывала, по воде пустила.

Та же рута, как и прежде, но уже без цвета;
Те ж в душе моей надежды, только без ответа.
Руту вырвал бы я с корнем, да душой отходчив,
Память вырвал бы из сердца, да не хватит мочи.

Проберусь я во садочек, встану под оконцем,
Может, выглянет дивчина на восходе солнца?
Нет, не глянула дивчина, дремлет-почивает
Да другого дорогого к сердцу прижимает.

Те же очи, те же брови, да не то обличье,
Та ж краса приворожила, только не девичья...
Прострелил бы вас стрелою, да легка расправа,
Положил бы спать навеки, только жаль вас стало.

1859

* * *

Пусто, голо мое поле,
Где ж вы, ясные цветы?
Поосыпались, как звезды
С поднебесной высоты!
Даже гибкий стебелек
На сухую землю лег.

Вы как детки мне, цветочки!
Выйду, гляну я на вас,
Кровь отхлынет, сердце стынет,
Что цвели вы только раз.
Лишь успели расцвести —
Тут вас горький час настиг.

Вас не пчелка иссушила,
Как приникшее дитя,—
А жарою, духотою
Извела судьба шутя.
Иссушила, извела
И слезы не пролила.

Вас красавица девица
Не срывала на венок —
Обрывали, зарывали
Ветры буйные в песок!
На весь мир, на весь свет
Раскидали белый цвет.

Ох, судьба моя, судьбина!
Ты верни мои цветы,
Словно звездочки — лампадки
В синем небе засвети!
Чудесам не бывать —
Злой тоски не миновать.

1859

ЮРИЙ ФЕДЬКОВИЧ
(1834—1888)

ПОКЛОН

По горе да по высокой трилистник простлался;
Там с девицей белолицей казак попрощался.
Поклонился казачина с коня вороного:
— Ты попомни, моя радость, меня молодого!

Раным-рано в воскресенье дева умывалась
И рукою и косою щечки утирала,
Утирала свои щечки, утирала часто:
— Нету милого со мною, не с кем повстречаться!

— Не плачь, радость, не плачь, сердце, не томись тоскою,—
Повстречался я надолго, только не с тобою,
Повстречался я, как видно, со своею долей:
Насы́пали надо мною курган в чистом поле.

1862

ВЕЧЕРОМ

Кони воду пьют в Дунае,
А я сохну-изнываю:
Кони, кони белогривы,
Отчего я несчастливый?

Отчего я несчастливый?
Или с виду некрасивый?
Иль палаш мой затупился,
Что я с горем обручился?

Солнце светлое садится —
Добрым людям спать ложиться,
Ну, а мне довольно чести
Ночевать с конями вместе.

Ночь печалюсь и другую...
Не прогнать кручину злую.
Гой, вы, кони, кони-други,
Будьте вы хоть мне, как слуги!

Будьте вы хоть мне, как братья!
Стану в винах вас купать я,
Стану медом вас поить я,
Лишь от горя унесите.

Унесите в ту сторонку,
Где в тени калины тонкой
Прислонилась хата к тыну —
Там живет краса-дивчина.

Выйди, выйди, моя зорька,
Без тебя на свете горько!..
Кони, кони белогривы,
Отчего я несчастливый?

1862

СЕСТРА

Не в лесу кукушка затужила,
Не над лугом пташка голосила —
То сестра письмо писала,
На чужбину посылала,
Со слезами брата заклинала:

«Ненаглядный, где ты, сокол, сгинул?
На кого сестру свою покинул?
Я кукушкою летаю,
Призываю-заклинаю:
Брат, вернись, в разлуке погибаю!»

«Ой, сестричка, ру́та луговая!
Как вернуться мне к тебе, не знаю,—
Через леса дремучие,
Через реки текучие,
Через степи-пески горючие?»

«Ты лети, как лебедь, над Дунаем,
Над степями — быстрым горностаем,
А на мое на крылечко —
Соколом быстрокрылым,
А голубем — на мое сердечко!»

«Ой, лечу семь дней я, поспешаю,
На порог сестрицы прилетаю;

Прилетел — сестрички нету,
Зову — нет на зов ответа,—
Ой, должно быть, нет сестры на свете!

За какой пошла, сестра, бедою,
Что ты сделала, сестра, с собою?»
«Братик милый, почиваю,
Надо мной — земля сырая,
Тебя, милый, в гости поджидаю!»

1862

СВЯТАЯ ДЕВА, РАДУЙСЯ, МАРИЯ!

В лазурном море солнце утопает
И луч багряный, точно кровь, роняет
По всей округе и в края иные,—
А там кукушки чуть приметно пенье,
И колокольчик зазвенел в селенье.
И с ветром шелесты летят лесные:
Святая дева, радуйся, Мария!

Святая дева, радуйся, Мария!
Вот молодой солдат среди поляны:
Лицо как мел, струится кровь из раны,
Расстрелян за провинности чужие...
Товарищи ему могилу рыли
И отдыхать беднягу положили;
Уж не прошепчет он слова простые:
Святая дева, радуйся, Мария!

Святая дева, радуйся, Мария!
Вот мать-солдатка, под чужим забором,
Младенца держит, смотрит скорбным взором,
И льются, льются слезы огневые...
Нет, и не плачет, не рыдает тяжко —
Поникла головой, молчит бедняжка,
А с неба смотрят звезды золотые...
Святая дева, радуйся, Мария!

Святая дева, радуйся, Мария!
Вот без отца, без матери мальчонка
Один блуждает,— все в пыли ножонки,
Глаза слезятся робкие, больные...

Несмело постучался в чью-то хату —
Хозяин гонит прочь его, богатый,
И гонятся за ним собаки злые...
Святая дева, радуйся, Мария!

Святая дева, радуйся, Мария!
Я не могу... Во мне душа живая,
Я вижу все, я слышу все и знаю
Все, что творится в мире не впервые!
Когда же в гроб мое положат тело,
Чтобы оно в сырой земле истлело,
Там, где смолкают ропоты людские,—
Святая дева, радуйся, Мария!

1862

РЕКРУТ

Стоял раз в карауле он
В цесарском дворце,
Нарядный, умытый,
Как гусь на воде;
Умылся-то слезами он —
Никто не слыхал —
Оперся на ружье свое
Да вдруг задремал.

Оперся на ружье свое
В цесарском дворце
И видит сон, что ходит он
По синей горе,
Расчесывает кудри,
Кудри свои вьет...
«Что писем нет от матушки,
Жива ли еще?..»

«Ой, рада бы, сыночек мой,
Письмо написать,—
Землей меня засы́пали,
И силы нет встать;
Нет силушки, соколик,—
Лежу в глубине,
Сырой земли насы́пали
На́ руки мне».

Ему в дворце у цесаря
Еще бы снился сон,
Да грянул в церкви колокол,
И очнулся он;
И вытер он лицо свое,
Взглянул на белый свет...
Кровь алая на мраморе,
А рекрута нет.

1862

ДЕЗЕРТИР

За столик к свету слабому присел он и читал,
Запутанные буковки прилежно разбирал.
Запутанные буковки, листочек небольшой...
И — уронил головушку, охваченный тоской.
«Старушка мать несчастная пишет мне сама,
Что там зима ненастная, жестокая зима.
И некому ей, старенькой, наколоть дровец,
Ведь сын ее единственный — цесарский стрелец».
И он взметнулся пламенем, как птица, полетел,
Так быстро, что догнать его и ветер не сумел.
Летел с такою силою, чтобы в краю родном
Спасти старушку милую, согреть родимый дом.

1862

В ВЕРОНЕ

Песня

Как в Вероне, при воротах крепостных,
Трое рекрутов стояло молодых;
Там стояли, меж собою толковали:
Эх, когда бы эти стены да пропали!
Не так стены крепостные, как ворота:
Мать-старуха истомилась от заботы.

Не плачь, мама, ты не плачь, моя мамуся,
На богатое убранство полюбуйся:
Дали саблю, дали куртку — нарядиться,
Пить захочешь — кровь потоками струится.
А не пить, не пропивать — гулять на воле,
Разгуляйся в чистом поле на раздолье!

Стоит рекрут молодой на карауле,
Смотрит — крыльями три сокола взмахнули.
— Где вы, соколы, где, быстрые, гуляли?
— В чистом поле на раздолье пировали;
Там лежат для нас готовые гостинцы:
Всё солдаты молодые, буковинцы.

1862

ГУЦУЛКИ

Ой, пирую, ой, гуляю — ничего не знаю,
А уж мне охапки прутьев в роще нарезают;
А уж мне готовы прутья — просекать до кости,
Чтобы не ходил я больше к моей милой в гости.

Ой, пирую, ой, гуляю — и нету мне дела,
Что в оковы наряжаться времечко приспело;
А готовы мне оковы — вовсе не безделка,—
Чтобы не ходил я больше на те посиделки.

Что ж, готовьте мне оковы, надевайте с ходу,
У меня-то побратимы — хорошего роду,
Не дадут мне гнить бесславно у мадьяра в ямке,
А достойно похоронят во Львове на Замке.

Так срубите, паны-братья, срубите кедрину,
Да вы́тешите сабельками дружку домовину,
Да вытешите сабельками из турецкой стали,
Чтобы меня, молодого, люди поминали.

Чтобы люди поминали, девушки любили,
Чтоб кедровый гроб широким ковриком накрыли;
Ой, ковриком пребогатым, голубого цвета,
Чтобы не завидно было мне белого света!

1862

НИВА

Долго ль мне бродить по свету,
У чужих просить совета,
Долго ль ожидать придется,—
Мол, Галичина проснется?

Лучше встану сам пораньше
И пойду своей дорогой,—
Плуг возьму, волов упряжку,
Вспашу горы и долину,
Вспашу нашу Буковину,
Как наш Тарас, как мой батько
Научил пахать когда-то;
И любовь и веру ныне
Посею на Буковине.

Уроди нам, русский боже,
Пшеницу как надо!
Зеленей, родная нива,—
Мне, певцу, отрада!
Чтоб вязался колос в колос
На полном раздолье,
Чтоб взросли на Буковине
Правда, вера, воля!
А я пойду — по палатам
Да по нищим хатам,
Может, где и повстречаюсь
Со жнецом-собратом.
Жните, жните, жнецы мои,
Да хвалите долю,
Что смогли собрать пшеницу
На собственном поле.
Что не пойдем батраками
Нищими проситься
В чужой край, да к чужим людям
За чашку пшеницы.
Уж не пойдем, жнецы мои!
Наш батько любимый
Научил нас пахать землю,
Ходить за родимой.

. . . . . .
Теперь уже знаем...
Жните, жните, жнецы мои,
А я — запеваю.

Вот я запеваю родимому краю,
Пускай моя песня далеко несется:
От Черной Горы до Днепра, до Дуная
Взойди, моя песня, как травы на солнце!
Пусть перьями шляпы украсят сельчане,

Пусть девушки наши в венки уберутся,
Пускай не твердят нам, что мы бесталанны,
И слезы кровавые — больше не льются...
Сверкай, моя песня, рассыпься лучами,
Сияй, осушая кровавые раны...
Звучи и сверкай, словно яркое пламя,
Развеивай черные вражьи обманы.

Так звучи же, моя песня,
Звучи, не смущайся!
Где родное встретишь сердце,
Там и поселяйся!
Точно голубок с голубкой
Под кровлей тесовой
Поселяйся, моя песня!
. . . . . .

1863

МОЙ САРДАК

Старый дедовский сардак мой,
Серый, долгополый,
Век тебя не постыжусь я
В жизни невеселой.

Ты всегда готов полою
Слезы утереть мне —
И за то не отрекусь я
От тебя до смерти!

1863

ГДЕ СЧАСТЬЕ?

Ты дома молотил горох,
А я скитался, брат мой милый,
За счастьем гнался что есть силы;
В Валахию закинул бог
Да за Тирольские отроги...
Отбил давно в скитаньях ноги,
Но всё дела, как прежде, плохи...
А счастье, видно, спит в горохе.

1877

МИХАЙЛО СТАРИЦКИЙ
(1840—1904)

ВЫЙДИ!..

Ночка-то, ночка, луной озаренная!
Ну, хоть иголки сбирай.
Милая, выйди, трудом истомленная,
В роще со мной погуляй.

Сядем с тобой под калиной ветвистою —
И над панами я пан!
Глянь, моя рыбка,— волной серебристою
Ходит над полем туман.

Роща в сиянии звездном красуется,
То ль замечталась, то ль спит;
Только листва на осине волнуется,
Тихо от жажды дрожит.

Небо усыпано звездами,— господи,
Всюду такая краса!
Под тополями жемчужною россыпью
Дивно играет роса.

Ты не пугайся, что вымочишь ноженьки,
Выйдя в такую росу:
Верная, к дому тебя по дороженьке
Сам на руках отнесу.

Ты не страшись и замерзнуть, лебедонька:
Ветер улегся давно...
Крепко прижму тебя к сердцу, молóденьку —
Греет, как солнце, оно.

Ой, ты не бойся, что злоба надутая
Шепот подслушает твой:
Ночь усыпила всех, сном всех окутала,
Не шелестнет и травой!

Спят твои недруги, дремой тяжелою
Скован надменный их смех...
Что ж нам, обманутым нашею долею,
Даже увидеться — грех?!

1870

«Коник». Фрагмент народной картины «Козак-бандурист». XIX в.

* * *

Когда замкнется крышка гробовая
И упокоюсь я в земле сырой,
Придет ли хоть одна душа живая,
Вспомянет ли приют печальный мой?

Кому ж прийти? Не песни — голос муки
Один, в тиши, когда-то поднял я;
А недруги мне связывали руки
И не пришли на помощь мне друзья!

Вдвоем с подругой верною — тоскою
Безвестным протащились мы путем:
Вся жизнь свелась к глухой борьбе с нуждою,
Великим не прославлена трудом.

И вот стою перед могилой ныне,
Под бременем давно угасших лет...
Так без росы, в пылающей пустыне,
Хиреет, вянет утлый первоцвет!

1877

ПИР

Дворец сияет. В пышном зале
Вдоль стен высоких, тут и там,
Огни, как звезды, засверкали
Усладой праздною глазам.

Дымится снедь, и вина льются,
Посуда — в бликах золотых,
Столы едва-едва не гнутся
От яств роскошных, дорогих.

Багровые, пылают лица
На этом пиршестве ночном;
Как розы — дамы и девицы
Цветут за праздничным столом.

Едят и пьют не уставая,
Несется смех со всех сторон,
В бокалах зайчики играют,
Тарелок слышен перезвон.

Среди веселья, криков, шума
На хорах музыка гремит...
Но, как всегда, все та же дума
Меня терзает и томит.

Иные вижу я картины:
Снега... Угрюмые боры...
Поля и степи Украины,
В сугробах хаты и дворы.

Голодный люд без хлеба, соли
В своих нетопленных хлевах,
Где нету света, нету доли,
Где только тьма да рабский страх.

Поникли головы от гнета,
И нету силы их поднять.
Среди кровавых слез и пота —
Немой покорности печать.

Повсюду смерть стоит у входа...
И как пойти мне может впрок
Бесстыдно взятый у народа
Вот этот лакомый кусок?

1882

ШВЕЯ

Прядка темная свисает,
Разметалась по щеке...
Над шитьем игла мелькает
В тонкой, худенькой руке.

Свет от плошки — на колене,
Там, где барское шитье...
И легли густые тени
Под ресницами ее.

Долгий кашель ночью долгой,
Стоны ветра под окном...
Взор усталый и голодный,
Незнакомый с тихим сном.

За работой вечно гнется,
В старый кутаясь платок...
Горько, видно, достается
Заработанный кусок!

1882

БОРЦУ

Окончилась мука твоя...
Идет золотая заря!
И в песне зеленых дубрав,
Воскреснешь ты вновь, величав,
И образ героя-борца
В ней будет звучать без конца.

Тебя не забудет народ,
Он в сердце твой след сбережет,
Недаром ты пал: твоя кровь
Вдохнула в нас к братьям любовь,
В сердца, что страдают от зла,
Отвагу и силу влила.

Мы в битве поднимем твой стяг,
И дрогнет испуганный враг,
А дочери светлых долин
Прославят тебя, исполин,
Прославят без слез на глазах,—
Слеза оскорбит лишь твой прах!

1882

ПОСЛЕДНЯЯ ДОРОГА

Глухо. Мрачно. Лес дремучий...
Ни дороги, ни пути...
Небо сплошь закрыли тучи,
Не дают вперед идти...

Ветер воет псом голодным,
Ливень хлещет на ходу,
И под ливнем тем холодным
На кладбище я бреду...

Всё раскрали понемногу,
Кроме сердца и ума,
И осталась мне в дорогу
Лишь порожняя сума.

А ведь было, без сомненья,
В ней накоплено с утра —
И плодов благих ученья,
И душевного добра,

И кипящих сил без меры,
И мечтаний молодых,
И священной в правду веры,
И надежд, надежд живых,

Что потемки самовластья
Свет науки победит
И для всех, кто ищет счастья,
Будет верный путь открыт,

И таким путем широким
Мы пойдем, плечо в плечо,
И навстречу, светлым оком,
Солнце вспыхнет горячо...

А пути-то все не видно,—
Глушь да темень, лес густой...
И кивает мне обидно
Ель кудлатой головой...

1893

ВСТРЕЧА

В снегах бесконечных, глубоких,
Где призрачно сосны качались,
В тайге на этапном привале
Они невзначай повстречались.

Сквозь мглу еле солнце светило,
Сосульки сверкали на хате...
Он был в своих тяжких оковах,
Она — в арестантском халате.

Воскликнули от удивленья,
И лица их вспыхнули жаром,
И каждый заметил бы сразу,
Что это волненье недаром...

На узников горе, и время,
И тюрьмы печать наложили,
Но все же в глазах их пылало
Все то, чем в былом они жили.

Слетело сердечное слово,
Сплелись ослабевшие руки...
Была в этом нервном пожатье
Бескрайность и счастья и муки.

А стаи вороньи на ветках
Сидели — свидетели встречи,
В их криках не слышала стража
Двоих затаенные речи.

Беседа лилась и кипела,
Как паводок бурной весною,
Про злые невзгоды в разлуке,
Про тяжесть неравного боя...

«Мы дружно за правду боролись,
Друзей своих не предавали,
За это нас,— молвил он тихо,—
Теперь в кандалы заковали.

Пусть выпала тяжкая доля,
Но все ж мы не станем рабами,
Пусть нас истязают и мучат,—
Победа все ж будет за нами!

Тюремщики нас унижают,
Железом скрутив наше тело,
Но думы не скрутишь цепями,—
Им жить и свободно и смело!

Чем больше земля оросится
Священною нашею кровью,
Тем воля настанет быстрее
И мир освятится любовью...»

Но тут же команда: «В дорогу!»
Свиданье прервала жестоко.
Слеза в ее взоре блеснула,
Вздохнул он печально, глубоко...

Кандальным испугано звоном,
Взлетев, воронье расшумелось,
А солнце, как будто спросонья
Зардевшись, на лес загляделось...

1902

ИВАН МАНЖУРА
(1851—1893)

В СТЕПИ И В ХАТЕ

Пылью прибита, суха, сиротлива
Тяжко печалится чахлая нива.
Много ль родит она в этом году?
Ну и наслал же ты, боже, беду:
За лето с неба ни капли единой...
Живо придавит нужда селянина:
Где раздобудет он хлеба для них —
Для несмышленых малюток своих?
Тяжко гнетет хлебороба кручина:
Ноги протянет без корма скотина...
Хлеба на ниве сухой ни снопа;
Как ты, фортуна слепая, скупа!
Чем он подушную подать заплатит?
Чем перекроет он крышу на хате?
Нечем! А тут еще вон — детвора...
Так тяжело — хоть беги со двора!
Тяжко и женке его, работяге:
Весь огород ее высох без влаги.
Этой зимы не забудет она!
Даже капусты — и той ни кочна;
Свекла пропала, картошка истлела;
Лен не взошел, конопля погорела...
Чем ей придется обшить, облатать
Малых детишек, пречистая мать?

ВЕСНОЙ

Для меня, соловей,
Ты весной пожалей
Сладких песен в душистой сирени,
Ты не пой мне о днях,
Что исчезли, как в снах,
Не оставив в душе даже тени.

Да и много ли их,
Дней счастливых таких
На веку невеселом я знаю!
И усмешки печаль
На губах, как печать,
Когда я эти дни вспоминаю.

БОБЫЛЬ

Идет бобыль утром рано —
Нараспашку свита;
Свита рвана, шапка рвана —
На затылок сбита.

Идет бобыль — степь курится,
А за степью — море.
Поет, вольный, словно птица,—
И горе не в горе.

«Пускай,— поет,— моя доля
Упала не с неба,—
Была бы мне своя воля —
С хлебом иль без хлеба!

Для чего мне те червонцы,
Звонкие дукаты?
И без них мне светит солнце,
Я и так богатый.

К чему женка, теплый угол,
Подушки цветные?
Пригреют меня, как друга,
Курганы степные.

Скажи сыну, степь родная,
Скажи, ветер-птица:
Кому еще жизнь такая,
Как моя, приснится?»

Веет ветер, гонит росы
И траву колышет.
На свои бобыль вопросы
Ответа не слышит.

ПЕСНЯ

Не в одежке новой,
В дерюге постылой
Бреду, чернобровый,
В гости к своей милой.

Но с тоски-печали
И брови слиняют...
Бедняка едва ли
Милая узна́ет.

Обойдется круто,
Попрекнет, пожалуй:
«У другой приюта
Поищи-ка, малый!»

Да своей ли волей
Я таким остался?
На хозяйском поле
С горем повстречался.

Думал подработать,
После пожениться,
А пришлось всего-то —
Угодить в больницу.

От беды-истомы
Приуныл невольно;
Что-то встречу дома?
И подумать больно!

НЕ ГАСНЕТ ЛЮБОВЬ

Когда твое сердце в тоске и кручине
И нет для него утешенья ни в чем,
Ты только не верь, будто в мире отныне
Иссякла отрада забытым ключом.

Повсюду крупицами радость сверкает,
Но ты не увидел ее потому,
Что солнечный свет от тебя заслоняют
Рои надоедливых, суетных дум.

Когда твое сердце, как пепел, остынет,
В пожарах измен отпылав горячо,
Ты только не верь, будто в мире отныне
Погасла любовь догоревшей свечой.

Как солнце, любовь в этом мире искрится,
Сияет она от начала начал.
Тебе же любовь до сих пор только снится,
Лишь призрак любви ты доныне встречал.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Еще вчера здесь солнце грело,
Чабан свою отару пас,
И озимь ярко зеленела,
И лист шуршал в рассветный час.

Сегодня ж снегом серебристым
Как будто в бархат дол одет,
И плачет ветер в поле чистом,
И солнце льет холодный свет.

Куда ни глянешь — все белеет,
В глазах как будто стал туман,
И только кое-где чернеет
В снегу былинка иль бурьян.

Так и на сердце в годы эти
Ложится снег, студя мне кровь...
А все ж нет-нет да и засветит
Ему надежда и любовь.

КОЕ-КОМУ

Твердите вы: мол, Украина когда-то
Своим, не заемным хозяйством жила,
Свободой и братством безмерно богата,
Во славе всемирной она возросла.

Одна болтовня! Все хозяйство былое
Старши́не в мошну без следа утекло,
А рыцарство древнее то, сечевое,
Народной душе ничего не дало.

А славное братство бесславно прибито
Тяжелою гетманскою булавой
Иль, где-то за Уманью пылью покрыто,
В далеких походах легло головой.

А воля святая? В темнице сидела
У турок, у ляхов, в отчизне своей;
Вовеки приюта она не имела,
Чтоб вывести в люди бессчастных детей.

А слава? Прикрытые сказкой о воле
Убийства, набеги, пожары войны,
Слезами и кровью политые вволю...
Не хвастать, стыдиться должны, болтуны!

ИСКРЕННЯЯ МОЛИТВА

«Боже, молитве моей ты внемли,
Барину нашему годы продли!
Пусть поживет он долгонько, молюся!» —
Истово старая шепчет бабуся.
Барин услышал, и странно ему:
«Молишься ты за меня почему?»
«Да потому, что при дедушке вашем
Шесть штук овечек имела я, скажем:
Пару из них он себе отобрал:
«И четырех с тебя хватит!» — сказал.
Батюшка ж ваш, в свою очередь, пару
Тоже в господскую отдал отару...

Вы, принимая наследство, опять
Пятую тоже решили забрать...
Дай же вам господи век долголетний,
Чтоб ваш сынок не прибрал и последней!»

БОРИС ГРИНЧЕНКО
(1863—1910)

КУСОК ХЛЕБА

На улице холод и сумрак туманный,
А ветер осенний бушует, как пьяный.
Гляжу: под плетнем весь промокший до нитки
Мальчонка, в изодранной латаной свитке,
Идет-ковыляет и к хате подходит,
Заплаканных глазок с окошек не сводит,
А взгляд выражает голодную муку...
«Прошу Христа ради!..» Застывшую руку
К окну простирает: «Мне хлебца немножко...»
И черствого хлеба кусочек в окошко
Ему протянули... Худыми руками
Схватил подаянье и, к хлебу губами
Припав, по дороге побрел, изможденный...
А слезы утер ему ветер студеный.

1882

УНЫЛЫЕ КАРТИНЫ

Убогие нивы, убогие села,
Убогий, оборванный люд.
Картины унылые, вид невеселый,—
Других не отыщешь ты тут.

На них не глядеть бы, забыть на мгновенье,—
Но нет, не сыскать забытья:
То люди родные, родные селенья,
То мать Украина моя...

1883

МАНИФЕСТ

«К вам, верноподданные, к вам
Пылаю я любовью!..
Я для порядка — не со зла —
Столицу залил кровью.

Меня микадо удивил:
Воспитан очень странно...
А тут — рабочие, Гапон
Зашевелились рано...

Дам конституцию взамен,—
Не нужно будет рая!
Но государственных основ
Ломать не дозволяю!

Собрать парламент разрешу,
Пускай он заседает,
Но пусть в парламенте народ
Булыга представляет.

Свободу «инородцам» дам
И всех я в том заверю,
Но тут же накрепко для них
Запру в парламент двери.

Свободу вере дам любой,
Но пусть синод исправно
Следит, чтоб не сбежал никто
Из веры православной.

Законов силу укреплю!
Блюсти законы свято
По всей России будут впредь
Жандармы и солдаты.

Получит землю хлебороб —
Я буду предоволен,
Но панских и моих земель
Касаться он не волен.

И чтоб реформы провести
По всей Руси священной,—
Я разгоню профессоров,
Развею просвещенье!»

ПАВЛО ГРАБОВСКИЙ
(1864—1902)

РАБОЧЕМУ

На богатеев дни и ночи
Трудись без отдыха, не спи;
А если уж заплачут очи,—
Печаль скорей в вине топи...

Пока твоим достатком скудным
Не завладеет мироед,
Пока ты заработком трудным
Не будешь изведен на нет,

Пока бесчувственное тело
Полиция не подберет,
Пока твой труп окоченелый
К анатому не попадет.

УКРАИНЕ

В краю далеком, где лишь вьюги
Мятутся, злобы не тая,
Тебе, любимейшей подруге,
Свои слагаю песни я.

И возникаешь ты, сияя,
В такой измученной красе,
Которой не убьют, родная,
Враги озлобленные все!

РУСИ-УКРАИНЕ

Желал бы я, страна родная,
Чтоб стала вольной ты в борьбе
И долгожданным счастьем рая
Была обязана себе.

Чтоб на Руси во всем величье
Владыкой стал простой народ,
Чтоб ясная краса мужичья
Цвела пышней из года в год;

Чтоб Русь, объединившись, встала
Без вековечного ярма
И среди ближних расцветала,
Свободных, как она сама!

НОЧЬЮ

Ночь глуха и непроглядна,
Воцарилась всюду тьма...
Как постыла, безотрадна,
Как тяжка моя тюрьма!

И в былом одни могилы,
И кресты лишь впереди:
О, как много нужно силы,
Чтобы свет не гас в груди!

Взглянешь — горькая досада,
Но порой сквозь тучи ты,
Словно звездочка-отрада,
Мне сияешь с высоты.

ЖЕНСКАЯ ДУША

Обессиленный, унылый,—
В горе я поник челом...
Но меня обвеял милый
Ангел дружеским крылом.

Тучкой в синеве безбрежной
Горе тает без следа...
Кто же ты, мой ангел нежный,
Вешняя моя звезда?

То — не ангел, к нам слетая,
Утешает в трудный час,—
Женская душа святая
В горе утешает нас.

ПЕСНЯ КАТОРЖАН

Там, где стужей ледовитой
Сопки скованы кругом,
С головой полуобритой
По острогам мы живем.
В полутемной шахте душной
Мы не покладая рук
Бьем, долбим гранит бездушный
Безотрадным «стук» да «стук».

Все лишь сном туманным было —
Нет ни правды, ни добра.
Ранней стала нам могилой
Арестантская нора.
Мы в неволе изнываем,
Знамя вырвано из рук...
Раны сердца заглушаем
Однозвучным «стук» да «стук».

Но едва лишь в непогоду
Снова вьюга запоет,—
Этот гул дойдет к народу,
В грудь родную западет.
На святой свободы дело
Вышлем сотни свежих рук...
Бейте ж, братья, бейте смело,
Безустанно «стук» да «стук»!

* * *

Я не певец красавицы природы.
Холодной, равнодушной ко всему;
Измученные вижу я народы:
Они — родные сердцу моему.

Среди залитых золотом просторов
Того я вижу, кто всего лишен.
Лазурь... но в трели соловьиных хоров,
Как нож, врезается мужичий стон.

Пускай вокруг цвет разума, услада,—
Не в силах я их воспринять теперь,
Когда повсюду только муки ада
И брата брат на части рвет, как зверь!

И пусть поют на все лады поэты,
На лиры нежно возложив персты,
Об уголках блаженных в мире где-то...
Где есть страданье — нету красоты!

Пусть у природы, зря теряя время,
Они забвенья ищут без конца,—
Забвенья нет: страданиями всеми
Стучится мир настойчиво в сердца!

ПАРНАСЦАМ

Вас чарует небес бирюза,
Что, сверкая в стихах, каждый раз вам
Не дает, ослепляя глаза,
Приглядеться к убийственным язвам.

Всё вам снятся цветы да луга
И любви безграничной услады.
В тине видите вы жемчуга
И счастливых — средь страшного ада.

Жизнь — лишь радостный праздник для вас,
Воплощенье гармонии, блага...
Братцы, барский оставьте Парнас.
Нарядитесь в простую сермягу!

Пусть поет соловей вечерком —
Не делите с ним нежных мелодий,
А народным, простым языком
Укажите дорогу к свободе!

ВЛАДИМИР САМИЙЛЕНКО
(1864—1925)

ЖЕМЧУЖИНА

Видел я любые перлы,
Драгоценные каменья,
Но с жемчужиной одною
Не идут они в сравненье.

Той жемчужины не купишь,
За нее не платят златом:
Беднякам она доступней,
Чем бездельникам богатым.

Той жемчужины не сыщешь
В тайниках земли и моря:
Только тот ее находит,
Кто понять способен горе.

Завладеть не может ею
Сила злобных, самовластных.
То — слеза священной скорби,
Пролитая за несчастных.

1886

ПЕСНЯ

С тех пор, как людям бог послал
На землю песню-чаровницу,
Как будто светоч воссиял,
Земную озарив темницу.

И звонкой песни волшебство
Вложило силу в человека,
И легче стало для него
Все, тяготившее от века.

Как вестнице счастливых дней,
Он настежь растворил ей двери,
Излил свои надежды с ней
И сам надеждам тем поверил.

Все чаянья и все мечты,
Все то, что грудь его томило,
Вдруг вырвалось из немоты
И в песне вслух заговорило.

Как беспросветна жизни мгла,
Поведала она, благая,
У самых черствых исторгая
Слезу участья и тепла.

1886

ГЕРОСТРАТ

Монолог в трех сценах

Действие происходит в Эфесе в 356 г. до Р. Х.

Действующее лицо — Герострат.

I

Как тихо ночь покров свой драгоценный
Раскинула над сонною землею!
Нигде ни звука; все кругом заснуло,
Лишь звезды ясно светят в вышине,
Рассыпались по дивной ризе неба
И с высоты глядят на землю, словно
Бессчетные, недремлющие очи.
О звезды-очи! Я в сиянье вашем
Бродил не раз, один, в тиши ночной,
Беседуя безмолвно сам с собою.
Я вас молил, недремлющие очи,
Стократно спрашивал у вас ответа
На те вопросы горькие мои,
Которые все знание земное
Ни разрешить, ни пояснить не может.
И вы вот так же ласково сияли,
Мерцали, трепетали надо мною,
Пленительные очи, где светилась
Мысль некая, запретная от века...

И, эту мысль скрывая в бездне неба,
Вы на меня глядели и молчали...
Так кто же, кто заговорит со мною?
О пышная земля, тебя молю я!
О небо в блеске злата и лазури,
Тебя, тебя я вопрошаю ныне!
О вы, которым ни конца и края!
Скажите мне, зачем же вы бессмертны,
Зачем же вы от века безначальны,—
Вы, у кого нет ни души, ни мысли;
Я ж, существо разумное меж вами,
Я должен умереть, исчезнуть мигом;
Я — тот, который может вас постигнуть,
Который вам дал имя и прозванье
И различает в вас добро и зло,—
Я должен умереть, и то же время,
Что я делю на годы, дни, минуты,
Меня в ничто повергнет... Горе, горе!..
Но ведь душа моя желает жизни,
Ведь я хочу всегда и знать, и слышать,
И видеть эту красоту земную,
И радоваться, правду обнаружив,
Страдать и мучиться, неправду видя!
И все безмерно долго, вековечно...
Но нет, мечта напрасна,— миг единый,
И оборвется нить короткой жизни,
И в тот же самый миг меня не станет:
Не станет глаз, что так хотели видеть,
Ума не станет, что желал познанья,
И самого желания не станет...
Конец... Ничто... Ничто, и точка. Да!
Но если — да, зачем родиться было,
Зачем, кому нужна и жизнь такая?
И раз не вечность, то не все ль равно —
Год проживешь ли, десять ли, минуту?
О Мойра, Мойра! Ты неумолима!
Взамен бессмертья людям ты дала
Напрасные желанья, а надежду
Оставила младенцам малоумным.
Так отними тогда и разум мой,
Дай в невозможное хоть раз поверить:
Без этой веры не смогу отныне
Счастливым быть в убогой этой жизни!

II

Зачем тогда нужна мне жизнь моя?
Затем лишь, чтобы дожидаться смерти,
Благодаря судьбу за всякий день,
Каким из вековечного запаса
Она меня надменно одарила?..
А для чего ничтожный этот дар?
Не лучше ли сказать судьбе сегодня:
«Возьми твой дар ничтожный,— вот он, вот;
Я милостыни жалкой не желаю!»
Сказать,— ну да, сказать-то мог бы я,
Но есть ли сила совершить такое?
Не поступлю ли я наоборот
Перед лицом последнего прощанья
И не воскликну ли: «О, погоди,
Смерть грозная, и дай пожить немного,
Хоть год еще, хоть день, ну, хоть мгновенье!..»
Нет, не тому от жизни отрешаться,
Кто только вечность видит пред собою.
Так что же сделать, чтобы даже смерть
Осилить, над судьбою посмеявшись?
И вовсе нету способа такого?
Нет... Каждый умирает, и в веках
Его постигнет горькое забвенье.
Но что сказал я? Что сказал? Ужель
Забвенье всех ушедших постигало?
Ужель на свете не было таких,
Чье имя поднималось над веками?
О, Ахиллес! И Гектор! И Патрокл!
О, тени славные гигантов наших!
Творцы былые, славные поэты!
Не стало вас, но эхо ваших дел
Переживет людские поколенья
И ваше имя в памяти людей,
Нетленное, навеки сохранится,
Пребудет выше всех иных имен!
Так масло чистое в воде не тонет,—
Хотя бы море сверху разлилося,
Оно всплывет наверх таким же чистым;
Так солнца ясного не скроют тучи,
Хотя бы собрались толпами в небе:
Раздвинутся они и, как бывало,
Оно заблещет светом лучезарным.

О вечные герои! Вас припомнив,
Развеселил я сумрачную душу.
Да, значит, смерть перехитрить возможно
И, даже не оставшись на земле,
Свою частицу все же здесь оставить,
Частицу эту — имя — обессмертить.
Пускай же ваших славных дел пример
Меня научит, как достигнуть славы,
Чтоб, переживши самого себя,
Я в памяти людской навек остался.
О, я свершу деяние такое,
Что превзойдет свершенное другими,
И вознесут грядущие века
Превыше прочих — имя Герострата!

III

Нет, не по мне высокие деянья,
Себя прославить ими — не дано...
Что может быть печальнее стремленья
Великое содеять — и не мочь
Наималейший совершить поступок!
Еще недавно думал я, что делом
Великим удивить способен землю,
А вот теперь постиг наверняка,
Что ни к чему такому не пригоден
И вовсе ни к чему не приспособлен.
Бывало, думал — воинскою славой
В сражении с врагом себя покрою,
И что же? В первом же бою с врагами
Бежал я, устрашася смерти: так
Ничтожный раб от плети убегает.
Я испугался, что умру внезапно,
Не совершив замышленного мною,
И несказанный страх понес меня
От поля грозной битвы той далече,
И после я пришел в себя не скоро.
Я клял себя, я поносил себя,
Я сам себя стыдился — но напрасно:
Того, что сталось, не вернуть. Позднее
Задумал я поэзией заняться;
Но самая же первая поэма
Моя всех рассмешила: вскоре я

Увидел сам, что и к тому не годен.
За прочее я даже и не брался:
Я знал конец, еще не начиная...
И к первым опасениям моим,
Что я, ничтожный, обречен забвенью,
Добавилась отныне жажда мести.
Кому — не знаю: не богам Олимпа,
Ведь в них не верю я; не прочим людям,
Ведь знаю я, что люди неповинны;
Но все не затихает жажда мести
За то, что я ничтожен,— как огонь,
Она палит и не дает покоя.
А мысль — свершить великое деянье —
Не гаснет тоже, грудь мою сжигая...
Как поступить мне? Что свершу теперь
Я, ни к чему на свете не способный?
Ужель стерплю, чтоб вечность тем досталась,
Кто, может быть, о ней не помышляет,
Кто, может быть, и жизнь считает долгой?
Ха, ха!.. Такому, кто и не жил вовсе,
Достанется навек хвала людская?
Бессмертны, да! Кронион! Гера! Феб!
И Артемида! — все они бессмертны,
Хоть вовсе не жили, а Герострат,
Который ни во что их не вменяет,
Он — эфемера, однодневка. Даже
Храм этот, память давних заблуждений,
Бездушное творение таких,
Как я, ничтожных, жалких однодневок,
И тот переживет чреду столетий
И будет выситься, когда мои
Истлеют кости и сотрется имя...
О, страх какой! Мешается мой разум...
Неужто ничего?..
Нашел! Нашел!
Не добродетелью себя прославлю:
Пусть небывалое досель злодейство
Мое навеки имя сохранит:
И каждый, содрогаясь в лютом страхе,
Пусть повторяет имя: Герострат!
Пусть деды, повествуя после внукам
О том, что было, скажут: это он,
Безумец Герострат...
Но к делу! К делу!

Храм, тот, который строили годами,
В который столько сил вложили люди
И времени, и золота вложили,
Который украшением земли
И славой стал бессмертною богине,—
Прекрасный храм, святыню всех народов
Я уничтожу вдруг в одну минуту.
Все спят окрест. Никто не помешает...
Сейчас же я...
(Подбегает к храму и высекает огонь.)
Огонь, вот кто поможет
Мне совершить задуманное. Что ж,
Сжигай скорей надменное строенье;
Пускай оно в осколки разлетится,
Рассыплется. Ужасным разрушеньем
Свое навечно сохраню я имя.
(Поджигает храм.)
Все сделано. Теперь никто не сможет
Остановить мой замысел ужасный.
Горит! Горит! О, как зарокотало!
Ха! ха! ха! ха! Благая Артемида!
Спаси свой храм. Ну, что же не спасаешь?
Ведь ты всесильна, ты бессмертна даже,
А Герострат — ничтожное созданье.
Ха! ха! Легко же я твое величье
Ничтожеством своим переборол!
Ага! Шипит! Ха! ха! ха! ха! Пускай!
Пускай сильнее разгорится. После,
Когда и камня целого не станет,
Я выйду, имя объявлю свое.
Ха! ха! ха! ха! Зачем не знал я прежде,
Что так легко навеки стать бессмертным?
Ведь даже время с именем моим
Расправиться не властно и не сможет.
И там, где будут вспоминать героев,
Там вспомнят и безумца Герострата.
(В храме поднимается шум и беготня.
Гасят огонь.)
Что, га́сите? Нет, опоздали вы:
Не погасить моей извечной славы!
Она бессмертна! Слышите? — бессмертна!!

1888

ИДЕАЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТ

Он выступить готов бесстрашно против многих —
Убогих,
Во всем подвластен он своей второй натуре —
Цензуре.
Он будет обличать, греметь под стать набату —
За плату;
Он возмутится вслух порядками дурными —
Чужими,
И тем, что весь народ придавлен тяжким горем —
За морем.
Про бедствия всех стран расскажет он, минуя
Родную,
Советы он дает, чтоб наживался пуще
Имущий.
Он хочет, чтоб народ учился — до кончины
Гнуть спины.
Он жаждет, чтоб и пан осваивал культуру —
Драл шкуру.
Он не способен лгать и взятки брать, поверьте,—
По смерти.

1891

ОСИП МАКОВЕЙ
(1867—1925)

ВЫШЕ ТУЧ

Выше туч, мой брат! Иди все выше!
В горы из-под этой ветхой крыши!

Тихо там, в заоблачном просторе,
Не дошло туда людское горе.

Не тревожат чары там весною,
Ветер лишь да тучи пеленою.

Но студеный горный снег сыпучий
Лучше, чем в долинах град и тучи.

Лучше зимний холод на вершинах,
Чем весна без радости в долинах.

Там, где мир нагорный — твой учитель,
Сам ты свой судья и утешитель!

ДУМКА

Мне кажется, что я не жил,
А жить все только собирался,
Чего-то ждал, искал, тужил,
Служить чему-то обещался —
А молодость и промелькнула
И, жизни не видав, заснула.

Вот день, ненастный, как всегда.
Я грустно панихиду правлю:
«Прощайте, юные года!
Я не хулю вас и не славлю:
Вас из могилы не добуду,
Уже я молодым не буду».

И все ж, тоскуя, вижу я
Не мертвой молодость, а сонной:
Еще не время для нытья,
Не время песне похоронной!
Мы поживем! Послужим людям!
Искать и ждать чего-то будем!

ЭЛЕГИЯ

Когда умрем и зарастем цветами,
То в памяти мы оживем не раз,
Покамест рядом с нашими костями
Все не заснут, кто только помнил нас.

И уж последней смертью будет эта,
И даже прах наш ветром разнесет.
Придет весна, пора любви и света,
А нас никто нигде не назовет...

Лишь девушка, полуденной порою
Бродя одна, зайдет в притихший бор:
И вдруг сожмется сердце молодое,
И затуманится слезами взор.

Она услышит нас, увидит зримо,
Как сон, как отзвук повести былой,
И, опустив глаза, вздохнет, томима
Властительною сказкою лесной.

КАМЕННЫЙ ВЕК

Сущность каменного века
Досконально изучив,
Вижу: лезет мой прапрадед
Сквозь чащобу, еле жив.
Волочет оленью тушу,
Так что пот с него течет:
Солнце клонится к закату,
Но по-прежнему печет.
У пещеры сбросил тушу,
Кличет: «Эй, жена! Смотри!
Дай-ка мне поесть жаркого,
А зверюгу забери!»
Но прабабка молвит тихо:
«У меня жаркого нет,
На, поешь сырого мяса —
Было нынче на обед...»
Разъярился мой прапрадед:
«Что ты, стерва, мне плетешь?
Убирайся из пещеры,
Изобью, коль не уйдешь.
День-деньской лесами рыщу,
Как последний идиот,
А она сырое мясо
Мне на ужин подает!»
А прабабка испугалась,
Говорит: «Погас костер!
Терла палочки я, терла —
Не затлелись до сих пор!»
Он хватает нож кремневый:
«Уходи, старуха, прочь!»

Отхватил оленью ляжку,
Ест сырую, хоть не в мочь.
Тут прабабка зарыдала,
Слезы капают на грудь:
«Каждый день готовь жаркое,
А поди огня добудь!»
Не печалься так, бабуся!
Это, право, ерунда!
Скоро ты огонь добудешь,
И пройдет твоя беда.
Горше будет твоим детям
С электричеством в ладу:
Будет им огня довольно,
А жаркое — раз в году.

АГАФАНГЕЛ КРЫМСКИЙ

(1871—1942)

ОДИНОКИЙ НА ЧУЖБИНЕ

(Отрывок)

От арабских фолиантов
На мгновенье отрываюсь,
И в окне моем я вижу:
Сад раскинулся, сверкая.

Отведу глаза от книги —
Под окном растут бананы,
Шелестят листвою пальмы,
Мирты, фиги и платаны.

Я акацией любуюсь
И маслиной серебристой,
Миндалем светло-зеленым,
Кедром стройным и смолистым.

Ближе подойду к окну я —
Пахнут розы, базилики,
Туберозы и фиалки,
Ароматные гвоздики.

Только вдруг тоска змеею
Вокруг сердца обернется:
Сам не знаю, грусть откуда
И куда же сердце рвется?

1898

* * *

Мой край, претерпеть за тебя не страшусь я
Беды и напасти,
Легко теперь вынесу всякое горе,
И скорбь, и несчастье.

Что раны страданий душевных, телесных
С их болью и кровью?
Я знаю — есть сердце, оно мои муки
Излечит любовью.

1900 (?)

* * *

Поэзия! О спутница моя!
Ты — теплый, животворный пламень солнца,
Ты — месяц, что плывет, свой свет струя
В угрюмое тюремное оконце.
Когда мне будней грязь тяжка была,
Чудесные творила ты дела:
Все покрывала фантастичным флером,
Как серебристым месячным убором.

Когда томили скорби и недуг,
Я тихо шел куда глаза глядели
И слушал, как шумит зеленый луг
И море плещет в вечной колыбели.
Глядел я на гряду далеких гор,
Чьи склоны покрывал косматый бор;
На скалах тучки мирные дрожали...
Ах, душу чары нежные пленяли!

Мне помнится: однажды по весне
Я как-то задержался в поле чистом,
Там сладкий дух струился в душу мне
От тополей, с бальзамом схож душистым.

Сверкала под лучом волна ручья...
К траве, рыдая, вдруг склонился я,
Рыдал от радости, от аромата...
И услыхал: «Взгляни на психопата!»

Вы, люди, повторяли: «психопат»,
Когда мне упоительные сказки
Нашептывал при легком ветре сад
И ворковали горлинки о ласке,—
Когда при пенье, при игре смычков
Я застывал от набегавших снов
И, не простившись с важными гостями,
Шел к морю — с галькою играть, с волнами...

«Безумец!» — вы твердили и потом,
Когда, к деньгам не чувствуя стремленья
И сладостным обуреваем сном,
«Карьере» я не придавал значенья.
Безумным называли вы меня,
Когда, в душе любимый лик храня,
Я видел в нем лишь то, что поэтично,
Отбрасывая все, что прозаично.

Мне голос сердца вечно будет свят,
А вам тот голос — бредни психопата!
Не жду от вас я никаких наград —
Из сердца песен ключ бежит богатый!
Когда поэт в свой погружен напев,
Что для него ваш хохот или гнев?
Нет, не безумье в том! не аморальность!
Идущее из сердца — идеальность.

1901

ОЛЕКСАНДР ОЛЕСЬ

(1878—1944)

* * *

Ах, сколько струн в душе! Звенят
Мечты и чувства, возникая,—
Ждут, что в слова их воплотят.
Но так бессильна речь людская...
Слова же страстно жить хотят...

Порой, огнем любви объят,
Влюбленный, мучась, изнывая,
Молчит, потупив робкий взгляд,
Хоть чувству нет конца и края...
«Она» ждет слов... уста молчат...

1904

ИСКРА

Она б еще сверкать могла,
Да вот сверкать не пожелала,—
На миг все силы собрала,
Ночь озарила — и пропала...

И снова темнота и мгла.
Погас и отблеск искры малой...
И жаль сиянья и тепла,
И ночь еще темнее стала...

След все ж остался... Будет пир!
Восторжествует свет над тьмою,
И в этот праздник вспомнит мир
Ночь, озаренную тобою!

1904

* * *

Ты вновь окрыляешь надежды и мысли,
И жизнь украшаешь, и даришь цветы,—
И слезы росой на ресницах повисли,
И встали из темной могилы мечты.

И вновь я лечу к лучезарному краю,
Люблю человека, за волю борюсь,
И в песнях людскую печаль выливаю,
И песням своим всей душой отдаюсь.

И снова я верю: все злобное канет,
Расступится мрак безысходных ночей,
И солнце на землю приветливо взглянет,
И слезы осушит улыбкой своей.

1904

ЛЕБЕДИНОЙ СТАЕ

Вы тянетесь в лазурь от серого тумана,
От серых дней, от грусти и невзгод
На серебристый свет спокойного лимана,
На струи чистых вод.

Не жаль вам тех из вас, которых бьют морозы
И град сечет среди степей глухих:
Лазурь вам видится сквозь слезы,
А солнце сушит их.

И сколько вас в борьбе разбилось над волнами,
И сколько вас погибло там от мук,—
Но даже смерть сама бессильна перед вами,
Ей не сломить ваш дух.

Летите же! И, празднуя победу вашу,
Вернитесь мыслью к павшим, дорогим...
И перед тем, как выпить радостную чашу,
Хвалу воздайте им!

1904

АСТРЫ

В ночи, умывая росой лепестки,
Раскрылися астры, надели венки.
И начали светлой зари ожидать
И радугой яркою жизнь украшать...

И грезили астры в своем полусне
О травах шелковых, о солнечном дне,—
И в грезах им чудилась сказка одна,
Где всюду цветенье, где вечно весна...

Так грезили астры осенней порой,
Так ждали прихода весны золотой...
А утро их встретило мутным дождем
И всхлипами ветра в саду за кустом...

И астры увидели рядом тюрьму,
И поняли астры, что жить ни к чему,—
Склонились, засохли... И тут, как назло,
Над мертвыми астрами солнце взошло.

1905

* * *

Милый, глянь — краса какая,
Солнцем залита земля.
Как вода блестит, сверкая,
Как волнуются поля!..
«Я слепой... тебя вот... вижу...»

Вот послушай: с новой силой
Соловейка трель отбил...
Побежим и спросим, милый,
Он сильней, чем мы, любил?!
«Я глухой... тебя вот... слышу...»

1905

* * *

К высотам, к серебряным далям снегов,
К ледовой вершине скалистой!
Оттуда я, раньше крылатых орлов,
Рассвет повстречаю лучистый...
За тучи! Где ясных лучей торжество
И солнце плывет, пламенея...
Где сердца наполнится светом его,
И сам уж светить я сумею.

1906

* * *

Люблю ее, зову своею
Голубку милую мою,
В полях, в лесах гуляю с нею,
Свои ей песенки пою.

Она ж задумчива, в тревоге,
В слезах глядит куда-то вдаль,
Как будто ищет на дороге
Все, что ушло, чего ей жаль.

1906

Неизвестный художник. Литография. Соборная площадь в Минске. 1849 г.

* * *

Ты в ту ночь была с другими,
Для других венки плела,
Надо мной же насмехалась,
Издевалась как могла.

Почему ж ты, лишь узнала,
Что давно женатый я,
Уж полгода не смеешься,
Только плачешь в три ручья?

1907

* * *

Воля?! Воля?! Брат! Товарищ!
Говори! Ужель не сон?
Что? Солдаты? Дым пожарищ?..
Толпы?.. Тысячи знамен?..

Дальше!.. Рухнули темницы?
Города уже встают?
Говори! Сладчайшей птицей
Мне уста твои поют!

«Марсельезу»! Ночь — короче!
Бей в набат! Буди село!
Больше нет на свете ночи!
Люди! Воля! Рассвело!

1917

ЯН ЧАЧОТ
(1797—1847)

ПОКА СОЛНЦЕ ВСТАНЕТ...

Пока солнце встанет,
Роса выест очи —
Дурь да злоба драться,
Лаяться охочи.

Барина мы молим,
Как отца-кормильца:
— Не дай эконому
Над нами глумиться!

Он живет — не тужит,
Ворожбою занят:
Грош тебе отдаст он,
А два прикарманит.

ПОЧЕМУ ГЛАЗА РАЗЪЕДАЕТ НАШИ?

Почему глаза разъедает наши?
Почему рубахи черны от сажи?
Почему этот дым наших деток милых
Гонит из дому до могилы?
Ой, почему, почему?

Едва лишь в хате станет теплее,
Хозяйка у печки вконец сомлеет,
А малые дети, бедняжки, хворают,
От дыма треклятого угорают.
Ой, почему, почему?

Ой, почему сидим, как в норе, мы?
В доме своем, как на скотном дворе, мы:
Грязи невылазной полная хата,
Шастают свиньи, гуси, телята.
Ой, почему, почему?

Разве исчезли стекло и глина?
Разве же нам не сложить камина?
Разве же труд — прорубить оконце,
Чтоб заглянуло милое солнце?
Разве не можем, а?

Разве не можем мы для скотины
В теплых сенях отделить половину?
Хлев смастерить не можем мы разве,
Чтобы не жить в навозе и в грязи?
Разве не можем, а?

Можем мы — только не вдолбим в разум,
Что окаянную копим заразу,
Что на погибель жилище это —
Без дымохода, без белого света.
Боже! Дай нам понять!

ПАВЛЮК БАГРИМ

(1813—1891)

ГЕЙ, БЕРИСЬ, ПАРНИШКА МАЛЫЙ..

Гей, берись, парнишка малый,
За скрипочку, за цимбалы,
Я ж на дудке заиграю,—
Ведь Крошин я покидаю.
Там, в Крошине — пан-мучитель,
Палками забит родитель,

Тужит мать, в слезах сестрица,
Так куда ж теперь пуститься
Мне, бедняге? Воля божья!
Закачусь я в бездорожье,
Вурдалаком обернуся,
На прощанье оглянуся
Да и в ноги поклонюся
Матери, старухе милой:
«Каб меня не породила,
Каб меня ты не вскормила,
Тебя горе б не томило...
Кабы я орлом родился,
На панов бы не трудился!
И на барщину б не гнали,
И в солдаты б не сдавали...
Пастушком не век мне быть,
А в солдатах трудно жить.
Вот и вырасти боюся,
Где же, бедный, обернусь я?
Ой, кожан, жалею я,
Что не сел ты на меня,
Чтобы ростом был я мал
И в солдаты не попал».

ВЛАДИСЛАВ СЫРОКОМЛЯ
(1823—1862)

* * *

Вот повсюду птичье пенье,
Вот цветы цветут... «Весна
Скоро будет»,— молвят люди...
Да когда ж придет она?

И зачем весна нам, боже?
Наш народ весны не ждет...
Елей пряди, мох на хате
Зеленеют круглый год...

ХОРОШИЕ ВЕСТИ

(Отрывок)

Кончается лето, в лучах догорая,
И западный ветер рокочет трубой.
Привет тебе, ветер! Из дальнего края
Хорошие вести принес ты с собой!

Привет вам, счастливые, добрые вести!
На западе снова бушует борьба —
Там кровь проливают для воли и чести,
Свободного делают из раба!

Там в танцах и в пении весело сердце,
Там жатву справляет удачливый год.
Хватит вам, пакостники-самодержцы,
Смешивать с грязью крещеный народ!

Хватит вам, баре, кататься в карете,
Хватит, красуясь, верхом гарцевать!
Хватит вам тоже, мужицкие дети,
Барам последний хлеб отдавать!

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР
(XIX век)

ТАРАС НА ПАРНАСЕ

1

Знавал ли кто из вас Тараса,
Что полесовщиком служил?
На Путевище у Панаса
Он возле самой бани жил.
Что ж! Человек он был почтенный,
Горелки даже в рот не брал.
Недаром пан за нрав степенный
Его пред всеми уважал.
Он и у пани был в почете,
И староста не обижал,
Зато уж сам он на болоте

С утра до ночи пропадал.
Чуть свет — он за плечи двустволку,
Топорик за пояс заткнет,
Да и уходит втихомолку:
Лес караулит, пташек бьет.
Ходил он много или мало —
Не ведаю, но как-то раз
Беда в лесу его застала...
Вот что рассказывал Тарас:

2

«На самого Козьму-Дамиана
Пошел я в пущу через мхи;
В то утро я поднялся рано,
Едва пропели петухи.
Иду себе я понемногу
И на пенек в лесу присел.
А тут — лоп-лоп! Через дорогу —
Глянь! — тетерев перелетел.
Навел двустволку — щелк! — осечка.
Щелк снова — то же! Надо ж ведь!
Гляжу: за елью, недалечко,
Как есть хоромина,— медведь!
Хоть не трусливый я детина,
А тут затрясся, как осина,
Зубами, как щенок, стучу.
Гляжу — повалена лесина,
И думаю: давай вскочу!

3

Скакнул — да мимо, поскользнулся
И в яму — бух! — в единый мах.
Летел, летел, аж задохнулся,
И стало зелено в глазах.
Я много пролетел иль мало,
Того и сам не понимал,
Одно лишь помню — рассветало,
Когда я на́ землю упал.
Я встал с земли — чего уж хуже:
Весь был в грязище, как свинья,
И про себя дивился дюже:
Где ж это очутился я?

Поскреб рукою возле уха,
Достал рожок, достал табак,
И ноздри напихал тертухой,—
С утра не нюхал как-никак!
Придя в себя, гляжу я — сгинул
Медведь, как будто не бывал.
Ружье я за́ плечи закинул,
А сам осматриваться стал.

4

Вот диво! Что за край прекрасный!
Ну, словно кто намалевал!
Цветы пестреют: синий, красный —
Как будто кто платок постлал.
И пташки есть там — так уж сладко
Поют, изрядней соловья.
Помилуй боже, вот загадка!
Куда же это прыгнул я?
Стоял я долго и дивился
И, рот разинувши, глядел,
Как вдруг откуда-то явился —
Пришел, а может, прилетел,—
Какой-то хлопчик, пухлый, томный
И кучерявый, как баран,
А за спиной его огромный
Прицеплен лук был и колчан.
«Куда, отколь дорога эта?» —
Спросил я хлопчика тотчас.
«Дорога эта с того света,
Ведет же прямо на Парнас».
Малец, сказав такое слово,
На крыльях шибко полетел,
Дорогу ж показать толково,
Заторопившись, не хотел.

5

Тут я задумался немного:
«Что это за Парнас такой?»
И напрямик пошел дорогой,
Запасшись толстою клюкой.
Прошел верст девять той дорогой.
Вдруг вижу я — гора стоит;

Под той горой народу много,
Как будто ярмарка кипит.
Прошел поближе — что за лихо:
Народ все чистый, господа!
Кто голову сломя, кто тихо,
Все лезут на́ гору. Беда!
Как в синагоге, крик несется,
Готов один другого съесть,
Кто побойчей — вперед суется,
Чтоб на гору всех раньше влезть.

6

И все с собою тащат книжки,
Аж пот с иных ручьями льет,
Тот, рукописи взяв под мышки,
Сильнее всех в толпе орет:
«Полегче, братцы! Не душите
Вы фельетон мой и «Пчелу»,
А самого меня пустите
И не держите за полу!
Не то я прикажу газетам
Облаять вас на целый свет,
Как Гоголя запрошлым летом,—
Ведь я ж редактор всех газет!»
Смотрю и вижу: это сивый,
Короткий, толстый, как кабан,
Плюгавый, дюже некрасивый,
Кричит, как ошалелый, пан.
Мешок его, на плечи вздетый,
Полным-полнехонько набит.
Он тащит книжки да газеты,—
Как коробейник он на вид!
Товарищ рядом с ним идет,
Тащить он книжки помогает,
А сам грамматику несет,
Что в наших бурсах изучают.

7

Все что-то разом зашумели,
Народ раздался в два конца,
И, словно птицы, пролетели
Четыре добрых молодца.

Вид был у этих не таковский:
Сам Пушкин, Лермонтов, Жуковский
И Гоголь — быстро мимо нас
Прошли, как павы, на Парнас.
Ну, словом, много тут народу
Взлезть норовило на Парнас.
Немало и панов и сброду,
Как и на свете, здесь у нас.
Промеж людей и я толкался,
Чтобы протискаться силком.
Вот наконец-таки пробрался
И лезу в гору прямиком.

8

Долез. Гляжу: двор с хатой новой —
Обыкновенный панский двор.
Кругом него забор еловый,
Надежный, не пролезет вор!
А на дворе том свиньи ходят,
Бараны, козы бродят, спят.
И боги, знать, хозяйство водят,
Раз держат столько поросят.
Мальцы парнасские швыряют,
В орлянку дуясь, медяки,
А если деньги проиграют,
Так лупят просто на щелчки.
Полез к богам я в дверь той хаты...
И — охти мне! — ни дать ни взять,
Толкутся боги, как солдаты
В казарме — и не сосчитать!»

9

Тарасу черт-те что сдается.
Он словно в кабаке сидит:
Кто трубку курит, кто смеется,
Кто песню про себя бурчит.
Глядит: на лавочке тачают
Швецы богиням башмачки,
Богини у корыт — стирают
Богам рубахи и портки.

Сатурн, тот, лыки размочивши,
Усердно лапти подплетал:
Немало по́ свету бродивши,
Лаптей он уйму истоптал.
Старик Нептун развесил сети,
Шесты готовит для острог;
При нем его, как видно, дети —
Дырявый чинят неводок.

10

Вот Марс дерется с Геркулесом,
А Геркулес, что твой медведь,
В утеху старому Зевесу
Ловчится — как бы Марса взгреть.
Зевес же, не слезая с печи,
Кафтан под голову подмял
И, грея старческие плечи,
Все что-то в бороде искал.
У зеркала — знай вертит задом
И мажет маслом волоса
Да нос белит себе помадой
Венера — девица-краса.
Амур, тот с девками балует,
Да так, что просто смех берет.
То он украдкой поцелует,
То с головы платок сдерет,
То вдруг на гуслях заиграет,
То нимфам песню запоет,
То глазом этак поморгает,
Как будто он кого зовет.

11

Вот затряслася вся гора:
Зевес на печке шевельнулся,
Зевнул, и смачно потянулся,
И гаркнул: «Есть давно пора!»
Пригожая девчина Геба
Горелки в чарки налила
И, каравай пудовый хлеба
Принесши — бряк серёд стола!

Вот со всего собрались неба,
Как тараканы возле хлеба,
Уселись боги вкруг стола,
И лакомые яства Геба
Таскать из печи начала.

12

Сначала подала капусту,
Потом со шкварками кулеш,
Крупеню, сваренную густо,
На молоке,— бери да ешь!
Кисель со сливками студеный;
Из каши сало аж текло,
Да и гусятины пряженой
Изрядно каждому пошло.
Как принесла она колбасы,
Блинов овсяных в решете,—
Так захотелось есть Тарасу,
Что забурчало в животе.
Тянуть горелку боги стали,
Из бочки в чарки так и льют;
Подвыпив, песни заорали,—
Все, словно в кабаке, поют.
Такие Бахус пел припевки,
Что невозможно повторить;
И даже застыдились девки,—
Такое стал он разводить.
Зевес так сильно нахлестался,
Что носом землю чуть не рыл,
Глаза прищурил, и качался,
И словно что-то говорил.
Хоть не мое то, правда, дело,
Любил — тут нечего скрывать —
Он грешное потешить тело
И на досуге погулять.

13

Но боги все-таки устали,
Когда наелись, напились.
Тут вдруг на дудке заиграли;
Плясать богини принялись.

Платочек в руку взяв, Венера
Пошла метелицу скакать.
Статна, осаниста,— примера
Такой красы не подыскать.
Пышна, румяна, круглолица,
Глаза — быстрее колеса;
Как жар, пылает исподница,
Вся в лентах толстая коса.
Хвативши чарочку горелки,
Амур еще повеселел,—
Играть он начал на сопелке
И девкам стройно песни пел.
Нептун с пригоженькой наядой
Пошел вприсядку казака;
Как видно, у седого гада
Кровь, как у мóлодца, жарка.
А старый хрен Юпитер с Вестой
Пошел отплясывать — да как—
Ну впрямь жених перед невестой,—
Заткнувши руки за кушак.
А тут и Марс вошел в охотку,
Сапог он, видно, не щадил:
Он с нимфами скакал до пота,
Играл, смеялся и дурил.
И каждый бог так расплясался,
Что невозможно удержать,
А кто горелки нахлебался,
Того под лавку клали спать.

14

Как заиграл дударь плясуху,
Тут наш Тарас не утерпел
И с лавки он, что было духу,
Скакать по хате полетел.
Такое он порой отхлопнет,
На удивленье всем богам:
То он присвистнет, то притопнет,
Пойдет вприсядку тут и там.
Глядел Юпитер, и дивился,
И в лад с дудой в ладоши бил.
Потом к Тарасу протеснился

И так его остановил:
«Да ты откудова, приятель?
Зачем явился на Парнас?
Ты кто такой? Ты не писатель?»
«Нет, мой панок! — сказал Тарас.—
Я полесовщик с Путевища.
Чуть свет сегодня со двора.
Добрел досюда, лесом рыща,
Да и домой уж мне пора.
Уважь меня, паночек, лаской:
Нельзя ль домой меня провесть?
Ходивши по горе Парнасской,
Мне больно захотелось есть...»

15

«Кивнул Зевес, и мигом Геба
Похлебки в миску налила
И добрую краюху хлеба,
Сказавши: «Ешь»,— мне подала,
Похлебки досыта наевшись,
Поклон отвесив всем вокруг,
Я, за плечи кошель надевши,
Собрался уж идти, как вдруг
Меня зефиры подхватили,
Кто за руку, кто за кушак,
И, словно птицы, потащили
Чрез весь Парнас, да шибко так.
Несли на крыльях, будто ветер,
И прямо принесли в наш лес.
Гляжу: уже, должно быть, вечер —
Вон месяц на небо полез...»
С тех пор Тарас уж не гуляет
Чуть свет, как прежде, по лесам,
И людям добрым не мешает
Таскать лесины по ночам.
Так вот что видел наш Тарас,
К богам взобравшись на Парнас,
Он мне все это рассказал,
А я в тетрадку записал.

1836—1842

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР
(1-я пол. XIX века)

РАЗГОВОР ДАНИЛЫ СО СТЕПАНОМ

В ясный день погожий, в праздник это было,
Под забором сели Степан и Данила,
И ну горячиться, и ну волноваться,
Как жить дальше будем и что может статься.
Мол, народ толкует на всем белом свете,
От попов услышав про новости эти,
Что придет, мол, скоро воля в села наши,
Только вот с панами враз не сваришь каши;
Что крестьянам нужно, то панам не мило,
Словно к черту в пекло, зря уходит сила.
Царь указ напишет, а они виляют,
Стакнутся, споются, царю отвечают:
— Государь великий, что же это будет?
Мужику дать волю — он себя погубит.
Мужикам без пана жить в миру негоже,
Перебьют друг друга — сохрани нас, боже!
Ими править нужно крепкими вожжами,
Да чтоб тут же, рядом, батоги лежали.
Коль не настращаешь хамов барской силой,
Перебьют друг друга — господи, помилуй!
Видит бог, без водки не живется хамам,
А без бар не сладишь с пьяным да упрямым.
Ведь когда напьется — колом драться станет,
А дети-то плачут — хлеба ни куска нет.
А под господами хам не загордится,
Даже и не битый — вдоволь надрожится,
Потому что знает: барин спросит строго;
Без пана от хама не дождешься прока!»
Вот, друзья, как баре врут да подвирают,
Пред царем поклепом, грязью нас марают.
Как от кости в горле, пану будет больно,
Если жить мы станем хорошо и вольно.
Врет на хама барин, как хочет, так хает,
Царь панам-то верит, да еще их хвалит.
А мы, братья, терпим горькую неволю,
Житье проклинаем, сиротскую долю.
Правда, что не знали ни отцы, ни деды,
Чтоб мы не терпели от барина беды;

Но расклад сегодня дедам не знакомый —
В ходу не сермяга, а сюртук суконный.
Треснут баре, лопнут, знать мы их не будем,
Царь поверит добрым, справедливым людям.
Мужику бы волю под рукой единой,
Да чтобы не смели звать его скотиной!
Да, Степан, дождемся, будут перемены,
Баре тебе скажут: «Господин почтенный!»
Ты им не ответишь и не снимешь шапки,
А пройдешь не глядя, словно мимо шавки.
А урядник бросит требовать почтенья,
Требовать пудами сала да печенья;
Посылать не станет он по наши души,
Чтоб дрова возили, да еще посуше;
Чтоб таскали воду для двора, для хаты,
Чтоб корыта мыли, ведра и ушаты;
Чтоб заботой нашей чистилась посуда,
Чтоб, как жар, горели казаны и блюда;
За шерсть и за пряжу бросит придираться,
Бросит издеваться, лаяться и драться;
За полночь, бесстыжий, навалясь на брагу,
Он гонять не будет мужика-беднягу;
Перестанет крыть нас надо ли, не надо
За жнивье, за пашню, за покос, за стадо,
За то, что не к сроку вышел на работы,
Что работал мало, как бы без охоты...
А когда случалось, чтоб мы попросили,
Чего не хватает — плуга ли, косы ли:
— «Христа ради, сударь, окажи нам милость!» —
Разорется так он, что во сне не снилось.
А коня добиться — как дойти до рая:
Барыня не в духе, барин все хворает.
— «Приходи в другой раз!»—дворня-челядь скажет,
А земля-то сохнет — и кто ее вспашет?
На земле трудиться — не гулять на воле:
Ни коня, ни плуга — чем поднимешь поле?
Работай, хоть тресни,— не скажут спасибо,
А могли бы глянуть, пожалеть могли бы!
Вот весны дождемся, вволю будет света,
Но в мужицкой хате не в радость и это:
Барщине конца нет — с косами, с серпами,
С лошадьми, волами, скирдами, снопами;
Этому — жечь уголь, тому — на охоту,
По лесам скитаться, бродить по болоту,

Этот гонит водку, другой — при обозе,
Зададут работы — помоги, о боже!
Кто сгребает сено, кто с рассвета косит,
Кто подводы грузит, кто охапки носит —
Чтоб вам пусто было! До черта работы —
Диво ли, что нету к барщине охоты?
Осенью без счета на извоз гоняют,
Кур, грибы и яйца чохом отнимают.
Барские амбары доверху наполни,
О прихоти панской — о рекрутах помни.
Мост чинить гоняют баре в воскресенье —
Чтоб им в этой жизни не видать веселья!
— «Почему работать не пришел с зарею?
— Почему топор свой не принес с собою?
— Где крупа, где пряжа, полотно льняное?
— Как посмел ты спорить, хам, со старшиною?»
Да вари им пиво — без меры, без счета,
Днем и ночью парься — такая работа!
Со скотиной панской крутишься, как в пекле,
Хоть плачь, хоть молись ты — недолго до петли;
Вьюга ли, гроза ли, лютая ли стужа —
Тем сильней гоняют, чем погода хуже;
Вставай на работу, да без разговора,
А не то из хаты вытащат за ворот:
— «Ты ступай на пашню, ты — поить скотину,
Ты — копать картошку, а ты — на плотину,
Ты коров погонишь, ты — овечье стадо,
Ты сарай поставишь, ты — забор у сада...»
Трудятся и дети, едва поумневши:
К гусям — кто побольше, к уткам — кто поменьше.
Дергают, как черта, скачешь что есть духу,
Часто не поспеешь пожевать краюху.
День-деньской в работе, аж разломит спину,
А начальство лает, будто на скотину.
Словно черт, урядник — с верткою походкой,
Да со злобным взглядом, да с луженой глоткой;
Как начнет орать он, вместо разговору,
Так душе расстаться с телом будет впору;
Обозлясь, не может обойтись без крови —
У него всегда есть плюха наготове;
Мужика «причешет» — полчуба оставит,
Усы «подровняет», бороду «поправит».
А уж хватишь страху — травит, словно зайца,
Хоть лаской, хоть пляской, хоть мольбой спасайся!

Ничто не поможет — паришься, как в бане,
Хоть и прав, а держишь язык за зубами...
Только скоро, братцы, сила их порвется,
Кончится их гонор, кончится господство.
Дай бог только люду вольности добиться,
Господам придется слезами умыться.
Там, где было сошек, как весною цвету,
Вспаханной полоски не найдешь и следу,
Будет сплошь равнина, впору бегать волку,
Без крестьян у пана век не будет толку.
Старые покосы скоро станут лесом —
Кто косить там будет? Пан на пару с бесом?
Если пашни станут гиблыми местами,
То и власти панской навсегда не станет.
Вот тогда узнают, что такое горе,
А сейчас и мысли нет у них о голи.
Только и услышишь: «Быдло, прочь поди ты!»,
А добром-то нашим сундуки набиты.
Кабы дал господь нам пережить такое,
Как бы все мы славно зажили в покое!
Жить бы нам без страха, без господской воли —
Было бы и ладу и добра поболе.
Пан тебе сказал бы: «Позабудь плохое,
Сделай милость, нынче приезжай с сохою.
Заплачу, что скажешь, выпьешь напоследок,
Передам с тобою гостинцы для деток.
Завтра, если можешь, приходи с косою,
Женщины с серпами, а сын — с бороною.
Заплачу заране — знаю, всем известно,
Ты крутить не любишь, работаешь честно!»
Да, нужда притиснет, как ужа, придавит —
Не один заплачет, спеси поубавит.
Да и хватит с нас лишь спрашивать так строго —
Будет испытанье и панам от бога.
Нас они терзали, плакать не давали,
Грешен ли, безгрешен — без конца карали.
А теперь самим им то же, что и людям,
Что нам раньше было, то теперь им будет.
А тем нашим барам, что нас драли,— боже,
Дай им, чтоб узнали на своей же коже!
Не поймет вовеки голодного сытый,
Пока сам не ткнется в это же корыто,
И почем фунт лиха посчитает шустро —
Все поймет он, если в брюхе будет пусто;

Без еды в затылке поскребет уныло —
Так царем и богом задумано было!..»
Говорил бы дольше Данила Степану,
Да принес нечистый панскую охрану.
Как пошла тут ругань, да тычки, да плети —
Так пришлось закончить разговоры эти...

КАСТУСЬ КАЛИНОВСКИЙ

(1836—1864)

* * *

Марыся чернобровая, голубка моя!
Куда же делось счастье, где радость твоя?
Все сгинуло, как не было, прошло, миновалось,
Одна горечь горькая на сердце осталась.
Уж раз за нашу правду всевышний карает,
К предвечному престолу идти повелевает,—
Пойдем, но только правды своей не теряя,
Пусть лучше не видать нам ни счастья, ни рая!
Не плачь, не кручинься, на кару не сетуй,
То воля господня, смирись с волей этой;
А вспомнишь меня — обо мне помолися,
А я с того света отзовусь, Марыся.
Так здравствуй вовеки, мужицкий Народ мой!
Дай бог тебе жизни счастливой, свободной,
И помни про Яська, погибшего брата,
Про Яська, что умер за правду когда-то.
А уж если слово превратится в дело,
Тогда сам за правду выступай смело,
Потому что с правдой пристойно быть людям.
Дождешься, Народ мой,— свободными будем.

ФРАНЦИСК БОГУШЕВИЧ

(1840—1900)

СМЫЧОК

Ой, дайте, друзья,
Мне смычок такой,
Чтоб,— хоть сгину я,—
Пел смычок живой.

Чтобы голос тот
Целый свет будил,
Где народ живет,
Где когда-то жил.

Если дуб смычком
Трону вековой,
Темный лес кругом
Запоет трубой,
Той, что божий люд
В наш последний час
Позовет на суд...
Позовет и нас.

Если вдруг смычок
Тронет ель одну,
Я в бараний рог
Синий бор согну.
Чтоб проснулся он,
Чтоб пел и рыдал,
Чтоб наш плач и стон
В том бору стоял.

Березку слегка
Тронул бы смычком,—
Плакала б века
Вместе с мужиком.
Чтобы листья в лад
Зазвенели бы.
И звончей щеглят
Зашумели бы.

Если тем смычком
Чуть кремень задеть,—
Встанет дым столбом,
Камню — не стерпеть!
В щебень да песок
Он распался бы,
Только пел голосок,
Надрывался бы.
Чтоб услышал всяк
Да и пожалел,
Твердый бы размяк,
Мягкий разомлел.

Ох, когда б смычком
На сердцах играть!
Хоть сгинуть потом,
А голос подать!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи сыночек, люли-люли.
Наши курочки заснули,
Задремали и цыплятки,
Спят под крылышком хохлатки.
Отчего ж тебе, сыночку,
Все не спится в эту ночку?

Может, вырастешь ты паном
Аль великим капитаном,
Позовешь на новоселье,—
То-то матери веселье!

В красный угол гостью просят,
Хлеб и соль ей сын подносит,
Ручки-ножки ей целует,
И ласкает, и милует.
Перед всем честным народом
Угощает крепким медом,
Да лепешками из мака,
Да горячей верещакой.

Спи, сыночек, люли-люли.
Куры с вечера уснули.
Спи и ты, родимый, сладко.
Хоть я бедная солдатка,
А любой, узнав о сыне,
Предо мною шапку скинет.

Спи, родимый, люли-люли.
В гнездах ласточки уснули.
Отчего ж тебе, сыночку,
Все не спится в эту ночку?

Может, вырастешь ты паном
Аль великим капитаном.

Станешь ты чинить расправу,
Наживешь худую славу.
Будет смертушки убогий
Для тебя просить у бога.

Спи, сыночек, люли-люли.
Петухи давно уснули.
Мать придет к сыночку в гости.
Он велит ей бросить кости,
И пойдет она дорогой,
Одного прося у бога:
Чтобы ей забыть о сыне
И не знать, когда он сгинет!..

Спи, родимый, люли-люли.
Наши курочки уснули.
Ой, не будь ты лучше паном,
Ни великим капитаном,
Будь чем мать тебя родила,
Чтоб я в гости не ходила,—
Век с тобою вековала,
Вместе горе горевала.

Спи, сыночек, люли-люли.
Куры с вечера заснули.
Задремали и цыплятки,
Спят под крылышком хохлатки.

ЯНКА ЛУЧИНА

(1851—1897)

* * *

Не я пою,— народ божий
Придал песне лад пригожий.

Со своей землей родною
Цепью скован я одною.

Скован с ней по доброй воле,—
Будь то в доле иль в недоле.

Если где случится горе,
Плачет сердце, братьям вторя.

Слышу ль радостные вести,—
Рад и я с народом вместе.

Шлет мне весть любая хата,
Говорит мне сердце брата.

Радость, счастье, грусть людскую
Глубоко в груди ношу я,—

Пусть взойдут весною ранней,
Точно травка на кургане!

ВЕСНА

Люди молвят: «Весна». Пишет так календарь.
Разве это весна, коли двор побелел?
Зря готовишь соху в эту слякоть и хмарь.
Да и аист, как на смех, сюда прилетел.

Журавли уж летят с криком звонким своим,
Юг покинул кулик, чайка где-то кричит.
Только ветер все бьет по полянам пустым.
«Еще лету не быть!» — стон повсюду стоит.

Ой ты, доля моя! Ты — как эта весна,
Не приходишь ко мне, хоть давно бы пора.
Чарку горя, как пил, так и пью я до дна,
И заря не горит, только брезжит с утра.

Где же ты? Отзовись! За тобой я пойду,
На край света пойду. У какой ты межи?
Отзовись соловейкой в зеленом саду,
Ясной звездочкой глянь. Где ты, доля, скажи?!

АДАМ ГУРИНОВИЧ
(1869—1894)

* * *

Что за голос, тоскливый и звонкий,
Облетел все поля и леса,
Поднялся над родимой сторонкой
И со стоном ушел в небеса?

Может, ветер рокочет унылый,
Может, старые сосны скрипят,
Может, совы — спаси и помилуй! —
На погибель кому-то кричат?

Может, мать над могилой рыдает,
Где лежит ненаглядный сынок,
Может, девушка к богу взывает,
Потерявши заветный венок?

Стон звучит, как набат,— это значит,
Что он грудью рожден не одной:
Весь народ наш в отчаянье плачет
Над несчастной своею судьбой.

Руки сильные есть, и охоты,
Чтоб трудиться, хватало всегда,
Да нигде не найти нам работы,
Нет ни хлеба, ни соли — беда!

Мало деды оставили наши,
Поделили наследство сыны,
И сегодня всего нашей пашни —
Два шага ширины и длины...

* * *

Нас калечили паны —
Их дворянством звали —
Нынче сукины сыны
Нас за горло взяли.

Что есть этот, что был тот —
Никакого толка,
В деньги наш рабочий пот
Превратят — и только.

Долго ль будем ждать добра,
Кланяться злодеям,
Подпевая, как вчера,
Панским их затеям?

Время всем парням сейчас
Собираться кучей,
Если много будет нас —
Обернемся тучей.

Опрокинемся дождем
На свои невзгоды,
Дружно духом в рост пойдем,
Словно в поле всходы.

Будет славная гроза,
И панам из тучи
Молния сверкнет в глаза
Смертью неминучей!

ТЁТКА

(1876—1916)

СОСЕДЯМ В НЕВОЛЕ

От хат своих, от тихих нив,
От братьев всех, кто только жив,
Несу слезу, несу я стон,
Несу глухой кандальный звон.
У нас там ночь, у нас там стук,
Устали мы от страшных мук,
С нас льется пот, и сохнут груди,
Нас пытают! Знайте, люди!
Где вы, братья? Руку дайте!

Мы — родные, правду знайте:
Мы и в доле и в недоле
Рядом с вами встанем в поле,
Друг за друга, брат за брата,
За свободу против ката.

1905

ВЕРА БЕЛОРУСА

Верю я: людьми мы станем,
Сгинет наш постылый сон.
Широко на свет мы глянем,
Век напишет нам закон.

Пишет он не на бумаге,
Не сдает его в архив,—
Льет он пот людей в сермяге
На скупую почву нив.

Землю поит. Зерна всходят
И дают насущный хлеб.
Голос слышится в народе:
«Поднимайся тот, кто слеп!»

Верю, братья, в нашу силу,
Знаю: воля есть у нас.
Кровь огнем бежит по жилам,
Ждем, когда придет наш час.

Мы ведь крепкие, что камень.
Мы из самой твердой стали.
Закалил нас в горне пламень,
Чтоб еще мы крепче стали.

И теперь мы из гранита,
А душа из динамита.
И могучими руками,
Братья, сбросим цепи сами!

1905

ДЕРЕВЕНСКИМ ЖЕНЩИНАМ

Ой вы, милые сестрицы!
Как цветочки в зной жестокий,—
Так увяли ваши лица,
Восковыми стали щеки.

Точно град трясет калину,
Точно гром каменья рушит,—
Так и вас гнетет судьбина,
Красоту забота сушит.

Не узнаешь в вас, подруги,
Девушек звонкоголосых.
Истомили вас недуги,
Серебро сверкает в косах.

Вам награда — бугорочек
Да безвестный крест сосновый.
Безутешных ваших дочек
Ждет такой же труд суровый.

Вы увянете, сестрицы,
Как трава в жару без тени...
Ах, бескрылые вы птицы,
Бессловесный цвет весенний!

1907—1908

ФЕЛИКС ТОПЧЕВСКИЙ

(2-я пол. XIX века)

РАБОТА И ДЕНЬГИ

Говорят, мужик — всего-то
Шельма, хам, лентяй, невежда!
Ну, а чья ж тогда работа —
Хлеб, гречиха и одежда?

Кто в лесу расчистил поле,
Осушил кругом болота,
Сотворил для всех раздолье?
Он, мужик,— его забота.

Корабли, дома, соборы,
Утварь, парки и палаты,
И себе — одни заборы
Да продымленные хаты.

Чья работа, кто причиной?
Кто потел, трудясь годами?
Тот, кто хамом и скотиной
Прозван вами, господами!

Кто опора властелинам?
Кто дворцы вознес до неба?
Кто перины постелил им?
Кто их кормит белым хлебом?

Кто отрыл окопы в поле?
Чьими лбами стены брали?
В чем же нету хамской доли?
И с кого же шкуру драли?

Да, мужицкими руками
Отливают пушки, ядра,
Носят ружья со штыками
И форты возводят храбро.

Может, кто решил, что деньги
Кормят, поят, холят тело?
Нет, панове и паненки,
Деньги — вздор, пустое дело.

Денег нет — мы сыты все же,
Хоть в лаптях, а хату сложим,
Лен спрядем, нашьем одежи,
Да еще другим поможем.

Плюнуть бы на деньги надо
Да работать, не лениться;
Деньги не посадят сада
И не вырастят пшеницы.

Сиднем сядь на кучу денег
Да всю жизнь на них любуйся —
И не сможешь, пан-бездельник,
Ни одеться, ни обуться.

Люди жили же когда-то
И не кланялись монетам,
Был и хлеб, была и хата,
Люд был людом, свет был светом.

Деньги — выдумка пустая,
И в деньгах всего-то проку —
Целый век кормить лентяя,
Хитреца и лежебоку.

ЯНКА ЖУРБА

(1881—1964)

ПРИЗЫВ

Прочь, певцы зловещей смерти!
Вам скулить не надоело?
Нет, не в петлю лезть, а строить
Счастье нам пора приспела!

Дело каждому найдется:
Там — упавших поднимайте,
Здесь — уснувших растолкайте,—
Ни минуты не теряйте!

Бросьте стоны, хватит вздохов!
Живо в поле, за работу:
Надо крепко потрудиться,
Не жалея сил и пота!

Целину вспахать глубоко,
Разровнять, расчистить поле,
Двинуться единодушно
К свету счастья, к солнцу воли!

Полно плакать-убиваться,
Люди-братья, стоит жить нам!
В мире есть за что сражаться,
В мире есть что полюбить нам!

1912

МАКСИМ БОГДАНОВИЧ
(1891—1917)

ВОДЯНОЙ

Седоусый, сгорбленный, я улегся в тине
И годами греюсь в ней — сплю на дне реки,
Все в траве лицо мое, словно в паутине,
Засыпают грудь мою желтые пески.

Над водой прибрежною тихо спит осока,
Да лоза зеленая плачется-шумит,
Волны ровно катятся и бегут далеко,—
Все вокруг немотствует, сном извечным спит.

1909

КРАЙ МОЙ РОДИМЫЙ!..

Край мой родимый! Как проклятый богом,
Столько выносишь ты горя.
Тучи, болота... Над жнивом убогим
Ветер кружит на просторе.

Нищих селений и пашен картины
Так безотрадны и хмуры...
Жалкие избы, березки, осины,
Люди забиты, понуры...

Много трудились их черные руки,
Крепкие плечи и спины,
Много заставили вынесть их муки
Пущи, разлоги, низины.

Глянь на страданья крестьянского люда,
Сердце, и плачь безутешно:
Сколько увидишь ты горя повсюду,
Сколько нужды безнадежной.

В песне поется, как вдовьего сына,
Янку, любовь погубила;
Там, где понуро склонилась калина,
Бедного хлопца могила.

В сказках — о счастье, о солнце свободы
Сердце ветвей не почует.
Горе стеснило дыханье народа,
Горе повсюду панует.

Тяжкой волной разлилось, словно море,
Край наш родной затопило...
Братья! Людское развеем ли горе?
Хватит ли, братья, нам силы?

1909

ОЗЕРО

Тут рос густой, суровый бор
И леший жил; когда ж топор
В бору раздался,— леший сгинул
И, уж невиданный с тех пор,
Нам зеркальце свое подкинул.

Как будто в мир иной окно,
Лежит, спокойное, оно,
Теченье жизни отражает
И все, что сгинуло давно,
В холодной глубине скрывает.

1910

* * *

Когда Геракл во прах поверг Антея
И он, поверженный, лежал в пыли,
В него вдохнула силы матерь Гея,
И, сделавшись отважней и сильнее,
Напрягся он и сразу встал с земли.

Я стар и слаб, близка моя могила,
Но вот к земле, как верный сын, приник,
И мать меня от боли исцелила
И молодой отвагой напоила,
И забурлил дремавших сил родник.

1910

НАД МОГИЛОЙ МУЖИКА

Спи, бедняга! Только гроб тебе достался,
Гроб один — труду бессонному цена.
Всю-то жизнь свою с землею ты тягался,
Час пришел, и вот—осилила она!

Грудь пластом тяжелой глины придавила
И в глаза твои насыпала песку...
Так зачем, скажи, холодная могила,
Было с жизнью век тягаться мужику?

1910

* * *

Доброй ночи, заря-зарница!
Тихий сумрак на землю ложится,
Черной ризою все покрывает,
Пылью звезд небеса засевает.
Тишина мне окутала душу.

Ветерок придорожную грушу
Еле слышно колышет-качает.
Где-то звон бубенцов замирает,
Где-то булькает-льется криница.
Доброй ночи, заря-заряница!

1911

* * *

Встань, буря, грянь над миром снова,
Взвей, ветер, с нею заодно!
Под вихрем улетит полова,
Оставя чистое зерно.

Взрой, смерч, морских пучин просторы,
Коснись их сумрачного дна,
Всплесни волну — и перлов горы
На берег выбросит она.

1911

* * *

Мы в бурю по морю блуждали,
И вот — желанная земля!
Путь верный звезды указали,
Порука в том — треск корабля,
Что сел на риф неосторожно.
Привет, желанная земля!
И звезды смотрят бестревожно,
Как тонут люди с корабля.

1911

* * *

Я помню, как метель мела колючей пылью
И прошлое мое стирала без следа.
Метель утихла... Вдаль плывут мои года,
Но трудно мне расправить крылья,—
Куда ж идти теперь, куда?

В душе огонь тоски унылый, мрачный, черный.
Быть может, тот огонь потоком слез залить
И сердце плугом мук тяжелых разрыхлить,
Чтоб в нем взошли надежды зерна?
Куда ж идти мне, как мне быть?

1911

МАЙСКАЯ НЕПОГОДА

Падают вишни цветы, и разносит их ветер холодный;
Снегом в лиловую грязь падают вишни цветы.
Плачьте же, ветви, листы! Погубил ветер цвет благородный,—
Незачем больше вам жить. Плачьте же, ветви, листы!

1911

* * *

Если только огонь разгорится во мгле,
Ураганы его не пугают —
Они слабый огонь прибивают к земле,
А кострам полыхать помогают.

Разгорайся, огонь, веселее гори
И не гасни в суровом ненастье.
Разгорайся, чтоб людям дождаться зари
И познать настоящее счастье!

1911

СЛУЦКИЕ ТКАЧИХИ

Не видеть им родимой хаты,
Не слышать деток голоса:
Забрал на двор их пан богатый
Ткать золотые пояса.

И, опустив печально взоры,
Уже забыв отрады дни,
На полотне своем узоры
На лад персидский ткут они.

А за стеной — дороги в поле
И шум черемух у окна...
И думы мчатся поневоле
Туда, где расцвела весна.

Там ветерок веселый веет,
Звенят, смеются ручейки,
Там так заманчиво синеют
В хлебах зеленых васильки;

Там вешний гул густого бора...
Ты ткешь, безвольная рука,
На месте чуждого узора
Цветок родного василька.

1912

* * *

Наших дедов душили чащобы лесов,
Не давали им жить настоящим житьем,
И палить они стали те дебри огнем,
Их кругом поджигая с далеких концов.

И пылали по нашему краю леса,
Пока солнце не стало повсюду светить;
И светлей и вольней люди начали жить,
На золе, где ни глянь, спелой ржи полоса.

С наших дедов суровых пример бы нам взять,
Не клониться в беде, не бояться огня,
Ведь тогда лишь дождемся мы ясного дня,
Если тяжесть борьбы нас не будет пугать.

1909—1912

* * *

Много в жизни людей есть дорог,
А ведут они все до могилы.
И без ясных надежд, без тревог,
Загубив свои лучшие силы,

Все мы некогда встретимся там
И самих себя спросим жестоко:
Для чего мы по разным путям
Шли в неведомый край одиноко

И зачем поспешали мы так,
Напрягая последние силы,
Если тихо ползущий червяк
Все ж догнал нас у самой могилы?

1912

* * *

Тем венки суровой славы,
Кто за родину в бою
Жребий вынули кровавый,
Гибель встретили свою.

Матерей славнее доля,—
В сердце затаив любовь,
Отдают, в тоске и боли,
За дитя родное кровь.

Слава тем, в ком сил хватает
Смерть, не дрогнув, повстречать,
Кто в мученьях умирает,
Чтобы жизнь ребенку дать!

1912

ВОСПОМИНАНИЕ

«День этот,— так сказал Катулл,—
Я обозначу белым камнем».
Я рад, как встрече с другом давним,
Аллее, где над липой гул.
Когда-то зонтом на песке
Там ручки милые писали.
Что́ — не скажу. Вы отгадали,
Слова уже на языке.

1913

* * *

Народ, Белорусский Народ!
Ты — темный, слепой, словно крот.
Тобою всегда помыкали,
Ты был подъяремным века,
И душу твою обокрали,
У ней даже нет языка!
Очнувшись от грозной беды,
Боязни исполненный, ты
Не волен и крикнуть «спасите»,—
Ты должен «спасибо» кричать.
Услышьте же это, узнайте,
Кто сердцем готов услыхать!

1913

* * *

Ой, скатилася звездочка, скатилася,
Ты ушла от нас и не простилася,
Не простилася, не распрощалася,
И куда ушла — не сказалася.

Я же тебя лечила, сберегала,
На снег наговорный клала,
Сквозь хомут продевала
И поила липовым цветом,—
Почему ж ты мне сделала это?..

1914 или 1915

ЛЯВОНИХА

Ах, Лявониха, Лявониха моя!
Помяну тебя хорошим словом я,—
Черный пух бровей, изогнутых дугой,
Очи яркие, взгляд быстрый и живой.
Вспомню я твою походочку и стать,
Вспомню я, как ты умела целовать.

Ой, Лявониха, Лявониха моя!
Ты певала голосистей соловья.
В пляске первым отбивал твой каблучок
И «метелицу», и «юрку», и «бычок».
А как жать начнешь ты свой загон,
Нерадивый даже ахает Лявон.

Ой, Лявониха, Лявониха моя!
У тебя ведь полдеревни кумовья.
Знала ты, как пригласить, и угостить,
И уважить, и в тоске развеселить.
Знала к месту слово доброе сказать,
А порой — и к сердцу накрепко прижать.

Ой, Лявониха, Лявониха моя!
Дай же бог тебе счастливого житья!
Дай на свете белом радостно прожить!
Всех вокруг, как веселила,— веселить!
Чтоб не раз тебя с отрадой вспомнил я,
Ой, Лявониха, Лявониха моя!

1915—1916

АЛЕСЬ ГУРЛО

(1892—1938)

НЕ ГАСИТЕ ОГНЕЙ!..

Не гасите огней! Пусть горят веселей,
Пусть искрятся во тьме, среди ночи...
Не гасите огней! Пусть их отблеск ясней
Просветляет дремотные очи.

Не гасите, довольно потемкам царить.
Пусть растет, разгорается пламя,
Путь-дорогу во мраке пора озарить,
Вдаль туман улетает клоками...

Не гасите огней, пока ночь не пройдет.
Пока солнце земли не согреет,
А погожий денек серебристо блеснет,—
Темный жизненный путь посветлеет.

1910

СЕЯТЕЛЮ

Встало солнце над пашнями жгучее.
Ты дождался желанного дня.
Грудь вздымается песней могучею,
И летит ее слово певучее,
Над распаханным полем звеня.

Отгоняешь ты думы тоскливые,
Сеешь полною горстью с утра.
И взойдут небывалою нивою
Зерна радости, счастья, добра.
Сей же, сей! Наступила пора!

Вот и первые всходы виднеются,
Где прошел ты по нивам родным.
Значит, можно и ждать и надеяться.
Если счастье взошло, зеленеется,—
Верь, что скоро мы встретимся с ним.

1912

ЗАБЛЕСТЕЛИ В ТЕМНОЙ ДАЛИ МАЯКИ...

Заблестели в темной да́ли маяки...
Ну, садитеся за весла, моряки:
Ну, сильней, сильней откинемся назад,
Встречных волн мы перережем длинный ряд.

Нам не страшен ветер северных сторон,
Пустим смело, пустим быстро мы свой челн,
Пусть качается, колышется, летит,
Скоро, скоро счастье дали озарит.

Песня, лейся и звени сильней, струна,
Подгоняйте веселее бег челна!
Ближе стали золотые огоньки.
Вот и берег. Вскиньте весла, моряки!

1916

КОНСТАНТИН СТАМАТИ
(1786—1869)

ЧЕСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Не надо мне процветанья имущего гордеца,
Который живет в достатке с тех пор, как открыл глаза,
Ведь я — как листва сухая, гонимая без конца
Куда-то, по воле рока, куда унесет гроза.

Ищу я, ищу я друга, который мне даст покой,
Но близкой души не встретишь, не сыщешь ее нигде,
И нет, увы, утешенья в жестокой толпе людской,
А только врагов злорадство, радующихся беде.

И вот ничего мне люди не дарят и не сулят,
Ведь честному жить несладко с негнущейся головой:
Толкуют, что он в пустыне находит душевный лад,—
Скажу, что он лишь в могиле покой обретает свой.

БЕДНЫЙ ЮНОША И БАРЫШНЯ

Я бы хотел, Елена, чтоб ты таила это —
Что я любим тобою; ведь я бы счастлив был
Таким бесценным даром в мальчишеские лета,
Когда молчит рассудок и властен сердца пыл.
Хочу я, чтобы счастью все дни мои служили —
Так некогда трудился Иаков для Рахили.

Я бы хотел, Елена, чтоб бедною была ты,
Чтоб жизнь в довольстве, в неге была добыта мной:
Из мрамора чертоги, роскошные палаты
С одеждой дорогою, мехами и казной,
Чтоб жемчуга, как зубы, улыбкою сияли,
Очам твоим равнялись сапфиры и эмали.

Я бы хотел, Елена, чтоб не такой красивой
Была ты — чтоб я выбрал, что мне милей в тебе:
Твои душа и сердце налиты кроткой силой,
Они-то неизменны в изменчивой судьбе.
Но слишком хороша ты, не будешь ты иною...
О, сможешь ли, дочь неба, моею быть женою?

СИНИЕ ГЛАЗА

Я видал сиянье слез из синих глаз,
Как алмазы — слезы на твоих щеках
Или как росинки в предрассветный час
На фиалках юных, на легких лепестках.

Смеху и улыбке, нежной плоти рта
Нипочем и жемчуг и рубин смутить,
Синих глаз лучистых блеск и теплота
Вмиг меня умеют к жизни возвратить.

Я, как туча в ярком солнечном луче,
Золотом по мраку весело свечусь,
И душа, привыкшая быть в параличе,
Снова оживает, забывая грусть.
Синих глаз сиянье разгоняет ночь,
Скорбь, тоска и муки отлетают прочь.

СКОРБЬ

Куда мне деваться от скорби большой?
Супругу любимую, смерть, отняла ты,
Я навзничь повергнут с разбитой душой,
Больной, обессиленный ядом утраты.

Не выразить горе ничем и никак,
И в горле моем застревают рыданья,
И сердце болит, и неровен мой шаг,
И грудь переполнили стоны страданья.

Лишь смерти дано бессердечно пресечь
Обеты супружества, верные клятвы,
Огонь поцелуев и нежную речь —
И ныне они, как она, безвозвратны.

Былого блаженства счастливые дни
Расстались, как тени мелькнувшие, с нами,
Жила наша радость мгновенья одни —
Ее я теперь искупаю слезами.

Так я средь людей, неутешный, живу;
Но, друг мой, с тобой я мечтами моими,
Всечасно с тобою — во сне, наяву
Твое повторяю любимое имя.

Порою мне кажется: вижу тебя
И слышу знакомый твой шаг в отдаленье,
Зову и молю — но, безмолвно скорбя,
Глядишь ты, не в силах продолжить движенье.

Ко мне не идешь ты! Забыто ль тобой,
Что были тебе колыбелью объятья?
Забыты ли говор и шепот ночной
И ласки, что мог принимать и давать я?

И если все будет и далее так
И сил недостанет скитаться по свету,
Я лягу под землю, в таинственный мрак,
И вырежут надпись надгробную эту:

«Здесь, в этой могиле, вдовец погребен,
Что умер, все силы от скорби теряя,
И слово последнее вымолвил он:
«Супруга моя, одинок без тебя я!»

ГЕОРГЕ АСАКИ
(1788—1869)

ОБЕЗЬЯНА НА МАСКАРАДЕ

Жил философ в царстве неком,
Одинокий, как паук,
Слыл он мудрым человеком,
Знал он тайны всех наук.
И свой собственный музей
Он собрал с планеты всей.
Раковины, камни, перья —
Все предметы охватил.
Под картиной Рафаэля
Дремлет нильский крокодил.
И каких только чудес
Не перебывало здесь!
Пополнял он днем и ночью
Свой паноптикум всерьез.
В общем, говоря короче,
Обезьяну он привез.
Обезьяну — как ни странно,—
Скажем без обиняков,
Он привез орангутанга
С африканских берегов.
Поселил — живи, дыши...
И не чаял в нем души.
День за днем, от мира спрятан,
Он, не слыша ничего,
Над старинным фолиантом
Хмурил бледное чело.
И, завален, увлеченный,
Манускриптами по грудь,
Мог лишь вечером ученый
Час-другой передохнуть.
С обезьяною, шутя,
Забавлялся, как дитя.
Как-то раз
О маскараде
Кто-то мудрецу сказал.
И мудрец, забавы ради,
Обезьяне заказал
Пышный праздничный костюм

(И взбрело ж ему на ум!),
Самый яркий, самый модный —
Чтоб не выглядеть смешно,
В полном блеске, с позолотой,
Красочное домино!
И достал еще старик
Важный, с буклями, парик.
Все на совесть, без изъяна,
Подобрал он, шутке рад.
Как принцессу, обезьяну
Разодел на маскарад.
Маску выбрал
И, как в сказке,
В туфли бальные обул.
И перчатки, без опаски,
Ей на пальцы натянул.
Мордочка, как кабачок,
Скрылась в маске. И молчок!
Обеспечен, честь по чести,
Пышный выход — в высший свет,
И, с присущим ей кокетством,
К носу поднося лорнет,
Вся, как облако, бела —
Обезьяна в зал вплыла...
Старец медленно под ручку
С ней идет, народу — страсть!..
Гомон, давка и толкучка,
Негде яблоку упасть.
Рев оркестра, бубнов гром.
Каждый лезет напролом.
Музыка. Цыгане. Танцы.
Аферисты, иностранцы.
Желторотые юнцы
И степенные отцы.
Ведьмы — вровень с молодыми —
Томно держат веера.
Вздор бредовый — по-латыни —
Изрекают доктора.
Высший свет и полусвет,
И кого здесь только нет!
Дама, что на все готова,
Скромно опускает взгляд.
Исполняет роль немого
Говорливый адвокат.

И мои герои тут,
В пестрой сутолке идут.
Их толкают справа, слева,
Пятятся на их пути.
Обезьяна королевой
Выступает впереди.
И уже и тут и там
Слух ползет по их пятам.
И глядят уже с опаской,
С уважением, всерьез...
Кто скрывается под маской? —
Вот мучительный вопрос,
Интригует чрезвычайно:
Что же под собой таит
Столь сановное молчанье
И величественный вид?
Шепчут вслед,
Прищуря глазки,
Всех маститых перебрав:
— Знаете, кто в этой маске?
Это — иностранный граф...
— Бросьте, то английский лорд,
Так величественно горд...
— Вот те крест, сомненья нету,
Кардинал... Проездом в Рим...
— Я скажу вам по секрету,
То китайский мандарин!..—
Сборище новинке радо.
Всем знаком и взгляд и рот.
Кто — венгерского магната,
Кто — микадо
Узнает...
Дамы ахают и тают,
Множа громкую молву.
Все мартышке угождают,
Назначают
Рандеву.
По причине бенефиса
Дарит ей билет актриса,
Меценат зовет на пир.
Векселек сулит банкир.
И сует рецепт особый
Друг-аптекарь, тут как тут...
В общем, важную персону

Все, без исключенья, чтут.
Ух, в каком она почете!
Все чины, за рядом ряд,
На протекцию в расчете,
Перед нею лебезят...
И небрежно, свысока
Оттирают старика...
И тогда —
Решив в отместку
Тайны больше не беречь,
Снял он с обезьяны маску
И сказал такую речь:
— О безмозглые бараны,
О слепое дурачье!
Вы всему чужому рады,
Презирая все свое.
Ну-ка, посмотрите сами —
Вот пример перед глазами!
Вот чему спешили разом
Вы поклоны принести.
А достоинство и разум
Здесь, как видно, не в чести.
Вам, что пресмыкались рьяно,
Правда, видно, не нужна.
Будь хоть черт, хоть обезьяна,
Лишь бы — мантия пышна!
А невежество хранит
Гордо-молчаливый вид,
И глупцы — во все века —
Пышно рядятся в шелка...

Замер зал. И тихо стало.
Гасла за свечой свеча.
Лишь мартышка приседала,
До упаду хохоча.

СЛОВО СОКРАТА

Строил дом себе Сократ,
А соседи все подряд
Кто с упреком, кто с советом:
— Нет пропорций в доме этом!..

— Планировка бестолкова!..
— Право, для лица такого
Маловат и тесен дом!..—
Так судил народ кругом.
Возникали эти мненья,
Словно на воде круги,
И Сократ вознес моленья:
— О Афина, помоги!
Я клянусь тебе, богиня,
Заплатить любой ценой,
Чтоб входили в дом отныне
Лишь друзья — никто иной!
Ибо при таком условье,— мудро рассудил Сократ,—
Дом окажется просторным,— был мыслитель прав стократ.
Каждый врет на всякий случай,
Что, мол, друг он наилучший;
Тот, кто верит, тот простак,
Ибо получилось так:
В нашем мире званье это —
Как разменная монета,
Но отыщется не вдруг
Настоящий, верный друг.

ХУДОЖНИКУ

Образ дальний, сердцу милый
Кистью воссоздай умелой
И портрет моей любимой
По стихам вот этим сделай:

Ты изобрази вначале
Смоль и блеск кудрей крылатых,
Чтоб они напоминали
О дождях и ароматах;

Лоб — белее зимней вьюги,
Тенью полные ресницы,
А над ними — брови-дуги,
Что хотят соединиться;

Напиши их, чтоб не знали,
Как союз основан дружный,
Что тут есть: дуга одна ли
Или дружба полукружий?

Напиши глаза-сапфиры,
Пламя их изобрази ты —
Синее, как у Афины
Или дивной Афродиты;

Тронь лицо нежнейшим тоном
Лилии и розы разом,
Уподобь лицо бутонам
Майским, росным, светлоглазым;

Сделай так, чтоб стало ясно:
Губы манят к поцелуям.
И к гармонии прекрасной
Путь блаженный неминуем;

Чтобы, отгоняя тучи,
Сам Эрот летал над нею,
Чтобы мы узрели тут же
Душу светлую — Психею;

Но чтобы одежда тело,
Покрывая, не скрывала,
Чтобы красота блестела
Под покровом покрывала!

НА СМЕРТЬ ОТЦА

Как и что сказать могу я, где, скорбя, найду слова я,
Чтобы выплакаться вволю? Боль и горечь велики.
Горе, я отца утратил, а моя страна родная
Патриота потеряла, утешенье — бедняки.

Был он — как икона в церкви, был он добрым и суровым;
Сколько раз он, представая пред внимающей толпой,
Из сердец жестоких слезы исторгал горячим словом
И гасил порока пламя и страстей порыв слепой.

В час, как над землей молдавской гром раскатывался адский,
И разор, грабеж, убийство прятались в дыму густом,
И над углями вздымался полумесяц азиатский,
Он провозглашал победу мудрым словом и крестом.

Был ума он преисполнен, благородства был такого
И к возвышенным деяньям, к милосердью склонен так,
Что и в разоренном доме у него искали крова
Муза языка родного и с чужою речью враг.

Проповедуя усердно цель, которой нет дороже,
Верен зову, что глаголет: «На земле работник будь!»,
Он указывал дорогу неокрепшей молодежи —
Через темные могилы к новой жизни светлый путь.

Он всю жизнь свою боролся против вспененного вала,
Против гроз, одолевая жизни бурный океан;
Чтоб детей растить, отец мой не щадил себя нимало —
Так птенцов своею кровью кормит птица-пеликан.

Боже, он — перед тобою; если скажешь, что нетленно
Хоть одно из дел, внушенных силой духа твоего,
Полон грусти и признанья, я молю тебя смиренно:
Дай ему покой на небе, мне же — душу дай его.

ГРУСТЬ

Придешь ли ты, кумир мой непорочный?
Я жду тебя в печальной тишине
С тех пор, как соловей умолк полночный
И только вздох мой тяжкий слышен мне.

Порой цветенья быть тут довелось мне,
И жизнь была весенне-хороша;
Минуло время золотых колосьев,
Иною стала и моя душа.

И, как роса, что умывает даром
Цветок, почти убитый жаром дня,
Я слезы лью — я так борюсь с пожаром,
В могилу увлекающим меня.

Здесь счастлив был я под зеленой сенью
С тобою, драгоценный мой цветок...
Пришла пора жестокому мученью —
Я гибну, ибо стал я одинок.

АЛЕКСАНДРУ ДОНИЧ
(1806—1866)

МЫСЛЬ

Я смотрю на небо. В ясной вышине
Взор мой изумленный горестно блуждает.
Я любуюсь солнцем, что в сплошном огне,
Согревая землю, радостно сверкает.
Но и твердь и солнце — от земли далеко.
И вовек подняться нам не суждено
Выше, чем природой, мудрой и жестокой,
Людям от рожденья определено.

На орла смотрю я жадными глазами,
Как стремит он к небу гордый свой полет,
Рассекая воздух мощными крылами
Над сияньем вечным снеговых высот.
И сдержать не в силах скорбного стенанья,
Я к земле склоняюсь горестным челом.
— Человек,— шепчу я,— жалкое созданье,
Почему не можешь взвиться за орлом?

Но внезапно к небу мысль моя взлетает
Молнией чудесной, полною огня,
Устали не зная, солнце обгоняет
И нетерпеливо дальше мчит меня.
Все она объемлет, видит, постигает,
Суть вещей находит, время и закон
И, не зная смерти, дальше улетает
К вечному порогу, к тайне всех времен.

РОДНОЙ ПЛЕМЯННИК

Под лавкой ночью в час мышиный
Собрались все мышиные старшины.
Они решили, что отныне
В их родовой твердыне
Лишатся полномочий
И потеряют все посты

Те, у кого окажутся хвосты
Размеров установленных короче.
И что в годину бед
Они оставят просто
Жестокой кошке на обед
Мышей недолгохвостых.
Хвосты, как видно, в их общине
Явились знаком гордости как раз,
Как составляют бороды у нас
Понятие о месте и о чине.
По той ли, по иной причине,
А принят был такой указ
И был приведен в исполненье.
Но через пару дней
Средь тех мышей,
Чей хвост достоин удивленья,
Мышонок без хвоста, склонясь над списком,
Перечислял опальных с писком!
Один хвостатый вытерпеть не смог,
Толкнул соседа лапкой в бок:
«Каким путем — понять я не могу —
Он оказался в избранном кругу?
Таких, как он, взашей мы гоним!
И как молчишь ты, убеленный сединой?»
«Молчу, ведь он — племянник мой родной...»
«Достаточно, я понял».

Неужто даже в норках мелких
Законны сделки?

АЛЕКСАНДР ХАЖДЕУ
(1811—1874)

МОСКВА В 1812 ГОДУ[1]

Века ты простоял, град сильный, величавый!
Хоть разражался гром о белый камень твой,
Ты уцелел в борьбе и с Польшей и с Ордой.
Их следу нет! А ты, повитый древней славой,

[1] Стихотворения А. Хаждеу написаны по-русски.

Все тот же исполин над бездной роковой
Народов и времен. О, знает путь кровавый
Назад, кто дерзко в брань вступал с твоей державой,
Союзник божий, град Георгия святой!

Но вот из Франции победы гордый гений
Подвинул на тебя, как ангел разрушений,
Мир вражий двадцати племен, с мечом, с огнем.

И устоишь ли ты?.. Пожар! Пожар! Но в нем
Родное пламя: то не блеск Москвы прощальный,
А тризна по врагам, их факел погребальный!

Москва, 1830

МОГИЛА ВОЛОШАНКИ В МОСКВЕ

Ввек не забыть Кремля! Он рассказал мне быль
О жизни и судьбе Стефановой Елены.
Я видел красные ее светлицы стены,
Где в счастье дни вела, покуда царь любил
Ее, как дочь, за ум и нрав ее смиренный;
И мрачный терем тот, где Грозный заключил
Ее, невинную, по происках измены,
Где север нежный цвет Молдавии сгубил!

Опальный гроб ее я оросил слезою,
И рассказал ему моей души мечтою,
Как Русь для счастия Молдавии льет кровь.

О, дорога для нас страдалицы могила:
Она нас первая с царем Руси сроднила
И завещала нам царей Руси любовь!

АККЕРМАН

Приветствую тебя, первопрестольный град
Молдавии! Я на кладбище разрушений
Средь лавы отыскал твой древний славы клад:
След первой пристани, след первых поселений.

И первый хлебный злак, и первый виноград.
Но мне милей встречать среди полночных бдений,
За городом, как с лимана веет хлад,
То Святослава, то Назона славны тени.

На Святослава зов приходит Вейсенштейн.
На зов Овидия — дух Пушкина слетает.
Герой герою быль гласит про вражий плен.

Певец певцу про свой здесь жребий напевает,
Герою пир — рассказ о новой русской славе,
Певцу печаль — что жил не в русской он державе.

ВАСИЛЕ АЛЕКСАНДРИ
(1821—1890)

ДОЙНА

Дойна, дойница!
Где ты, милая девица,
В золотых цветах косицы,
Губы — ярче заряницы?

Хорошо с такою милой,
С голубицей сизокрылой,
С сердцем, полным гордой силой!

С белокурой недотрогой,
Схожей с ланью быстроногой,
Нежной полною тревогой!

Соловей неутомимый,
Я в прохладе нелюдимой
Спел бы дойну о любимой!

*

Дойна, дойница!
Ружьецом бы мне разжиться
Да с топориком сродниться,
Не тужить — а веселиться!

Под седло б не вороного,
Что черней греха людского,—
Горделивого и злого!

Семерых бы мне с мечами,
Братьев с гневными очами,
На конях, чье имя — пламя!

Мне б орлиный лет и зренье,
Пел бы яростно весь день я
Дойну гнева и отмщенья!

*

Дойна, дойница!
Слышишь, милая моя ты,
Всем клянусь, что сердце свято,
Стать тебе роднее брата!

А коню наказ мой краток:
Ты лети быстрей касаток,
Бурей вдоль лесов косматых.

Братьям молвлю: — Вот что, братья,
Клятву дам пред вашей ратью
Басурманов убивать я!

Гей, пошло на битву братство,
Час настал освобождаться
От языческого рабства!

1842

В СЕВАСТОПОЛЕ

Под злобный грохот пушек, гремящих здесь и там,
Я прохожу печально по крымским берегам.
Могильною землею ступаю я повсюду:
Здесь каждый холмик прячет костей истлевших груду.

Взлетали с визгом бомбы в сырой осенней мгле
И рвались с тяжким громом, ударив по земле.
И почва вся разрыта — она перемешала
В себе обломки ружей с осколками металла.

Затопленные в бухте видны мне корабли.
Сожженный Севастополь в клубящейся пыли.
В дыму свои руины раскинул над холмами,
Окутан в белый саван тумана облаками.

Великая картина отсюда мне видна...
Теперь венками славы украшена она,
А сколько было крови, и ужаса, и страха,
И все это по воле тщеславного монарха!

Прошло ль землетрясенье, разрушив все кругом,
Иль с неба пало пламя, небесной кары гром?
Нет, не землетрясенье, не пламень божьей кары —
Следы людской здесь злобы и ненависти ярой.

Повсюду здесь остался на грустных берегах
След свежих разрушений, руин остывших прах.
И тут и там венчает безвестные могилы
Качаемый ветрами на взгорье крест унылый.

Когда, когда ж, о боже, пора настанет та,
В которой воплотится святой завет Христа,
Когда в печальном мире не станет зла и тени,
А человек не будет орудьем разрушений?

И день навек прекрасный, прославленный взойдет,
Когда любой властитель, что был он слеп, поймет
И воцарится в мире великих чувств богатство:
Свобода, справедливость, и равенство, и братство.

В те думы погруженный, перехожу овраг
И у одной могилы я замедляю шаг.
Она разбита бомбой, что с высоты упала,
И на земле остались осколки пьедестала.

Ядро лежит здесь рядом, расколото оно
И, словно чаша смерти, теперь росой полно,
А сквозь разбитый мрамор упрямо прорастая,
Свой вытянула стебель ромашка полевая.

Ядро — посланник смерти — превращено в сосуд
(О тайна провиденья!), откуда птицы пьют.
Из смерти жизнь родилась, из тьмы взошло светило,
И венчик на могиле ромашка распустила.

О, если б реки крови, что пролиты в боях
На этих бастионах, на выжженных холмах,
Плод добрый принесли нам — права на возрожденье
Страны моей родимой в век горький угнетенья!

1855

ЖУРАВЛИ

Вновь несутся узким клином журавли из светлой дали,
На крылах своих широких солнца свет они примчали.
Вот летят они над нами, вот за тучу скрылись вмиг...
Впереди — журавль бывалый, их небесный проводник.

Нынче к нам они вернулись, ради севера покинув
Дальней Индии пределы, край таинственный браминов;
Там не счесть свирепых тигров, джунгли змеями полны,
Ходят ночью к водопою с длинным хоботом слоны.

О счастливые скитальцы! Мчась в заоблачные дали,
Сверху, с неба, эти птицы тайны Африки видали:
Горы лунные, пустыню, землю, странную, как сон,
Где народом чернокожим Белый Нил обожествлен.

О скитальцы дорогие! Позади у них полмира:
Реки Азии, долины плодородного Кашмира;
И Цейлон оставлен ими, благодатный остров-рай,
И несут они на крыльях счастье в наш родимый край!

1868

ИОН СЫРБУ
(1830—1869)

МОЛДАВИЯ

Шелковистыми лугами
Расстилается страна.
Серебриста родниками
И лесами зелена.

Путника дубрава эта
Обнимает, молода:
Приезжает он на лето,—
Остается навсегда.

Молдаванка молодая
Улыбнется, краше дня...
Сердце мечется, плутая,
Вспыхнув, словно от огня.

Возбуждающая веру,
Величава и стройна,
Внучкою самой Венеры
Называется она.

Пусть, Молдавия родная,
Твой простор и небольшой,
Чужестранцев принимая,
Ты их потчуешь с душой.

Здесь французы, итальянцы,
Немцы, край твой полюбя,
Не желают удаляться —
Отрываться от тебя.

Прославляешься трудами
(Мы не зря на том стоим):
Изобильными полями —
Землепашеством своим.

Подтвержденьем самым лучшим
Стал, взошедший над серпом,
Зубр, веками неразлучный
С государственным гербом...

Все раскрыть бы строчка рада,
Только это ни к чему:
Тут воочию бы надо
Все увидеть самому.

К РАДОСТИ

Радость, радость, что с тобою?
Где скрываешься, маня?
Или стала ты слепою —
Не заметила меня?

Приходи ты, ради бога!
Но за злобу не держись!
Посиди со мной немного,
Освети собою жизнь.

Где найти тебя, не знаю —
Покажись хотя б на миг!
Улыбнись ты мне, родная,
Чтоб душой к тебе приник.

Тут и там, везде и всюду,
Обыщу я все пути.
Сколько я искать ни буду,
Но тебя мне не найти.

Я собьюсь с пути под вечер,
Чуть оступится нога,
В лабиринте ночи встречу
Ненавистного врага.

Горе, горе вековое
Схватит за душу меня,
От тебя своей тоскою
Мне дорогу заслоня.

О, какой визит короткий!
Радость, стой! Плывешь куда?
Уплывает радость в лодке —
В лодке черной, как беда.

И плывет она со стоном
В волны мира, в безднах дня
К угнетенным, притесненным,
Что еще грустней меня.

К ПРАВДЕ

Правда, слышишь стон упрека?
Почему ты так далеко?
Ненавидя и кляня,
Ты покинула меня.
Я ж тобою дорожу,
Но тебя не нахожу.
Потому ли встречи нет,
Что я, правда, твой сосед?
Я стучусь к тебе опять:
Не могу тебя застать.

БОГДАН ХАЖДЕУ
(1836—1907)

ЕЛЬ

Палит ли солнце в летний зной,
Иль ветер вьюжный веет,—
Ель над высокой крутизной
Все так же зеленеет.

Гигант в утес корнями врос,
Красуясь в мире горном;
Все глубже роет он утес
Своим могучим корнем!

С гранитной глыбой уж давно
Сроднились корни ели,
И сотрясают их равно
Бураны и метели.

Один зеленый монолит —
И дерево и камень:
Их стужа не оледенит,
Не обожжет их пламень.

Под вьюгой бешеной, стройна,
Упершись в тучи кроной,
Уж столько лет стоит она
В свой красе зеленой.

Попробуй ель пересадить,
Дай ей тепло долины,—
Ее погубишь, ей не жить
Без льдов и скал вершины.

Палит ли солнце в летний зной,
Иль ветер вьюжный веет,—
Ель над высокой крутизной
Все так же зеленеет.

ГОРА И ДОЛИНА

О, до конца безумен тот,
Кто жита и жасмина ждет
На кряже гор, во льдах высот:
Они сильны, но на крутом
Челе гранитном, полном мощи,
Пробьется ядовитый, тощий
Один лишь мох и то — с трудом.

Зато долины под горой —
Как манят взор они листвой,
Речонкой, вьющейся змеей,
Ковром цветочным вдоль дорог;
Прозрачны гроздья винограда,
И пчелами гудит левада.
Повсюду чувствуется бог!
Не там, вверху, где богачам
Воскуривают фимиам,—
Добро рождается не там:
Внизу томящийся народ,—
Лишь он — та самая долина,
Где пахнут и цветы жасмина
И жито доброе встает!..

БЕЛОЕ И ЧЕРНОЕ

Осень щедрого Дуная уплыла по руслам рек.
Все бело и все студено — белый иней, белый снег,
Мир безжизненный и белый распростерся бездыханно,
А над ним ни туч, ни солнца — белый занавес тумана.

Подымается над крышей струйка белого дымка,
Хаты в ряд — как гроб у гроба, снег по самые бока.
Тщетно ищет темных пятен взор на мраморе безбрежном.
Даже тени на сугробах не черны, а белоснежны.

Но внезапно, как монахи, окружившие амвон,
Опускается на землю стая черная ворон.
Над пейзажем монотонным точки черные нависли.
Чернота их мне дороже белизны, лишенной жизни.

МИХАЙ ЭМИНЕСКУ
(1850—1889)

ВЕНЕРА И МАДОННА

Идеал, навек погибший в бездне сгинувшего мира,
Мира, мыслившего песней, говорившего в стихах,
О, тебя я вижу, слышу, мысль твоя звучит, как лира,
И поет она о небе, рае, звездах и богах.

О Венера, мрамор теплый, очи, блещущие тайной,
Руки нежные — их создал юный царственный поэт.
Ты была обожествленьем красоты необычайной,
Красоты, что и сегодня излучает яркий свет.

Рафаэль, в мечтах паривший над луной и облаками,
Тот, кто сердцем возносился к нескончаемой весне,
На тебя взглянув, увидел светлый рай с его садами
И тебя средь херувимов в запредельной тишине.

На пустом холсте художник создал лик богини света,
В звездном венчике с улыбкой девственной и неземной,
Дивный лик, сиянья полный херувим и дева эта,
Дева — ангелов прообраз лучезарною красой;

Так и я, плененный ночью волшебства и вдохновенья,
Превратил твой лик бездушный, твой жестокий злобный лик,
В образ ангелоподобный, в ласку светлого мгновенья,
Чтобы в жизни опустелой счастья нежный луч возник.

Опьяненью предаваясь, ты больной и бледной стала,
От укусов злых порока рот поблек и посинел,
Но набросил на блудницу я искусства покрывало,
И мгновенно тусклый образ, как безгрешный, заблестел.

Отдал я тебе богатство — луч, струящий свет волшебный
Вкруг чела непостижимой херувимской красоты,
Превратил в святую беса, пьяный хохот — в гимн хвалебный,
И уже не взглядом наглым — звездным оком смотришь ты.

Но теперь покров спадает, от мечтаний пробуждая,
Разбудил меня, о демон, губ твоих смертельный лед.
Я гляжу на облик страшный, и любовь моя простая
Учит мудро равнодушью и к презрению зовет.

Ты бесстыдная вакханка, ты коварно завладела
Миртом свежим и душистым осиянного венца
Девы, благостно прекрасной, чистой и душой и телом,
А сама ты — сладострастье, исступленье без конца.

Рафаэль когда-то создал лик Мадонны вдохновенной,
На венце которой вечно звезды яркие горят,—
Так и я обожествляю образ женщины презренной,
Сердце чье — мертвящий холод, а душа — палящий яд.

О дитя мое, ты плачешь с горькой нежностью во взоре —
Это сердце можешь снова ты заставить полюбить.
Я гляжу в глаза большие и бездонные, как море,
Руки я твои целую и молю меня простить.

Вытри слезы! Обвиненье тяжким и напрасным было.
Если даже ты и демон, обесславленный молвой,
То любовь тебя в святую, в ангела преобразила.
Я люблю тебя, мой демон с белокурой головой.

1870

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Ночами, когда в моем сердце томленье,
Мой ангел-хранитель — святое виденье —
Являлся в одежде из света и тени
И крылья свои надо мной простирал.

Но только увидел твое одеянье,
Дитя, в ком слилися тоска и желанье,
Тобой побежденный он робко бежал.

Быть может, ты демон сама, если взглядом
Чарующих глаз, их пленительным ядом
Заставила скрыться в испуге пред адом
Того, кто был стражем моей чистоты?
Но может... Скорей опусти же ресницы,
Чтоб мог я сравнить ваши бледные лица,
Ведь он...— это ты!

1871

БОЛТОВНЕ ОТВЕТ — МОЛЧАНЬЕ

Болтовне ответ — молчанье.
Ни похвал, ни порицанья.
Ты пляши себе как хочешь
И не жди рукоплесканья.
Только я плясать не стану
Под фальшивое бренчанье.
Правду я ищу лишь в сердце —
Вот оно, мое призванье.

1876

Я ИДУ ЗА МИЛОЙ СЛЕДОМ...

Я иду за милой следом
В темной чаще, в глухомани,
Чуть приближусь к ненаглядной —
Прерывается дыханье.

Еле выговорил слово,
Что огнем души согрето,—
Смотрит мимо дорогая,
Не давая мне ответа.

Подхожу к ней ближе, ближе,
Уговариваю нежно —
Озирается пугливо,
Отстраняется поспешно.

Изогнулась, вырываясь,
Чуть я обнял стан прелестный;
Жарких рук не размыкаю,
К сердцу привлекаю тесно.

То ль не рада, то ли рада
Мне на грудь она склониться.
Без конца целую губы
И смеженные ресницы.

Крепче к сердцу прижимаю
Даже дух перехватило.
Отчего грустит, спросил я,
Неужели разлюбила?

И она мне отвечает,
Озарив сияньем глаз:
— Ты мне дорог бесконечно,
Только дерзок ты подчас.

1876

ЖИЗНЬ

Нередко слышу я, как, выпятив живот,
Румяный жирный поп с амвона речь ведет
О том, что род людской идет путем страданья,
Что наслаждение — преддверье покаянья...
Но разве может знать откормленный такой,
Какой бывает жизнь и быть должна какой?

Над тесной уличкой ночь блещет и сверкает,
Лучи ста тысяч звезд мне под ноги бросает.
До слуха моего доносятся едва
И жалобы, и смех, и смутные слова
Из мира старых стен, из-за окон разбитых,
С забытых пустырей, из-за дверей раскрытых.

Вот скромной спаленки я вижу полумглу.
У лампы девушка вдевает нить в иглу.
Та девушка бледна, глаза у ней потухли,
Над покрасневшими белками веки вспухли —
Ночной упорный труд погибелен для глаз,
В них не осталось слез... Зачем ты родилась?
Зачем живешь? Ведь жизнь тебя несет,
Как веточку по лону пенных вод,
Ты — тень в толпе. Куда тебя забросит
Житейский пыльный вихрь? Но кто об этом спросит?

Вот так и день и ночь все трудится она,
И можно разглядеть сквозь занавес окна,
Как ловки пальчики, как эти очи зорки!
Почувствовать легко, как эти слезы горьки.
Ведь на день брось иглу — и будешь голодать,
Вот, кажется, и все, что в силах ты понять!

Работа сделана... Пойдет она куда?
Творенья твоего священного труда
Перед клиентами торговец расстилает.
Огромный солитер лучится и сверкает
На пальце у купца... И куплен камень тот
На прибыль от ночных девических работ.

Твой труд, о девушка, стал ценностью отныне:
Купец его теперь предложит герцогине;
Получит деньги он, отвесит ей поклон...
Та ткань, в которую вплелись — жизнь, слезы, сон,—
Ткань, белая как снег, на ком теперь надета?

Когда тебе, дитя, на ум приходит это,
Ты смотришь в зеркальце и плачешь, плачешь ты
От жалости к себе. И кроткие черты
Лица ты своего запечатлеть стремишься...
Так вот какая ты! Страдаешь и томишься,
Живешь, послушна всем, боишься ты всего,
Лишенное поддержки существо.
И только смерти ждешь с готовностью покорной,
Как утешительницы в жизни этой скорбной.
Но все же у тебя одна подруга есть —
Откуда ни возьмись явившаяся здесь
Пчела! Она нашла пути в твою светелку.
И, отворив окно, ты приглашаешь пчелку
Хотя бы до весны с тобой вдвоем пожить!
Две пролетарки вы, пристало вам дружить —
Букашке-девушке с букашкою крылатой.
Когда, подавлена нуждой своей проклятой,
Вдруг девушка взгрустнет в обиде на судьбу,
К ней пчелка резвая садится на губу.
И словно говорит любезно и учтиво:
«Подруженька, мила ты и красива!
Ты знаешь, как цветок, прелестен ротик твой!
Ты очень хороша! Прекраснее святой!
А глазки у тебя! Ну, как их не похвалишь!»

*

...И смерть настигла девушку. Она лишь
Сказала: «Отдохни! Пришли покоя сроки».
Вот девушка в гробу. Еще бледнее щеки,
Но мертвого лица столь хороши черты,
Что те, кто жив, дарят покойнице цветы.

С. Кудрявцев. Белорусский крестьянин в праздничном наряде. XIX в.

Как благороден, строг и величав он,
Труп девушки, в льняной одетый саван!
К открытому окну, любуясь, подошла
Цветущая весна... Но бедная пчела
Забыла о полях и с грустью беспокойной
Все время кружится над девушкой покойной,
Как будто говорит, что хочет быть она
С подругою своей в земле погребена.

И потому когда, перетянув живот,
Румяный жирный поп с амвона речь ведет
О том, что род людской идет путем страданья,
Что наслаждение — преддверье покаянья,
То разве может знать откормленный такой,
Какой бывает жизнь и быть должна какой?

1879

ВЕНЕЦИЯ

Угасла жизнь Венеции счастливой,
Замолкли песни, отблистали балы,
Лишь от луны на мраморе портала,
Как в старину, сверкают переливы.

И бог морской грустит во тьме канала:
Он юн — и верит, что былое живо,
Звеня волнами, просит он тоскливо,
Чтобы невеста из гробницы встала.

Но спит она, над нею — тишь могилы,
Один Сан-Марко — страж ее бесстрастный,—
Как прежде, полночь отбивает с силой,

Провозглашая медленно и властно
Зловещим, низким голосом Сивиллы:
— Не воскресишь умерших, все — напрасно!

1883

ИЗ ТЬМЫ ЗАБВЕНИЯ...

Из тьмы забвения, куда
Стекают, как ключи,
И боль, и радость, и беда,
И сумерек лучи,

Оттуда, кто уже угас
И не вернется вспять —
Хотел бы я, чтоб ты хоть раз
Пришла ко мне опять.

И если глаз твоих огни
Уже не вспыхнут вновь,
Спокойно на меня взгляни,
Потухшая любовь.

И если даже нежных слов
Ты не произнесешь,
Пойму я замогильный зов —
То ты меня зовешь.

1884

ЗВЕЗДА

Звезды новорожденной свет,
Стремясь к земле, проводит
В пространстве сотни тысяч лет,
Пока до нас доходит.

Быть может, он уже угас
В просторах мирозданья
В тот самый миг, когда до нас
Дошло его сиянье.

Звезда потухла, умерла,
Но свет струится ясный:
Пока не видели — была,
А видим — уж погасла.

Была любовь, ее уж нет,
Затмилась мраком ночи,
Но все любви угасшей свет
Мне ослепляет очи.

1886

СЕРЖИУ ВИКТОР КУЖБЭ
(1875—1937)

ГИМН БУДУЩЕГО

Разрывая цепи рабства,
Поднимайтесь, о народы!
Справедливости сиянье
Ваши озарит деянья,
И взойдет заря свободы.
Просыпайтесь, о народы!

Судьбы мира, судьбы жизни
Вы в свои возьмите руки.
Вековые ваши муки,
Слезы горя и печали
Предки помнить завещали,
Так несите же сквозь годы
Знамя предков, о народы!

Прошлое сегодня гибнет.
Тьму веков, былые беды —
Все сметет заря победы.
Новое наступит время,
Чтобы свет царил над всеми.
Пусть рабы о злом уделе
Песни пасмурные пели,
Песни те мы переправим,
Мы печаль их переплавим
В светлые, как солнце, оды.
Пойте гимн весны, народы!

О свобода золотая!
Землю темною порою
Обвенчай навек с зарею!
Чтобы и зимой и летом
Озарялись вешним светом
Горы, небо, земли, воды,
Чтобы пробуждать народы!

Лучезарная свобода,
Средь мечей на поле боя
Ты цветы несешь с собою.

И возводишь ты упрямо
Из руин угрюмых — храмы
Прямо к сини небосвода,
Чтоб восславить гнев народа!

СВОБОДЕ

Свобода, ты зовешь на путь свершений,
И над сердцами власть тебе дана.
Как свежий воздух, людям ты нужна
В долине жизни, полной искушений.

О, если бы в какой-то миг кровавый
Вдруг воедино слились наконец
И вздохи тяжкие людских сердец,
И слезы из-за попранного права,—

То разразились бы над миром бури,
Потоп залил бы землю, ураган
Взметнул бы в небо черный океан,
Туда, где вечный бог в венце лазури.

Когда бы ты не стала, о свобода,
Святым путеводителем моим —
Как я развеял бы сомнений дым,
О чем бы пел в преддверии восхода?

В дыму боев, где рушатся твердыни,
Тоскуют о тебе сердца во мгле.
Ты как роса на утренней земле,
Ты нам дороже, чем вода в пустыне.

Народы истомились в ожиданье.
Когда ж погибнет рабство, сгинет зло?!
Где ни взмахнуло бы твое крыло —
Все расцветает в радостном сиянье.

Все отступает пред твоею властью.
Ты цепи рвешь. Тираны пред тобой
Трепещут. И трубит им голос твой
О боге, справедливости и счастье.

Свобода, ты зовешь на путь свершений,
И над сердцами власть тебе дана.
Как свежий воздух, людям ты нужна
В долине жизни, полной искушений.

ТУДОСЕ РОМАН
(1887—1921)

СУДЬБА КРЕСТЬЯНИНА

Ох и жизнь! Не жизнь, а горе:
Он в полях встречает зори.
Больше зерен капли пота —
Капли тяжкие без счета.

Нагибается над лугом,
Надрывается за плугом.
И за это вместо платы
Прибавляются заплаты.

Он беспомощен, бесправен,
Он теперь скотине равен.
Разве жизнь? Одно названье:
Жалкое существованье.

Чужаки над ним лютуют,
И барышники плутуют,
И, один другого хуже,
Плугарю скрутили душу.

Неразрывными кругами —
Неизбывными долгами
Так беднягу окрутили,
Что и пикнуть он не в силе.

Чужаки к нему — в запале
Насмерть оводом припали,
И высасывают силы,
И доводят до могилы.

Что им жалобы и стоны?
День и ночь сосут бессонно:
Пусть подохнет он, потея,
Были б сыты богатеи!

ЗНАЮ ЛИ Я...

Зачем пою, строкой звеня?
Безумец — так зовут меня!
Зачем, не знаю, как в бреду,
Я к стайке девушек бреду,
Их останавливаю вдруг,
Цветы беру у них из рук,
И к шляпе старой, как мечты,
Прикалываю я цветы.

Я сам пойму себя едва ль:
Меня ругают — мне не жаль.
И, сам не знаю почему,
Вдруг стан девичий обниму,
Шепну словечко на ушко,
И на душе моей легко.
Меня одернут: «Как, пострел,
Позволить ты себе посмел?!»

Я сам не знаю: прав — не прав,
Хорош иль плох мой странный нрав,
Но тропка снова из села
Глаза девичьи принесла.
Ко мне с цветами на груди
Они подходят: «Погоди!
Я умираю без цветов,
Я за любовь на смерть готов!»

АЛЕКСЕЙ МАТЕЕВИЧ
(1888—1917)

НАШ ЯЗЫК

Наш язык — что клад заветный,
Скрытый под землей глубоко,
Блеск каменьев неприметный
В зелени травы высокой.

Наш язык — огонь горящий
В сердце горестном народа,
Что провел, как витязь спящий,
В долгом сне глухие годы.

Наш язык — свирель пастушья,
Жизни полная певучей;
Он — весенних гроз радушье,
Молний всплеск в разрывах тучи.

Наш язык — колосьям внемлю,
Тихо шепчущим в печали.
Ради них родную землю
Потом деды орошали.

Наш язык — листок зеленый,
Древних кодров шум нестройный,
Свет созвездий, отраженный
В синеве Днестра спокойной.

Наш язык — скрижаль святая,
Свиток грамот пожелтелый,
И, в былое проникая,
Ты трепещешь, онемелый.

Наш язык хранит веками
Нашу правду, наше право,
Он и дома и во храме —
Благовест молдавской славы.

Наш язык — веков страницы,
Дойны пламя грозовое,
Он певуч, и он струится
Материнскою слезою.

*

Пусть у очага родного,
В ваших хатах, молдаване,
Вновь отцов сверкает слово,—
Древних сказок и преданий.

С них сотрите пыль забвенья,
И тогда пред вашим взором
Слов бесценные каменья
Вспыхнут радужным узором.

Россыпь слов лежит пред вами,
Где одно другого краше,
Лишь работайте упрямей,—
Ведь земля богата наша,—

И найдете клад заветный,
Спящий под землей глубоко,
Блеск каменьев самоцветный
В зелени травы высокой.

1917

Я ПОЮ

Пою о тех, над кем простерлась тьма,
Кто не ослаб от барского ярма,
Кто в горе и мученьях не зачах,
Кто землю держит на своих плечах.

Пою о тех, кто крепок и силен,
Кто солнцем и ветрами опален,
Кто прорезает жизни борозду,
Встречая в поле первую звезду.

Они плугами кормят всех, и пот
По ним ручьями целый день течет.
Но пахарей к себе земля влечет,
И руки их не слабнут от работ.

Я воспеваю тех, кто прям и строг,
Кто, выйдя в ночь, без тропок и дорог,
Еще не зная, как вперед идти,
Не растерял своих надежд в пути.

Я ими горд, пою я славу им,
Тем, кто, печалясь, был неколебим,
Тем, кто, вздыхая горькою порой,
За плугом шел, не покидая строй.

В железной их груди хватило сил,
Мрак жизни свет огней не погасил,
Слеза лилась тайком. Иные дни —
Я их пою — предвидели они.
О них пою!

Я славлю час и срок
Прихода этих дней на наш порог.
И вижу, как от света и тепла
Над нами тает вековая мгла.

Я вижу травы в росном серебре
И пахарей, поющих на заре,
Не дойну нашей горькой стороны,
А дойну возрождения страны.
То голос жизни.
И в родном краю
Ему внимаю я,
О нем пою.

ТОМЛЕНИЕ

Улыбаются луга.
То томленье, то тревогу
Будят шорохи ночей.
И зовет, зовет в дорогу
Расколовшийся ручей.
Небеса мне даль открыли,
Вешним пламенем горя.

ЮРИС АЛУНАН
(1832—1864)

СОНЕТ

— Что ты куешь, кузнец? — «Оковы, видишь сам!»
— Тебя же самого скуют цепями!
— Ты сеешь, пахарь? — «Да, чтоб хлеб встал над полями...»
— Тебе — мякина, хлеб — чужим коням!

— А ты, с ружьем? — «По серне выстрел дам!»
— Как серну, и тебя затравят псами!
— Рыбак, зачем пугаешь рыб сетями?
Уж смерть готовит сети рыбакам...

— Ты, мать! Кого ты кормишь? — «Мальчуганов».
— Растишь рабов, чтобы своим добром
Они потом кормили бы тиранов!

— Поэт, что пишешь? — «Огненным пером
Пишу в укор себе, в укор народу,
Что не встаем бороться за свободу!»

1853

ВЕЧЕР

Солнце шлет еще земле отраду,
Луг и поле дарит позолотой,
Пчелы в спешке мед сбирают в соты,
Пастухи к деревне гонят стадо.

Все живое сном забыться радо,
Лишь у соловья свои заботы,
И в ветвях зеленых все поет он
Песнь о том, что грусть оставить надо.

Ночью горе от себя отрину,
Радость понапрасну не растрачу
И огню в груди не дам остынуть.

Если б мог я жизнь прожить иначе,
Внемля сердцем песней соловьиной,
Был бы я на свете всех богаче.

КРИШЬЯН БА́РОН
(1835—1923)

* * *

Не кладите камня надо мной,
Памятник и так построен мой:
Из латышских дайн бессмертных слит,
Золото народа в нем блестит.

Посадите в головах дубок,
Пусть растет раскидист и высок:
Друг ли, недруг ли ко мне придет —
Всяк приют тенистый там найдет.

АНДРЕЙ ПУМПУР
(1841—1902)

НАРОДУ

Люди судят так и сяк,
Судят-рядят мало ль как!
Как чужие судят-рядят,
Не суди и не ряди.

Не забудь: пора придет —
Каждый думать сам начнет.

Говорят и так и сяк,
Рассуждают мало ль как!
Что твердят чужие люди,
Ты того же не тверди:
Кто страдает, должен сметь
Голос собственный иметь.

Поступают так и сяк,
Поступают мало ль как!
Как чужие поступают,
Ты, смотри, не поступай.
Ждет добра от нас народ,—
Пусть окрепнет, расцветет!

Песни тянут так и сяк,
Распевают мало ль как!
Что другие напевают,
Ты тому не подпевай.
Не забудь: народ цветет,
Коли песнь отцов поет!

1871

ИМАНТА

Иманта заколдован,
Не умер — спит герой,
Бездействием окован,
Под Синею горой.

Спит во дворце из злата,
И не ржавеет меч,
Умевший брони-латы,
Как молниями, сечь.

Век минет — на поляну
Из недр выходит гном.
Глядит: когда ж туманы
Рассеются кругом?

Доколе склоны эти
Невидимы во мгле —
Хотя б тысячелетье,—
Иманте быть в земле.

Но Перконовы дети
Разрушат зла оплот.
Волшбы порвутся сети,
Иманта меч возьмет.

И Солнечные девы
О жизни запоют.
И светлые напевы
Героя позовут!

1874

* * *

«Ты, родимый, справь мне лодку,
Матушка, ветрило сладь —
Я пущусь по синю морю
Дочку Севера искать.

День в дороге, ночь в дороге —
Ни души в студеной мгле.
Вижу, снег сыпучий мелют
Великаны на скале.

Не видали ль, снегомолы,
Дочки Севера окрест?
«Путь держите, мореходы,
К Северу от наших мест!»

День в дороге, ночь в дороге —
Ни души в студеной мгле.
Вижу: лед колючий колют
Великаны на скале.

Не видали ль, ледоломы,
Дочки Севера окрест?
«Путь держите, мореходы,
К Северу от наших мест!»

1888

* * *

«Рига, сколько нашей крови
Ты бездумно пролила!
Рига, Рига, сколько стонов
К поднебесью подняла!
Рига, сколько ты стравила
Наших пажитей и нив!
Рига, сколько ты спалила
Наших клетей и дворов!
Рига, сколько ты сжевала
Наших подовых хлебов!
Сколько выкатила бочек
Из питейных погребов!
Рига, Рига, сколько скарба
На подводах увезла!
Рига, скольких, вольных духом,
Плетью рабства обожгла!
Рига, что ж ты смотришь хмуро —
Иль не все отобрала?»

1888

МАТИС КАУДЗИТ

(1848—1926)

ЛЮБОВЬ К НАРОДУ

Когда ликует твой народ
И с ним толпа друзей идет,
От них и ты не отставай,
Но сам любовь свою скрывай!

Когда ж народ бедой томим
И верных мало вместе с ним,
Тогда явись,— пусть слаб,— один,
Скажи открыто: «Я твой сын!»

1879

УТЕШЕНИЕ

Доколе буду счастлив я
На небеса смотреть?
Тепло меня участливо
Доколе будет греть?

И сколько раз меня еще
Порадует рассвет,
И сумерки манящие
В душе оставят след?

Дождусь ли я, что вновь придет
Весны цветенье к нам?
Кто скажет мне: спешить вперед
Иль вериться волнам?

Могу ли быть уверен я
С утра в исходе дня,
И много ли отмерено
Мгновений для меня?

И пусть стремглав несутся дни,
Влача меня на дно,
Мне утешением одним
Отныне быть должно:

Не тронет душу смертный страх
В те дни, что суждены,
Коль буду знать, что жив в веках
Язык моей страны.

АУСЕКЛИС
(1850—1879)

ТРИМПУЛА

Льет Стабураг слезы, бушует Двина,
И ветер свистит по оврагу.
Как стонут дубы! То не деды ль со сна
Бормочут загробную сагу?

На то ли нам, Перкон, ты вырыл Двину,
Чтоб воинам в дар за отвагу,
Богам за подспорье в лихую войну
Лить пригоршней трезвую влагу?

Умели же деды богов ублажать —
Им пиво варили да брагу!
Чья в Латвии поступь бывала под стать
В день праздничный буднему шагу?

Хор девичий, к брегу с венками спеши
Встречать за ватагой ватагу
Веселую кравчих, несущих ковши,—
Пред каждой по пестрому стягу!

Пусть в русле Двина высыхает до дна
И море убудет ко благу,—
Коль чаша хмельная, как древле, полна,
Коль Тримпусу держим присягу.

Отшедший обычай святите, сыны:
Пиры, благочестье, отвагу!
Пьют пращуры с вами у старой Двины
Любезную Тримпусу влагу.

1872

UBI BENE, IBI PATRIA[1]

Герман — в Рим, с ним толпы уходили —
Знания и золото копили...
Что для них отчизна старая?
Ubi bene, ibi patria.

Так и латыши у нас порою
С чуждою братаются землею.
Заросла тропа обратная —
Ubi bene, ibi patria.

Этих беглых больше год от года —
Где им разделить судьбу народа!
Разве край свой помнит пария?
Ubi bene, ibi patria.

---

[1] Где хорошо, там и отечество *(лат.)*.

Наша поросль где-то на чужбине,
Словно рак в камнях, укрылась ныне.
К иноземцам в школы взятая...
Ubi bene, ibi patria.

Про народный стон поют поэты,
Ретроград считает, знай, монеты,
Он тебя не славит, Латвия:
Ubi bene, ibi patria.

В ЛАТВИИ

В Латвии солнечно, в Латвии зелено,
Духу свободно и сердцу легко,
Дева здесь липе подобна в цветении,
Муж словно дуб, повелитель веков.

Даугава-матушка, добрая, милая,
Ласку дарует латышской земле,
Путь ее труден, но силой и бодростью
Рада всегда поделиться она.

Слышу, как древние песни сказителей
Льются под сенью деревьев святых,
И вдохновением грудь наполняется,
Словно коснулась души благодать.

С песнями Лига выходит навстречу мне,
Гостем почетным сажает за стол,
Узыньш мне меду предложит душистого,
Пенного пива мне Тримпус нальет.

Здесь даже сны мои тянутся к давнему,
Дедово счастье мерещится мне,
Вновь моя Аушриня сердце мне радует,
Рамове светлые мысли дарит.

В Латвии солнечно, в Латвии зелено,
Духу свободно и сердцу легко,
Дева здесь липе подобна в цветении,
Муж словно дуб, повелитель веков!

1875

ЯНИС ЭСЕНБЕРГИС
(1862—1890)

МОЯ МОГИЛА

Вы мне креста не ставьте,
Не надо мне плиты,—
Взрастите над могилой
Лишь легкие цветы.

Неся свой крест тяжелый,
Прошел я жизни путь,—
Хотя бы после смерти
Мне дайте отдохнуть.

<1884>

ДЕНЬ НАСТАЕТ

Ночною росой умыта,
Чаща стоит густая,
Дымкою сна укрыты
Пестрые птичьи стаи,
Ночь еще ровно дышит,
Песнь не звенит ничья,
И даже траве не слышен
Шепот ручья.

Стрекозы в тени осоки
Купаются в сладкой неге,
Волны пруда невысоки,
Ветер уснул на береге,
Девушки черпают воду
Там, где всю ночь подряд
Русалочьи хороводы
Взор веселят.

Только чуть-чуть с востока
Край неба светится нежно,
И тучи ушли далеко,
Узорны и белоснежны;
Туда, где тьма еще бродит,
Солнце спешит, и вот
Ночь тихонько уходит,
День настает!

ПЕРСИЕТИС
(1862—1901)

СЕРДЦЕВИНЫ И СЕРДЦА

Сердцевина у деревьев —
Словно сердце у людей.
Не поэтому ли дубом
Прозван важный богатей?

Дуб почти без сердцевины,
Затвердеть успел он сплошь.
У дубин же, власть имущих,
Тоже сердца не найдешь.

9 декабря 1893

РУДОЛЬФ БЛАУМАН
(1863—1908)

ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ ЕЩЕ...

Еще розы рвешь,
Не краснея, ты
И вплетаешь их
В узел темных кос.

И всему вокруг
Ты улыбку шлешь —
Безотчетный дар
Красоты своей.

И придет твой срок —
Разрумянишься,
Будешь рвать цветы
На опушке рощ.

Будешь плесть венки
Одному ему
И улыбку слать
Одному ему.

Будет он хвалить
Красоту твою.
А я буду хмур,
Как осенний день.

1895

НЕСЧАСТЬЕ

На твоей одежде белой
Тоже грязь и пыль я вижу,
Но в глаза глядишь ты смело,
Не покорен, не унижен.

Кто тебя осудит строго,
Что в пути ты оступился,
Что пыльна была дорога
И что грязный дождь струился?!

Стойко снес ты неудачу,
Снес падение в дороге...
Я же, отвернувшись, плачу:
«Ты теперь похож на многих».

<1899>

КАК НЕПОЭТИЧНО!

Не было сада и лунного света,
Не пел соловей о любовной муке,
Земля тонула в грязи осенней,
Холодом жгло и щипало руки.

Не у ручья, что щебечет в роще,
Где к нежному эльфу спешит подруга,—
Стыл на столе недопитый кофе,
Когда увидели мы друг друга.

Не преклонял пред тобой колени,
Клятв никаких не давал навеки,
Не ты моею быть обещала,
Слеза не твои омыла веки.

Не мы томились, не мы страдали,
Любовь не с нами играла в прятки,
Была еда вкусна и обильна,
И поцелуи легки и сладки.

1899

ЭДВАРД ТРЕЙМАНИС-ЗВАРГУЛИС
(1866—1950)

БАЛ ЗВЕРЕЙ

Бал зверей был чудным балом:
Речи, пляски, пенье, визг!
И шампанское в бокалах,
Перед тем как разойтись.

Сам козел длиннобородый
Возглавлял звериный клуб,
Ибо есть закон природы:
Почитаем тот, кто глуп.

Ловких два кота — лакеи,
Утка — повор, смех и грех!
Недовольных гнали в шею,
Благо шея есть у всех.

Волк с лисою — гордость бала.
Волк улыбчив, хоть и зол.
Их речам внимая жадно,
Налакался наш козел.

Волк завыл: «Хозяин щедрый,
За твое здоровье пьем!
Мы тебя, ликуя, славим
И шампанское твое!»

Но лиса тайком смеялась:
«Сколько лишних, лживых слов...
Волк, шампанское ты славишь,
Сам же думаешь про кровь!»

1896

ЭДУАРД ВЕЙДЕНБАУМ
(1867—1892)

* * *

О, как меня всегда края влекут,
Где тихой ночью соловьи поют,
Где можно и с красавицей побыть,
И о невзгодах жизни позабыть.

Но песни пуль сильней меня влекут
Туда, где в бой за жизнь рабы идут.
Туда, где гимны мощные звенят
И где тиранов отправляют в ад.

<1889>

* * *

Встань, воспрянь же, свободы дух!
Встань и разбей злую цепь угнетенья,
Стонущим в муках дай избавленье!
Встань, благородный свободы дух!

Свергни деспотов и святош,
Свору попов, лицемерно лгущих
Нищим страдальцам о райских кущах!
Мрак суеверия уничтожь!

Свергни гордых и злых господ,
Что расточают пот миллионов!
Всех прислужников царских тронов,
Всех, терзающих свой народ!

1889 (?)

* * *

Как белый лебедь, облако плывет,
Уплыть и мне б за облаком вперед,
В далекий край, где зимы не гнетут,
Где вечно розы алые цветут.

Зачем, сердце рвешься ты в край вечных роз?
Нет, смертных там солнца лучи не согреют,
И жить им в трясине печали и слез,
В краю, где надежды в могиле истлеют,
Где скрежет немолчный и звон кандалов,
Где слышатся стоны голодных рабов,
Где слабого сильный жестоко гнетет,
Где потом и кровью исходит народ.

* * *

Словно голый средь крапивы,
Бьюсь в заботах день и ночь,
Только ветер торопливый
Жизни цвет уносит прочь.

Холодно, ни искры света,
Мглою все заволокло.
Нет таких людей на свете,
Чье бы счастье расцвело!

* * *

Друг, на всей земле свободы —
Как ни бейся — не найти.
Всюду будь слугою моды,
Всюду хитрецы в чести.

Брось мечтанья и гонись за хлебом,
Если хочешь жить под этим небом.

* * *

То я знаю, то смогу я:
Пива выпить — и запеть.
На заре войдя в пивную,
До зари в пивной сидеть.
Кто ж мне помешает, право,
Если это мне по нраву?

То я знаю, то смогу я:
Девушку поцеловать.
С радостью к такой пойду я,
Кто умеет приласкать.
Окунусь я нынче в омут,
Завтра уступлю другому.

То я знаю, то смогу я.
Не сердись, ханжа святой,
Скажешь, прожил я впустую,—
Что ж! Зато познал покой.
Что другим за дело, право,
Если это мне по нраву.

* * *

Богатство свое ты усердно копил,
Все тебя чтут за усердие это.
Не каждое дельце ты честно творил,
Но это пустяк, если в бархат одет ты.
В тебе благодетеля каждый поет,
Хоть сердце твое словно камень и лед.
Но так повелось уж, обычай таков,
И так оно будет во веки веков.

* * *

Кто по лугам среди цветов гуляет,
Прикидывая, сколько сена в них,
Тот лучше пусть меня и не читает —
Одну досаду принесет мой стих.

* * *

Люди несчастные
Рабством измучены,
Стонут и слезы льют,
Тянутся к лучшему.

Люди несчастные —
Головы глупые:
Сами же рабские
Цепи куют себе,
Слушают в церкви,
Что брешут обманщики,
Преданно служат
Жестоким насильникам,
Чтут их. Боятся
И ада и бога —
Всего, чем наполнены
Сказки дикарские.
Бьют их, они же
Скулят лишь, покорные.
Глупые головы,
Долго ж страдать вам!

АСПАЗИЯ
(1868—1943)

ГДЕ?

Я не хочу метаний
Между добром и злом.
Я совершенства жажду,
Цель жизни вижу в нем.

И наслаждений чашу
Испить я не хочу,
С безумным отвращеньем
Прочь от нее лечу.

Лечу к высотам чистым,
И там, в святом краю,
Я в белом одеянье
Застывшая стою.

Ну, где они пределы
Для страсти и мечты,
Что в небо нас возносят
И в бездну — с высоты?

Твое где постоянство,
О, дух мятежный мой?
Вчерашние святыни
Уж попраны тобой.

1896

МЕЧТА

Мрак ночной опутал землю,
Беспредельна его власть.
Взор устал, рассудок дремлет.
Я без сил — боюсь упасть.

Но мечта моя не гаснет,
Пламенеет в темноте.
О, единственное счастье
В неизбывной немоте!

Подойди, своим дыханьем
Оживи меня скорей,
Крыльев огненным касаньем
Грудь застывшую согрей.

1897

БЕССИЛИЕ

Когда, сраженная бессильем,
Ищу спасенья в зыбких снах,
Твоей руки прикосновенье
Вдруг ощущаю на щеках.

Душа ликует и трепещет
От ласки тихой и немой,
И слезы льются, льются, льются,
Как благодатный дождь весной.

Я говорю, не умолкая,
Тебе о горестях своих...
В те дни без солнца, на чужбине,
Средь равнодушных и чужих,

Я в одиночестве печальном,
Как птица робкая, жила,
Как на скале росток унылый,
Как сиротинка без угла.

Но ты живительным дыханьем
Мне руки бедные согрел,
В своих объятьях теплых сильных,
Бессильную, меня призрел.

Мое лицо пылает жаром,
В глазах сияет жизни свет...
Вдруг дуновенье ледяное —
И золотого сна уж нет.

И голова клонится долу,
И сердце полнится тоской,
И серых будней привиденья
Зловеще реют надо мной.

1899

ЛУННЫЙ СВЕТ СТРУИТСЯ

Лунный свет струится
Над пучиной вод,
Чудится мне голос,
Он меня зовет:

Слышишь! Я русалка!
Ну, пойдем со мной!
Увезу на лодке
В край тебя иной.

Вот уж златотканый
Парус ветра полн,
Путь звезда укажет
Среди синих волн.

В том краю счастливом,
Где царит покой,
Любит дочку солнца
Месяц молодой.

Радость неземная
Их лучи слила,
И душа с душою
Счастье обрела.

В том краю желанном
Нет земных тревог...
Бесконечен света
Голубой поток.

1902

СКАЗОЧКА

На кобылке быстроногой
Едет сказочка дорогой.

Едет-едет, поспешает
И кобылку подгоняет.

Скачет-скачет без заминки,
Крова нет у сиротинки.

Грезы сладкие навеет,
Прочь за новыми уедет.

Нет ее, и мне не спится,
Только вижу — снова мчится

На кобылке белогривой,
Кнут златой в руке игривой.

Поводочки в жемчугах,
А уздечка — вся в цветах.

А подковки — в серебре,
Детство милое, ты где?

Скачет сказка без заминки —
Крова нет у сиротинки.

1902

ВЕСЕННЕЕ УТРО

Из стран волшебных,
Из края грез
Волшебный лебедь
Весну принес.

Белее снега
Ее венок,
На платье синий
Сел мотылек...

Цветы хмельные
Друг к другу льнут,
Целует сладко
Волна волну.

На ложе красном,
Средь тишины,
Пока спит солнце
И видит сны.

А чуть проснется,
Как из-за туч
На землю робко
Пробьется луч.

Погладит нежно
Рукой златой
Деревьев косы
И вновь — домой.

По горке-радуге
Спустился тут
В одежке серой
Дождишка-плут...

Все дышит негой,
Везде покой.
Весна приникла
К груди земной.

1903

ЖИЗНЬ — ЭТО НЕ БЕТХОВЕНА СОНАТА

Жизнь — это не Бетховена соната.
В ней не звучит аккордов торжество.
Она обыденна и мелковата.
В чем смысл ее и что в ней — божество?
Здесь места нет трагедиям высоким,
Что потрясают души и сердца.
Слепые, мы блуждаем одиноко,
И темным закоулкам нет конца.
Ушедших лет неясные виденья
Едва поманят нас и позовут —
Исчезнут тут же в пустоте забвенья.
И снова горьких будней отупенье.

Уносит нас поток неумолимый
К последнему порогу бренных дней.
И мы, как будто ветром лист, гонимы,
Отторгнуты от милых нам ветвей.

1903

ТЯЖЕСТЬ

Ах день! Как он тяжек!
Рассудок растерян,
Вся жизнь пред глазами —
Страданья, потери.

Душа утомилась,
Истаяли грезы.
Цветы не раскрылись
Под ветром морозным.

Живу средь развалин
Судьбы безотрадной,
Как будто ступаю
На нож беспощадный.

Душа утомилась,
Истаяли грезы.
Цветы не раскрылись
Под ветром морозным.

1903

* * *

Те дни давно уж были!
У птиц утрами крылья стыли,
Скворец еще не прилетал,
Весны приметою в долине
Стоял пушистый краснотал,
Уже в небесной серой стыни
Восход надеждой трепетал,
Вдали, сокрытый дымкой синей,
Черты живые обретал
Край светлых грез среди пустыни.
Казалось, сбудется мечта.
. . . . . .
Осенний лес шумит уныло.
Давно то было!

1904

ТВОЯ ЛЮБОВЬ

Я о любви мечтала
Иной, чем ты даришь,
В цветущие долины
Меня ты не манишь.

Горьки твои лобзанья,
И в ласках страсти нет,
Во мне же оставляют
Они глубокий след.

На трон царицей властной
Возведена тобой.
Ты наделил гордыней
И поднял над толпой.

Но молнии так низко
Над головой блестят,
И омутов глубины
Мне гибелью грозят.

1908

ФАУСТОВСКОЕ МГНОВЕНЬЕ

Неповторимое мгновенье,
Чудесный миг, счастливый миг!
Как удержать твои виденья,
Очарованье снов твоих?
Уж если зелье колдовское
Моих коснется жадных уст,
Я ни за что не успокоюсь,
Пока не будет кубок пуст,
Пока душа не загорится.
И пусть все в пепел превратится!

О благотворное желанье,
Чудесный миг, миг неземной!
Как голову Горгоны злой
Схватил Персей без колебанья,
Схвачу нечаянный твой дар,
Разрушу жизнь до основанья,
Как кровлю ветхую пожар!

1910

ПРИНЦЕССА

Сказок я слышала много,
В них уж не верю нисколько,
И как вербе при дороге
Мне сиротливо и горько.
Но выдумке милой, обману
Я втайне внимать не устану.

Быть может, чуть-чуть погорюю
И, чтобы сбылась небылица,
Сказку сама наколдую:
Вроде бы я голубица,
На троне принцесса младая —
Свечкою тонкой пылаю.

1910

Ю. Пэн. Улица в Витебске.

СИЛА ДЕРЕВА

Срубите ветви до одной,
Их снова выращу весной.

Пусть буря гнет меня к земле,
Я выпрямлюсь назло судьбе.

Пусть град сечет мою листву,
Прошелестев, я лишь вздохну.

Жара захочет задушить,
В своей тени останусь жить.

Пускай осыплет листья осень,
Взметнусь весною в неба просинь.

Вы топоры свои берите,
Под корень дерево рубите.

Все ж не погибну я вовек —
Взрастет из тлена мой побег.

1910

БЕСПОКОЙНОЕ СУЩЕСТВО

Нет, не исчезну я,
Словно росинка,
С листочка резного
На утреннем солнце.

На шелковой нити,
Слепым паучишкой,
Не стану я ползать,
Легко, беззаботно.

Не стану клониться
К земле благодатной,
Как клонится колос
Под ветром упругим.

Подобно жемчужине
В черной пучине,
Мне сном не забыться,
Не ведать покоя.

Покой мой — в тревогах,
А счастье — в страданьях,
Всегда я — в движенье,—
Мне некогда спать.

Еще не забрезжив,
Зовет меня утро,
Хоть рано в дорогу,
Но я уж в пути.

Промчусь ураганом,
И в сытую тучу
Совью облака,
Пусть прольются дождем.

Мне вечно стремиться
Сквозь день настоящий
В далекое завтра
Дорогой горящей.

1911

БЕЖАТЬ!

Бежать! Бежать! Мой кров разрушен,
Постылый плен преодолен.
Уйти в весенние просторы,
Пускай навеют синий сон!

Скорей! Скорей! Вдохнуть до боли
Медово-горький запах трав!
Как серебрится дождь над лугом!
Как лес в лучах зари кровав!

Ах, боже мой! Какая жажда
Вслед за ветра́ми ввысь зовет,
Туда — к распахнутым долинам,
В нагорный чистый небосвод.

Бежать! Бежать! В крови стремленье.
Куда, зачем — путь незнаком.
Все лишь тщета и заблужденье,
Неведенье — в тебе самом.

Куда? Что спрашивать напрасно?
Где цель? Зачем ее искать.
Волна не ведает морская,
Придется ль к берегу пристать...

1916

АУГУСТ САУЛИЕТИС
(1869—1933)

ЗА ЗЕЛЕНЬЮ ГОРНЫХ СКЛОНОВ

За зеленью горных склонов,
Где родины песнь звучит,
В саду, озаренном солнцем,
Счастье мое грустит.

Племя болотных колдуний
Меня искони вело,
Тисками мне грудь сжимало,
Отравою сердце жгло.

Скитаюсь, кружу по дорогам,
Но знаю, найдется одна,
Что к саду, где солнце светит,
Меня привести должна.

ДАЛЕКИЕ КОЛОКОЛА

Тоска приходит
В ночи глубокой,
И колокол слышен,
Слышен далеко.

И голос милый
Зовет оттуда,
Тревожит мне душу
Предвестьем чуда.

И снова в сердце
Живет надежда,
Что там отыщу я
Жданное прежде.

Дарят мне звезды
Усладу света,
Я знаю, что ждет меня
Родина где-то.

Тревожен голос
Во тьме глубокой,
И колокол слышен,
Слышен далекий.

ЯНИС ПОРУК

(1871—1911)

* * *

Я знаю — роза цветет
В тиши, в тени.
Алеет, огнем горит
В тиши, в тени.
Я знаю — вянет она
В тиши, в тени.
И осень лепечет ей:
Усни, усни!
Я знаю — любовь живет
В тиши, в тени.
И сладкой мечтой томит
В тиши, в тени.
И сердце надломится вдруг
В тиши, в тени.
И с кладбища звон гудит:
Усни, усни!

1896

ПУТНИК

С соловьиной трелью чистой
Гаснет запад серебристый,
Тихий лес вдали чернеет,
Тень упала — месяц вышел...
Я иду все тише, тише,
И дышать мне все труднее.

Где ж конец? Устали ноги,
Спит кладбище у дороги —
Место грустное, святое.
Тень чернее — месяц выше.
Я иду все тише, тише...
Ах, дождусь ли я покоя!

1898

* * *

Рукою дрожащей
Он правду писал святую.
Душою болящей
Любовь порождал живую.

Но брань и побои
Были ему приветом;
Зачах он и умер...
Никто не узнал об этом!

1903

ВИЛИС ПЛУДОН
(1874—1940)

ЛЕТНИМ ПОЛДНЕМ

Струится зной над дальними логами.
Все тихо, но в траве — многоголосый гул.
Чернеет точкой сокол над лугами,
Под кустиками заяц прикорнул.

Но тут слетелись крохотные феи
Над елью еле зримой каруселью,
Сквозными завертели подола́ми,
Пока не унесли горами и долами
Ольховый туесок — поделку пастуха —
Да листьев пожелтелых вороха...

В бору раздался смех, три ворона взлетело,
Идет он, меж кустов протискивая тело,
Ступая тяжело раздвоенной стопой,
Сокрытый в деревах, в листву одетый,—
Не Пан ли это?

1905

ОСЕНЬ БЕДСТВИЙ

— Матушка Мглы! Матушка Мглы!
Что ж ты завесила пряжей углы,
Ткешь полотенца да белишь рядно?

— Доченька Солнца! Всюду одно:
Все скорбят. Все скорбят.
Все леса переполнены черной бедой.
Все пути перехлестнуты мертвой водой.
Окровавленным платом машет лихо на поле,
Сквозь людские селенья гонит голод и горе.

Всем — скорбеть. Всем — скорбеть.
Чем же слезы их святые утереть?

КРАСНЫЙ МАК

...И красный мак огнем горит
На месте том, где он убит...

К земле прилип кровавым пятном
У самой тропы в жите густом.

Пылает ненавистью цветок:
Никто за меня отомстить не смог!..

Проходит девочка мимо цветка —
Трепещет, сама, как цветок, легка.

Прошла — оглянулась на красный мак,
Вздохнула, понурясь, печально так...

До мака дошел косарь молодой —
И вдруг опустилась рука с косой.

Клокочет душа, закипела ключом,
Удвоилась сила, ей все нипочем!

Копна за копной на жнивье встает;
Старушка с клюкой по меже бредет...

Вихрь налетел и сломал цветок...
Господи, где же зарыт сынок?

1906

ЕЩЕ НЕ ВРЕМЯ

Ты — в закромах души, златое семя.
Еще не время, нет! Еще не вышел срок!
Еще растравлен ржавчиной восток,—
Еще земля, что трупы, холодна.
За девятью болотами — весна!
И жаворонки, первенцы полей,
Сыскать не могут места потеплей.
И небосвод нависший не широк...
Еще не время, нет! Еще не вышел срок!

ОДНА ИЗ МНОГИХ

Небо окрашено кровью годин...
Что же не шлет ей весточки сын?
Ждет — не дождется сына.

Рожь зацветет и начнет отцветать.
Сколько тревожных ночей не доспать?
Ждет — не дождется сына.

Тишь на дворе, и зима у дверей.
Сыплется снег на просторы полей.
Ждет — не дождется сына.

Дикие гуси выходят к воде,
Воздух теплее — и легче в беде:
Может, дождется сына?

Вечер ли, полдень ли ясный стоит —
Выцвели взоры и голос дрожит.
Ой, не дождется сына!

Нынче — одной, как и завтра — одной.
Этой весной, как и прошлой весной,
Ждать — не дождаться сына.

Так и заря догорит за горой,
Ляжет песок на могиле сырой —
И не дождаться сына.

ВЕСЕННЯЯ БЛАГОДАТЬ

Лег я под яблоней
Вешней порою;
Пчелы над яблоней
Кружатся роем.

Ветер летел
И движением крыл
Веки цветами
Запорошил.

1908

МАКОНИС
(1879—1918)

ИСТИНА

Живой огонь кипит в крови моей:
Я истину познал, я предан ей.
Немало боли, горестей, скорбей
Для истины терпел я, предан ей.

Я истину познал, я предан ей.
Сказал себе: всем жертвовать сумей
Для истины! И кровью, жизнью всей
Ее вписал в скрижаль души своей.

О, сколько для нее ночей и дней
Трудился я! Пот лился, как ручей.
О, сколько длинных исходил путей!
И сколько раздавил холодных змей!

Поклялся я без выспренних речей
Жить, истину храня в душе своей.
И с истиной душа срослась тесней —
И я счастливцем стал среди людей.

Лежишь, бывало, в сумраке ночей,
Усталый, слабый, не сомкнешь очей —
А радость в сердце, что ни миг, светлей:
Я истину познал, я слился с ней.

Живой огонь кипит в крови моей.
Я истине поклялся: меж друзей,
Ей присягнувших, быть ей всех верней.
Ничто не сломит верности моей!

1908

КАРЛИС СКАЛБЕ
(1879—1945)

КОТОРЫЙ ЧАС?

Ты в дом пришла к нему однажды,
Сказать хотела, что его ты любишь,
Но покраснела и, смущаясь,
Спросила лишь: «Который час?»

А он, взглянув, смутился тоже —
Такой ему была ты милой —
Хотел промолвить: «Будь моею!» —
Но прошептал лишь: «Час? Десятый».

Его ты поблагодарила,
Но отвернулась и ушла.
«Постой!» — хотел тебе он крикнуть,
Но ты уже закрыла дверь.

С тобой он утром попрощался
И вот уехал в край далекий.
Вы в жизни шли все время порознь
И встретились, уж поседев.

<1902>

НА ЧУЖБИНЕ

В аллее ветер суком скрипит,
Все небо — в тучах и в тучах спит.
За синью моря скорбят леса,
За мглою слезной — темны глаза.

За синью моря скорбят леса,
Там за слезами — темны глаза.
Моя отчизна, как в яме, спит,
А сверху ветер суком скрипит...

1906

В СГОРЕВШЕМ ЛЕСУ

Пичужка иволга грустит
В лесу сгоревшем и пустом,
Повсюду пепел, гарь, и пыль,
И черных сосен тихий стон.

Сочится теплая смола
Расколотых огнем дерев,
Лес замер в скорбной тишине,
Лишь слышен иволги напев.

Мольба о благостном дожде,
Чтоб пролился на лес немой,
На раны сосен и берез,
На пепел белый, неживой.

На вереск хрупкий, молодой,
Что, возродившись среди тленья,
Окутал темную беду
Лиловым сумраком забвенья.

1912

ТРАВА

Стал холм зеленым, и зеленый дождь
Блестит вдали, колеблемый едва.
Во всем, везде присутствует трава —
Над лугом, над могилою и в роще.
И мокрый лик земли улыбка морщит.

1913

ВЕСНОЮ

Когда олень пьет воду вечерами
И смотрит вдаль, уже поверх лесов,
Всю землю без остатка заполняет,
Как половодье, этот влажный зов.
Он ельник оглушил, как мощная труба,
Бери — вот жизнь моя и вся моя судьба.

1918

ФРИЦИС БАРДА
(1880—1919)

СЫН ЗЕМЛИ

Цепи цветов
твою кисть оплели.
Ты — вековечный
пленник земли.

Накрепко связан
нежностью пут:
вдруг показалось —
руки цветут.

Вдруг показалось,
сущность — в цветах.
Недостижима
небес высота.

Ночью же снова
вечность близка,—
в путах цветущих
ноет рука!..

МОЯ ПЕСНЯ

Кому я пою мою песню?
Зеленой траве и метлице.
И синему небу. И ветру.
Крапивнику — крохотной птице.

И мху — его лапам медвежьим.
Звезде над рассветной чертою.
Пыльце, задымившей орешник
Мельчайшею мгой золотою.

И белому замку надежды,
Что теплой звездою согрета.
Безумцу, что плачет о крыльях.
Душе, что осталась без света.

ВЕСНА

Сквозь березняк летит весна —
как смел ее разгон! —
вся в одуванчиках, сияет колесница.
Березы отдают приветственный поклон,
зеленых мотыльков полным-полны косицы.

Весна на ельник глянула — и вот
на каждой ели теплится огарок.
На луг взглянула — в мураве цветет,
синея нежно, облако фиалок.

Едва не проскочила в спешке сад,
но тпру! — и к липе вожжи прикрутила.
А яблони еще в сугробах спят —
саму весну снежком припорошило.

Вон девочка присела на порог.
И шепчет ей весна с такою тихой лаской,
как если бы в губах подснежник робкий дрог:
«Привет тебе от солнца, златовласка!»

В соломе кровли ласточки лепечут,
и синие огни на оперенье блещут.

МАРТОВСКАЯ ПАНОРАМА

Опять кто-то синий бредет через бор.
Морозу неможется — вывихнул ногу.
По сумеркам тенями полнится двор:
синеют в окне и струятся к порогу.

С межи жаворонок взлетел в облака:
нанижет и тут же рассыплет монисто.
Но аист поднимет — с его сюртука
стекает блистание струй шелковистых.

К реке на тележках скользят ручейки.
Во льду начинает потрескивать тихо,
и ухает глухо в глубинах реки:
открыл половодье подводный владыка.

У баньки сидит снеговик, на плечо
метлу уронил да и сам покривился.
На баньку ему б покоситься еще —
но угольный глаз по щеке покатился.

А юность не знает, куда ей спешить,—
нестись бы за каждою облачной стаей! —
и ночью, чуть веки успеет смежить,
все словно крыла за спиной вырастают...

СЕРАЯ ЛАЧУГА

Чуть вышел над крышею месяц двурогий,
присела белесая тень на пороге
и дует в дырявую кость, как в дуду,—
так горькие грешники стонут в аду...
А в темной лачуге мучительно спят:
то сводит суставы, то кости болят,
закупорил горло задушенный вздох —
и хочется крикнуть, да рот пересох!..
Кто мельницу крутит во тьме чердака?
Кто давит рукою на брус потолка,
покуда петух не прокличет свой час,
не вспыхнет в лачуге оранжевый глаз?..
Лишь возле дитяти — порхание птах,
звезда — в изголовие, солнце — в ногах.

МОЛИТВА

Пускай не страждет твердь,
когда ее топчу,
не знает мук цветок,
вплетаемый в венок.
Пусть чистый ключ
от горечи не плачет
в глуши ночной!
Пусть на земле
не будет ни одной
души больной
и на свету — незрячей!

ГРАНИЦЫ

Не стану отрицать границ
меж недоступным и доступным.
Но тщусь глухую тьму страниц
пронзить познанием минутным.

Мой дух, томясь такой тоской,
не раз перелетал границы,
куда бредущему с клюкой
и за сто лет не дотащиться.

До этих далей на веку
не дохромаешь в мерном шаге —
они даются смельчаку
внезапно, в огневой отваге.

Вам у границ застрять, слепцы!
Но ваших выгод не отъемлю
в быту, где голый практицизм
ногой нащупывает землю.

А я пчелою вознесусь
над льдом границ — к цветам вселенной.
И не беда, коль заблужусь
и не вернусь в мой улей бедный.

ВОЗВРАЩЕНЬЕ

Так вот что все исканья означали! —
лишь возвращенье, полное печали,
к истоку Жизни, к Свету, что извечен,
которым огонек моей души засвечен.

Так вот в чем заключается познанье:
сгорел и сгас — печаль воспоминанья!
И совершенства высшая примета —
лишь память темноты о миге света.

ФИАЛКА

За космами елей, в полдневной тиши,
где моет прозрачный ручей голыши
да с овцами дремлет пастух у ракит,—
лиловый бесенок на солнце сидит.
Он мал и тщедушен, он юн, как весна,
и шерсть на хвосте никому не страшна.

Проказник пришел поиграть на опушку —
слегка пощекочет да выпустит мушку.
Вдруг, лист прошлогодний взметнув до небес,
промчался по лесу взаправдашний бес.
«Quos ego!» [1] — воскликнул он, к городу мча,
и задал бесенок за ним стрекача:
несется по ельнику наискосок,
как ветром гонимый лиловый платок.
Свалилась лиловая туфелька с пятки.
Поднять бы, да где там — летит без оглядки!
По той же опушке подпасок идет.
«Гляди-ка! — кричит он. — Фиалка цветет!»

МОЙ КОЛОДЕЗЬ

На тихом лугу перед домом
колодезь с белеющим дном
хоронится в срубе замшелом,
в зеленом венке травяном.

К нему наклоняется ива
всей тенью седой головы,
и луч, как паук серебристый,
колеблется в сетке листвы.

На белой песчаной подушке
вздремнула вода. Но тотчас
спросонья глядит в поднебесье
зрачками расширенных глаз.

К ней облако, ветром гонимо,
снижается дух перевесть.
Ночами же звезд и созвездий
в ее колыбели не счесть.

А в сумерках, пыльный, сморенный,
я тоже гляжу в глубину —
со звездами и облаками
товарищем влагу тяну.

---

[1] Я их! *(лат.)*

О влага земная! с тоскою
к земле, словно сын, припаду,
хоть знаю: опять за звездою,
за синей звездою уйду.

АУГУСТ БРУКЛЕНАЙС
(1891—1918)

ВЕЧЕРОМ

Все наши силы, как паук,
Завод высасывает жадно,
А грохот, скрежет, гул вокруг —
Как в вихре битвы беспощадной.

Идут другие нам взамен,
А где-то богатеет кто-то,
И в затхлом мраке этих стен
Все убыстряется работа.

Но что за люди у ворот,
Как тень дрожащая, мелькают?
А грохот ширится, растет,
И небо заревом пылает.

1913

ДИОНИЗАС ПОШКА
(1757—1830)

ПЕСНЬ МУЖИЧКА

Кудахтаньем зарю встречают куры дружно,
А мне за труд пора, в дугу мне гнуться нужно.
Дубинкою грозя, кричит приказчик дико:
«Что мешкаешь, холоп? Кобылу запряги-ка!»

В поту лица пашу землицу спозаранья,
Но хлещет плеть меня в награду за старанья.
Пути не различить, как поле покидаю,
При первых петухах в короткий сон впадаю.

Недели круглые кладу на бар труды я,
А все ж — свой луг скосил и выжал яровые.
Заботы о семье спать не дают ни мигу,
Под осень на барже я уплываю в Ригу.

Свезли зерно купцы — к ним благосклонно небо,—
Я ж — ради господа — прошу кусочек хлеба.
Хоть захворал, простыв, но будь покорен игу!
Коль повелят, опять плыви с дровами в Ригу.

Война ударила. И барин именитый
Сказал мне: «Раб, ступай! Отчизна ждет защиты!»
В палатах плохо ли сидеть, читая книгу?
Связав, меня тотчас препроводили в Ригу.

Глотаю горечь слез я с хлебом заедино.
День и́зо дня трудясь, живу я, как скотина.
Купаться в золоте панам судьба судила,
Меня же, голяка, возьмет не в срок могила.

Нет равных меж людьми: то истина святая!
Чтут гордых бар, ничем сермяжника считая.
Что ж делать нам, пока пребудет смерть отрадой?
Надежды не терять, глушить сивуху надо.

Всесильный наш господь! Отец земного люда!
Неужто мне вовек все будет житься худо?
Счастливцам — что ни день светлей,— так неужели
Мне будет одному на свете все тяжеле?

<1823>

АНТАНАС СТРАЗДАС
(1763—1833)

ВОТ УЖ СНЕГ...

Вот уж снег последний тает,
Зелень землю одевает.
Ярче солнце заблистало,
Вешняя пора настала.

Мчится речка перед нами,
Громыхает голышами,
И ласкает слух повсюду
Шум реки простому люду.

Вихорь кружится в лесочке,
Бьются листья о листочки.
Затрещав, валится тяжко
Наземь дерево-бедняжка.

На горе и у пригорка,
За стадами глядя зорко,
Дуют в дудочки подпаски,
Затевают песни-пляски.

Волк на стадо нападает —
Псы тревогу поднимают:
«Э, э, эй! Дружней, живее
На бродягу, на злодея!»

И подпаски, скрипки бросив,
Гонят волка средь колосьев.
«Сгинь! — покрикивают звонко.—
Насмерть испугал зайчонка!»

Лишь Балтрукаса макушку
Заприметила кукушка,
Песенку она прервала,
В чаще сумрачной пропала.

Соловей над лугом гладким
Кличет Еву свистом сладким:
«Эй, пускать овечье стадо
На красивый луг не надо!»

В пойме травка молодая
Гонит стебли, вырастая.
В небе, ясном и высоком,
Смотрит ястреб жадным оком.
. . . . . .
Ах, хозяйка зазевалась
И — споткнулась, заметалась...
«Пособите, люди,— просит,—
Ястреб курочку уносит!»

А воробышек привычно
Вьет гнездо в трубе кирпичной.
Отовсюду крошки, зерна
Тащит в гнездышко проворно.
. . . . . .
Любит труд такая птичка!
Эта птичка-невеличка
Ищет корма непрестанно,
Кров себе готовит рьяно.

Гей, быки! Зимы не стало!
Плуг тащить пора настала!
Не жалейте сил в работе,
Свечереет — отдохнете!

КИПРИОНАС НЕЗАБИТАУСКИС-ЗАБИТИС
(1779—1837)

БУДЕТ ПО-ДРУГОМУ!

Срок придет — настанут перемены в мире:
Те, кто предавал нас, кончат век в Сибири,
Царские холопы присмиреют в страхе,
И полягут вскоре палачи на плахе...
Мы клялись пред миром дать свободу Польше,
Возвратить ей силу. Гнет немыслим больше!
И от сердца к сердцу клич передается:
Срок сраженья близок. Ты готов бороться?
В наши дни обманом не удержишь власти,
Войско — не опора гибнущих династий,
И уже сегодня поняли мильоны,
Что готовы рухнуть вековые троны.
Сбросим в грязь короны, будет труд в почете,
Пахарь вольным станет, принцев не найдете!
Бывшие магнаты поспешат укрыться
Под крылом тирана в северной столице.
Новое восстанье власть несет народу,
Больше не доверим шляхтичам свободу!

Весь народ восстанет, чтоб владеть богатством,
Чтобы братство стало настоящим братством!
Сколько бы дворяне впредь ни бунтовали,
Этот бунт к свободе приведет едва ли...
Равенства дворяне не даруют людям,
О себе их думы: скоро власть добудем,
И места повыше как-нибудь захватим,
А потом наденем снова цепь собратьям...
День придет: крестьянин завладеет полем,
Труженика грабить больше не позволим,
Барщина, поборы людям не приснятся,
Тяжело придется только тунеядцам.
Племена сольются и сотрут границы,
Все трудиться станем и трудом кормиться,
Ремеслом мы будем и землей богаты,
И в чести не будут праздные магнаты.
Поровну поделим пастбища и пашни,
Армии распустим, войны — день вчерашний.

Раз господ не будет, ни к чему и войны,
Нет, не литься крови — люди жить достойны,
За других мы гибнуть не желаем в схватке!
Заведем мы вскоре новые порядки...

Ни к чему нам слезы, глаз нам нужен зоркий,
Надо помнить мудрость нашей поговорки,
Что сухим не выйдешь из болотной жижи,—
Нас манила Сена — вот мы и в Париже!
Край наш не погибнет, край наш не увянет,
Станет он прекрасней, величавей станет!
Враг жестокий мыслит: изгнана крамола,
Ниц все пали в страхе у его престола.
Это заблужденье. Мы уже не дети,
Все мы понимаем: правда есть на свете,
По-другому будут управляться страны,
Не способны править странами тираны...
Можете сегодня вы себе представить,
Что не царь кровавый — сами будем править?
Будущее наше только в нашей воле,
Посему — готовьтесь в тайниках подполья,
Пожелаем в битве мы себе удачи.
Будет по-другому! Будет все иначе!..

Между 1834 и 1837

СИЛЬВЕСТРАС ВАЛЮНАС
(1789—1831)

ПЕСНЯ БИРУТЕ

У моря, в Паланге, омытой ветрами,
В Паланге, что вырвана с бою врагами,
Гора есть Бируте; повсюду по склонам
Она сосняком поросла зеленым.

В краю этом древнем, отчем наследьи,
Пруссы и курши нам были соседи.
Прекраснее розы, нежнее руты
Жила там когда-то княгиня Бируте.

Была та княгиня не царского рода,
Вышла она из простого народа,
Она жемчугá надевать не желала,
Когда по берегу моря гуляла.

В холщовой рубахе она ходила,
Она полосатую юбку носила,
На шею нить янтаря надевала,
В желтые косы руту вплетала.

Однажды братья ее на рассвете
Отправились в море закинуть сети,
Сестра несла им обед и в ту пору
Встретила князя, спешившего в гору.

То князь был Кястутис — добрый властитель,
Жемайтов и всей Литвы повелитель.
Тогда с тевтонами шел он сразиться,
Что вновь угрожали нашей границе.

Как солнце, кольчуга его блестела,
Он взял с собой меч и лук взял и стрелы.
Он был на коне, попоной покрытом.
Конь его серый бил землю копытом.

Князь, увидав, как Бируте красива,
Молвил, сдержать не пытаясь порыва:
«Не знаю — девушка ты иль богиня,
Но будь моею женою отныне!

Я издавна правлю всею округой,
Ты станешь княгиней, моей супругой.
На месте, где встретились мы с тобою,
Тебе я высокий замок построю.

Я дать повелю в честь этой минуты
Горé, где сошлись мы, имя Бируте.
Ты — нежность моя, и любовь, и сила,
Ты сердце мое навек полонила».

Слыша такое, Бируте младая,
От страха дрожа, со стыда сгорая,
Вздохнула и долу глаза опустила
И голову тихо пред князем склонила.

«Князь, не могу я в том не сознаться,
Клялась Перкунасу чистой остаться,
Но быть по-твоему,— я готова,
Пускай твое исполнится слово!»
И — слово сдержал, и на этом же месте
Построил Кястутис замок невесте,
Потом на юной Бируте женился,
И Ви́таутас вскоре на свет явился.

1824(?)

СИМОНАС СТАНЯВИЧЮС
(1799—1848)

СЛАВА ЖЕМАЙТИСОВ
Ода

О, я видел Вильнюс славный,
Знаний древнюю обитель.
Край жемайтисов здесь давний —
Был тут мирным каждый житель.

Слава предков вечно с нами,
Каждый рад служить отчизне...
Сокрушенное веками
Возвратить должны мы к жизни!

Мир давно уж был уверен:
Наша сломлена держава,
И родной язык потерян,
И мертва былая слава...

Но жемайты оживают:
Честь отцов, их речь и взгляды
Нашу дружбу утверждают, —
И литовцы тоже рады...

Ри́нгаудас, ты с нами вместе,
Ми́ндаугас отважный — тоже,
О бессмертной вашей чести
Возвещает голос божий!

Славься, старый Гедими́нас,
Альгирдас — ты победитель!
Ты, Кястутис, вдохнови нас —
Самый доблестный воитель!

Вы в забвенье долго были,
Враг страну терзал кровавый,—
Но жемайты возродили
Вашу попранную славу.

И Литва горда недаром
Сыновьями удалыми:
Рухнул гнет под их ударом,
Спасено отчизны имя!

Над литовскими лесами
Солнце яркое сияет,
И, прикрыв глаза руками,
Злобный недруг убегает.

И молва летит, стогласна,
Машет крыльями большими,
Прославляя край прекрасный,
Мчась над землями чужими:

«Мир! Ты видишь, изумленный,
Что на Севере свершилось?
У Литвы многоплеменной
Снова сила появилась!»

КАЕТОНАС АЛЕКНАВИЧЮС
(1803—1874)

ЗЯБЛИК

Эй, зяблик, зяблик! Ты где беспутно
Провел всю ночку, где встретил утро?

В зеленой роще, где сосны, ели,
В высокой клети — в чужой постели.

Ты грех покроешь иль так оставишь
И малых деток кормить не станешь?

Всю ночку зяблик тайком гуляет,
А утром — где он? Никто не знает.

Эй, ты, бродяга, эй, зяблик, где ты?
Проходят годы — тебя все нету.

Уж наши дочки беды не знают,
Тебя и в песнях не поминают.

И даже если опять нагрянешь,
Ты наших дочек вновь не обманешь.

Тебя не встретят — и не надейся,
Ждут наши дочки лишь земледельца.

Ступай, бездельник, своей дорогой,
Ты, горе-пахарь, ты, тонконогий.

Не соблазнишь ты литовских дочек,
Ступай же с богом, живи как хочешь.

ЮРГИС ЗАУЭРВЕЙНАС
(1831—1904)

МЫ ЛИТВИНАМИ РОЖДЕНЫ

Мы литвинами рождены,
Мы литвинами быть должны.
Делу славному с колыбели
До могилы будем верны!

От волн балтийских до башен Вильно
Земля врагами осквернена,
Но храбрецами Литва обильна —
Литвинов гордых родит она.

Грозою смертной полнятся тучи,
Крепчает ветра грозящий крик;
Недруги силятся в злобе жгучей
Искоренить наш древний язык.

Но тверд литовец — не будет нем он
И в час урочный сбросит ярем,
Так величавый и сильный Неман
Не умолкает и подо льдом.

Благословенна Литва литвинов!
Родина, не предавайся тоске!
Стой, не колеблясь и страх отринув,
И говори на родном языке!

Пусть недруг ярится, не сознавая,
Что наше слово не просто блажь,
Мы клич надежды «Литва родная!»
Помним с рожденья, как «Отче наш».

Тот, кто литовец сердцем и родом,
Не осквернит родимую речь.
Лишь тот спасется, кто и под гнетом
Слово живое сумел сберечь.

Мы литвинами рождены,
Мы литвинами быть должны.
Делу славному с колыбели
До могилы будем верны!

ЮЛЮС АНУСАВИЧЮС
(1832—1907)

НА ГОРКЕ

И отошло сверкающее лето,
И поле пасмурным и скучным стало.
И золотистых скирд на ниве нету,
И куковать кукушка перестала.

И все печальней листьев шорох сонный,
Везде, на всем осенняя усталость,
И не видать нигде травы зеленой,
Следа и то от лета не осталось.

Уже прошел косарь с косою звонкой,
А если где она и оступилась,
Там жадно дощипала все буренка,—
Земля поблекла, сникла, изменилась.

Как время все вокруг преображает!
Уже пожухла сизая осина.
Так юноша, придя в года, мужает,
И стариком становится мужчина.

КТО СЕРДЦЕ ИСТЕРЗАННОЕ ЗАЛЕЧИТ

(Фрагмент)

Родина милая, ныне твой облик страшен!
Сколько ты бед претерпела, земля родная?
Где были сады и села в окружении пашен,—
Над пепелищем ветер летит, рыдая...
. . . . . .
Отчизна, благословенны воды твои и недра!
Вам, земляки мои, нету равных на свете,—
Взысканы господом и обласканы щедро,
Вы жили мирно и были добры, как дети...
. . . . . .
Тропку любую, изгородь, каждую крышу,
Девушек юных и старика соседа —
Я неослабно люблю, и ежечасно вижу,
И обращаюсь к ним, и не слышу ответа.

Крест на пригорке, ветер в зеленых кронах,
В облаке яблонь рдеет рябина багряна,—
Край несравненный в очах моих неутоленных!
Память моя, ты — отворенная рана.
. . . . . .

Годы, вы годы лихие, болью обильны,
Кровью полны и окурены дымом коптящим...
Снова сердца людские жаждут бессильно,
Души открыты бедствиям предстоящим.

Родина, воля — есть ли щедрей награды?
Чтобы опять воронье небес не затмило,
Встанем за наши села, за наши грады,
За братьев, что истлевают в лесных могилах!..

Того, кто сгинуть готов безвестно и ныне,
Не уступая врагу ни пяди земли отцовой,
Не остановят ни рвы, ни глухие твердыни,
Ни говор орудий, ни пламя, ни град свинцовый!

1868

КЛЕМЕНСАС КАЙРИС

(1835—1864)

ДЕНЬ ПРОБУЖДАЕТСЯ

Светает, и лик свой заря показала нам смело,
И ночи, похоже, недвижно стоять надоело,
И жаворонок, заскучавший с лучами в разлуке,
Короткую ночь скоротав, рассыпает короткие звуки;
И первая песня над первой звучит бороздою,
Как в прошлые весны, и в небо летит молодое.
Шумят воробьи, и щебечут стрижи над кустами,
И где-то в тумане опять соловьи засвистали.
Прислушайся: всюду молитвой звучит это пенье —
Ведь каждая птица для бога поет в упоенье.
А ветер душистый струится над твердью земною,
И поле ржаное колышется темной волною;
Долины и горы о правде беседуют с ветром,
И вторят дубравы им гулом негромким и светлым.
Росинка в ромашке чиста, словно в оке зеница,
Ее лепестки не пускают на землю пролиться.
Восток прозревает и смотрит, очами блистая,
И тень на холмы от деревьев ложится густая...
День пришел!..

АНТАНАС БАРАНАУСКАС

(1835—1902)

АНИКШЧЯЙСКИЙ БОР

(Отрывок)

Вы, склоны голые холмов, покрытых пнями,
Красой блиставшие былыми временами,

Куда же унесло великолепье ваше,
Где ветра шум лесной, какого нету краше;

Когда вдруг листья все в том чернолесье пели,
А сосны старые трещали и скрипели;

Где ваши птицы, пташки и пичужки,
Чей щебет слушали здесь на любой опушке;

Где ваши звери, где лесные их дороги,
Где все их логова, и норы, и берлоги?

Исчезло это все — стоят в просторах голых
Лишь сосен несколько, кривых и невеселых.

И солнце зло печет, вокруг пустырь покатый,
Сухими ветками и шишками богатый.

С тревогой на пустырь глядишь, ища сравненья,
Он с пепелищем схож — ты скажешь, без сомненья.

Как будто бы пустырь возник на том же месте,
Где город некогда погиб от вражьей мести.

Бывало, в лес идешь — глаза прикрой, такая
Отрада в душу льет, до сердца проникая.

Невольно думаешь, тот аромат вдыхая:
«В лесу ли я стою иль в небе, в кущах рая?»

Куда ни кинешь взгляд — зеленая завеса.
Понюхай — сразу нос щекочет ласка леса.

Где ни прислушайся — веселый шум услышишь,
Ты чувствуешь покой — весельем леса дышишь.

Постели мягких мхов разостланы в покое,
Они влекут, ступи — трепещут под ногою.

Вокруг полно кустов, как рута, изумрудных,
Там — алых ягод блеск и черных ягод — чудных.

В усадебках своих грибы, как в царстве сонном,
На фоне розовом, белесом иль зеленом.

Лисичек личики сквозь трещину желтеют,
Над мшистой простыней стыдливо щеки греют.

Грибов-подлипков здесь тарелки на опушке,
И кочками в траве, надувшись, спят свинушки.

Под елью — рыжики, семья в семью врастая,
Сморчков же — в сосняке из мерзлых комьев — стая.

А серых, голубых и сыроежек красных —
Как много здесь растет, веселых и прекрасных!

Масленок медный цвет в кустах у стежки светел,
Как кубки кверху дном,— Мицкевич их отметил.

Ольховики — в ольхах, опенки — в пнях черненых;
Между сухих стволов, меж щепок — шампиньоны.

Вот мухомор рябой и слизкий груздь, средь многих
Поганок и грибов без имени, убогих.

Их люди не берут, и зверь их грызть не будет,
Их разве скот в лесу потопчет и забудет.

Размякнут и сгниют, и сок их растечется,
Тот плодородный сок в зеленый круг сольется.

Всех выше боровик — и песенки словами
Его мы назовем: «Полковник над грибами».

Спесивый, толстый, он встает, широкогрудый,
Могучий, над собой с поливой поднял блюдо.

И быстро в рост идут породы те грибные,
Здесь красный, белый гриб, а там грибы иные.

Зеленый можжевел — кусты его, как грядки,
И зайцы в нем лежат, гнездятся куропатки.

Кусты, как с бородой, с травой, на них висящей,
И светится насквозь от частых просек чаща.

Жилье себе ольха по краю выбирает,
Орешник, ветвь тряся, орехами играет.

Их солнце вырастит. А ветлы над долиной,
Над серебром ключей укрыты тенью длинной.

С крушины каплет кровь. Смородина вдоль Шлаве
Краснеет на кустах, в болот седой оправе.

Куда ни посмотри: лес белый встал горами.
Пашлавис окружен им, словно камышами.

Осины здесь дрожат Жальтичи вечным страхом,
Всю жизнь дрожат они, пока не станут прахом.

Берез, дубов стена вкруг елки так сурова,
Жальтене словно здесь скорбит о муже снова.

Где алая всплыла, взамен молочной, пена,
Жальтене, образ свой переменив мгновенно

В отчаянье сама тут обернулась елью,
Плащи густой листвы детей ее одели.

Вот ива, верба вот, и яблони, и груша,
Черемуха стоит,— шум их листвы послушай.

И шум деревьев тех ты выслушай в молчанье:
В обиде на сестру то седулы стенанья.

Средь вязов, и крушин, и лип — несчастный с нами
Других деревьев стан — с другими именами.

Но знают их лишь те, что лесом верховодят,
Врачи и знахари, что в дебрях леса бродят

И листьями, корой болезни исцеляют
Иль жестким корешком все чары изгоняют.

Смотреть людишкам, нам, приятно, я не скрою,
Как провиденье их зеленой кровлей кроет.

Когда сережки ив все звонче, звонче млеют,
От творога цветов все яблони белеют.

И летних яблонь шелк зеленый, с краю бора,
Когда лес желт и ал — листвы осенней ворох.

И склон Марчуписа, как кровью, залит ими,
И ждут весны стволы, став темными, нагими.

А сосенки мои — те сосенки — несметны,
Стройны и высоки, их кроны яркоцветны.

И летом и зимой их зелены вершины,
Ствол задевает ствол, качаясь, как тростины.

На полверсты вперед не видно в чаще мглистой,
Ни бурелома нет, ни хвороста— все чисто.

И ветви не сплелись, не закрывают дали,
А сосны ровные — как будто сучья сняли.

А запах! — то смолы повеет колыханьем,
То ветер нам пахнет неведомым дыханьем.

То клевер луговой ты чуешь красный, белый,
Ромашки, чабреца, несмятых трав несмелых.

Особо пахнут мох, листва и хвоя, шишки,
И муравейник шлет свой запах с черной вышки.

Все разный аромат, и, чтоб сказать вернее,
Он каждый раз иной — то крепче, то нежнее.

То мох с брусникою приплыли, вот уж рядом,
То дерево цветет — в бору запахло садом.

То дышит бор, как зверь с дождем омытой шкурой,
Шлет запахи полям со щедростью нехмурой.

В ответ с полей, с лугов — в сосновых рощ полянах
Тот запах нив и трав ты чувствуешь, как пьяный.

И ароматы все перемешались в чудо.
Вдыхаешь сладость их, не зная, что откуда.

Поля, и лес, и луг здесь сговорились дружно,
Чтоб сделать эту смесь из лучших смол жемчужных.

Кадят тут небесам — весь лес звучит иначе,
Как будто скрипка здесь поет, смеется, плачет.

Все встали голоса в единый круг, вплотную,
Их кровь не отличишь, а сердце все волнуют.

Ах, чудно лес гудит, не только пахнет, звонок
Он в шумах, в шелестах, он весел, легок, тонок.

И полночь так тиха, что слышно, как трепещет
Листок или цветок, что, вдруг раскрывшись, блещет.

И в шепоте ветвей — язык священный леса.
Вот падает роса, вот звезд дрожит завеса.

И в сердце тоже тишь, в покой оно уходит.
В прозрачной тишине душа под звезды всходит.

Когда ж сквозь тонкий мрак лучи зари проникнут
И, полные росы, трав головы поникнут,

Бор пробуждается, сменяя тишь движеньем,
Священной речью дня, начавшей пробужденье.

Что это шелестит? Листка коснулся ветер,
Иль птица, что в гнезде, проснулась на рассвете.

Что хрустнуло? — То волк, охотясь и кочуя
Всю ночь, теперь бежит, зари погоню чуя.

А то лиса в нору с гусенком мертвым мчится,
А то барсук бежит к болотцу, чтоб укрыться.

То резвой серны бьют по сосняку копытца,
С сосны и на сосну махает белка птицей.

Да это — знать лесов: и соболь, и куница,
И всякие зверьки, каким в лесу кружиться.

Кто это там стучит? — То дятел с клювом тонким.
Что блеет там? — Бекас, что с голосом козленка.

Чей это злобный шип? — Гадюки шип зловещий,
Зеленою волной Швентойи в берег плещет.

Чей гогот у реки? — То гуси там гогочут,
То аист, знать, крича, в гнезде своем хлопочет.

Да это утки: при! при! при! пристали у трясины,
Да это сам удод кричит жене и сыну:

«Чего, чего, чего нести вам? Вздор несете!
Чего, чего, чего: мух, червяков вы ждете?»

А то кукушка, знать, продрав глаза, трясется,
Кукуя, плачет вдруг, кукуя, вдруг смеется.

И дразнит иволгу тут Еву, как подругу:
«Ты, Ева, Ева, Ева,— не паси по лугу!»

А ри-у! ри-у! ри-у! — крик кулика сначала,
А вслед весь птичий хор, как будто их прорвало.

Тут снова голоса,— те были лишь предтечи,
Птиц многих голоса и разные их речи.

Тут сойки и чижи, сороки и синицы,
Тут пеночки, дрозды,— свой тон у каждой птицы.

И смех, и стон стоит, и просто чушь, не песня,
Но голос соловья всех выше, всех чудесней.

Он нежен и глубок, он тихий и звенящий,
Он по кустам звучит, и день звучит иначе.

Все эти голоса — Литвы родные дайны —
В единый хор слились, храня лесные тайны.

Как будто каждый лист защебетал, запел он,
Так сутартине хор лесной завел умело.

Тут звонких звонов звень лес в звон единый сложит,
Но всех певцов узнать тончайший слух не сможет.

Как будто бы цветы, что на лугу сплетались,
Все так пестро кругом, все так пестро — на зависть.

Ах, было, было то — из нашего, из бора
Такая благодать, такой покой простора.

И этот весь покой в литовских душах льется,
Как ветерок равнин по травам пышным вьется.

Литовец знал его, душой ему внимая,
И плачет он в лесу — себя не понимая.

А только чувствуя, что сердцу уж не больно,
Что хоть оно грустит, но все ж грустит невольно.

Что все полно росы туманной жемчугами,
И слезы, как роса, текут неслышно сами.

И долго он в груди дыханье бора слышит,
И каждый вздох его как будто бор колышет.

И в душу так покой проник, как леса милость,
Что даже и душа, как колос, наклонилась.

В волнении таком, во вздохе, в светлом плаче
Рождаются псалмы, все чувствуешь иначе...

АНТАНАС ВЕНАЖИНДИС
(1841—1892)

* * *

Ой вы, песенки-песни, утеха моя!
Вам доверил сердечные горести я.
Я тогда только счастлив, если песню найду,
И несчастьям своим счет слезами веду.

Если песня без стона — запеть не могу я,
Одинокой кукушкой от горя кукую,
Повелители мира мне сердце пронзили,
Заковали меня и в тюрьму заточили.

Как тверда эта корочка ржавого хлеба!
Я в разлуке вовек с одиночеством не был!
А родителей вечный приют — небеса,
И замолкли ушедших друзей голоса.

Далеко мои братья рассеяны всюду,
Позабыли одни, и другие забудут.
Далека, далека ты, лебедка моя!
Почему не летишь ты в родные края?

Или крылышек белых становится жаль?
Посети же мой дом, где тоска и печаль!
Ранним утром, и днем, и порою ночной
Одиночество — друг неизменный — со мной.

* * *

Прекрасен, прекрасен далекий ночной небосвод.
Господь мой, какая дорога на небо ведет?

Когда, позабыв навсегда про земные тревоги,
Пройду я по звездами вымощенной дороге?

Когда, прояснив мою душу и тленное тело кляня,
Короною вечной, господь, ты украсишь меня?

Когда отдохну после жизни в юдоли загробной
И лик твой увижу безоблачный, солнцеподобный?

Когда, всемогущий, бестрепетной властной рукой
Меня оторвешь от земли, будто стебель сухой?

Тоскующий, слабый — я шел через черную пустошь
И верю, всесильный мой бог, ты к себе меня впустишь.

Меня — человека, былинку, щепотку золы —
В чертоге небесном укрой от мятущейся мглы!

СТАНИСЛОВАС ДАГИЛИС
(1843—1915)

К ЧИТАТЕЛЮ

Если, читатель, ты вдруг, ненароком, от скуки,
Как-то возьмешь эти песни нескладные в руки,
Будь им судьей несуровым и помни одно ты:
Грех извинительный — две-три неверные ноты.
Мне ведь известно — судить ты умеешь нестрого;
Вечером вешним ты слушаешь часто с порога,

Как соловей в переливах своих стоголосых
Чествует теплую землю и яблони в росах;
Но, если рядом другие защелкают птицы,
Ты ведь не станешь на них понапрасну сердиться,
И, соловьиные звонкие слыша рулады,
Ведь не отвергнешь с презреньем простого щегла ты.
Он повторяет, врачуя сердца человечьи,
Песни певцов чужестранных на нашем наречье.
Может быть, песня, что им в простоте сочинялась,
Будет полезна литовцам хоть самую малость:
В слезы не ввергнет и душу тревожить не будет,
Но соловья неумелым напевом разбудит.

ПЯТРАС АРМИНАС-ТРУПИНЕЛИС
(1853—1885)

ПУТНИКИ И СОБАКИ

Шли двое однажды по сельской дороге,
Текла между ними беседа живая,
Внезапно собака им бросилась в ноги,
Неистово лая, рыча, завывая.

Вторая и третья, сверкая клыками,
Залаяли хором свирепо и дико;
Один из прохожих схватился за камень,
Другой удержал его: «Эй, погоди-ка!

Зачем горячиться и гневаться, зная,
Что псов замолчать не заставишь камнями?
Пойдем потихоньку, не слушая лая,
И скоро прискучит им гнаться за нами».

И впрямь: прошагали сто сажен едва ли —
Утихли бесчинство и бешенство эти,
Когда же деревню они миновали,
Собаки забились обратно в подклети.

Когда ты спокоен и совесть в порядке,
Не стоит с глупцом-сквернословом бороться,
Дорогою верной иди без оглядки,
А он покричит, порычит — и уймется.

ВИНЦАС КУДИРКА
(1858—1899)

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

Край возлюбленный, Литва,
Вечно сердцу милый!
Пусть вовек твои сыны
Не растратят силы!

Пусть о чести и добре
Сын не позабудет,
Пусть послужит не себе —
Родине и людям.

Пусть скорей растает мрак,
Брат обнимет брата,
Утвердятся на века
Свобода и правда.

Пусть любовь к родной земле
Не покинет сына.
Мать-Литва, цвети всегда
Вольна и едина!

МАЙРОНИС
(1862—1932)

ТРАКАЙСКИЙ ЗАМОК

Вот замок тракайский в дремоте, во мхах,
Столетнею славой окутан;
Его именитых властителей прах
Истлел, и покоится тут он.
Столетья несутся. Развалины спят.
И все неизбежней, все глуше распад.

Смущает ли ветер озерную гладь,
Стихают ли сонные волны,—

Крошатся размытые стены, и — глядь! —
Срывается камень безмолвный.
А замок темней и темней с каждым днем,
И чуткое сердце горюет о нем.

Но сколько столетий он прожил светло,
Но скольких он рыцарей славил!
Здесь Витаутас храбрый садился в седло
И ратной дружиною правил.
Где грозная слава минувших побед?
Где наши преданья? — затерян их след.

Вы, мертвые стены, вы, черные рвы,
И вы, безоружные башни,
Ответьте, о чем вспоминаете вы,
Что снится вам в дреме всегдашней?
Вернется ли прошлое иль навсегда,
Как юность, исчезло оно без следа?

Я часто у грустных развалин бродил.
Слезами туманились очи.
И сердце горело, пока я следил
За шествием сумрачной ночи.
И сердцу напрасно хотел я помочь:
Вокруг расстилалась безмолвная ночь.

1892

ИСЧЕЗНУ, КАК ДЫМ...

Как дым, развеваемый ветром, исчезну,—
Не будет никто вспоминать.
О, сколько их, живших, но канувших в бездну!
Кто их назовет имена?

Как волны, как мысли, события мира
Меняться вольны что ни миг.
Где Сарды? Афины? Где Древнего Рима
Герои и подвиги их?

А что мои беды? А что вдохновенье?
Что мысленных молний полет?
Лишь крови горенье и сердца биенье,—
Их разом могила уймет.

Меня позабудут. Другие поэты
За песней отправятся в путь.
Звезда им мигнет ослепительным светом,
Чтоб вновь, как меня, обмануть.

Что слава, воспетая в звонких сказаньях?
Не больше чем беглая тень.
Умолк человек, и былые мечтанья
С ним вместе померкли, как день.

1895

КОГДА-НИБУДЬ ЦЕПИ СПАДУТ

Пусть когда-нибудь ржавые цепи спадут
И забрезжит заря нашим детям и внукам,
Но какое они объясненье найдут
Нашей долгой борьбе, нашим мукам?

Что нас ждет? Если можешь, надейся и верь,—
Разве иначе вынесешь эти несчастья?
Сам господь нас забыл, и от ближних теперь
Не дождаться, как видно, участья.

Ни росинки в полях, ни звезды в небесах,
Воспаляются наши глаза голубые.
Лишь у мертвых покой в их смеженных глазах,—
О страданьях они позабыли.

Мы безропотно тяжкое иго несем,
Без ночлега скитаемся, по свету кружим.
Пусть гуляет гроза, пусть смятенье во всем,—
Мы смиренно всевышнему служим.

И, от слез и стенаний отвыкнув навек,
Подставляем ударам согбенные плечи,
Истуканом как будто бы стал человек,—
Не проймут его смелые речи.

Стоит глубже вздохнуть,— сколько силы в груди
Неистраченной, сколько в ней чувства осталось...
Неужели одна только смерть впереди?
Неужели такая усталость?

Кто поймет? Кто укажет удел тяжелей?
Хватит жалоб! Оставим хоть честное имя.
Так мужайтесь же, братья, споем веселей,
В путь-дорогу с мечтами своими!

А когда-нибудь ржавые цепи спадут
И забрезжит заря нашим детям иль внукам,
И, быть может, они объясненье найдут
Нашей долгой борьбе, нашим мукам.

1895

ПОЭТ

«Прощай!» Как часто слово это
Позабывал я без труда,
И лишь одно в душе поэта
Твое «прощай» звучит всегда.

Ни слез, ни стонов, ни рыданий,
О нет, все замерло во мне...
И мир в нахлынувшем тумане
Казался только сном во сне.

Беспечный смех утрачен мною,
Нет сил мученья превозмочь,
Друзья обходят стороною,
И дети убегают прочь.

Я лиру взял, и, сердцу вторя,
Рыдает эхо мне в ответ,
А люди слышат голос горя,
Смеясь: чувствительный поэт!

Но им самим невмочь с тоскою,
А я зову их в мир иной —
В просторы ясного покоя,
Навек утраченного мной.

1905

ОСЕННИЕ ДНИ

Ни обновленью, ни надежде
Нет места средь унылых дней,
Лишь стены пристальней, чем прежде,
Враждебно сдвинулись тесней,
А верный труд, желанный друг,
Стал словно тягостный недуг.

Не знаю радости и боли
Опустошенною душой.
Иль душно мне без вольной воли?
Иль так несносен кров чужой?
Взамен мечтаний молодых
Одни лишь россказни о них.

Вернись, весна моя! Но где же
Сдержать стремящееся прочь!
Теперь и солнце светит реже,
И продолжительнее ночь.
Бьет в стекла темная вода.
Настала осень, как беда.

1913

КСАВЕРАС САКАЛАУСКАС
(1863—1938)

ЭХО ПРИЗЫВОВ

Хватит, братья дорогие, прозябать нам, жить без цели,
Хватит нам бродить слепцами, как бродили мы доселе.
Не позор ли нам, литовцы, что самих себя не знаем?
Срам великий: обучившись, мы народ свой забываем.

Отрекаемся бесславно от отцов, земли заветной.
Осознаем же сегодня, как живем мы беспросветно.
Наши праотцы отважно край родной обороняли,
А в любой беде друг другу безотказно помогали.

Мы же, сами просветившись, тьмы вокруг не замечаем,
С равнодушьем чужеземцев плачу родичей внимаем.
Сыновья такие были встарь у чехов: кто пробьется
Кто обучится наукам, тот немедля отречется

От земли своей, от братьев, став во всем примерным немцем,
Так что мало знали чехи сыновей с горячим сердцем.
Уж язык родной — «пастушьим» отщепенцы называли,
И презрен был, как ничтожный, он в любой лощеной зале.

Но нашлись такие чехи, в ком огонь самосознанья
Не угас, они спешили передать народу знанья.
От своих сограждан темных им пришлось терпеть немало,
И врагов тупая злоба их насмешками встречала:

«Как, язык презренный «кнехтов» возродить они желают?
Пастухи и нечестивцы им лишь мысли выражают!»
Но с упорством, терпеливо продолжался труд тяжелый,
И взгляни — теперь у чехов письменность своя и школы.

Просвещен народ их дружный, Чехия же процветает!
Песнь о том под звуки арфы свет бескрайний облетает.
Их слепцы, блуждая всюду, славят так сограждан милых,
Что, внимая звонкой арфе, люди слез сдержать не в силах.

Песня за сердце хватает, крикнуть хочется невольно:
Почему ж у нас, литовцев, нет таких,— обидно, больно!
Сыновья Литвы не знают — кто они и где их корни,
Речь бранят свою пред знатью, всякий раз клонясь покорней.

О литовцы, к просвещенью путь осилевшие долгий,
Захотевшие работать на чужих, забыв о долге,
Осознаем, кто мы, что мы, призывать друг друга будем,
Чтоб спасти несчастных братьев, чтоб помочь бездольным людям.

Мы пойдем дорогой чехов все — рука с рукою, дружно,
И тогда всего достигнем, только сил жалеть не нужно.
Станем прочною опорой общества, народной жизни,
И никто пусть не боится тьмы и гибели отчизны.

Большинство детей литовских обрело уже сознанье,
Трудно им идти средь терний по крутой стезе дерзанья,
Что ж досель мы дремлем, братья! В путь за ними к цели правой,
Ради тонущих, несчастных, ради древней нашей славы!

Скорлупу нужды и мрака нам сломать пора приспела,
И пора догнать народы, что рванулись к свету смело.
Знанье — солнце и свобода, без него нам нет спасенья,
Будем же усердно сеять средь литовцев просвещенье!

1884

ЛЮДМИЛА МАЛИНАУСКАЙТЕ-ЭГЛЕ
(1864—1928)

К НЕМАНУ

Струится Неман — полноводный, синий,
Литвы родимой гордость и святыня.
Сверкает Неман средь лугов цветущих,
Шумит в дубравах и смолистых пущах.

Он золото смешал с голубизною.
Он повторил величие лесное,
Как зеркало в блистающей оправе...
Хранит он память о минувшей славе.

О Неман, из прекраснейших прекрасный!
Далекие века тебе подвластны...
Ты помнишь ход времен необычайный,
Прошедшего тебе известны тайны.

Порою Неман возвышает голос,
Как бог войны, как бог литовский Ковас...
Притокам внятен гул его суровый,
Все ждут его решающего слова.

О Неман!.. Тяжкое настало время!
Все грабят нас, обижены мы всеми.
Живем уныло, сиро и убого,
И храбрецов теперь в Литве — немного.

О Неман, воскреси нам Гедимина,
Его бойцов могучую дружину,
Отчизне дай надежную опору,
Спаси ее от боли и позора!

О Неман, сабля наша притупилась,
И слава древняя испепелилась!
Так мало тех, кто посмелей и лучше,
Они — подобие овцы заблудшей.

Как тяжко, Неман, горько и обидно,
Что храбрецов не воскресишь, как видно,
Что их заветы юными забыты,
И родина осталась без защиты.

Струится Неман — голубое диво,
Блистает красотою горделиво.
Покорность рабская ему несродна,
И воды синие — всегда свободны.

<1884>

ЙОНАС МАЧИС-КЕКШТАС

(1867—1902)

МНЕ ВЕДОМ ПЛАЧ

Я плачу в безотрадной тишине,
Но — ни слезы. Рыдания беззвучны.
И небо не пошлет улыбки мне,
И сердце застилают скорби тучи.

Не видят. Каждый занят лишь собой.
Явясь из тьмы на светлый праздник жизни,
Довольны многие своей судьбой,
И вот — молчу. Что толку в укоризне?

Не надо слез и жалоб — никогда!
Покинутый, ни на кого не сетуй!
Уйди от них, счастливых, навсегда,
Один скитайся и блуждай по свету.

Я плачу в безотрадной тишине.
Участья жду, как ждет голодный хлеба.
И лишь земля порою внемлет мне,
И слезы рос роняет только небо.

1890(?)

ПРАНАС ВАЙЧАЙТИС
(1876—1901)

* * *

В мир пришел бедняк обычный
За другими следом.
Подрастал он, горемычный,
Никому не ведом.
А подрос — кормиться нужно,
А труды велики;
Ближним, верно, недосужно
Знать о горемыке.
Людям кланялся бедняга,
Угодить старался;
Зря старался, бедолага,—
С ним никто не знался!
Горемычного терзали,
Горести да хвори,—
Парня беды да печали
В гроб загнали вскоре.
Убивались, ох, как мало!
В землю положили.
Горько матушка рыдала,
Молчали чужие.
Горевали, только мало:
Велико ли горе!
Только матушка рыдала
И скончалась вскоре.

<1896>

* * *

Дни мои перегорели
В очаге трудов и мук,
Но поет в моей свирели
Каждый шорох, каждый звук.
Пусть невзгодами измучен,
Ты со мной, свирель моя:
К посвистам твоим певучим
Все прислушиваюсь я.
Ты мне сердце отогрела,

Растопила боль и грусть,
Ты проснулась, ты запела,
Я с печалью расстаюсь.
Ты мне душу пробудила
Нежной музыкой твоей,—
Знаешь, мне давно постыло
Пепелище юных дней!

<1897>

* * *

Хотел зачерпнуть я алмазы ладонью,
А снял лишь росу с предрассветных полян.
Хотел я привадить счастливую долю —
Достались мне только осот да бурьян.
Хотел я привлечь к благородному делу,
К труду исполинскому толпы людей,
Но сердце, видать, у людей охладело,
И глухи они к пылкой речи моей.
И все же мне мнится еще и доныне,
Что в душах простого народа живет
Великое чувство, как жемчуг в пучине,
Как перлы в глубинах таинственных вод.

<1900>

СОЛНЦЕ МОЕЙ ЖИЗНИ

Все ниже светило плывет над землею,
Становятся тени длинней и длинней,
Усталые чувства стремятся к покою,
Все ближе стою я к могиле моей.

И, может быть, скоро свой посох дорожный
Сложу у преддверия жизни иной;
Но все же хотел бы я, если возможно,
Чтоб песни мои не исчезли со мной.

Ах, песни из горя сплетенные! В селах
Летайте среди стариков, молодых,
Утешьте согбенных судьбой невеселой,
Утрите им слезы, ободрите их.

Но если вам места не сыщет народ мой
В сердцах своих, в душах — вернитесь назад,
К останкам, истлевшим в могиле холодной,
Куда не проникнет живущего взгляд.

Мы больше вовек не расстанемся, песни,
Вы, сестры родные земных моих дней!
И мы отдохнем, неразлучные, вместе
От бурь изнурительных жизни моей.

ВИНЦАС СТОНИС

(Род. в 1893 г.—?)

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Гаснущего солнца
Тающий клочок.
Песенку ночную
Пробует сверчок.

Проступают звезды
Среди редкой тьмы.
Кутаются в дымку
Поле и холмы.

Дремлет у дороги
Пыльная трава;
Ветер побоится
Тронуть дерева.

Звонкие колеса
Укатили прочь:
Скоро всю округу
Укачает ночь.

1908

КАЗИС БИНКИС
(1893—1942)

* * *

«Где твои песни? Где мечты?
Где память о минувшем?» —
Спросили желтые кусты
В лесу почти уснувшем.

И лес очнулся. «Где мечты?» —
У гор спросили недра,
Спросили горы у воды,
И бор спросил у ветра.

«Где мои песни и мечты?
Их поминать не надо —
Летят куда-то, как листы
Во время листопада».

1913

АХ, ПРИШЛА Б ТЫ СЮДА...

Ах, пришла б ты сюда, где калины цветы
Белеют над гладью речною
И где ясени гордо глядят с высоты
И шепчется берег с волною;

Где с извечной улыбкой зовут небеса
Взлететь, в вышину устремиться;
Ах, слетела б сюда, в этот рай, в этот сад
Любимая мною, как птица!

Утомленное сердце очнулось бы вновь,
Забыв про земные невзгоды,
И вернулись бы сны, волновавшие кровь
В счастливые давние годы,

И огонь той любви, что сегодня угас,
Светивший, как факел когда-то,
Снова вспыхнул бы ярко и свято для нас!
Увы, не вернешься сюда ты...

(1893—1967)

СНЕЖИНКИ

Помнишь ли закат неспешный?
Помнишь белые тропинки?
Помнишь схожие с цветами
Нежные, как пух, снежинки?

Нас с тобой вела тропинка
По соцветьям белым, снежным
И влекла легко и властно
К далям, синим и безбрежным.

И в уборе из снежинок
Потихоньку шли мы рядом
Вдоль сугробов по аллеям,
Как по цветникам нарядным.

Было все покрыто пухом,
Были сумеречны тени,
Тихо падали снежинки,
Словно звездочки сирени.

Так брести бы и брести нам
В белотканом этом мире,
Глядя, как цветы слетают
Из небесной дальней шири...

ЗИГМАС ГЕЛЕ (ГАЙДАМАВИЧЮС)

(1894—1912)

БЕРЕЗЫ

Чуть бормочут березы, белы и мрачны,
Их целует зима, их баюкают сны...

Я люблю их, они хороши по утрам,
Когда ластится день к оголенным горам.

«О, приди к нам скорей, расскажи, не таи:
К нам бураны погонят ли вихри свои,

Нас изранят ли с воем, с усердьем тупым,
И помчатся ль по белым полям, словно дым?

О, приди к нам скорей! Здесь тоска без тебя,
Здесь друзья тебя ждут, бескорыстно любя;

Приласкают тебя, утешенье дадут,
Ты забвения сладость изведаешь тут...»

Так лепечут они, когда солнце встает
И других сновидений приходит черед.

Я спокойно мечтаю, я слушать привык
Их таинственный дивный, забытый язык.

ЮЛЮС ЯНОНИС

(1896—1917)

СООТЕЧЕСТВЕННИКУ

Хоть и труден путь тернистый,
Хоть и каменист,
Хоть и вправду тяжесть ноши
Плечи тянет вниз,

Ты сомнения и страхи
В сердце не буди,
Сохрани надежду, путник,
И вперед иди,

Чтобы рухнули преграды
На твоем пути,
Чтобы злу тебя не тронуть,
Злобе не найти;

Выходи на битву смело,
Жертвуя собой,
И тогда, с врагами встретясь,
Выиграешь бой.

1911

ПЕСНЯ УТРА

I

Помяты стебли, жухнут травы,
Цветы раскиданы по полю:
Смерть поработала на славу,
И стонет грудь земли от боли.

Не стало больше песен звонких,
И солнце выглянуть не в силах:
Спеша до света, там, в потемках,
Уже готовит смерть могилу.

Но ропот скрытый слышен будто
Сквозь стену темноты и страха,
Но знаю: звук возник из праха
Предвестьем утра, Песней утра!...

II

В небе пурпур и багрянец,
Скоро утро к нам заглянет,
Только можно ль нам помочь?
— Пуля рядом пролетела,
Падает без стона тело,
Словно тень, уходит в ночь.

III

Встречал ли ты зарю со всеми?
Слыхал ли голос колокольный
И звуки, полные веселья?
— То Песня утра льется вольно!

Подслушав рабства звон кандальный,
Узнав своей могилы гнилость,
Моли скорей, чтоб там, за далью,
Святое утро зародилось!

1914

БУРЯ

Жаркий день. Нещадно солнце
Греет сквозь сермяги.
За трудами позабыли
Отдых работяги.

Сенокос пришел, не время
Кое-как трудиться,
Скоро жатва подоспеет,
Медлить не годится!

Старый, малый грабли взяли,
Не стоит работа;
Ворошат, сгребают, носят,
Обливаясь потом.

Вдруг негаданно-нежданно
Небо потемнело,
Это с запада внезапно
Тучка подоспела.

Будет буря... Каждый знает:
Торопиться нужно;
Сено скошенное в копны
Собирают дружно.

Все работают, и каждый
Думает: «Обидно,
Снова сено дождь намочит,
Не успеем, видно».

Солнце скрылось, тучи плотно
Небо застилают,
Грома слышатся раскаты,
Молнии сверкают.

Тихо стало. Только ветер
Налетел без спроса,
Раскидал, развеял сено
И по лугу носит.

ГИМН БОРЦОВ

Для тех, кто бессилен отбросить оковы,
Светильник свободы погас;
Кто сам палачу покорится без слова,
Тот злейшего хуже врага.

Мы прежде боролись и боремся снова
За утро свободного дня...
Мы страха не знаем, мы равно готовы
И гибель и славу принять.

Врагам наша слабость не станет отрадой,
Их злоба сжигает дотла:
— Вперед же, о братья! Разрушим преграду
Неверия, страха и зла.

1914

* * *

В стихах бывает глубина, но не дана
Их тайна мне;
Лишь только стоит мне услышать, как струна
Звенит во тьме,
Я различаю потаенный стон
Людской беды,
И вместо радости мне оставляет он
Свои следы.
И тени бледные стоят передо мной,
Построясь в ряд,
И в сердце страждущее горести толпой
Войти спешат.

1915

БАЛИС СРУОГА

(1896—1947)

МЫ ПРИХОДИМ, СЛОВНО ТЕНИ...

Мы приходим, словно тени,
Петь над бездной, на краю:
Тех, кто умер, к бытию
Возвращает песнопенье.

Вечности туманны дали,
Жизни смысл от нас сокрыт,
Серп над колосом дрожит,
Колокол немой в печали.

Как колосья, ждем беду мы —
Ждем, что нас сразят серпом
И собьются в жалкий ком
Нами сотканные думы...

Как легко нам заблудиться
Здесь, под стражею тоски...
Все же мы — как мотыльки:
Суждено нам вновь родиться.

* * *

Рута у дома. В лугу полевица.
Дремлет на солнце девушка в белом.
Ярко сияют росы, ресницы,
Тщетно тревожась в лугу онемелом —
Дремлет на солнце девушка в белом,
Помня, как тихо пылают ресницы,
Помня, что к телу прильнет полевицы
Стебель несмелый.

1917

ФРИДРИХ РОБЕРТ ФЕЛЬМАН
(1798—1850)

* * *

...Счастием был я покинут. Пришлось бы рыдать
безутешно,
Если бы помощи не было в памяти мне и в надежде.
Небо надежду дарит мне,
А память — места дорогие.

Милые сердцу места, привет вам, привет! Не однажды
Вы могли созерцать, как был я счастлив когда-то!
Слышал я здесь соловья
И видел, как плещется рыба.

О, возвратись, возвратись, та пора, для души дорогая,
Счастья былая пора, отраду дававшая сердцу!
Я за мгновенье одно
Мог отдать бы всю жизнь, не жалея.

Божья звезда, ты меня туда призываешь, Надежда,
Где не одна уж душа, ликуя, вкушает блаженство.
Здравствуй! Ты снова со мною,
О милая родина, здравствуй!

1837

КРИСТЬЯН ЯАК ПЕТЕРСОН
(1801—1822)

ЛУНА

Разве источник песни
Даже при северном ветре
Не освежает влагой
Душу родного народа?

Если на севере снежном
Не расцветают мирты
В красе своей благодатной
Средь скал в прохладной долине,—
То разве язык народа,
Подобный реке спокойной
И скромной, хотя красивой,
Не протекает мирно
По лугу, в волнах качая
Золото зорь вечерних,
Иль, мощи не сознавая
И сдерживая гул свой,
Под тучами грозовыми
Не мчится подобно морю?
Разве родной язык наш
Не может, вздымаясь к небу
На крыльях народной песни,
Себе обрести бессмертье?
Хочу языком народа
Воспеть вас, ясные звезды,
И, радостью вдохновленный,
С земли, охваченной тенью,
В небесную высь вглядеться.
Хочу тебя воспеть я,
Луна, ночная царица,
Всходящая в поднебесье
Из облачного лона,
Подобно цветку, что чашу
Раскрыл, над землей сияя,
В просторах ночных, где звезды
Свой след прочертив огнистый
Во мгле беспросветно черной,
Срываясь, несутся в бездну.

О дух человека, так же
Плывешь ты луною в небе,
А мысль твоя ищет света
Все выше среди созвездий!

1818

ПЕВЕЦ

Нет, не с гор поток,
Раздробив скалу,
Устремился вниз;
Нет, не молний блеск,
Озаряя тьму,
Небо в клочья рвет;
Это песни звук,
Как струя вина
Из ковша бежит;
Это лик певца,
Как свеча в ночи,
В вышине горит;
Гром гремит с небес,
Лес внизу притих,
И стоит певец,
Льется песнь из уст,
И народ вокруг,
Словно скалы, нем,
Внемля песне той.

1819

ФРИДРИХ РЕЙНХОЛЬД КРЕЙЦВАЛЬД
(1803—1882)

СВОБОДЕ

Когда в груди забилось сердце жарко,
Во мне проснулся юноша поэт.
И в сновиденьях трепетно и ярко
Горел свободы негасимый свет...
А на заре, в завьюженной хибарке,
Я просыпался, пламенем согрет.

Решимость озарялась вдохновеньем.
Ужель то было все воображеньем?

По вечерам скрипело веретенце,
Я слушал повесть о былых годах,
Легенды и сказания эстонцев
Рассказывали мне напевы прях,
Враги народ лишили света солнца.
Я видел мир в оковах и цепях.
И отдал я своим единоверцам
Тепло любви и откровенья сердца!

С тобою, ночь, с тобою, каннель милый,
Своими думами делился я.
Открыться людям был еще не в силах,
Вверялась вам одним душа моя!
Что слышал я, что сердце полюбило,
Надеждой стало, горе утоля.
Затем в словах, что злата полновесней,
Тебя, свобода, я восславил в песне!

И не успело солнце с небосвода
Уйти, разбив неволи кандалы,
Народ увидел отблеск твой, Свобода,
Развеял тучи предвечерней мглы...
И стали для эстонского народа
Дороги к счастью ясны и светлы.
Свобода, простирай над нами крылья,
Разбей и гнет духовного бессилья!

1865

ПЕСНЯ ОБ ОТЕЧЕСТВЕ

Отчизне, пахарь, верен будь,
Стань твердым, как гранит,—
Здесь жизнь и смерть приемлешь ты,—
Она тебя хранит...

На свете нет земли милей,
Где шепот рощ и струй...
Здесь ты вкусил борьбу, и скорбь,
И Смерти поцелуй...

Нередко землю враг топтал,
Эстонцы лили кровь.
В преданьях сохранил народ
К отечеству любовь!

Дружины Лембиту дрались
С врагом, что цепь сковал.
И русский царь под трубный глас
Те цепи разорвал!

Затем немало зол и бед
Народ наш перенес,
Но корни древние его
Не высохли от слез...

Живут они в живой земле
И сотрясают твердь:
«Итог страданьям тысяч лет —
Жизнь побеждает Смерть!»

Отчизне, пахарь, верен будь,
А все иное ложь!
Всю жизнь живешь ты на земле —
И в землю отойдешь!

На свете нет земли милей,
Где шепот рощ и струй...
Здесь ты вкусил борьбу, и скорбь,
И Смерти поцелуй!

1874

МАРТИН КЕРБЕР

(1817—1893)

ДОРОГОЙ ОТЧИЙ ДОМ

Дом мой отчий, милый сердцу —
В мире нет его родней!
Навсегда, до самой смерти,
Будет он в душе моей.

Отчий дом, домишко, домик,
С птичьим сходен он гнездом;
Мне, как птице на чужбине,
Вечно снится отчий дом.

Тут на свет я появился,
Был взращен любовно тут,
Дни заботы материнской
В щедрой памяти живут.

Тут бежит родник прозрачный —
Из него я в детстве пил,
Верба выгон украшает —
Тут свирель я смастерил.

Тут береза источает
Освежающий свой сок,
Тут я гроздьями рябины
Вволю лакомиться мог.

Дом мой отчий, милый сердцу —
В мире нет его родней!
Навсегда, до самой смерти,
Будет он в душе моей.

ФРИДРИХ РУССОВ
(1828—1906)

БАРИН И ДЕРЕВЕНСКАЯ ДЕВУШКА

Барин — Тебя послал, наверно, бог,
чтоб я с тобою вскорости
спастись от злых мучений мог
и не рыдал от горести!

Девушка — Ну, что за чушь, молокосос,
плетешь с надутым видом ты:
я никаких не вижу слез —
все вздор, пустые выдумки!
Не худо бы тебе смекнуть,
что в дураках останешься,
меня не сможешь обмануть —
скорее сам обманешься!

Барин Ах, в сердце лишь шипы с куста
любовь моя вонзала мне;
о, если б мне твои уста
дарили розы алые!

Девушка Да нешто розы есть во рту?
Тебя и слушать муторно!
Не трать усилий: чистоту
отдам я парню с хутора.

Я все как есть ему отдам
без страха и без ругани.
И то-то славно будет нам,
как станем мы супругами!

Барин Отныне к смерти я стремлюсь,
она — моя желанная,
я непременно застрелюсь,
когда ружье достану я!

Девушка Я доказать тебе не прочь
любовь и уважение,
ведь я могу тебе помочь
в тяжелом положении.
А ну, сотри-ка с глаз росу,
осилить можем беды мы:
сейчас пойду и принесу
ружье и пули дедовы!

1854

КАРЛ РОБЕРТ ЯКОБСОН
(1841—1882)

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Эстония, в дни горя и печали
Одежды девичьи враги с тебя сорвали,
Попрали честь твою и увели в полон...
Но в мыслях и сердцах ты с нами испокон.

Тебя влачили долго на аркане...
О, как мы все — дай боже сил! — алкали
Освободить тебя от этих страшных пут!
Сколь тяжек твой семисотлетний путь!

Ты — омертвевший лес, где стужа лютовала.
История тебя в железа заковала,
В глухие меченосцев времена,
Но ты жива, в тебе живет весна.

Листвой задышит лес, надев одежды!
Неистребимы вера и надежды.
Настанет день — пробудишься ты вновь!
Дыханьем в грудь твою войдет сыновья кровь!

1870

ЕЩЕ НЕ ВСЕ ПОТЕРЯНО

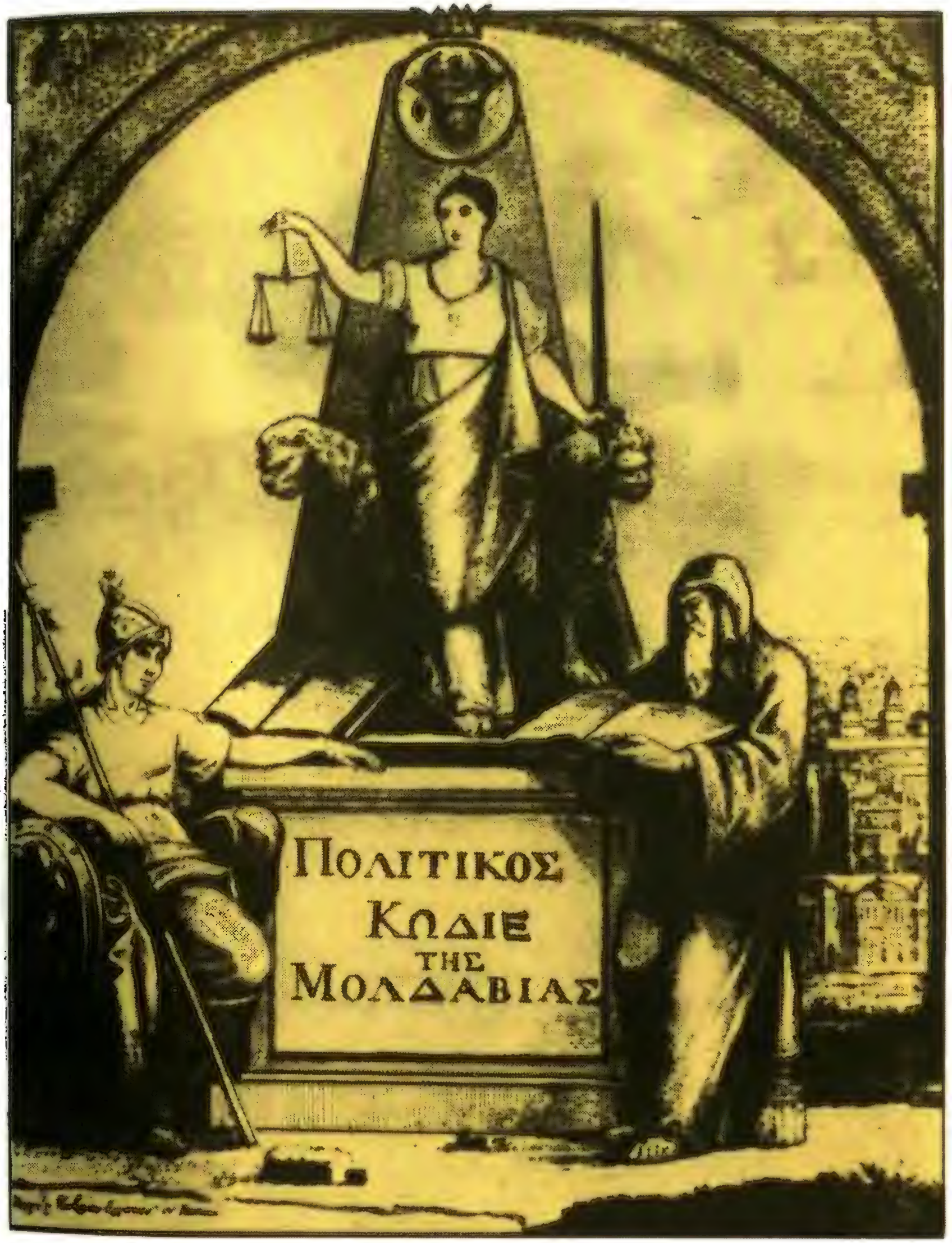
Отец мне говорил не раз
в мальчишеские годы,
что жаждал некогда для нас
простора и свободы.

Эстонский дух пылать устал,
как раб, народ был скован,
был брошен в нищету, и стал
народом бедняков он.

Я плакал о судьбе страны,
душе был голос слышен:
«Проснитесь, ветры старины!
Восстаньте, взвейтесь выше!..»

Ушли навек отец и мать,
и мне давно известно,
что плакаться и причитать
мужчинам неуместно.

Ведь я надеждою согрет,
я слышу голос старый:
седые ветры давних лет
звучат в лесах Таары!


ΠΟΛΙΤΙΚΟΣ
ΚΩΔΙΞ
ΤΗΣ
ΜΟΛΔΑΒΙΑΣ

Титул гражданского кодекса Скарлата Каллимаха. Яссы. 1817 г.

ФРИДРИХ КУЛБАРС
(1841—1924)

ЭСТОНИЯ, МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Как близка мне родина,
Сколько сил ей отдано!

Коль Таары дуб последний
Будет сломлен бурей злой,—
Молвлю, веря в день победный:
«Я целую край родной!»

Смотрят предки славные,
Помня годы давние...

Жемчугами лоб украшен,
Песни мужеством полны,
В полумраке старых башен
Звуки каннеля слышны.

О, несокрушимая
Родина любимая!

Если смерть большую жатву
Снять захочет в день войны —
Мы даем отчизне клятву:
Будем вечно ей верны!

1867

К КОЙДУЛА

Койдула домой вернулась,
Позади шумит вода,—
Над морями, над лесами
Мчат крылатые года...
С высоты звезда упала,
И опять сгустилась мгла —
Слишком рано ныне осень
В сад зеленый забрела.

Койдула! Цветы напрасно
Ждут в полях твоей руки
И в бутоны с нетерпеньем
Собирают лепестки...
Лист березы опустился
У зеленого ствола,
Птицы певчие замолкли:
Спать родная отошла.
Та, что матери-отчизне
Жизнь стократ отдать могла,
Вдруг на грудь ее склонилась,
В землю севера легла.
Пел ли кто над Эмайыги
Златогласней и нежней?
Ты зажгла в эстонском сердце
Столько радостных огней!
И костер свободной песни
Над Эстонией горит,
В этой песне, в этом вихре
Имя Койдула звучит.
Песни чудные эстонцам
Глубоко проникли в грудь:
Все идущее от сердца
Вновь находит к сердцу путь!
Ниспослать могли ль народу
Наши боги лучший дар,
Чем певец, несущий людям
Сердца пламенного жар?
На крестах могильных люди
Пишут мудрые слова...
В языке народа вечно
Песня Койдула жива!

1886

В ПУТЬ, ЖУРАВЛИКИ!

В путь, журавлики, скорее,
неустанной чередой
мчитесь, над лесами рея,
над землей и над водой,
вдаль, на юг, где, не старея,
вечно льется Нил седой.

Вы вернетесь к нам не скоро —
лишь весеннею порой,
почки приоткроют створы
над землей, еще сырой —
как наполнятся просторы
журавлиною игрой!

И когда ваш голос снова
мы услышим с высоты,
порастет травой дуброва
и растают льда пласты...
Вы из странствия большого
принесете нам цветы!

ЛИДИЯ КОЙДУЛА
(1843—1886)

ПРИВЕТСТВИЕ

Робко, Ээстимаа родная,
Я стою перед тобой,
Славной родине вручая
Песенный подарок свой.

Птичка Ээсти запевала
В вешних сумерках. Пока
Пелись песни, записала
Их эстонская рука.

Пусть же встретят несурово
Речь нехитрую мою.
То души эстонской слово —
Песню сердца я пою.

Взвейся, птичка Эмайыги,
Ты лети, мой соловей.
Сердца робкие побеги
Отдаю сердцам друзей.

РАЗДУМЬЯ НА ГОРЕ ТООМЕМЯГИ

Вспоминая дальний подвиг,
Я стою, Калевипоэг,
Над могилою твоей.
Думы грозные роятся,
Как на небе громоздятся
Тучи, полные дождей.

Здесь столетья прокатились,
Солнце с ветром потрудились
Над тобою, Ээстимаа.
Стерто многое волною,
Но иное, но иное
Не выходит из ума.

Ванемуйне! Ночью лунной
Каннеле пел звонкострунный,
А вокруг земля спала;
Здесь, на этом диком бреге,
Крепли стройные побеги
От эстонского ствола.

Здесь о воле петь умели
Реки, травы, птицы, ели —
Все лесные существа,
И о мире, и о счастье,
О весне, и о ненастье
Находить свои слова.

Слушай вой ветров студеных,
Шелест рощ вечнозеленых,
Хруст мороза поутру!
Глянь — твердынь крошится камень,
Меч звенит и вьется пламень,
Словно знамя на ветру.

Мчит война на колеснице.
От ее стальной десницы
Стены падают окрест.
И в твоих пределах, Ээсти,
Мор, оковы, пламя мести,
Рабство, ненависть и крест.

И в огне кровавых зарев
На твоей могиле, Калев,
Христианства встал оплот.
Ты, как солнце, закатился.
Перед недругом склонился
В черном рабстве твой народ.

Правда, где твоя обитель?
Ты забыл нас, небожитель!
Всюду бич, и кровь, и тьма!
Нет просвета в рабской доле,
И вкушает хлеб неволи
Род эстонский в Ээстимаа.

Боже добрый! Ты, чье имя
Преступленьями своими
Люди тщились запятнать!
Ты утешил нас незримо.
Под крылами серафима
Ожила отчизна-мать.

Время горе облегчило,
Наши раны залечило,
Возвратило вольность нам.
Пелена с очей упала,
И пора нам петь настала
Песню новым временам;

И на севере убогом,
Где когда-то по дорогам
Проносился вихрь шальной,—
Здесь хлеба заколосились,
Капли крови обратились
Земляникою лесной.

И поют над Эмайыги
Про упавшие вериги
Птицы в синей вышине.
И еще звенит их пенье,
Но уже ночные тени
Призывают к тишине.

Ээстимаа! Тебе немало
Провиденье даровало!
Все ли сразу назову!
Я молчу. А ветер мчится,
И с веселым пеньем птица
Улетает в синеву.

ВСЕГДА О РОДИНЕ

«Как? О родине ты снова?
Иль важнее слова нет.
Иль напева нет иного
Для тебя уж столько лет?»

«Да! Другого я не знаю.
Вечно край родимый нов!
Имя родины слетает
И с деревьев и с цветов».

ЭСТОНСКАЯ ЗЕМЛЯ И ЭСТОНСКОЕ СЕРДЦЕ

Только стоит мне святое
Имя родины назвать,
Ты лишаешься покоя,
Сердце, чем тебя унять?

Было и добро и худо,
Кое-что пришлось терять...
Лишь одно я не забуду —
Это имя повторять.

Ведь вдыхала этот воздух
Я, когда была дитя,
Я вдыхала этот воздух
И ликуя и грустя.

Ты со мной грустила вместе,
Рядом в радости была.
Я тебе сегодня, Ээсти,
Труд и песни принесла.

Я люблю светло и щедро,
Так, что в песне не спою.
О, прими в святые недра,
Мать-отчизна, дочь свою.

Ты, как мать, найди мне место,
Чтоб навек меня укрыть!
Землю Ээсти с сердцем эста
Никогда не разлучить!

Я — ДОЧЬ ТВОЯ

В глазах твоих слезинки
Застыли, Ээстимаа,
Твои дымятся раны,
Трепещешь ты сама,
И я, вздымая руки,
Вся в пламени стою!
Я — дочь твоя! Хочу я
Оплакать боль твою!

Сверкнет ли гордым счастьем
Родимый лик святой,
Небесную ли милость
Восхвалит голос твой,—
В груди, ликуя, сердце
Пылает все сильней!
Я — дочь твоя! Хочу я
Жить радостью твоей!

Ты воздухом поила
Младенца своего,
Души своей частицу
Вселила ты в него.
О Ээстимаа! Всю силу,
Всю жизнь тебе отдам!
Позволь ее, как жертву,
Сложить к твоим ногам!

Благодарю, бог жизни,
Тебя за то, что дал
Эстонское мне имя!

Дух одного б желал:
В краю, где боль и счастье
Качали колыбель
Мою, да будет в Ээсти
Мне смертная постель!

ЛЮБОВЬ

Коль не лелеял в тишине
Любви в груди своей,
То, как слепой о белом дне,
Ты не суди о ней.

Но если сам полюбишь вдруг,
Прозреешь сразу ты.
Прекрасным станет все вокруг —
Поля, роса, цветы.

Цветку любви порой нужна
Лишь ночь, чтоб расцвести!
Спокойно жди! Заря должна
И для тебя взойти.

СОЛОВЕЙ

«Соловей,— они спросили,—
Что поешь ночной порой?»
Мол, кому ты в звонкой силе
Виден ночью, скрытый тьмой?

На вопрос людской разумный
Ты разумный дал ответ.
Только я, певец нешумный,
Не нашлась с ответом, нет.

Я подумала: со мною
Разве, соловей, не так?
Рвется песнь порой ночною
Из груди сквозь боль и мрак.

МОЛЧИ, САМО ХОТЕЛО...

Взглянул он, умоляя: «Ответь глазами — да!»
Но почему-то сердце не дрогнуло тогда.
Смотрела я сурово, ничем не смущена,
Он прочь пошел — и снова осталась я одна.

Но отчего померкли внезапно небеса?
Куда цветов и листьев девалась вдруг краса?
Как тихо! Я сквозь слезы гляжу вокруг с тоской,
Сбежал со щек румянец, а из души покой.

Теперь одно лишь имя всю ночь твержу во сне,
Зову в слезах: «Любимый, приди, приди ко мне».
Зажженная любовью, я, как свеча, горю:
«Молчи, само хотело!» — я сердцу говорю.

ПЕСНИ — СЛЕЗЫ, ВЕЧНОСЛЕЗЫ...

Песни — слезы, вечно слезы,
Сердца тайная капель:
Вовлекло ль струю в движенье
Боли грозное давленье
Или счастья нежный хмель?

А волна течет привольно,
Плеском радует людей.
В камне ль капельки копила,
В тихой роще ли таила,—
Тщетно спрашивать у ней.

Ты плыви, волна напева,
Лейся, кроткая струя!
Если, вняв тебе средь ночи,
Вспыхнут счастьем чьи-то очи,—
Буду счастлива и я!

САМ

Что тебе благое дело,
Коль свершит его другой?
Сам за жизнь поратуй смело,
Сам за истину постой!

Что чужой тебе достанет,
Будет век тебе чужим.
То лишь кровным, близким станет,
Что из сердца мы растим.

Труден путь перед победой,
Будь же стоек до конца,
Скорбь Голгофы сам изведай,—
Удостоишься венца!

МИХКЕЛЬ ВЕСКЕ

(1843—1890)

РОДИНА

Ты знаешь край — лежит от Пейпси
Он вдоль балтийских берегов
В излуке Финского залива
Среди полянок и лесов.
Страна, где детство начиналось,
Где колыбель отцов качалась.
Споем о ней, всегда о ней,
Прекрасной родине моей!

Здесь леса свежие вершины
В озера тихие глядят,
Здесь под дождем поднялись всходы,
На солнце нивы шелестят.
Страна, где детство начиналось,
Где колыбель отцов качалась.
Споем о ней, всегда о ней,
Прекрасной родине моей.

Здесь племя Ээсти возмужало,
Борясь за вольных дней восход.
Здесь девушка полей эстонских
Для мужа милого цветет.
Страна, где детство начиналось,
Где колыбель отцов качалась.
Споем о ней, всегда о ней,
Прекрасной родине моей!

Здесь все работают упорно,
Чтоб кончить с давней нищетой,
Здесь весь народ стремится к свету,
Мрак побеждая вековой.
Так поклянемся же сердечно
Быть мужественными навечно
И пожелаем светлых дней
Прекрасной родине своей!

1873

АДО РЕЙНВАЛЬД
(1847—1922)

ЧЕРНЫЙ КАФТАН

Кафтан отцовский внуку
Завещан. Потому
Тебе, отчизна, руку
Я в этом твердо жму.

В кафтане черном деды
Ходили. Ну так вот —
Пусть новшествам победы
Не знать: я патриот!

Хочу в кафтане черном
Я смело выступать.
Пред выскочкою вздорным
Не стану трепетать!

1871

ВЕРА И ЗНАНИЕ

Во что мы верим — того не знаем,
А в то, что знаем,— ничуть не верим;
И как мне верить, когда я знаю?
Как ты узнаешь, коли ты веришь?
Ты хочешь веры? Забудь о знанье.
Ты хочешь знанья? Забудь о вере.

1877

НАРОДЫ

«Люби народ свой!» — я слышу голос,
И этот голос душе отраден.
«Люби народы все без изъятья!» —
И эта речь мне еще отрадней:
Она из светлых времен грядущих,
Где нет ни распрей, ни войн, ни крови.

1877

ШАПКУ ДОЛОЙ!

Наш Матс был парнем хоть куда —
Веселым, дельным, смелым,
Перед бароном никогда
Не гнулся, не робел он.

Он как-то барским шел двором,
А барин — вот он, рядом,
Кричит, шумит, гремит, как гром,
И сыплет, словно градом:

«Ты есть грубьян, ты есть нахал,
Ты очень дерзкий парень!
Зачем ты шапка не снимал
Перед барон, твой барин?

Я на конюшня накажу
Тебя, мужик, скотина,
А не поможет — прикажу
Повешать на осина!»

А Матс и ухом не ведет —
Ему, мол, не до спора,
Идет-бредет себе вперед
Не медленно, не скоро.

Кричит барон, бушует он,
Не хочет униматься...
«Пугай осиною, барон,
Младенца, а не Матса!

Зимой ненастной, в холода,
Мороз стрижет и бреет;
Сниму я шапку — что тогда
Мне голову согреет?»

...Для Матса шапку снять — пустяк
(Ведь он не враг поклонам!),
Но дома, в церкви и в гостях,
А не перед бароном!

1906

ЮХАН КУНДЕР
(1852—1888)

НА ГОРЕ МУНАМЯГИ

Вниз, когда гляжу у края тучи
На Эстонию свою,
Посылаю в мир напев могучий,
Звонким голосом пою:
«Как здесь жить хорошо!»

Золотой пшеницы волны плещут,
Серебро озер кругом;
Вдалеке леса листвой трепещут
И шумят, как дальний гром:
«Как здесь жить хорошо!»

С запада шумит седое море,
Вскинув пену к облакам,
И река течет в цветном уборе,
Вторя песенным словам:
«Как здесь жить хорошо!»

Девушки эстонские смеются
И поют среди цветов;
Женихов эстонских раздаются
Голоса в тени садов:
«Как здесь жить хорошо!»

Облака всплывают лебедями
Над холмами и землей,
Солнце, звезды, месяц над ручьями
Хоровод свершают свой:
«Как здесь жить хорошо!»

Жили великаны здесь вначале,
Странствуя и веселясь;
Песни их победные звучали,
Плавно речь мужей лилась:
«Как здесь жить хорошо!»

Если бы я мог владеть эфиром,
Пеньем птиц, стремленьем вод,
Я бы повелел, чтобы над миром
Звонкий клич звучал с высот:
«Как здесь жить хорошо!»

Если бы я мог на небе ясном
Яркой молнии оставить след,
Я б эстонский славил край прекрасный,—
Для меня другого в мире нет,
Как здесь жить хорошо!

1876

ПЕТЕР ЯКОБСОН

(1854—1899)

ПЕСНЯ ТКАЧА

Движется нитка, и хлопает бёрдо,
Ритм отбивая проворно и твердо,
Конкс, тонкс,
Конкс, тонкс,
Будет работа закончена в срок.

Любо другим мастерство кружевное —
Серое делать привык полотно я,
Конкс, тонкс,
Конкс, тонкс,
Эй, убавляйся-ка, пряжи моток!

Ткань, вырастай! Уменьшайся, основа,
Нити вбирай в себя снова и снова,
Конкс, тонкс,
Конкс, тонкс,
С птицею схожий, летает челнок.

Рваться не надобно, пряжа простая,—
Будь долговечной, как нить золотая,
Конкс, тонкс,
Конкс, тонкс,
К завтрему сделаем ткани кусок.

Если бы мне состоянье досталось,
С ткачеством я и тогда не расстанусь,
Конкс, тонкс,
Конкс, тонкс,
Мира дороже мне ткацкий станок!

1881

ПЕСНЯ О МАСЛЕНИЦЕ

На санях несемся мы,
Масленица, здравствуй!
Шубы, шапки — все в снегу,
Всюду снег вихрастый!

Нас к застолью вечером
Ждут бобы и студень,
То-то мы за ужином
Работяги будем.

А потом послушаем:
Дудки нас не звали,
Чтоб веселый танец мы
Лихо станцевали?

1896

ЯКОБ ЛИЙВ
(1859—1938)

ФЛЮГЕР

На́ гору, на самую верхушку,
Флюгер приспособили, вертушку.
Там его податливое тело
Ветерком крутило и вертело.

Флюгер сверху объясняет гордо,
Флюгер сверху надрывает горло:
— Гляньте, как земля и небо дружно
Вертятся вокруг меня послушно!

Все летит, кружится, мчится мимо —
Я один на месте недвижимо;
Сколько б ни менялись поколенья —
Одного держусь я направленья!

1894

ЯКОБ ТАММ
(1861—1907)

КОРЧМА

Эту ветхую избушку
Ветер набок повалил:
Удержать ее на месте
У подпорок мало сил.

Упадая, на соседку —
На корчму — взглянула зло.
Будто та была виною,
Что избе не повезло.

1882

ЗА ПРЯЖЕЙ

Сяду с пряжей у оконца,
Буду прясть я за двоих.
Прыгай, вейся, веретенце,
В пальцах девичьих моих!

В дверь тихонько мать заглянет,
Слыша шум веретена,
И хвалить не перестанет
Дочь-помощницу она.

Дать кудель такой не жалко.
А когда отец придет —
Купит дочери он прялку,
Пусть побольше напрядет!

1883

КАРЛ ЭДУАРД СЁЭТ
(1862—1950)

ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО

Там, где кончается простор
Полей и луговин,
Помещичий чернеет бор,
Подняв зубцы вершин.

На горке, в глубине лесной,
Стоит разбитый дом
И, кажется, во тьме ночной
Нам шепчет о былом.

А в ночь Купалы каждый год
Тут слышен тихий шаг,
Как будто сызнова идет
На барщину батрак.

Зари полоска в полусне
Сверкает серебром,
И все в глубокой тишине
Покоится кругом.

Но вот по воле тайных сил,
Прервав свой вечный сон,
Выходят тени из могил,
Идут со всех сторон.

Берутся тысячи за труд.
Проворно при луне
С камнями, с ведрами снуют
В полночной тишине.

Надсмотрщик ходит взад-вперед,
И плетка на ремне.
Он грубым голосом орет
В полночной тишине.

Так в полумгле часов ночных
Работают спеша,
И часто горьким плачем их
Терзается душа.

А в замке пир. Вино рекой
Струится и кипит.
Как видно, тоже в час ночной
Род рыцарей не спит.

Тут скачет мертвых хоровод —
Все рады танцевать,
А тех, что утомились, ждет
Роскошная кровать.

И долго рыцарь ест и пьет,
И долго пир шумит.
И батраки полны забот,
Ворочают гранит.

Когда же запоет петух,
То меж нагих руин
В смятении за духом дух
Исчезнет в миг один.

1886

ВОРОВСТВО

Ах, поймать необходимо
вора страшного —
ту, что проезжала мимо
дома нашего.

Укатила вмиг девчонка
вдаль с поклажею,
удручен я, огорчен я
этой кражею.

Догоните, кто в соседстве,
парни ловкие,
чтоб свое забрал бы сердце
у воровки я!

БОЛЬНЫЕ ГЛАЗА

Молодой я, а здоровья нет —
я страдаю, мучаюсь глазами;
ох, легко ли много-много лет
жить больному, посудите сами?

Я куда ни направляю взгляд,
как ни бьюсь я с ним, а все без толка:
я — косой, мои глаза косят
и глядят на хутор Тэйстре только.

Я, не видя, за сохой хожу,
всех смущая пахотой плохою,
я порой пашу через межу,
я в канаву падаю с сохою,

спотыкаюсь, всех вокруг смеша;
болен я... И кто мне взгляд отводит
к хутору, где, страсть как хороша,
дочка Тэйстре так проворно ходит?

ЮХАН ЛИЙВ
(1864—1913)

О ВРАГАХ

Мудрец великий учит: «Воздайте
добром за вред, который вам творят».
Но я скажу: «Гадюк уничтожайте —
несовместимы доброта и яд!»

Не победить вовеки принужденья,
коль не пойти ему наперекор.
Насилью, что не знает снисхожденья,
одна лишь сила может дать отпор.

1886

РАНО

Рано ушел я из дома родного...
Песни забытые детства былого,
я вас давно не пою.
Бури меня как тростинку согнули,
и заглушили жестокие бури
песенку детства мою.

Бури с родными меня разлучили,
слабые песни мои заглушили,
и потерял я покой.
И не свершилось так много, так много!
И протянулась по жизни дорога,
переплетаясь с тоской.

1894

ГРУСТНА ТВОЯ РОДИНА

Грустна твоя родина, да и ты
уже изнемог от ноши.
Уже в голубую страну мечты
тебе не попасть, но, может,

звезда твоя в небе тогда блеснет,
когда ты сойдешь в могилу.
Постигнет все думы твои народ,
постигнет душой их силу.

Они оживут, чтоб творить и звать
и вдаль пролагать дороги,
чтоб радостью и красотою стать
в дому поколений многих.

1894

Я МНОГО ЦВЕТОВ СОБРАЛ БЫ...

Я много цветов собрал бы,
я пояс бы сплел — пускай
в одно бы связал тот пояс
тебя, мой несчастный край!

Я взял бы лазурь у неба,
лучи бы у солнца взял —
лучами, лазурью, солнцем
в одно бы тебя связал.

Я взял бы любовь и верность,
я честность бы взял — пускай
они бы в одно связали
тебя, мой несчастный край!

Я кровные узы взял бы
и братство сердец — пускай
они бы в одно связали
тебя, мой несчастный край!

1895

У Л Ы Б Н И С Ь!

Ты — мое солнце, ты — моя тьма,
ты — моя гибель, ты — смерть сама.
— Но солнце не губит, мой друг... Очнись!
— Не спорь, любимая! Улыбнись!

Декабрь 1895

Л Е Т Н И Й В Е Ч Е Р

Сердце твое исцелю я! — ветер июльский сказал мне.
Стал он выстукивать нежно, стал тормошить меня слушать,
недуг выискивать скрытый.
Тайную боль обнаружив, все узелки распустил он,
поцеловал меня в губы, в лоб и в глаза и, погладив,
снова связал мое сердце бархатными руками.
Так врачевал он больного и ласково гладил, покуда
не разогнал без остатка
в сердце — заботу
и горечь — в душе.

1896

М О Й С Т И Х

Мой стих, ты подбитый голубь,
которого настиг
в полете когтистый коршун...
Ты кровоточишь, мой стих.

Мой стих, ты похож на птицу,
на раненого орла,
которого вдруг настигла
охотничья стрела.

Былой твой полет могучий
я вижу, как наяву.
Ты мчался вольным ветром
сквозь солнце и синеву.

Оглядывался ты зорко
в небесной вышине,
спускался и отдыхал ты
на самой высокой сосне.

Теперь ты один, ты в чаще,
истерзан, изранен в кровь,
и жалобно смотришь в небо,
где реет твоя любовь.

1896

ОСЕННЕЕ СОЛНЦЕ

На ветвях березы
солнечный закат,
кажется, что листья
пламенем горят.

Путь уже недолог,
путь уж недалек.
Славен тихий отдых
средь лесных дорог.

За зеленым логом
посреди полей
косогор в сиянье
солнечных лучей.

Столько там сиянья,
блеска и огня,
словно ждет невеста
на горе меня.

1896

СЛЫШИШЬ, СЛЫШИШЬ?

Взмокла шуба ватная
на осине,
снег вздыхает, падая,
талый, синий.

Гул весны откуда-то —
слышишь, слышишь?
С каждым днем доносится
ближе, ближе.

1900

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЗМОЖНОСТЬ

Из красоты — последнюю красу,
из правды — окончательную правду
и, значит, ложь последнюю из лжи
ты извлеки. И, значит, из добра —
последнее возможное добро,
из женственности — нежность в высшем смысле,
из боли крайность боли извлеки
с последнею попыткою терпенья!
В объятиях огня рожденный стих
тебя возвысит и с тобой — других.

1900

ОСЕНЬ

Скучно. Глина. Поле голо.
В тучах неба муть.
Я иду к опушке леса,
где к полянке путь.

Бархат сосен вечно зелен,
одиночье грез...
Сосен зелень яркоцветна,
желтозлать берез.

Яркоцветна зелень сосен,
желтозлать берез.
И поляна — вся в объятьях
предосенних грез.

1903

ВЧЕРА Я ВИДЕЛ ЭСТОНИЮ

(На железной дороге)

Вчера я видел Эстонию!
Видел котомки на спинах людей,
лачуги без окон и без дверей
и нищету каменистых полей —
вчера я видел Эстонию!

Вчера я видел Эстонию!
Домишки из гнили и из трухи,
кривой можжевельник, болотные мхи
и заросли невеселой ольхи —
вчера я видел Эстонию!

Вчера я видел Эстонию!
Безлюдные тропы в лесной глуши,
унынье и сумрак в мертвой тиши,
глубокую спячку людской души —
вчера я видел Эстонию!

10 января 1904

ОТЧИЗНЕ

Родная моя отчизна,
сумел я тебя познать
в дни тяжкие, трудовые,
в бессонные ночи глухие
и смело могу сказать:
— Ты — жизнь, ты ее дала мне,
я сын тебе, ты мне мать.
Ты — жизнь, ты — моя опора,
и ты — моя боль, которой
нельзя от тебя скрывать.

Священна она обоим,
та боль — и тебе и мне.
Обязан я и безволью
и воле своей той болью —
обязан родной стране.
Всю бедность и все богатство
делю я с тобой сполна,
делю я с тобой по праву
и жизнь, и беду, и славу,
родная моя страна!

1906

ДЕТИ ВАНЕМУЙНЕ

Песни, песни, Ванемуйне дети,
бедные усталые слова.
О искусство родины, ты в путах
по стране бредешь едва-едва.

Над тобой смеются иноземцы,
над тобой смеются холуи...
Родина, в моем скорбящем сердце
песни безысходные твои.

Песни, песни, выпал вам суровый,
невеселый и нелегкий путь.
В собственной стране вы как сироты,
не дает вам бедность отдохнуть.

Пусть спесивость тешится над вами,
вы идете, надо вам идти!
А земля усыпана шипами,
путь тернист и тяжек впереди.

Ноябрь 1908

МОРЕ

Колышется желтое море
и плещет волну за волной.
Шумит у родного порога
его неумолчный прибой.

Волнуется желтое море,
колышутся волны из ржи,
их солнце горячее сушит,
и ветер в колосьях шуршит.

И мне суждено это поле
засеять, убрать и вспахать.
Здесь дом наш. Стоят у порога
отец, и сестренка, и мать.

Родное бескрайнее море,
колосьев стена золотых,
эстонское синее небо...
Здесь родина предков моих.

Эстонское солнце сияет,
эстонский закат надо мной...
Колышется желтое поле,
шумит, словно море, волной.

1909

ВЕРЕСК

О вереск, мой родной цветок!
В полях осенний холод, дрожь,
с душой усталою бредешь,
и только ты еще цветешь,
родной цветок!

О вереск, мой родной цветок!
Душа горит осенним днем:
там — скорбь, любовь и смерть кругом...
Ты смотришь розовым глазком,
родной цветок!

О вереск, мой родной цветок!
Покоя сердцем жажду я:
меня в вечерние края
зовет, влечет краса твоя,
родной цветок!

1909

ЗВОН

Был малышом я неискушенным —
грудь моя грустным наполнилась звоном.

Рос я, и шла ко мне зрелость, и с ней
звон становился слышней и сильней.

Звоном теперь погребен я и смят —
грудь обессилил грозный набат.

Звон — это дух, для которого тело —
тесная клетка земного предела.

1910

АННА ХААВА
(1864—1957)

ОДИН ЛИШЬ РАЗ ЛЮБОВЬ БЫВАЕТ

Один лишь раз любовь бывает,
Лишь раз на жизненном пути:
Когда расцвел цветок чудесный,
То вновь ему не расцвести.

И та любовь, что, угасая,
Из нашей памяти ушла
И новой место уступила,—
Та и любовью не была.

Один лишь раз любовь бывает,
До смертных дней — один лишь раз!
Так предначертано законом
Большой любви, живущей в нас!

1890

* * *

Не примчатся вместе с ветром
Песни вольные слова
И не выпорхнут, как птицы,
Из цветного рукава.

Песня — пламенная правда,
Кровь из сердца твоего:
Вот об этом петь ты *должен*,
Не жалея ничего!

1894

РОДНОЙ ЯЗЫК

Мой язык, твое звучанье
Я узнаю и во сне:
Ты сиянием священным
Проникаешь в сердце мне.

Ты силен веками скорби,
Счастлив ликованьем дня,
В смелой мысли, в нежном вздохе
Глубина твоя видна.

Я не раз слыхала в детстве,
Что убог и беден ты;
О, как жаль, что слишком поздно
Ты вошел в мои мечты!

Встречу я вражду людскую,
Встречу злобную молву,
Если я тебя любимым
Перед всеми назову.

Так за чем же дело стало?
Тяжко долгою зимой,
Но придет пора расцвета
Для тебя, любимый мой!..

Мы храним тебя, как сына,
Любим так, как любят мать,
Над отчизною родною
С честью сможешь ты блистать.

Докажи, что дух эстонский
Есть еще в любом из нас,
Что огонь в груди эстонской
Богом данный — не погас.

ЮХАН ЛИЛИЕНБАХ
(1870—1928)

УТРЕННЯЯ ЗАРЯ

Поверишь ли — та полоса,
Что просветлила небеса,
Расширясь, станет вдруг такой,
Что все заполонит собой?

Сочтешь ли недовольство ты
Началом нашей правоты,
Что, разрастаясь, как рассвет,
Нам принесет свободы свет?

Пускай пока еще густа
На горизонте темнота,—
Уж ночь прошла, ты видишь сам,
Откуда ринуться лучам!

1909

БОРЦЫ ЗА СВОБОДУ

Рабами в жизнь вступили мы,
И батраками жили мы.
На поле брани были мы,
И головы сложили мы.

Рабами в жизнь вступили мы,
И в кандалах ходили мы.
Но сердца не гасили мы,
Всегда борцами были мы.

1909

ИВАН КУРАТОВ
(1839—1875)

ПЕСНЯ МОЯ, ПЕСНЯ...

Песня, песня моя родная,
Мой питомец новорожденный!
Как ребенка, тебя, лаская,
Брал я на руки восхищенно.

Я хотел, чтобы в самом сердце
Ты и выросла и созрела;
Как легко мы порой обещаем
Совершить нелегкое дело!

Из того, что тебе еще нужно,
Лишь немногое дать успел я;
Только знаю — тебя, родная,
От забвенья спасти сумел я!

Но куда ж тебя отпущу я?
Подберут ли тебя другие?
И заметят ли добрые люди,
Коли явишься к ним впервые?

Поп усердный, благообразный
Глянет злобно да отвернется,
И всезнайка спесивый, слышу,
Над тобою уже смеется.

Да и вряд ли какой крестьянин
Приголубить тебя захочет —
Только подати да налоги
Снятся бедному дни и ночи.

Как же быть? Где таких отыщем,
Чтобы взяли тебя, полюбили?..
Подожди! Ты еще не пропала!
Кой-кого мы с тобой забыли!

Вон гроши на ученье сбирает
Сын покойного пономаришки,
Вон босой Поликарпик скачет,—
Подрастают эти мальчишки.

И, наверно, многие в сердце
Тоже пестовать песни станут —
Как и я, с печалью и лаской
Тоже песни свои затянут.

Даже самых гордых всезнаек
Изумиться они заставят,
А тебя, наша коми песня,
Широко-далеко прославят.

1860

КАК Я БИБЛИЮ РАСКРОЮ...

Как я Библию раскрою,
Черт безрогий той порою
Со мной рядышком сидит,
В книгу, смеючись, глядит.

Как роман Гюго раскрою,
Чистый ангел той порою
Со мной рядышком сидит
И, вздыхаючи, глядит.

Но едва «Organum Novum»
Я раскрыл, как с первым словом
Испугалися ребята —
Оба сгинули куда-то.

1860

* * *

У окна в гробу лежал мой лучший друг.
Я один над ним сидел в слезах. Настала полночь. Вдруг
Простыня, что тело прикрывала,
Всколыхнулась и с него упала...
Я вскочил, подумав: мир не без чудес!
И раскрыл объятья другу, ибо он воскрес!
Что же?.. Ветер, только ветер из окна... И новый страх
Обуял меня: он умер! Не восстанет прах.

1865

* * *

Раз тоска меня взяла,
Не глядел бы и на небо.
Нож схватил я со стола
И отрезал... ломтик хлеба.

Снова стало тяжко мне,
Утопиться думал с горя,
В воду — бух!.. И на спине
Переплыл речушку вскоре.

В третий раз, судьбу кляня,
Захотел я смерти яро,
Попросил скорей огня
И зажег... себе сигару.

Нож, вода, огонь! Не раз
Помышлял я жизнь разрушить!
Больше звать не буду вас,
Грусть сама меня иссушит.

1867

КРОВЬ МОЯ СТЫНЕТ

Кровь моя стынет —
Щеки белы:
Кровь только в сердце
Жарче смолы.

Феодоссий. Ион Дамаскин. Нянц. 1836 г.

Не улыбнусь я,
Встретив юнца,
Будто я встретил
Смерти гонца.

Между живыми
Места мне нет,
Будто комете
Между планет.

Ей не достигнуть
Цели пути,
Мне же приюта
Здесь не найти.

Где ты, отчизна?
Где ты, семья? —
Наполовину
Я уж не я.

1875

ЯЛМАРИ ВИРТАНЕН
(1889—1939)

ПЕСНЯ ПАСТУХА

Гой, наше утро, заря золотая!
Пьют нашу кровь богатеи.
Гой, засияй, из нужды вызволяя,
Жарче гори и светлее.

Хлеб мой пастуший — кора с лебедою,
Вместо одежи — дерюга.
Выйду я в поле с поющей дудою —
Мне подпевает округа.

Гой, приходи к трудовому народу,
Доброе, мудрое утро.
Ты укажи нам дорогу свободы,
Сильными сделай нас, утро!

Выдь из-за туч, постучися в оконце,
Тьму разгони, торжествуя.
Иль, не дождавшись мужицкого солнца,
В черной могиле усну я...

Скоро ль ты вспыхнешь, заря нашей власти,
Нищих, бездольных согреешь?
Гой, принеси нам свободу и счастье,
В бой поведи нас скорее!

1906

ОН ПОМЕРКНЕТ

Как летом пламенным богатый красок блеск,
Я вижу образ твой в садах воспоминаний;
Стою, задумавшись, исполненный мечтаний,
А в сердце — шум волны: то счастья громкий плеск.

Позволь, чтоб образ твой светил душе моей,
Чтобы мечты любви мне сердце согревали,—
Давно твои глаза мне душу чаровали;
Теперь хоть памяти служу я прежних дней.

Быть может, облик твой яснее разгорится?
Но нет — угаснет свет, таков закон времен:
Погаснуть и для звезд приходит череда.

На краткий только миг я солнцем озарен,
Потом вдали блеснет твой облик, как зарница,
И, утонув средь туч, померкнет навсегда.

1912

СНОВА ВСЕ СВЕРКАЕТ

Снова сверкает волшебно
Все, что меня окружает:
Листья деревьев и травы,
Рябью подернутый пруд.
Гуси, сияюще чистые,
Бьют белоснежными крыльями
В ясное зеркало водное,
Тешась игрою теней.

Любо глядеть на природу
В блеске родимого солнца,
За прихотливыми бликами
Пристальным взглядом следить!
В сердце тогда расцветает
Полное силы дерзанье,
Паводком бурным, горячим
Кровь в моих жилах течет.

1915

ШЛОЙМЕ ЭТИНГЕР
(1801—1856)

МУХА

Телега с бочками вина,
Как будто впрямь она пьяна,
В грязи застряла и вперед,
Хоть матюгайся, не идет.

Возница кнут сломал, кляня
Невиноватого коня.
Сам надрывался у колес,
Ни тпру, ни ну! На месте воз.

Вдруг с бочки муха: «Жу-жу-жу!
Ты, возчик, дурень, я гляжу,
Заехал в грязь! Теперь вольна
Тебе помочь лишь я одна.

Знай, мною перегружен воз,
Взлечу: кати, как под откос!»
И с бочки поднялась она,
Великодушия полна...

Я прав сказать единою строкой:
— Избавь нас бог от помощи такой!

МОЛОДО-СТАРО

Когда еще юн,
То кажется все
Легко объяснить
И мудрым прослыть.
А в старости лишь
Одно ты познал,
Не хватит всех лет,
Что бог даровал,
И целого века,
Чтоб стать человеком.

МИХЛ ГОРДОН
(1823—1890)

МОЕ ВРЕМЯ

Из чрева матери родной
Пришел кричащим и в слезах,
А в вечный дом в земле сырой
Безмолвным унесут мой прах.

Как в дверь открытую иду,
И никому не удержать,
Так в яму темную сойду,
Оставив навсегда кровать.

Жизнь слишком быстро пронеслась,
И недалек последний час,—
Казалось, только началась,
А смерть уж поджидает нас.

Прошли мильоны долгих лет
До появленья моего,
Еще мильон пройдет им вслед,
Я не увижу ничего.

Как море, каплею одной
На миг под солнцем заблестит
И унесет ее с собой,
В своей пучине растворит.

Так жизнь подобна капле той,
На миг из вечности мелькнет,
Случайно всплыв на свет земной,
И навсегда в нее уйдет.

АБРАМ ГОЛЬДФАДЕН
(1840—1908)

Род уходит и род приходит.
Екклезиаст, гл. I, стр. 4.

* * *

Мчатся годы, мчатся годы,
И стремителен их бег,
Мученики от природы,
Люди трудятся весь век.
От работы, что натужна,
Сохнет мозг в костях людских.
— А кому все это нужно?—
До вопросов ли таких!
Вечна смена поколений,
Все как сон, как вещий знак.
И герой ушел, и гений,
И вельможа, и бедняк.
Даже самых знаменитых
Время, схоронив сперва,
Не спеша с надгробных плит их
Принялось стирать слова.
На кладбище многолюдно,
И надгробных плит не счесть,
Но на них бывает трудно
Эпитафии прочесть.
Есть рождению и тлену
Предназначенный черед,

Поколению на смену
Поколение придет
И героев новых
время
Породит среди веков.
Снова племя сменит племя
Богачей и бедняков.
Принесут с собою годы
Жизнь другую, мир иной.
Представленья, нравы, моды —
Все невечно под луной.
Надмогильными камнями
Дверь закрывших за собой
Позабудут, хоть корнями
С ними связаны судьбой.
От работы, что натужна,
Долго ли сойти на нет?
— А за чем все это нужно?—
Есть один простой ответ:
— Нрав наш не переупрямить,
Будь нам хоть под сотню лет,
О себе оставить память
Мы стремимся — не секрет...
За ушедшими
в жестокий
Становлюсь черед земной.
Знаю, что тысячеокий
Ангел прилетит за мной.
Встречей с ним прельщусь едва ли,
Но ему желанный, я
Отложу перо в печали
И скажу: «Адье, друзья!»
И, как фон-барон-бездельник,
Развалюсь в земле. Причем
Окажусь, хоть жил без денег,
По соседству с богачом.
Он при жизни был вельможей,
Я держался в стороне,
Но богач по воле божьей
Ровней сделается мне.
После моего заката
Книжный лист напомнит вам,
Что писал сие когда-то
Я — Гольдфаден Абраам!

САМОВАР

— Ты зачем, ответь по чести,
В обществе хорошем, друг,
Стоя на почетном месте,
Дуешься на всех вокруг?
Почему, вздувая пар,
Кипятишься, самовар?

— Оттого я так серчаю,
Что иные вкруг меня,
Рады, приступая к чаю,
Сплетничать день ото дня.
Не терплю таких речей
И пыхчу все горячей...

Налил чай гостям хозяин,
Слушать — мед на языке,
Но в душе желает Каин
Им свариться в кипятке.
Рад, когда уходят гости.
Фальшь презрев, киплю от злости...

Гость иной поесть попросит,
Еле держится душа.
Чай пустой ему подносит
Мой хозяин не спеша.
Экий скряга! Я, признаться,
От стыда готов взорваться!

Вновь придет к хозяйке дама:
«Ангел мой, прошу к столу!»
А простятся — тут же прямо
Говорит о ней хулу.
Выскочить готов за дверь я,
Ненавижу лицемерья!..

Явится иной с визитом.
Беден? Что за благодать!
Раз слывет не именитым
На смех след его поднять!
Ха-ха-ха!
А я киплю,
Издевательств не терплю!..

Пьют иные чай богатый,
Венское стекло, фарфор,
Но красны долги расплатой,
И стучится кредитор.
Тех клеймить не перестану,
Кто живет не по карману...

Коль за чаем вечерком
Муженька бранит супруга,
Словно шпарит кипятком,
И дрожит он от испуга,
Я встреваю в их раздор:
— Подкаблучнику позор!..

Отбыл муж на таратайке,
И тайком проник во двор
Щечки целовать хозяйке
Златоусый ухажор.
Я киплю. Я негодую
На хозяйку молодую...

— Помолчи, пузан, немного,
Не суди их грешных чар.
Эй, служанка, ради бога,
Убери-ка самовар!
Он пыхтит здесь ни к чему,
Льнет хозяйка не к нему.

МАРК ВАРШАВСКИЙ
(1848—1907)

ПЕСНЯ О ХЛЕБЕ

Боже! О твоей защите
Молим чисто и светло!
Братья, поле уберите,
Пока солнце не зашло.
Братья! Поле уберите,
Пока солнце не зашло.

Солнце! Как ты нас ни жжёшь,
Освещаешь путь наш к счастью.

Ныне урожай хорош
И назад ни шагу, братья!
Ныне урожай хорош
И назад ни шагу, братья!

Богу мы молиться будем,
Чтобы не пришла беда.
Боже! Ты поможешь людям,
Чтобы с хлебом быть всегда!
Боже! Ты поможешь людям,
Чтобы с хлебом быть всегда!

Только с жатвой мы покончим,
Только урожай сберем,
Золотой венок колосьев
Тотчас в школу отнесем.
Золотой венок колосьев
Тотчас в школу отнесем.

Пусть узнают дети в школе,
Что уже давным-давно
Хлеб наш — с собственного поля,
Наше — каждое зерно.
Хлеб наш — с собственного поля,
Наше — каждое зерно.

Боже! О твоей защите
Молим чисто и светло!
Братья! Поле уберите,
Пока солнце не зашло.
Братья! Поле уберите,
Пока солнце не зашло.

СОРЕ И РИВКЕ

Двух красавиц сестер встретил я в Рахместривке,
Когда в юности давней я прибыл туда.
Звали старшую Соре, а младшую Ривке —
Я прекрасней невест не видал никогда.
Голова закружилась в тоске и печали
Оттого, что не знал я, кого предпочесть.
Ведь такие достоинства их отличали!
И у каждой свои преимущества есть!

Словно солнце в июле у Соре глаза:
До того улыбались они и горели,
Что выдерживать взор долго было нельзя.
Отворачиваюсь, поглядев еле-еле.
А у Ривке поглядка, как уголь, черна,
Ровным взором пылает подземное пламя.
Как потупит глаза — и вся жизнь не нужна.
Как поднимет — вся радость сияет над нами.

Даже те, кто в ученые лезет тома,
Мастериц лучше Соре и там не находит.
Сшила чудные туфельки Соре сама.
Под венец в этих туфлях пойти она хочет.
Ривке, пятницу всю напролет просидя,
Сшила платье. В субботу его надевает.
Будет счастлив, кто Ривке возьмет за себя,
Потому что прекрасней невест не бывает.

Кое-что как-то Соре шепнул на ушко,
И она разрыдалась, как малые дети:
«Мол, зачем не остался, где был — далеко.
Мол, живут негодяи такие на свете!»
Видно, бес в самом деле мне в душу вошел,
Я шепнул то же самое Ривке, однако.
«Я не уличная! Не такую нашел! —
Заявила она.— Не целую до брака!»

Думал я, думал я, понял я: это стыд.
Это срам. И, чтоб не было больше позора,
Ноги в руки я взял. Бог мне это простит.
Восвояси домой возвратился я скоро.
Женихаться — я понял — не стоит труда.
Я навеки запомнил и Соре и Ривке.
Холостяцкую жизнь предпочел навсегда
С той поры, как покинул тогда Рахместривку.

ЗИМА

Ой, помогите, дети...
Она пришла сама...
На всем на белом свете
Теперь зима, зима!

Пришла, белобородa,
В домишко малый мой
И ломится в ворота,
Словно к себе домой.

С ухваткой удалою,
Чуть сгорбившись, идет.
Своей большой метлою
Метет, метет, метет.

Заснежены дороги,
В снегу леса до пят.
У них озябли ноги.
«Нам холодно!» — гудят.

Для моего дитяти
И для больной жены
Ни щепки нету в хате.
Давно все сожжены.

Знать ничего не хочет
Зима про холод тот —
То в кулаки хохочет,
То головой трясет.

Нет, не дают пощады
Лихие холода
Тем домикам дощатым,
Где горе и нужда.

Ой, помогите, дети,
Она пришла сама...
На всем на белом свете
Теперь зима, зима!

ФРЕЙЛЕХС

Братцы,
Едут сваты,
Мы веселью рады —
Тихо, не шурши!
Наш жених — что надо.
«Виват» нашим сватам от души!

Вот он,
Дядька Коне
Вместе с тетей Хане —
Тихо, не шурши!
Грянем же заране
«Виват» нашим сватам от души!

Вот сестрица
Гите,
В круг ее возьмите —
Тихо, не шурши!
Как волчок вертите —
«Виват» нашим сватам от души!

Вот реб Эле
Дядька,
Его брюхо гладко —
Тихо, не шурши!
Он всем дядькам дядька.
«Виват» нашим сватам от души!

Сват наш
Старый Дуся,
Как индюк, надулся,
Тихо, не шурши!
Он не в нашем вкусе.
«Виват» нашим сватам от души!

Дай нам руку
Все же
И невеста — тоже.
Тихо, не шурши!
Помоги же, боже,
Всей родне, мы молим от души!

БАБУШКА

Думаю
Думу я,
Помоги мне, боже!
В двадцать лет
Счастья нет
И жены нет тоже.

В городу,
Как в саду —
Розами он полон.
Выбрать смог,
Ты цветок.
Я прошу, Биньомин...

Цирелe,
Мирелe,
Золото — девицы.
Гителe,
Рителe,
Глаз не надивится!

Перелe,
Сорелe
Двух голубок краше!
Песелe,
Гнеселe —
Это счастье наше!

Ханелe,
Брайнелe
Веселы, пригожи...
Рохелe,
Брохелe —
С звездочками схожи!

Хинценю,
Шпринценю
Красотой гордятся!
Рикелe,
Микелe
И царю сгодятся.

Думаю
Думу я,
Как нам быть, Биньомин?
В двадцать лет
Счастья нет.
Холост ты, Биньомин.

В городу,
Как в саду —
Розами он полон...
Выбрать смог
Ты цветок.
Я прошу, Биньомин.

ИЦХОК-ЛЕЙБУШ ПЕРЕЦ
(1851—1915)

ЖДИ И ВЕРЬ!

Жди! Весна — не за горами...
Мотылькам — опять резвиться!
Заливаться песней новой
В новых гнездах новым птицам!

Верь, ночная мгла растает,
Вновь прозрачным станет воздух.
Снова плыть по новой сини
Новым солнцам, новым звездам!

Новый мак, шиповник новый
Даль весеннюю встревожат.
Мед, лучи и песня — всюду!
И — над нашим склепом тоже...

1891

БИБЛЕЙСКИЙ МОТИВ

Крадется к городу впотьмах
Коварный враг.
Но страж на башенных зубцах
Заслышал шаг.

Берет трубу,
Трубит во всю мочь,
Проснулась ночь.
Все граждане — прочь
С постели! Не встал лишь мертвец в гробу.

И меч
Говорит
Всю ночь.

Бой в каждом дому,
У каждых ворот.
— За мать, за жену!
— За край, за народ!

За право и вольность — кровавый бой,
Бог весть — умрем или победим,
Но долг свой выполнил часовой,
И край склоняется перед ним.

Не спавшему — честь!
Подавшему весть,
Что воры в дому,—
Честь стражу тому!

Но вечный укор,
Но вечный позор,
Проклятье тому —
Кто час свой проспал
И край свой застал
В огне и в дыму.

1894

КОШЕЧКА, НЕ ШЕБУРШИ...

Кошечка, не шебурши!
Мышь, не шурши!
Мой ненаглядный
Уснул в тиши.

Теленок-глупыш,
Что ты мычишь?
Может проснуться
В люльке малыш.

И ты, ветерок,
Не вей, не гуляй!
Проказник-щенок,
Молчи, не лай!

Слышишь? — Молчок!
Прикуси язычок!
Мальчик уснул,
Лег на бочок.

НОЧНЫЕ СТОРОЖА

(Подражание благочестивой песне)

А ночь — просто чудо! Тиха, бестревожна!
Но бойтесь огня! Но с огнем — осторожно!
Без жара, без пылкости лишней!
Захлопните ставни и двери замкните,
Смежите ресницы и уши заткните,
Храпите, как учит всевышний.

А если не спится, внимайте затишью,
В затишье летают летучие мыши.
Как славно, как свято, как тихо!
Услышите крики, иль смех, или споры,
Иль стоны — не бойтесь, мы ходим дозором!
Мы вас охраняем от лиха.

Будь проклят, кто дрогнет, кто встанет с кровати,
Кто пламя зажжет в очаге или схватит
Трубу и сыграет побудку!
Пусть в огненном пекле сгорают их души!
А здесь все костры мы потушим, потушим,
Мы смотрим, мы слушаем чутко!

Вы спите! Мы просим, мы к богу взываем
С молитвой — пусть туча придет грозовая,
И небо, по воле господней,
В свинец превратится! О, сжалься над нами,
Луну погаси ты и звездное пламя,
И сразу вздохнем мы свободней!

Мы всех заклинаем, мы молим тревожно:
Огня берегитесь! С огнем — осторожно!
Ни звука! Ни смеха! Ни стона!
Ни свечки — в мозгу и в душе — ни зарницы!
Во мраке могильном лишь спать и молиться!
Мы, стражи,— бессонны, бессонны!

ЛОДОЧНИК

Вот и кончилась гроза,
Просветлели небеса.
Крыши мокрые блестят,
И ручьи бегут, журчат.
Все бегут, бегут, бегут
Там и тут.

Лодку я пустил в ручей,
Парус я приладил к ней,
И на крыльях ветерка
Понеслась она, легка.

Ты в какие же края
Мчишься, лодочка моя?
Может быть, туда летишь,
Где цветение и тишь,
В край зелено-голубой?..
Так возьми меня с собой!

* * *

Будь я господь, я б нечестивца наказал
Особым наказаньем:
Все блага бы ему пообещал,
Потом — казнил бы ожиданьем!

1894

В БАГРЕЦ ОДЕТЫЙ КЛЕН

Еще стремится ввысь
В багрец одетый клен.
Но тучи пронеслись,
И сразу блекнет он.

В испуге ствол застыл,
Встречая зимний шквал;
И лист слезу пролил —
Я умер! Я увял!

Не долог зимний сон,
Придет весна, и вдруг
Зазеленеет клен —
На радость всем вокруг!

— А я? — вздохнул листок,—
Что станется со мной?..—
Ответ зимы жесток:
— Истлеешь ты весной!

1894

ГДЕ МЫШКА ЖИВЕТ

Спросил я мышку:
— Где твой домишко? —
И мышка молвила в ответ:
— Тебе открою я секрет!
Но только эту тайну
Не выдай кошке ты случайно,—
Она примчится — цап-царап!
А я боюсь когтистых лап,
Хоть я шустра, хоть я лукава!
Так, значит, так — ступай направо,
Левей потом, за уголком
Увидишь кринку с молоком;
Шажок вперед, два шага вкось,
Полшага вкривь... Ты видишь, гость,
Вот эту дверочку в стене?
Она ведет ко мне!
А вот и лесенка винтом!
Ступенька вниз и вверх потом,
Ступенька здесь, ступенька там,
Потом снять наискосок...
Согнись-ка лучше пополам,
Ведь дверь низка, а ты высок.

ЭТЕЛЕ

Этел, Этеле, мой свет,
Что ты любишь и что — нет?
Растерялась наша Этя
И не знает, что ответить.

Впрочем, сам я дам ответ,
Что ей любо и что нет.

По утрам лежать в кроватке —
Ах, как славно, ах, как сладко!
Если скажешь — время спать! —
Ненавистна ей кровать.

Леденцы ей очень любы,
Ей противно чистить зубы,
Грызть орешки ей не лень;
Умываться? — Через день!

Есть печенье — наслажденье,
А ученье? — Ох, мученье!
Гребешок?! — Чтоб он пропал!
Все как будто я сказал...

ТРИ ШВЕИ

Потухший взор, увядший рот,
На бледном лбу холодный пот,
Лицо — как выцветший лоскут.
Вздохнут, спины не разогнут —
Шьют три швеи, все шьют да шьют!

Иголки блеск, полотен снег...
Твердит одна: — Просвета нет,
Я шью и шью, а дни летят,
Я шью — который год подряд,
Но к свадьбе не сошью наряд...

Меиру-чудотворцу я
Отдам пятак — пошли в мужья
Хоть престарелого вдовца,
Хоть многодетного отца —
Дожить бы только до венца!

Вторая молвит: — Шить, строчить...
Встрочить в косу седую нить...
В глазах темно, на сердце — мрак,
Стучит в висках — машине в такт —
Та-та-так-так, та-та-так-так!

Сказал мне некий молодец,
Зачем кольцо, зачем венец?
Гуляй, покуда молода!
А год пройдет — и что тогда?..
Тогда — беда, тогда — беда!

И третья молвила швея:
— В чахотке я, ослепла я,
Что ни стежок — то тяжкий стон...
С другой сыграет свадьбу он!
Ему я не желаю зла.
Любовь была, любовь ушла!..
Кагал мне саван даст льняной,
Кагал поплачет надо мной...
В земле я буду отдыхать —
Я буду спать, я буду спать!

1895

* * *

Часто мнится мне —
Мы мертвы давно;
Даже горе нам
Лишь во снах дано.

Средь скорбей своих
Ищем мы судьбу,
Хоть давно мертвы
И лежим в гробу!

МОРИЦ ВИНЧЕВСКИЙ
(1856—1932)

СЛЕПОЙ МУЗЫКАНТ

Там в Чипсайде, вблизи монумента,
Ежедневно, ни мертв и ни жив,
Чуть касаясь рукой инструмента,
Мой слепец, в ожидании цента,
Извлекает печальный мотив.

Кем он был? И откуда явился?
Как бессильно его колдовство!
Со стеной серокаменной слился,
В голый камень костями вдавился,—
Я один и приметил его.

Потому что знакомы мне звуки,
Что слетают с надтреснутых струн,
В них вдохнул бесприютности муки,
Одиночество, горесть разлуки
Еле слышный скрипач-говорун.

Там в Чипсайде, вблизи монумента,
Вновь людской закипает поток,
Набегая, струясь, точно лента,
Размывая напев инструмента,
Чтобы он опечалить не смог.

МОИ ГОЛУБИ

Двух голубей родных сердцебиенье —
«Он» и «она» — в моем глухом жилище;
Они б могли поэту вроде Гейне
Немало дать для вдохновенья пищи.

Он бы воспел их нежный чистый облик
Легчайшими словами-жемчугами,
Вовек не стерлись и вовек не смолкли б
Слова, что стали дивными стихами.

Но я таким уменьем не владею.
Хоть на птенцов глядеть — не наглядеться,
Молчу и только сердцем холодею:
Что́ рассказать об их счастливом детстве!

Так редко вижу, чтоб они смеялись,
Не им сверкает солнечное небо:
Дневных лучей соломенная малость
В лачуге, где, голодные, без хлеба,

Заброшенные маленькие птицы
Худые тельца зябко прикрывают,
Молчат, смежая мокрые ресницы,
Как будто спят, а может — умирают...

ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ
(1859—1916)

НАШЕМУ ПОЭТУ

Лето наступило — ясная пора,
Чистый, свежий воздух, солнышко с утра,
Землю устилая, зеленели травы,
Зацвели деревья, пышны и кудрявы,
А в саду тенистом звонкий соловей
Сладостную песню пел среди ветвей.

Но уходит лето. Холод и туманы.
Дерево рыдает, лист летит багряный...
Маленькая птаха в поисках тепла
Прячется от стужи в глубине дупла...

Сколько мне досталось горестей и муки,
Взаперти сижу я, с близкими в разлуке...
Я бы этой жизни хоть десяток лет
С радостью бы отдал, дорогой поэт,
Чтоб твои напевы снова зазвучали,
Чтоб слезой омыли все мои печали...

Я твоих далеких песен не забыл,
Не остыл поныне слов горячих пыл.
Этими словами были мы согреты.
Где же ты сегодня? Мы не знаем, где ты. .

Ах, как ты нам нужен в этот горький час!
Ты не отвечаешь, ты забыл о нас,
В трудную годину ты покинул братьев,
Мы живем без песен, мужество утратив.

Где ты? Встань скорее! Пусть издалека
Нам подарит радость мудрая строка.
Что еще нам надо? Только б слышать снова
Песню утешения, сладостное слово.

1884

НОВОГОДНЕЕ

(Нашей пишущей братии)

Хотелось бы за год проверить итоги,
Теперь подвести бы черту,
Но наши враги к нашим слабостям строги,
Все это у них на счету.

Итак, мы хвалиться не будем! Не будем!
Жаль тратить бумагу не впрок...
К чему эту скуку навязывать людям,
Когда Новый год недалек?

Уж лучше, друзья, подсчитали бы смело
Потери за прожитый год.
Какого еще не свершили мы дела?
Чего у нас недостает?

Иные над нашей судьбой причитают,
Но что нам до пролитых слез,
Когда нас не слушают и не читают
И жизнь наша — вечный вопрос?

Печалей не в силах избыть мы слезами.
Поможет ли в бедствиях смех?
Мы сами должны что-то делать, мы сами...
И нам ли страшиться помех?

«Что делать? Что делать?» — вопрос постоянный,
Но разве мы стали глупей?
Поныне в нас бродят какие-то планы
И множество всяких идей...

Но люди? Где люди? И взять их откуда?
Нас мало, чтоб мрак побороть.
Пошли нам людей, соверши это чудо,
Умножь наши силы, господь!

Вновь год пролетит, как минувшие годы...
Мы будем писать и писать.
Гонения ждут нас, удары, невзгоды...
Надежды нас будут питать.

1884

З И М А

Дни веселья отзвучали,
Настает пора печали.
Лету вслед приходят снова
Ветры осени суровой.

Сыро в комнате, уныло,
Стужа к окнам подступила.
Сердцу грустно. Дни короче,
Все длинней, все глуше ночи.

За спиной твоей со злостью
Машет ребе длинной тростью,
Мрачный ребе, твой учитель.
Будь он проклят — твой мучитель!

Но, исполненный задора,
Ребе лупит без разбора,
Бьет нас до крови, но что-то
Нам учиться неохота.

О катке мечтаем чаще,
Там снежок и лед блестящий,
Гладкий лед — ах, что за чудо!
Нет! Зубри строку Талмуда!

Невтерпеж читать трактаты.
Лупит, лупит нас проклятый...
Учимся до поздней ночи,
Тяжко, больше нету мочи.

Клонит в сон, ворчанье в брюхе,
Но к страданьям нашим глухи,
Только палке вдоволь воли.
Как солдат, нас учат в школе.

Повелел наставник строго
Петь молитву, славить бога.
Петь не хочется кому-то?
Что же, с ним поступят круто.

Добредешь домой без силы,
Спишь — и снова он, постылый,
Ребе лишних слов не тратит:
«Добрый день. Поспал — и хватит.

Подымайся-ка, паскуда!
Раскрывай-ка том Талмуда!
Что там сказано о споре
Мудрецов?» Не скажешь — горе!

Снова — в хедер на рассвете.
Ах, как дни унылы эти!
Плетка хлещет нас, но что-то
Нам учиться неохота.

* * *

Снова радостное солнце
Светит в тусклое оконце.
Сердцу весело. А ночи
Все короче и короче.

Дети! Дети! Прочь унынье!
Верьте в будущее ныне!
Вера в лучшее на свете —
Путь к победе вашей, дети!

Лучшие наступят годы,
В прошлое уйдут невзгоды.
Пусть пока зима сурова,
Дни весны наступят снова.

1888

СЕМЕН ФРУГ
(1860—1916)

МОЛИТВА К СВОБОДЕ

К тебе, Свобода, чья волна
Всего, что есть на свете, краше,
Обращена молитва наша,
Она от горя солона.

Над миром ты взойдешь горя,
Взойдешь, изменишь нашу участь,
И ослепит твоя заря
Тех, кто неволил нас и мучил.

Повеет ветер твой в свой час,
Развеет тьму и зло разрушит,
И чистый воздух твой задушит
Всех, кто душил и душит нас.

К тебе, Свобода, чей восход
Всего, что есть на свете, краше,
Обращена молитва наша,
Нашев наш хриплый от невзгод.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ночь холодна, мороз жесток,
Спи, мой сынок, усни, сынок!
Покуда нет
Ни зол, ни бед.
Спи, мой сынок, моя опора,
Спокойно на моей груди,
Бог даст, поймешь еще не скоро,
Что горя много впереди!

Ночь холодна, мороз жесток,
Спи, мой сынок, усни, сынок.
Быть может, все и обойдется.
Пусть и для нас
Счастливый час
Настанет, и печаль уймется,
И к счастью всех
Раздастся смех
Там, где рыданье раздается.

Ночь холодна, мороз жесток,
Спи, мой сынок, усни, сынок.
Все переменится, бог даст,
Все беды-горести убудут
И цепи, что звенят сейчас,
Вблизи тебя звенеть не будут.
За окнами мороз жесток,
Спи, мой сынок, усни, сынок!..

1900

СЛОВО БЫВШЕГО ЗЕМЛЕДЕЛЬЦА

«Кут Бобровый» — называли
Место в том краю,
Где в былые дни качали
Колыбель мою.

Было там в садах весною
Все белым-бело,
Было время золотое,
Было да прошло.

Колос тяжелел на воле,
Набирая сил,
Ветер, прилетавший с поля,
В грудь мою входил.

Люди сеяли и жали,
Как судил им бог,
Хлеб свой честно добывали,
Умирали в срок.

Я с землей простясь родною,
Прочь ушел давно.
Думал — мне совсем иное
В жизни суждено.

Мне в полях родного края
Землю не пахать,
Скудный хлеб свой добывая,
С плугом не шагать.

Я не знаю то ли благо,
Что иду сам-друг
И что поле мне — бумага,
А перо — мой плуг.

Кто мою предскажет долю,
Кто мне предречет,
Что меня на этом поле
Ждет и что не ждет?

Люди думают: богат я,
Дескать, благодать —
За стихи свои лопатой
Деньги загребать.

Нет, друзья, удел мой трудный.
Сын земли, хотя и блудный,
Я не зажирел.
Хлеб насущный слишком скудный
Мой дает надел.

МОРИС РОЗЕНФЕЛЬД
(1862—1923)

ЛЕВ

Мне — кость убогую, отброс,
А вам — жратвы навалом?
Так что же я, выходит, пес,
И я доволен малым?

В чужих дворах незваный гость,
Паршивый пес бездомный,
Который, выцыганив кость,
Доволен долей скромной?

Холуй, хватающий куски
И клянчащий подарки,
Который лижет башмаки
Заносчивой кухарке?

Вы ошибаетесь — я лев,
И плакать будет поздно,
Когда обрушится мой гнев
Стремительно и грозно.

О близкой мести скажет вам
Свирепое рычанье —
Ведь я бродяжил по степям,
Я жил в лесах вначале.

Еще я слаб, но дайте срок —
Придет конец оковам:
Настанет день — собью замок
И глянет смерть в лицо вам!

ПЛАЧЬ, ПЕСНЯ МОЯ!

Ее мне не встретить —
Плачь, песня моя!
Напрасно мечтаю
Увидеться я,
Ищу я напрасно —
Плачь, песня моя!

Могу лишь во сне я
Вернуться назад:
Лицо ее видеть
И ласковый взгляд,
Одни сновиденья
Мне счастье дарят.

Немеркнущий облик —
Мученья исток:
Я в тщетных надеждах
Вконец изнемог;
О, плачь, моя песня.
Я так одинок...

ДАВИД ЭДЕЛЬШТАДТ
(1866—1892)

ПОРТНОЙ

Привычно, тихомолком,
Согбенный и седой,
С дрожащею иголкой
Сидит старик портной.

Он отдыха не знает:
Все ночи напролет
Он плачет, он вздыхает,
Кроит, точает, шьет.

Он думает с тоскою:
«Я — бедный человек,
Ни хлеба, ни покоя
Не заслужил за век».

Передохнуть минуты
Нельзя ему никак:
Необходим кому-то
На завтра новый фрак.

Должна обнова гладко
Сидеть, как никогда,
Не там примнется складка,
Пошивщику беда!

Все франта молодого
С пристрастьем оглядят,
Но о слезах портного
Подумают навряд.

Усталый и несытый,
Он впопыхах идет.
Заказ, по мерке сшитый,
Портной в руках несет.

Но как дождаться платы,
Когда готовый фрак
На щеголе богатом
Чуть-чуть сидит не так.

Старик портной съестного
Домой не принесет.
Сиди с иголкой снова
Все ночи напролет.

Не есть детишкам сладко,
Не пить им молока,
На новом фраке складка
Топорщится слегка.

Ах, дети, плачьте тише,
Поймите наконец,
Что фрак чуть-чуть не вышел —
Стал старым ваш отец.

Ах, франты, право слово,
Не слезы ли портных
Горят на ваших новых
Одеждах дорогих?

МОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Когда умру, друзья, то вскоре
К могиле, чтя мой вечный сон,
Вы принесите флаг, который
Рабочей кровью обагрен.

Под ним — не песней поминальной,
А гимном вспомните меня,
Что прозвучит, как звон кандальный,
России рабство проклиная.

И гимн «В борьбе», что мною сложен
Во имя лучших вольных дней,
Услышу в гробе я, быть может,
Как звон спасительных мечей.

Освободительного боя
Услышу я последний гром,
И с просветленною душою
Мы песню громче запоем.

1889

ИОСИФ БОВШОВЕР
(1873—1916)

К ВЕТРУ

Мои слова, их жар и трепет,
О ветер, унеси с собой.
Они подобны черным углям,
В которых скрыт огонь живой.

Неси к сердцам, в неволе ждущим,
Когда придут свободы дни,
Слова, исполненные жара,
В сердца живые зарони.

А если в жилах кровь уснула —
Ее волнуй, ее буди,
Чтоб кровь горячая пылала
Свободы пламенем в груди!

РАБУ

Когда я гляжу на жестоких господ,
Гнетущих тебя, страстотерпца,
Рождается гнев — он растет и растет,
Как пламя, из самого сердца.

Пожар, о расплате, о мести крича,
В полнеба горит и дымится;
С землею сровнять я готов палача,
Который над слабым глумится.

Но если ты, раб, притерпелся, застыл
И медлишь уйти из неволи,—
В душе остывает неистовый пыл,
Смеюсь я и плачу от боли...

РЕШИМОСТЬ

Жаждет мир покоя, сна —
Мне ж дорога суждена!

Целовало меня зло,
Сердце кровью изошло;

Все терпел упрямо я,
Рана зажила моя.

В мире, что с бедой знаком,
Стану светлым маяком,

Буду я в ночи светить,
Чтобы спящих разбудить...

ОН УШЕЛ

Оба немо неподвижны,
В зале тает тишина,
Меж гардинами неслышный
Луч крадется от окна.

Оба немы. Взор смятенный
Гаснет, мучимый мольбой.
Поняла, пошла смиренно
И рояль открыла свой.

«Восемь мучеников» нежно
Заполняют грустный зал.
Танец пальцев безмятежный
Он в молчанье наблюдал.

Доиграла. И сомкнулась
Тишина, упав на пол,
От рояля отвернулась,
В зале пусто — он ушел.

ХАИМ-НАХМАН БЯЛИК
(1873—1934)

ЛЕТО УМИРАЕТ...

Пред смертью лето ярко увядает,
Кровь пурпура горит над самым краем
Туч предвечерних, листья опадают
И шепчут: «Умираем, умираем».

И сад осиротел, и лишь блуждают
Печальные мечтатели без цели,
И ласточкам последним сострадают
И шепчут: «Улетели, улетели».

Осиротело сердце. Вот и осень
С вопросом приближается к окошку:
«Ты обувь починил? Пальто заштопал?
Готовь дрова и запасай картошку!»

КАНУН ВЕСНЫ

Забеременел, как видно,—
Сразу двойней,— воздух здешний:
Зиму нам сулит морозец,
Синь и солнце — запах вешний.

Как проснусь — на окнах бельма,
Серебром покрыты крыши...
Что же голуби взлетают
В небеса все выше, выше?

Зажжены лучом блестящим,
Ледяные косы тают,
Догорая, словно свечки:
То ль смеются, то ль рыдают...

Календарь? Да что он знает
О земле или о небе:
Знает ли коза, что стыдно
Прыгать в огороде ребе?

Нет еще весны, поверь мне,
То — канун весны покуда.
Застегнись-ка поплотнее,
А не то грозит простуда.

Но рассудку я не внемлю,
И в распахнутом капоте
Я бегу с надеждой в сердце —
Поплясать с лучом в болоте.

Мне канун весны по нраву,—
Ранней зорькою умытый,
Рваным облаком одетый,
Ярким золотом прошитый!

Пусть меня толкает в спину
Ветер грубый и жестокий,—
Веет утро сладким хмелем
И меня целует в щеки.

Обнажен кусочек неба,
Нежно и свежо сверкая,
Словно юная еврейка,
Непорочная, нагая.

Счастлив я, когда в обнимку
С тенью пляшет свет горячий,
Тень — с огнем, и забываю
Все заботы, неудачи.

Да, люблю я эти игры,
Эти пляски светотени.
Сколько в них блаженной неги,
Сколько чудных наслаждений!

Я прошу о чем-то воздух,
Как невеста-недотрога,
Что глядит с улыбкой важной
То застенчиво, то строго.

То светло, то всюду темень,
Наконец-то слиться рады
Тень со светом... Сколько в этом
Обаяния, отрады!

А река? Ты издалёка
Слышишь, как трещат затоны?
Слышишь грохот? Слышишь хохот?
Слышишь скрипы? Слышишь стоны?

Скоро, скоро все узнают,
Как задавленная сила
Ломит лед, крушит железо,—
Все, что за зиму застыло.

За собою все потоки
Поведет единый разум,—
Поднапрут плечом единым,
Погоди, возьмутся разом!

Разом, братцы, разом надо
Лед сломать, сковавший воды,—
Да и тех, кто людям застит
Солнце, месяц, неба своды!

И, дыша свободой, волны,
Под мостами вырастая,
К морю Черному погонят
Толстых льдин большие стаи.

К черным всем морям ступайте!
Вам назначены судьбою
Обжигающие розги
И холодные побои!

Будут жечь лучи, как розги,
Будут бить наотмашь волны,
Запоют в глубинах рыбы,
Камень затрубит безмолвный.

А река, смеясь, ликуя,
Широко раздвинет воды,
Побежит весне навстречу
В блеске утреннем свободы.

ВЫСОКО В ГОРАХ

Высоко в горах,
На траве густой,
Счастья жаждал я
И любил мечтать.
Сам не знаю, что
Было той мечтой,
Знаю лишь — она
Не придет опять.

Может быть, мечту
Давних детских лет
Знает ветерок,
Иль полдневный луч,
Что в глаза вливал
Златоносный свет,
Иль глубокий дол,
Иль прозрачный ключ.

Высоко в горах
Рядом — никого,
Кроме трав, и там
Я себя постиг.
Там я в тишине
Видел божество,
Ангелы со мной
Были каждый миг.

Пятница. Бегу
Я наверх, к горам,
Хедера ярмо
Сбросив наконец.
Что мне Махарша,
Что мне Махарам,—
Радостно дышу,
Вольный, как птенец.

Вижу я — вокруг
Новый мир цветет,
Все погружено
В океан лучей.
Солнце из своих
Вырвалось тенет,
Счастлива трава,
Счастлив муравей.

И миры добра
Нежно и светло
В существе моем
Зиждутся в тиши.
Полным ртом я пью
Воздуха тепло,
Свежий бьет родник
В глубине души.

Мне б туда, туда,
В дальнюю бы даль,—
Как я тосковал
В давние года!
И росла во мне
Детская печаль,
Но узнать не смог:
Где мое «туда»?

Знают хорошо
Ласточки: парят,
Подают мне весть
На лету своем.
Не могу понять,—
Что мне говорят,
Не владею их
Птичьим словарем.

Высоко в горах,
На траве густой,
Счастья жаждал я
И любил мечтать.
Сам не знаю, что
Было той мечтой,
Знаю лишь — она
Не придет опять.

МОЙ САД

Вот мой сад. Вы, может быть,
Посетить его хотите?
Не стесняйтесь, полюбуйтесь,
Приглашаю, приходите!

Сад, не сглазить бы, велик,—
Он один такой в местечке!
Каждый листик веселится,
Светятся стволы, как свечки!

Умывает их роса,
День расчесывает гребнем,
Отягчаются плодами
Ветки в воздухе целебном.

Никнут яблоки к земле,
Тяжелы, круглы, румяны,
Груши на ветвях безмолвны
И желанны, так желанны!

Смотрят воровски, хитро
Вишни черными глазами.
Сливы... Ах, какие сливы,
Так и просятся к нам сами!

Персики свежи, нежны
И манят усладой летней,
Словно пухленькие щечки
Девы пятнадцатилетней.

Да, мой сад велик, богат,
В нем, благодаренье богу,
Ах, не сглазить бы,— деревьев
И плодов различных много.

Я, не сглазить бы, его
Так люблю... Ну, право слово,
Я люблю свой сад красивый,
Будто бы отца родного!

В летний день, после обеда,
Скажем, съевши суп, жаркое,
Забираюсь в глубь густую
И лежу в тени, в покое,

Скажем, под тенистой грушей,
И неведомые птички
Надо мной свистят, трезвонят,—
Дьявол разберет их клички!

Канарейки, может быть?
Гм... Не молкнут, балаболки!
На меня, с их пеньем вместе,
Сыплются лучей осколки.

Дереву поклон отвесим,—
В тень сбегутся, как мышата,
Золотые пятна: сыплют
На меня пригоршни злата.

Путаются в бороде,
Тычутся в глаза, щекочут,
Ссорятся,— а в чем причина?
Уступить никто не хочет!

Ну их к бабушке! Тьфу, тьфу!
Право, экая досада,
Катятся по мне, глумятся,
Не пойму, чего им надо!

Тихо я лежу, смотрю,
Как листы зашелестели.
Кажется мне: я качаюсь
В золотистой колыбели.

Снизу ломтики небес
Вижу, затаив дыханье,
И в глазах моих так мягко
Ткутся нити сонной ткани,

Мягко, сладко... Где же я?
Это морок? Наважденье?
Нет, в саду я, слава богу,
Вот он, всем на загляденье!

Отгадайте, что в саду
Я задумал сделать? Всюду,
После жаркого таммуза,
Все плоды срывать я буду.

Вишни попрошу сперва
С дерева сойти чуть слышно,
А потом залью я водкой,
Сахаром засыплю вишню.

Крепкой или сладкой,— вас
Угощу вишневкой скоро,
А покуда мы займемся
Персиками у забора.

Пусть поспеют, и тогда,—
Что за чудное даренье! —
Благоверная моя
Приготовит нам варенье.

Поглядели б на него —
И застыли б изумленно:
Как янтарь, оно сверкает,
Словно амбра, благовонно!

Благоверная моя,
Не совру, весьма искусна.
Если я хвалю варенье,
Значит, вправду очень вкусно!

Вот и слив пришла пора...
Но, друзья, не поспешая,
Сливы превратим в повидло,
Не в повидло — в яство рая!

Пусть в печи, в горшке — с ведро,
Двое суток протомятся,
Их протрут,— нужны приправы,—
Но не в этом дело, братцы!

Хлеб намажьте вы повидлом —
И возрадуются души!
К тете Груше воззовите,
К той, что маринует груши.

Удовольствия от них
Ваше сердце возжелало?
Уксус вы прокипятите,
Как жена моя, сначала,

С сахаром, само собой,
Пряности прибавьте тоже
И лавровый лист, а груши
Опустите чуть попозже,

С хвостиками, целиком,
Но без кожуры, конечно:
Не засахарятся, знайте,—
Говорю чистосердечно!

Грушам должное воздав,
Яблокам не дайте спуску,
Чтоб из яблок сделать кугель,
Цимес, книши на закуску!

Но не будем на обжор
Мы похожи! Без отсрочки
Я из самых лучших яблок
Кваса наварю три бочки.

Ведь в субботу, после сна,
Осенью, когда, пусть тихо,
Хочется зевнуть, чихнуть,
Но зевка-то нет и чиха,

Хочется испить,— чего?
Сладкой, горькой ли новинки?
Тут-то в самый раз — наш квас,
Но притом — не без кислинки!

Мелочь, скажете? Нет, нет!
Зная изобилье это,
С божьей помощью в мой дом
Средь зимы вступает лето.

Длинным зимним вечерком
Добрым людям сердце радо:
Нам поговорить друг с другом
И полакомиться надо.

Рассажу их вкруг стола,
Крикну: «Пани!» — мол, к беседе
Приступаем, так на славу
Угости, жена, соседей.

К чаю — коржики, торты,
Сдоба, пряники... Тогда-то
Появляется внезапно
На столе мой сад богатый.

Жизни радуются все,
Наступает миг счастливый:
На столе зимою зреют
Груши, персики и сливы!

Груши — в маринаде, значит,
Вишни,— стало быть, вишневка,
Сливы, персики — повидло
И варенье,— вот как ловко!

Лбы в поту: трудна работа,
Люди лакомства хватают,
За щеки они, за обе,
Все, что схватят, уплетают!

И становятся нам слаще
Яства, и тепло, и речи,
Лампа что костер пылает,
И слепят огнями свечи.

Развязались языки,—
Любо поострить народу,
Наконец,— прости, всевышний,—
Раскрываем карт колоду.

Проигрыш? Иль повезло?
Увлечен, как все, игрою,
Слышу все ж: стучится в ставни
Груша зимнею порою:

«Ой, хозяин, мне темно,
Ой, мне горько жить на свете!
Хлещет голую меня
Прутьями моими ветер!»

Карты надо тасовать,
Но в душе — тоска, надсада.
Еле слышно я вздыхаю:
О, как жаль, как жаль мне сада!

АЛЕКСАНДР ЧАВЧАВАДЗЕ
(1786—1846)

* * *

О далекие, полные света года!
Отлетела, как сон, ваших дней череда.
Я же, верно, не стану иным никогда,
Не гонюсь я за сменой времен.
Я все тот же всегда.

Я ушел от людей, суетой утомлен.
Вы дивитесь, что жив я, как встарь, как тогда?
Я все тот же всегда.

Я печальной судьбою своей заклеймен,
О, да будет щитом мне надежды звезда!
Я все тот же всегда.

Убегает надежда, напрасен мой стон...
Лучше смерть, если нет упований следа.
Я все тот же всегда.

Я единой единожды отдан в полон,
Я служу ей, не ведая рабства стыда,
Я все тот же всегда.

Жаль мне тех, кто на верность, как я, осужден.
Это рыцарство наше не стоит труда.
Я все тот же всегда.

А она обо мне и не помнит, горда.
Все же, где бы я ни был, я с ней навсегда.
Я все тот же, пусть годы бегут, как вода.
Не гонюсь я за сменой времен.
Я все тот же всегда.

КАВКАЗ

Главой над Понтийским встает побережьем,
Скалистой стопою на Каспие свежем,
Простерт меж морями Кавказ-Голиаф,
Все дивные дива творенья собрав.

Там — грохот обвала, здесь — праздник природы...
По скатам ребристым, по глыбам породы
Свирепые реки, сломавшие льды,
Несут орошенье в поля и сады.

Закутанный тучей шелом великана
Сверкает резьбой ледяного чекана,
Но время наступит, и рухнет шелом, —
Лавиною скатится в горный пролом.

Скольженье, мельканье, таинственный трепет...
Там вьюга чудовище странное лепит,
Там новая вьюга столбом завилась
И прянула в бездну, исчезнув из глаз.

Ревет ураган, и туманные клочья
Влачатся, и утро становится ночью.
Гляди,— затрещала земная кора,
И хлябью потока разверзлась гора.

Там лес строевой закачался под ветром,
Дорога обвалом засыпана щедрым.
Один только высится кряж голубой
И распоряжается жизнью любой.

Но выглянет солнце,— и в отблесках ранних,
Здесь гул водопада, там льда многогранник,
Создания нечеловеческих рук
Алмазом и золотом вспыхнули вдруг.

Любая былинка — творенья частица.
Жизнь искрится, блещет и жаждет вместиться
В цветочных кошницах и сочных плодах,
На склонах кудрявых, в зеленых садах.

На круче опасной, у склона лесного
Не встретит беспечный олень зверолова.
Он свесил рога и глядит, как внизу
Нестрашные молнии мечут грозу.

И тур, что ловчее оленя и выше,
Добрел до ущелья, где синею крышей
Свисает над ним неприступный ледник,
И зверь замычал и к теснине приник.

Когда-то давно к этим жутким отвесам
Титан Прометей был прикован Зевесом,
И коршун клевал его печень века,
И мчались над плахой его облака.

Но время пришло, и к расселине узкой
Явился воспитанный в армии русской
Герой Цицишвили, и Терек смирил,
И в скалах широко врата растворил.

И армия Севера в славе железной
Шагнула на кряж и, не дрогнув над бездной,
Кремневую молнию сжала рукой
И склеп раскрошила солдатской киркой.

Гряда великанов на вызов металла
Рыдала отгулами и трепетала.
Но дети Иверии поняли: тут
В их светлое Завтра дороги ведут.

ГРИГОЛ ОРБЕЛИАНИ
(1804—1883)

ПЛАЧУЩЕЙ Н[ИНЕ] Ч[АВЧАВАДЗЕ]

Если, друг мой, в час свиданья
Ты полна изнеможенья,
Если впрямь твои страданья —
Не каприз воображенья,—
О, приди ко мне, светило,
Ляг на грудь мою, рыдая,
Чтоб душа моя изныла,
Скорбь твою перенимая.
Если ж, друг мой, эти слезы —
Только плод мечты чудесной,
Если жемчуг пал на розы,
Чтоб сиять росой небесной,—
О, продли мое блаженство,
Плачь еще! На целом свете
Нет такого совершенства,
Как живые слезы эти!

1829

ПИР
(Подражание Пушкину)

Люблю я пир, где царствует свобода,
Где слово «пей!» с заката до восхода
Над беззаботной слышится толпой;
Где, веселясь за чашей круговой,
Мы пьяный рог сменяем азарпешей;
Где на исходе ночи догоревшей,
Когда заря над городом встает,
Ко мне моя красавица идет,
Свой легкий стан в объятия склоняет
И за разгул веселый упрекает.

1832

ПРОЩАНИЕ

На лепестках едва открытой розы
Роса небес сверкает и горит.
Не так ли, друг мой, медленные слезы
С твоих печальных катятся ланит?
Мой милый друг, в минуту расставанья,
О, как ты мне безмерно дорога!
И как умерю я твои страданья,
Как осушу печали жемчуга?

Я слез не лью, и страшной немотою
Опять окован бедный мой язык:
Пустым словам, затверженным толпою,
Моей любви вверять я не привык.
Лишь только призрак чувства многословен,
Язык любви не есть язык глупца,
И не найдется в нем таких диковин,
Чтоб всю любовь исчерпать до конца.

Вот почему так страшно сердце гложет
Пылание бестрепетных страстей.
Оно наружу вырваться не может,
Но тело прожигает до костей.
Лишь слабый сердцем любит по-иному.
Его любовь — упавший с гор поток:
Упавший с гор, поток подобен грому,
Но средь долин он мал и неглубок.

Такое сердце стоном и разлукой
Свою любовь развеет без труда
И, незнакомо с длительною мукой,
Вернется к жизни, легкой, как всегда.

Но есть сердца, подобные граниту,
И, если чувство врезалось в гранит,
Не властно время дать его в обиду,
Как и скалу оно не раздробит.
Пока восходит солнце надо мною,
Пока луна не остановит бег,
Пока живу я жизнию живою,—
Мой милый друг, я твой, я твой навек!

1832

ЛИК ЦАРИЦЫ ТАМАРЫ В БЕТАНИЙСКОЙ ЦЕРКВИ

Твой светлый лик
Исполнен красоты,
Твой взор небесный светит, как денница.
Склонясь у ног твоих,
Ловлю твои черты
С благоговейным трепетом, царица!

Какой восторг
Стесняет сердце мне,
Как сотрясают грудь мою рыданья!
О, если бы я мог
С тобой наедине
Не вспоминать народные страданья!

Но все темней
На сердце у меня,
Куда ни глянь — везде одни руины...
О славе прошлых дней
Иверия твоя
Забыла в эти черные годины.

Как смутный сон,
Как невозвратный сон,
Исчез в веках расцвет твоей державы.
Из тьмы седых времен
Лишь мне сияет он,
Чтоб не погиб я без любви и славы.

На склоне лет,
В годину тяжких бед
Пришел к тебе я бедным и скорбящим.
Склонись на голос мой,
Взгляни на край родной,
Благослови крестом животворящим!

Чтоб расцвела
Иверия опять
Среди народов, как в былые годы;
Чтоб церковь обрела
Господню благодать
И просвещенье снизошло в народы!

Чтобы воскрес
Могучий наш язык,
Сердца любовью к родине горели;
Чтоб до глубин небес,
Торжественно велик,
Вознесся стих бессмертный Руставели!

Чтоб, закален
В страданьях и борьбе,
Опять воспрянул гений иверийца!
Но что тебе мой стон!
Не внемлешь ты мольбе,
И только в небо смотришь ты, царица!

О мать моя,
Иверия моя!
Откуда ждать на слезы мне ответа?
Униженный, больной,
Я сын печальный твой,
И в сердце ни надежды, ни привета!

Пройдут года...
Ужели в свой черед
Не расцветет земля моя родная?
Ужели никогда
Добычи не вернет
Проклятый ворон, в поле улетая?

О грозный мир!
В тебе пощады нет.
Как беззащитны мы перед судьбою!
Где слава — наш кумир,
Наш неизбывный свет?
Ужель ее мы видим пред собою.

Среди лесов
В глухом монастыре,
Где вековые свесились чинары,
Где смотрит в глубь веков
Сияющий горе
Небесный лик божественной Тамары?

1877

ВАХТАНГ ОРБЕЛИАНИ
((1812—1890)

ДРЕВНИЙ ДМАНИСИ

От отцов моих и дедов ты достался мне, Дманиси!
Но чего я жду, Дманиси, от твоей бесплодной выси?
Высока скала крутая, грозный каменный отвес,
Не цветет кругом долина, не бежит на склоны лес,
Плуг не бродит неустанно по хребтам твоим бесплодным,
Ты не радуешь владельца голубым ручьем холодным,
Нет здесь лоз, чтоб щедрым сбором утолил я скорбь свою.
Чтоб, вином твоим согретый, стал причастен забытью.
Человек ступать не смеет по глухим твоим дорогам.
Если не был ты доселе благосклонно узрен богом,
Если нынче ты, Дманиси, непригоден ни к чему,—
Отчего ж ты, бесполезный, дорог сердцу моему?
Но ведь замок — тот, что скалы обнимает здесь сурово,
Башня крепости могучей, храм — прибежище отцово,
Древле — гордые твердыни, ныне — тишина и прах,—
Это все — страницы книги, предком писанной в веках.
Пред тобой стою, Дманиси, твой владелец и потомок,
Как и ты, последыш славы, зданья мощного обломок,
Пред тобой стою поникший, горькой памятью томим,—
И живет, цветет волшебно все, что мнилось мне былым.
Но зачем так сладко сердцу вспоминать о том, что было,
Что ушло и не вернется, что томительно и мило,
Что терзает мысль и душу, надрывает стоном грудь?
Полно, сердце! Сон минувший, смутный сон скорей забудь!
О, исчезни, мой Дманиси! Сгинь навек, скала седая!
Ты не стой перед очами, грудь мне памятью терзая!

КАХЕТИЯ

Кто роком придавлен, чья жизнь безутешна и сира,
Кто радостных дней на печальной земле не обрел,
Чье скорбное сердце навеки замкнулось для мира,
Кто жизнь называет сцепленьем бессмысленных зол,
Пусть тот, для кого вся природа нема и сурова,
Мне руку подаст! На вершину взберемся мы с ним:

Там сердце его для желаний пробудится снова,
Погаснувший взор оживится сверканьем былым.
Постигнет он снова отрады и скорби земные,
Минувшего счастья познает ликующий свет,
И грудь его снова стеснится, как будто впервые
Священной любовью он страстно и нежно согрет.
На небо и землю он глянет воскреснувшим оком,
Едва перед ним развернется, безбрежно цветя,
Наш солнечный край, зеленеющий в круге широком,—
Прекрасный эдем, первозданное божье дитя.
Едва он увидит снега, что синеют по кручам
Подоблачно-гордых, лесистых, взмывающих гор,
Увидит наш дол с многоводным потоком могучим —
То бурным средь скал, то струящимся в тихий простор,—
Вновь жизнь воскресит он, несбыточной радостью мучим:
Для нового счастья раскроются сердце и взор.
Когда же и я, о Кахетия наша родная,
С вершины Гомбори взгляну на равнину твою?
Когда, о, когда, созерцаньем свой взор насыщая,
Наполненный кубок во здравье твое изопью?

НИКОЛОЗ БАРАТАШВИЛИ
(1817—1845)

СУМЕРКИ НА МТАЦМИНДЕ

Люблю твои места в росистый час заката,
Священная гора, когда твои огни
Редеют и верхи еще зарей объяты
И по низам трава уже в ночной тени.

Не налюбуешься! Вот я стою у края.
С лугов ползет туман и стелется к ногам.
Долина в глубине, как трапеза святая,
Настой ночных цветов плывет, как фимиам.

Минутами хандры, когда бывало туго,
Я отдыхал средь рощ твоих и луговин.
Мне вечер был живым изображеньем друга.
Он был, как я. Он был покинут и один.

Какой красой была овеяна природа!
О небо, образ твой в груди неизгладим.
Как прежде, рвется мысль под купол небосвода.
Как прежде, падает, растаяв перед ним.

О боже, сколько раз, теряясь в созерцанье,
Тянулся мыслью я в небесный твой приют!
Но смертным нет пути за видимые грани,
И промысла небес они не познают.

Так часто думал я, блуждая здесь без цели,
И долго в небеса глядел над головой,
И ветер налетал по временам в ущелье
И громко шелестел весеннею листвой.

Когда мне тяжело, довольно только взгляда
На эту гору, чтоб от сердца отлегло.
Тут даже в облаках я черпаю отраду.
За тучами и то легко мне и светло.

Молчат окрестности. Спокойно спит предместье.
В предшествии звезды луна вдали взошла.
Как инокини лик, как символ благочестья,
Как жаркая свеча, луна в воде светла.

Ночь на Святой горе была так бесподобна,
Что я всегда храню в себе ее черты
И повторю всегда дословно и подробно,
Что думал и шептал тогда средь темноты.

Когда на сердце ночь, меня к закату тянет.
Он — сумеркам души сочувствующий знак.
Он говорит: «Не плачь. За ночью день настанет.
И солнце вновь взойдет. И свет разгонит мрак».

1833—1836

ТАИНСТВЕННЫЙ ГОЛОС

Чей это странный голос внутри?
Что за причина вечной печали?
С первых шагов моих, с самой зари,
Только я бросил места, где бежали
Детские дни наших игр и баталий,

Только уехал из лона семьи,
Голос какой-то, невнятный и странный,
Сопровождает везде, постоянно
Мысли, шаги и поступки мои:
«Путь твой особый. Ищи и найдешь».
Так он мне шепчет. Но я и доныне
В розысках вечных и вечно в унынье.
Где этот путь и на что он похож?
Совести ль это нечистой упрек
Мучит меня затаенно порою?
Что же такого содеять я мог,
Чтобы лишить мою совесть покоя?
Ангел-хранитель ли это со мной?
Демон ли, мой искуситель незримый?
Кто бы ты ни был, поведай, открой,
Что за таинственный жребий такой
В жизни готовится мне, роковой,
Скрытый, великий и неотвратимый?

1836

МОЕЙ ЗВЕЗДЕ

На кого ты вечно в раздраженье?
Не везет с тобой мне никогда,
Злой мой рок, мое предназначенье,
Путеводная моя звезда!

Из-за облаков тебя не видя,
Думаешь, я разлюблю судьбу?
Думаешь, когда-нибудь в обиде
Все надежды в жизни погребу?

Наша связь с тобой, как узы брака:
Ты мне неба целого милей.
Как бы ни терялась ты средь мрака,
Ты мерцанье сущности моей.

Будет время,— ясная погода,
Тишина, ни ветра, ни дождя,—
Ты рассыплешь искры с небосвода,
До предельной яркости дойдя.

1837

КНЯЖНЕ ЕК[АТЕРИ]НЕ Ч[АВЧАВА]ДЗЕ

Ты силой голоса
И блеском исполненья
Мне озарила жизнь мою со всех сторон:
И счастья полосы,
И цепи огорчений.
Тобой я ранен и тобою исцелен.

Ты средоточие
Любых бесед повсюду.
Играя душами и судьбами шутя,
Людьми ворочая,
Сметая пересуды,
Ты неиспорченное, чистое дитя.

Могу сознаться я.
Когда с такою силой
Однажды «Розу» спела ты и «Соловья»,
Во мне ты грацией
Поэта пробудила,
И этим навсегда тебе обязан я.

1839

ОДИНОКАЯ ДУША

Нет, мне совсем не жаль сирот без дома.
Им что? Им в мир открыты все пути.
Но кто осиротел душой, такому
Взаправду душу не с кем отвести.

Кто овдовел,— несчастен не навеки.
Он сыщет в мире новое родство.
Но, разочаровавшись в человеке,
Не ждем мы в жизни больше ничего.

Кто был в своем доверии обманут,
Тот навсегда во всем разворожен.
Как снова уверять его ни станут,
Уж ни во что не верит больше он.

Он одинок уже непоправимо.
Не только люди — радости земли
Его обходят осторожно мимо,
И прочь бегут, и держатся вдали.

1839

* * *

Я помню, ты стояла
В слезах, любовь моя,
Но губ не разжимала,
Причину слез тая.

Не о земном уроне
Ты думала в тот миг.
Красой потусторонней
Был озарен твой лик.

Мне ныне жизнью всею
Предмет тех слез открыт.
Что я осиротею,
Предсказывал твой вид.

Теперь, по сходству с теми,
Мне горечь всяких слез
Напоминает время,
Когда я в счастье рос.

1840

МОЯ МОЛИТВА

Отец небесный, снизойди ко мне,
Утихомирь мои земные страсти.
Нельзя отцу родному без участья
Смотреть на гибель сына в западне.

Не дай отчаяться и обнадежь;
Адам наказан был, огнем играя,
Но все-таки вкусил блаженство рая.
Дай верить мне, что помощь мне пошлешь.

Ключ жизни, утоли мою печаль
Водою из твоих святых истоков.
Спаси мой челн от бурь мирских пороков
И в пристань тихую его причаль.

О, сердцевед, ты видишь все пути
И знаешь все, что я скажу, заране.
Мои нечаянные умолчанья
В молитвы мне по благости зачти.

1840

* * *

Что странного, что я пишу стихи?
Ведь в них и чувства не в обычном роде.
Я б солнцем быть хотел, чтоб на восходе
Увенчивать лучами гор верхи;

Чтоб мой приход сопровождали птицы
Безумным ликованьем вдалеке;
Чтоб ты была росой, моя царица,
И падала на розы в цветнике;

Чтобы тянулось, как жених к невесте,
К прохладе свежей светлое тепло;
Чтобы существованьем нашим вместе
Кругом все зеленело и цвело.

Любви не понимаю я иначе.
А если ты нашла, что я не прост,
Пусть будет жизнь избитой и ходячей —
Без солнца, без цветов, без птиц и звезд.

Но с этим ты сама в противоречье,
И далеко не так уже проста
Твоя растущая от встречи к встрече
Нечеловеческая красота.

1841

* * *

Мужское отрезвленье — не измена.
Красавицы, как вы ни хороши,
Очарованье внешности мгновенно,
Краса лица — не красота души.

Печать красы, как всякий отпечаток,
Когда-нибудь сотрется и сойдет,
Со стороны мужчины недостаток —
Любить не сущность, а ее налет.

Природа красоты — иного корня
И вся насквозь божественна до дна,
И к этой красоте, как к силе горней,
В нас вечная любовь заронена.

Та красота сквозит в душевном строе
И никогда не может стать стара.
Навек блаженны любящие двое,
Кто живы силами ее добра.

Лишь между ними чувством все согрето,
И если есть на свете рай земной,
Он во взаимной преданности этой,
В бессмертной этой красоте двойной.

1842

МОГИЛА ЦАРЯ ИРАКЛИЯ

Князю М. П. Баратаеву

Перед твоей могильною плитой,
Седой герой, склоняю я колени.
О, если б мог ты нынешней порой
Взглянуть на Грузию, свое творенье!

Как оправдалось то, что ты предрек
Пред смертию стране осиротелой!
Плоды тех мыслей созревают в срок.
Твои заветы превратились в дело.

Изгнанников теперешний возврат
Оказывает родине услугу.
Они назад с познаньями спешат,
Льды севера расплавив сердцем юга.

Под нашим небом эти семена
Дают тысячекратный плод с десятка.
Где меч царил в былые времена,
Видна рука гражданского порядка.

Каспийское и Черное моря —
Уже нам не угроза. Наши братья,
Былых врагов между собой миря,
Из-за границы к нам плывут в объятья.

Покойся сном, прославленный герой!
Твои предвиденья сбылись сторицей.
Мир тени царственной твоей святой,
Твоей из слез воздвигнутой гробнице.

1842

МЕРАНИ

Без дорог меня неистовый конь Мерани мчит.
Черный ворон ненавистливо
мне вослед кричит...
Мчись, мой конь! Преград не ведает гордый твой полет!
К мрачным тучам взвей мятущихся
дум водоворот!
Ветер разрывай, волны рассекай!
Через пропасти и перевалы
Молнией лети, дерзкий путь черти,
где доныне нога не бывала.
Торопись, бегун,— не страшись, скакун,
ни лавины, ни стужи, ни зноя,—
Ведь, неутомим и неукротим,
всадник слит воедино с тобою!
Пусть с отчизной я буду разлучен,
пусть оплачут скитальца друзья.
Пусть любимую не увижу я,
пусть меня позабудет семья.
Там, где ночь падет, там и день взойдет,
там и родина будет моя!
Звездам лишь ночным — спутникам моим —
тайну сердца открою я!
Стон души поверю шумному морю одному!
Прах любви предам безумному
бегу твоему!..

Мчись, мой конь! Преград не ведает
гордый твой полет!
К мрачным тучам взвей мятущихся
дум водоворот!
Пусть умру вдали от родной земли,
буду чуждой рукой погребен!
Пусть любимой взор не блеснет слезой
в час безвестных моих похорон.
Черный ворон мне яму выроет
в нелюдимом просторе степном.
С воем яростным, с плачем ураган
занесет мои кости песком.
Вместо слез живых капли рос ночных
упадут на могиле пустынной.
Отпоют меня, помянут меня
вихрь небесный да клекот орлиный.
Мчись, Мерани мой, к дальней грани той,
за которой не властна судьба!
Кто ярмо судьбы сбросил и разбил —
не смирится с уделом раба!
Пусть погибну, всеми брошенный,
на путях борьбы!
Пред мечом судьбы не дрогну я —
кровный враг судьбы!
Мчись, мой конь! Преград не ведает гордый твой полет!
К мрачным тучам взвей мятущихся
дум водоворот!
Нет! Не пропадет в мире без следа
взлет души моей — пусть
обреченный!
В дальние года ляжет навсегда
путь, моим скакуном
проторенный,—
Чтоб тебе стократ, будущий Собрат,
на пути было легче жестоком,
Чтоб — могуч и смел — конь твой пролетел
высоко над поверженным роком!
Без дорог меня неистовый мой Мерани мчит.
Черный ворон ненавистливо
мне вослед кричит.
Мчись, мой конь! Преград не ведает гордый твой полет!
К мрачным тучам взвей мятущихся дум водоворот!

1842

* * *

Осенний ветер у меня в саду
Сломал нежнейший из цветов на грядке,
И я никак в сознанье не приду,
Тоска в душе и мысли в беспорядке.

Тоска не только в том, что он в грязи,
А был мне чем-то непонятным дорог,—
Шаг осени услышал я вблизи,
Отцветшей жизни помертвелый шорох.

1842

ЗЛОБНЫЙ ДУХ

Кто навязал тебя мне, супостата?
Куда ты заведешь меня, вожак?
Что сделал ты с моей душой, проклятый!
Что с верою моею сделал, враг?

Ты это ли мне обещал вначале,
Когда ты обольщал меня, смутьян?
Твой вольный мир блаженства без печали,
Твой рай, суленный столько раз,— обман.

Где эти обещанья все? Поведай!
И как могли нежданно ослабеть
И уж не действуют твои беседы?
Где это все? Где это все? Ответь!

Будь проклят день, когда твоим обетам
Пожертвовал я сердца чистотой,
В чаду страстей тобою подогретом
И в вихре выдумки твоей пустой.

Уйди и скройся, искуситель лживый!
По милости твоей мне свет не мил.
Ты в цвете лет растлил души порывы.
О, горе тем, кого ты соблазнил!

1843

* * *

Ты самое большое чудо божье.
Так не губи меня красой своей.
Родителям я в мире всех дороже —
У нас в семье нет больше сыновей.

Я человек простой и немудрящий.
Подруга — бурка мне, а брат — кинжал.
Но будь со мною ты,— в дремучей чаще
Мне б целый мир с тобой принадлежал.

1845

* * *

Цвет небесный, синий цвет,
Полюбил я с малых лет.
В детстве он мне означал
Синеву иных начал.

И теперь, когда достиг
Я вершины дней своих,
В жертву остальным цветам
Голубого не отдам.

Он прекрасен без прикрас.
Это цвет любимых глаз.
Это взгляд бездонный твой,
Напоенный синевой.

Это цвет моей мечты.
Это краска высоты.
В этот голубой раствор
Погружен земной простор.

Это легкий переход
В неизвестность от забот
И от плачущих родных
На похоронах моих.

Это синий, негустой
Иней над моей плитой.
Это сизый, зимний дым
Мглы над именем моим.

РАФАИЛ ЭРИСТАВИ
(1824—1901)

РОГ

Бедный мой Ирма! Буйвол мой верный,
С плугом шагал он — пахарь примерный.
Рог его черный память о старом
Ныне мой стол украшает недаром.
Рог тот люблю я, тонко точеный,
Узкоконечный, чудно крученый.
Как в старину, пить рогом люблю я,
Весело, с песней, друзей именуя.
Не к чему мне хрусталь и стаканы,
Рог я беру, тамадой мне данный:
Рог до конца, до капельки пью я.
Снова наполнив, не уступлю я.
Шапкой под крик в потолок я заеду,
Рог осушу, переброшу соседу.
С лету поймает тени бесшумней,
Кубок к чему мне, чаша к чему мне?
Всю я посуду, которую знаю,
Всю за окованный рог уступаю —
Щедрый и нас до конца веселящий,
Предков с потомками снова роднящий.
Рог забывать годится ль нам, люди?
Это не пир, если рога не будет.
Рог не выпьешь — стоять будешь с рогом.
Выпьешь — речет тамада тебе: с богом!
Рог не осушишь — вином в тебя бросит.
Выпить из рога хозяин нас просит.
Рог — украшенье стола, и мы строго
Все по-старинному выпьем из рога.
Дружно, по-братски, смеясь, напевая,
Пир начинайте, лишь рог осушая.
В мир ли иной мне придется собраться,
Просьба на слово мое отозваться.
В день, как умру, вскиньте твердой рукой
Рог за моей души упокой!

Розенталь Ян. После обедни. 1894 г.

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ
(1837—1907)

ГОРАМ КВАРЕЛИ

Горы Кварели! Покинув родные селенья,
Может ли сердце о вас вспоминать без волненья?

Где бы я ни был, со мною вы, горы, повсюду.
Сын ваш любимый, ужели я вас позабуду!

Помню: ребенком, исполнен неясной тревоги,
Весь замирая, смотрел я на ваши отроги.

Но не от страха тогда мое сердце дрожало —
Я и в младенчестве вас не боялся нимало.

Полный восторга, взирая на ваше величье,
Дивные тайны стремился душою постичь я —

Тайны вершин, пропадающих в дымке туманов,
Где раздается ликующий гул ураганов,

Где, задыхаясь, летит караван журавлиный,
Еле равняясь с далекою вашей вершиной.

О, как я жаждал невинною детской душою
В буре и мраке взлететь высоко над землею.

О, как мечтал я, почуяв орлиные крылья,
К вам прикоснуться, едва напрягая усилья!

В час, когда ветры, нарушив ночное молчанье,
Львиное в пропасти вдруг исторгали рычанье,—

О, как дрожал я! Но, внемля раскатам обвала,
Звуки родные душа моя в них узнавала.

Детскому сердцу довольство собой незнакомо.
Ныне же, горы, я горд, что воспитан я дома,

Ныне горжусь я, что — сын этой дикой природы —
Вырос я в бурях и рано узнал про невзгоды.

Горы, свидетели детских моих огорчений,
Как я рыдал перед вами, исполнен мучений,

Как я от вас утешения ждал и привета!
Но, как всегда, не давали вы, горы, ответа.

Этого чудного, полного тайны молчанья
Вплоть до последнего я не забуду дыханья!

Горы Кварели, сопутники юности нежной,
Долг перед жизнью влечет меня в путь неизбежный,

Судьбы грядущего требуют нашей разлуки,—
Можно ли требовать более тягостной муки!

Конь мой торопится, рвется душа от печали,
С каждым вы шагом уходите в синие дали...

Вот вы исчезли... И только вершины седые
Еле видны... И расстался я с вами впервые...

Тщетно глаза я от солнца рукой прикрываю,
Тщетно я взоры в пустое пространство вперяю —

Всюду раскинулись синего неба просторы,
Уж не венчают их больше прекрасные горы!

О, так прощайте же, дивные горы Кварели!
Сердце мое, полюбившее вас с колыбели,

Вечной любовью к великой отчизне пылая,
Вам улыбнется, рыдая, из дальнего края!

1857

ПОЭТ

Не затем, чтоб дикой птицей
Петь, летя по белу свету,
Не бряцаньем струн гордиться
Я пришел на землю эту.

По земным иду дорогам,
Сын небес — рожден в народе,
Лишь затем дружу я с богом,
Чтоб вести людей к свободе.

И божественное пламя
Мне даровано судьбою,
Чтоб земными жить делами,
Человеческой борьбою,

Для того, чтоб скорбь народа
Тяжелей своей мне стала
И грузинские невзгоды
Душу жгли, как жар металла.

Коль от искры той небесной
Запылает мысль пожаром,—
Отзовется сердце песней,
Я спою ее не даром.

1860

* * *

Мое перо, о дорогое, к чему нам слава?
Чему служили мы — тому ж послужим снова.
Бросать в народ благое слово дано нам право,
На гибель зла дано нам право взирать сурово.

Пускай сердца не знают наши! Мы знаем сами,
Что чист наш помысел и чисто стремленье наше,
Что нас вела дорога Картли былыми днями,
Что, страх забыв, идти за Картли — нет доли краше!

Пусть говорят: «Он о грузинах твердит худое,
Он не таит пороки наши, в нем дышит злоба».
То шум невежд! И только сердце поймет родное,
Что в злых словах любовь таится, любовь до гроба.

Октябрь 1861 г., Кварели

ДЕНЬ ПАДЕНИЯ КОММУНЫ

(23 мая 1871 года)

Стяг угнетенных и рабов,—
Спасительное знамя пало,
Увы! Пята тирана вновь
Его, повергнув, растоптала.

Тот удивительный народ,
Опять подвергшись пытке новой,
Для блага ближних вновь несет
Страдания венец терновый.

Пусть кровью мучеников вновь
Укреплено святое дело,—
Увы, великая любовь,
Ты пораженье потерпела.

Лежит поверженный у ног,
Зовет вселенной упованье.
Не ради ли него сам бог
Изведал крестное страданье!

Истории задержан ход,
И медлит обновленье мира.
А для тирана — праздник: тот
Опять вкушает сладость пира.

* * *

Славная родина, что ты сегодня грустна?
Ныне безвременье, но подойдут времена.
Старых не стало, зато молодые пришли
И восстановят величье любимой земли.
Родина, клад мой бесценный, зачем ты грустна?
Младшие выросли — крепкий, упорный народ.
Им ты всечасно предмет и забот и работ.
Им ты доверься, они не изменят тебе,
Доблестью их просияешь в превратной судьбе.
Родина, клад мой бесценный, зачем ты грустна?
Сердце широким гнездом их восторги таит.
Грудь их — защита надежнее всяких защит.
Чувства к тебе не изменит презренный обман.
Грудью вперед сокрушат они вражеский стан.
Славная родина, что ты сегодня грустна?

15 сентября 1872 г., Кварели

АКАКИЙ ЦЕРЕТЕЛИ
(1840—1915)

* * *

Ты горька, моя жизнь бесталанная,
Ты глуха, моя боль непрестанная,
Потому что мне стала желанная
Ненавистницею окаянною.

Ад в душе у меня. Смерть. Агония.
В одиночестве духом я падаю,
Но, когда предо мной посторонние,
Я креплюсь, и врагов я не радую
Незажившей, открытою раною.

Ты горька, моя жизнь бесталанная,
Ты глуха, моя боль непрестанная,
Потому что мне стала желанная
Ненавистницею окаянною.

Кто мне будет от муки защитою
И подаст руку помощи братскую?
В розах скрыта змея ядовитая,
Желчь в шербете моем, зелье адское
И кощунство в устах, речи бранные.

Ты горька, моя жизнь бесталанная,
Ты глуха, моя боль непрестанная,
Потому что мне стала желанная
Ненавистницею окаянною.

Умирать мне пора. Что ж я мешкаю?
С каждым годом ведь старость постылее,
Жар истлевший дымит головешкою,
И одною ногою в могиле я.
Вот и пристань моя долгожданная...

Ты горька, моя жизнь бесталанная,
Ты глуха, моя боль непрестанная,
Потому что мне стала желанная
Ненавистницею окаянною.

Я бессилен, мечты не сбываются,
Сам себе я смешон в этой немощи.
Дай мне, боже, уснуть, чтобы не маяться,
Без огня и любви цепенеющим.
Лучше смерть, чем тоска постоянная.

Ты горька, моя жизнь бесталанная,
Ты глуха, моя боль непрестанная,
Потому что мне стала желанная
Ненавистницею окаянною.

1871

БОЛЬНАЯ

Не умерла она! Лишь спит...
Воскреснет, встанет ото сна!
И тех, кто ей не дорожит,
Отвергнет навсегда она.

От долгих, тяжких битв устав,
Уснула, впала в забытье,
И тот грешит, кто, духом пав,
Отчаялся в судьбе ее!

Но сердце верит, сердце ждет...
Провидит ум сквозь ночь и муть,
Что не пресекся, что зовет
Ее — грядущий славный путь!

К лицу ли двоедушье нам,
Когда в беде отчизна-мать?
В великодушии отцам
Сегодня нужно подражать!

Мы для нее, коль нужно так,
Пойдем хоть с нищенской сумой.
Дороже честный нам бедняк
Иуды с толстою мошной!

Не умерла она! Лишь спит...
Когда ж воспрянет ото сна —
Тех, кто любовью к ней горит,
Навек прославит имена!

1880

СКАЗАННОЕ СО СЦЕНЫ

Ну что еще может сравниться
С уделом поэта на свете!
Все молят: даруй ему, боже,
Удачливость и долголетье!

Ну кто еще столько имеет
Друзей и товарищей в мире!
Всяк хочет усесться поближе
К поэту на дружеском пире.

И каждый к поэту участлив,
С ним делят и радость и горе
И так нам «ура» возглашают,
Что эху завидуют горы.

И щедрость к нам не иссякает,
Не молкнут кругом славословья,
Живым преподносят восторги,
А мертвым — венки и надгробья.

Ну что еще может сравниться
С уделом поэта на свете!
И странно, что все не стремятся
В поэты на нашей планете!..

1881

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

Пусть остальные пьют друг за дружку,
Я своим счастьем пьян без вина.
Только восторгом моим, а не кружкой,
Прелесть вселенной озарена.

Как благодатно
В дымке закатной
Дали прощальным блеском зажглись!
Вечером ясным
Веяньем властным
Душу уносит в горнюю высь.

Необычайно
Чувствую тайну

Мир обнимающего родства.
Ум, хоть и гибок,
Полон ошибок,
Сердце правее, чем голова.

Знаю наверно:
Небо безмерно
Чувству открыто, все без конца.
Мир — это чудо,
Явное всюду,
В благоговенье славит творца.

Лунной печалью
Светятся дали,
Лунной печалью строг небосвод.
Звезды бессонно
По небосклону
Водят и водят свой хоровод.

«Неизреченна
Слава вселенной»,—
Как бы твердят светила, крыля.
Звездному строю
Снизу земною
Песнею песней вторит Земля.

В этом напеве
Слышны деревья,
Одурью грядок пахнущий сад,
Свежесть рассвета,
Шелесты лета,
Ропот прибоя, роз аромат.

Сдавшись напору
Брачного хора,
Сам ликованья я не избег,
И, подпевая
Песне, я знаю:
Богу подобен я, Человек.

Кто дал прозреть мне? Что превратило
Жизнь предо мною в сказку и сон?
Кем над уделом твари бескрылой
К высшим пределам я вознесен?

Это все ты, любовь. Ты причина.
Это тобою совершено,
Небо и Землю всю — воедино
Соединяющее звено!

Ты, на кого клевещут жестоко,
Именем чьим зовут, что хотят:
Скотоподобье, пошлость порока,
Образ животный, грязь и разврат.

Всех постигало косноязычье,
Брался лишь кто тебя воспевать.
Как описать твоей силы величье,
Свыше дарованная благодать?

Но, как кончины предчувствие мечет
Лебедя с песней за облака,
Пусть этот стих мой увековечит,
Царственная, тебя на века.

Для красоты своей небывалой
Ты всю природу обобрала.
Голос у соловьев украла,
Алый румянец у роз взяла.

— Сон мой, мечта моя! — славословия
Сами теснятся мне на уста,
Ты, величаемая любовью,
Все увенчавшая чистота.

...Пусть остальные пьют друг за дружку.
Я своим счастьем пьян без вина.
Тайной любви моей, а не кружкой
Прелесть вселенной озарена.

1882

П О Э Т

То я мудрец, то — сумасброд,
Я ни глубок, ни плосок.
Дитя падений и высот,
Я жизни отголосок.

Глубокомыслью не дивись,
На простоту не сетуй:
Все чувства мощные слились
В отзывчивости этой.

Способность замечать дала
Мне в дерзкий дар природа,
И я ловлю, как зеркала,
Все, что мелькнет у входа.

Но слышу и передаю
Лишь то, что в полной мере
В придачу к своему чутью
На опыте проверю.

Итак, не то, что в первый миг
Предполагают люди,
Я жизни чистый проводник
И истины орудье.

1886

СЕДИНА

Уж не тот я, что когда-то;
Седина гнетет сурово...
Уж не так звучны раскаты
Рога моего стального.

Сердце ж все быть сердцем хочет,
С временем в неравном споре.
В нем пылает, в нем клокочет
Человеческое горе.

Сердце полнилось по капле
Ядом слез, потерь, мучений...
Времена полны не так ли
Мириадами мгновений?

Так к чему мне жизнь такая,
Если — вот и смерть все ближе,
А тебя, страна родная,
В разоренье горьком вижу.

Но когда надежда белым
Мне крылом блеснет над тьмою,
Мню себя я Тариэлом,
Обуянный вновь мечтою.

И зову, трубя протяжно,
Автандила и Придона:
Дареджан в плену у каджей
Избавленья ждет бессонно!

Что мне проседь! Я седины
В славной битве окровавлю,
Боевой мой рог старинный
По-иному петь заставлю.

Но, увы, подослан адом
Мне коварный враг — сомненье,
С зеркалом стоит он рядом,
Ухмыляясь... О, мученье!..

Шепчет: Автандил с Придоном
Еле вышли из пеленок,
Да и сам ты с Тариэлом
Сходен, как со львом котенок.

Прав он. Но могу ль святое
Дело гибели обречь я?
Ведь предшествует герою
Слабый иногда предтеча...

Нет же! Вечно цвесть надежде!
Не согнусь под сединою.
И гремит, зовет, как прежде,
Славный рог героев к бою!

1886

ВОЛНУЙСЯ, МОРЕ!

Волнуйся, море, и гуди,
Не прекословь дыханью шквала!
Как горы, волны взгромозди,
Чтоб влага на берег хлестала!

В твоей бездонной глубине
Таятся тысячи жемчужин.
Пока ты дремлешь в полусне,
Твой клад невидим и ненужен.

И лишь когда ударит шквал,—
Всю глубь свою открыв вселенной,
Кидаешь ты на грани скал
Прекрасный жемчуг драгоценный.

Поэт, и ты не избегай
Сердечных бурь в минуту гнева!
Греми, буди заснувший край,
Сверкая молнией напева!

1894

СУЛИКО

Я искал могилу средь могил,
В сердце боль запрятав глубоко.
Я страдал, я звал, я слезы лил.
Где же ты, родная Сулико?

Роза расцвела среди полей,
Лепестки раскинув широко,
С болью в сердце подошел я к ней
И спросил: «Не ты ли Сулико?»

И цветок невиданной красы
В знак согласья голову склонил
И, как слезы, капельки росы
На траву густую обронил.

Соловей защелкал надо мной,
Рассыпая трели далеко.
Потрясенный песней неземной,
Я спросил: «Не ты ли Сулико?»

И вспорхнула, рассекая мрак,
Птица — собеседница моя.
И защебетала звонко — так,
Словно отвечала: «Это — я!»

Смолкла птица, и зажглась тогда
Звездочка на небе высоко.
Я воскликнул: «О моя звезда,
Дай ответ, не ты ли Сулико?»

Стоя на земле, я видеть мог,
Как звезда кивнула в вышине,
И теплом пахнувший ветерок
Радостно шепнул на ухо мне:

«Вот она — услышь, взгляни, вдохни,
Это то, что ты искал, любя!
Пусть теперь текут без горя дни,
Солнце пусть сияет для тебя.

Став цветком, и птицей, и звездой,
Пред тобой она возникла вновь.
Ты ее любил, она с тобой,
И не может умереть любовь!»

Больше не ищу могилы я
И не проливаю горьких слез,
Видя звезды, слыша соловья
И вдыхая нежный запах роз.

Снова мир приветлив и хорош,
Я нашел тебя, и мне легко.
Это ты мерцаешь, и поешь,
И благоухаешь, Сулико!

1895

ЛИРА

Молитва и лира певца —
Два мира, две силы родные.
Вы схожи, как два близнеца,
Рожденные той же стихией.

И чувство и разум, вдвоем
Качавшие вас в колыбели,
В свободном полете своем
Вам ставят высокие цели.

Склонить вас к иному чему
Бессильны слова и внушенья.
Лить свет, точно звезды, во тьму —
Удел ваш и предназначенье.

Грешно ни с того ни с сего
Тревожить ваш мир понапрасну.
Бессмысленное ханжество —
Молиться везде и всечасно.

И глупо бряцать без конца
На лире. А то ведь иначе
Любого поэта-творца
Заменит волынщик бродячий.

1901

МОЯ ВЕРА

Весной река, вздуваясь, плещет,
Играет полая вода,
И через край мятежно хлещет
Ее вспененная гряда.

И мчится все быстрей, смывая,
Что ей мешает на пути.
И в скалы прядает, живая,
Не устает играть, расти.

И там, в низине отдаленной,
На гальку вынесет, ярясь,
С волною мутной и зеленой
Ракушки, мертвых рыб и грязь.

Так и народ. Он, как стихия,
Неудержим, непобедим.
Мольбы, проклятия глухие
Бессильны, тщетны перед ним.

И то, что было лживым, бледным,
Ненужным для любых времен,
В разливе бурном и победном
Навеки смоет кровью он.

И воды входят в русло снова,
Река широкая течет —
Сверкает славой жизни новой
Освободившийся народ.

Так думал я и вижу ныне,
Как мой народ смывает грязь,
Смывает рабство и унынье,
С чиновной шатией борясь.

Ярмо насилия срывает
С давно натруженных плечей,
И ждет зари, и прозревает
Мильоном жаждущих очей.

Он ищет света, жаждет чуда,
Но, правду с кривдою смешав,
Еще не ведает, откуда,
Куда и как направить шаг.

Вот, вот она, благая сила!
Ее стихией мы зовем.
Она, смывая, прочь сносила
Все то, что мы считаем злом.

Мечта о ней лежала камнем
На сердце с юношеских лет,
И в старости она близка мне,
И ничего мне ближе нет!

И, слава богу, век мой прожит,
Я дожил до мечты своей,
И песню молодую сложит
Усталый старый соловей.

Я вижу— кровь струится к рекам,
Но это естества закон!
Плоть и водой омыть,— от века
Лишь кровью дух был обновлен.

Бывало, кукурузу полют,
Сорвут с травой два-три стебля,
Но кто из-за того неволит
Оставить в сорняке поля?

Так вместе с сорною травою
Две розы где-нибудь сорвут.
Но суть не в том, что гибнут двое,
А в том, что сотни оживут.

Народ волнуется, бушует —
Честь и хвала ему за то!
Когда народ восторжествует,
Все вспыхнет, солнцем залито.

И снова сердце бьется, веря
В народ, в расцвет родной страны.
Как ни крути зима, все двери
Открыты настежь для весны.

1905

ЛЮБОВЬ

Все на один и тот же лад
Поэты про любовь поют,
Они навязчиво твердят,
Что сердце лишь — ее приют.

Я утверждаю, что любовь
Трех видов есть... И каждый вид
От прочих гранью отделен.
И различать их надлежит.

Вид первый — сладость для души...
Пылает сердце, как в огне,
И обнаруживает вдруг
То, что таилось в глубине.

Любовь горит, и прогорит,
И не оставит ничего,
И вместе с ней уйдет навек
Чарующее торжество.

А вид второй — спокоен, тих,
В нем виден ум, в нем вспышек нет.
Там взор не просит внешних чар,
Не ищет внешности примет.

Там любят издали... Умом,
Воображеньем, может быть...
А если вдруг познают плоть,
То вмиг перестают любить.

А третий вид — не тем чета!
В нем страсть господствует сама,
Здесь навсегда соединен
И жар души, и пыл ума.

Так я люблю! Люблю тебя
Умом, и сердцем, и душой.
И все готов тебе отдать —
Небесный мир и мир земной.

Но ты — увы! — не веришь мне,
Не веришь сердцу и уму!
Я унесу лишь образ твой,
Когда навек сойду во тьму...

1910

ДУМЫ УМИРАЮЩЕГО

Что ж — я готов. Отчизны пробужденье
Я собственною смертью оплачу.
Приди, палач, я грудь свою открою
Безжалостному твоему мечу.

И ежели из каждой капли крови
Отчизны сын восстанет молодой,
То не грешно ли избегать мучений,
Не жертвовать за это головой?

Да, я готов пожертвовать собою,
Меня не остановит смерти страх.
Душой и телом предан я отчизне,
Пускай над ней развеется мой прах.

Печальное мое существованье
Меня томило горечью забот,
Но будет смерть моя началом жизни,
А жизнь моя бессмертье обретет.

О, если б с верой в будущее мог я
Уйти из этой жизни в мир иной,
О, если б знал, что долг свой осознают
Те поколенья, что идут за мной!

Да, если смерть моя нужна собратьям,
То я готов и я неколебим!..
Пусть пробудится дух в сынах отчизны
И сами небеса помогут им!..

1911—1913

ВАЖА ПШАВЕЛА
(1861—1915)

АМИРАНИ

Вставай, Амирани, довольно
дремать,
Пора черемши быстроногому
дать.
Тому, кто отвергнут, и сон
не к лицу.
Лишь горе да слезы под стать
молодцу.

Народное сказание

Стоит он, могучий,
Прикован к скале,
Тяжелою тучей
Печаль на челе.

Под цепью старинной
Скрещение рук.
Глаза паутиной
Опутал паук.

Одетый в скопленье
Тяжелого льда,
Склонил он колени
В былые года.

И меч его ржавый,
Печалью томим,
Овеянный славой,
Застыл перед ним.

Ни люди, ни боги
Не помнят о том,
Как дэвьи чертоги
Он рушил кругом.

И ждет только песик,
Единственный друг,
Когда же он сбросит
Железины с рук.

И лижет он цепи
Века напролет,
И в горы и степи
Страдальца зовет.

Но только оковам
Подходит конец,
В молчанье суровом
Приходит кузнец.

И снова и снова
Он молотом бьет,
Покуда оковы
Опять не скует.

И снова несчастный
Стоит под горой...
Когда же безгласный
Воспрянет герой?

Когда Амирани
Наденет доспех
И слезы страданья
Сменяет на смех?

Как только в просторы
Протянет он меч,
И долы и горы
Поймут его речь.

Поля содрогнутся,
И небо вскипит,
И звезды взовьются
Под самый зенит.

Забудет о муке
Скопление вод,
И, вытянув руки,
Оно запоет.

И грянут раскаты
Громов, и тогда
За правду распятый
Воскликнет: «Беда!»

И над наковальней,
Разбитой во прах,
Тюремщик опальный
Заплачет в горах.

1884

* * *

По ущелью тянутся туманы,
Поднимаясь с каменного дна.
Радуются, словно басурманы,
Что земля во мрак погружена.
Все в глазах слилось и потемнело,
Зря гляжу на горные хребты.
Горе мне! Не греет больше тело
Солнышко из этой темноты.
Так возьми ж, проклятый сумрак ночи,
Жизнь мою и растопчи во прах,
Вырви сердце, выклюй эти очи,
Загрызи, безжалостный, в горах!
Ты куда стремишься в путь-дорогу,
Черный ворон, страж моих полей?
Поспеши хоть ты мне на подмогу,
Обними меня и пожалей.
Улетим отсюда мы с тобою
В дальний путь, в неведомый простор,

С милою простимся стороною,
Не увидим больше этих гор.
Полетим мы, ворон, над горами,
Понесемся в дальние края,
Обольемся горькими слезами
В далеке от милых — ты и я!

1886

ОРЕЛ

Я видел: окруженный вороньем,
Упал орел, не в силах отбиваться.
Еще хотел бедняга приподняться,
Да уж не мог, и лишь одним крылом
Уперся в землю, и потоком крови
Весь обагрился, к смерти наготове.
Проклятье вам, стервятники могил!
В несчастный день меня вы сбили, гады,
А то бы я сегодня без пощады
Все ваши перья по́ ветру пустил!

1880-е годы

ЖАЛОБА МЕЧА

Глубоко клинок поржавел,
И узор ножен загублен.
Где ж хозяйская забота,
Чтоб ты снова засверкал?
Мой хозяин пал в Шамхоре,
Пополам мечом разрублен;
Коньями насквозь проколот —
Пенной кровью истекал.

Впереди в боях скакал он,
Крепко щит зажав прекрасный;
Лишь бы войско не позорить —
Ни во что не ставил смерть.
Он служил Тамар-царице.
А потом заставил праздно
Внук хозяина никчемный
На стене меня висеть.

Лет семьсот не натирали
Мой клинок курдючным салом!
Мир становится духаном
И не стоит ни гроша.
Много раз я был заложен,
И благодаря хожалым
Я лежу с аршином рядом
На прилавке торгаша.

Лет семьсот меня не клали
Жалом на брусок широкий,
И, тихонько припевая,
Не точил меня герой.
Не кричал грузин в сраженье:
«Друг! Руби — пробей дорогу!
Если славы не добудем,
Как воротимся домой?»

1890

УТЕШЕНИЕ

Утешен я и жду утешенья:
Душа пылает пламенем горнил.
К родной стране приверженный с рожденья,
Я в этом мире зла не сотворил.
О, кто бы видел в час изнеможенья,
Как я рыдал, какие слезы лил!

Отдав земле присущее земное,
Небесное я небу отдавал,
Не пресмыкался, мысля о покое,
Парил, как сокол, возле этих скал.
Украсил я и горы и долины
Красою слов, и ныне у огня
Картлийцы, кахи, и имеретины,
И абахезы слушают меня.

Чтоб славных дедов чествовали внуки,
Я тени предков вызвал из гробниц,
Облобызал их доблестные руки,
Оплакал шрамы мужественных лиц.
Я оживил рукой животворящей
Останки их величественных тел,
Вернул булат им, острый и блестящий,
Венки на них лавровые воздел.

Как летний дождь в степи необозримой,
Я напоил иссохшие поля.
В моей душе не гаснет лик любимой —
И этим тоже утешаюсь я.
Не мыслил яму рыть я для соседа,
А тех, кто рыл, клеймил я день и ночь,
Не отнимал у ближних я обеда,
Но сам стремился ближнему помочь.

И пеньем труб, и громом барабана
Я о любви к собратиям взывал.
Я вдунул душу в тело истукана,
Вложил язык в уста немые скал.
Я изукрасил царственною статью
Любую травку... В эти времена
Поистине небесной благодатью
Была рука моя осенена.

1894

ПОЧЕМУ Я СОЗДАН ЧЕЛОВЕКОМ

Песня

Почему я создан человеком?
Почему, исполненный красы,
В сонме туч, в высоком мире неком,
Не рожден я капелькой росы?
Отчего никто меня не мечет
Ни дождем, ни вьюгою с высот?
Чем иным владыка мой излечит
Грудь мою от горя и забот?

Взял бы он меня к себе обратно
И не разлучался бы со мной,
Чтоб не жить мне в мире безотрадно,
Не бороться с горькою судьбой.
И, любуясь солнцем и сверкая,
Плыл бы я в безбрежные края,—
Сверху небо, снизу грудь земная,
Оба вместе — родина моя.

Как бы любовался я ватагой
Этих гор, взирая с высоты!

Там, моей напитанные влагой,
Поднялись бы вешние цветы.
Отдавал бы сердце молодое
Утром солнцу, вечером луне,
Орошал иссохшую от зноя
Эту степь в родимой стороне.

Превращенный в снежные кристаллы,
Не грустил бы я и в холода,
Ибо, сверху падая на скалы,
Умирал бы там не навсегда.
Был бы я лишь несколько мгновений
Как бы мертв, а там, глядишь, опять
Возвратился в этот мир весенний,
Чтоб его с улыбкою обнять.

1913

ЗАВЕЩАНИЕ

Не нужно жаловаться, дети,
На то, что много разных дел
Не довершили мы на свете
И вам оставили в удел.
Увы, наш век был веком чувства,
Мы жили горестью одной,
И не познали мы искусства
Спасенья родины больной.
Неподходящий для геройства
И неподатливый весьма,
Наш век губил живые свойства
Людского сердца и ума.
Бараташвилевский Мерани
Теперь вам грезится опять,
И снова нас томит желание
О судьбах Грузии узнать.
Ужель мой стих, облит слезами,
Погибнет здесь, в родном краю?
О, если б крикнули вы сами
В могилу тесную мою:
«Забудь, поэт, свои печали,
Загробных слез своих не лей:
Сыны отцов, мы тоже встали
За дело родины своей!»

ИРОДИОН ЕВДОШВИЛИ
(1873—1916)

ДРУЗЬЯМ

К испытаньям наготове
Все вперед, друзья, вперед!
Пусть на теле клейма крови
И с чела струится пот!

Все вперед, друзья! Невзгоды
На пути у нас кругом.
Знамя правды и свободы
В муках гордо пронесем.

Если кто из нас владыке
Поклонился, подхалим,
Стыд ему, и срам великий,
И презрение таким!

Пусть, пред сильным пресмыкаясь,
Лижут пятки языком
И смеются, наслаждаясь,
Слыша братьев стон кругом.

Их, изменников, осудит
Будущего приговор,
Их могилу не забудет
Ни презренье, ни позор.

Мы, друзья, перед кумиром
Не склонялись никогда.
Битва будет нашим пиром,
И надежда нам — звезда.

В наше время непогоды
Будь решительным, иди!
Знамя братства и свободы,
Знамя правды впереди!

ПРОЩАНИЕ ПРИГОВОРЕННОГО К ССЫЛКЕ

Нет у меня здесь пристанища, дома.
Там, куда сослан, их тоже не будет.
Но и на жесткой тюремной соломе
Родины имя звучать во мне будет.

Здесь у меня сладкой не было жизни.
Там ее тоже не будет. Одна лишь
Будет мечта о далекой отчизне —
Острой тоски неизбывная залежь.

Буду я помнить всегда содроганья
Родины, злыми врагами казнимой,
Вопли, и крики во сне, и стенанья.
Так написал и поэт о любимой:

«Родина стала нарядной рабыней».
Ну, так прощай же, мой Кавкасиони,
Ширь Алазани спокойной нашей,
Скал и лесов отраженье в Риони.

Долы широкие, мощные горы
Я не забуду. Прощай, дорогая!
Вспомню тебя я прекрасной и скорбной,
Раненой мыслью к тебе улетая.

В утренний час и зарею вечерней
Встретит мечта на горах озаренный
Крест и багрец окровавленных терний —
Встретит Голгофу на Кавкасиони.

Что же еще, мой цветок? Ты слыхала
Все, что тебе я сказал на прощанье.
Как на груди твоей роза пылала,
Чье мы изведали очарованье!

Помню ручьев голубых лепетанье,
Рожь золотую и птицу в полете.
Ветер унес мой цветок, и в тумане
Кружится он и увянет в болоте.

Призрак цветка! Но тебе не зазорно,
Родина, львиное сердце не пряча,
Скрыться, как птица в кустах, когда черный
По небу ворон проносится мрачен.

Ну, так прощай! Так печально и сиро
Сердце, и скорби оно не избудет,
Что на груди моей родины лира
Петь и звучать уже больше не будет.

ВАЛЕРИАН ГАПРИНДАШВИЛИ
(1889—1941)

ПОЛИНЕ ДЕ ВИАРДО[1]

Сонет

И чем одно из них нежнее
В борьбе неравной двух сердец,
Тем неизбежней и вернее,
Любя, страдая, грустно млея,
Оно изноет наконец...
Тютчев

До смертного конца он был тобою ранен,
Как ваза хрупкая, безмолвно он страдал:
Певец Базарова, великий северянин,
Поклонник вечных грез и вечный твой вассал.

Волшебный ваш союз так бесподобно странен!
Хотя воздвиг тебе он в грезах пьедестал,
Был день его любви медлительно туманен,
Как вечер матовый средь одиноких скал.

Судьба недобрая, как дух противоречий,
Рукою дьявольской качает те весы,
На чашах чьих сердца в пустой надежде встречи
Дрожат мучительно, как листья в ночь грозы.

Он первый изнемог в борьбе невыразимой
И тихо опочил в обители незримой.

1915

---

[1] Это и следующее стихотворения написаны по-русски.

КОНСТАНТИНУ БАЛЬМОНТУ

Всех стран и всех веков тебе подвластны чары,
Ты миром как вином и как загадкой пьян,
Певец мгновения, огнепоклонник ярый,
Влюбленный в тишину и звонкий океан,

Искатель жемчугов и златорунных стран,
Порою ты дитя, порою викинг старый,
Ты — ослепительный! Достойной нет тиары,
Чтобы венчать тебя, пленительный баян.

Ты щедро дивные свои рассыпал трели,
Чтоб в звуках сладостных и легких воссоздать
Божественную мощь и пламя Руставели.

Коня поэзии тебе дано взнуздать.
Летишь на скакуне к своей мечте заветной
Сквозь вихрь, окутанный вуалью огнецветной.

1915

САНДРО ШАНШИАШВИЛИ

(Род. в 1888 г.)

ПОТОМСТВУ ЗАВЕЩАЮ

Сегодня, как и встарь, моя чужда вам лира,
Для вас еще не пел и петь не стану я.
Отраден нежный звук ликующему миру,
Но только горечью душа звучит моя.
Я для того пою, чья жизнь одета тьмою,
Кто плачет о друзьях, ушедших навсегда:
Пусть он увидит там, за горестной чертою,
Пестро одетые грядущие года!
Я для грядущего пою, и песнь простая
Умолкнет лишь тогда, когда сойду во тьму.
Но я свою мечту потомству завещаю,
Волненье все мое чтоб передать ему.

1905

МОРЕ

Все море встало и ревет,
Отвесных скал круша изломы,
Вихрь катит в пропасти лавин
Глухие каменные громы.

Гроза рвет небо пополам,
И дуб над лугом обожженным
Огнем багровым запылал,
Свирепой молнией сраженный.

Как будто все стихии вдруг
По тайному клокочут знаку —
И как же им не клокотать,
Когда вокруг господство мрака.

1906

НАРОДУ

Кровь жестоких боев опалила сердца,
Гнет и горе испиты тобой до конца.

Ты со смертью встречался, отвагой горя.
Слезы высохли. Солью богаты моря...

Глубоки твои раны, но зорки глаза.
В богатырской груди — непокой и гроза.

Вижу время твоей исполинской борьбы
Против мрака и жестокосердной судьбы.

Мне с тобой — ликованье и горе встречать.
Я не стану покоем тебя обольщать.

Ратный меч удержать я тебе помогу,
Разожгу беспощадные чувства к врагу.

Сыновьям бескорыстным отвагу вручу.
В прах преграды тяжелой стопой растопчу...

Мне нельзя до победы с тобой не дожить,
Надо беды осилить и песню сложить.

Вновь и сызнова счастьем меня напои,—
Никогда родники не иссякнут твои!

Лишь с тобою в строю моя поступь тверда.
Я пою, защищенный тобой навсегда!

1909

МОЕ ЧОНГУРИ

Радость и горе народа проникли
В песни чонгури и в них зазвучали,
Стоит коснуться мне струн ненароком,
Как уж окрашена радость печалью.

Крепко чонгури, хоть ранено даже,
Ранит в ответ оно сердце чужое,
В самой печали рождает надежду,
Веру в грядущее наше большое.

1911

НЕЗНАКОМКЕ

А когда приходит полночь
И смолкает все земное,
О единственной тоскую,
Мысль одна владеет мною.

Дух смятенный неустанно
Незнакомку ожидает:
То она со мною рядом,
То она вдали мелькает,

Ветром, памятью иль тенью,
Сопричастная забвенью!

Никого не вижу, только
Воля, полная гордыни,
К ней, таинственной, стремится,
Тайно ждет ее и ныне.

1912

ИОСИФ ГРИШАШВИЛИ
(1889—1965)

ДЕВУШКЕ ИЗ НАРОДА

Словно темный сад твои ресницы,
и глаза — морские жемчуга,
тонкий стан и шейка голубицы.
Но не этим ты мне дорога.

Я люблю сильнее год от года,
но не внешний облик сердцу мил —
чудный образ дочери народа
я в тебе навеки полюбил.

И не только оттого горю я,
что мне сладко на тебя смотреть.
И не верь, что ради поцелуя
я готов безумцем умереть.

Нет в тебе мечтательности томной,
строги чувства сердца твоего.
И в тебе люблю я образ скромный
дочери народа своего.

1907

* * *

Синеет небосклон за дальними хребтами,
и месяц ввысь плывет, в дремотные края.
Порой закаплет дождь, фиалка под кустами
опустит голову, свой аромат струя.

Лукавый ветерок, шаля, колышет травы,
душа любуется закатной полосой;
слезы блаженной блеск — на розе величавой,
на склоны яркие кряж смотрит вековой.

И соловей поет, цветов любовник нежный,
и горного ручья песнь звонкая слышна;
над лугом небеса сверкают безмятежно,—
покою, радости природа отдана...

Но величавая мне тягостна картина,
я вдохновением не в силах вторить ей,—
затем, что с детских лет изведал я кручину
и должен слезы лить над родиной моей!

1909

ДА БУДУ ТЕБЕ ЩИТОМ!

Когда прогневается рок,
и разразится гнев,
и затрубит в огромный рог
угрюмый свой напев,
и враг придет с огнем, с мечом
в родимые края —
прикройся мною, как щитом,
о родина моя!

1909

Г. Шлатер. Главный корпус Тартуского университета. 1852—1853 гг.

ХАЧАТУР АБОВЯН
(1808—1848)

ЧЕЛОВЕК, ЛЮБЯЩИЙ СВОЙ НАРОД, ГОВОРИТ ПЕРЕД СВОЕЮ СМЕРТЬЮ

Прощайте, прощайте,
Былые дни!
Ты мирскую скорбь
Позабыть решии.
Не плачьте, родные,
Вы не одни:
Только прах сгинет,
Не любовь души.

По этой стезе
Мы должны пройти
И жизнь через смерть
И покой найти.
Но если я рано
Смерти алкал,
Для пользы народа
Ее искал.

Но где та мечта,
Что палила огнем,
Что мучила сердце
И ночью и днем?

Вот родине тело
В жертву дано,
Сгниет, увы,
В могиле оно.

О почестях я
Не вздыхал с тоской.
Не жалел, что славы
Лишен мирской,
Но как перед смертью
Нам не вздыхать?
Ведь тысячи дум
Надо в землю взять!

Ни длительной жизни
Я не желал,
Ни богатств у мира
Я не просил.
Но каждый мой вздох
Мне смертью бывал,
Коль его я народу
Не приносил.

Лишь за тем желал я
Власти, честей,
Лишь за тем жаждал
Сиянья венца,
Чтобы тысячам тысяч
Несчастных людей
Слезы с глаз стереть,
Облегчить сердца.

Придите ж сюда,
Меня помяните,
Отца дорогого
Благословите.
За мертвого скажет
Могила моя:
Буду в небе страдать
Все о том же я.

Был мне мир тюрьмой,
Было солнце тьмой.
Что хотел, того
Не достал рукой.

Не знает никто,—
Лишь создатель мой,—
С какой я к нему
Припадал мольбой.

Ах, люди, люди!
Когда ж вы проснетесь
И сердцем к сердцу
Когда ж обернетесь?
Поймите: тогда лишь
Мы рай найдем,
Коль душу народа
И скорбь поймем.

ГЕВОНД АЛИШАН
(1820—1901)

ЛУНА, ПРЕКРАСНАЯ ЛУНА!

Лампада дивная луна, всевышний сам тебя зажег,
Ты освещаешь ночи путь и отмеряешь ночи срок.
Разверстый глаз кромешной тьмы, висящий на цепи резной,
Ты даришь зрение душе, раскачиваясь надо мной.
Твои лучи из серебра, фитиль из ткани золотой,
Ты искры высыпала в ночь, и стала каждая звездой.
Из чаши светлой льешь в меня ты млеко сладкое, как мед,
Тревогу сковываешь ты, как воды сковывает лед.
Какой же ты была в ту ночь, когда из недр небытия
На небо выкатил господь новорожденную тебя?
Какой же ты была в ту ночь, когда впервые над тобой
Запел о счастье соловей, для страсти созданный судьбой,
Когда напевы полились тебе во след из края в край
Прозрачны, словно горный ключ, благоуханны, словно рай.
Внимать не мог им человек, который не был сотворен,
Но сонмы ангелов святых теряли голову и сон...
А ты скользила по дуге, не зная радостей и бед,
Пока пылающих лучей не протянул тебе рассвет,
Когда ж в багрянце и росе восстал над миром первый день,
От жарких ласк за горизонт ты ускользнула, словно тень...
Эй! Солнце, медленней вставай, ярка лучей твоих игра,
Но дай луне средь темных туч побыть подольше, чем вчера.

Постой, луна, не уходи! Пройди над кручами, луна,
Холодным светом освети все наши пропасти до дна.
Позволь с тобой поговорить, куда еще пойдет поэт,
Когда несчастен он, когда в душе живого места нет?
Не покидай меня, луна! Я знаю — слушать тяжело,
Но ты одна — бальзам сердец, в которых горе проросло.
Ты над Арменией встаешь, но ты не та, что в старину,
Когда счастливый человек лишь у любви бывал в плену.
Ты согревала ночь тогда, ласкала воды и цветы.
И смерть не смела посягать на то, чему светила ты.
А ныне глянь на склоны гор,— наш край заброшен и убог,
Одни могилы в деревнях и при церквях и у дорог,
Но мир не хочет знать о них, не говорят о них нигде,—
Отцы и деды спят в глухой, нерасторжимой темноте.

МКРТИЧ ПЕШИКТАШЛЯН

(1828—1868)

МЫ — БРАТЬЯ

Пусть как один святой напев
Природы голоса поют;
Иль пусть — прекраснейшей из дев
Персты по струнам пробегут;
Все эти песни не звучат
Милее звуков слова: «Брат!»

Мы — братья! Руку мне подай:
Лишь буря разлучала нас!
В лобзанье братском исчезай
Все зло, что создал рок на час.
Везде, где очи звезд блестят,
Что есть желанней слова: «Брат!»

Пусть мать седая Айастан
Друг с другом видит сыновей
И боль целит глубоких ран
Слезами сладкими очей!
Везде, где звезд огни горят,
Что есть прекрасней слова: «Брат!»

Мы прежде шли путем одним...
Мечты — вновь вместе быть — зовут!
Печаль и радость съединим,
И плодотворен будет труд!
Везде, где звезд нетленен ряд,
Что есть священней слова: «Брат!»

Ах! Вместе сеять, вместе жать,
И вместе лить на нивах пот,
И жатву блага собирать.
Твой, твой расцвет, родной народ!
Какие ж звуки прозвучат
Милей желанных звуков: «Брат!»

МИКАЭЛ НАЛБАНДЯН

(1829—1866)

СВОБОДА

Когда в меня вдохнул господь
Дыхание свое
И в темный прах, в земную плоть,
Ворвалось бытие,—

Младенец, ручки я тянул,
Хотя был слаб и мал,
Но бессознательно одну
Свободу обнимал.

И запеленутый, со сна
Кричал я что ни ночь,
И мать будил, но и она
Не знала, чем помочь.

Освободи от кожуры,
Распеленай дитя!
Мне кажется, что с той поры
Люблю свободу я.

И детский лепет день от дня
Был чище и складней,
И тешилась моя родня,
Что голос внятен ей.

Но не «отец», произнесло
Дитя в тот ранний миг,
«Свобода» — вот начало слов
Младенческих моих.

«Свобода! — вторил с высоты
Неодолимый рок.—
Ее отныне рекрут ты,
Хотя и одинок.

И в терниях грядущий путь.
И если твой кумир
Она, то завтра, не забудь,
Увидишь тесным мир!»

Свобода! — и пускай враги
Ждут, гибелью грозя!
Пускай огонь, пускай ни зги,
Пускай ревет гроза!

До висельничного столба
Я руки к ней тяну,
Свободу милую любя,
Одну ее, одну!

РАФАЭЛ ПАТКАНЯН
(1830—1892)

ХУДОЖНИК

Взор вперив без слов, с тайной на челе,
Юноша, куда мыслью ты влеком?
Кисти пред тобой, краски на столе...
Что же ты стоишь молча пред холстом?

Обрати глаза, оглянись вокруг:
Ведь смеется чернь над трудом твоим!
Милый! Разгони сладостный недуг,
Отомсти хоть раз, пробудившись, им!

Но прощаешь ты все в душе своей,
Ропотом мирским дух твой не смущен.
Вдруг в глазах твоих вспыхнул блеск огней,
Сердце быстро бьет, весь ты опьянен.

Кисти ты схватил, в краску обмакнул,
К жизни пробудил кистью полотно:
В таинствах небес думой потонул,
Тайное другим — знать тебе дано.

Ненависть, любовь, гнев и блеск ума
Ты, взмахнув рукой, полотну даешь;
Всє, пред чем и речь мудреца нема,
Красками без слов ты воссоздаешь.

Изумлен народ, прибежал, стоит.
На твою мечту глядя чрез порог,
Преклоняясь ниц, фимиам кадит.
Голосом одним вопит: «Вот — наш бог!»

Ах, за подвиг свой ты не жди наград!
Несколько монет бросят пред тобой,
В свой убогий дом ты пойдешь назад...
Но картине быть в раме дорогой!

ГЕВОРГ ДОДОХЯН
(1830—1908)

ЦИЦЕРНАК

Цицернак, цицернак,
Гость пернатых ватаг,
Ты куда же летишь,
За зигзагом зигзаг?

Чрез поля, чрез овраг
Мчись в родной Аштарак
И под кровлей родной
Свей гнездо, цицернак!

Там, далеко, с тоской,
Мой отец, весь седой,
Сына милого ждет
С каждой новой зарей.

Мой привет в этот дом
Передай перед сном
И скажи: «Ах, старик,
Плачь о сыне своем!»

Расскажи, сколько бед
Я терплю много лет;
Что все дни я в слезах,
Что полжизни уж нет.

Для меня небосклон
От зари затемнен,
На глаза мои в ночь
Не спускается сон.

Ах, без пользы вдали
Силы сердца ушли.
Я — красивый цветок
Без родимой земли.

Улетай, цицернак!
За зигзагом зигзаг,
Мчись к армянской земле,
В мой родной Аштарак!

ГАЗАРОС АГАЯН
(1840 — 1911)

ПРЯЛКА

Прялка, ты вертись, вертись,
Белую кудель пряди,
Нитка толстая тянись:
Нужд немало впереди!

Масла я влила в ушки,
Прикрепила рукоять;
Ну, пряди, пряди мотки,
Двигай крыльями опять!

Прялка, ты вертись, вертись,
Колесо свое вращай,
Нитка толстая тянись,
Веретена оплетай!

Тиграник мой к пастуху
Ходит в поле босиком,
Габриэл продал чуху,
Плачет ночью, плачет днем.

Прялка, ты вертись, вертись,
Белую кудель пряди,
Нитка толстая тянись:
Нужд немало впереди!

Ни мешка нет, ни ремня,
Ни веревки, ни сумы;
Не бывало прежде дня,
Чтобы так нищали мы!

Ах, невестой я ткала
И паласы и ковры;
Замуж вышла — продала
Даже войлок с той поры!

Красный день мой почернел,
Тот пришел, кто в долг давал;
С черным сердцем, что хотел,
Все унес, все отобрал.

Прялка, ты вертись, вертись,
Белую кудель пряди,
Нитка толстая тянись:
Нужд немало впереди!

СМБАТ ШАХАЗИЗ
(1841—1907)

СОН

Я голос матери слыхал,
Мне в сердце сладко лился он.
Вставал рассвет беспечно ал,
Но это был всего лишь сон.

Журчал за домом ручеек
И под хрустальный перезвон
Катил жемчужины у ног...
Ах, это был всего лишь сон.

Вернулись детство и покой
Под колыбельный древний стон...
Припал я к матери щекой,
Но это был всего лишь сон.

Она мне вытерла глаза,
Платком знакомым с тех времен,
Но за слезой текла слеза...
Как жаль, что это был лишь сон.

ПЕТРОС ДУРЯН
(1852—1872)

МОЯ СКОРБЬ

Я не о том скорблю, что, в жажде сновидений,
Источник дум иссякшим я нашел,
Что прежде времени мой нерасцветший гений
Сломился и поблек под гнетом тяжких зол;

И не согрел никто горячим поцелуем
Ни бледных уст моих, ни бледного чела;
И счастья не познав, любовью не волнуем,
Смотри: уж предо мной зияет смерти мгла...

И не о том скорблю, что нежное созданье
Букет из красоты, улыбки и огня,
Не усладит мое последнее страданье,
Лучом своей любви не озарит меня...

Я не о том скорблю... Нет, родине несчастной —
Все помыслы мои... О ней моя печаль!
Не в силах ей помочь, томясь тоской напрасной,
Безвестно умереть,— о, как мне жаль, как жаль!

РОПОТЫ

Прощайте, бог и солнце,— мир лучей,
Горящий знойно над душой моей!
Собой умножу в небесах огни.
Что звезды? Не проклятье ли они
Несчастных, неповинных душ, чело
Браздящих небо горько и светло?
О, ружья огненные бога, вы —
Основы молний, перлы синевы!
Что я сказал? Испепели меня,
Разбей, о боже! Атом жалкий, я
Осмелился стремиться к небесам!
Желал взнестись к божественным огням!
Молюсь тебе, о боже, в дрожи мук,
Цветение и луч, волна и звук,
О, снявший розу с моего чела,
Огонь — с очей, с уст — трепет, блеск — с крыла!
Ты сердцу вздохи дал и взорам — тьму!
Сказал, что в смерти я тебя пойму.
За гробом — жизнь; о, верю, для меня
Ты сохранил молитв, цветов, огня!
И если мне исчезнуть суждено,
Беззвучно, безответно пасть на дно,—
Дай бледной молнией теперь же стать,
Над именем твоим, восстав, кричать,
Что ты «бог мести», впиться в грудь твою
Проклятием, подобно острию!
Ах, я дрожу, я бледен, я заклят,
Во мне вся внутренность кипит, как ад...
Меж стонов кипарисов черный вздох,

Я — лист осенний, что поблек, иссох.
Мне искру дайте, искру, чтобы жить!
Как после грез холодный гроб взлюбить?
О боже, как судьба моя черна!
Могильной сажей вписана она.
О, влей хоть каплю пламени в нее!
Я жить хочу, хочу любить еще...
Мне в душу падайте, огни небес,
Чтоб ваш любовник горестный воскрес!

Весна челу ни розы не дает,
Ни луч с небес улыбкой не скользнет.
Ночь — гроб мой; звезды — факелы; уныл,
Блуждает месяц, плача, средь могил.
Для тех, над кем никто не сронит слез,
Ты этот месяц в небеса вознес.
Кто к смерти близки, все же нужны тем
Сначала — жизнь и плакальщик затем.
Писали тщетно звезды мне: «Любовь!»,
Пел тщетно соловей: «Люби же вновь!»,
Твердили тщетно ветры о любви,
И отражали ясный лик ручьи!
Напрасно лес при мне был молчалив,
Молчали листья, тайну затаив,
Чтоб не смутить мечты святой моей,
Напрасно я всегда мечтал о ней,
Напрасно вы, весенние цветы,
Струили ладан на мои мечты!
Нет, все смеялось в злобе торжества,
И этот мир — насмешка божества!

МОЯ СМЕРТЬ

Если ангел смерти придет за мной,
Милосердный меч обнажив,
Отделится от тела душа, скорбя,
И, однако, я буду жив.

Если брат надо мною свечу зажжет,
Пальцем веки мои смежив,
Не сощурю я глаз на огонь свечи,
И, однако, я буду жив.

Если саван окутает плоть мою,
Все минувшее отрешив,
Я не споря улягусь в своем гробу,
И, однако, я буду жив.

Если смерти жестокой гремучий смех
Хлынет, жалобы заглушив,
В божий храм на руках отнесут меня,
И, однако, я буду жив.

Если клир черноризный служить начнет,
Всех молитвой заворожив,
Будут свечи и ладан и чей-то плач,
И, однако, я буду жив.

Если памятник мне возведут друзья,
Боль былую разворошив,
Не смогу я сказать благодарных слов,
И, однако, я буду жив.

Лишь когда обо мне позабудут все,
Покосится крест на ветру,
И могила терновником зарастет,—
Я покину мир, я умру.

О З Е Р О

Чем возмущен твоих вод покой?
Кто пробудил твой гнев?
Быть может, смотрелась в тебя с тоской
Прекраснейшая из дев?

А может, влюбилась волна твоя
В небес голубой кристалл,
И те облака, что недавно я
Клочками пены считал.

Меж нами завяжется дружбы нить,
Гордынею не греши.
Подобно тебе я хочу любить,
Молчать и мечтать в тиши.

Росинок своих не считаешь ты,
Как слез не считаю я,
Камнями изранена грудь воды,
Бездушием грудь моя.

Но пусть даже небо само теперь
Стряхнет в тебя звезд огни,
Останусь богаче я, хочешь верь,
А хочешь, в сердце взгляни.

Там ясные луны не гаснут днем,
Не вянут зимой цветы,
И стайки моих облаков дождем
Моей не мутят воды.

И все же к тебе я иду, как сын,
Ведь даже рукам ветров
Не дашь ты коснуться своих глубин,
Где мне приготовлен кров.

У женщин любви я найти не смог,—
Сказала одна: «Певец!»
Сказала другая: «Больной щенок!»
А третия: «Не жилец!»

Никто никому не шепнул: «Как знать,
А вдруг, обретя любовь,
Здоровым, красивым и сильным стать
Сумеет бедняга вновь».

Никто никому не шепнул: «Бог весть,
Что гибнет в его огне,
Спасти бы стихи, пока время есть...»
И вот, лишь зола во мне...

Недаром смущен твоих вод покой,—
Ты гневно не без причин,
Глядится в твою глубину с тоской
Несчастнейший из мужчин.

ИОАННЕС ИОАННИСИАН
(1864—1929)

ЦАРЬ АРТАВАЗД
Легенда

Бей молотом по наковальне, кузнец!
Бей молотом: звенья да крепнут цепей!
Врага ненавистного звенья цепей!
Бей молотом по наковальне, кузнец!

Угрюмые тучи пришли, собрались,
Седого Масиса чело облекли.
И буря ревет, словно звери сошлись,
Свистит, стонет, буйствует ветер вдали.

Бей молотом! Ну! Дикий рев повторя,
Ужасные вопли из бездны звучат,
И молния блещет со взоров царя,
И искры от гнева высоко летят!

Он, мстительный, хочет вернуться опять,
Чтоб яд смертоносный страданий своих
По лону земли без конца разливать,
Но крепко он стиснут в цепях роковых.

Пусть верные псы те оковы грызут,
Грызут беспрестанно оковы царя,—
Страданья твои, Артавазд, не пройдут,—
Последняя в мире — далеко заря!

Твоей обессиленной злобы порыв
Под молотом нашим опять упадет!
Мы верим: наш край еще будет счастлив
И грешный народ еще благо найдет!

Но, если будем подобны камням,
Расслышать не сможем призывов души,—
Спасенья купель не откроется нам:
Наш молот тогда, Артавазд, сокруши!

Когда перестанем мы молотом бить,
Вы, псы, разгрызите железо оков:
Пора наступила — царя отпустить,
Он ринется в мир, и жесток и суров...

Но нет! Не пришла роковая пора!
Нам с нового неба затеплился свет!
То — радуги в семь переливов игра:
Свободной и светлой судьбины завет!

Бей молотом, бей неустанно, кузнец!
Бей молотом: звенья да крепнут цепей!
Царя ненавистного тяжесть цепей!
Бей молотом по наковальне, кузнец!

1887

ПЕВЦУ

Пусть прелесть песенных созвучий,
Родившись в глубине сердечной,
Своей гармонией певучей
Разбудит дремлющих беспечно.

Зажги в нас пламень благородный
Больших страстей, большого чувства —
И мы поклонимся свободной,
Бессмертной правоте искусства.

1887

* * *

Не забывай, певец, о верной лире,
Не дай умолкнуть струнам золотым,
Пускай их звон разносится все шире,
Пусть будет он в веках незаглушим.

Пусть лира славит добрые деянья
И подвиги, не ждущие венца,
Пусть голосом любви и состраданья
Воспламеняет чистые сердца.

И как зима дыханьем ветра злого
Не в силах задержать приход весны,
Так жгучей правоте прямого слова
Ни клевета, ни злоба не страшны.

1887

* * *

Прощайте, солнце и весна,
Ковер цветочный благовонный,
Реки журчащая волна
И зеленеющие склоны.

Прощайте, дни любви благой,
Улыбка ангельская девы,
И наслажденья, и покой,
И юности моей напевы.

Любовь я бедным отдаю.
Их скорбь и плач близки мне стали.
Настроил лиру я свою,
Чтоб петь страданьям и печали.

1887

С. ШАХАЗИЗУ

Ночь нависла, как густой туман.
Просвета нет во мраке этом черном.
Страдала в рабстве родина армян,
Главу склоняя под ярмом позорным.

От стольких ран сердца кровоточат,—
Хотя бы слово услыхать участья!
И лишь невежда, лишь глупец был рад,
Что небеса заткала мгла ненастья.

Но сыновей достойных искони
Имела мать Армения: как пламя,
Подняли знамя разума они,
Тьму разорвали сильными руками.

Все фарисеи побледнели вдруг,
В испуге замолчали лжепророки,
Когда раздался юной лиры звук,
Предвозвестивший возрожденья сроки.

Ты отдал струнам жар свой молодой,
Охваченный заботой благородной,
Оплакивал судьбу страны родной,
Скорбел душой об участи народной.

Любовь и братство, знание и свет
Ты проповедовал горячим словом,
Всем, кто изнемогал под ношей бед,
Опорою ты был в бою суровом.

Ты в нас надежду сладкую вселил,
Что недалек желанный час рассвета,
Певец, ты страстно родину любил,
И слава вечная тебе за это!

1887

* * *

Дорогая, усни! Сладкий сон призови,
Чтобы очи сомкнуть у меня на груди.
Полнозвучной волной песнопений любви
Очарованный слух до зари услади.

Благовонными розами я уберу
Твои кудри и грудь, колыбель всех отрад.
Спи, царица моя, спи, пока поутру
Стаи радостных птиц в небеса не взлетят.

И едва только золото первых лучей
Заиграет, горя, над твоей головой,
Пусть разбудит тебя голос страсти моей —
На багряных губах поцелуй огневой.

1891

* * *

Ты веками, о родина, слезы лила,
Кровь сочится из раны твоей и сейчас,
Тайну страшную мук ты в душе берегла
От чужих, от сухих, от неплачущих глаз.

Ты, безмолвна, родная, как темная ночь.
Ты, как путник, тревожно взираешь кругом:
Неужели звезде загореться невмочь?
Неужели не грянет живительный гром,

И гроза не осветит твои пустыри,
И твой гений не вспомнит о скорбной земле,
И улыбкою мира, яснее зари,
Не зардеет лицо твое в утренней мгле?

Ждешь ли ты, чтобы в смертном твоем забытьи
Грохот неба раздался, завыл ураган,
Стали озером крови ущелья твои
И забыла ты ужас бесчисленных ран?

Или будешь по самый свой час роковой
Дни глухие влачить, как влачила и встарь,
Чтоб, еще не умершей, уже не живой,
Обагрить своей кровью насилья алтарь?

1896

* * *

Один, всегда один, я счастлив тем!
Я полон ликованьем неземным,
Живу я вольно юным сердцем всем,
И каждый миг считаю я своим.

Вдали от шума вздорной суеты
Свободен я от мелочных страстей,
Ласкаю сокровенные мечты,
Страдаю без сочувственных речей.

С восторгом тем, что высказать нельзя,
Хочу, мечты захвачен высотой,
Как облако чистейшее, скользя,
Рассеяться в бездонной сини той.

Как снег вершин, истаяв, в синеву
Скользить хотел бы струйкой ручейка,
Пройти, лугов чуть шевеля траву,
Как легкое дыханье ветерка.

Иль, как от страсти потерявший речь,
В объятьях нежных сжатый горячо,
На грудь земли на теплую прилечь,
Заснуть навек, не помня ни о чем.

1911

АЛЕКСАНДР ЦАТУРЯН
(1865—1917)

РУЧЕЙ

Что ты плачешь, прозрачный, журчащий ручей?
Пусть ты скован цепями суровой зимы,—
Скоро вспыхнет весна, запоешь ты звончей
На заре, под покровом немой полутьмы!

И, свободный от тяжких, холодных оков,
Ты блеснешь и плеснешь изумрудной волной,
И на твой жизнерадостный, сладостный зов
Вольный отклик послышится в чаще лесной.

И под шелест листка, ветерка поцелуй
Заволнует твою белоснежную грудь,
И застенчивым лилиям в зеркало струй
На себя будет любо украдкой взглянуть.

Вся земля оживится под лаской лучей,
И бесследно растают оковы зимы...
Что ж ты плачешь, скорбящий, звенящий ручей?
Что ж ты рвешься так страстно из темной тюрьмы?..

* * *

Мрачна, темна душа моя!
Измучен безнадежным горем,
На берег моря вышел я —
Тоскою поделиться с морем.

О, беспредельной зыби даль!
Ты тоже мечешься, бушуя!
Тебе сродни моя печаль,
Ты ропщешь, как и я, тоскуя.

Внемли же мне, поплачь со мной
И отзовись на голос друга!
Быть может, сблизившись душой,
Мы позабудем боль недуга.

Иль пусть, как сестры, навсегда
Печали наши и томленья
В волнах исчезнут без следа
И там найдут покой забвенья.

Мрачна, темна душа моя!
Измучен безнадежным горем,
На берег моря вышел я —
Тоскою поделиться с морем.

АКОП АКОПЯН

(1866—1937)

* * *

Велико наше горе, печаль беспредельна.
Подойди, и поделим их, страждущий брат!
Мы не трусы, к тому же и плакать бесцельно,—
Перед нами другие дороги лежат.
Станем рядом, тверды, как гранитные скалы.
Нет! Бояться не нам разразившихся гроз!
Вся душа у народа вконец исстрадалась,—
Только пользы ни разу нам плач не принес.
Велико наше горе, печаль бесконечна...
Так поделим их, брат,— и задышится легче.

Много горького терпит народ наш любимый,—
Примем горе народное в сердце свое.
У народа и нас скорбь да будет едина,
И единой слезой оросим мы ее.
Нашей лире народную вверим заботу,—
Пусть отважно добро отделяет от зла,
Чтобы смолк от той песни отчаянья ропот,
Чтоб душа горемыки воспрянуть могла,
Чтобы счастьем народная жизнь озарилась,
Чтобы сердце народа для битв укрепилось,
Чтобы песня в народе надежду зажгла!

Наше сердце широко, душа терпелива,
Словно губка набухшая, горя полна.
Что же! Выдержим всё, переждем молчаливо,
Перетерпим — иные придут времена.
А сегодня — у сердца иные волненья:
Жизнь кипит, призывают большие труды.
Возникают и скоро ждут разрешенья
Роковые вопросы насущной нужды.
Брат, настроим скорей нашу честную лиру,
Чтобы каждая песня, как пламенем, жгла!
С этой песней пройдем мы по скорбному миру,
Чтоб душа горемыки воспрянуть могла,
Чтобы счастьем народная жизнь озарилась,
Чтобы сердце народа для битв укрепилось,
Чтобы нам устоять под ударами зла!

1899

ПЕСНЯ КУЗНЕЦА

Товарищ, бей, ударь сплеча!
Ударь со всею силой,
Чтоб сталь, светла и горяча,
Согрела мрак унылый.

Чтоб не напрасно пот бежал,
Рождая крепость стали,
Чтоб день над тьмою ночи встал,
Чтоб искры солнцем стали!

Ударь, товарищ, крепче бей!
Смотри: уходят беды —
Навек уходит тьма ночей,
Куется день победы!

1905

РЕВОЛЮЦИЯ

Товарищ! Видал ли ты бурю на море?
Вот с пеною в пасти, как злые пантеры,
Могучие волны взлетают на шхеры,
Ревут, сшибаются, яростно споря,
И рассыпаются,
Как песок.

А после волна беззаботной улыбкой
Приветствует солнце, и небо, и свежесть,
Воркует, как флейта, смеется, как скрипка,
Вздыхает, как девушка, нежась
У ног.

Товарищ! Слыхал ли ты грома раскаты?
Вот в небе пальба и слепящие взрывы,
И дикие молнии нетерпеливо
Мечами вонзаются в черные латы
Туч.

Мгновенье — и хлынул ликующий ливень,
Гроза умирает в стенаньях и реве,
И вот уже мир, голубой и счастливый,
И вот уж вплетается в кудри деревьев
Сияющий луч.

Товарищ! Слыхал ли ты вопль роженицы?
Когда, извиваясь и корчась на ложе,
Стенает она, как сраженная львица,
Стенает и хочет сдержать, но не может,
Неистовый крик.

Но муки проходят своей чередою,—
Вот вскрикнул впервые ребенок румяный,
И, полная счастья и негой покоя,
Мать встретила радостный миг.

Так было, товарищ мой, в час революции:
Два моря столкнулись, и буря взыграла.
Две силы столкнулись — и вот они бьются.
И молнии света стучатся в забрало
Тьмы.

Но вот отгремели и бури и грозы,
Нам ливень очистил небесные своды,
И в муках родился, и весел и розов,
Могучий ребенок — Свобода! Свобода! —
На прахе разбитой тюрьмы!

Товарищ, запомни, победа — в движенье.
Свобода — дитя. Революция — мать.
Товарищ, клянись же в борьбе и в сраженье
Грудью,
Грудью ее защищать!

1905

НАЦИОНАЛИСТАМ

На поэтов ваших любимых я не похож.
Жрецам вашим песнь моя чужда — звук неродной.
Я не желал угождать, вызывать сердец ваших дрожь
В вашем мещанском бреду, ядовитом и жалком заодно.

Воспел я завод, в черный труд его я проник,
Где над сталью треснувших спин — маховик;
Чудеса я воспел, рожденные в жестких руках,
Победной борьбы этих рук величавый размах.

Пел я бодрости песнь тем, кто духом упал,
Быть готовым ко дню пробужденья я призывал,
Потрясавшую землю я пел мировую грозу,
После грома и молний — мирных, тихих небес бирюзу.

Человечества веру воспел я в грядущий путь
Великого шествия жизни, цветами убравшего грудь.
Огонь я воспел, растопляющий насилья копье,
Красу новой жизни и чары ее.

Нет, на поэтов ваших любимых я не похож.
Жрецам вашим песнь моя чужда — звук неродной.
Я не желал угождать, вызывать сердец ваших дрожь.
В вашем мещанском бреду, ядовитом и жалком заодно.

1916

ОВАНЕС ТУМАНЯН
(1869—1923)

ПРОЛОГ

О горы, я вами опять вдохновлен.
Ликует душа, несказанно я рад,
Заветные думы, как светлый мой сон,
Судьбе вопреки, к вам отныне летят.

О горы за облачной легкой грядой,
Из туч, чей туман надо мной поднялся,
Я вас призываю, объятый тоской,
И в дар приношу вам души голоса.

К тебе прихожу я, былая печаль,
Наставница давних младенческих дней,—
Отняв мой покой, ты влекла меня вдаль
И тайной томила тревогой своей.

И ночью и днем ты звала за собой.
В бессчетных мученьях, в жестокой борьбе,
На крыльях поэзии всею душой,
О гордая Родина, рвусь я к тебе.

Не песнями радости в долах земных,
Не цветом долин, где струятся ручьи,
А горестным стоном страданий моих
Хочу я наполнить ущелья твои.

О, эти ущелья, укрытые тьмой,
Подобные сердцу, чьи раны болят,
Вы тоже иссечены злобной судьбой,
Но к вам мои песни все так же летят.

Ответьте мне стоном глубокой тоски,
Померьтесь со мной темной бездной своей,—
Быть может, вы так же всегда глубоки,
Как страшная темень печали моей.

1890

ПЕСНЯ ПАХАРЯ

Паши, мой плуг,— до темноты
Должны мы пашню побороть,
Паши, сворачивай пласты,
Благослови тебя господь!

Тяни же, вол, пришел твой срок,
Паши, трудись, мой верный вол.
Эй, подхлестни кнутом, сынок,
Чтоб черный день от нас ушел!

Заимодавец вгонит в гроб,
И староста грозит избить,
Молебен отслужил нам поп,
Сказал, что мы должны платить.

Вчера за податью пришли,
А чем платить? Ведь я сам-друг...
Что снять могу с клочка земли?
Паши, паши, мой верный плуг!

Уходят силы день за днем,
Здоров ли, нет,— трудись, как вол,
А малолеток полон дом,
И каждый голоден и гол...

Паши, мой плуг,— до темноты
Должны мы пашню побороть,
Паши, сворачивай пласты,
Благослови тебя господь!

Март 1887

АРМЯНСКОМУ СКИТАЛЬЦУ

Счастливый путь, скиталец наш!
Блажен ты, о скиталец наш!
Идешь с любовью, грустно-рад,
Вдали сияет Арарат.

Благоуханьем ветерка —
Добрей, чем отчая рука,—
Гегамы шлют тебе привет
И Арагац, травой одет.

А там, как одинокий глаз,
Блеснет Севан, в горах таясь,
Резвясь, играя с тенью скал,
Шумя, вздымая синий вал.

Мерцает, блещет и горит,
Волной сверкает и гремит,
А то печален и угрюм,
Чернее тучи, полон дум.

И та, гора, гигант-шатер,
Гора из гор и царь всех гор,
Седой поникнув головой
К небесной груди голубой,
Встает, торжественно скорбя,
Вдали — и в сердце у тебя.

1892

ПРЕДКАМ

Поистине, предки, блаженны вы были,
Вы песни слагали на утре времен,
Вы в сердце мечту золотую хранили,
Вы верили: будет народ наш спасен.

Вы родину в песнях своих прославляли,
Величье и славу пророчили ей.
И лиры торжественной струны звучали
Лучистою радостью будущих дней.

Но вживе растерзана родина наша,
И боль ее смертная — в наших сердцах.
Мечты золотые виденьем миража
Бесследно исчезли в пустынных песках.

На жизненном утре, в преддверии мира,
Бледны, без надежд, мы минуем порог.
И падают руки, и падает лира,
И рушатся в сердце и песня и бог.

1902

ПРОРОЧЕСТВО

— Теперь приду я! — судия сказал.—
В борьбе своей и тягостной нужде
Опорою бедняк меня назвал,
И он — не одинок в своей беде!

О, горе вам, владыки сей земли,
По чьей вине бедняк слезами сыт!
Вы в беззаконии своем рекли,
Мол, бог давно на землю не глядит.

Не видит разве и не слышит тот,
Кто создал ваши уши и глаза?
Воспрянет он и вас судить придет,
Не вечно будет спать его гроза!

Вы глухи к чести, к свету и стыду,
Но от меня ваш темный путь не скрыт.
Полна терпенья мера. Я иду,
И молния в руке моей блестит.

Я в души угнетенных свет пролью,
Пусть вас разит и жалит их язык!
Рукам несчастных дам я мощь свою.
Я — с ними, в них, я гневом их велик!

1902

АРМЯНСКОЕ ГОРЕ

Армянское горе — безбрежное море,
Пучина огромная вод;
На этом огромном и черном просторе
Душа моя скорбно плывет.

Встает на дыбы иногда разъяренно
И ищет, где брег голубой;
Спускается вглубь иногда утомленно,
В бездонный глубокий покой.

Но дна не достигнет она в этом море
И брега вовек не найдет.
В армянских страданьях — на черном просторе
Душа моя скорбью живет.

1903

ПОЭТАМ ГРУЗИИ

Шота! Огонь твоих стихов
Поныне не потух!
Неукротимый гнев веков
Не сокрушил тот дух.

Та лира славная гремит
Под новою рукой,
И новых песен звон разлит
По Грузии родной.

О мужественные друзья,
Вам всем поклон и честь!
Несу от Арарата я
Вам братской песни весть!

Над рубежом былых годин —
Заря грядущих дней!
Споем же вместе, как один,
Гимн ликованья ей!

Да будет песня та светла,
Пускай гремит вдали —
Да заглушает голос зла
Во всех углах земли.

И пусть, Кавказ, твои сыны
На голос наших лир
Справлять сойдутся с вышины
Многоязычный пир!

Эй, брат и друг, сестра и мать
И с нами кяманча,
Сзывайте всех — и стар и млад —
Тот новый день встречать!

Да, много, много слез текло,—
Будь каждая урок,
Что на земле отныне зло
Уж не найдет дорог!

Что ноешь, умник, заносясь?
Мечте не в небе цвесть!
Мы люди, мы живем, для нас
Жизнь — это то, что есть.

Под лиру славного Шота
Мы песнь свою споем,
И всем понятна песня та —
Достойным воздаем.

Гремит напевами страна,
Предела песням нет;
Тех песен тысяча одна —
И в них его завет!

Привет вам, новые друзья,
Былым поклон и честь.
Несу от Арарата я
Вам братской песни весть!

16 апреля 1919

ЛЕВОН ШАНТ
(1869—1951)

ФИЛОСОФЫ

Под полной и яркой луной
На груди равнинной вдали,
Друг к другу склонясь головой,
Горбатые горы легли.

О нет! То не горы. Там ряд
Морщинистых старцев седых.
Согнувшись, прижавшись, стоят.
Окутали саваны их.

Мрачны, бессловесны, одни,
Ушли они в думу свою...
Быть может, находят они
Разумнейший смысл бытию...

ПОЧЕМУ?

— Почему я пишу? — этот странный вопрос
Задавали мне люди не раз и не два;
Почему, ударяясь о гордый утес,
Воют волны, грозней разъяренного льва?

Почему тихоструйный, хрустальный ручей
Наполняет журчание томной тоской,
Унося непорочную воду ключей
На свиданье со все повидавшей рекой?

Почему, низвергаясь со скал, водопад
Шумно двигает камни упругой водой,
И ревет, пробивая тропу наугад,
И трясет белопенной своей бородой?

Посторонний спросить не посмеет всерьез,
Где нашел я для просьбы о хлебе слова?
В чем таится причина улыбок и слез?..
Но — зачем я пишу? — этот странный вопрос
Задавали мне люди не раз и не два.

АВЕТИК ИСААКЯН
(1875—1957)

* * *

Уж солнце за вершиной гор,
И даль лугов мутна.
Умолк уснувший птичий хор,
А я — не знаю сна.

Сквозь крышу месяц заглянул,
Весы приподнялись,
Прохладный ветер потянул
К звездам, в ночную высь.

О нежный ветер, звездный свет,
Где яр мой в эту ночь?
О звезды, вас прекрасней нет,
Где бродит яр всю ночь?

Рассвет настал и в дверь вошел,
Туман и дождь идет.
Ал-конь пришел, один пришел,
Ах, яр домой нейдет!

Эчмиадзин, 1891

* * *

Ночью в саду у меня
Плачет плакучая ива,
И безутешна она,
Ивушка, грустная ива.

Раннее утро блеснет —
Нежная девушка-зорька
Ивушке, плачущей горько,
Слезы кудрями отрет.

Александрополь, 1892

* * *

Певец я — птица в вышине,
Земных богатств не надо мне,

Люблю цветы и милых дев
В благоухающей весне.

И нежный шепот я люблю
И песню горя в тишине.

Александрополь, 1893

* * *

Издалека в тиши ночной
До сердца песнь дошла.
Чья тихая душа тоской
Мне душу облекла?

В печальной песне — аромат
Баюкальной мечты.
Прибой любви священной, брат.
Услышь, безвестный, ты!

Александрополь, 1895

* * *

Мечтой я на дальних бродил берегах,
Кружил одиноко на вольных крылах,
И звезды улыбок, и мрачная тень
Раздумий меня окружали в ночах.

На мелях пустынных, под кручами скал
Кипела пучина, прибой бушевал.
И ветер холодный мне лоб овевал
и нес облака...

Шумели дубравы густою листвой,
И в шуме их былью вставали живой
былые века.

А в небе, в лазурной его глубине,
Как солнце, горела душа в вышине.
И пламени море там виделось мне...
Там думы мои оживали в стихах,
Что я, словно звезды, рассыпал в ночах
на тех берегах...

И создал чудесный я мир, где мечта,
Где мощь, где величие и красота,
Как звезды, бессмертно сияют в веках,
Так я на далеких запел берегах,
как дух-исполин,
свободен, один...

Харич, 1897

* * *

Шумно та звезда упала
С неба на земную грудь,
Но земля в ответ молчала,
Смертью кончен звездный путь.

Я к тебе ворвался с нежной
Песней, жаркою, как кровь.
Ты нема и безмятежна,
Но... жива моя любовь.

Александрополь, 1897

* * *

Я спал, и море снилось мне,
Был кроток синий вал.
Один лежал я и во сне
От раны изнывал.

Дышало море тишиной
В раздумье без конца.
Язвила рана болью злой
Живого мертвеца.

Лишь голос нежно пел, звеня,
Из сердца глубины:
То пела мать, звала меня
С родимой стороны.

Одесса, 1898

* * *

Глухим, неясным, призрачным порывом
Куда-то рвется существо мое.
Как мглистой ночью моря забытье
Лишь плеском выдает себя тоскливым,—
Душа, как сон: то есть, то нет ее.

Александрополь, 1899

* * *

От жгучего горя сердце мертво,
И жизни моей иссяк родник.
Мои слезы должны океаном стать,—
Только б скорби моей не узнала мать.

Я буду скитаться один в горах,
Буду биться о камни головой,
Суждено мне волчьей добычей стать,—
Только пусть не узнает об этом мать.

Цюрих, 1900

* * *

Моя душа объята тьмой полночной,
Я суетой земною истомлен.
Моей душой, безгрешной, непорочной,
Владеет дивный и великий сон.

Лазурнокрылый ангел в небе реет,
На землю дева сходит, и она
Дыханьем звезд, лобзаньем неба свеет
С моей души ночные чары сна.

И день и ночь ее прихода жду я,—
Вот-вот она покинет небосклон,
Рассеет ночь души — и, торжествуя,
Я воспою мой дивный, вещий сон!

Баку, 1902

* * *

Да, я знаю, всегда есть чужая страна,
Есть душа в той далекой стране.
И грустна и, как я, одинока она,
И сгорает, и рвется ко мне.

Даже кажется мне, что к далекой руке
Я прильнул поцелуем святым,
Что рукой провожу в неисходной тоске
По ее волосам золотым...

Александрополь, 1905

* * *

В разливе утренних лучей
Трепещет жаворонок страстный,
Не знает мрака и скорбей,
Поет любовь и свет прекрасный.

Душа, окутанная тьмой,
Глядит с тоской на мир несчастный,
А над склоненной головой
Ликует жаворонок страстный!

1905

* * *

В далеких горах Гималайских сейчас,
Хребты затопив от вершин и до пят,
Дыханием моря смятенного мчась,
Клубясь, необъятные тучи кипят.

Гроза на грозу громоздится в горах,
Грохочут грома, повторяясь стократ,
И молнии бешено блещут сквозь мрак,
Но горы не дрогнут — бесстрашно стоят.

Лишь там, в их грохочущей дикой борьбе,
Мятежное сердце,— там место тебе...

1905

* * *

В тоске я шел вдоль горного кряжа,
Своей любви оплакивая долю.
Те вздохи ветер подхватил, кружа,
И, крыльями шумя, умчал в раздолье.

С тех пор свой голос где-то на краю
Я часто ночью узнаю нежданно.
Как я, стучится ветер в дверь твою,
Но, как ко мне, глуха ты к урагану.

Александрополь, 1906

* * *

Я увидел во сне: колыхаясь, виясь,
Проходил караван, сладко пели звонки.
По уступам горы, громоздясь и змеясь,
Проползал караван, сладко пели звонки.

Посреди каравана — бесценная джан,
Радость блещет в очах, подвенечный наряд...
Я — за нею, палимый тоской... Караван
Раздавил мое сердце, поверг меня в прах.

И, с раздавленным сердцем, в дорожной пыли,
Я лежал одинокий, отчаянья полн...
Караван уходил, и в далекой дали
Уходящие сладостно пели звонки.

1908

* * *

Безвестна, безымянна, позабыта,
Могила есть в безжизненной степи.
Чей пепел тлеет под плитой разбитой,
Кто, плача, здесь молился: «Мирно спи».

Немой стопой столетия проходят;
Вновь жаворонка песнь беспечна днем,
Вновь ветер волны травяные водит...
Кем был любим он? Кто мечтал о нем?

1909

* * *

Ветер бьется о мой порог,
За дверьми уныло поет.
Но теперь я не одинок —
Голос милый меня зовет,—
Это шум ваш, струи водяные,
Это, сын мой, лепет твой счастливый,
Изумрудные воды родные,
Сын мой ясный, бесценный, красивый!

1911

ШУШАНИК КУРГИНЯН
(1876—1927)

ПАНИХИДА

Ни надгробия, ни креста над ним,
Вдалеке от всех он один лежит
недвижим.
На груди его алых пятен ряд,
И глаза, что нам озаряли путь,
не горят.

И не слышит он, что его зовут,
И не знает он, что опять в цепях
нищий люд.

Вместо свеч над ним сонмы звезд горят,
А кадит ему полевых цветов
аромат.

И не нужен поп там, где день-деньской
У всевышнего ветры требуют:
«Упокой!»

Храма нет над ним, но свой крест донес
Ради нас, живых, до Голгофы он,
как Христос.

ВААН ТЕКЭЯН
(1877—1945)

ВСЕВЫШНЕМУ

О Всевышний, даров не хочу я твоих,
Все назад забери... Ты когда-то мне дал
Много разных семян, я выращивал их,
Но, увы, урожай удивительно мал.

У меня в кулаке он, о боже, зажат,
А раскроешь кулак — так и там пустота,
Ибо горстку пыльцы и ее аромат
Ветры мигом умчат, не оставив следа.

Семена твои, Господи, плохо взошли,
А корысти в тех, что я выходил, нет,—
Их ползучие стебли мой дом оплели,
Расцвели и увяли, и сплошь пустоцвет.

Верно, дело во мне, верно, я виноват,
Что сегодня на чашу весов не кладу
Ничего кроме горечи, слез и утрат,
Но уж так уродилось в минувшем году.

Я принес тебе, Боже, все, чем жив и богат.

КРАСАВИЦЫ

Останется прекрасной навсегда
Та, что была отрадою для глаз,
Но радовала взоры только раз
И сгинула потом бог весть куда.

Прекрасной будет до скончанья лет
И та, что рядом девочкой жила,
Пока не расцвела и не ушла,
В душе оставив неприметный след.

И та, господь ее благослови,
Что полюбить воистину могла,
Но, оробев, сама не подошла

К несмевшему просить ее любви...
Вовек прекрасны те, что мимо нас
Прошли и манят издали сейчас!

ИТОГ

На что я тратил жизнь?.. Каков итог?..
Со мною то, что я дарил когда-то,
Поддержка друга, ласковый упрек
И все, что отдавалось без возврата.

Толпой явились добрые дела,
Чтоб у меня дежурить постоянно.
Любовь вернула все, что встарь брала,
И жизнь перед концом — благоуханна,

Но горестям былым наперекор
И радостям нахлынувшим в упрек
Я пьян парами старого вина...

Проходит жизнь, но важен ли итог?..
Лозу и дуб сечет один топор,—
А счастье в том, чтоб солнце пить до дна.

СИАМАНТО
(1878—1915)

ГОРСТЬ ПЕПЛА — РОДНОЙ ДОМ

Увы! Ты, как дворец, велик был и богат,
И с плоской высоты твоих беленых крыш,
Звездоточивой лишь настанет ночи тишь,
Внимал я, как внизу, шумя, бежит Евфрат...

Я плакал, плакал я, узнав, что ныне ты —
Развалина, лежат обломки лишь одни...
То был день ужаса, и крови, и резни...
А около тебя цвели в саду цветы.

Теперь спаленная, там комната была
Вся голубая. В ней я ползал на ковре.
Там детство проводил в веселье и в игре,
И за спиной росли два радостных крыла.

Увы, то зеркало разбито, чей кристалл,
Сиявший золотом, в своих лучах таил
Мои мечты, любовь, и чаянья, и пыл,
Где воля красная, где разум мой блистал.

Ах, умер ли родник, поющий во дворе?
Ах, ива сломлена ль и мой зеленый тут?
И под деревьями ужели не текут
Источника струи, стекая по горе?

И клетку помню я, и куропатку в ней...
Напротив — розы куст... Когда горел восток,
На утренней заре журчащий голосок
Дремоту с глаз сгонял мне песенкой своей.

О, дом мой, верь! Едва засну я вечным сном,
Душа свободная к развалинам родным,
Как голубь, прилетит, чтоб волю дать своим
И песням и слезам. О, верь, родимый дом!

Но кто, когда умру, кто принесет с собой
Святого пепла горсть от пепелищ твоих
И бросит на парчу покровов гробовых
И с ним смешает прах певца земли родной?

Горсть пепла, отчий дом! О, с прахом горсть твоим,
Горсть пепла из немой развалины твоей,
Из прошлых дней твоих, от горя и скорбей
Горсть пепла, чтоб мое осыпать сердце им!..

МОИ СЛЕЗЫ

Я с грезой один меж родимых долин проводил свой младенческий
день.
Был легким мой шаг, как на горных лугах белокурый прекрасный
олень.
Я, радостный, бегал, была моя грудь от лазурного неба пьяна.
В глазах было золото, в сердце — надежда, душа была богом
полна.
Пришел и роскошный, дарующий блага румяного лета закат,
И мне и земле за корзиной корзину дарил плодородный наш сад.
И молча я срезал со стройного стана ветлы, из прекрасных ветвей,
Одну — для свирели, для тайной свирели, для будущей песни
моей.
Я пел, и ручей, адаманта светлей, и знакомые птиц голоса,
И ропот источников с чистой волной, и шумящие вечно леса,
И утренний ветер, зефир легковейный, нежнее, чем ласка сестры,—
Мне все отвечало на лепет певучий, на звуки свирельной игры.
Сегодня во сне я коснулся рукой сладкозвучной свирели моей.
К губам трепетавшим прильнула она поцелуем утраченных
дней,—
Но память проснулась, прервалось дыханье, и, скрытая тьмою
ночной,
Не песня лилась, а катилась слеза, а катилась слеза за слезой.

УМЕРЕТЬ МНЕ ХОЧЕТСЯ С ПЕСНЕЙ

Терзаясь надеждою и тревогой, я в тот вечер был одинок,
Легли на весы судьба моей родины, мужество и страдание...
Внезапно снаружи, из ужаса тьмы, резко толкнули дверь,
Вошел он — красивый, родной, как брат, и все-таки чем-то
страшный.
Был он молод, во мраке его зрачков небесные звезды цвели,
Торс мускулистый его казался высеченным из гранита,
Изнемогала душа от жажды справедливости и добра,
Дышало лицо добротой и болью, ароматными, как цветение.

Усевшись у лампы, мы говорили о муках родной земли,
И разум его полыхал, как сердце закованного титана,
В глазах друг у друга нашли мы сразу отсвет одной судьбы,
И горечь улыбок из сердца в сердце свободно переливалась.
Подолгу молчали и он и я, лишь память рыдала в нас,
Да свет моей лампы казался алым, да в комнате пахло кровью.
Я потускнел, как предутренний сон, предчувствующий рассвет,
Но тут он, прекрасный и гордый, встал и, сжав мою руку, молвил:
«Этот вечер — вечер прощанья, друг! Мой конь уже под седлом,
Он жаждет кровавых погонь и сечь, он ржет за дверью твоею,
А сам я отныне — лишь длинный меч, горем вырванный из ножен,
Склонись, дай коснуться губами лба, этот вечер — вечер
прощанья.
О муках и гневе народа греми, без устали бей в набат,
Чтоб приняли в душу песнь о былом те, что придут в грядущем...
А я только воин и сирота, мне б только своих мертвецов найти...
Лучшую песню в дорогу дай, умереть мне хочется с песней.

О НАДЕЖДЕ

Из долины каких размышлений придешь, когда воссияешь,
надежда?
Ответь, чтоб успел я руки свои, дрожащие от нетерпенья и муки,
Протянуть к шафрану твоей зари и глаза свои, алчущие свободы,
Распахнуть навстречу ее лучам, ибо я жажду тебя и жизни.
Из каких океанов шальную волну ты плеснешь в наши утлые
души?
Сколько морщин твоя ласка сотрет со впалых, выцветших щек?
Сколько улыбок на лица людские опустятся словно ангелы?
Сколько слез, сколько крови не будет пролито? Сколько вздохов
не прозвучит?
Из пепла, покрывшего нашу землю, поднимется райский сад,
И будут не плакать, а петь родники, близ которых бродят стада,
И небо забудет о том, что шли дожди из гаснущих звезд,
И овцы привыкнут рожать ягнят на заливных лугах.
И дева, прекрасней которой нет, рассыплет у ног твоих
Ладан дымящийся и лепестки благоуханных цветов.
Мы старые храмы свои разберем, чтоб храм для тебя возвести,
Научится вновь улыбаться народ, а траур оденет палач,
И наша земля, что стоит на костях, станет пухом для легших в нее.
И я, даже я свой мечтательный лоб украшу нарядным венком,
А ветру позволю мои рукава взметнуть, как орлиные крылья.

В душу живую вдохну я свирель, я лире бессмертие дам,
А сам буду пить из бесценного кубка — вечный напиток богов...
Народ мой, языческой факельной пляской твой светлый приход
почтим,
Симфония наших лесов и скал прогремит во славу твою!
А там, о колено сломав мечи, мы в былое обломки швырнем,
И лопнут от рева победного гимна медные трубы войны.

ДАНИЭЛ ВАРУЖАН

(1884—1915)

КУРЯЩАЯСЯ ЛАМПАДА

Нам праздник — эта ночь! Пришел победный час!
Невестка, ты в лампаду масла влей!
Вернется с боя сын, обнимет, милый, нас!
Сними нагар, невестка, с фитилей!

Там, у колодца, мне уж слышен стук колес.
Невестка, нам пора зажечь огни!
То едет сын — в венце! Победы весть принес!
Лампаду в дверь, невестка, протяни!

Но... кузов трауром и кровью нагружен.
Скорей огонь, невестка, поднеси!
О воин, о мой сын, ты в сердце поражен!
Лампаду, ах, невестка, погаси!

К МУЗЕ

Как вышло, что к чапигам пахарь льнет,
Вонзая в грудь земли железный лемех свой,
А борозды сосут лучей полдневных мед,
Чтоб мог плодоносить любой росток живой.

Как вышло, что в полях созревшее зерно
Течет под жернова рекою золотой,
И бродит в тесте жизнь, и морщится оно,
Когда его лизнет огонь в печи простой.

Как вышло, что лаваш препоручает мне,
Ту жажду прорасти, что пряталась в зерне,
О муза, расскажи, поведай, не тая!

Венка из колосков достоин я вполне.
В тени грустящих ив, на золотом гумне
Лежу я и слежу, как зреет песнь моя.

ВОЛЫ

Весеннюю вдыхают ворожбу
Волы на поле, тронутом рассветом,—
У каждого по звездочке на лбу,
Украшен каждый синим амулетом.

Всю зиму ясли не были пусты,
Любой из них тучней, чем идол древний.
Расчесаны косматые хвосты,
Как косы лучших девушек деревни.

Люблю глаза волов, и ноздри их,
И их мечту о наступленье лета,
И спины в складках мягких и тугих,

И рев, что угасает без ответа,
Когда они идут с террас крутых,
Рога вонзая в золото рассвета.

ЗОВ ПАШЕН

Сама земля нас древле породила,
Куда ни глянь, увидишь землю ту.
Идет весна — и снегу не под силу
Прикрыть бунтующую наготу.

О пахарь, воротясь в объятья наши,
Почуешь аромат апреля ты.
Над вешнею водой простерли чаши
Из наших душ проросшие цветы.

Не медли же, по-женски вожделея,
Мы ждем семян и добрых женских рук...
Что день — то солнце выше и теплее,

Тот пот, что ты отдашь нам не жалея,
Нальет колосья; станет мир светлее,
Когда пройдет по сердцу первый плуг.

ХАЧБУР

Прими, Богоматерь! — Я первый подарок полей
Несу на алтарь твой, где вот уже тысячу лет
Воск ярый, прозрачный, на пасеке взятый моей,
Льет слезы и свет.

Бессмертье земле ты из райских садов принесла,
И в горе и в радости наша заступница ты,—
Из грез о заре ты улыбку зари извлекла,
Из почек — цветы.

Прими, Богоматерь!— Заветный хачбур я принес,
Тебя он достоин,— удачен был нынешний сев,
Стояли колосья, как девушки в золоте кос,
На солнце созрев.

Росы не сронив, под серпом они пали моим,
Легли, словно лунные блики изжелта-белы,
Но птицы полей не притронулись клювами к ним,
Все зерна целы.

Как косы плетут, из колосьев я сплел тебе крест,
Тот крест, на котором был сын твой бессмертный распят,
Не зря ж его кровью пречистою пашни окрест
На пасху кропят.

В хачбур свой заплел я желанья, надежды и страх,
Там соки земли закипают в полдневных лучах,
Там лемеха тяжесть, руки напряженной размах,
Молитвы внучат...

Подарок прими и пролей милосердья ручей,—
Дай золото полю, взрасти изумруд на лугу.
Чем жатва обильней, тем больше во храме свечей
Поставить смогу.

Сойди же на землю, как было в минувшие дни,
Но под ноги пусть от начала пути до конца
Ложится не тёрен колючий, а маков огни
И наши сердца.

МАКИ

Маки здесь, как сердца, что готовы любить,
Ярко-алы, застенчивы и горячи.
Рви их,— сладко из трепетных чашечек пить
Золотистые солнца лучи.

Кто пробует маки в хлебах усмирить,
За пожаром пожар поднимается в рост.
Наше дело — из огненных чашечек пить
Побледневшие капельки звезд.

Перепелок колосьям нетрудно укрыть,
Им нетрудно и нас уберечь от беды.
Так давай из рубиновых чашечек пить
Забродившую кровь борозды.

Тянет песенку птица, как яркую нить,
Маки слушают молча, стройны и красны.
Нам пора из светящихся чашечек пить
Обещанья наставшей весны.

Маки всюду, их пламени с поля не сбить,
Языки, что поярче, в передник стряхни,
Хорошо из застенчивых чашечек пить
Голубого июля огни.

Этих маков, как девичьих уст, не забыть,
Верно, будет колосьям без них нелегко,
Нам не грех — из мерцающих чашечек пить
Слезы робких еще колосков.

Всю тебя разреши мне цветами обвить,
Завтра праздник, что ждали в деревне давно.
В танце можно из вянущих чашечек пить
Вожделенья хмельное вино.

ПОСЛЕ ПИРА

Ушли шатаясь гости, зал затих,
Лишь факелы, горящие вдоль стен,
Льют на столы и скамьи возле них
Густую кровь из воспаленных вен.

Замолкли струны, но еще грустит
Мелодия, что в души не вошла...
На губы и глаза забывших стыд
Летучей мышью сон простер крыла.

Остатки яств уже не тешат взгляд,
Пусты кувшины, хоть послушай звон,
Лежит меж блюд раздавленный гранат,
Как факел истекает кровью он.

Осколки чаши падают звеня,
Ее разбила женщина, когда,
Неистово кляня кончину дня,
В вино макала алые уста.

Душистый ирис вянет в хрустале,
Поэт над ним недавно пел псалом;
Забытый веер рядом на столе,
Как бабочка с оторванным крылом.

Избыток ароматов, охмелев,
Сквозь окна в ночь выплескивает зал,
Неистовство желаний, смех и гнев
Безмолвно гаснут в сумраке зеркал.

Не спят лишь раб с рабыней, и смешно
И горько им на празднестве таком,
Из кубков допивает он вино
И обнимает женщину тайком.

РУБЕН СЕВАК
(1885—1915)

КОЛОКОЛА

Проснитесь, добрые колокола!
Кто вырвал языки вам из гортаней?
Кровь просит слова, а не бормотанья.
Довольно вам молчать, колокола!

С какой поры ваш медный звон покрыт
Молитвами, как кожурою пыльной,
И дышит гарью ладан ваш могильный,
Не в силах горя высказать навзрыд?

Или устала вековая медь?
Но если зло творит свою расправу
С добром, то, значит, онеметь пора вам,—
Не веря в бога, смирно онеметь!

Вы увидали с вышки в эту ночь,
Как сотни тысяч христиан во храме
Повержены дубьем и топорами
Иль в ужасе шарахаются прочь.

Вы увидали весь простор земной,
Который пламенем костров увенчан,
Сожженье стариков, детей и женщин
И божий трон, засыпанный золой.

Смотрите же! Вот трупная гряда
Уперлась в тучи, страшно вырастая.
Заражена гангреной вся святая
Рать ангелов, ленивая орда.

Где обещанья, что давал наш крест?
Где братство? Где порука круговая?
Земля блюет, в пожарах изнывая,
Разбухли реки трупами окрест.

Все, кто страшится, на землю ложись!
Меч, а не крест владеет правдой ныне.
Кто храбр, тот и ликует. Прочь унынье!
И он у ближнего отнимет жизнь.

Да, ибо дни иные далеки,
Когда ягненок с волком подружится.
Ягненку надо в сталь вооружиться
И наточить с младенчества клыки.

Я раскачал бы вас! Я бы хотел
В металл ваш впиться пальцами своими
Во имя всех, что пали, и во имя
Непогребенных сотен, тысяч тел.

Иль в вас оглох души моей свинец?
Гуди, и вой, и с бешеной отрадой
Сорвись с железных гнезд, и падай, падай!
От века вы оплакивали падаль.
Раззванивайте! Бога нет. Конец.

П Р И Д И!

Приди, о, приди по заветной дороге мечты!
При факелах сердца давай пировать до утра,—
Последний прохожий, по мосту страдания ты
Пройдешь, моя песня, любимая, мать и сестра.
Приди, о, приди по заветной дороге мечты!

Приди, я владыкою буду тебе и рабом!
Я — чаша греха, но вином поцелуя святым
Очищусь, поверь! Ощутишь ты в дыханье моем
Лишь трепет молитвы да росного ладана дым.
Приди, я владыкою буду тебе и рабом!

Я стану жрецом-песнетворцем молельни твоей,
Ведь ты — моих песен бесплотных горячая плоть,
Явленная чудом богиня лесов и полей,
Бальзам от болезни, что дал мне когда-то господь.
Я стану жрецом-песнетворцем молельни твоей.

Ты сердце мое завернула в себя, как в платок,
На тропах души твоей пел я и ночи и дни,
Я песни растратил, я ноги босые обжег;
Семь ран у свирели — равно кровоточат они...
Ты сердце мое завернула в себя, как в платок.

Разверзни обугленный, кровью сочащийся рот,
Объятья раскрой, как пожизненной каторги рай,
Яви в твою душу ведущий извилистый ход
И память развей, мимоходом сказав: «Умирай!»
Разверзни обугленный, кровью сочащийся рот.

Приди, о, приди! — Наша древняя жажда свята,
Лишь тем, кто ее не изведал, кончина страшна,
Бессмертна любовь, как надежда, как песнь, как мечта,
В холодной могиле и то согревает она.
Приди, о, приди! — Наша древняя жажда свята.

СКАЖИ ЗАЧЕМ?

Скажи зачем за мною ты пошла?
Неужто в детской жалости начало?
Тебе бы мотылька ласкать пристало,
А ты ласкаешь старого орла.

С рожденья синь в глазах твоих цвела
И сладостная песня трепетала.
Тебе бы слушать шепоты пристало,
А тут в набат гремят колокола.

Мои следы — могилы, в мире зла
Я за собой оставил их немало.
Тебе бы с ветерком играть пристало,
А ты схватила бурю за крыла.

Кончина к самой двери подошла,—
Глаза горят и губы обметало...
Тебе полушутя любить пристало,
А ты любовь, как бога, обрела!

ВААН ТЕРЬЯН
(1885—1920)

ГРУСТЬ

Скользящей стопой, словно нежным крылом шелестя темноты,
Прошла чья-то тень, облелеяв во мгле трав белеющий цвет;
Вечерней порой,— легковеющий вздох, что ласкает кусты,—
Виденье прошло, женский призрак мелькнул, белым флером одет.

В пустынный простор бесконечных полей прошептала она.
Не слово ль любви прошептала она задремавшим полям?
Остался в цветах этот шепот навек, словно отзвуки сна,
И, шепот ловя, этот шепот святой, я склоняюсь к цветам!

1908

* * *

Оторван я от родимой земли,
Мне отчий дом стал теперь чужим,
С негасимою жаждой ищу я вдали
То, что тайным стало путем моим.

Вижу: бурные волны несутся сейчас,
В пене, в грохоте свой ускоряя разбег.
Кто же так растревожил, лазурные, вас?..
О, родимый мой дом, позабытый навек!

На юг ли, на север — мне все равно,
Тревога растет в моем сердце больном.
Нет жажде моей утоленья давно,
Навек стал чужим мне родимый мой дом.

1908

СУМЕРКИ

Там сеют золото сквозные облака,
И волны ласково рассказывают сказки,
И сердце жаждет слов, что пламенны, пока
Усталая душа о тихой молит ласке.

Звенит покой полей, и льет небесный свод
Неистощимый свет печали и молчанья.
В алмазном зеркале немотствующих вод
Сияют облаков живые очертанья.

И в сердце у меня, где только мгла одна,
Тоска так сладостна в своей тревоге знойной,—
Желаний там лампада зажжена...
Как небеса горят на глади вод спокойной!

О сладостная боль в сознании моем,
В бездонном мире ты одна подобна чуду,
Любовь твоя горит и светится во всем,
Безумная тоска безмолвствует повсюду.

* * *

Если будешь в далеком, далеком краю
И тоской заволнуется сердце твое,
В ней узнай одинокую грезу мою,
О тебе замечтавшее сердце мое.

Если сердце твое затревожится вдруг
И неведомой песни услышишь ты звук,—
Это я о тебе неустанно пою,
И зову, и тоскую в далеком краю.

Ты — весна, снизойди же в холодную тьму,
Золотою улыбкой меня подари.
Мне в печали моей, в одиноком дому
Светит имя твое розовее зари.

НА КАТОРГЕ

Безмолвная ночь. Не светит луна,
Лишь мертвенный снег сверкает кругом...
Ручьями шумя, возникни, весна!
Победно греми, раскованный гром!

Бездушная ночь. Бессветная высь.
А кто-то глядит с тревогой во тьму,
А кто-то зовет: «Рассвет, разгорись!..»
И цепи звенят, и тяжко ему.

Бескрайная ночь. Угрюмая хмурь.
Забылся простор, во тьме онемев.
Взметнитесь, мечи карающих бурь!
Грозой разразись, накопившийся гнев!

* * *

Привет тебе, бурный страданья восторг,
Владей мною — благословляю тебя!
Ты с детства мой дух от покоя отторг,
Покорно теперь принимаю тебя.

Казни мое тело, омойся в крови,
Веди на распятие душу мою!
Вновь сердце раскрылось во мне для любви,
И муки я полною чашею пью.

О высшая слава, последний восторг,
Огнем твоим грозным я снова объят!
Струись, моих песен кровавый поток,
Туда, где страданья людские молчат.

* * *

Ужель поэт последний я,
Певец последний в нашем мире?
Сон или смерть — та скорбь твоя,
О светлая страна Наири?

Во мгле, бездомный, я поник,
Томясь мечтой об осиянной,
И лишь твой царственный язык
Звучит молитвой неустанной.

Звучит, и светел и глубок.
Жжет и наносит сердцу раны.
Что ярче: розы ли цветок
Иль кровь из сердца, ток багряный?

И стонет в страхе мысль моя:
«О, воссияй, мечта Наири!
Ужель поэт последний я,
Певец последний в нашем мире?»

НАИРЯНКА

Мне наирянка улыбнулась тонкостанная,
Печальных глаз был прям и огнен верный взор,
И чист был пламень, как заря, из ночи данная,
Горел и жил открытый облик девы гор.

И там, где северно и сумрачно от холода,
Наирский день блеснул в душе, как солнце, ал,
И в сердце роза, сердце огненно и молодо,
Оно горит и мне велит, чтоб не молчал.

Не петь нельзя мне непорочную и чистую.
Огонь поет, огонь-краса, я весь в огне,
Так солнце тучу разрезает дымно-мглистую,
Наирский край, высокий край весь виден мне.

* * *

Ты не горда, страна моя.
Ты с мудростью печаль сплетаешь.
Заветы давние тая,
Ты огненной тоской пылаешь.

И разве не за скорбь твою
Тебе любовь моя и радость?
Как ты, и я покорно пью
И горечь всю твою и сладость.

Люблю не славу светлых дней,
Не наши древние сказанья.
Люблю я мир души твоей
И песен тихие рыданья.

Люблю я бедный твой наряд.
Тоской молитвенною болен,
Огни неяркие из хат
И звоны с грустных колоколен.

* * *

А там пастухи на свободных горах
Огонь развели и друг друга зовут.
Я узник, я пленник, покинутый тут...
А там пастухи на свободных горах...

Скитальцу, мне мирный неведом приют,
Во власти я чьей-то, я в чьих-то руках...
А там пастухи на свободных горах
Огонь развели и друг друга зовут...

* * *

Вот снова дорога моя влечет меня в новые дали,
Унылою песней, как встарь, баюкает поезд ночной.
Я снова бездомен, один, томлюсь в непонятной печали,
Опасности, бедствия вновь предчувствую чуткой душой.

Просторам земным нет конца, не кончено время скитаний!
Но я приближаюсь к тебе,— хоть в снах для меня просияй!
Чем ближе ко мне твой рубеж, тем ты для скитальца
желанней,
Тем голос призывнее твой, родной обездоленный край!

Всем сердцем стремлюсь я к тебе, о родины сердце святое,
Печальной душою твержу я слово отчизны своей.
О край мой! Селенья твои я вижу, с их древнею тьмою,
И твой непреклонный народ, упорный под гнетом скорбей!

Я сердце свое истерзал — твое да ликует светлея!
Был горек мой день до конца, твой сладостен будет вдвойне!
Мне сердце измучила ты, во мраке и стуже коснея,—
Отныне пусть песни любви ликуют в счастливой стране!

КОСТАН ЗАРЯН
(1885—1969)

* * *

Горек хлеб на столе наших дней,
Их судьбы
В венках из шипящих змей
Неистово пляшут
На том невозделанном поле,
Которое жизнью своей
Называют люди...

Словно ручей, сорвавшийся с кручи,
Падало сердце мое,
Тяжело ударяясь о скалы бед,
Но песен покорных не обрело,
Есть поднесь у него только стоны.
По опаленным ущельям тоски
Влачится оно,
Стеная.
Горько ему одному
В тишине дрожащей, осенней,—
Ни спасенья, ни хлеба
Осень уже не сулит.
Она превратилась в отроковицу,
С собой бы договориться и что все другие ей!

Горек хлеб на столе наших дней.

МИСАК МЕЦАРЕНЦ
(1886—1908)

* * *

Ночь сладостна, ночь знойно сладостна,
Напоена гашишем и бальзамом;
Я, в опьянении, иду, как светлым храмом,—
Ночь сладостна, ночь знойно сладостна.

Лобзания дарит мне ветр и море,
Лобзания дарит лучей сплетенье,
Сегодня — праздник, в сердце — воскресенье,
Лобзания дарит мне ветр и море...

Но свет души, за мигом миги, меркнет,
Уста иного жаждут поцелуя...
Ночь — в торжестве; луна горит, ликуя...
Но свет души, за мигом миги, меркнет...

НА РАССВЕТЕ

В горах в монастыре песнь колокола плачет;
Газели на заре на водопой спешат;
Как дева, впившая мускатный аромат,
Пьян ветер над рекой и кружится и скачет;

На тропке караван по склону гор маячит,
И стоны бубенцов, как ночи песнь, звучат;
Я слышу шорохи за кольями оград
И страстно солнца жду, что лик свой долго прячет.

Весь сумрачный ландшафт — ущелье и скала —
Похож на старого, гигантского орла,
Что сталь когтей вонзил в глубины без названья.

Пьянящий запах мне бесстрастно шлет заря;
Мечтаю меж дерев, томлюсь, мечтой горя,
Что пери явится — венчать мои желанья!

ВЕЧЕРНЕЕ ЖЕЛАНИЕ

В закате таять, ждать, надеяться до дрожи,
Вверять себя тропе, струящейся в тиши,
И сбрасывать, как змей изношенную кожу,
Пресыщенность и лень с изломанной души,

Луною пеленать ее, совсем больную,
Быть братом синей мглы и розовой реки,
И слушать, как поет, найдя тропу сквозную,
Бродяжка — ветерок, не знающий тоски.

Скитаться по полям, входить в калитку сада,
Всю душу открывать колосьям и плодам,
И с духами лесов, доверясь их крылам,

В чащобы тишины летать; ведь надо все же
Сродниться с каждым деревом, ведь надо
Любить цветы, траву и все, что с ними схоже.

В закате таять, ждать, надеяться до дрожи...

ПЕСНЬ ЛЮБВИ

Дурманит ночь, туманит разум ночь,
И, если не в дурмане, то в бреду,
По зыбкой лунной тропке я бреду...
Дурманит ночь, туманит разум ночь.

Навстречу ласке моря я бреду,
Там лунный свет и тени-миражи,—
Сегодня воскресение души...
Навстречу ласке моря я бреду.

Но исподволь ветшает свет души,
Коснуться бы устами той, одной...
Сияет ночь звездами и луной...
Но исподволь ветшает свет души.

НОЧНОЙ ПОЛИВ

Эх, как трется спиною о влажную тьму река,
На кремнистых уступах нутро свое разодрав,
Ах, как рвется ручей в буйство листьев, цветов и трав,
Вожделея и помня, что летом ночь коротка.

Тени скал под луною полночный плетут узор,
В их объятьях качаются улицы и дома,
А под кровом листвы Богоматерь стоит сама.
А деревья столетние молятся на собор.

Возле самого берега грезят во тьме сады,
Той водою, что мимо стремится бог весть куда,
Чтобы жизнь продолжалась, живому нужна вода,
Без нее пропадут новорожденные плоды.

В час ночного полива с лопатою на плече
Босоногий садовник стоит у костра и ждет,
А туман над садами пахуч, словно дикий мед,
И сверчки под луною стрекочут в густом плюще.

Поднимаются к небу и стрекот и аромат,
Прочертив полосу, словно новой кометы хвост,
На песке вместе с волнами тают слезинки звезд,
И костры златогривые вдоль берегов горят.

Ах, как лихо бежит по арыку к садам ручей,
С чьей-то песней сплетая напев торопливый свой,
Ветерок, налетев, рукоплещет ему листвой,
Месяц светит ему, разметав серебро лучей.

Люди рушат запруды, течет и течет вода,—
Пьют розарий, тутовник и поле и огород.
Два удара мотыги — и новый поток поет,
Извиваясь змеей, поспешая бог весть куда.

И уже меж стволов не земля, а речной затон.
— Хватит! — кто-то кричит,— как бы лишку не натекло! —
Жирно чавкает ил, да по гальке скребет кайло...
«Хватит!», «Хватит!», «Довольно!» — несется со всех сторон.

В винограднике девушка, что-то поет она,
А садовнику мнится — над люлькой тоскует мать...
Плоть земная готова в страданьях добро рожать,
Вожделенья и страсти свои утолив сполна.

ХИЖИНА

Где-нибудь у горы крутой,
Близ тропы годами пустой
Мне бы хижиной стать простой.
И при солнце и при луне
Поджидать бы путника мне;

Зазывать бы мне на постой
Тех, что едут не большаком,
А тропой от звезд золотой,
И для них, дымя очагом,
Пищу греть на своем огне...

Зазывать бы мне на постой
Тех, кто мимо бредет с мешком,
И, пришедшим ко мне пешком,
Воздавать за привет простой.
Воздавать за привет простой
Жаркой печью, вином, едой,
Поднося от своих щедрот
Свежий хлеб и душистый мед.

Сладко было бы слушать мне
При трескучем живом огне
Песню ставшего на постой,
А потом при немой луне
Снами вскармливать в тишине
Душу ставшего на постой.

Сладко было бы мне, едой
Наполняя мешок пустой,
Вспомнить утром о песне той,
Постучавшейся в дверь ко мне,
Повздыхать, погрустить чуть-чуть,—
Как-то дальше отыщет путь
Постучавшийся в дверь ко мне.

Мне б зимой в снегопад густой
С неистраченной добротой
Гостя ждать у тропы крутой.
И того, кто тропою той
С гор спускается при луне,—
Провожать к столу прямиком,
Я все это видел во сне.
Быть столом и быть очагом
Подошло бы, наверно, мне.

Нет, не сладить уму с мечтой,
Быть бы мне близ горы крутой,
У дороги всегда пустой
Горной хижиною простой,
Ждущей путника на постой.

ЗАКИР
(1784—1857)

ГОШМЫ

* * *

Задержите на час полет в высоте,
Поглядите на скорбь мою, журавли.
Вы куда и откуда стремите полет,
В облаках величаво трубя, журавли?

Здесь, под вами, чернеет разрушенный кров!
Пролетайте над ним, как тень облаков!
Вы летите над гнездами ястребов,
Сберегите в пути себя, журавли!

Я, живя на чужбине, надежду таю;
День и ночь я о родине слезы лью.
Я, как вы, чужестранец в чужом краю,
Вдаль я вас провожаю, скорбя, журавли!

Я люблю ее пастбища, водную гладь,
Хоть бы раз мне лицо ее увидать!
Может, вы мне хотите о ней рассказать
Шумом крыл и наклоном шей, журавли?

Я — Закир! Мне огонь пожирает грудь,
Передайте мне весть иль хоть что-нибудь!
И сердца, вас ведущие в дальний путь,
Пусть не будут грудой камней, журавли!

* * *

Все ль ты ей передал, о зефир, когда
Ты в садах пролетал?— Что она отвечала?
И когда о глубокой печали моей
Ты в деревьях шептал — что она отвечала?

Припадая к ногам бессердечной моей,
Как я предан скорбям, сообщил ли ты ей?
И когда ты сказал ей, что снега бледней
Лик мой розовый стал,— что она отвечала?

Разве ты не заметил у ней на лице
Состраданья ко мне? И когда ты в конце
Своей речи сказал, что в железном кольце
Злой недуг меня сжал,— что она отвечала?

Скорбь связала меня по рукам и ногам;
Темнота подступает к угасшим глазам;
Дал ли волю, зефир, ты словам и слезам?
И когда замолчал — что она отвечала?

Все ли ты о Закире, зефир, сообщил
Ей — луне величавой в собранье светил?
Неужель ты в ней жалости не пробудил?
Все ли ты ей сказал? — Что она отвечала?

* * *

О боже, что ж ты столь жесток,
Что стал влюбленных разлучать?
Ужель ты не боишься, бог,
Что будут плачем докучать?

Я в путах сам тебя молю,
Что муки адовы терплю...
Из черных локонов петлю
Я не пытаюсь с шеи снять!

В разлуке — каждый, кто влюблен,
Землею будет полонен.
Но знак подай, что это он
Из гроба, чтоб его узнать!

Я умер к милой на пути.
Ее рыдать — не допусти!
Мой труп с пути ее снести
Молю познавших благодать!

Ни славы, ни величья нет!
Не сыщешь прошлого примет!
Бутонам уст принес обет
Закир в разлуке умирать!

* * *

О, сердце украв, будь мне солнца светлей!
Открой мне ланиты, чтоб стали видны!
Чтоб радугой брови на белом челе,
Грабители сердца, сияли, видны!

Не прячь совершенства, моя красота!
Яшмак свой отбрось, открывая уста,
Чтоб речь потекла и сладка и чиста,
Чтоб всем были светлые дали видны!

Знай, крови моей твои жаждут глаза!
Больны они тем, чем больна бирюза!
Твой лук мне стрелой мой конец предсказал,
И раны, что в сердце зияли,— видны!

Отбрось же с груди твоей — черный платок!
Он облаком черным ее обволок.
Чтоб мрамор твой белый укрыть он не мог,
Отбрось, чтобы груди сверкали, видны!

Любовь навсегда над влюбленной властна!
Всегда быть с любимым мечтает она.
На миг бы к Закиру присесть ты должна,
Чтоб все твои прелести стали видны!

* * *

Как нарцисс, твой взгляд срываю и, сорвав, хмелею нынче.
Стать бы мне твоей ресницей, да мечтать не смею нынче!

Нынче нет толпы в мечети. С богомольцами другими
Перед дугами бровями я благоговею нынче.

Кудри черные змеятся по божественным ланитам —
Я гляжу и поражаюсь: как смиренны змеи нынче!

Как бровей твоих изломы кривду мне напоминают!
Но зрачки под ними — правда, от нее немею нынче!

Красоту твою увидев, головой поникла роза,
Загрустил самшит, пригнулся,— он не всех прямее нынче!

Сердце ранено навеки, навсегда любовь со мною,
В Судный день с ней не расстанусь, не расстанусь с нею нынче!

Я берег, лелеял душу — чтоб к ногам любимой бросить!
Ты не верь тому, кто скажет: «Стал Закир беднее нынче».

* * *

Кто жаждет хмеля губ твоих — тот на вино посмотрит ли?
Бедняк на мир, где без тебя ему темно,— посмотрит ли?

Не видит кипариса тот, кто в мыслях стан твой обоймет.
Нарцисс, жасмин ли пред ним — да все равно — посмотрит ли?

Веди влюбленного в цветник — да как бы ни был он велик,—
Пусть будет в этом цветнике от роз красно — посмотрит ли?

Кто видел лик пресветлый твой — тому до солнца ли с луной?
Парад светил пред ним устрой — он на одно посмотрит ли?

Я загляделся на лицо, на лоб, на локона кольцо,
Бывает любящий смелей? На пальцы ног — посмотрит ли?

Решусь обнять ее порог, скажу: «Любовь моя, мой бог!»
А вдруг в ответ услышать смех мне суждено, посмотрит ли?

Доставь посланье, верный друг, в нем боль любви и горечь мук!
Расскажешь, будет ли оно не прочтено, посмотрит ли?

Нино Эристави, дочь ксанского эристава Торнике. 1829 г.

Коль скажет: «Завтра...» — лишних слов не трать, скажи: «Он ждать готов!»
Но на его готовность смерть, что ждет давно, посмотрит ли?

Не жди любви, смирись, Закир! Краса вселенной твой кумир,
На тех, кто беден, бос и сир, с небес на дно — посмотрит ли?

* * *

О, свет очей моих, правдивый — не назовет тебя луной!
Ее красу несправедливо сравнить с единственной, с одной!
О, разве так луна сияет?
Есть разве родинка у ней?
Кто бледные лучи сравняет с волной агатовых кудрей?
Луна и при рожденье даже горбатой букве «нун» равна,
И половиною лаваша лежит ущербная луна!

Бывает — с кипарисом стройным тебя равняет некий клан...
Свидетель бог, что недостойно так клеветать на гибкий стан!
Тебе подобно — разве смуту времен скрывает кипарис?
Взлететь стремится ли оттуда, где был посажен,
так же ввысь?
Он лишь садовнику опора, пристройка, может быть, к дворцу.
Красив он, может быть, без спора,
но вас равнять нам не к лицу!

Презрен, кто с гиацинтом нежным твой локон сравнивать посмел!
Безумцу гибель неизбежна и кандалы его удел!
Не гиацинты ж обрамляют твой лик
и наш пленяют взгляд!
Они ли разве источают тончайшей амбры аромат?
От них ли веет ветром рая? Они лишь пища для ослов!
Начало их — трава гнилая и отцвѐтать — удел цветов!

Соперники мои назвали нарциссами твои глаза...
Но покарает их едва ли за ложь внезапная гроза!
Такие ль у нарциссов очи?
И разве есть у них мечи?
Ресницы-стрелы, что средь ночи сам бог как будто отточил?
Нарцисс весною — правда, светел! Да разве в этом торжество?
Лишь неразумные, как дети, срывают радостно его!

Твои уста вчера — о, небо! — один чудак сравнил с цветком...
Жаль только я при этом не был — он это произнес тайком!
Какой бутон устам подобен?
Иль расточает перлы он?
Иль жемчуга он скрыть способен, иль из рубинов тот бутон?
Нет, он в шипах, живет — впустую, и жизнь бутона коротка!
Лишь ветер посильней подует — не соберешь и лепестка!

Твои уста сравнит который с пурпурно-розовым вином
Да будет сам покрыт позором! Гори он адовым огнем!
Вино ль, как речь твоя, играет?
Твоим рубинам ли под стать?
Живой водою обладает иль раны может исцелять?
В лозе сокрыто виноградной вино — бродящий сок в тиши!
И нам потом всегда приятно сливать его себе в кувшин...

Сравнившего с лебяжьим пухом твой нежный, белый твой живот
Того любой, собравшись с духом, ослом безмозглым назовет!
Что лебедь?— Птица!
Званья даже у птицы нет и славы нет!
Иль у нее есть пуп, как чаша? Ларец, скрывающий секрет?
Болтун бесстыдный! Кто поверит, глупец, сравненью твоему!
Живот — с пучком лебяжьих перьев! Кто мыслит так — позор тому!

Ударь меня, коль назову я лимонами грудей холмы!
То чаши две для поцелуев, две чаши света видим мы!
Лимон ли утоляет жажду?
Ристалищем — владеет он?
Он кисл и желт — то знает каждый! Он так же вкусен ли, лимон?
На вид — невзрачен, губы сводит, как будто в рот берешь квасцы...
Ценой он тоже не подходит! За сотни — не возьмешь овцы!

Кто, став у твоего порога, небесный помянет чертог,
Того лишь в ад ведет дорога! Злословит он — свидетель бог!
Иль есть на небесах сапфиры?
Иль бадахшанский есть рубин?
Быть может, звезды — перлы мира? Мир пред тобой — мираж один!
Все звезды только отражают в зерцале неба твой порог!
Кто их тебе уподобляет — незряч, безумен и убог!

Не позволяй, чтоб мой соперник судил о красоте твоей!
Я твой певец влюбленный, верный, а не безумный соловей!
Не дай сопернику смеяться!
И соловью ли вмоготу
С твоим Закиром состязаться? Твою поймет он красоту?
Ему дано ли вдохновенье? Поэт ли он? И кто не глух,
Тот скажет: соловьиным пеньем ему, как жестью, режет слух!

ПОСЛАНИЕ К МИРЗА-ФАТАЛИ АХУНДОВУ

(Отрывок)

Стыд шушинцы теряют: гуляют и пьют.
По дороге бесчестья шушинцы идут.
С мысли горькой меня мудрецы не собьют:
Ночь погибельная над землей,— гляди!

Вечереет. Бокалы с вином тяжелы,
И краснеет вино на губах у муллы.
Ты со смехом во время утренней мглы
На священный покров над муллой гляди!

Вот ваиз, поучающий нас давно:
«Не касайся того, что запрещено!»
Дома ест он свинину и хлещет вино.
На запреты без страха со мной гляди!

Зазывает к себе торгаш мужика.
Прицепится. Речь, словно мед, сладка,
А на четверть сукна не дорежет вершка.
Как дурачат людей пред тобой,— гляди!

Вот башмачник! Обшил воротник галуном
И звенит серебром за игорным столом;
Он с богатым уселся играть корчмарем.
Спесь и грязь у них за душой,— гляди!

Правнук богов, простерт он на голых камнях,
Он в таможне таскает тюки на плечах.
В бубен бьет — потешает народ в кабаках.
Был он беком, а стал он слугой,— гляди!

Как пройдут по базару с квартальным дарга,
У любого прохожего вспыхнет щека.
Пять рублей в карман ему бросит рука,
И на таксу — коль ты не слепой — гляди!

Ханский сын на шампур мужика надел
И последним добром бедняка овладел.
Тот, как щепка, высох и похудел.
Как замучен крестьянин агой,— гляди!

После того как бек утвердил
Власть, он должен ослабить железо удил.
Ну, а этот — людей еще туже сдавил.
Треск вокруг, и стенанья, и вой,— гляди!

Духовенство от бога теперь далеко;
Жмут и мучат. Народу от них нелегко.
Над чалмами сеидов и мулл высоко
Поднялся крестьянин простой,— гляди!

Вот муров! Если с жалобой ты, прервет
И навеки заткнет угрозами рот.
Он защитник злодеев, что грабят народ;
Он добычей живет воровской,— гляди!

АББАС-КУЛИ-АГА-КУДСИ БАКИХАНОВ
(1794—1847)

ОБРАЩЕНИЕ К ЖИТЕЛЯМ ТАВРИЗА

О чернь Тавриза, о поток гнетущий городской!
Как злобен город, как жесток! Откуда край такой?

Ни праведников, ни людей, в науках изощренных,
Будь проклят он, прости мне, бог, гниющий край такой!

Не верят идолам, не чтят Христа из Назарета,
И Магомет им не пророк... что за народ такой?

По узким улицам брожу, толкаюсь по базару:
Как человек здесь одинок, как жить в толпе такой?

Три вида черни я встречал: ослы, моллы и ханы.
Узнай их вдоль и поперек — весь городок такой.

Тот носит яркую чалму, другой кичится джуббе,
А третий согнут и убог — осел всегда такой.

Осел — не в счет, плетется он под кладью еле-еле,
Видать, аллах его обрек для участи такой.

И только ханам и моллам весь гнев мой и насмешка!
О дармоеды! Где же срок всеобщей лжи такой?

Прекрасна мысль, и для нее иных прикрас не надо.
Кто наряжается не впрок — мужчина глуп такой!

А тут накрашенными хной кичатся бородами,
Повсюду здесь проход широк для бороды такой.

Так важный бородач — козел — краса и гордость стада.
Козлиной рыжей шерсти клок всегда в цене такой!

ПИСЬМО В СТИХАХ

Наслажденьями богатый,
Ты живешь в родном краю.
Я, приятель твой завзятый,
Для грузинских дев пою.

На чужбине отдаленной,
Злой печалью утомленный,
И больной, и не влюбленный,
К жизни охладев, пою.

Но вглядимся в этот праздник:
Столько тут красавиц разных,
Луноликих, нежных, страстных,
Чей же я припев пою?

И куда ни двинусь только,
Столько дев и женщин столько —
Я, как попугай, без толка
Что-то прохрипев, пою!

И, как солнышко сквозь тучи
Озаряет мир могучий,
Взор красавицы летучий
Уловить успев, пою.

Нравы города велят нам
Быть приветливым, приятным,
Но, придя к грузинкам статным,
Я, не осмелев, пою.

Вот, Кудси, мое решенье!
Чтоб не быть молвы мишенью,
Я приму их приглашенье
И, как храбрый лев, спою!

МИРЗА ШАФИ ВАЗЕХ
(1794—1852)

* * *

Сколько на небе устойчивых звезд и бегущих
светил золотых,
Столько в груди моей колотых ран от женских
причуд твоих!
Ты не звезда, не одна из тех, что на небе
огнем зажжены,
Но глаза мои, пьяные как вино, на тебя
лишь устремлены!
О, как жизнь теперь не мила, тяжела
и, как вечная ночь,
темна
Для того, кто отвергнут любимой своей,
кого позабыла она.
Как же кровь в моих жилах не закипит!
Пусть промчится она
грозой,

Если плачут очи моей души, как фонтан ледяной
слезой.
Эту песню я написал, Вазех; в ней бушуют горе
и злость.
Во дворце из пурпурного мака сидит невеселый
и черный гость.

* * *

О ты, что живешь вместе с нами, одежду отшельника
сбрось,
Если ты крепок, иди к любви, все иное ведет вкось.
У меня, убитого горем, кроме любви, не спрашивай
ни о чем.
Если сердце свое потерял поэт, лишь любовь восхваляй
при нем.
О, с тех пор как в горячем сердце моем для нее
приготовлен приют,
Ясно вижу лицо ее всюду, куда взоры мои бегут.
Судьба поворачивается не потому, что звездами
укреплена;
Я хочу познать ее тайный ход, но в поисках меркнет
она.
Ныне всюду цветы, радость всюду, краса, идет молодой
апрель.
Ты палатку раскинь на речном берегу, пей вино,
подними свирель.
Лишь с порога любимой ветерок — и Вазех над землей
вознесен.
Лишь дыханье любви воскресит того, кто стрелою любви
пронзен.

* * *

Высокая ростом, стройная телом, ты идешь
перед взором моим.
Сердце мое и слезы мои — о чем мы с вами скорбим?
Не запрещай мне видеть, о шейх, прелесть ее лица,
Откуда ты знаешь, что может пройти перед вещим
взором певца?
О ты, проходящая предо мной, уничтожаешь меня,
Как солнце, встающее над луной в ярких лучах огня.

Если тело твое красоту свою так ревностно бережет,
Когда же короткая моя рука тебя, трепеща, обовьет?
Потому-то и сладок голос Вазеха в песнях его
и стихах,
Что язык певца о тебе говорит, о рубиновых,
сладких губах.

* * *

Ты, сидя в палатке, откинула косы, красу лица обнажив.
Искра истины засверкала из темноты лжи.
Глаза мои видят лицо любимой; стан я обвил рукой:
С одной стороны — мольба любви, каприз красоты —
с другой,
Глупец и невежда вовек не сумеет тайник души отпереть,
Но ты, отрешившийся от всего, продолжай, как свеча,
гореть.
В день суда из гробницы султана Махмуда будет услышан
стон.
В райских вратах не нуждается тот, кто саблей Аяза
сражен.

* * *

Из песен остается на века
Скорее песня та, что коротка.

Порой навечно людям остается
Короткая, но мудрая строка.

В коротком слове мудрость к нам пробьется,
Хоть век назад слетела с языка.

* * *

Сложна дорога жизни, но она
На лицах наших запечатлена.

Вот здесь любовь морщину начертала,
А рядом с нею ненависть видна.

На лицах ясно доброе начало,
И злая сущность тоже нам ясна.

И все ж мы друг о друге знаем мало:
Не каждый разбирает письмена.

* * *

Поднимет ветер пыль и до небес взметнет.
Но разве можно пыль возвысить до высот?
А между тем алмаз лежит, покрытый пылью,
И все же он алмаз,— возьми, и он блестит.

* * *

На тропках счастья, на дорогах бед,
Где ни шагнешь, останется твой след.

Останется твой след воспоминаньем
И вновь когда-нибудь всплывет на свет.

Всплывет уликой или оправданьем
На том суде, где всем держать ответ.

* * *

Одни из нас твердят, что бытие нетленно,
Другие говорят, что все земное бренно,
А ты выслушивай сужденья тех и тех
И знай, что каждый прав, но прав не совершенно.

* * *

Увы, проходит жизнь, что нам дана,
Прошедшего никто вернуть не может,
Пусть будет пред тобою цель ясна.
В том, что рожден ты, не твоя вина,
Твоя вина, что век напрасно прожит.

* * *

На звезды мы глядим в полночный час,
А солнце в полдень ослепляет нас,
Так темень лжи, что радость нам приносит,
Приятнее, чем правда без прикрас.

* * *

Я к свету шел, и путь мой был тяжел,
Но тьму ночную все ж я поборол.
Я через правду к песням приобщился,
Я через песню истину нашел.

* * *

Талант поэта — дар небес нетленный —
От неба к сердцу путь благословенный.

Жизнь — это поле, ты на нем цветок,
Ты озаряешь светом тьму вселенной.

Ты укрепляешь радость, лечишь боль.
Ты вечности крупица в жизни бренной.

* * *

Никто не знает, где родится чудо,
Как появились крылья у орла,
Явилась песня первая откуда,
Откуда первая любовь пришла.

* * *

Коль хочешь мир познать, что скрыт в тени,
Ты в собственное сердце загляни.
А если сам себя познать захочешь,
Смотри собой себя не заслони.

* * *

— Мирза-Шафи, заладил ты одно —
Все про любовь поешь да про вино.
А это нам наскучило давно:
Все, что чрезмерно, то надоедает.

— О чем же петь, подайте мне совет.
Здесь на земле, где столько зла и бед,
Любовь и хмель — единственный просвет,
А светлое чрезмерным не бывает.

ХЕЙРАН ХАНУМ

(нач. XIX века)

НЕСРАВНЕННЫЙ

Атлас рассыпанных кудрей и дивный лик ему был дан,
Так солнце вешнее сквозит сквозь ранне-утренний туман.

Аллах, как эта бровь темна, каким огнем полны глаза,
Они то ранящий кинжал, то умоляющий джейран. .

Как пламенеет этот рот, а зубы словно жемчуга —
Так блещет бадахшанский лал, в ларце из чужедальних стран.

Как эта родинка сквозит — приманка, малое зерно,
В тенетах локонов твоих, таящих мускуса дурман.

О, эти кудри до плечей, они клубком сплетенных змей
Хранят сокровище мое верней, чем стражи ятаган.

Росинки пота на челе под черным облаком волос,
Как звезды мелкие, блестят, и лик твой светом осиян.

Аллаха дивное дитя, ты проявленье высших сил,
Пленил цветник моей души твой стройный и высокий стан.

Перл красноречья твоего способен мертвых воскресить,
Оно дыхание Исы, благочестивей, чем Коран.

Мы, возлюбившие тебя, в огне сгораем красоты:
Одна — несчастный мотылек, другая — горькая Хейран.

ПОСМОТРИ

Как будто вспыхнула луна в небесной сини, посмотри,
Великий путь вершит она — небес шахиня, посмотри.

Забилось сердце у меня, услыша милого шаги.
Свиданье чувствуя с тобой, ликую ныне, посмотри.

Твой собеседник на пиру чернит бессовестно меня,
На изолгавшегося пса, лихого злыдня, посмотри.

Мучитель сердца моего, словам хулящим не внимай,
Зла не твори, на небосвод, смирив гордыню, посмотри.

И на соперницу мою, что, стыд и совесть потеряв,
Клубится на моем пути змеей в пустыне, посмотри.

Ограблен бедный разум мой, а если мало для тебя,
На кровь, что из отверстых жил рекою хлынет, посмотри.

И днем и вечером Хейран напрасно молит о любви,
Ты на забытое лицо своей рабыни посмотри.

НЕ ПО НРАВУ

Бадахшанский лал, хоть странно, мне влюбленной не по нраву.
И весной устам багряным цвет бутона не по нраву.

И тому, кто видел зубы, приоткрытые в улыбке,
Жемчуг блещущий в ракушке потаенно не по нраву.

Созерцавшему воочью лунный лик своей любимой
Месяц, что сияет ночью в дреме сонной, не по нраву.

Восхищенному жасмином черных локонов душистых
Базиликов и нарциссов легионы не по нраву.

Кто увидит стройный облик этой ласковой голубки,
Кипарис, слепой гордыней вознесенный, не по нраву.

Тому, кто встретится с желанной на резном ее пороге,
Всех властительниц вселенной будут троны не по нраву.

Зулейха моей шахини лик увидит совершенный
И забудет про Юсуфа, станет он ей не по нраву.

Тем, кто рабски подметает пыль дорог своей любимой,
Падишахов и престолы и короны не по нраву.

Я — Хейран, приют сыскала у твоих ворот, любимый,
Мне теперь Эдем цветущий, рай зеленый не по нраву.

СУТЬ ЯВЛЕНИЙ

Мне суть явлений, десять их, непостижима до конца:
Молитва нечестивых уст, подарок алчного скупца.

Влюбленных мелочный раздор, дурнушки чванной хвастовство,
Слепой, что тщится подмигнуть, трель безголосого певца.

Трус, что посмел повелевать, скупец, что вздумал пировать,
Подлец, решивший другом стать, ученость мнимая глупца.

ЭТО СЕРДЦЕ

Боль разлуки, груз печали все вмещает это сердце.
Радость, бывшую в начале, избывает это сердце.

Но свободному так странно окрутить себя арканом,
Словно пленник чужестранный, изнывает это сердце.

Разлучение — мытарство, от разлуки нет лекарства:
И, не выдержав коварства, погибает это сердце.

Быть с возлюбленным желало, единения искало,
Но в горах Фархадом стало, там страдает это сердце.

Не легко мне, умудренной, красотою быть сраженной,
Трудно в жизни разлученной,— изнывает это сердце.

О Хейран, ты вся пыланье, непомерно испытанье.
Молот бьет по наковальне, разбивает это сердце.

АБУЛЬКАСИМ НАБАТИ
(1812—1873)

ГАЗЕЛЬ

* * *

Утром, пьяный и беспечный, я бродил у кабака,
И нежданно я заметил дивный лик издалека.

Вились кудри повителью, бусы солнечно алели,
И глаза ее блестели из-под красного платка.

Ты мой ангел безобманный, я тебе не знаю равной,
Мой цветок благоуханный, словно сахар, ты сладка.

Не встречал такой ни разу, ты стройна и кареглаза,
Вся исполнена соблазна, ты и радость и тоска.

И упал я опьяненный, светлым жаром опаленный.
Понял, разума лишенный,— жизнь мне стала не легка.

Видя то, что натворила, та, что сердце мне разбила,
Рядом сев, заговорила, став нежнее ветерка.

Та, что всех на свете краше, поднесла с вином мне чашу,
Выпил я за счастье наше до единого глотка.

И сказал Лейли я юной: «Я безумным стал Меджнуном,
Ты терзаешь сердца струны, только чудом жив пока!»

Я в своей земной юдоли, как Меджнун, исполнен боли.
Мне бродить еще доколе диким зверем средь песка?

Набати, хваленье богу, сам избрал себе дорогу.
Быть Меджнуном слишком много — честь такая велика!

ГОШМА

* * *

Ограбили душу любимой глаза,
Ресницы — мгновенно разящий стилет.
Попавший в тенета душистых кудрей
Живым и свободным не выйдет на свет.

В кашмирской серебряной шали она,
Нахмурила брови, притворно скромна.
Эй, кравчий, налей поскорее вина,—
Спаси нас, аллах, от мучительных бед.

Румянцем ты розу решила затмить
И мускусом локонов амбру смутить.
Ох, зубки — жемчужин мерцающих нить,
А губы — бутон и медвяный шербет.

Глаза — два нарцисса, бровь — ранящий меч.
Ланиты — тюльпаны и кудри до плеч.
Для слуха приятна сладчайшая речь,
Уста и рубины и утра рассвет.

Цветенье кругом, погляди, Набати,
Стони соловьем, о любимой грусти.
Встань, кравчий, чтоб к жертве своей подойти.
Налей мне вина, больше радости нет.

МОЙ ЕЩЕ НЕ КОНЧЕН ПУТЬ

Улететь я не сумел,
Мой еще не кончен путь.
Рано телом ослабел,—
Мой еще не кончен путь.

Я не врач и не больной,
Я не друг, не ворог злой,
Не сойти с дороги той,—
Мой еще не кончен путь.

Рот мой жаждущий засох,
Я, блуждая, сбился с ног,
Спорить с недругом не смог,
Мой еще не кончен путь.

Мой пытливый взор потух,
Притупился острый слух,
Ловких рук не стало двух,
Мой еще не кончен путь.

Я не грустен, не смешлив,
Я не тишь, не ветра взрыв,
Я таюсь, себя явив,—
Мой еще не кончен путь.

Не вином я опьянен,
Не бедою я согбен,
Не огнем я обожжен,—
Мой еще не кончен путь.

Я — бутон, не стал цветком,
Боль не прячу под замком,
Я со славой не знаком,—
Мой еще не кончен путь.

Не звезда я, не луна,
Я не бог, не сатана.
У меня стезя одна,—
Мой еще не кончен путь.

Не силен я и не слаб,
Я не шах, и я не раб.
Отдохнуть давно пора б,—
Мой еще не кончен путь.

Я не низок, не высок,
Не лачуга, не чертог.
От всего пока далек,—
Мой еще не кончен путь.

Я не ангел и не джин,
Не слуга, не господин,
Я во множестве — един,—
Мой еще не кончен путь.

Я не лето, не зима,
Не огонь я и не тьма.
Я, мудрец, лишен ума,—
Мой еще не кончен путь.

Я не черен и не бел,
Я не меч, не посвист стрел.
Я не стар, не поседел,—
Мой еще не кончен путь.

Я не перл и не кремень.
Я не ночь, и я не день,—
Не сиянье и не тень,—
Мой еще не кончен путь.

Я пока не Набати,
Не легки мои пути.
Где мне истину найти?
Мой еще не кончен путь.

МИРЗА ФАТАЛИ АХУНДОВ

(1812—1878)

НА СМЕРТЬ ПУШКИНА

Я сердцу говорил, глаз не сомкнув в ночи:
— Хранитель тайников, свой жемчуг расточи!

Зачем твой соловей умолк в саду весеннем,
Не разглагольствуют, как прежде, турачи,

Не прогремит поток речений превосходных?
Встань, скороход-мечта, в далекий путь умчи!

Смотри, пришла весна. В полях и на ложбинах
Цветы, как девушки, под солнцем горячи.

Бутоны алых роз пылают сладострастно.
Фиалки ждут любви. Запенились ручьи.

Вселенная полна желаньями до края.
На самоцветы гор ударили лучи.

А в сердце цветника, как падишах венчанный,
Зеленый кипарис торжественно возрос.

И в честь властителя пьют лилии и маки,
Сверкают в чашечках тюльпанных капли рос.

Поля украшены жасмином, и влюбленный
Нарцисс глаза раскрыл, бессонные от грез.

И в клюве соловья для всех гостей подарки,—
Несет он лепестки ему внимавших роз.

Разбухли облака, хотят пролиться ливнем.
Зефир предутренний мне запах трав принес.

Все птицы на заре поют, щебечут, свищут:
— Земля, зазеленей! Пришла твоя пора!

Все принесли дары на торжище природы:
У каждого нашлась хоть пригоршня добра.

Тот блещет красотой, другой вздыхает томно.
Повсюду пляски, смех, веселая игра.

Все празднуют весну, блаженствуют, ликуют —
Так беспечальна жизнь, так молодость щедра.

Или не в силах ты от сна очнуться, сердце,
Лишилось радости, не ценишь красоты.

Не хочешь на земле прославиться стихами,
Желанья погребло, забыло все мечты?

Бывало, в поисках заветных рифм-жемчужин
В бездонные моря ныряло смело ты,

Ты украшало мысль сравненьем драгоценным,
И ожерелья строк низать умело ты.

Откуда же сейчас твой беспросветный траур,
Так онемело, так окаменело ты?

— Мой друг единственный,— мне сердце отвечало,—
Оставь меня в тоске, не говори со мной!

О, если бы забыть, как мотыльки забыли,
Что зимний ураган не медлит за весной,—

Вручило бы я меч наезднику-поэту,
Благословило б в путь за славою земной.

Увы, я знаю все о вероломстве рока,
Я чувствую конец неотвратимый мой.

Так пташка видит сеть и знает, что погибнет,
И все ж, безумная, несется по прямой.

Что нашей славы гул, что похвалы за доблесть!
Проглочен отзвук их бездонной быстриной.

Не думай о мечтах! С мечтателями круто
Рок расправляется. Он судия дурной.

Ты помнишь Пушкина, забывчивый! Ты слышал,
Что Пушкин всех певцов, всех мастеров глава.

Ты помнишь Пушкина, о чьих могучих строфах
Из края в край неслась стоустая молва.

Ты помнишь Пушкина. Как жаждала бумага,
Чтоб он чертил на ней крылатые слова!

Сверкающий узор той речи переливной
Изменчив, словно крыл павлиньих синева.

Чертог поэзии украсил Ломоносов,
Но только Пушкин в нем господствует один.

Страну волшебных слов завоевал Державин,
Но только Пушкин в ней державный властелин.

Он смело осушал тот драгоценный кубок,
Что наполнял вином познанья Карамзин.

Пусть Николай царит от Волги до Китая,
Но покорил весь мир лишь Пушкин-исполин.

Как дорог лунный серп для путников Востока,
Так дорог лик его для северных равнин.

Ни небесам семи, ни четырем стихиям
Такой неведом был необычайный сын.

Но, как родившие жестоко поступили
С любимым первенцем,— в отчаянье внемли!

Смертельною стрелой в избранника прицелясь,
Путь крови огненной нежданно пресекли:

Одною градиной по их приказу туча
Роскошный сбила плод, и он лежит в пыли.

Подул смертельный вихрь и погасил светильник,
И кости бренные в подземный мрак легли.

Своим кривым ножом садовник старый срезал
Побеги мощные под корень у земли.

И в череп, в дивную сокровищницу мысли,
Как в черное гнездо, ехидны заползли.

Весь соловьиный сад был в розовых бутонах —
Там иглы-тернии из праха проросли.

И птица вольная из клетки улетела.
Потоки слез из глаз печальных потекли.

Вся русская земля рыдает в скорбной муке,—
Он лютым палачом безжалостно убит.

Он правдой не спасен — заветным талисманом —
От кривды колдовской, от козней и обид.

Он в дальний путь ушел и всех друзей покинул.
Будь милосерд к нему, аллах! Он крепко спит.

Пусть вечно плачущий фонтан Бахчисарая
Благоуханьем слез две розы окропит.

Пусть в бейтах Сабухи Кавказ сереброкудрый
Справляет траур свой, о Пушкине скорбит!

* * *

Откуда этот шум и крики, о чем галдит вокруг народ?
Как будто два батмана корма молле сейчас недостает.
Он крик тот поднял из-за денег, дошел тот голос до небес
Быстрей, чем трубы Исрафила,— во славу таинств и чудес.
О господи, он просит деньги? И потому-то — неспроста! —
Повсюду ныне беспорядки, повсюду ныне суета.
Мы с жалобой на эту жадность, не только мы, не мы одни —
Все ангелы теперь в тревоге; о, как печалятся они!
И зной, и засуха, и голод — с одной посмотришь стороны.
Моллой раздутая тревога — с другой посмотришь стороны.
Во всех углах земного шара, в Иране больше, чем везде,
Народы облачились в траур, молла вещает: быть беде!
На свете том однажды Страшный свершится суд, один лишь раз!
Для нас же суд на этом свете — и каждый год, и каждый час,
Как месяц махаррам подходит — молла виновен — судят нас.

АШУГ АЛЕСКЕР

(1821—1926)

ГОШМЫ

* * *

Творец тебя создал в прекраснейший день,
Мечты о тебе я на сердце ношу,
От жажды сто ран на груди у меня,
О, вылечи мне хоть одну, я прошу!

В гранат твоих персей влюблен я давно,
Мне днем от рыданий, как в полночь, темно.
Как фениксу — жаждать огня мне дано,
Сычей вместо соколов не выношу.

Так плачь, Алескер, никого не виня.
Я вижу, как феникс встает из огня.
Глаза твои в горе ввергают меня,
Лицо мое блекнет, я горько грущу...

* * *

Я выглянул как-то случайно в окно.
Красавица тонкая мимо прошла,
Подняв свои брови, пустила стрелу —
И в кровь мне ресница любимой вошла.

Увидел глаза голубые твои,
И старые раны открылись мои.
Я душу бы отдал во имя любви,
Но ты, нетерпеньем томима, прошла.

Едва лишь успел на тебя я взглянуть —
И книгою горестей сделалась грудь.
Просил Алескер: «Обо мне не забудь!» —
Ты все-таки неумолимо прошла.

* * *

Желтеет колос, и краснеет мак,
Ковром цветов весну встречали горы.
Шах или раб, купец или бедняк —
Их никогда не различали горы.

Есть на вершинах снег для всех больных.
Горят цветы, и мед томится в них.
Все родники слились в живой родник,
Тоску убьют в ее начале — горы.

Весной в горах вода ключей светла.
Народ пирует. Пляска весела.
Для нас сыры, янтарные масла
И мед цветов предназначали горы.

Весной они — как щедрый, славный хан,
А осенью — как зреющий баштан.
Но первый зимний приходил туман —
Свои одежды с плеч роняли горы.

Порой дожди, порой туман седой —
И путники дрожат перед бедой.
Порой обвал смешает кровь с водой...
О многом страшном умолчали горы.

Парчу на холст сменивши в эти дни,
Курились молча в вышине, одни.
Пред шахами не гнули шей они,—
Природной крепостью стояли горы.

Сойдут кочевники с нагорий вниз.
Завянут розы, и умрет нарцисс.
Ты, Алескер, от грез любви очнись,—
Иди, неси свои печали в горы.

* * *

Мне этой встречи не забыть. У родника
На синеокую ханум упал мой взгляд.
Пронзила стрелами ресниц мне грудь она,
Краса ее вошла мне в кровь, как сладкий яд.

Я дал ей знак, что не могу владеть собой,
Что нежностью ее пленен и красотой.
Смеясь глазами, покачала головой...
Ее глаза! Как душу мне они томят!

«Красавица, я Алескер... Скажи, как быть?
Что делать мне?..» Она в ответ: «Меня забыть!
Просватана, другого я должна любить».
И тут я руки опустил, тоской объят.

* * *

Перед тобой повинен я:
Что было правдой, ложью стало,
И вот пуста душа моя,—
Дорога бездорожьем стала.

Взгляни — и мрак очей рассей!
Сгораю от вины своей.
Забудь обиды прошлых дней,—
Ты ближе мне, дороже стала.

Жизнь Алескер готов отдать
Тебе, чтоб сердца не терзать!..
Где ж соколу теперь летать?
И с куропаткой что же стало?

ХУРШИДБАНУ НАТАВАН
(1830—1897)

БЫЛО БЫ ХОРОШО

Мой бог, как было б хорошо не знать, какой нам жребий дан.
Когда бы не было меня, познавшей горе и обман.

Не знать, что нас с тобою ждет, каким огнем разлука жжет,
Что страсть обоим принесет похмелья тягостный дурман.

Я б не ослепла, дорогой, ты не стремился бы к другой,
Не стал бы согнутой дугой мой, с кипарисом схожий, стан.

Хочу, чтоб мне не довелось стирать росу горючих слез,—
Им, став потоком, не пришлось впадать в соленый океан.

Как хорошо не знать цветов, ни аромата, ни шипов,
Не слышать вовсе соловьев в саду, что светом осиян.

Как хорошо, чтоб я могла б не знать про Миср и про Кинап,
Не ведать, как Якуб ослаб, страдая от незримых ран.

Не знать грядущей жизни ход, сырых зинданов мрачный свод,
Не видеть, как в пески уйдет, бренча, последний караван.

Юсуфу, чья судьба тиха, чтоб не встречалась Зулейха,
Не познавать вовек греха, которым век наш обуян.

Жить не печалясь и стеня, а в озарении огня...
Но это все не для меня, не для скорбящей Натаван.

РОЗА

Ты восхитительно свежа, полна благоуханья, роза.
Непостоянная душа, неверное созданье, роза.

Шип в сердце соловья проник, певцом оставлен был цветник.
Бутон не дрогнул, не поник, вновь будишь ты желанье, роза.

Но осень подошла в свой срок, был сорван каждый лепесток.
И соловей стерпеть не смог, узрев твое терзанье, роза.

Не слезы на лице моем, кровь жарким вспыхнула огнем,—
И ночью думаю и днем я о твоем пытанье, роза.

Я все о розе расскажу, но нужных слов не нахожу.
Цветок я строго не сужу,— ты боль и трепетанье, роза.

Бутон мучительно алел, он всех разжалобить хотел.
Творец, терпенью есть предел, за что твое страданье, роза?

В томленьях смертных соловья мне участь видится твоя,—
Себя с певцом соединя, обречена заране роза.

Ты кровь, что хлынула из ран, восхода розовый туман,
Цвети всегда для Натаван, дари свое сиянье, роза!

НЕ УХОДИ

Превратив в руины сердце, так не в срок, не уходи.
Тяжела с тобой разлука, путь далек, не уходи!

Не могу с тобой расстаться, жертвой стать твоей вели.
Стан мой сгорбила разлука, видит бог, не уходи!

Мне светло с тобою было, тихий свет моих очей.
Без тебя не видит солнце мой зрачок, не уходи!

Милый, пусть твои несчастья на меня одну падут.
Покидать меня не надо. Дай зарок — не уходи!

До последнего дыханья буду плакать по тебе.
Ум с тобою в разлученье изнемог, не уходи.

Как я нянчилась с тобою! Я баюкала тебя.
Я молю: теперь ты вырос, стал высок, не уходи!

Я родных своих забыла, в небрежении друзья.
Без тебя пустынны стали лес и лог, не уходи!

При тебе светилась жарко роза сердца моего.
Без тебя бутоны сникли, сад поблек, не уходи!

Не смежай глаза, любимый, посмотри разок на мать,—
Застит меркнущее зренье слез поток, не уходи!

Не ввергай в пучину скорби, пожалей меня, прошу,—
Натаван изнемогает. Мой сынок, не уходи!

* * *

Как небеса, ты расцвела, фиалка,
Ты все поля себе взяла, фиалка.

Зачем ты роскошь цветников отвергла,
Зачем поля ты предпочла, фиалка?

Ты шелестишь, как будто боль и старость
Ты в юности перенесла, фиалка.

В тебе весна влюбленность пробудила —
Любовь всегда была грустна, фиалка.

Мне кажется, что локонов любимых
Ты нежный запах донесла, фиалка.

СЕИД-СЕЗИМ ШИРВАНИ

(1835—1888)

ВЗЯТКА БОГУ

В одной стране, где вечный недород,
Неграмотен и темен был народ.
Лахидж деревня прозывалась та,—
Слог «ла» — ничто, «хидж» — вовсе пустота.
Однажды летом над деревней той
Не выпало ни капли дождевой.

Не знали люди, как им дальше жить,
И вздумали аллаха подкупить.
«Дадим мы богу взятку, он возьмет
И благодатный дождик нам пошлет!»
И в чаянье награды и добра
Собрали деньги с каждого двора,
Все по полушке, сколько каждый смог...
И старосте вручили узелок,
Чтоб он, который умудрен и стар,
Всевышнему вручил посильный дар.
Тот староста в нелегкий путь потек,
С надеждой восклицая:
«Где ты, бог?
О господи, явись!» — шептал моля,
Дорогой неторенною пыля.
Но тесен все же этот зримый мир:
В той стороне охотился эмир
Обличьем хлеще шаха самого.
Был ловчий сокол на руке его
И в золотых ошейниках два пса
Эмирской псарни слава и краса.
Узрев, опешил староста-простак.
Подумал он:
«Да это бог никак!»
И так сказал, склонившись до земли:
«Творец земного, смертному внемли.
К тебе, аллах, предвечный судия,
Толпою бедняков направлен я.
Все золотишко, собранное здесь,
Тебе, всевышний, должен в дар принесть.
Взамен тебя мы просим об одном:
Посевы наши окропи дождем.
Горит от зноя ширь родных полей,
Дождь милости своей на них пролей.
Архангел с клювом на твоей руке,
Два Азраила лают вдалеке.
Во имя этих ангелов святых
Не пожалей нам милостей своих.
Ты добротою к страждущим богат!»
Эмир смекнул:
«Старик придурковат!»
С седла нагнувшись, самозванный бог
Схватил проворно тяжкий узелок,

Сказав при этом:
«Дар угоден мне.
Ступай к односельчанам и родне,
А в пятницу я милость вам явлю
И благодатный дождь на вас пролью».
Наш простота, не чуявший обман,
Домой придя, созвал односельчан
И рассказал:
«Разверзлись небеса.
Я видел бога, с ним два лютых пса.
Два Азраила, чьи остры клыки.
Пернатый ангел не слетал с руки,—
Запястье вседержителя когтил
В нем мной святой угадан Гавриил.
Всевышний принял наш ничтожный дар.
С ним ускакав, как будто на пожар,
Он крикнул мне:
«За дань благодарю
И в пятницу вам дождик подарю!»

И в пятницу вдруг схлынула жара
И ливень хлынул, словно из ведра.
Вода все прибывала и росла,
Не стало глинобитного села.
Все, что мычало, блеяло, увлек
В круженье пены яростный поток.
И рассудил народ, познавший страх:
«Сколь бескорыстен благостный аллах.
Он, тысячу туманов увидав,
Перестарался, разум потеряв.
А может, просто лишнего хватил
И нашу всю окрестность затопил!»

ГЛУПЫЙ СУДЬЯ

Жил кадий на свете, почтенный судья.
Однажды он книгу прочел Бытия.
И притча одна, повторенная вслух,
Смутила судьи незатейливый дух:
«Кто длиннобород, но мала голова,
Неумным того почитает молва».

Наш кадий подумал:
«Беда велика,
О, срам, я имею черты дурака,
Два признака глупости! Праведный бог».
В ту ночь на мгновенье заснуть он не мог,
А утром, чуть в дверь ученик постучал,
О притче учитель ему рассказал.
Но тот возразил:
«О достойный имам,
Себя не печаль по таким пустякам.
Всевышнему слава, ты мудр и богат,
Коран изучил и блюдешь шариат.
Хоть внешность — я тоже наслышан о том —
Иные мужи сочетают с умом,
Но смысла я в этом не вижу ничуть!»

Наш кадий вновь книгу решил развернуть
И снова, ту притчу прочтя до конца,
В себе обнаружил приметы глупца:
«Меня утешал лизоблюд-ученик,
Затем что малец к подхалимству привык.
Но я изучил роковые листы
И должен избыть две позорных черты.
Мала голова, но обитель ума,
Ее увеличить поможет чалма».
Огромный сумел навертеть он тюрбан,
И стала башка, как большой барабан.
С одной без ущерба расправясь чертой,
Наш кадий покончить решил с бородой.
«Отныне я стану короткобород
И глупым никто меня впредь не сочтет!»
Презрения полон судья к бороде,
А ножниц, на грех, не сыскалось нигде.
Он сунулся к лампе зажженной тогда —
И пламенем рыжим взялась борода.
Рукою лицо заслонить он не смог,
Едва не ослепший, он брови обжег.
На красном и голом лице, посмотри,
Как крупные сливы, блестят волдыри.
А что с бородою?
Сгорела дотла.
Так глупость судью до беды довела.

СЛУЧАЙ С МЕДЖНУНОМ

Меджнуна встретить путнику пришлось,
Печали пленник, он собаку нес.
И, ничего не видя впереди,
Он шел в слезах, прижавши пса к груди.

То лапы собачонке он лобзал,
То мокрый нос любовно целовал,
Так говоря:
«Лохматый, верный друг,
Ты исцеляешь тайный мой недуг.
Да буду жертвой я собачьих ног —
Ты преступал возлюбленной порог.
Рабом очей горящих стать вели —
Ты созерцал достоинства Лейли.
Лай днем и ночью, пес, не умолкай,
Бальзам для сердца — твой свирепый лай.
Шерсть источает амбры аромат,
Клыки, как жемчуг, ласково блестят.
Семь отроков тебе я в жертву дам,
Такого пса в раю не знал Адам!»

Меджнуну путник молвил:
«О, глупец,
Ты человек, создания венец,
Так унижаться перед псом — позор!»
Вздохнул Меджнун, слезами полня взор:
«Любить мне шелудивца надлежит,
Он двор Лейли надежно сторожит.
Счастливчик-пес, ему большая честь,
Он у порога милой может есть.
Беспечно спать, свернувшись колесом.
Зачем творец меня не сделал псом?
Различье наше лишь в одном, внемли,
Я псу служу, а пес слуга Лейли!»

УПРЕК МЕДЖНУНУ

Однажды Меджнуну невежда заметил:
«Вот ты осмеял всех влюбленных на свете,

Красавиц, что Лейли прекрасней бесспорно,
По-твоему, в сердце лелеять зазорно?

А так ли уж Лейли мила и прелестна?
Ведь есть и прелестней, мне точно известно!»

Меджнун не сдержал невеселого вздоха:
«Ты в деле любви, как я вижу, не дока!

Почтенный, на Лейли взглянуть ты попробуй
Моими глазами затем, чтоб до гроба

Ты помнил, как лик ее гордо сияет,
Какой он божественный свет излучает!

И ты, ослепленный божественным светом,
Узнаешь, что Лейли прекраснее нету!

Лишь к Лейли одной мое сердце стремится,
Она — среди роз богоравных — царица,

Я к ней устремляюсь — к земной, настоящей,
Святая любовь — мой напиток пьянящий!

Не будь на невежество ты обреченным —
Мой ум не казался б тебе помраченным,

Есть истина в мире обмана и праха,
Ей имя — любовь, ты служи ей без страха!

Ты тоже, Сеид, суете не поддайся,
Все брось и любовью одной наслаждайся!»

ОТВЕТ МЕДЖНУНА

«Есть ночь и день. Что лучше, мне скажи?» —
Таков к Меджнуну был вопрос ханжи.

«Ты окосел от трезвости, бедняк!
Конечно, ночь! От веку было так!

Почти как «Лейли» слово «лейл» звучит,
А «лейл» есть ночь. Кто ж с днем ее сравнит?»

«О благородный! — снова вопрошал
Его ханжа.— Ты весь Коран читал?»

«Конечно, весь — о, муки школьных лет!
И суру «Ночь» я знаю, друг аскет!»

«Какая ж сура лучше всех других?»
«Все та ж, «Ва-л-лейл», о, ночи славный стих,

Знай, вежливости бедный родничок,
Я суры этой помню каждый слог!»

МИРЗА-АЛЕКПЕР САБИР
(1862—1911)

К СОГРАЖДАНАМ МУСУЛЬМАНАМ И АРМЯНАМ

Когда идущий век единством осиян,
Когда благая цель не призрак, не обман
И в мыслях нет вражды, нет неотмщенных ран,
Кто родины сынов толкнет во вражий стан?
Откуда ж этот спор армян и мусульман?
Иль не рассеялся тот вековой туман?
Сограждане! Пора! Идем! Нам по пути!
Пора поддержку нам друг в друге обрести!

Когда один сосед нуждается в другом
И мощь родной страны в содружестве благом,
Какой же дьявол злой стучится в братский дом,
Всплывет ли косность вновь? Вот, оглянись кругом:
Резня по городам, убийства и погром...
Довольно! Пощади, аллах! Мы ждем, мы ждем...
Сограждане! Пора! Идем! Нам по пути!
Пора собратьев нам друг в друге обрести.

На сеть коварных дрязг, возникших вдруг,— взгляни!
То дело наших рук иль ваших рук? Взгляни!
Кто ссорит — друг армян иль наш он друг? — взгляни!
Все дело в косности в одной — вокруг взгляни!
Во всем виновен гнет — вот наш недуг, взгляни!
Сограждане! Пора! Идем! Нам по пути!
Пора нам спутников друг в друге обрести!

Н. Пиросманишвили. Ишачий мост.

Народу правду дать, унылый стон прогнать!
Невежества закон, тупой закон прогнать!
Все мужество собрать, всю мерзость вон прогнать!
Всех сеющих вражду, всех сплетен звон прогнать!
Сабир! Возьмись и ты тяжелый сон прогнать!
Сограждане! Пора! Идем! Нам по пути!
Пора нам родину друг в друге обрести!

1905

БАКИНСКИМ РАБОЧИМ

Колесо свое упрямо катит вспять судьба теперь!
И рабочий изгоняет из себя раба теперь!

Но нельзя позволить, чтобы рядовой рабочий стал
в жарком споре с богачами смелым, твердым, как металл,
чтобы вольно и открыто полной грудью задышал
и хозяина-владыку вдруг бояться перестал!

Колесо свое упрямо катит вспять судьба теперь!
И рабочий изгоняет из себя раба теперь!

Эй, рабочий! Неужели ты почтенье заслужил?
Неужели размышлять ты о своем пути решил?
Брось, любезный, эти штучки! Не жалей горба и сил!
И служи богатым с миром, как до сей поры служил.

Колесо свое упрямо катит вспять судьба теперь!
И рабочий изгоняет из себя раба теперь!

Не сплошай, богатый! Слышишь, ни на шаг назад, ни-ни!
Если даже прав рабочий, ты свою неправду гни!
Пусть бедняк на толстосума ночи трудится и дни,
как положено трудиться оборванцу искони.

Колесо свое упрямо катит вспять судьба теперь!
И рабочий изгоняет из себя раба теперь!

Ум рабочему несвойствен, и талант ему не дан,
ходит он босым по свету, жалок, голоден и рван.
Ни абы, ни шали нету, череп пуст, и пуст карман,
лишь чоху бедняк имеет да единственный кафтан.

Колесо свое упрямо катит вспять судьба теперь!
И рабочий изгоняет из себя раба теперь!

Если хочешь быть спокойным ты в своем родном краю,
не тужить, а жить богато и привольно, как в раю,
действуй запросто, согласно своему календарю,
относись всегда к рабочим, как к скотине и зверью.

Колесо свое упрямо катит вспять судьба теперь!
И рабочий изгоняет из себя раба теперь!

Если ты увидишь горе, устраняйся за версту,
не спеши вдову утешить, приголубить сироту.
Да еще смотри не вздумай, согревая бедноту,
провести по кругу жизни вместо зла добра черту.

Колесо свое упрямо катит вспять судьба теперь!
И рабочий изгоняет из себя раба теперь!

1906

СВОБОДА

Мне горечь рот свела, хочу вкусить твоих щедрот, свобода!
Дай мне изведать: ты халва или сладчайший мед, свобода.

Приснился берег мне морской, пусть сон мой сбудется скорее!
На нем лежит гора горой,— в мешках отправки ждет свобода.

Свобода свалена в тюках, завязанных веревкой прочно,
Давненько я мечтал о ней, пусть мне перепадет свобода.

Я стал покорнейше просить: «Друзья, мне дольку уделите!
Кусочек только. Знать хочу, что беднякам дает свобода».

«Прочь! Руки коротки твои! — мне крикнул кладовщик сердито.—
Тебе, чужак, не разрешит вкусить запретный плод свобода!

Не знаешь, что ли, простота, что суждена она Ирану?
Зачем красавице урод! Знай, на таких плюет свобода!»

Я, огорченный, отошел в сторонку, грустно ожидая,
Что, погрузившись на корабль, покинет нас вот-вот свобода.

Трель полицейского свистка... И двинулся корабль громоздкий,
В свободном море по волнам медлительно плывет свобода.

Но вдруг огромный черный флаг затрепетал на главной мачте.
Я понял этот скорбный знак: там ждут — сейчас умрет свобода.

Нерасторопный капитан был смыт бушующей водою.
Что ж, должен потонуть корабль, с ним вместе пропадет свобода.

Кипят и пенятся валы, неумолимо наступая,
Истошный вопль услышал я и понял, что орет свобода.

Крик разбудил меня. Я встал и, на часы взглянув, промолвил:
«Ночь глубока. Усни, бай-бай, пока не рассветет, свобода!»

1907

НЕМЫСЛИМОЕ

— Не смей глядеть!
— Не смею, не гляжу.
— Молчи!
— Молчу, ни слова не скажу.
— Не слушай!
— Что ж, попробую и так.
— Не смейся!
— Смех могу зажать в кулак.
— Не думай!
— Стоп! Вот тут уж дудки! Нет!
На мысль, прости, не выдуман запрет!
Коль я живу в бушующем огне,
я вместе с ним пылаю наравне.
Спокойно тлеть немыслимо в пути,
и ты со мной бездарно не шути!

1907

СПИ, ЧЕЛОВЕК!

Не вставай, не вставай, спи пока, человек!
Ничему не дивись, спи века, человек!
Одеяло заткни под бока, человек,
Лишь бородку погладь и — пока, человек!
Не вставай, не вставай с тюфяка, человек!

Ты весь день провалялся без дела — вот так,
Обленилось во сне твое тело — вот так,
Ты не жаждешь иного удела — вот так,
Спать весь век тебе не надоело — вот так.
Не вставай, не вставай с тюфяка, человек!

Жизнь прошла, ты уже побелел, как мука,
Борода твоя стала, как шерсть ишака,
Зубы выпали, грудь твоя стала узка,
Но привычного яда все ищет рука,
Чтоб дурман тебя вновь превратил в дурака,
А затяжка кальяна крепка, человек,
Одуреешь совсем от дымка, человек.
Отдышись и покашляй слегка, человек,
И засни — не вставай с тюфяка, человек!

1908

ИСТИНА

Если б каждый правдой жил, лживый к слову был бы строг —
И растерянный народ что-нибудь понять бы смог.

Если б милая с другим не встречалася тайком,
Не пришлось бы жениху обходить ее порог.

Если б действия словам отвечали до конца,
То народ бы наш не знал подозрений и тревог.

Если б истиною ложь праведник не называл,
То от жгучего стыда лжец давно бы изнемог.

Если бы стяжатель-плут нам не напевал «бай-бай»,
Сон невежества никак не нашел бы к нам дорог.

Если б щеки раздувать перестали болтуны,
То у свечки бедняка не погас бы фитилек.

Если бы проклятий гром над правдивым не гремел,
Разве истину таить был бы у него предлог?!

1908

Я — ПОЭТ

Призван я быть поэтом. Стих — честный голос мой.
Пишу о хорошей славе и о молве плохой.
День обвожу лазурью, ночь покрываю тьмой,
кривое кривым рисую, прямое — строкой прямой.
Зачем же ты так таращишь, читатель, глаза, скажи?
Иль в зеркале ты увидел себя целиком во лжи?
Едва только я печально раскрою свою тетрадь,
перо, как смычок послушный, придвину за рукоять,
едва побегут чернила по белой бумаге — глядь,
ты цап-царап мою руку! Язык норовишь связать!
Странно! С дороги правды ведь я свернуть не спешу,
о том, что воочью видел, и четверти не пишу.
И четверти не пишу я о том, что кричит: «Пиши!»,
а ты меня хлещешь бранью от всей своей злой души.
Суди о себе по чести, не подличай, не греши,
взгляни на свои поступки — чем они хороши?
Пойми свои недостатки, не злобствуй, других кляня,
и вместе с собою этим не огорчай меня.
Служители слова знают, каков твой живой портрет,
какою ты мерзкой жизнью живешь уже много лет.
Все знают писаки точно, но, ведая к правде след,
они и двадцатой доли про то не напишут, нет!
Они ведь себя считают, к небу воздев персты,
в тысячу раз превыше низменной суеты!
Как я даже четверть правды не пропускаю в стих,
так малой двадцатой доли ее не найдешь у них.
Вот если бы ты воскликнул: пиши, мол, чего затих! —
тогда б я тебя в натуре разделал без запятых.
Увидев себя без грима, ты б вздрогнул, уверен я,
и волосы встали б дыбом от ужаса у тебя!

1908

ПАРОДИЯ НА ЛИРИКОВ

Твой лунный лоб пленит меня, тревожа и маня,
джейраньи страстные глаза твои полны огня.

И, как колодцы в знойный день, две ямки на щеках,
и губы — мед, и тело — лен, и брови — тетива.

И шея блещет, как графин, и стан с чинарой схож,
и с плеч спадает ливень кос, как за змеей змея.

И, как пшеничное зерно, веснушка у виска...
Ха-ха! Ты чучела смешней, красавица моя!

1909

ОТШЕЛЬНИКУ

Эй, не пора ли нам, отшельник, раздеться догола?
Откроем людям наши думы, и души, и тела.
Пусть люди наконец увидят всё, что нам жизнь дала,
Пусть наконец рассмотрят наши поступки и дела.
Пусть выдававший зло за благо узнает горький стыд,
И пусть прозреет, пусть проснется тот, кто годами спит.

Давай отвергнем пустословье и всякий прочий вздор,
Пусть нашу истинную сущность людской увидит взор,
Пусть явным станет все, что было сокрыто до сих пор,
Пусть громко торжествует совесть и обнажит позор,
Пусть выдававший зло за благо узнает горький стыд,
И пусть прозреет, пусть проснется тот, кто годами спит.

Что, если мы от лестных прозвищ себя освободим?
Что, если без личин предстанем перед судом людским?
Друзьям и недругам покажем, далеким и своим,
Свой облик, нрав, расскажем честно, чего сейчас хотим.
Пусть пристыдит виновных список обманов и обид,
И пусть прозреет, пусть проснется тот, кто годами спит.

Мы наши жизнеописанья поведаем сперва,
Всю правду пусть о нас расскажет вслед за главой глава,
Пусть люди сравнивают наши деянья и слова,
Пусть наши чаянья узнают,— что мы за существа.
Пусть выдававший зло за благо почует горький стыд,
И пусть прозреет, пусть проснется тот, кто годами спит.

1910

МЕЧТА ОТШЕЛЬНИКА

Отшельник верит, что во сне при жизни рай он обретет,
Что он над бездной в райский сад, как тень крылатая, порхнет.

Едва уляжется, во сне — гылманы, гурии пред ним.
Проснется — вспоминает сон, молитва в голову нейдет.

По мненью этого балды, рай — что-то вроде Бухары,
Где на большом базаре он притон с гылманами найдет.

И в этом цель его молитв, и ведь уверен старый плут,
Что он молитвою своей людей и бога проведет.

Да если не во сне найдет, а наяву подобный рай,
Он мигом набожность свою продаст и глазом не моргнет.

Ты дай ему земной гарем, и вволю есть, и пьяно пить,
Забудет он поклоны бить и четки в угол зашвырнет.

И если бы ему внушить, что, мол, безбожье — элексир,
Неверье с верою смешав, он в ересь новую впадет.

1910

В РОТ ВОДЫ НАБРАЛИ

Эпоха с нами говорит, а мы как в рот воды набрали.
Грохочут пушки, гром гремит... Проснуться все же не пора ли?
Других несет аэроплан, они по небу мчат, как птахи,
а мы узрим: автомобиль! — и шасть в кусты в священном страхе.
Давным-давно, давным-давно моллы нам солнце заслонили,
и мы глядим на жизнь других сквозь полог тьмы и сырость гнили.

1910

ПРАВОВЕРНЫЕ С БУЛЬВАРА

Ах, спишь ты, дядюшка молла, в краю грузин туманном.
Хоть раз пожаловал бы ты к почтенным мусульманам.
Ты б погулял у нас в Баку и гостем был желанным,
С гаджи сидел бы по ночам в беседе над Кораном.
Ты бы узнал, что и у нас есть тоже душки, дядюшка,
И что укромные места есть для пирушки, дядюшка.

Ты по бульвару бы гулял в передвечерний час,
Когда еще последний луч на небе не угас.
Узнал бы, сколько дивных жен и девушек у нас —
С челом Венер, с походкой пав, прекрасных без прикрас.
Они красавицы у нас, они болтушки, дядюшка.
Ты убедился б, что они такие душки, дядюшка!

Но ты решишь, что на бульвар выходит только сброд?
Здесь правоверные одни гуляют взад-вперед.
Они, как ты или как я,— солидный все народ,
Здесь и гаджи и мешади пошли в круговорот.
Они святые все от пят и до макушки, дядюшка.
И вера в господа для них — не безделушки, дядюшка.

У них в сто зерен четки есть, они творят намаз,
И молятся они весь день пред господом за нас.
Бог упаси, чтоб согрешить могли хотя бы раз,
Они на женщин и мужчин не поднимают глаз.
А ежели про их грешки твердят старушки, дядюшка,
Я б за подобные слушки не дал полушки, дядюшка.

Я их за то и не корю, что ходят на бульвар,
Не говорю, что ищут там они гнилой товар...
Но что там делают они, надев чужой наряд?
Да кто их знает! Ведь они про то не говорят.
Они не вынут свой секрет из-под подушки, дядюшка...
Я б мог сказать. Но верят мне одни пьянчужки, дядюшка.

1910

ЧТО МНЕ ЗА ДЕЛО?

Пусть грабят мой родной народ — что мне за дело?
Пусть он страдает от невзгод — что мне за дело?
Я сыт. Что мне за дело до других?
Я сыт. Мне просто наплевать на них!
Пусть пухнет с голоду весь мир — что мне за дело?

Тсс! Не шуми! Пусть люди спят. Я не желаю,
чтоб спящих подняли, глаза им раскрывая.
А если кто проснется, пусть мне бог
устроит так, чтоб я лишь не был плох.
Пусть грабят мой родной народ — что мне за дело?

Не говори о судьбах мира мне ни слова.
Да хлеба принеси, чтоб я покушал снова.
Зачем, зачем тревожить мне века,
ведь жизнь, я знаю, очень коротка!
Пусть грабят мой родной народ — что мне за дело?
Пусть он страдает от невзгод — что мне за дело?

Сыны отчизны пусть на дне клоаки
бродяжат в страшной нищете, как те собаки,
а вдовы носят пусть позор тряпья,
лишь был бы славен всюду только я!
Пусть грабят мой родной народ — что мне за дело?
Пусть он страдает от невзгод — что мне за дело?

Любой народ не может жить без интереса,
в своей стране шагает он путем прогресса.
Что ж, коль прогресс в дремоте вспомню я,
немедля совершу его, друзья!
Пусть грабят мой родной народ — что мне за дело?
Пусть он страдает от невзгод — что мне за дело?

* * *

Муж сказал: «Я раз в году вижу в зеркале себя
И рыдаю оттого, что уродлив я ужасно».
А жена: «Эх, ты, урод! Мне-то, мне-то каково!
Вижу каждый день тебя,— я воистину несчастна!»

* * *

Нет, я не стоек в убежденьях, мне честь и совесть не указ.
Я — тот арык, что каждодневно меняет русло сорок раз.
Зачем мне знать, где ложь, где правда? Я жить хочу и так и сяк,
То по гвоздю я ударяю, то по подкове бью подчас.

* * *

Отцовский долг еще не в том, чтоб сыновей рождать,
А сколько есть таких отцов — бездумных, беззаботных!

Отцовский долг — в том, чтоб умно воспитывать детей.
Не то мы, люди, упадем до уровня животных!

* * *

Мерило горя — ум, лишь умных горе гложет,
А кто лишен ума, несчастным быть не может.
И мера горести, и глубина страданий
Зависят от ума, и ум несчастья множит.

АББАС СИХХАТ
(1874—1918)

БУДУЩЕЕ ПРИНАДЛЕЖИТ НАМ

Брат мой, любимый товарищ и друг,
Горе и беды ты видишь вокруг!
Пусть же душа не томится твоя,
Знай — разожмутся тиски бытия.
Не ужасайся и, глядя вперед,
Верь в свою силу и в этот народ.
Пусть обнимает тирана тиран.
Мир изнемог от бесчисленных ран.
Пусть зацветет он рассадником зла,
Пусть попирают святые дела,
Пусть нас приказов железо сечет,
Пусть наша кровь по дорогам течет,
Пусть тирании неправедный гнет
Мудрых поносит, правдивых гнетет,
Знаю, поверь мне, что время придет —
Шедший к свободе свободу найдет.
Земли в один обратятся цветник,
Только любовь будет царствовать в них.
Полною чашей станет страна,
Горе и гнет уничтожит она.
В мире не станет ни зла, ни вражды,
В счастье и в солнце утонут сады.
Высохнет слез многолетний ручей,
Не будет виновных и палачей.
Брат мой, ты сказкой надежд не считай.
В будущем правду о них прочитай.

Взглядом окинь мирозданье. Оно
Тяжких мучений и пыток полно.
Темень со всех наступает сторон.
В черную кровь человек погружен.
В распрях, несчастьях народ изнемог —
В жизни он вытерпел больше, чем мог.
Очи подняв, наш печальный народ
Ищет весну эту, ищет и ждет.

ОГОНЬ

О, работай перо, огонь извергай,
Суеверья, невежества тьму разгоняй!..
Эй, встряхнись, кто застыл, у кого сонный вид!
Посмотри: чудеса наука творит.
Чушь внушали тебе, ты выслушивал вздор,—
Рок, судьба — это все пустой разговор.
Ты надеялся: счастье тебе принесут,—
Оттого-то и пуст твоей жизни сосуд.
Надо волю иметь, надо сильно желать,
Надо за руку будущее хватать!
Невозможного в мире сегодня нет,
Все пробьет, все осилит науки свет.
Каждый сможет сегодня достичь своего,
Коль усвоит, что знание — сила его.
Потому, добиваясь цели своей,
Для науки ни дней, ни труда не жалей.
На земле или в небе — где бы ни был ты,
Не отказывайся от дерзкой мечты.
Будь усерден — и будешь властен, могуч.
В суть вещей углубись, это к подвигу ключ.
Ты за счастье борись, а не верь судьбе!
Даст наука широкие крылья тебе,
Чтоб, как птица, летал, чтоб, исполнен сил,
Всем владел ты, все тайны природы раскрыл.
Жизнь на свете лишь силе подчинена,
Все, что слабо, что хило, губит она.
Будешь счастлив, науку, как мощь, любя.
А иначе, поверь, уничтожат тебя.

ГУСЕЙН ДЖАВИД
(1882—1944)

ШЕЙХ САНАН

Проснись, о старец блаженный! Отбрось неведенья сон!
Встань, не теряй времени,— увидишь конец времен.
Слетели ангелы с неба к твоей могиле святой.
Ныне твоя гробница — райский цветник густой.
В небе неудержимо звезды горят, взгляни!
С этими звездами неба спорят Тифлиса огни.
Пойдя за красавицей следом, ты верой своей пренебрег.
Догмы Корана отбросив, сошел с господних дорог.
Но после себя оставил путь, что сам проложил.
Покуда стоять вселенной — тот путь будет людям мил.
Камни твоей гробницы люди целуют, любя.
Каабу любви ты создал для всех, чтущих тебя.
Любви толкователи спорят о ней — и ночи и дни.
Почувствовав святость Санана, сразу умолкнут они.

Не было б смысла в созданье вселенной,— не прекословь!—
Если б не цель мирозданья — бесспорная цель — любовь...

НЕ РАДУЙСЯ ЧУЖОМУ ГОРЮ

Не радуйся чужому горю, милый,
Злорадство брось, не смейся над бедой,
И не встречай улыбкою постылой
Того, кто схвачен горькою нуждой.

Насмешка, едкое словцо порою
Ножом пронзают сердце на года.
И помни: тот, кто ранен был тобою,
Уже не исцелится никогда.

Не оскорбляй! А волю дашь гордыне
И оскорбишь — откроешь мести путь.
Заплачет завтра, кто смеется ныне.
Не рань других, всегда отзывчив будь!

УЛЫБНИСЬ

Цветок души, улыбнись! Твоя улыбка нежней
Всего, что в мире большом мне счастье дарит, пьяня,
А шелест крыльев твоих, мой утренний соловей,
На выси творчества вмиг всегда возносит меня.

Зачем на светлом лице туман неведомых бед?
Зачем течет по щекам слезинок нежных роса?
Ведь если сквозь стену туч проглянет солнечный свет,
Твоя улыбка взлетит, как радуга, в небеса.

Твоя улыбка равна странице жизни моей!
Тебе неведом самой предел твоей красоты!
Играет нежность в тебе, как волны в шири морей!

Цветок души, улыбнись! Сорви стесненья печать!
Меня своей красотой, как цепью, сковала ты!
Как раб стою пред тобой, как столп — я должен молчать.

НЕ ВИДЕЛ

Оглушенный, я поддался крику сердца моего —
И, влюбленный, кроме боли, я не видел ничего.
Жаждет верности красавиц истомленная душа.
Кроме горемычной доли, я не видел ничего.

Розы без шипов не видел и сияния без тьмы,
Только влюбимся — и сразу жить должны в разлуке мы.
Верят в вечную усладу только жалкие умы.
Кроме ветра в чистом поле, я не видел ничего.

Я видал там много слабых исстрадавшихся сердец.
Я жалел людей, не зная, где двурушник, где подлец.
В тех, кого считал я другом, разуверился вконец.
Кроме гадов — им раздолье! — я не видел ничего.

Скрыта горечь за любовью, за улыбкой скрыта лесть.
Наше счастье — бледный отблеск зорь, которым не расцвесть.
Может статься, ошибаюсь? Все, что здесь привел я,— есть.
Кроме злобы и неволи, я не видел ничего.

НА ЗАКАТЕ

Горит, как прежде, душа, больное сердце поет,
Природа и та грустит, везде глухая печаль.
И плачет, преображен унынием, небосвод,
Души немая тоска пронзила мутную даль,
Но если солнца лучи прорежут грязный туман,—
Быть может, буду и я вселенской радостью пьян!

Владеет солнце-султан просторами без конца,
Оно, не знаю зачем, закрыло пологом лик.
Зачем не греет оно нагие наши сердца?
Зачем живительный луч сквозь космос к нам не проник?
«Зачем, не знаю зачем?» — спешу я вопрос задать...
Сгустились тучи, и вот — глухая пропасть опять!

Творец! В светиле твоем — кровавый, бешеный бред,
Лучами, полными зла, жестокий демон грозит,
Скрывает тысячи тайн багрово-искристый свет,
В нем след извечной войны, в нем боль несмытых обид!
Оно — свидетель огней, несущих гибель для нас,
Улыбка его мрачней и злее от часу час.

Угрюмо солнце — но в том высокая правота:
Над веком двадцатым бьет предвечной злобы крыло.
Устало сердце — но в нем жестокая правота:
Покорны веку-отцу, творят ученые зло.
Стал ангел людям врагом и принял лик сатаны!
Зачем же пред ним и мы сгибать колени должны?

Мир бойней стал для людей, кругом бушует война,
Никто не может считать себя свободным от бед.
Скажи: в какие года цвела без крови весна?
В любой из эпох земли найди правдивый ответ!
В крови сердца и цветы; леса, долины, поля,
Моря и рой облаков... Лишь кровью дышит земля.

Глаза у наших царей застлал кровавый туман,
Чего же ищут они в безумной злобе своей?
Вой пушек и блеск штыков, немолчно бьет барабан,
Чертоги в воздух летят в завесе алых огней...
Ужели нет ни любви, ни жалости... Не пойму!
К чему весь этот кошмар, вся дикость эта к чему?

Я спрашиваю «зачем?», но мощно льется вокруг
Волна стенаний и вопль — войны чудовищный шум.
Подъемлет волосы вверх проникший в душу испуг,
И молний бешеный блеск слепит встревоженный ум.
Но грохот мне говорит, мне шепчет багровый свет:
«Покоя нет без забот и счастья без горя нет».

Уверься: в жизни раздор — природы вечный закон,
Конца не видно ему, начала не видно в нем.
Спасенья нет от судьбы, для смерти нету препон,
А век побед и смертей сулит нам новый подъем.
Но сам ты крови не лей! Ты должен зло одолеть.
Наш мир прекрасен, но им лишь добрый вправе владеть.

1915

УХОДИ

Не хочу я слышать слова про любовь и страстную дрожь,
Уходи! Я знаю тебя! Все твои уверенья — ложь.
Уходи, красавица, прочь! Знаю цену твоей любви.
Все понятно: скоро себе ты другого друга найдешь.

Если даже ты ангел — прочь, лицемерная, отойди!
У того, кто верит тебе, хаос чувств бушует в груди.
Понял я закон христиан! Мне довольно горьких обид!
Раны сердца, кафира дочь, понапрасну не береди.

Мне казалось, что ты проста; ангел ты — я думал всегда.
Что же делать? Душе моей ты все время была чужда.
Не могу я верить тебе и любить тебя не могу,
Или это была любви и влюбленности череда?
Не толкуй мне больше про страсть и про неги сладостный плен.
Я постиг, что это обман. Наслаждения мира — тлен.

ПЕРЕД БОГИНЕЙ ВОЙНЫ

О месть, искрящая на огненных крылах,
О ты, богиня войн, дракон нещадно злой,
Ты нагляделась всласть на кровь, крушенья, прах:
Трагедию кончай и занавес закрой!
О гений катастроф, довольно сеять жуть,
Оставь свою игру! Пусть вольно дышит грудь!

От ужасов твоих трепещет белый свет,
Стенает под пятой не только род людской —
В земле и под водой живым пощады нет,
И даже хищники, объятые тоской —
Пантеры, львы,— вопят: «Спасения от бед!..»

О мечущая гнев, побед слепой творец,
Довольно! Мир устал! Устанешь ты когда?
Все в распрях и борьбе измучились вконец.
Дай кровь земле впитать, исчезни без следа!
Покоя жаждет мир, свободы ждет народ,
Надеждой сладкою на лучший день живет.

Пока здесь правит зло,— в загоне тишина,
Хоть свет, в конце концов, родится в тьме ночей...
Свобода — неженка, для счастья рождена:
Пока земля в крови,— не улыбнется ей.
А злой закон земли живет с седых времен;
Какой бы ни был бог,— до крови алчен он.

Но тьма рассеяна, зло втоптано во прах.
Надежды торжество в заре знамен цветет,
Лучат глаза тепло, улыбки на губах:
То справедливость к нам желанная идет!
Но вольность на земле — не сладкие ль мечты?..
Свобода, отзовись! На свете есть ли ты?..

17 мая 1917

АВАРСКИЙ ПОЭТ

ЧАНКА (ТАЖУТДИН)
(1860—1908)

ПОДНЯТЬСЯ БЫ МНЕ В ГОРУ...

Отправившись в горы, увидеть бы мне
Павлина, унесшего долю мою,
Орла бы в хунзахской найти стороне,
Того, о ком слезы горючие лью.

Я всем облакам, что кочуют в горах,
Для друга любимого дам по письму.
О ветер, летящий на крыльях в Хунзах,
Ты другу поклон передай моему.

Мне данного слова не смог он сдержать,
Поэтому слезы туманят мой взгляд,
Лишь стоит мне вспомнить его, как опять
Жемчужные плечи мои задрожат.

Откуда ты родом, неведомо мне,
Нарушивший клятву лихой муталим?
В насмешках тону по твоей лишь вине,
Доставил утеху ты сплетницам злым.

О беркут, разбивший немало сердец,
Кого собираешься нынче когтить?
Где скачешь, не знавший узды жеребец?
Кому пожелал показать свою прыть?

На девушек красных охотясь давно,
Во скольких аулах вздыхал под луной?
Влечет тебя лишь сладострастье одно,
Со сколькими близок ты был, как со мной?

Туман по ущелью клубится — взгляни:
То ветер не вздохи мои ли принес?
На дождик взгляни — не ему ли сродни
Потоки моих нескончаемых слез?

Будь горлинкой я, отыскала б тотчас
То место, где беркут гнездится в горах.
А на плоскогорье я тысячу раз,
Чтоб друга найти, обошла бы Хунзах.

Мой род почитаем с древнейшего дня,
От века людьми уважаем окрест,
Но ты очернил его, бросив меня,
Лукавый жених из неведомых мест.

Провидец Иса, что из мертвых воскрес,
Не ты ль соблазнил меня, страстный пророк?
Хизри, не с тобой ли, избранник небес,
Я впала однажды в опасный порок?

Кто может в кремневке заметить изъян,
Которую тронул туман золотой?
Тигрица порой попадает в капкан,
Порой спотыкается даже святой.

Не горец простой, а ученейший муж
В обман меня ввел, погубил мою честь.
Не только Коран, и Хадис он к тому ж,
Я знаю, сумел бы на память прочесть.

Уступит и сталь, если встретит она
С алмазным концом боевое копье.
Чугун уступает, а ты чугуна
Слабей, белоснежное тело мое.

Сразил мое сердце ученый жених
Не мудростью строгих божественных книг,
А тем, что из книжек он самых земных
Науку любви и соблазна постиг.

Хоть было мне больно порою до слез,
Терпела я муки, от ближних тая.
Орла, что любовь и страданья принес,
Подвергнуть боялась опасности я.

Хотела б я книжкой божественной стать,
Что издана в Мекке. Ведь мог бы тогда
Любимый меня на ладонях держать,
И я б никакого не знала стыда.

Касаткой мне быть бы! Клянусь, что в гнезде
Я глаз не смыкала бы ночи и дни
У входа в ту келью безмолвную, где
Находятся с милым лишь книги одни.

На кадия нынче не в силах смотреть,
Был кадий жесток с ненаглядным моим.
Теперь, когда сокол покинул мечеть,
Мне в ней ненавистен любой муталим.

О ветер, сорвавшийся с горных вершин,
Скажи, почему не остудишь меня?
Ответствуй, родник, что наполнил кувшин,
Зачем не погасишь во мне ты огня?

Ужели сура есть в Коране о том,
Что господом будет прощен муталим,
Коль я, воспылавшая жарким огнем,
Погибну обманутой милым своим?

Моей красотою пленен Дагестан,
А мне от нее только горе одно.
Я гурия рая в глазах аульчан,
Не легче от этого мне все равно.

О конь необъезженный, как ты хорош!
Где топчешь теперь облюбованный луг?
О сокол, где нынче охоту ведешь,
Кому на перчатку садишься, мой друг?

* * *

Когда б за стройность награждал невест
Правитель, восседающий на троне,
Ты не один уже имела б крест,
Как самый храбрый в русском гарнизоне.

Когда б красою плеч определять
Царь степень чина повелел в указе
И стал в горах погоны нашивать,
Была бы ты сардаром на Кавказе.

Когда б давала к пенсии казна
За красоту высокую надбавку,
Могла бы ты в горах, как ни одна,
Спокойно выходить уже в отставку.

Прославился искусством каллиграф,
Бела его сирийская бумага,
Но ощутил, портрет твой описав,
Несовершенство слов людских, бедняга.

Кто две луны, не скажешь ли ты мне,
Украсив лоб твой, вывел тушью черной?
Течет, переливаясь по спине,
Коса, как речка по долине горной.

Пусть лучше упадет твоя коса,
Сразит тебя позор, подобно грому,
Чем косу расплести, моя краса,
Позволишь ты вздыхателю другому.

Кто не горел в отчаянном огне,
Пусть за любовь не судит нас сурово.
Что ты мертва — услышать легче мне,
Чем знать, что ты в объятиях другого.

АВАРСКИЙ ПОЭТ

МАХМУД ИЗ КАХАБ-РОСО
(1873—1919)

ЗЕМНОЙ ПРАЗДНИК

Наступил рамазан. Отказавшись от пищи,
В понедельник собрался поститься аул.
Стар и млад, чуть стемнело, пришли на кладбище,
Ветер жизни тогда на могилы дохнул,
И вдыхали тот запах знакомый и милый
Опочившие души, покинув могилы.

У меня не скончался никто из родных,
Я живу на земле, ни о ком не горюя.
На людей равнодушно сегодня смотрю я.
Как мне быть? Если праздник священный у них —
Буду праздновать праздник земной и греховный!
Не нуждаюсь я ныне в отраде духовной,
Я к любимой отправлюсь, и там, согреша,
Обретет и свободу и счастье душа.

«Больше трусить не буду,— решил я отважно,—
Достается лишь храброму соколу дичь!
Смерть и жизнь — от всевышнего,— молвил я важно,
Кто бесстрашен, тот цели сумеет достичь».
Я помчался, ногою земли не касался,
Самому себе тучкой небесной казался!
Наконец предо мною возлюбленной дом.
«Я сошел с облаков, я пролился дождем,
Я спустился к тебе»,— так сказал я горянке.
И подруга проснулась от легкого сна,
И вздохнула она, и сверкнула она —
Золотая монета стамбульской чеканки!
Я погиб, я ослеп: это чистый фарфор,
На котором царем нарисован узор!

И подруга вступила со мной в разговор,
Даже камни забора улыбкой пленяя

И чаруя над розами реющих пчел:
«О часы из Дамаска, сокровище рая,
Почему ты, скажи мне, так поздно пришел?
В этот вечер исчезли покой и молчанье,—
Как мне быть? На дороге шумят аульчане,
Просыпается мать, мой отец не заснул,
Шумен праздник, не спит, веселится аул,
Лают псы по дворам, зложелатели рядом,
Что пронзить нас готовы завистливым взглядом.
И соперников много таиться во тьме;
Ты обидел их, недруги склонны к злословью,
Ну а мы, с нашей чистой и страстной любовью, —
Мы видны отовсюду, как флаг на холме!
Презирая опасность, пришел ты с бесстрашьем,
Как же быть мне с тобой, посоветуй ты мне?

Берегись! Перед грозным предстанешь ты стражем.
Словно тур на вершине, он чуток во сне.
Мимо женщин, мужчин не пройдешь незаметен,
Языки у ханжей удлинились для сплетен,
Ты, как сокол, детей всполошишь — соколят,
Освещенные окна повсюду горят.
Что мне делать с тобой? Честь всего мне дороже,
А меня ты погубишь, повергнешь в позор.
Если ночью заметит нас поздний прохожий,
То нагрянут на нас клевета, наговор!»

«Дай мне слово сказать! — я взмолился к подруге.—
А что делать со мною, решишь ты сама.
Я увидел твой стан — стройный, тонкий, упругий,
Я увидел твой стан — и сошел я с ума!
Я пришел к роднику, обезумевший, дикий,
Повстречался я с джином, с бесовским владыкой,
Он сказал: «От огня ты погибнешь, поверь,
Он сожжет изнутри тебя, в сердце клубимый.
Умереть не желаешь в пустыне, как зверь?
Так садись на меня и отправься к любимой!»

Я помчался. Была в моем сердце тоска,
А вокруг меня джинов летели войска.

Ах, зачем к роднику я пришел ненароком!
Сам себя истерзал я суровым упреком:

Ты скрывалась, о птица небес, ото всех,
Я тебя разбудил — разве это не грех?
Ты лежала на ложе из кости слоновой,—
Как посмел я, ничтожный, сказать тебе слово?»

«Скольких женщин твои обманули слова?
Иль не помнишь, кому их сказал ты сперва?
Очевидно, черед мой настал, а иначе
Не пришел бы ко мне с этой речью горячей.
Но уж если пришел, так скорей заходи,
Обниму я, прижму тебя крепко к груди!

Говорят, покорил ты горянок немало,
Даже тех, что имели змеиное жало,
А теперь — ничего в этом странного нет —
Ты решил покорить и меня. Я согласна,
Покоряюсь тебе, только дай мне обет,
Что ты будешь мне верен всегда, ежечасно,
Что меня ты не бросишь, как бросил других,—
И тогда устремись хоть к заоблачной выси,
Как ездок на подъемной машине в Тифлисе!
А в словах-леденцах, в сладких песнях твоих
Не нуждаюсь я: многим ты щедро дарил их,
Поняла я, увы, какова их цена!
Будь мне верен, и буду тебе я верна,
Нет, противиться больше тебе я не в силах!

Если женщины все покорились тебе,
То могу ли я, женщина, стать исключеньем?
Но уймись наконец, благодарный судьбе,
И предел положи ты своим приключеньям.

Будь доволен судьбой, будь доволен и мной,
Кобылицей Ширвана, аварской луной!
Даже пчелка, что реет над амброй душистой,
Не сравнится со мной, благовонной и чистой,
Не найдет никакого изъяна во мне!
Родилась я от матери в этом ауле,
Красотою здесь девушки ярко блеснули,
Только нет мне подобных в родной стороне!
Если вдруг я вспорхну, словно райская птица,
То соседи в ауле не будут дивиться.
Нет мне равных вблизи, не найти вдалеке,
Я — волшебная рыбка в Джейхуне-реке!»

Так сказала мне та, что мне жизни милее,
И, поверженный в прах, я смотрел на чело,
Что всему Дагестану сияло светло,
А когда, обезумев, коснулся я шеи —
Даже в саклях аварских не сыщешь белее,—
Я забыл обо всем, что пришло и ушло!

Так сказала подруга в тот вечер великий,
От нее, как от солнца, забегали блики
По стене, по дверям, осветив потолок.
Так сказала подруга, а губы-рубины,
Засверкав, отразили наш пламень единый.
Понял я, что не буду теперь одинок,
Я обрел наконец долгожданную радость!

С той поры как изведал я слов ее сладость,
Мне безвкусными кажутся сахар и мед.
Я пьянею и падаю, как от дурмана,
Вспомнив запах ее драгоценного стана.
О любимой моей говорит наш народ,
Что она создана из хрустального света!
Я услышал дыханье весеннего цвета
И увидел я зеркало жизни моей:
Горло, полное амбры, на нем — ожерелье,
Я увидел умельцев индийских изделье —
Сотворенные красками крылья бровей,
От которых пришли в восхищение люди,
Стройный стан, что ни с чем на земле не сравним,
Подбородок сияющий, белые груди —
Это стало моим, это стало моим!

Сто частей целовал я прекрасного тела,
Оторвавшись на миг, приникал я опять,
Чтоб его целовать, целовать, целовать!
А чело, словно зеркало, ярко блестело,
Опьяненный, я пальцем провел по челу,
Как по зеркалу, по дорогому стеклу...

Описать бы пером упоение страсти,
Но и моря не хватит для синих чернил.
Рассказал я бы всем про любовное счастье,
Но потом чтоб меня женский род не бранил.

МАРИАМ

О, как сердце мое сжигает тоска,—
Облака, облака, возьмите мой вздох!
Известите, прошу, небесную власть:
Пишет жалобу страсть, что я занемог!

О смятенье души, о грозном огне,
Ветер горных вершин, всю правду открой,
Поравняйся с зарей, в ущельях кричи
И рассвету вручи письмо обо мне.

Мой проворный джейран, ты всем расскажи,
Что в горах ледяных оставил меня.
Златорогий мой тур, ты всем расскажи,
Что в оврагах глухих оставил меня.

Тяжкий жребий несу, ночую в лесу,—
Не являюсь ли я любимой во сне?
Я в безлюдье живу, забыт для земли,—
То не твой ли вдали платок промелькнул?

Есть в конторах листы, да кто передаст,
Если я напишу письмо о любви?
Серна скачет в горах, и мчится олень,
О тебе каждый день справляюсь у них.

За тобою везде брожу день за днем.
Я в народе родном пословицей стал.
Что постигло тебя? Взойди на крыльцо,
Хоть одно письмецо страдальцу отправь!

Я ни разу с тех пор очей не сомкнул,
Как покинул аул, простился с тобой.
Сон враждует со мной: «Не спи, говорит,
Без возлюбленной ты не вправе заснуть!»

Если в горных лесах заблудится зверь —
Иль найдет он тропу, иль гибель найдет.
Если сможет твой друг дожить до весны —
Иль обнимет тебя, иль в землю сойдет.

Где он, редкий покрой нарядов твоих?
Ты на́ крыше явись, лицо мне открой,
Ты в мечте отзовись на голос любви,
Мертвецов оживи дыханьем своим.

Замышляют войну цари, короли
И народы земли сзывают на бой,
Ну а я? Лишь тобой я занят всегда,
Лишь тебе посвятил я думы свои.

Солнца жар в колыбель твою не проник,—
Мне бы сердце раскрыть, смотреть на тебя.
Чудны речи твои, певуч твой язык,—
Мне бы сердце раскрыть и слушать тебя.

В день, когда на тебя хоть раз я взгляну,
Обратится в весну седая зима.
Если солнце зайдет, не скроется день:
Ты мне будешь светить — рассеется тьма.

Как луна ты взошла, для глаз не видна,
В раны сердца влила томительный яд.
Словно солнце зашло, но виден твой свет,
И опять я одет могильною мглой.

Надоело седло, не радует конь,
От погонь за тобой давно я устал.
Опостылел кинжал, я бросил ружье...
Где ты, солнце мое? Ослеп я совсем!

Без тебя мир земной — губительный яд;
Там, где ступишь ногой, там рай для меня!
Мне не нужен другой: твой пол земляной,
Крыша сакли твоей — вот рай для меня!

Где бы я ни бывал на русской земле,
О тебе вспоминал, искал твой портрет.
Целый свет обошел, его не нашел,—
Сердце отдал бы я за этот портрет!

На персидский базар не раз я ходил,
У евреев товар рассматривал я,
Все шелка разглядел на полках у них:
Я твой образ хотел в наклейках найти!

Я в театре бывал, смотрел на актрис,
Даже в синематограф как-то забрел,
Но тебя не обрел: дрожит полотно,
А тебя все равно нет рядом со мной!

Не безумна ли страсть, не бред ли любовь?
Но какая же власть у этих безумств!
Ты сидишь взаперти, жалея людей,—
Где бы смог чародей тебя срисовать?

Лишь по праздникам, днем, выходишь на миг,—
Скрой скорее свой лик: мы сглазим тебя!
Долго ль странствовать мне по странам чужим?
Я увидел пустым вселенной базар.

Я прошел на войне по русским полям,
Вот я к рыжим чертям, к австрийцам попал.
Всюду здесь ты живешь, горянка моя:
И осанка — твоя, и гордость — твоя.

В каждом доме портрет висит на стене.
Я смотрю, это ты, сомнения нет!
Повторилась опять ошибка моя?
Нет, улыбка — твоя и прелесть — твоя.

Так же телом нежна, как цвет на лугу...
Я смотрел дотемна — сломалась спина!
Обезумел совсем, лишился я сил,
И не вытерпел я, спросил у людей:

«Это чей на стене прекрасный портрет?»
Мне сказали в ответ: «Она — Мариам,
Что невинной была, Христа родила...»
Милосердный аллах! Различия нет:

Очертание лба, сияние глаз...
Я погибну сейчас, я вижу тебя!
Так же брови черны, улыбка чиста,
Лишь раскроет уста — услышу тебя!

Могут схожими быть две разных души,—
Почему же у вас одежда сходна?
Могут схожими быть уста и глаза,—
Как же создал вас бог из глины одной?

Нет, надежде моей не сбыться вовек,
Этот день навсегда прошел для меня.
Мне Полярной звезды не видеть вовек,
Эта ночь навсегда прошла для меня.

Молодая пчела цветами долин
Насладиться спешит, но сока не пьет.
Наслаждаюсь тобой, вдали от тебя,
Побеждаю, любя, того, кто с тобой.

Христиане в мольбе взывают к тебе,
Осеняя крестом и сердце и лоб,
Всюду, в каждом углу, светильники жгут,
Поклоняясь, хвалу возносят тебе.

Я любуюсь тобой, меж ними стою,
Но поклонов не бью, киваю тебе.
Пусть бездушный портрет висит на стене,
Но ему, как тебе, почет воздаю.

Уголь в топке горит, пылает накал,
Но, придя на вокзал, стоит паровоз!
А со мною судьба сраженье ведет:
Шаг назад — шаг вперед, вперед и назад.

Было так, будет впредь... Стерпи, говорят.
Что же, надо терпеть! А долго ль терпеть?
От любимой с письмом никто не идет.
А бывало... Молчи, забудь обо всем!

ДАРГИНСКИЙ ПОЭТ

БАТЫРАЙ
(1831—1910)

ГЕРОИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

* * *

Ты руками в плен берешь
Волчьи стаи на степях,
Ловишь сокола конем
На подъемах Эндери.

Коль в пути застанет ночь —
Вся земля тебе постель,
Одеяло — небеса —
Серебром расшитый шелк.

* * *

Там, где конь стреножен твой,
Круглый год цветут цветы,
В светлой горнице твоей
Шахбагдадские ковры.

Твой неугомонный конь
Чистым кован серебром,
Сам ты в золото одет,
Мой прославленный герой.

* * *

Грудью своего коня
Ты укроешь караван,
Твоего оружья тень
Скроет войско под собой.

Ворочан переплывая,
Сух останется твой конь.
На Самур придя в грозу,
Ты уйдешь в сухой броне.

* * *

Нет, прославленный герой
На кладбище не лежит,
И надгробья храбрецам
Ставят на краю дорог.

Коротка героя жизнь —
Лет, примерно, двадцать пять:
Коль не сгубят чужаки,
Царь на каторгу сошлет.

ЛЮБОВНЫЕ ПЕСНИ

* * *

Если выйдешь ты за дверь,
Точно солнце из волны,—
Как над морем камыши,
Тело вздрогнет у меня.

Если выглянешь в окно,
Как луна в просвете гор,—
Точно птица в камышах,
Взор трепещет у меня.

* * *

Да не встретится любовь
Там, где ей не суждено,
Ибо жалости в любви
Нет, как в пасмурных лесах
Жалости у волка нет
К уворованной овце.

Да не будет страсть сильна
Там, где быть ей не дано.
Ибо беспощадна страсть,
Как к закованному в цепь
Горцу в каторжной тюрьме
Беспощаден белый царь.

* * *

Эта черная коса
Обвила Дербент вокруг,
Лоб, как месяц из-за туч,
Светит ночью городам.

Брови тонкие на лбу
В мудрецах рождают страсть,
А глаза из-под бровей
Ранят в сердце храбрецов.

* * *

Я иль дом твой повалю,
Как гроза валит хлеба,
Или в жизнь твою ворвусь,
Как войска в Нарым-Калу.

Или я в Сибирь уйду,
Как на Астрахань корабль,
Иль сойду в могилу я,
Как солдат заходит в храм.

Но тебя, мой светлый рай,
Так иль этак я добьюсь.

* * *

Пусть сожжет наша любовь
Между нами перевал,
Чтоб, едва подняв глаза,
Нам друг друга увидать.

Пусть сровняет наша страсть
И ущелья и хребты,
Чтоб, едва заговорив,
Нам друг друга услыхать.

* * *

Ты со всяким говоришь,
Точно кадий. Может быть,
Для твоих учеников
Я гожусь в учителя?

Строй друзей имеешь ты,
Точно воин. Может быть,
В знаменосцы я гожусь
Для отряда твоего?

ИЗ ПЕСЕН О СЕБЕ

* * *

Ах, могу ль я песни петь,
Если мой высокий стан —
Стройный тополь средь кустов —
Нынче клонится к земле,
Как под инеем трава.

Ах, могу ль я песни петь,
Если гордое мое
Сердце сокола в груди
Сожжено печалью дней,
Солью горестей мирских.

Ах, могу ль я песни петь,
Если меткий мой язык,
Как у мудрецов седых
Прежде острый, стал тупым,
Точно выщербленный штык.
Ах, могу ль я песни петь,
Если ясные мои
Очи-луны подо лбом
Нынче тускло видят мир,
Как в подзорную трубу.

Ах, могу ль я песни петь,
Если вольные мои
Жилы злого скакуна
Болью скованы теперь,
Точно Волга зимним льдом.

Ах, могу ль я песни петь,
Если волосы мои,
Как у Камалул-Баши,
Черный ус и борода
Стали белыми как снег.

Я, бывало, песни пел,
Как была моя пора.

В шелк одевшись и в атлас,
Весь в оружья серебре,
Сидя на коне лихом
Из шахмальских табунов.

Был в поступках волен я,
Как на пастьбе жеребец,
Брал лишь то, что вровень мне,
Низкорослое давя.
Как на пастьбе жеребец,
Растоптал я этот свет.

Как же я спою теперь,
Если тягостный недуг,
Если смертная печаль
В угол бросили меня,
Точно шубу сироты.

Ой, Омара Батырай!

ДАРГИНСКИЙ ПОЭТ

АХМЕД МУНГИ
(1843—1915)

МАДАМ

Был в Париже я и там
Жил в отеле небольшом.
Как то раз ко мне мадам
Подошла на каблучках.

Показалось: с полотна
Весело сошла ко мне
Полуголая она,
Стройная, как кипарис.

Подмигнула и сама
Руку протянула вдруг.
Долго было ли с ума
Мне от этого сойти?

На охотника и тур.
Говорит «манжур» она.
Переводит друг «манжур»:
Это значит «я — твоя».

Есть на все своя цена.
Тут же заказал обед
И потребовал вина.
Ох и крепок был ликер.

И у пира есть конец:
Все изделия свои,
От браслетов и колец
До булавки, пропил я.

Горек был похмелья час:
Ни копейки за душой,
И гудела в первый раз,
Словно колокол, башка.

Не беда, что должником
Стал я друга своего,
А беда, что с кошельком
Инструменты загубил.

Из московской стали где
Пилки и резцы достать?
Чем работать? Я в беде,
Будто бы лишился рук.

А дорога далека
Из Парижа в Кубачи.
И сверлить взялась тоска
Душу грешную мою.

Белотелую мадам
Я оставил для мусье,
Посоветовал друзьям
Ум в Париже не терять.

Есть у нас свои мадам
В Дагестане среди гор.
И любовь не носят там
Для продажи на базар.

* * *

Да погибнет этот мир,
В коем правды ни на грош.
Десять шуб у одного,
У другого — ни одной.

Десять жен у одного,
У другого — ни одной,
Ни одной, как у меня.
Будь он проклят, этот мир!

Золото у одного,
Мастерская, мастера.
Я ж на медный перстенек
Блеск фальшивый навожу.

ПЕСНЯ МОЛОДЫХ КУБАЧИНЦЕВ

В путь-дорогу, молодцы,
Отправляться нам пора.
Молоточки и резцы,
Как всегда, возьмем с собой.

До чужих добравшись мест,
Пустим молоточки в ход,
Вспоминая про невест,
Что остались в Кубачи.

Персиянкам золотых
Мы наделаем колец
И в стамбульских мастерских
Не один скуем браслет.

Нам дойти не мудрено
До французских городов.
Мы в Париже не одно
Ожерелье смастерим.

Молоды у нас сердца,
И на весь прославлен свет
Почерк тонкого резца
Кубачинских мастеров.

РЕЗЕЦ

Друг ты мой с давнишних пор,
Крепкий, как алмаз, резец,
Тонкий наносил узор
Я тобой на серебро.

Сам резцом хотел бы стать!
Что резьба по серебру?
Мне бы счастьем украшать
Человеческую жизнь.

Друг ты мой с давнишних пор,
Крепкий, как алмаз, резец,
Ты уже не так остер,
Да и я уже не тот.

СТИХОТВОРЕЦ И МУЛЛА

Рад на свадьбе досветла
Петь я песни о любви.
Рад покойнику мулла
Нараспев читать Коран.

Друг от друга далеки
Стихотворец и мулла.
Никогда своей руки
Пламя не подаст воде.

КУМЫКСКИЙ ПОЭТ

ИРЧИ КАЗАК
(1830 — 1879)

АСХАРТАУ

Асхартау, горы нет сильнее тебя,
Дон-река, нет реки, что сильнее тебя,
Аргамак, нет коня, что стройнее тебя,
Эй, смельчак, нет людей, что славнее тебя.

Ты сильна, Асхартау, но птица сильней:
Пролетает легко над вершиной твоей.

Ты велик, синий Дон,— что мне в том, что мне в том,
Если даже и ты покрываешься льдом?

Строен ты, аргамак, ты подобен огню,
Но дорогу уступишь простому коню.

Эй, смельчак, разве совесть и честь ты сберег,
Если ты на пиру, в руки взяв свои рог,
На колени становишься пред подлецом
И его славословишь с умильным лицом?

ПЕСНЯ ПОГОНЩИКА ВОЛОВ НА ПАХОТЕ

Чужую землю пашем на равнине,
Чтобы арбузы выросли и дыни.
Мы страстно жаждем тихих дней, без ветра.
О, если б солнце глянуло отныне!

А ветер дует, дует неизменно.
На небе тучи. Скоро ль перемена?
Никак у нас не ладится работа,
И мокрое волам противно сено.

«Эй, эй»,— кричим, но плуг волы не тянут,
Трава цветет, а на нее не глянут.
Мученья мы неслыханные терпим.
О, скоро ли нас мучить перестанут?

УДАЧА

Когда с преступником, судьбе наперекор,
За дело честное бедняк вступает в спор,
Пусть победит и жизнь отдаст он,— все равно
Ему ни почестей, ни славы не дано.

А кто богат, хотя с похмелья глупо врет,
Хотя позорит он себя и весь свой род,
И скудоумия он перешел предел,—
Всегда, во всем он прав, почет — его удел.

Хоть силою ума бедняк поборет льва,
О нем, как о глупце, везде идет молва.
Удача! Проклята твоя да будет ложь:
Ты подлость дураков за мудрость выдаешь.

С презренного лжеца удача смоет грязь,
Прославит подлеца, позора не стыдясь.
Проникнуть в суть вещей нам надобно, друзья!
Он плох или хорош, но вывод сделал я:

Коль важные дела приходится решать,
Кого, кого зовет заносчивая знать?
Того, кто бестолков, того, кто недалек,
Но лишь бы у него был полон кошелек,
Но лишь бы у него угодлив был язык,
Но лишь бы грубо льстить и подличать привык...

На сотню бедняков один едва ли есть,
Чья признавалась бы заслуженная честь,
Но и его удел печален и жесток,
Во всех своих делах он будет одинок.

ТРИ ГОДА — МОЙ СРОК

Я другу Батыру и зятю Акаю
Седого отца и жену поручаю.
В проклятой Сибири, где годы черны,
Три года я буду сидеть без жены.
Вернусь — так вернусь. Не вернусь я отныне —
Пусть пропадом я пропаду на чужбине.

Три года пусть терпит супруга беду,
А если в назначенный срок не приду —
Я месяц даю благоверной сверх срока:
За низкого, созданного для порока,
Пусть выйдет она на четвертом году!

Когда Асхартау зеленые склоны
Услышат птенцов разговор оживленный,
Тогда возвращусь я в родимый приют.
Когда же зеленые склоны увянут,
Пусть к родичам люди чужие придут,
Несчастную душу в молитвах помянут.

ГЕЙ, ДЖИГИТЫ!

Гей, джигиты, заботы не знайте в горах,
Пусть пройдут ваши дни в наслажденьях, в пирах,
Пусть подобные вам, что в разлуке скорбят,
Позабудут тревогу, невзгоду и страх.

Где вы, дни без невзгод, где вы, дни без тревог,
Тяжко будет нам, братья, в руках палачей.
Для молитв мусульманских не создан острог,
Нам дышать не позволят тюремщики-псы,—
Будем бога молить, чтоб шамхал нам помог.

Гей, поля колосятся — волна за волной!
Веселятся ль товарищи наши теперь
Или горькою думой объяты одной:
«Сколько месяцев долгих бредет Атабай?
Не погас ли Казак за тюремной стеной?»

Пусть в черкесках, с разрезами на рукавах,
Наши горцы пройдут, не снимая папах!
А когда эту песню джигиты споют,
Пусть красавицы наши заплачут в горах.

МОЛИТЕСЬ ЗА НАС

Мы в бездне, мы в тисках, добыча тленья,
Уже не можем возносить моленья,
Ислам не принесет нам избавленья,
За нас молитесь, братья дорогие!

Нас гнали в пропасть, как солдат под пули,
Мы кровь свою глотали, спины гнули,
Нас крепко кипятили, как в кастрюле,—
За нас молитесь, братья дорогие!

Когда команду мы не понимали,
Нас били и дерьмом нас обзывали,
Поймете наше горе вы едва ли,
За нас молитесь, братья дорогие!

Мы пишем вам пером тоски и муки,
О братья, к вам простерты наши руки.
Не дай вам бог страдать, как мы, в разлуке,—
За нас молитесь, братья дорогие!

Услышьте, братья, братьев стон глубокий:
Ваш близкий родич страждет, друг далекий!
Казак вам посылает эти строки,—
За нас молитесь, братья дорогие!

ИЗ СИБИРСКИХ СТИХОВ

Для чего нам упреки,
Если мы одиноки?
Далеко ты, отчизна,—
Трон алмазный, высокий!

Здесь о нас не тоскуют ли дни и недели?
Здесь весной, как зимой, не шумят ли метели?
Мы дождемся ли дня, чтобы синие очи,
Чтобы родины очи на нас поглядели?

До любимого Дона, до края родного
Семимесячный путь нам пройти надо снова.
Много здесь батраков, здесь невольников много,
Их печаль бесконечна, их доля сурова.

Тяжело наше время, легло на нас бремя,
Здесь, в снегах, прорастет ли надежд моих семя?
Умоляю творца, чтобы людям открыл он
Тихий Дон голубой, бурно мчащийся Терек,
Мы, к плоту привязавшись, достигнем отчизны,
Переплыв мелководье, мы выйдем на берег.

Братья, высохли наши сердца от недуга,
Не погреться на солнышке — стужа да вьюга.
Нашим горьким словам на дворах будет тесно,
Если станем рассказывать мы друг про друга.

Дагестанец Казак, ослабевший от боли,
На тебя, Райханат, не надеюсь я боле.
Я в ловушку попал из-за хитрости лисьей,
Обещала помочь — не спасла из неволи.

В кандалах мои ноги, я в клетке ужасной,
Не вернусь я, с сестрой не увижусь несчастной.
Думал я, что княжна за меня похлопочет,
Шел я вдаль, озираясь назад ежечасно.

Иль надежды людей оказались обманом?
Ждали всходов, земля же оделась туманом.
Я блуждаю в тумане, мечусь я в капкане,
Слышно горе мое в каждом вздохе и стоне.
Эй, Казак, мы в такую ловушку попали,
Что не вызволят нас и крылатые кони.

КУМЫКСКИЙ ПОЭТ

МАГОМЕД-ЭФФЕНДИ ОСМАНОВ
(1840—1904)

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ ИЗ «КУМЫКСКОЙ СВАДЬБЫ»

Не все мужчины мужественны нравом,
Не все слывут мужами с полным правом.

Среди мужчин такие люди есть:
Не скажут необдуманно ни слова,
А вымолвив,— хранят мужскую честь;
Пусть даже смертью им грозит сурово
Сам Азраил — они себе верны,
Ведь разумом слова их рождены!

Пускай они обречены мытарствам
Иль предаются радостям земным,
Повелевая сами целым царством,
Но честь мужчин всего дороже им.

Ты, Азраил, все это зришь воочью,—
Ходатаем за нас пред богом будь.
Проси, чтоб не был жизни краткий путь
Для истинных мужчин еще короче.

Смерть лучших делает слабей народ,
Плохие мрут — живет вольней народ.
Чтоб добрым людям дней продлить остаток,
За одного — бери злых душ десяток.

Проси, чтоб плута не равнял аллах
С мужчиной честным, с тем, кто знает цену
Земному миру, миру в небесах
И в дружбе не способен на измену.

Пускай господь не жалует господ,
Таящих зло под дружелюбьем внешним,
И языком завистливым и грешным
Между родными сеющих разброд.

Всевышнего посланец самый чтимый,
Ты расскажи ему, чего хотим мы;
И если он преклонит слух к мольбам,
Скорей с ответом возвращайся к нам.

О ЩЕДРОСТИ И ЧЕСТИ

Никому из смертных дважды
Бог здоровья не дает.
Пусть аллах не тех, кто страждет,—
Жадных баев приберет.

Честью уздени богаты,
Все иное прах и ложь.
Ты с собой в могилу злата
Все равно не заберешь.

И достойны те почета,
У кого щедра рука,
Кто готов открыть ворота
Для любого кунака.

Нынче баев, кто спокойно
Продает отца и мать,
Девушки от нас, достойных,
Перестали отличать.

Девушки деньгам в угоду
Отдают красу и честь
И выходят за уродов,
У которых деньги есть.

Пусть же почернеют лица
Тех, кто совестью черны,
Кто бесчестья не боится,
Были б сундуки полны.

* * *

Князь — не муж, рожденный князем.
Муж, рожденный честным,— князь.
Кто с седла свалился наземь,
Тот ногами месит грязь.

Не пятнай, мужчина, чести,
Не сберег ее — беда.
Честь — цветок, на грязном месте
Не цветущий никогда.

Знай, уздень, лишь в чести сила.
Честь — оружье и броня,
А бесчестие — могила
Для джигита-узденя.

ОБЫЧАИ КУМЫКОВ

Деды с женами дружили,
Словно кровь и молоко.
Вместе ели, вместе пили,
Вот им и жилось легко.

А теперь закон старинный
Нам внушает стыд и страх.
За столом сидят мужчины,
Жмутся женщины в углах.

За столами все усаты,
Миски на столах полны.
Словно робкие ягнята,
Сбились жены у стены.

Наполняют парни чашки,
Продолжают пить и есть.
Смотрят девушки-бедняжки,
За столы боятся сесть.

Девушки с парнями рядом
Сесть, быть может, и хотят,
Но недобрым, хмурым взглядом
Старики на них глядят.

О ТЕХ, КОГО НЕ СПАСАЕТ ЧАЛМА

Вспомни деда и отца:
Лжи не знали их сердца,
Потому-то и сбывались
Их желанья до конца.

Верили они, любя,
В друга так же, как в себя.

Мы теперь живем не так.
Кто б ты ни был: друг иль враг,—
Никому не доверяем:
Честности цена — медяк.

Нынче в нашем крае гор
Негодяй в чести и вор.
Были б деньги! Для богатых
Даже кража не позор.

Слушай, ты, хаджи и князь,
На твоем богатстве грязь,
И оно не станет чистым,
Как его ты ни укрась.

Ты, хаджи, даешь взаймы,
Не стесняешься чалмы.
Обобрав единоверцев,
Их доводишь до сумы.

Людям ты твердишь давно:
«Пить вино, курить грешно!» —
Не греха страшась, а траты
На табак и на вино.

Правду люди говорят:
«Тот безгрешен, кто богат».
Ты продашь родного брата:
Четвертак нужней, чем брат.

ВИНО

К полной пиале с опаской
Руки тянутся всегда.
Ты, вино, вгоняешь в краску
Тех, кто не лишен стыда.

Я б порвал с твоим соседством,
Дружбы мне с тобой не жаль,—
Если б не было ты средством,
Заглушающим печаль.

Ты умеешь подольститься
В горький и в веселый час.
Завлекая, как блудница,
Ты опутываешь нас.

Ты, погрязшее в разврате,
Возбуждаешь нашу кровь.
Ты в тебя влюбленным платишь
Гибелью за их любовь.

Ты — предвестие позора
И предвестие беды,
Ключ и лестница для вора,
Спутник горя и беды.

Ты толкнешь на путь обмана
Тех, кто у тебя в плену,
Чтоб им поздно или рано
Каяться в любви к вину.

ЛАКСКАЯ ПОЭТЕССА

ЩАЗА ИЗ КУРКЛИ
(1880—1931)

* * *

Мой сокол желанный!.. Прощай, дорогой!
Мы счастьем сполна насладились,
Всю чашу любви мы испили с тобой,
Хотя мы и не поженились.

Мой милый, хочу, чтоб ты помнил добром
Со мной проведенное время,
Когда мы любовным пылали огнем,
Надеждами тешились всеми...

В душе у меня он горит до сих пор
Во всю свою прежнюю силу —
В дни юности нашей зажженный костер...
А как же давно это было!

* * *

Как в обойме тесной — пули,
Думы — в сердце день и ночь.
Грянет залп — умчатся пули,
Думам вырваться невмочь.

Сердце — круче вешней почки,
Но из почки по весне
Все же выбьются листочки,
А печаль всегда при мне.

Сердце! Что ты онемело?
Или ждешь, покуда тело
Не угаснет в свой черед,
Тихо в землю не сойдет?..

Очи! Что вы слез не льете?..
Плачьте! Плачьте!.. Или ждете
Вы минуты черной той,
Как придавят вас плитой?

* * *

Как выйду с рассвета
В зеленое поле,
Всей грудью, свободно
Вздохну на приволье.

Как вечером в дом
Ненавистный вернусь —
Слезами горючими
Я обольюсь.

* * *

Чем быть нелюбимого
Горькой женой,
Уж лучше бы маяться
Болью зубной!
Чем с просьбами кланяться
Мужней родне,
Уж лучше бы в трауре
Плакать — по мне...

* * *

Сверкающий снег на зеленом лугу
На солнце белеет и блещет с утра.
Сверкающий снег на зеленом лугу
Мне кажется белым куском серебра.

Стонала душа, когда боль ее жгла,
Но разум твердил: «Потерпи! Потерпи!»
В терпенье вся юность моя протекла,
Вся жизнь у терпенья была на цепи.

Кремневка твое охраняет жилье.
Пускай разобьется она на куски!
И сердце твое, точно сердце мое,
Пускай разорвется от жгучей тоски.

* * *

Ранней юности любовь,
Видно, точно цепь, куется.
Как ни рвут ее потом —
Цепь нигде не разорвется.

Веру первых, ранних лет
Серебром, как видно, кроют.
Как ни трут ее потом,
Серебра вовек не смоют.

ЛАКСКИЙ ПОЭТ

ГАРУН САИДОВ
(1891—1919)

ЕСЛИ ВЕТЕР ПОДУЕТ

Если ветер подует
По зеленому полю,
Людям кажется, будто
Поле крыльями машет.

Если крыльями машет
Даже мертвое поле,
Можно ль сдерживать сердце,
Что дано для полета?

Если ветер подует
По зеленому саду,
То и розы роняют
Слезы крупных росинок.

Если плачут от горя
Даже розы немые,
Как же сдерживать людям
Слезы истинной боли?

Если я поднимаюсь
На высокую гору,—
Что я вижу в дороге?
Только серые камни.

Но когда поднимусь я
На высокую гору,
То весь мир необъятный
Пред моими глазами.

Под высокой горою
Злые ветры гуляют,
Над высокой горою
Светит яркое солнце.

ЛЕЗГИНСКИЙ ПОЭТ

ЕТИМ ЭМИН

(1837—1889)

СТАРУХАМ СПЛЕТНИЦАМ

Прошу, предупреждаю вас,
Не лейте сплетен яд, старухи!
Не за горами смерти час,
А все еще грешат старухи.

Я, лгуньи, одного б хотел,
Чтоб шах жестокий повелел
Вам души вытрясти из тел,—
Когда же замолчат старухи?!

Хочу, чтоб брань — не похвала —
Вас и в могиле обрела.
Чем хуже у меня дела,
Тем веселее взгляд старухи.

Одни наветы вам милы.
Душой черны, коварны, злы,
Меня — искусницы хулы —
Поносят и бранят старухи.

О силе ваших сплетен слух
Мне каждый день тревожит слух.
Умрете — бог к вам будет глух,
Он вас низвергнет в ад, старухи!

На вас, проклятых, смерти нет.
Устав от сплетен и клевет,
Раскрыл свои уста поэт,
Уста одно твердят: «Старухи!»

Вы лгали милой обо мне.
Грустит от милой в стороне
Етим Эмин по чьей вине?
Кто в этом виноват? — Старухи!

О СЧАСТЛИВАЯ!

С подружками до родника
Идешь в траве ты, о счастливая,
Твоя походка так легка,
Звенят браслеты, о счастливая!

Как сокол ты летишь ручной,
Твой смех что плеск воды речной;
Но ты смеешься надо мной,
Мне счастья нету, о счастливая!

Все говорят, кому не лень,
Что очень близок свадьбы день,
А я — как раненый олень,
Поймешь ли это, о счастливая?

Етим Эмин твой приуныл,
Душа печальна, свет не мил,
Но я тебя не осудил,
О, как пригожа ты, счастливая!

НЕ ВЕДАЮЩЕМУ О МИРЕ

Разве с книгой не ведя знакомства,
Можно стройность мирозданья знать?
Можно ли, не заводя потомства,
Радость брачного слиянья знать?

Не познав, что хорошо, что худо,
Можно ль истины увидеть чудо?
А слепорожденному — откуда
Солнца и луны сиянье знать?

На равнине — зной, в горах — прохлада,
Добрый — мягок, злой — иного склада.
Разве может разоритель сада
Плодосбора ликованье знать?

Верьте были — не пустому сказу!
Тот, кто чая не пивал ни разу —
Сахара, подобного алмазу,
Сладость разве в состоянье знать?

Речь твоя, Эмин, людей тревожит.
Берегись — а вдруг властям доложат?
Кто не странствует, тот разве может
Радость дальних расстояний знать?

В СМЯТЕНЬЕ МИР...

В смятенье мир. Безумьем все объято.
Любой плешивец — ханом в этом мире.
Все люди — или волки, иль ягнята.
Кто честен — жертва в странном этом мире.
. . . . . .

Но дружба есть! В согласии желанном,
Пастух, чабан стоят единым станом,—
И жизнь уже не кажется обманом,
Не застлан день туманом в этом мире!

Не нужен друг, что может срезать пятку.
Он жжет, как уксус, хоть болтает сладко.
Друг другу будем жертвой без остатка,
Рабéу и Салмáном в этом мире.

Етим Эмин — друг верный, неизменный,
Все этот мир покинут, люди — бренны,
Лишь добрые слова о них нетленны
Живут в непостоянном этом мире.

СЛОВО УМИРАЮЩЕГО ЭМИНА

Пусть, когда я умру, проститься со мной
Только добрый придет, кто, как я, страдал,
Кто обижен судьбой и забыт родней,
Кто устал от забот, кто, как я, страдал.

Кто родным обедневшим открыл свой дом,
Кто, от них пострадав, живет бедняком,
Кто с нуждой и бедой хорошо знаком,
Кто вино скорби пьет, кто, как я, страдал.

Кто такой же узнал от родни урон,
Кто заклеван родней, как стаей ворон,
Кто ограблен родными и разорен,
Кто несчастья клянет, кто, как я, страдал.

Кто двоюродных братьев обул-одел,
Кто, найдя в них врагов, потом пожалел,
Кто увидеть бы в доме своем хотел
Благородных сирот, но, как я, страдал.

Ты, Эмин, воспитал молодых людей,
Но не стали они опорой твоей.
Пусть придет справедливый, а не злодей,
Пусть придет только тот, кто, как я, страдал.

ЛЕЗГИНСКИЙ ПОЭТ

ГАДЖИ АХТЫНСКИЙ
(1865—1914)

ПРОШУ — СООБЩИ!

К тебе издалёка шлю просьбу свою:
Ответь, как живется в родимом краю?
Коль бедный, как встарь, не прокормит семью —
О муках его, о слезах сообщи!

Ведет ли беседу бедняк с богачом,
Иль бедного гонят с порога бичом?
Как можно прожить?.. Чтó на рынке почем?..
О ценах на все, о делах сообщи.

Как брынзу да сыр на базар привезут,
Кружатся ль, как встарь, перекупщики тут?..
На прежнем ли месте мошенник и плут?..
Ты мне о старинных врагах сообщи!

Какие приказы услышал народ?
Властям старшина воздает ли почет?
С живого иль мертвого суд наш дерет?
Решенья суда в двух словах сообщи!

Всему джамаату поклон от меня!
Как братья и сестры мои?.. Вся родня?
Как прежде ль не видят спокойного дня?
Все ль мучит их голод и страх?.. Сообщи!

Домой возвратиться надумал Гаджи.
Уеду!.. Хоть весь мне Баку предложи!
Ты вправду ли, друг, занедужил?.. Скажи!
Чем лечишься? — в первых строках сообщи!

СЕКА ГАДИЕВ
(1855—1915)

ЧЕРМЕН

Тулатовы зло слукавили,
Разделяя поля просторные:
Они Чермену оставили
Болота да скалы черные.

Сказала мать его грустная:
— Не верь ты их клятве княжеской,
Пусть речь у кобанцев искусная,
Душа их осталась вражеской.

Тебе твоей доли не дали
И дурнем тебя ославили,
Как будто они не ведали,
Что нищим Чермена оставили.

— Гляди, нана, что я сделаю,
Мне на это легко отважиться,
Распашу себе поле целое,
Где земля мне мягче покажется.

Разве я не Чермен прославленный?!
Если б я с князьями не справился,
То, твоим молоком отравленный,
Лучше б я на тот свет отправился.

И пашет Чермен неистовый
Спокойно, страха не ведая,
Тулатовы смотрят издали,
Его сражены победою.

И ищут князья спасения
Перед силой его могучею...
А гордый Чермен без смущения
Всю землю вспахал наилучшую.

1905

КОСТА ХЕТАГУРОВ
(1859—1906)

ЗАВЕЩАНИЕ

Прости, если отзвук рыданья
Услышишь ты в песне моей:
Чье сердце не знает страданья,
Тот пусть и поет веселей.

Но если б народу родному
Мне долг оплатить удалось,
Тогда б я запел по-другому,
Запел бы без боли, без слез.

ЗНАЮ

Знаю, поплачете, может,
Вы, зарывая мой прах,
И пожелаете в божьем
Царстве мне всяческих благ.

Знаю, барана забьете
И, не грустя уж ничуть,
Вдосталь араки нальете,
Чтобы меня помянуть.

Каждый, наверное, скажет
То, что обычай велит.
После ж — не вспомните даже,
Где я в могиле зарыт.

У ГРОБА

Прощай, прощай! Навек избавлен
Ты от заботы от людской.
И, на земле людьми прославлен,
Ты под землей нашел покой.

Народным горем удрученный,
Ты с нами прожил много лет.
И нам светил средь ночи черной
Твоей души и сердца свет.

Всю жизнь любил ты горы эти,
Стремился бедных защитить,
Так чем же нам тебе ответить,
Чем память нам твою почтить?

Все, как один, пойдем мы к свету —
К тому, что ты зажег во мгле.
Но горе нам, что больше нету
Тебя, живого, на земле.

1891 г., 3 марта, Владикавказ

БЕЗУМНЫЙ ПАСТУХ

Глянул вниз пастух с обрыва,—
Глаз не мог отвесть:
Плыло облако лениво,
Белое, как шерсть.

Он в мечтах своих унесся
К облаку тогда.
Крикнул на краю утеса:
«Прыгну я туда,

Пусть пасутся на закате
Овцы надо мной,—
Я посплю на этой вате,
Белой, шерстяной...»

Над обрывом наклонился,
Крикнул: «Гоп!» — и вдруг
Полетел, как мяч... Разбился
Вдребезги пастух!

МУЖЧИНА ИЛИ ЖЕНЩИНА?

С песней крестьяне проходят ущельями,
Но обрывается песня косца:
Глядь,— на дорогу из горной расщелины
Череп упал и рука мертвеца.

Шутят крестьяне: — Видать, запустелые
Наши дороги бедняге должны!
Челюсти черепа белые-белые
Мертвой усмешкою обнажены.

Облит закатом, он блещет, как золото.
Смотрят глазницы, подобно очам...
Вдруг ядовитою струйкою холода
Страх пробежал у крестьян по плечам.

«Люди! — отшельник сказал из пещеры им.—
Что у вас там?» — Вот, хотим угадать,
Кто потерял этот череп ощеренный:
Доблестный муж или честная мать?

«Экой народ! Вы глупее, чем перепел! —
Старый отшельник воскликнул шутя.—
Кто был хозяином этого черепа,
Вмиг разгадает теперь и дитя!

Всем нам особые свойства завещаны,
Каждому нраву — примета своя.
Кто же, скажите, не знает, что женщины
Перед поминками не устоят?

Чтобы узнать, то мертвец иль покойница,
Надобно крикнуть: — Вон тело лежит! —
Череп мужчины и с места не тронется,
Женщины череп стремглав побежит!»

Мало крестьяне поверили этому:
— Видно, смеется над нами старик! —
Но пренебречь не посмели советами
И над находкою подняли крик:

— Слава Хамбитте и царство небесное!
Как он, бедняк, умирал тяжело!..—
В черепе вдруг что-то щелкнуло, треснуло,
И покатился он тропкой в село.

КОМУ — ЧТО...

Делу — свой черед.
Детям — мать, уход.

Стадо — пастухам.
Пастбище — стадам.

Ржи — о жницах весть.
Хлебу с солью — честь.

Малый грех — прощай,
Сердцу — ласку дай.

Время — врач тоски.
Буйным — синяки.

Всем лентяям — кнут.
Шустрым — рыба в пруд.

ОСЕНЬ

Желтеют, темнеют
Трава и кусты,
На скатах щербатых
Туманы густы.

Вот сжали, убрали
Мы хлеб наконец;
Колотят, молотят...
Стричь будут овец.

Садами, стадами
И хлебом полна,
О, как ты богата,
Родная страна!

В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Когда б с порога песнею
Я обратился б к вам:
«Хадзаронта, хозяева,
За вас я жизнь отдам!»

Когда бы ты на голос мой
Вдруг вышла на порог,
Чтоб на тебя одним глазком,
Мой свет, взглянуть я смог.

Когда бы ты явила мне
Улыбку чистоты,
Когда бы ты с доверием
Спросила б: «Кто же ты?»

Тогда бы, взявши за руку,
Сказал тебе в ответ:
— В тебя влюбленный, любящий,—
Тот самый я, мой свет!

1899

* * *

Если б запеть мне, как нарту, умело,
Если б звучал до небес мой фандыр,
Я бы позвал всю вселенную смело,
Пусть мое горе услышит весь мир.

ПРИВЕТ

Благословенья бог нам не дал
И от неволи нас не спас!—
О том, как должно, не поведал
Никто, никто — прости же нас.

Бедны и ум и сердце, право.
Устал, бессилен наш язык.
Твоей безмерной жалко славы
Для наших гор — ты так велик.

Ты благостен, и мудр, и смел ты.
Ста жизням жизнь твоя равна.
Все на земле свершить успел ты,
Ты строил — башня создана.

ПАМЯТИ А. С. ГРИБОЕДОВА[1]

Убит... За то ль венец терновый
Сплел для него коварный рок,
Что озарил он мыслью новой
Всю Русь родную, как пророк?!

Зачем он шел, как раб покорный,
В страну фанатиков — врагов,
Когда уже нерукотворный
Был памятник его готов?

Но пусть судьбы предначертанья
Обычным движутся путем!
Творец великого созданья,
Мы смело за тобой идем!

Не малый срок твой дивный гений
Дал поколеньям для того,
Чтоб образы твоих творений
Уж не смущали никого.

Но нет!.. Борьбу окончить эту
Не скоро правде даст порок,—
Ведь бедный Чацкий твой по свету
Все тот же ищет уголок.

1895

ГЕОРГИЙ ЦАГОЛОВ
(1871—1938)

НА МОГИЛЕ КОСТА ХЕТАГУРОВА[2]

Вокруг редеет мгла... Руси порабощенной
Зарю счастливых дней грядущее сулит.
И близится рассвет. И трепет затаенный
Уж в крике птиц ночных заметнее звучит.

---

[1] Стихотворение написано по-русски.
[2] Стихотворение написано по-русски.

На повороте мы... Могучею волною
Нас скоро вынесет к заветным берегам,
Туда, где нет цепей, где подлою пятою
Палач не осквернит свободы дивный храм...

Увы! Не встретишь ты здесь этот день победный...
Ты не увидишь то, чего так страстно ждал.
И весть не долетит к тебе в приют последний,
Святая весть о том, что здесь рассвет настал.

А как ты ждал его... Какой любовью жгучей,
Какой надеждою звенит твой стих стальной!
Как ждал свободу ты, в гармонии созвучий,
Как ей молился ты, певец земли родной!

Ты посвятил ей жизнь, всю жизнь свою святую...
Ты был в рядах бойцов, поэт и гражданин,
И бился смело ты под песню боевую
И часто на посту стоял лишь сам, один...

Как страстно ты хотел, чтоб солнце возрожденья
Взошло в краю родном, чтоб мрак исчез скорей,
Чтоб было сломано ярмо порабощенья
И пылью сметена вся накипь черных дней.

И чем сильней был мрак, чем жизнь была тоскливей,
Тем ярче ты горел и шел смелей вперед
И звал с собой туда, на этот путь счастливый,
«И бедный свой аул, и бедный свой народ»...

Зачем же рано так сгорела жизнь святая?
Зачем могильный крест?.. Зачем не с нами ты?
Да где же правда здесь?.. Зачем судьба слепая
Разит все лучшее с холодной высоты?

Прощай, наш старший брат... У дорогой могилы
Клянемся мы тебе любить родной наш край,
Работать для него, покуда будут силы,
Вести вперед его... Прощай, Коста, прощай!..

1906

ШАМИЛЬ АБАЕВ
(1878—1940)

* * *

О жизнь, пробудись,
Воспрянь ото сна —
Дела впереди,
Настала весна.

Не плачь, не грусти,
Сонливость развей,
Сама потрудись
Для славы своей.

Всегда не легки
Большие пути,
Свой ум напряги,
Восстань...
и иди.

1910

ЦОМАК ГАДИЕВ
(1883—1931)

КЛИЧ БОРЬБЫ

Пусть никто не скажет, что не слышал,

В наш край глухой с неслыханною силой
Призыв к борьбе приносят волны жизни.
Родные горы солнце осветило,
Суля весну измученной отчизне.

Набат несется к селам угнетенным,
Во всех сердцах он зажигает пламя.
Блеск ледников ущельям виден темным,
Вчерашних туч сегодня нет над нами.

Покончили мы с тягостным адатом —
Так валит ветер дерево гнилое.
Бросая вызов знатным и богатым,
Крещение мы примем боевое.

Еще и ныне жжет нас униженье!
Обиды помним, муки, безучастье...
Гей! Только смелость, только дерзновенье
Победу даст нам, а за ней и счастье.

Проснитесь все от мала до велика,
Кто прозябал у жизни на задворках,
Кто воевал с нуждою многоликой,
Кто изнывал во тьме, хоть видел зорко.

На клич борьбы, в мечтах своих едины,
Пойдем сплоченно к боевому стягу.
Эй, выходите, юноши, мужчины!
В борьбе явите доблесть и отвагу!

1906

СОЗУР БАГРАЕВ
(1888—1928)

ПОМИНКИ

Умер Мали.
Жил бедняком,—
Кто горевать
Будет о нем,
Кто провожать,
Плача, придет?
Разве почет
Бедного ждет!
Умер бедняк —
Значит, судьба.
Бык да овца
Вся худоба...
Но помянуть
Надо Мали,
И помянуть

Люди пришли.
— Эх,— говорят.—
Жаль бедняка!..—
Съели овцу,
Съели быка
И, распростясь
С нищей семьей,
Гости ушли
Праздной гурьбой.

1908

Праздник на берегу Куры. XIX в.

КЯЗИМ МЕЧИЕВ
(1859—1945)

* * *

К тебе я хотел перебраться в челне,—
Челнок опрокинулся мой.
К тебе я хотел прискакать на коне,—
Свалился мой конь вороной.
В письме я с тобою повел разговор,—
Письмо утонуло в реке.
Мой голос не слышен тебе из-за гор,
Лишь эхо звенит вдалеке.

1890

* * *

Холмик мы не приравняем к скалам,
Ветке садом слыть не подобает.
Выживает раненный кинжалом,
Раненный любовью — погибает.

1890

* * *

Чую твоего жилья тепло,
Мы соседи, наши сакли рядом,
Но меж нами столько верст легло,
Сколько меж Чегемом и Багдадом.

Твой отец и брат тому виной,
Что легла меж нами даль такая.
Дверь твоя закрыта предо мной,
Как пред грешником — ворота рая.

1890

* * *

Храбрость острее любого кинжала,
Трусость тупее мотыги тупой.
Храбрость в бою твой очаг отстояла,—
Трусость залить его хочет водой.

Храбрость прочнее и тверже гранита,
Трусость бессильна, безвольна, как дым.
Храбрость, друзья, выбираем открыто,
Ибо людьми называться хотим!

1900

ОТКРОВЕННОЕ СЛОВО

Храбрый скачет, робких презирая,
Любит сплетни женщина дурная,
Место для орла в горах — вершина,
Любит нагло врать плохой мужчина.

Долго спит бездельница в постели,
Мелет глупый вздор все дни недели,
Пустослову по сердцу обманы,
Ложью набивает он карманы.

Грязную овцу кусают блохи,
Те мужчины, что трусливы,— плохи,
Болтунов безмозглых презираю,
Трусы не нужны родному краю!

1901

* * *

Только вышел я из сакли на заре,
Воробья увидел сразу на дворе.
Мой голодный, но свободный воробей,
Ты не знаешь ни рабов и ни князей!

1902

* * *

Я слагаю стихи и железо кую,—
В том и в этом есть надобность в нашем краю.
Не князья нам нужны, а нужны топоры,—
И Кязим это понял с недавней поры!

1905

ЗАВЕЩАНИЕ СЫНУ

Сын мой, скоро я в могилу лягу.
Сколько зла судьба мне принесла!
Ты же, может быть, придешь ко благу,
Жизнь увидишь без людского зла.

Если ты увидишь, что взрастили
Люди мир и счастье на земле,
Сын мой, подойди к моей могиле,
Крикни мне о побежденном зле.

Может быть, сквозь черный прах могильный,
Чтоб я смог спокойно отдохнуть,
Голос твой услышу звонкий, сильный...
Только, сын мой, крикнуть не забудь!

1906

* * *

Я сравню тебя с моей стрелою,
Молодость, пустилась ты в полет.
За какой сокрылась ты скалою?
Кто тебя, далекую, найдет?

Ты взяла красу и стать фазанью,
Молодость, достойная хвалы,—
Или ты была той самой ланью,
Что погибла от моей стрелы?

1910

* * *

Свое метнул я слово, как стрелу,
И та стрела разбилась о скалу.
Но пред насильем не склонюсь покорно,
Я буду проклинать его упорно!

1910

* * *

Мы овцы. Ближе, ближе стая волчья.
Безгласен наш испуг, и боль глуха,
То жмемся, то шарахаемся молча,—
Отара, что лишилась пастуха.

1910

* * *

Чтоб родину избавить от невзгод,
Я в кузнице кую железо с жаром,
И, видя, как страдает мой народ,
Я сам горю, как уголь в горне старом.

1910

* * *

Скорбит земля родная, плачут реки,
И топчет сильный тех, кто послабей.
Чтоб мой народ свободным стал навеки,—
Помочь прошу я бога и людей.

1910

* * *

Несчастный мой народ, я твой удел постиг,
И, чтоб тебе помочь, прочел я много книг.
Читаю и пишу, и нет конца труду,
Но счастья для тебя никак я не найду.

1911

* * *

Шумя, с отвесных гор сбегают вниз потоки.
Уходят холода в назначенные сроки,
Лишь горе моего народа постоянно,
И в сердце у него не заживает рана.

1912

ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ?

Юность отмечталась. Что мне делать?
Вот пришла усталость. Что мне делать?
Близко, близко старость. Что мне делать?
Убежать осталось? Что мне делать?

Хоть беги на горную вершину,
Хоть в морскую погрузись пучину,—
От годов себя ты не избавишь,
Старость восвояси не отправишь.

Эй, Кязим, трудись всегда, всечасно,
И, трудясь, ты не вздыхай напрасно!
Куй стихи с железом воедино,—
Вот где высшей мудрости вершина!

Прогони унынье в эту пору,
Мудрость ты возьми себе в опору.
Ты трудись упорно, непокорно,
Куй железо, стих слагай у горна!

1913

* * *

Кязим, к чему твой стон и вздох глубокий?
Как волчий вой — твой голос одинокий.
Ты обратил глаза на мир жестокий,
И брызнули на землю слез потоки.

1914

* * *

Немало горьких слов ты людям даровал,
Кязим, ты проклинал, Кязим, ты горевал,
Но можно ль на земле прожить без горьких слов,
Когда нам смерть грозит от множества волков?

1914

* * *

Да будут прокляты насильники стократ!
Как угли в очаге, сердца у нас горят.
Но в правду веровать, как в хлеб насущный, будем,
Надежду посохом избрав на радость людям.

1914

* * *

Идет в ауле дождь, блестя, шумя, струясь,
И с каждой улицы он всю смывает грязь.
Но смоют ли с людских сердец клеймо кручины
Те ливни грозные, что падают с вершины?

1914

ГАБДЕЛЖАББАР КАНДАЛЫЙ
(1797—1860)

К САХИПДЖАМАЛ
(Отрывок)

О ветер, облетая свет, ты загляни в ее края!
Пускай услышит мой привет, Сахипджамал, любовь моя.

Скажи: в Канда́ле есть хазрет, его страданьям меры нет,
В тебя влюблен он много лет, шепча едва: «Любовь моя...»

Зачем ты от него вдали? Ужели в этот край земли
Его стенанья не дошли, его слова «любовь моя»?

Был на щеках румянец ал — теперь он побледнел, увял.
Все плачет друг: «Сахипджамал, где ты, жива, любовь моя?»

Ты пламя сердца различи. Из глаз его бьют слез ключи.
«Придешь ли,— плачет он в ночи,— Сахипджамал, любовь моя?»

Просвета нет в моей судьбе, исхода нет в моей борьбе,
Какая выгода тебе меня так мучить, зло тая?

Ты, если любишь,— не скрывай, не обижай, о абыстай,
Не разрушай желанный рай, Сахипджамал, любовь моя!

Ты старшую сестру не жди, ее удача впереди.
Не трогай ран в моей груди, Сахипджамал, любовь моя.

Будь веткой, будь цветком моим, залетным соловьем моим.
Целебным будь питьем моим, Сахипджамал, любовь моя.

Недели, месяцы, года́, в ночь отдыха и в день труда
Я безраздельно и всегда с тобой одной, любовь моя.

Не говори: «О мой мулла, вся мукой жизнь его была...»
Чтоб наша жизнь была светла, не плачь, не плачь, любовь моя.

Не сострадай, не сожалей, душе от вздохов тяжелей.
Не унывай, но в беге дней — не забывай, любовь моя.

Слезами горя не залить, не свить разорванную нить,
На то, чтоб жалость возбудить, не уповай, любовь моя.

Но, если, слову изменя, не выйдешь замуж за меня,
Потом не проведешь и дня ты в тишине, любовь моя.

Увы, по молодости лет сама ты лезешь в омут бед.
Подумай: прав я или нет. Доверься мне, любовь моя.

Здесь о тебе пишу я стих на красных свитках и простых,
Верь, я правдив в речах своих, в коварстве не повинен я.

Совет мой трудно осмеять,— в нем свет ума и благодать,
Его тебе отец и мать не могут дать, любовь моя.

Я не шучу: разумной будь, не становись на ложный путь,
Дабы, познав утраты суть, всю жизнь страдать, любовь моя.

Ясна моих речений вязь, все изложил я, не спросясь,
Ты вникни в этих мыслей связь, чтоб не рыдать, любовь моя.

Зачем, когда мы так близки́, напрасно гибнуть от тоски,
Твердя, рассудку вопреки,— я, мол, сама себе судья?

В темнице жизни заперта, твоя увянет красота,
Покинет смех твои уста, и сгинет радость бытия.

Весь век ты будешь по злобе проклятья слать своей судьбе.
На этом свете я тебе грех не прощу, любовь моя.

Смотри, мою отвергнешь страсть,— тебя я вечно буду клясть,
И тех моих проклятий власть всю жизнь не даст тебе житья?

Затем тебя, имей в виду, в загробном мире я найду:
Помучайся, дружок, в аду за то, что мучишь здесь меня!

Не отвечай мне: «Почему меня клянешь ты, не пойму.
Дивлюсь я гневу твоему, чему ты учишь здесь меня?

Вольна я в выборе пока: хочу — пойду за мужика!»
Грозись, будь на словах резка, но не спеши, любовь моя.

Ученого лишая прав и неуча в супруги взяв,—
Пред богом осквернишь свой нрав,— о, не греши, любовь моя!

Тебя, избранница моя, любовь моя напла сама.
Четвертый год прошел в слезах напрасно... Не бледнеет тьма!

Четвертый год. Четвертый год, четвертый, снова мертвый год!
Душа опять в плену невзгод, и я совсем схожу с ума.

Четвертый год ушел, погас, а встречи не было у нас,
Хотя б в письме, хотя б на час! Но встречи нет, и ты нема...

Тоской по милой я сражен, ужасной силой я сражен,
Той страсти пылом я сожжен. Нет, без тебя весь мир — тюрьма!

О, горе мне! Тоской объят, уж я писал тебе стократ,
А дело не идет на лад,— не шлешь ты мне в ответ письма.

Как мне найти, душа моя, к тебе пути, душа моя?
Тьму освети, душа моя, пошли мне яркий свет письма!

Писал тебе я много раз, не знаю, что сгубило нас:
Пришло ль письмо в недобрый час, иль затерялся след письма?

Портрет ли твой мне заказать? Нагрянуть ли из-за угла,
Похитить мне тебя, чтоб ты усладой глаз моих была?

Бывают в мире чудеса: молитве вняли небеса,
Раскрылась девушки краса, и ей везде гремит хвала.

О, как попал я в твой улов? По магии ль вещей и слов,
Связала ль сорок ты узлов иль зелье в кушанье влила?

Скрывал я в глуби сердца сны моей любви, моей весны;
Теперь, увы, разглашены мои сердечные дела.

Тебе послал я много строк, у них «Мухаммедии» слог,
Так первый начал я листок: «О девушка, как ты мила!..»

Не любишь ты и потому опять не повезло письму...
Или посланцу моему ты просто по щеке дала?

Зачем же драться? Лучше ты прочти любовные листы...
Сахипджамал, мои мечты людской молве ты предала!

Слова, что лавы горячей, читай, учи в тиши ночей,
И станет смысл моих речей ясней прозрачного стекла.

Мне странно, что мое перо так стало зрело и остро́,
Что тайна, скрытая хитро́, через него до всех дошла.

ГАЛИ ЧОКРЫЙ

(1826—1889)

ВОСХВАЛЕНИЕ КАЗАНИ

НЕСКОЛЬКО СТРОК О ДРЕВНЕМ БУЛГАРЕ

Был город в древности седой, Казань затмил он красотой,
Булгар, ислама дом святой,— теперь он превращен в руины.
На дивном месте возведен, он виден был со всех сторон,
Мечетями гордился он,— от них остались лишь руины.

Был ханской крепостью Булгар, туда стремились млад и стар,
То город был башкир, татар, он сверху озирал равнины.
Увы, в былые времена там были книги, письмена,
То мусульман была страна, то был ислама дом старинный.

Пришел Аксак-Тимур, злодей, убийца старцев и детей,
Чтоб мусульман разбить скорей, чтоб город превратить в руины.
Он городу нанес удар, ворвался, как степной пожар,
Унизил, сокрушил Булгар, погибли женщины, мужчины.

Пришли враги с мечом, с огнем, и ядра падали дождем,
И звон мечей стоял кругом,— был город превращен в руины.
Разбойник, чья презренна рать, как ты решился в прах втоптать
Булгар, где божья благодать,— приют безгрешный и невинный?

О душегуб, как ты посмел громить обитель добрых дел?
Рыданье — жителей удел, то — слезы скорби и кручины.
Оказан был врагу почет,— страшились беса: всех убьет!
Он веселился без забот, пред ним покорно гнули спины.

Он жителей загнал в пески, загнал подальше от реки —
В бестравные солончаки, в предел безводный и пустынный.
Он перебил мужчин, а жен и девушек забрал в полон,
Так был Булгар врагом сожжен, настали тяжкие годины.

А те, что жизнь свою спасли, скорбя от родины вдали,
Рыдали в прахе и в пыли, блуждая по пескам чужбины.

МИФТАХЕТДИН АКМУЛЛА
(1831—1895)

СТИХИ О МУЛЛАХ

Зовут у нас муллой лгуна любого,
Найти нам трудно честного, прямого.
Мы много о себе воображаем,
А мы народ никчемный, право слово!

Мы любим важничать, мы не забудем
В чалме высокой показаться людям.
По роскоши чалмы, саней, одежды
Как часто мы о человеке судим!

В почете там, где мрак царит глубокий,
Большой живот, упитанные щеки.
Мулла и волостной правитель вместе
Дают глупцам надменности уроки.

Пускай ты неуч, ты глупей барана,—
Надев чалму, стал знатоком Корана.
Плетешь для бедняков силки, тенета,
Им не уйти из твоего капкана.

Глаза народа мы застлали тьмою,
Мы стали для него бедой, чумою.
Какой ужасный вздор нередко мелет
Почтенный человек с большой чалмою!

СТРОКИ, НАПИСАННЫЕ В ТЮРЬМЕ

Дом чернокаменный мне желтизну принес.
И конь и человек трепещут от угроз.
Зачем я вас учил, Исенгильды, Батуч?
Унижен Акмулла, и высох он от слез.

Каков закон тюрьмы? Запомните навек:
Здесь человек узнал, что значит человек.
Сквозь прутья на окне мы видим, как мурзы,
В колясках развалясь, коней торопят бег.

Иные узники сидят по десять лет,
Дела их в Питере, ищи — затерян след.
Их руки связаны, их ноги в кандалах,
Напрасно гибнет здесь народа яркий цвет.

Я к во́ронам попал, познал тоски предел.
Спасите нас, друзья, ужасен наш удел.
Я над стремнинами летел, как аргамак,
Крутого берега теперь не одолел.

ЯКОВ ЕМЕЛЬЯНОВ
(1848—1899)

ГОРЕ
(Отрывок)

Пусть не стоит передо мною
Большое горе — пусть уйдет
И душу бурей ледяною
Пусть не колеблет, не гнетет.

Пусть не колеблет душу ропот,
Чтоб устояла, как скала,
Чтоб горестных раздумий опыт
Она в сосуд свой набрала.

Пусть в том сосуде копит волю,—
Ведь будет же сама горда,
Когда ее не сломит болью
И не согнет ее беда!

Пусть перед ней согнется горе,
Беда отступит перед ней:
Душа на суше и на море
Испытана — она сильней!

Она сильней напасти злобной,
Она — не слабый стебелек,
И бурю выдержать способна,
И не падет среди тревог.

Нет, не падет душа живая,
Не выжжет зло на ней клеймо,
Ее с дороги не сбивая,
Ты, горе, падало само!

Ты пало, горе. Нету жара
У злого твоего огня.
Хотя в груди кипишь ты яро,—
Не сокрушить тебе меня!

Д А Р Д М Е Н Д
(1859—1921)

П Р О Ш Е Д Ш И Е Д Н И

О, где они, где эти дни,
Что днями наслажденья были!
Врагам не нравились они:
Предметом огорченья были!

Мы выходили без помех
С друзьями в поле... Игры, смех
Пленяли, радовали всех,—
Какие развлеченья были!

Эх, жизнь... Она прошла, ушла.
О, та пора была светла,
Беседам не было числа,—
Прекрасные мгновенья были!

К нам были девушки добры,
И от красавиц той поры
Мы помним нежные дары,—
Признанья и волненья были!

Увы, прошли, прошли года,
И от красавиц нет следа...
Красивы девушки тогда
До умопомраченья были!

— Закир,— услышав твой рассказ,
Решают старики тотчас,—
Ах, в молодости и у нас
Такие похожденья были!

1903

ТВОЙ РОДСТВЕННИК...

Твой родственник тебя надменно оттолкнет,
Коль не равны у вас богатство и доход,
Грудь матери всегда сосут младенцы врозь,
Затем, что двойнею им стать не довелось.

КОРАБЛЬ

Море кругом.
Грома раскат.
  Вдали — паруса корабля.
Ночью и днем
Волны шумят,
  Темнеет чужая земля.
Ветер сейчас
Пенит волну
  И гонит отчизны корабль.
Кто это нас
Тянет ко дну
  И кличет, нам гибель суля?

1908

УЗНАЙ, ЧТО́ ВПЕРЕДИ...

Узнай, что́ впереди, чтоб не устать в пути.
Свой посох ставь сперва, чтоб верный путь найти.

МЫ

Прошли года, прошли века и времена.
Ушли цари, ушли пророки, племена.
Прошли века — за караваном караван,
Пришло и вновь ушло из мира столько стран!

О, прах и тлен дворцовых стен и крепостей!
А под землей покрыта мглой гора костей!
Пески взметет бураном бед, исчезнет след,—
Так мы умрем, так мы уйдем на склоне лет.

Скиталец тот, кто в мир пришел на краткий час.
Взревело время, чтобы он пустился в пляс.
Оно зажгло гнилых надежд ненужный сор,
И привела его дорога... на костер...

1908

ЛЕТО ПРОШЛО...

Лето прошло...
Вот и осень с холодным дождем.
Серой лужайки душа заморожена льдом.
Сохнут цветы,
В стебельке лишь тоску мы найдем.
Ах, соловей,
Не колючка ли в сердце твоем?

ДОВОЛЬНО

Довольно, Дардменд, замолчи наконец.
Ты лед не растопишь застывших сердец.
Тогда лишь душа твоя будет чиста,
Когда ты наденешь замок на уста.

СЧАСТЛИВА СТРАНА...

Ликуют ангелы, и счастлива страна.
Исходит злобою, плюется сатана.
Молчи, душа моя, стремленья затая!
Ты, может быть, жених, но свадьба — не твоя.
На жизненном пиру,— пойми, в конце концов,—
Есть место у тебя: обитель мертвецов.

РАССТАВАНИЕ

Земля, где играя,
Под солнцем я рос,—
Отчизна желанная, мы расстаемся.
О, ветер, который
Прохладу принес,
О, утро туманное, мы расстаемся.
И ты, что бежала
Бегом да бегом,
И ты, что махала
Мне белым платком,—
Прощай, тонкостанная, мы расстаемся.

ПУСТЬ ДРУГА НЕТ...

Пусть друга нет в стране ни одного кругом,
Но вся страна тебе не может быть врагом.

ДЛЯ ОТЧИЗНЫ, ГДЕ Я РОДИЛСЯ...

Если я за родительский дом отдаю,
Ни на миг не задумавшись, душу свою,—
Для отчизны, где я и родился и рос,
Я бы жизнь свою в жертву с восторгом принес.

НАРОД

Не думай, что бесчувственен народ,—
Он чуток: все, что скажешь, он поймет.

ЧЬИ ЭТО ГОЛОСА?

Перо, яви для нас души своей тепло.
Поведай нам о том, что было и прошло.
Бумагу белую слезами ты залей,
О муках расскажи, о горести своей.
Печалится душа у дедовских могил,
Как будто предков дух с душой заговорил.
Рыданьями рабов земля напоена.
Чьи это голоса? Чья боль тебе слышна?
Перо, ты нам яви души своей тепло.
Поведай нам о том, что было и прошло.
Бумагу белую слезами ты залей,
О муках расскажи, о горести своей.

САГИТ РАМИЕВ

(1880—1926)

«Я»

«Я» — говорю я убежденно,—
И силу чувствую в душе,
Цари, и боги, и законы
Мне сором кажутся уже.
Я остаюсь один на свете,
Свободный, радостный опять.
Собратья, ощущенья эти
Желаю многим испытать.
А иногда я умираю,
И сам себя я не люблю,
Как только «я» свое теряю,
Его велений не ловлю.
Ни в чем удачи мне не будет.
Сам над собой не господин,
Кругом — смеющиеся люди,
И лишь печален я один.
Но только «я» ко мне вернется,—
Опять свободны дух и мысль,
Опять свобода мне дается,
Я снова поднимаюсь ввысь.
И я всесилен в это время:
Мои — и реки, и леса,

Земля с богатствами со всеми,
И стаи птиц, и небеса.
И только вижу я порою:
Всех кружит суета сует,
Все слишком заняты собою,
А до меня им дела нет.
Я погружаюсь в размышленья
Про тайну «я» и, как сейчас,
Молитвенное преклоненье
Пред ним испытывал не раз.
Так почему при этом снова
Я вдруг взлетаю в небеса?
Со всеми, верно, это слово
Творит такие чудеса.
Когда меня в пути клонило,
Мне дух и смысл его помог.
«Я» — это гордость. Это сила.
И для меня «я» — это бог.

1907

ГОРИ, СЕРДЦЕ

Гори, гори, гори ты, сердце,
Гори с зари и до зари,
Гори и месяцы и годы,
Безостановочно гори!

Гори, гори, любви пыланьем
Дорогу жизни освети
И годы горькие и ночи
Гореньем в утро преврати!

1908

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ

(1886—1913)

К НАРОДУ

Днем и ночью, в горе, в счастье я с тобой, родной народ.
Я здоров твоим здоровьем, твой недуг меня гнетет.

Ты венец всего земного, ты священен для меня,
Не продам за блага мира свой народ, язык и род.

Твой слуга покорный счастлив быть причисленным к тебе,
Быть твоим поэтом скромным — высший для меня почет,

Всей душой люблю народность, близок мне народный дух,
Дай мне радость: пусть народным мой народ меня сочтет!

О твоем мечтаю счастье,— в мире нет мечты светлей,
Одержимость вдохновенья в той мечте поэт найдет!

Я клянусь, что постоянным буду я в своих стихах,
Буду верен я народу — и умру за свой народ.

В смертный час отдам я душу, только славу не отдам,
Ибо выбрал страшный жребий тот, кого забвенье ждет.

Пусть умру я, но оставлю имя скромное мое.
Подвиг мой, моя работа пусть всегда зовут вперед.

Я хочу, чтоб с уваженьем вспоминали обо мне,—
Только в этом вижу счастье, только эта цель влечет.

Я поведал жарким сердцем, как народ я свой люблю,
И меня он, твердо знаю, верным другом назовет.

1906

О ПЕРО!

О перо! Пусть горе сгинет, светом радости свети!
Помоги, пойдем с тобою мы по верному пути!

Нас, в невежестве погрязших, нас, лентяев с давних пор,
Поведи к разумной цели — тяжек долгий наш позор!

Ты возвысило Европу до небесной высоты,
Отчего же нас, злосчастных, уронило низко ты?

Неужели быть такими мы навек обречены
И в постылом униженье жизнь свою влачить должны?

Призови народ к ученью, пусть лучи твои горят!
Объясни глупцам, как вреден беспросветья черный яд!

Сделай так, чтобы считали черным черное у нас!
Чтобы белое признали только белым — без прикрас!

Презирай обиды глупых, презирай проклятья их!
Думай о народном благе, думай о друзьях своих!

Слава наших дней грядущих, о перо,— подарок твой.
И, удвоив силу зренья, мы вперед пойдем с тобой.

Пусть не длятся наши годы в царстве косности и тьмы!
Пусть из мрака преисподней в царство света выйдем мы!

Всех краев магометане охают из года в год,—
О, за что судьбою черной был наказан наш народ?

О перо, опорой нашей и величьем нашим будь!
Пусть исчезнет безвозвратно нищеты и горя путь!

1906

ПУШКИНУ

Моя душа сходна с твоей, о Пушкин вдохновенный,
Неподражаемый поэт, единый во вселенной!

Деревья, камни, как меня, твой стих привел в движенье.
Дарить восторг — не таково ль поэта назначенье?

Могу ли я не ликовать, твоим подвластный чарам?
Лишь тот поэт, кто жизнь творит, владея божьим даром.

Как солнце освещает мир, его моря и сушу,
Так всю, до дна, своим стихом ты озарил мне душу.

Я мудрость книг твоих постиг, познал источник сил я,
Вступил я в щедрый твой цветник, твоих плодов вкусил я.

Бродил я по садам твоим, стоял пред каждым древом,
Внимал я соловьям твоим, бессмертным их напевам.

Нисходит в душу чистый свет, свет правды непоборной.
Да, памятник ты заслужил — живой, нерукотворный!

Стихи и повести твои влекут меня, сверкая.
Мне дела нет, что у тебя религия другая.

Моя душа сходна с твоей, но силы несравнимы.
О, как мне мощь твоя нужна, певец неповторимый!

1906

РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Хоть юнцом с тобой расстался, преданный иной судьбе,
Заказанье, видишь, снова возвратился я к тебе.

Эти земли луговые, чувства издали маня,
Память мучая, вернули на родной простор меня.

Пусть несчастным сиротою вырос в этом я краю,
Пусть томили униженья юность горькую мою,—

Времена те миновали, птицей улетели прочь,
Дни былые вспоминаю, как с дурными снами ночь.

Хоть твои хлестали волны, челн мой не пошел на дно,
Хоть твое палило пламя, не сожгло меня оно,

И поэтому я понял, край мой, истину одну,
Что душа равно приемлет и огонь твой, и волну.

Я постиг, что все священно: и овин твой, и ручей,
И гумно твое, и степи, и дороги средь полей.

И весна твоя, и осень, лето знойное, зима,
Белые чулки, да лапти, да онучи, да сума.

И собаки и бараны — вся родная сторона.
Любо мне и то, что плохо, даже то, чем ты бедна.

1907

ЖИЗНЬ

Не кланяйся горю, не бойся невзгоды,—
У всех ли безоблачны юные годы?

Кто, с жизнью сойдясь, оставался вне схватки?
Вступай же и ты в этот бой без оглядки.

Ты с жизнью сражайся: равны ваши силы,
Борца не сломить ей до самой могилы!

Мы знаем: борьба тяжела и опасна,
Но радость победы светла и прекрасна.

Ярится тигрицею жизнь-кровопийца,
Но смелого льва устрашит ли тигрица?

*

Не каждый, кто болен,— на смертном пороге
Не каждый погибнет, кто сбился с дороги.

Измучен, изранен,— сражайся с упорством,
Борись, не взывая к бездушным и черствым.

Пусть мал золотник, да увесист недаром:
Его добывали с упорством и жаром.

Коль хочешь взобраться на дерево счастья,
Не требуй ни помощи, ни соучастья,
Не то упрекнут: «Он залез на вершину —
Не вспомнит, что я подставлял ему спину».

1908

ПОЭТ

Пускай состарюсь я, беспомощен и сед,
И стан согнется мой под грузом трудных лет,
Душе состариться не дам я никогда,
Она останется сильна и молода.
Пока огонь стиха живет в груди моей,
Я годен для борьбы, я старости сильней.
Ясна душа певца, весна в душе навек,
Она не знает зим, ей неизвестен снег,
Пускай состарюсь я — не стану стариком,
Что богу молится да мелет языком.
На печку не взберусь, вздыхая тяжело,—
Возьму я от стихов мне нужное тепло.

А смерть придет ко мне — я громко запою,
И даже Азраил услышит песнь мою.
Пусть в землю я сойду,— спою в последний раз:
«Я ухожу, друзья! Я оставляю вас...»

1908

СЕГОДНЯ ПРАЗДНИК

Стремится весть быстрей, быстрей; сегодня праздник, праздник!
Откуда радость у людей? Сегодня праздник, праздник!

Сегодня каждый окрылен каким-то светлым чувством.
Мой саз играет веселей: сегодня праздник, праздник!

Смотрю на солнце: хорошо! Наряд надело новый,
И ярче свет его лучей: сегодня праздник, праздник!

Вдыхаю дивный аромат,— мир сделался моложе,
Благоуханнее, свежей: сегодня праздник, праздник!

Богатый обнял бедняка. Подумал я невольно:
Расчувствовался богатей,— сегодня праздник, праздник!

Стою на берегу реки, воде внимаю шумной,
Она волнуется сильней: сегодня праздник, праздник!

И ветер праздничного дня мне тихо-тихо шепчет:
«Тревоги прежние развей: сегодня праздник, праздник!»

1908

ЛЮБОВЬ

Без дождя поникнет колос и погибнет вешний цвет,—
Как стихи писать, коль рядом вдохновительницы нет?

Кто красой своей подруги не был щедро вдохновлен?
Пушкин, Лермонтов, иль Байрон, иль другой какой поэт?

Ломтик мяса бесполезный — сердце, чуждое любви,
Сердце, что сладчайшей раны не хранит глубокий след.

Жемчугом твоей улыбки озарил я этот стих.
Разве сам не засверкал он, словно жемчуг-самоцвет?

Всех татарских стихотворцев обогнать могу легко
Я, бичом любви гонимый, я, страдавший столько лет.

Скажут: «Будь рабом любимой!» Я охотно соглашусь.
Скажут: «Будь владыкой мира!» — «Нет!» — воскликну я в ответ.

Кто, как я, знаком с томленьем, с вечной жаждою души?
Мук бессонных скрытый пламень каждой строчкою воспет.

И Меджнуна и Фархада я в любви опередил —
Так заря опережает солнца утреннего свет.

1908

МОЯ ЗВЕЗДА

Как ни жесток к нам этот мир, он запугать не может нас,
Где надо плакать — я смеюсь, не опускаю хмуро глаз.

Пусть жизнь моя, как ночь, темна, не жду ни солнца, ни луны.
Я благодарен и за то, что звезды в небе мне видны.

Я ощущаю тяжесть рук, прикосновенье черных сил,
Но враг мой в сердце у меня святой звезды не погасил.

Нет, нет, горит моя звезда, не меркнет отблеск золотой,
И несомненно, хоть один заблудший той спасен звездой.

Пускай шайтаны слезы льют, пусть кровью плачут день и ночь,
Ведь я оставлю светлый след, когда уйду из жизни прочь.

Звездятся в сердце у меня надежды, радости, тоска,
Навеки сердцу моему звезда священная близка.

1909

КНИГА

Когда душа измучится в борьбе,
Когда я ненавистен сам себе,
Когда я места в мире не найду
И, утомясь, проклятье шлю судьбе;

Когда за горем — горе у дверей
И ясный день ненастной тьмы темней;
Когда сквозь слезы белый свет не мил,
Когда не станет сил в душе моей,—

Тогда я в книгу устремляю взгляд,
Нетленные страницы шелестят.
Я исцелен, я счастлив, я живу,
Я пью тебя, отрада из отрад.

И слово, мной прочтенное тогда,
Встает, как путеводная звезда,
Бесстрашно сердце, радостна душа,
И суета вседневная чужда.

И, вновь рожденный чистою мечтой,
«Спасибо» говорю я книге той.
И, распрямленный верою в себя,
Я вдаль гляжу с надеждою святой.

1909

КОЛЕБАНИЯ И СОМНЕНИЯ

Чуть я шорох где заслышу, страх мне сердце обожжет,
Все мне думается, совесть упрекнуть меня идет.

Ни с утра не вижу дела, ни в вечерней тишине,
С указаньем, что мне делать, лишь злой дух идет ко мне.

Что свершил на этом свете? Право, не на что взглянуть!
Только ясно мне, что где-то мимо — настоящий путь.

В песне есть ли толк народу, не пойму я никогда.
Кто? Шайтан иль ангел света с песнями идет сюда?

А профессию поэта, видно, мне дано узнать:
Что ни год — то новый сборник у меня идет в печать.

Все несносно мне, и в сердце ощущаю ада зной.
Лишь когда стихи слагаю, райский страж идет за мной.

Стихотворная страница лучше всех блаженных снов,
Сад она, откуда слышен райской девы нежный зов.

Но, когда стихи печатать наступает грозный час,
Я свое поставить имя не желаю напоказ.

Напечатанное видя, недоволен я собой,
Все, что в них несовершенно, вечно злой идет гурьбой.

Иногда я на любое счастие надежды рву,
И тогда звезда восходит — та, что счастьем я зову.

В небесах моих сверкая, исцеляет злой недуг,
Как подруга молодая, словно самый близкий друг.

1909

РОДНОЙ ЯЗЫК

Родной язык — святой язык, отца и матери язык,
Как ты прекрасен! Целый мир в твоем богатстве я постиг!

Качая колыбель, тебя мне в песне открывала мать,
А сказки бабушки потом я научился понимать.

Родной язык, родной язык, с тобою смело шел я вдаль,
Ты радость возвышал мою, ты просветлял мою печаль.

Родной язык, с тобой вдвоем я в первый раз молил творца:
— О боже, мать мою прости, прости меня, прости отца.

1910

ПОСЛЕДНИЕ КАПЛИ СЛЕЗ

Любовью тайной укрощен, весь я сгораю, как трава.
А было время, был и я сильнее и смелее льва.

Судьба и счастье шли всегда желаниям наперекор.
И демон бы не снес того, что я сносил до этих пор.

Ты вздрагиваешь, как дитя, при каждом восклицанье «ай!».
Довольно, сердце, перестань. Но слезы льются через край.

Пускай на землю упаду, любовью тайной опален!
Так хочет милая. Умру. Ее желания — закон!

1910

ГРУСТЬ

Грязью, ложью, суетою мир наш внутренний богат.
Вот все дело наших будней: или подлость, иль разврат.
Поражаемся, когда мы на дешевый блеск глядим.
За копейку ум и душу каждый был продать бы рад.
Дух грязнится наш, а совесть почитается за бред.
Почему ж для тела — баня, а для духа бани нет?

1910

МАЛЬЧИК С ДУДОЧКОЙ

Склонившись над столом, сидит поэт
И пишет, позабыв про целый свет.
Порой почешет голову пером,
Как бы ища строке своей ответ.

Не устает писать его рука.
Вслед за строкой является строка.
Но дудочки пронзительная трель
Доносится к нему издалека.

Нельзя понять: мяукает ли кот,
Иль это визг немазаных ворот,
Иль на дороге старая арба
Скрипучими колесами поет...

Нежданная нагрянула беда!
Все громче под окном дудит дуда.
Поэт кричит: «Мальчишка, уходи!
Какой шайтан занес тебя сюда?»

Мальчишка с дудкой скрылся за углом.
Поэт опять склонился над столом.
Как славно заниматься в тишине
Словесным тонким, хрупким ремеслом!

Но только начинает он писать,
Все та же дудка слышится опять.
И наконец, поэт, махнув рукой,
Швыряет на пол смятую тетрадь.

А дудка верещит ему назло.
Она буравит душу, как сверло.
Поэт не спорит с лютою судьбой
И говорит в тоске: «Не повезло!..»

Но и поэт находчив иногда.
Мальчишку он зовет: «Иди сюда!
Хочу спросить я, милый мальчуган,
Не продается ли твоя дуда?»

1911

МОЛНИЯ

Молнией и громом не пугай меня!
Не боюсь я, боже, твоего огня!
Я купил бесстрашье дорогой ценой:
Долго лил я слезы в темноте ночной.

1911

ТРУДНАЯ ДОЛЯ

Зачем мне жизнь дарована была?
Затем ли, чтоб я пил напиток зла?

Чтоб видел скучный сей круговорот:
Была зима — теперь весна пришла.

Устал я. Где ж последний мой привал?
Спешу, и вновь дорога тяжела.

Сгинь, капля крови,— солнце надо мной!
Зачем заря мне саван соткала?

Убить себя? Но бога я боюсь...
Болезнь бы, что ли, душу унесла!

1911

ИДУ СВОИМ ПУТЕМ

Ты хочешь в меру сил своих служить, служить народу,
Но душат грязною уздою твой ум, твою свободу:

«Что делать, дескать, век такой, такое время ныне!
Уж ты по-нашему живи, смири свою гордыню!»

Я презираю бренный мир и век его мгновенный.
Смириться — это тяжкий грех перед душой нетленной.

Я устремляюсь в высоту, в безмерность, в бесконечность,
К бессмертной, вечной красоте, в сияющую вечность!

Я вечно юным быть хочу, рождая радость всюду.
Пусть гаснет солнце в небесах, я новым солнцем буду!

Теченье времени по мне привыкнут люди мерить.
Любой из них свои часы по мне сумеет сверить.

1912

ВРАГИ

Словно змеи, шипят, извиваясь, когда я силен.
Чтоб ужалить меня, приползут они с разных сторон.
Злятся, если хоть раз небосклон мне звездою сверкнет,

Неужели я ими на вечную тьму обречен?
Мне известен их подлый закон — только б дичь затравить!
Эти псы самых худших на свете достойны имен.
Умереть не дадут! А умру — в тот же день прибегут
Гроб ногами пинать! Видно, лучших не будет времен...
Всюду смерть. И вселенная тоже имеет конец.
Мир непрочен и зыбок, а я в нем случайный пришлец.
Пусть в крови захлебнется душа, онемеет язык —
Бейте пуще, собаки! Еще не к такому привык.
Много я, сирота, на веку своем видел невзгод.
Что ж, спасибо за ласку тебе, мой народ.

1912

ШАЙХЗАДА БАБИЧ
(1895—1919)

ПРИСЯГА НАРОДУ

Звенящее золотом слово
Не ради почета пою,—
Пою для народа родного
В родном златоцветном краю.

Не золота ради сверкает
Серебряным словом перо,—
Пусть песня в народ проникает:
Ведь сердце его — серебро.

Не ради богатств садовода
Взрастил я цветник красоты,
А ради родного народа,
Чьи дочери словно цветы.

Не я сочинил свои песни,
Не я их насытил огнем,—
Народ мой горячий и честный
Их складывал в сердце своем!

Не жалуюсь на неудачу,
На холод студеных дорог,—
О доле народа я плачу,
О том, что он слаб и убог.

Пусть жертвой безвременно лягу,
Пусть юности минет пора,—
Народу принес я присягу
Из золота и серебра!

1914

ОДНО МГНОВЕНЬЕ...

Моя душа пришла в волненье, и верится с трудом,
Что может стать в одно мгновенье то пламенем, то льдом.

Весь мир прокляв, в одно мгновенье из тысячи огней
Вдруг вспыхнул, точно вдохновенье, пожар в груди моей.

Душа-бедняжка загорелась... Бедняжка? Нет, она
И силу обрела, и смелость, мятежна и грозна!

Она горит, но не от горя,— от радости горит,
Она горит, с неправдой споря, и новый мир творит.

Душа горит... К чему угрозы — огонь залить водой?
Пускай из глаз моих, как слезы, бежит огонь святой!

О слезы, двигайтесь, как реки, от ночи до зари!
Не гасни, мой пожар, вовеки, душа моя, гори!

1914

ЖИЗНЬ В БОРЬБЕ

Почему, душа моя, жестоко,
Так, что сердце в пламени скорбит,
Мучаешь и жжешь меня до срока
По причине мелочных обид?

Ты сама, пути не зная к бою,
В том огне погибнешь тяжело...
Разве на земле само собою
Уничтожится, исчезнет зло?

Как бы ни пылали наши раны,
Разве цепи разорвать легко?
Если на пути твоем капканы,
Разве убежишь ты далеко?

Позабудь обиду и унынье!
Если счастье надобно тебе,—
Ради счастья проведи отныне
Жизнь свою короткую в борьбе!

1915

Я Ж Д У

Пройду ли по травам башкирского края,—
Душа устремится в полет.
Услышу ли издали песню курая,—
Мое существо запоет.

Взберусь ли к дубравам башкирских нагорий,—
Мне чудный откроется мир.
Но княжество смерти, но темное горе
Я вижу в селеньях башкир.

Живые покойники тлеют в могилах,
Их боли не слышится крик,
Но скорбную повесть о селах унылых
Несут нам Сакмар и Яик.

И сам я не знаю, кого проклинаю,
Когда на Урал я смотрю.
Настанет ли время башкирскому краю
Узнать и увидеть зарю?

И кажется, будто, великий и строгий,
Мне чутко внимает Урал,
И кажется, будто исчезли тревоги
И день засверкал, заиграл.

Мне кажется: песня летит издалёка,
Летит, чтоб развеять беду,
И верю: дождусь я желанного срока,—
И верю, и плачу, и жду!

1916

М. Еревани. Портрет молодого человека. XIX в.

БОГ ИЛИ ЧЕРТ

Бог — посреди небес.
В земной юдоли — бес.
Я мальчуган.
Один твердит: «Ислам!»
Другой кричит: «Я сам!»
В словах — туман.
Но справедлив ли бог?
А бес — кому помог?
На чьей из двух дорог
Обман?!

1916

СОЛОВЬЮ, ЗАКЛЮЧЕННОМУ В КЛЕТКУ

Печаль моих стихов, пылающих в огне,
Почувствовал ли ты, приятель мой певучий?
Кому же петь, скажи, кому же, как не мне,
В чьем сердце вспыхнул пламень жгучий?

Проходят предо мной событья прежних дней,
Весны мне слышится напев победоносный.
Разлив моей души становится сильней,
Как вспомню я былые вёсны.

Скажи: Уральских гор ты видишь синеву?
Из клетки, соловей, взгляни на них скорее!
Для этих гор пою, для этих гор живу,
И с ними песнь моя смелее.

Не хочешь петь? Иль ты не слушаешь меня?
Иль ты отягощен заботою иною?
Свой клюв красивый трешь, товарища дразня...
Иль ты смеешься надо мною?

Ты видишь ли весны свободную тропу?
Везде звенит капель, везде проснулись ветки,
Волнуюсь я, а ты дробишь свою крупу...
Иль ты остаться хочешь в клетке?

Везде звенит капель, везде бегут ручьи,
Весь мир приветствует весна горячей речью,
И птицы певчие, сородичи твои,
Уже летят весне навстречу.

И я то радуюсь, то, мучаясь, пою,
Когда идет весна по взрыхленному полю.
Ты скоро ль, соловей, изменишь жизнь свою,
Ты скоро ль вырвешься на волю?

Ты видишь, как земля весною хороша?
На память мне весна былые дни приводит.
Кипит моя душа, бурлит моя душа,
Из берегов она выходит.

1916

БООВАН БАДМА
(1880—1917)

УСЛАЖДЕНИЕ СЛУХА
НАЧАЛЬНОЕ БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ

Пред собою ладони соединив,
Пречистой Пищи сыну помолимся.
Погружен он в благостную нирвану,
Покровительствует всему сущему.
Ради того, чтобы всюду люди
Радостно, одинаково жили,
Буду я песни петь призывные,
Будоражить людские умы. Послушайте!

ПЕСНЯ МИРЯНАМ

Почитаньем трех драгоценностей
добродетель в мире умножится;
Почитаньем отца и матери
благонравье всюду упрочится;
Воздержанием от насилия
жизнь живых на земле продолжится;
Воздаянием всем обиженным
возродим везде благоденствие.

Коль неправую цель преследовать,
добродетели все утратятся;
Коли ложь возлюбить как истину,
трудно речь вести о доверии;
Коли вздор нести, суесловие,
поубавится уважение;
Коли бранных слов не удерживать,
сохраним ли свое достоинство!

Служба-помощь народу верная
славу нам принесет, имя доброе,
А своя корысть, своя выгода —
от худой молвы не защитница.
О своей лишь мошне печальники
не избудут напастей-горестей;
Непомерным чванством да гордостью
одного лишь позора доищешься.

Больше ссор и противоборства —
меньше благостного покоя;
Больше лютости неразумной —
меньше дружества и доверья;
Больше алчности неуемной —
меньше щедрости и богатства;
Больше падких на все чужое —
меньше счастья и добронравья.

Друга доброго поучения
с чистым сердцем надобно выслушать;
От приятеля непутевого
в отдаленье держаться следует.
Коль задумано дело нужное,
так с умом его должно выполнить,
А покуда цель не достигнута,
придержать язык не мешало бы.

Похваляться добродеяньями,
не свершая их — опрометчиво.
И кичиться своими знаньями,
не имея их — опрометчиво.
Быть усердным в деле несбыточном —
то же самое — опрометчиво.
Так без прочного состояния
богачом прослыть — опрометчиво!..

Закали в себе волю твердую
и к наукам яви усердие.
Справедливость признав святынею,
к ней стремясь, прояви усердие.
Ради пользы, блага всеобщего
всем на радость яви усердие.
Чтобы тратились с толком, с разумом
все богатства — яви усердие.

Пьянство приносит один лишь вред —
стань образцом воздержанья.
Кости да карты — источник бед,
стань образцом воздержанья.
С той, что душою тебе не верна,
лучше и вовсе не знайся;
Если связалась с кем-то жена,
с ней развязаться старайся.

Накопить ли нам добродетели,
коль в продаже их не случается?
Десяти черных дел отвержение
добродетелью называется.
Благодати вероучения
ты сподобишься не поклонами,
С добродетельными в общении,
не с порочными ветрогонами.

Будды заповеди блюдите,
черных дел избегайте, миряне,
И во имя его вершите
только праведные деянья.
Выполняя без упущений
все обеты, все воздержанья,
Вы сподобитесь, что свершатся
ваши добрые начинанья.

Здесь закончились десять шлок песни,
спетой мирянам ради пробуждения их мысли

ПЕСНЯ ГЕЛЮНГАМ И БАНДИ

Кто уверовал раз навсегда:
Жизнь пройдет, не оставив следа;
Кто земные заботы презрел
Ради инорожденческих дел;

Кто, отвергнув житейскую грязь,
К благодатной нирване стремясь,
Вдруг покинул отцовский очаг,—
Тот уж истинный, видно, хуврак.

Оставаясь в родимом краю,
Как родню позабудешь свою!
Враг родни твоей близкой, хуврак,
Неизбежно — твой собственный враг.
А вражда — это грех, да какой!
Не монашеский грех, а мирской.
Чтоб буддийский завет уважать,
Должно прочь от мирского бежать.

Полнота удовольствий и благ —
Это адское пламя, хуврак,
А блаженство нирваны считай
За прельстительный будущий рай.
И богатство отринь и корысть,
От тщеславия сердце очисть
И почета не жди... Только так
Утвердишься ты в вере, хуврак!

Если, верою твердой ведом,
Ты покинул родимый свой дом,
От любимых себя оторвал,
Будто разом на всех наплевал;
Если нет у тебя ни гроша,
Взаперти не тоскует душа,—
Вот тогда о тебе говорят:
«Свято чтит он буддийский обряд».

Удалившись от мира, буддист
В побужденьях и помыслах чист,
И блюдет он до старости лет
Каждый клятвой скрепленный обет.
Ну, а если неправедным был,
Если клятву свою позабыл,
Попадает он в смертный свой час
В преисподнюю, в страшный Айас.

Если заповедей не знать,
Кои следует соблюдать,
Обещанье: блюсти, мол, готов —
Сочетанье бессмысленных слов.

Но усердием леность поправ,
Смысл Учения Будды познав,
Всяк почувствует и торжество
И величие Слова Его.

Не закон же тебя и не власть
Вдруг в хурул понуждают попасть.
Свет в душе у тебя, а не мрак —
Вот поэтому ты и хуврак!
Ты уверовал в истинность, в суть?
Так уж с верою этой пребудь
И отринь дополнительный груз
Из мирских интересов и уз.

Важно, словно хутукта, воссев,
Брать даяния, скромность презрев,
И не взвешивать каждый свой шаг,—
Знай, хуврак,— не годится никак!
Облачаться в наряд дорогой,
Не приблизившись к жизни другой,
Если ты и не мудр, и не благ,
И не свят — не годится никак!

Коль земных у тебя много дел,—
Глядь, к обетам уж ты охладел,
А к мирской потянулся родне —
Равнодушен ты к вере вдвойне.
Коль предела усердию нет,
Каждый будет постигнут завет.
А со рвеньем исполнив его,
Ты, конечно, достигнешь всего...

Здесь закончились девять шлок песни,
спетой ради пробуждения мысли гелюнгов и банди

ПЕСНЯ БАГШАМ-НАСТАВНИКАМ

Невежда норовит учить других.
Чему научит? — Знаний никаких,
Но чванства ради он — наставник-багш!..
Из рук вон худо это и печально.
Он верующими не позабыт:
Их подаяньем и одет и сыт,
То здесь, то там на ярмарке торчит,
Барышничает... Вот ведь что печально!

Наставничать-то сладостно ему,
Но обучить не сможет ничему
Ни банди, ни гелюнгов — никого...
Вот что по-настоящему печально.
Следит за приношеньями мирян,—
Он, багш-наставник, в этом деле рьян,—
На нужды веры тратит их? — Обман!
Иные нужды у него... Печально.

Конечно, у него желанье есть
Хувракам юным проповедь прочесть,
Вероученья принципы ему,
Однако, недоступны. Как печально!
Итак, одет наставник и обут —
Миряне тут его не подведут.
В религии кощунствующий плут,
Греха не понимает он. Печально.

Он возглашает проповедь одну:
Молочное — в хурульную казну.
А десяти деяний черных вред,
Увы, не разъясняет он. Печально.
Он исповедник истины, хуврак,
Блюститель чистых дел и вышних благ,
Но от родни мирской он ни на шаг!
Обмирщился вконец. Весьма печально.

Уединенья не взыскует он —
Он из хотона следует в хотон,
Везде родня, и всюду угостят.
Он пьянствует, а это ль не печально!
Его удел — Ученье да обряд.
Но отчего торчать наставник рад
На сборищах мирян, на всех подряд,
Да вмешиваться в тяжбы их? — Печально.

Беда ль, что подопечные юнцы,
Распутствуя, бегут во все концы!..
Наставника затмил в нем скотовод,
Родню обогащающий. Печально.
Что верующий в монастырь несет
От чистых побуждений, от щедрот,
То багш пихает родственникам в рот.
И так из года в год. Весьма печально.

Что милостынедатели несут —
Всему найдется назначенье тут,
А шебинеры сирые его
Голодные сидят. Увы, печально.
Несут и что обуть и что надеть —
Об этом багш умеет порадеть,
А шебинерам в холоде сидеть
Разутыми, раздетыми. Печально.

Ему почет, ему большой доход,
Однако ж он чурается забот
О бедствующих банди и других...
Несправедливо это и печально.
Хоть полон у него всегда карман,
На все про все ему излишек дан,
Однако же ни храм, ни субурган
Нигде не обновит он. Как печально!

Хоть заповедь им не соблюдена
О строгом воздержанье от вина,
Но жадничает, скряжничает он,
Как будто разорен. Весьма печально.
Хоть сказано когда-то напрямик:
«Отведавший вина — не ученик»,
Но в полном облаченье еретик
«Радеет» об Ученье. Как печально!

Всем банди — наставление одно.
Ученье тоже равным быть должно.
Племянников внучатых для чего
Чрезмерно опекает он? — Печально.
Лишь в этой жизни связан он с родней,
А все ж стоит за родичей стеной.
А тех, с кем в этой жизни и в иной
В родстве духовном,— гонит прочь. Печально.

Развратный, необузданный хуврак,
Увы, не наказуется никак.
А меры к исправленью принимать
Наставник не торопится. Печально.
Зато распорядился он юнцом:
Взял банди крепостным слугою в дом.
Наставник и не думает о том,
Кем стал бы мальчик в будущем... Печально.

Хоть утверждает с видом мудреца,
Что следует за Буддой до конца,
Но ни ученья, ни заветов он
Не держится буддийских. Как печально!
О пользе добрых дел он речь ведет,
О милости, о благости щедрот.
О Слове Будды — не раскроет рот,
Чтоб не попасть впросак... Весьма печально.

О подношеньях все расскажет он —
Тут багш осведомлен и умудрен.
Как первородный грех преодолеть,
Он рассказать не сможет вам. Печально.
Дарующего милость чтит, но сам,
Не слишком доверяя чудесам,
Размер даяний установит вам,
Чтоб вы не поскупились... Как печально!

Хоть рукоположениями он,
Как выгодною сделкой, увлечен,
Но сан блюсти, достоинство хранить
Не учит шебинеров он. Печально.
Велит устав, чтоб дом был прост и строг,
Но багш уставом этим пренебрег:
Не дом себе возводит, а чертог,
И обставляет роскошью. Печально.

Он даже может рукополагать
В тантристский сан и мздою облагать;
О каре за нарушенный обет
Не помышляет вовсе он. Печально.
Себе он без стеснения берет
Все, что в казну хурульную плывет,
И в наказанье адских мук не ждет,
За воровство положенных. Печально.

Увидишь: вот он с важностью сидит
И проповедь читает со стараньем.
Поверишь: будет юных наставлять
Со строгостью и мудрым назиданьем.
Увидишь: вот тайком хлопочет он
О размноженье собственного стада.
Поверишь: он с дубинкою в руках
Прохожих грабить выйдет из засады.

Услышишь: о деяниях благих
Со всеми он толкует откровенно.
Поверишь: за кого ручался он,
О тех его забота неизменна.
Увидишь: о мирской своей родне
Уж так-то он старательно печется.
Поверишь: быть ему на самом дне
Айаса, ада страшного, придется...

Услышишь: убежденно говорит
О воздаянье людям за щедроты.
Поверишь: он одеть и накормить
Весь люд честной готов своей охотой.
Увидишь: к подношениям стремясь,
Он алчных пальцев не уймет дрожанье.
Поверишь: вырвать силою готов
Еще не поднесенное даянье.

Увидишь: вон в толпе учеников
Витийствует себе его блаженство —
И ты уже вскричать вот-вот готов:
«Вот истинная святость, совершенство!»
Услышишь, сколь неискренняя речь
Пропитана корыстью да обманом.
Поверишь: этот багш наточит меч
И палачом заделается рьяным.

Услышишь, как средь верующих он,
Подчас, ведет беседу об Ученье —
«Ом мани бадме хум» произнесешь
Ты в умиленье и благоговенье.
Увидишь, как, алчбою поражен,
Добро к себе он отовсюду тянет.
Поверишь: хоть последнее отдай,
Останься гол — он клянчить снова станет.

Увидишь: чопорность его палат
Хоромы богача-купца затмила;
Посмотришь, как одет наставник-багш,—
Ни дать ни взять полдневное светило!
Увидишь, как роскошествует он,—
Сочтешь его за знатного нойона;
Услышишь рассуждения его —
Поймешь: перед тобой хуврак зеленый.

Увидишь: в шубе беличьей своей
Напомнит щеголиху он, забавник;
Едва постигнешь смысл его речей —
Поймешь: все тот же пред тобой наставник.
Присмотришься к его делам — ну впрямь
Кормилец многодетный, погляди-ка!
А на него посмотришь самого —
Как есть бобыль, беспутный горемыка.

Когда б его хозяйство оглядеть —
Купцом бы он таврийским показался,
Но на алтарь посмотришь и поймешь:
Хуврак он был — хувраком и остался.
По лошадям, по упряжи похож
На маклака донского — не хуврака,
А речь его услышишь — и вздохнешь:
Последователь Будды он, однако...

Здесь кончилась песня,
спетая багшам-наставникам ради пробуждения чувств

1915

СЕРГЕЙ ЧАВАЙН
(1888—1942)

СМЕЛО, ДРУЗЬЯ МОИ!

Смело, друзья мои, смело!
Время не будем терять,
Дружно восстаньте, спасите
Милую родину-мать!
Бьется, как муха, отчизна
В петлях паучьих тенет,
Злобный паук ее душит,
Алую кровь ее пьет.
Смело, друзья! Наших братьев
Вырвем из вражеских рук,
Чтобы до капли всю кровь их
Жадный не выпил паук.
К нам руки братьев простерты,
Слышится узников зов,
Надо спешить к ним на помощь,
Вызволить их из оков.
Час новой жизни настанет,
И победивший народ
Нас помянуть добрым словом
К нам на могилы придет.

1906

ЗАЧЕМ Я РОЖДЕН

Высокó над миром реет
Мысль моя, сильна, вольна,
Там, где небо лишь синеет,
Как орел, парит она.

Гордую пою я песню:
«Мне природа-мать дала
Для полета в поднебесье
Крылья мощные орла!»

Мир еще окутан тьмою,
Но неведом сердцу страх.
Ночь не властна надо мною:
Свет горит в моих глазах.

День ли, ночь ли — я сияю,
И народ весь удивлен:
Голос мой не умолкая
Раздается... Всюду он!

Есть во мне познанья сила,
Все объемлет мысль моя —
Знаю я, что раньше было,
И что будет, знаю я.

Мрак ночной я разгоняю,
Для меня преграды нет,
Я горю не угасая,
Я несу народу свет.

Высоко над миром реет
Мысль моя, сильна, вольна,
Там, где небо лишь синеет,
Как орел, парит она.

1910

НИКОЛАЙ МУХИН
(1890—1943)

ПЕСНЬ ЖАВОРОНКА

Из-за леса, из-за леса
Солнце красное встает,
А с низин туман белесый,
Словно облако, ползет.

И высоко в поднебесье
Слышен жаворонка звон.
Как своей весенней песней
Веселит мне сердце он!

В небе он звенит, звепит,
Будто сердцу говорит:

«Прилетел я издалека,
Долго, долго ждал весны...
Своего дождался срока,
Вьюсь в сиянье вышины.
Только песней, только песней
Жить и радоваться мне —
Вот и славлю день чудесный,
Вот и радуюсь весне!»

1906

КОНСТАНТИН ИВАНОВ
(1890—1915)

НАРСПИ
(Отрывок из поэмы)

В СИЛЬБИ

Месяц март уж на исходе,
Греет солнышко. Тепло...
Окружило половодье
Все чувашское село.

Почернели прежде взгорья,
После снег с полей сошел;
В зеленеющем уборе
Заиграл под солнцем дол.

А по снежному покрову,
Что хранит лесная тьма,
Вея холодом, сурово
Вдаль идет-бредет зима.

По ложбинам, по овражкам
Слышен шум бегущих вод —
То зима, вздыхая тяжко,
Тая сердцем, слезы льет.

И ручьями слезы эти
В реки бурные текут...
А в селе резвятся дети
На припеке там и тут.

*

Лаской землю отогрела
Снова милая весна,
Снова свет смеется белый,
Пробуждаясь ото сна.

Ожил лес, стоит на воле
В пышной зелени ветвей,
Зацветает новью поле,
Красотой гордясь своей.

Многоцветные просторы
Вешним запахом пьянят,
И повсюду птичьи хоры
Песней вольною звенят.

В небе, полная веселья,
Льется жаворонка трель,
И пастушеской свирелью
Голубой поет апрель.

Марь полуденного часа
Стадо к лесу привела,
И обеда ждет подпасок,
Глядя в сторону села.

*

Чуть Сильби окинешь взором:
Двор к двору — и крыш не счесть,
Высотой под стать конторам
В Тури-касе избы есть.

Вниз плетни ползут задами,
И до самой до весны
Прошлогодними скирдами
Гумна там окружены.

Избы звонким тесом крыты,
Ровно пригнанным в ряды,
А вдоль улицы — гляди ты —
Густолистые сады.

Высоки, крепки заборы —
Не один стоять им год!
Желтым выкрашены створы
Разузоренных ворот.

Можно городом, пожалуй,
Счесть Сильби со стороны,
И домов-то в нем немало,
Что добром полным-полны.

*

За селом журчит, не молкнет
Мелководная река,
Солнце в ней дробит осколки
Сквозь листочки лозняка.

Высь колебля голубую,
Вдаль течет она, светла,
И, сама собой любуясь,
В воду смотрится ветла.

Под кустом, у сини зыбкой,
Примостился дед тишком,
Обмануть стараясь рыбку
Аппетитным червяком.

Только вот досада — дети
Рядом плещутся в воде:
Впрямь от них на этом свете
Не укроешься нигде...

Там вон кто-то недалечко
На мосту стоит; потом
Перебрался через речку
И пропал в лесу густом.

*

Жизнь в Сильби идет простая,
Но весной привольно в нем:
Неприметно, легкой стаей,
Пролетает день за днем;

Смех и говор, птичий гомон
Вперебой звенят вокруг;
Песня вешняя знакомо
Льется вширь, лаская слух.

Вдоль по улице селяне
Ходят чинно взад-вперед,
И резвится на поляне
Шумный детский хоровод.

Раскрасавицы форсисто,
Словно лебеди, плывут,
Их звенящие мониста
И сияют и зовут.

К небу пыль взметая тучей,
Пляшут парни у ворот.
«Эх, и жизнь — не надо лучше!» —
Говорит в Сильби народ.

*

Нет сильнее человека
В целом мире никого:
Он хозяин здесь от века,
Суша, воды — все его.

Но поди ж ты: как иного
Подсекает жизнь сама!
Вволю денег да хмельного,
Глядь — и выжил из ума.

Да кому ж и не пристало
Погулять в Большой калым?
В погребах мы разве мало
Пива к празднику храним?

Все, понятно, пили, ели,
Песни пели... Гром да пляс...
Что ж, на праздничной неделе
Для потехи самый час.

И когда приходит вечер,
Пьяных тут — хоть пруд пруди.
Но, однако, пир не вечен,
День угарный позади.

*

Пить да пить — и бык устанет.
Пьян чуваш. Домой бы, друг!
Но, как пух, разлечься манит
Грязь весенняя вокруг.

И лежит чуваш, как барин,
Где он, что он — дела нет,
И поет, хмелен, распарен,
Он на целый белый свет:

«Коль работать — так до поту,
До отвала — есть и пить.
Кто же, любящий работу,
Может водки не любить?

Час придет — работать будем,
Станем пить, коль час велит.
Нет вина — заглянем к людям,—
Дружба душу веселит.

Нет и там вина? Ну что же —
И уйран тогда неплох.
Если ж нет уйрана тоже —
Будем ждать: поможет бог!»

*

Вот Калым к концу подходит,
Но работа на уме ль,
Если синь-туманом бродит
В голове тяжелый хмель?

Встань-ка на ноги, чувашин,
Начинается страда!
Зеленеют горки, с пашен
Сходит полая вода.

Поднимайтесь живо, братцы,
Нам гулять не целый век:
За починку время браться
Сох, и борон, и телег!

Да студеною водою
Смойте праздничную лень,
Да здоровою едою
Встретьте сева трудный день.

Пашня ждет: порой погожей
Запрягай да выезжай!..
И здоровья дай вам боже,
И богатый урожай!

ЭМИНЕ

(2-я пол. XIX века)

* * *

Мост подпирают дубовые сваи —
Не задрожит, не застонет постыдно,
Конь его спину не сломит, как видно.

Тоненький стан мой, душа молодая —
Не задрожит, не застонет постыдно,
Как ни печалюсь я — людям не видно.

Мост наш родной не сгниет, не погнется,
Девичье сердце судьбе не сдается.

* * *

В просторах степей всех цветов мне не счесть,
Но мак среди них, словно знак доброты.
Так добрых людей мне в деревне не счесть,
Но только в родных — торжество доброты.

Пока у нас пение иволги есть,
Вовек к соловью не пойдем на поклон,
Покуда родные в селении есть,
К чужому жилью не пойдем на поклон,

Покуда родник нашей иволги есть,
Пусть нет соловьиной реки — не беда.
Пока у родных наших головы есть,
Пусть мы искони бедняки — не беда.

* * *

Девушки, готовясь к сенокосу,
Белые саппуны надевают.
Сладкие в любви нашла я слезы,
А в подругах зависть назревает.

Рос в моем саду цветочек алый,
Цвет его дождем внезапно смыло,
Я цвела любовью небывалой,
Разлучил нас враг внезапно с милым.

На руке из серебра колечко,
Иволга добра — хранит колечко.
Но враги с любимым разлучили —
Разломили надвое колечко.

* * *

С юга плывет облаков синева...
Если уж дождь, пусть он будет дневным.
Разум незрел, молода голова...
Если уж горе, пусть нам — молодым.

Тот, кто решился леса поджигать,
Разве не знал, что краса сожжена?
Разве не знали отец наш и мать,
Что нас родили не в те времена?

С юга плывет облаков синева,
Словно платочка квадрат в вышине,
Юные годы заметишь едва,
Словно они промелькнули во сне.

* * *

Ветер меняется, кружится, кружится,
Клонит орешник в осенние лужицы.
Если не думаешь — сердце не мается,
Мысли закружатся — сердцу недужится.

Вожжи из кожи двенадцатихвостые,
Мастеру вызмеить было непросто их.
Тоненький стан мой былинкой качается,
Ворог твердит, что напрасно упорствую.

Тучи несутся, несутся так суетно...
Что за беду в своем чреве несут они?
Думы мои, молодые, короткие,
Отданы будущим бедам на суд они.

Шесть аргамаков, а конь мой — единственный.
Как же дотащит он груз мой таинственный?
Ворогов семеро, я в одиночестве.
Как же дожить до добра и до истины?

* * *

Месяц поднялся высоко, высоко...
Где же начнет он в пути уставать?
Милый прислал мне салам издалека...
Сможет ли снова салам он прислать?

Вновь над рекою Кэтне голубою
Мне б собирать многоцветье лугов,
Видеть того, кто подарен судьбою,
Слышать дыханье прошептанных слов.
Мне над рекою Кэтне голубою
Не собирать многоцветье лугов,
Милый подарен, но отнят судьбою,
Стынет дыханье прошептанных слов.
Канул он в бездну сибирских снегов
По мановенью заклятых врагов.

* * *

В небе летает луна, говорят,
Видно, как светит она, говорят,
Сердцу разлука страшна, говорят,
Так же, как ворог, сильна, говорят.

Красный цветочек в саду моем рос,
Долго его не видала уже.
Милого вражеский ветер унес,
Высохло сердце и пусто в душе.

Красный цветочек в саду моем рос,
Злая судьба мой цветок сорвала.
Милого вражеский ветер унес,
Девичье сердце сгорело дотла.

Пусть не засохнет мой красный цветок,
Милый пусть будет здоров и высок,
Головы вражьи пусть срубит клинок,
Рухнет над царством гнилым потолок.

* * *

Ветер вновь подул,
Покачнул сосну,
В буйном сердце гул
Ищет тишину.

Вновь в родном краю,
В общий круг маня,
Песню петь мою
Будут без меня.

Мне лежать в земле
На червивом дне...
Девушки в селе
Вспомнят обо мне.

Милый! Голос мой
Песню не найдет.
Эмине покой
От невзгод найдет.

Но не сможет враг
Надругаться вдруг.
Верность я во мрак
Унесу, мой друг.

А когда из льда
Выбьются ручьи,
Вспомните тогда
Помыслы мои.

* * *

У отца в саду смородина, смородина,
Сквозь смородину — тропиночка росная,
Напрямик — тропиночка росная.
И, когда была тропиночка пройдена,
Нас ударила смородина, как розгами,
И зажили, горемычные, розно мы.

Сад у матери из щавеля, из щавеля,
В низком щавеле тропиночка росная,
Напрямик — тропиночка росная,
На тропиночке следы мы оставили.
Нас ударил этот щавель, как розгами,
Мы остались с той поры низкорослыми.

Брат взрастил в саду черемуху, черемуху,
Сквозь черемуху — тропиночка росная,
Напрямик — тропиночка росная.
Нас ударила черемуха без промаха,
Нас ударила черемуха, как розгами,
Стали дни наши туманными и грозными.

У снохи в саду рябинушка, рябинушка,
Сквозь рябинушку — тропиночка росная,
Напрямик — тропиночка росная.
До конца мы одолели тропиночку,
Нас ударила рябина, как розгами,
И неведомы ни счастье, ни слезы нам.

ШОЖЕ КАРЖАУЛОВ
(1805—1891)

ПЕСНЯ

Моя домбра, как родника вода,
От перебора струнного звучна.
Сын Жаркушака, доблестный Айдар,
Ты светел, как высокая луна.
Твой первый дед был знатный человек,
Из рода он Дулатов четверых.
Сайким был первый, после — Батырбек...
Не дом, а целый город был у них.
А сколько на счету у них побед!
Своей отвагой удивляли мир.
Ну, а второй твой знаменитый дед
Происходил из племени Шимир.
Из горла, напирая, как змея,
Пусть льется песнь хвалебная моя.
О сын Дулатов! Ты ли не могуч?
И на тебя ложится славы луч!
Ильи-пророка ты щедрей в душе!
Молва идет о доброте твоей.
Не откажи ты в милости Шоже!
Скупишься, да? Смотри не пожалей!
А я припомню нынешний отказ,
Не век ты будешь крепок и удал.
Зачем, зачем — воскликнешь сам не раз —
Зачем Шоже я ничего не дал!..

Ну что ж, уйду. Еще до темноты
Смешаюсь с богомольческой толпой.
Но только знай: каков с другими ты —
Такими будут и они с тобой.
Тревожно в мире. Тяжко на душе.
...А в трудный час — твой окупился б дар.
Не обижай же бедного Шоже,
Не охлаждай его любви, Айдар.
Коль уваженье потерял джигит,
Добра не жди, слепой ты человек!
Когда удача от тебя бежит —
Богатство не воротится вовек.
Известно всем: судьбы не избежать,
За все приходится держать ответ.
Так, если бедствуют отец и мать,
Джигиту, сыну их, прощенья нет.
Мы все — во власти всемогущих рук.
Пусть храбро отправляешься ты в путь,
Но если счастье изменило вдруг,
Его уже по крохам не вернуть.
Зерна попросишь — и никто не даст.
Заплачешь горько — не заметят слез.
Падет твой скот — а скажут: сам не спас.
Пойдешь на подвиг — не возьмут всерьез.
Не зазовешь махающей рукой
Назад, в свой дом, ни славы, ни удач.
И уж тогда — ценою никакой
Былого не воротишь,
Плачь не плачь.

СУЮНБАЙ АРАНОВ
(1827—1896)

О СТАРОСТИ

О, старость приходит своим чередом:
Невестка со мной говорит с трудом.
Пощечин пока она мне не дает,
Но хлеще ладони бьет языком.
Как ветер был я в двадцать лет,
А в тридцать стал как горный хребет,

И горным потоком стал к сорока —
Потоком, преграды которому нет.
В бездонное озеро влился поток —
И стал я, как озеро это, глубок,
Когда мне исполнилось пятьдесят,
Я многое знал и многое мог.
Старость догнала меня тогда.
Джейляу вытаптывают стада.
Вот так же меня затоптала жизнь —
Обгрызла, бросила навсегда.
Прошли пятьдесят, прошли шестьдесят,
И семьдесят на плечах висят.
И вот уже семьдесят позади —
И тут как тут восемьдесят.
Мне девяносто, и я устал
И кожей, дубленной на солнце, стал.
А в двадцать лет я был смел и горяч!
А в сорок — полной грудью дышал.
Пришли шестьдесят, и я стал сдавать,
Но головы не хотел опускать.
Семьдесят стукнуло мне. Тогда
Не мог я без помощи больше вставать.
Больным ягненком я стал тогда,
Но шли года, и прошли года,
И стукнуло мне девяносто лет.
Стал я цыпленку подобен тогда.
Сначала старость мой сон отняла,
Потом она зубы мои взяла.
В гору всходил ли, с горы ли шел —
Всегда со мною она была.
Она по ночам заставляла вставать,
На двор выходить и дверь открывать.
А утром ворчала невестка моя:
«Он холоду в дом напустил опять!»
Да, старость меня лишила сна,
И зубы выбила мне она.
Куда бы я от нее ни бежал —
Оглянешься — старость рядом видна.
Шепчет, что нету другого пути,
Кроме как с нею рядом идти:
«Я породнилась с тобой, Суюнбай,
Лучшей родни тебе не найти».
Веки гноятся, двоится в глазах,
Впалые щеки в горючих слезах.

Звонкий мой голос охрип давно —
Больше ему не звенеть на пирах.
Старость подругу мою прогнала,
Рядом со мною на ложе легла.
Так оседлала меня, что теперь
Этого мне не стряхнуть седла.
Мне уж десятый десяток идет.
Старость мне вороном душу клюет.

БИРЖАН-САЛ
(1831—1894)

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

* * *

Женщина, кляни рождение свое,
Ведь житье без воли — скверное житье,—
Может каждый, если выплатит калым,
Взять тебя, как у старьевщика тряпье.

* * *

Мне уж за полсотни, спорить не могу,—
Только перед глупым старый не в долгу.
Дней, что мне остались, не связать в года,
Но за подаяньем я не побегу.

* * *

Для джигита бедность — злая западня,
Радость он утратит, потеряв коня.
А уж если друга угостить не сможет,
То умрет от горя до исхода дня.

* * *

Много старых, много юных на Арка,
Не забыли люди песен земляка,
Но я болен и печаль в душе моей,—
Взять домбру Биржана некому пока.

* * *

Говорят: «Отнимет разум болезнь,
И друзей разгонит разом болезнь».
Кто не знал болезней, скажет: «Не верь!»
Но на гроб косится глазом болезнь.

ЖАЯУ МУСА
(1835—1929)

* * *

Я «нищий господин», я сын Байжанов,
Ношу на шее кучу талисманов,
Хожу пешком, но горд, как верховые,
Что потеряли счет стадам баранов.

* * *

Сынок мой, твой отец, бедой согбенный,
Ушел пешком разыскивать законы.
Я верил в них, но ты успел родиться,
Пока я судьям отбивал поклоны.

Не лажу я с толпою городскою,
Я в Омске сыт бывал одной тоскою,
Домой ужом беззубым приползу я,
А думал небо ухватить рукою.

* * *

Муса я, это имя всем известно,
Джигиты, поступать учитесь честно.
Меня зовут заочно трусы Беглым,
Но я вернусь — в степи им станет тесно.

* * *

Я к могиле Сапар приник,
Рядом плакал наш сын Садык.
В тридцать семь ты ушла, Сапар,
О, как этот срок невелик.

* * *

Вы богатыми стали, ограбив народ,
Только счастья не купишь за слезы сирот,
Вы мне снились в позоре, в рванье, в нищете,—
Не всегда будет праздник у ваших ворот.

* * *

Наши бии — подлецы все подряд,
Каждый жаден, и хитер, и богат.
У народа нет врагов хуже них,
А послушать — все за бедных стоят.
Учат лжи они с пеленок ребят,
Их противники по тюрьмам сидят;
Верно, в жилах их струится не кровь,—
Черной зависти и жадности яд.

* * *

Бием звать судью — смешно,
Бием звать раба — грешно,
Сеять разве что безумцам
Хлеб на камне суждено,
А попробуй докажи им,
Что не вырастет зерно.
В поученье мысли много,
Но понятно ли оно?..
Коль живешь с роднею ладя,
Шли ей издали поклон;
Если враг тебе твой дядя,
Ста чужих опасней он,
Нож он вынет из ножон.

Соловей поет во мраке
Всех смелей, хоть ростом мал,
И не каждый выстрел в драке
Убивает наповал.
До луны длинна дорога,
Но, увы, длинней намного
Путь к родне, коль с ней порвал.

ИБРАЙ АЛТЫНСАРИН

(1841—1889)

КТО ЭТО?

«Дитя, дитя, не плачь!» — в глухую ночь,
В испуге просыпаясь, говорит
И долго-долго, низко наклонясь
Над колыбелью маленькой, стоит.
Младенца нежит, нянчит, не бранит
И, как бурдюк со сливками, хранит.
Его пеленки греет на груди,
Когда мороз за окнами трещит,
Иль, вкруг ребенка пищу разложив,
Затем, чтоб он не смог упасть, следит.
И мягко-мягко на руки берет.
Ходить в рубашке грязной не дает,
Чтоб был он, словно яблоко, душист.

РЕКА

С громом с гор низвергаясь в глубокий провал,
Огибая последние выступы скал,
Затихает река — и в долине блестит
Гладь ее, как поверхность спокойных зеркал.

Сердце радо реке. От объятий ее
Хворь оставит недужное тело твое.
Скот, измученный зноем, в прохладной воде
Отдыхая, находит блаженство свое.

Безъязычные рощи, дойдя до воды,
Вдруг начнут говорить с ветерком молодым,
И любая песчинка долинной земли
Сохраняет живительной влаги следы.

Сочным травам расти помогает вода.
Вдоль реки по долине пасутся стада,
В светлых струях под берегом рыба идет
Косяками — готовь для нее невода.

Сотни стад не сумеют реки замутить,
И ничем невозможно ей путь преградить!
Лев придет отдохнуть к ней — и возле, резвясь,
Рыбы станут за шкуру его теребить.

АХАН-СЭРЭ КАРАМСИН

(1843—1913)

ЧАС ИСПЫТАНИЯ

Кто крепок сердцем, кто в душе герой,—
Лишь тот в тяжелый час тебе поможет.
И тот при встрече отвернуться может,
Кто в дни удачи за тебя горой.
Уж тот велик, кто в бедствии подаст
Хоть кончик пальца. Поищи такого.
В тяжелый час с тобой любой горазд
И жестко обходиться и сурово.
Трусливому нужны и власть и честь.
А где он, друг, что честен и упорен?
Коль ты богат — то и друзей не счесть.
Там много кур, где много хлебных зерен.
Коль друга нет ни одного с тобой,
То знай — несчастье под твоею кровлей.
Хвастливого ты испытай борьбой,
А сокола расхваленного — ловлей.
Когда повсюду благодать и мир,
В своем углу любой из нас — батыр.
Красу озер мы чувствуем весной,

Когда осядут лебеди на воды.
И только в дни,
Когда придут невзгоды,—
Узнаешь, кто чужой, а кто родной.

* * *

Страсть изменчива, как летний ветерок,
От влюбленного бывает редко прок,
Я отчаялся догнать мираж любви
И печален, словно высохший поток.
Если цели нет, зачем в степи бродить.
К бесприютному добрей не станет рок.
Уступает коршун соколу во всем,
Почему — обоим, верно, невдомек.
Каждый создан на особый образец.
Не седлает ишака лихой ездок,
Только юность, не умеющая жить,
Верит разом в добродетель и в порок.

* * *

Взволнованны ветром камыш и вода,
Коня я отправил на скачки сюда,
Но первым не чалый идет, а гнедой,
Боюсь — с Кулагером случилась беда.

* * *

Немало ударов мне жизнь нанесла,
Лишь мудрый постигнет, за что она зла,
Мне нужно в степях грамотея найти,
Чтоб песни свои сохранить и дела.

* * *

Наместник аллаха — пророк Мухаммед,
Но я не знаком с ним, он мне не сосед.
Неужто и впрямь на тебя он похож —
Угрюм, горбонос, и веснушчат, и сед.

КЕМПИРБАЙ
(1844—1895)

ПРОЩАНИЕ КЕМПИРБАЯ

Когда больной Кемпирбай находился при смерти, к нему приехал акын Асет.

Асет

Здравствуй, нар Кемпирбай! Да поможет бог
Сладить с хворью,
свалившей тебя, старика.
Белый сокол, ты гордо летал,
но не смог
Из коварного выпутаться силка.
Лишь о хвори узнал — помутился свет.
Горько плача, поэму читал я три дня.
Я приехал к тебе.
Мое имя — Асет.
Я приехал к тебе,
ты не знаешь меня.
Неужели пред смертью строки не создашь?
Зоркий беркут, на весь ты прославлен Алаш!

Кемпирбай

Чтоб утешить,
Асет перешел мой порог.
Кашель рвет мою грудь,
лоб намокший — в огне.
Я оставлю наследникам несколько строк.
Поднимите, друзья,
изголовие мне!
Перед смертью своей «Кок кептер» пропою.
Песнь прозрачна в моей глубине и чиста.
Эй, двуструнную доску
отдайте мою —
Перед вечной разлукой
открою уста!
Напрягись, моя глотка! Я прежде умел
Песни громкие петь для друзей и родни.
Средь Аргынов, Найманов
мой голос гремел,

Тяжело бедной глотке
пришлось в эти дни!
Ангел смерти курук мне на шею надел.
Вот уйду, не останется даже следа.
Кемпирбай откочует
за смертный предел,
Не родиться такому
уже никогда!
Словно меч двусторонний язык у меня.
Еще многое может он людям сказать.
Но похож я, Асет,
на худого коня,
Что уныло трусит, разучившись скакать.
Я любых аргамаков опережал,
Грива вскидывалась над шеей крутой.
Я размашистой иноходью
бежал,
Лошадей обгоняя
породы простой.
С тем, чей облик яснее июньского дня,
Я дружил, песни пел и в обнимку ходил.
Девяносто акынов
пытались меня,
Навалившись, подмять.
Только я — победил!
В годы детства — Даут занимался со мной.
Из колодца Даутова пил я тогда.
Коль вода в Сырдарье
поднималась весной,
И тогда по колена
была мне вода!
Ай, Асет, я умру! Я от боли кричу,
Что все злее и злее мне сердце сосет.
Если крылья налажу и в небо взлечу —
Даже это от смерти меня не спасет.
Вот мое положение, милый Асет.
Я лежу недвижим, и невесел мой взгляд.
Улететь собираюсь, Асет,
на тот свет.
Божий вклад
я отдать собираюсь назад.
Полосатая утка, грузна и грустна,
Из груди улетела — то песня моя!
Надо мною тоскливо кружится она,

Неохота лететь ей в чужие края!
И сказала:
«Прощай, Кемпирбай, навсегда!» —
И заплакала,
вспомнив минувшие дни.
Да, спасенья от божьего нету суда.
Я умру! Добрым словом меня помяни.
...Пусть летит моя песня к лесным родникам,
К побережью, в глухие степные углы,
К знати северных мест
и ко всем беднякам
Хан-Бертыса
и Каркаралы.
И в пустыни, куда не достанешь рукой,
И до Кара-откеля скалистой глуши...
Так молитесь же, люди,
за упокой
Кемпирбая,
его беспокойной души!

АБАЙ КУНАНБАЕВ

(1845—1904)

* * *

Я презрел познанье, юноша пустой.
Видел пользу в нем, но шел стезей другой.

Возмужал — наука из-под рук ушла.
Поздно к ней ты устремился, разум мой!

Кто повинен, что остался я ни с чем?
С малых лет учась, я был бы не такой!

Из людских отрад одну зовут — дитя.
Обучение детей — наш долг прямой.

Сына отдал в медресе: «Учись, родной!»
Цель не в том, чтобы достался чин большой.

Сам к высотам я стремился всей душой.
В красноречии мне уступал любой.

Но ведь некому здесь оценить мой труд...
Под конец я предпочел всему покой.

1885

* * *

О казахи мои! Мой бедный народ!
Жестким усом небритым прикрыл ты рот.
Кровь — на правой щеке, на левой — жир...
Где же правда? Твой разум не разберет.

Ты и с виду неплох, и числом велик.
Почему же так обманчив твой лик?
Ты не хочешь добрым советам внимать,
Режет всех без разбора твой серп-язык.

Власть не можешь явить над своим добром.
Спишь тревожным сном и тревожишься днем,
То заносчив, а то с обидой глядишь,
Постоянен в непостоянстве одном.

Всякий подлый, чванливый и мелкий сброд
Изуродовал душу твою, народ.
Не надеюсь на исправленье твое,
Коль судьбу свою в руки народ не берет.

Родич с родичем спорят из-за пустяков.
Богом отнят их разум, удел их таков!
Ни единства, ни чести, везде разлад.
Стало меньше в степях табунов, косяков.

Из-за денег и власти кипит вражда.
Ты бессилен, а спор ведут господа.
Если накипи этой не смоешь с себя,
В униженье, в страхе ты будешь всегда.

Разве можешь ты быть спокоен душой,
Если горки не в силах взять небольшой?
Если стойкости нет, если твердости нет,
Разве можешь ты быть доволен собой?
Если кто-либо верный укажет путь,
Ты его клеймишь неразумной хулой.

1886

* * *

Поэзия — властитель языка,
Из камня чудо высекает гений.
Теплеет сердце, если речь легка,
И слух ласкает красота речений.

А если речь певца засорена
Словами, чуждыми родному духу,
Такая песня миру не нужна.
Невежды голос люб дурному слуху.

Коран с хадисом славны вязью слов,
В них мысль узорно вплетена в реченьях,
Когда б не рифмы, не соблазн стихов,
Пророки бы молчали, без сомненья.

Молящийся в мечети мудрый муж,
Ученые, чьи в полночь пылки споры,—
Все любят красноречие. Кому ж
Не любо ткать словесные узоры?

К стихам стремятся смертные равно,
Но лишь избранника венчают славой,
Того, чьей мысли золотой дано
Блистать стиха серебряной оправой.

На старых биев ныне погляжу:
Пословицами речь отягощали.
Иных певцов глупцами нахожу —
Из мусора стихи они слагали.

В толпе с кобызом пели и с домброй,
Хвалили всех, скитаясь по дорогам.
Бродили попрошайками порой,
Позоря песню, проклятые богом.

Бродяга за подачку расточал
Душевный жар свой, теша встречных лестью,
На стороне чужой, ценой похвал,
Он добивался невысокой чести.

Он шел туда, где бай и где хвастун,
Но подаяньем не менял удела.
И дешевели звуки звонких струн,
И жажда песни в людях все скудела.

Как старый бий, пословиц не леплю,
Не бормочу, на грош меняя душу.
Слова скупые, верные люблю,
И ты простую речь мою послушай.

Кичливых мог бы славить богачей,
Красавиц легкой веселить забавой.
Бряцание пустых моих речей
В их жизни было б сладкою приправой.

Немногим по душе благой совет,
Иной безумец лишь упрямству верен.
Надеждой лишь для знати полон свет.
Простите, если мой укор чрезмерен.

Все норовят связать сосну с лозой.
Все жаждут жить спокойно и привольно.
Хвастун и льстец поймут ли оклик мой?
Найдется ли из тысячи достойный?

Плутам одна нажива дорога,
Иному хитрецом прослыть охота.
Затеяв драку: «Бей,— кричит,— врага!» —
Авось он под шумок ухватит что-то.

Терпенье, совесть, гордость — не в цене,
И к мудрости и к чести люди глухи,
Не ищут знанья,— лишь в слепой возне,
Как шерсть, прядут пустую ложь да слухи.

1887

* * *

Острый разум чист, словно пласт ледяной.
В непослушливом сердце — кипучий зной.
Терпеливую мысль и пылкую страсть
В силах ты обуздать лишь волей одной.

Только тот, кто сердце и разум скует
Непреклонной волей,— достигнет высот.
Эти свойства не стоят врозь ни гроша,
И любое из них тебя не спасет.

Что без воли и страсти сила ума?
Неразумному сердцу — и в полдень тьма.
Разноречье троих сумей сочетать,
Этой мудрости учит нас жизнь сама!

1889

* * *

О любви, душа, молишь вновь,
Не унять смятенье твое,—
Так желанна сердцу любовь,
Так сладка отрава ее!

Вся тоска, вся горечь невзгод
Над огнем души не властна.
Лишь любовь — твой верный оплот,
Лишь с тобой угаснет она.

А того, кто жил не любя,
Человеком назвать нельзя.
Пусть ты наг и нищ — у тебя
Все же есть семья и друзья.

Довелось бы брести впотьмах,
Если б дружбы не вспыхнул свет.
Слава — тлен и богатство — прах,
Если верного друга нет.

1890

* * *

Язык любви — язык без слов,
Лишь чувства, ощущений зов,
Мгновенный взгляд или улыбка —
Его основа из основ.

Когда-то с этим языком
Я был до тонкости знаком,
Но для меня его значенье —
Увы! — давно уж под замком.

1894

* * *

Природа смертна, вечен человек,
Он умер или нет — не кончен век.
Я разлучен был с нею. О разлуке
«Все это смерть»,— один невежда рек.

Над нами широки судьбы права.
Мы часто в жизни держимся едва.
Но можно ли того назвать умершим,
Кто миру дал бессмертные слова?

Кто не полюбит жизни быстрину?
Ты хочешь видеть море — зри волну.
Себя ты не познаешь, друг мой, если
Ты не постигнешь мысли глубину.

Кто смерть хулил, кто жизни пел хвалу.
Я крайностей судьею не слыву.
Кто жизни рад и равнодушен к смерти,
Того я жизнестойким не зову.

1895

* * *

Страсть к науке тебя влекла,
Как тулпар, к вершине вершин.
К знанью мчался ты, как стрела,
Не страшась препятствий, мой сын!

Не жалел себя самого,
А друзей жалел и берег.
Все же первенства своего
Никому уступить не мог.

Ты за правдою шел вослед,
С юных лет ей преданный весь.
Знаменит был во цвете лет,
Но не знал, что такое спесь.

Стать учителем ты мечтал,
Мудрым знаньем с людьми делясь.
Если б ты им путь указал,
Легче было бы мне сейчас...

Редкий сын был мне богом дан...
«Умереть от горя нельзя»,—
Говорят у нас, Абдрахман...
Это — правда: не умер я.

1895

* * *

Проклятый мир обирает нас. Как поладить с ним?
Где былые силы твои? Ты стал иным!
В надежде горечь таится. Коварна жизнь!
А мы в своем злополучье других виним.

Любая радость твоя перейдет в печаль.
Что суетиться ради немногих дней?
Ты не найдешь того, из-за чего не жаль
Близких своих забыть и оттолкнуть друзей.

Коль речь твоя не от сердца — слова́ сдержи!
Язык привычен лукавить, послушен лжи.
Ты разве знаешь предел желаньям твоим?
Они скрывают завесой истину от души.

1898

* * *

Если мысль за волею вслед
Оскудеет в сердце пустом,
Ты, утратив разума свет,
Станешь тварью, темным скотом.
Мой безвольный разум, скользя
По верхам, нейдет в глубину.
И душа устала, друзья!
Одряхлел я, тянет ко сну...

Коль смиришь ты жадную плоть,—
Жаль ее, беднягу, тебе.
А не сможешь плоть побороть,
Одолеет она в борьбе.

Ведь у тварей душа темна,
И не знают мыслей скоты.
Вовсе красок жизнь лишена,
Если вглубь не стремишься ты.

Человеком назваться я
Не могу, окруженный тьмой.
Как найти мне смысл бытия,
Коль народ невежествен мой?

1898

* * *

На сорок лоскутьев тоскою
Растерзано ты — каждым днем...
Как же сердцу дожить в покое,
Изверившемуся во всем!

Те — взяты землей, те — враждою,
А как их любило ты!
Вражда и беда шли чредою,
И вот — ты среди пустоты.

Лишь старость одна пред тобою,
Спасенья и выхода нет.
Беспечных утешит любое.
А где нам с тобою ответ?

Измучено ты болью злою...
Мечты! Оглянись на них
И вспомни величье былое
Желаний бесплодных твоих.

1899

* * *

Я вырастил пса из щенка,—
Он мне ногу раз прокусил.
Обучил я когда-то стрелка,—
Он меня чуть не подстрелил.

1899

* * *

Веселья легкая вода,
Пустая молодость — беда.
Ты лучше разумом попробуй
Познать, где дружба, где вражда.

Что славным у людей слывет,
Тебя не слишком пусть влечет.
Не торопись, мой друг, работа —
Она предмет твоих забот.

Души богатства береги,
Всего, что дешево,— беги,
А скромность — истинный хозяин,
Он душу не введет в долги.

Не будь ко всем доверчив сплошь,
От зоркости ты не умрешь,
Не то и стариком согбенным,
Где враг, где друг,— не разберешь.

Хапуга на объятья скор,
Всегда он там, где шум и спор.
Мой друг, ты разве сам не видишь,
Что под конец он нищ, как вор.

1901

* * *

Мотыльки, чей светел наряд,
Вам цветы, привет свой дарят.
Но спугнет гроза, сад примят —
И они назад не летят.

Людям всем дана, всем подряд,
Череда удач и утрат,
Что всегда сомненьем томят
И скорей ответа хотят.

Время гонит всех — стар иль млад.
Бремя злых помех снять бы рад!
Жизнь — тоска и смех, блеск и чад.
Срок придет, и ты смертью взят.

1902

* * *

Как море — сердце, радость — блеск его.
Без радости все — тускло, все — мертво.
А если в сердце погасает пламень,—
Не радует на свете ничего.

Дружить, кипеть — у сердца много дел!
И честь и совесть — разума удел.
Важны лишь честь и совесть... А тщеславье,
Оно — как дым: дохнешь — и улетел!

Огонь тускнеет в сердце старика,
Не ладятся дела без огонька:
Себе не веришь, слушаешь советы,
Робка твоя рука и неловка.

1902

* * *

Ангел молнии, Рагит,
Как стрела, к земле летит.
Опрокинутый на землю
Дождь ее животворит.
Молния бьет наповал.
Силу слов ты, друг, познал,
Если их, как молний силу,
На себе ты испытал.
Мимо этих слов пройдет
Взяточник и обормот.
Нищенка-душа не примет
Огненных таких щедрот.
Примет молнии-слова,
Кто устал от плутовства.

Не пора ль к рукам прибрать
Болтунов всесильных рать?
Что за публика такая —
Только знают врать и врать.

1903

САРЫ
(1863—1895)

* * *

От слез в глазах туман; не видя ничего,
Я на Тарлана сел, огрел камчой его,
Взыграл под плетью конь, я зря не бью коня,
Он ветер обогнал и вдаль унес меня.

С любимой нелегко расстаться было мне,
Но мир велик — и с ним не стать к лицу лицом...
Бог весть с каких времен звучит в моей стране
Песнь прадедов о том, как горько быть певцом.

Я сам — акын Сары, Батак мне был отцом,
Но должен рисковать слывущий храбрецом,
А я молю, чтоб мне аллах помог в одном,—
Без родины боюсь бескрылым стать птенцом.

Держу я путь туда, где людям незнаком,
Где все равно кто я и жил в краю каком.
Но через сколько б рек ни отыскал я брод,
Отчизну не смогу забыть в краю другом.

За песенку Сары отправлен был в тюрьму,
Но я не брошу петь и всех еще пройму,
Пускай за мной судья бежит с петлей в руке,
Я рыжий лис степной, не дамся я ему.

* * *

С любимою своей я был наедине,
Джигиты впятером приблизились ко мне,
Но я взглянул на них и вытащил кинжал,
Сказав: «Умрете вы по собственной вине!»

Все пятеро тогда бежали от меня,
Грозя: «Приди еще, уж мы тебя, буян!..»
Теперь враждебны мне друзья их и родня,
Но из души моей не вырвать им Кайсан.

* * *

Я понял, что тюрьма певцу не по плечу,
И на Тарлана сел и в руки взял камчу,
Почти загнав коня, я прискакал в аул,
Уверенный, что там поддержку получу.

О беспощадный рок, как переменчив ты,
Ведь я батыром был, сильнейшим из Балты,
А вот теперь скачу, чтоб добрый друг помог
Тюремщиков надуть и спутать все следы.

Советом мне помог достойный Самырат
(На дочери его мой родственник женат),
И хоть враги кольцом к аулу подошли,
Сумел я ускользнуть от ярости солдат.

Оседлан был Тарлан, мне в этом повезло,
Стремительно, как барс, метнулся я в седло,
Ушел средь бела дня от догонявших пуль...
Бог весть на ком теперь сорвет начальник зло...

* * *

Уж осень, за моря стремятся стаи птиц,
Но я в руках врагов, в прочнейшей из темниц,
Должны меня в Сибирь на каторгу послать,
А рядом ни друзей, ни просто «частных лиц».

Для узника Сары ни в чем поблажек нет,
Оковами греметь я должен много лет,
Но долог путь, нельзя всего предугадать...
Что будет?.. Лишь аллах сумел бы дать ответ.

БАЛУАН-ШОЛАК
(1864—1919)

* * *

Шолак я, слыхала вся степь обо мне,
Я правую руку спалил на огне,
Но сорок быков на Каяндинском рынке
Украл и продал по хорошей цене.

Иные твердили: «Не суйся, чудак,
Увечному труден малейший пустяк».
Но сорок быков я угнал без подручных,
И тех, что погнались, побил, как собак.

* * *

Батыром я стал без руки как-никак,
И все же сегодня в душе моей мрак,
Ведь ради румянца на девичьих щечках
Жену я тиранил, как истинный враг.
В сравненье с тобой она очень проста,
Но духом спокойна и сердцем чиста.
Достойна джигита такая подруга,
Мы старимся, что нам теперь красота?!

* * *

Пока я годами не согнут в дугу,
Постов и молитв, как заразы, бегу,
Брожу средь народа и песни слагаю
С детьми и женою побыть не могу.

СУЛТАНМАХМУТ ТОРАЙГЫРОВ
(1893—1920)

ТО ДОБРО, ЧТО В ЖИЗНИ ВКУСИЛ...

То добро, что в жизни вкусил,
И то зло, что в жизни вкусил,—
Все зависело от тебя,
От стремлений твоих и сил.
Не судьба играла тобой —
Ты добро и зло заслужил!

Не виновны бог и шайтан,
Не звездой тебе жребий дан,
И мечтой о рае — увы! —
Ты напрасно, друг, обуян.
О загробном суде твердят
Лишь невежество и обман!

Я СТАНУ ЧЕЛОВЕКОМ...

Я стану человеком, и, если буду жить,
Никчемным человеком я не хочу прослыть.
Не лучше ли спокойно лежать в могиле тесной,
Чем на земле просторной слепым невеждой быть?!

Я — верный сын народа, мне нужен яркий свет.
Добыть сиянье солнца я твердый дал обет.
Смогу ль помочь я людям, когда звездою тусклой
Мелькну и вновь исчезну в дали идущих лет?!

Как месяц в полнолунье — не трепетной звездой! —
Хочу я встать, пылая, над злою темнотой.
Стремлением горячим охвачен я — поймите! —
И потому не в силах я овладеть собой.

ЭТО ЛИ СПРАВЕДЛИВОСТЬ?

Не останавливаясь ни на миг,
Мерным движением колеса
Жизнь обращает в прах одних,
Других лаская и вознося.
Какая за гибнущими вина?
За что благая участь дана
Тем, кто сыт, чей наряд богат,
Чей славен дом убранством палат?
Не заработает в десять лет
Бедняк золотого того кольца,
Что излучает алмазный свет
На пальце знатного подлеца.
Он мог бы не голодать весь год,
Когда бы серебряные рубли,
Что на румяна тратит мот,
На скудную пищу его пошли!
Но ходит богач по просторам земли,
И все, чего желает душа,
Чем жизнь щедра и земля хороша,—
Все ему достается, все...
И мерно вертится колесо...

ЗАЧЕМ Я ЖИВУ?

Пока кочующий род людской
Минет безводных пустынь простор,
Пока перевалит за грани гор
В страну, облюбованную мечтой;
Пока очистятся, наконец,
Сердца человеческие от зла,
И станет душа человека бела,
И волк перестанет душить овец,—
Много еще утечет воды,
Многие жизни сгорят в борьбе,
Многих земля возьмет к себе!
И не увижу я те плоды,
Завязь которых — наши труды...
Зато откроется даль тому,
Кто пойдет по пути моему!

МУХАММЕД АГАХИ
(1809—1874)

* * *

Пусть разрушится то колесо, чье вращение ложь,
То, что криво кружится, неся в исступлении ложь!
Потому, что движенье обманно, обидчик в чести,
А над правым позор, и беда, и учения ложь.
Тот, кто луком изогнут, на кривде замешан, тот в цель
Попадает стрелою своей, пусть его устремления ложь.
Кто же прям, как алиф, тот согнется в печали, как нун,
Труд измучит его, приведет к истощению ложь.
Кто, сбирая богатства свои, словно новый Карун,
Привлекает людей, у того в услужении ложь.
Тот, кто щедр, тот навек в своем темном углу желтолиц,
И для доброго, чистого сердца мучение ложь.
Смрадным ртом сквернословит иной, не имея стыда,
Но живет во дворце, и его поучение — ложь,
А скиталец степной и творец вдохновенных стихов
Весь в долгах, и его истерзает в гонении ложь.
И умножит богатство, и жизнь в многолетье продлит
Тот, кто сеет вражду и несет в поколения ложь,
А того, чье высокое слово и мертвых живит,
Гроб бесславный берет, ожидает забвения ложь.
Так пойми, Агахи, чтоб страданий земных избежать:
Бренно все на земле и чертог наслаждения — ложь.

* * *

Встань вечерней порой и лицо приоткрой, чтоб звезда пронеслась
над твоей головой, как ночной мотылек,
Новорожденный месяц под бровью крутой засверкал, отправляясь
в полет круговой, как ночной мотылек.
Бедным телом моим и душой овладев, брось ты камень, играя, на
луг и стрелу золотую из рук,—
Затрепещет все тело, пробито стрелой, а душа потеряет над
камнем покой, как ночной мотылек.
Посторонний свидетель — к чему он, мой друг? Но уж если
придешь ты ко мне и его приведешь для услуг,—
Пусть душа моя — бедная жертва твоя — вкруг него обовьется
с безумной тоской, как ночной мотылек.
Но, прищурив глаза, ты глядишь на меня, сколько явной насмешки
во взгляде твоем и неведомых мук!
Все, что есть у меня, и все то, чего нет, вкруг насмешек твоих
замирает с мольбой, как ночной мотылек.
Девятнадцати лет ты, царица моя. Расцветает твой сад.
В драгоценный наряд ты себя облеки,—
Вкруг твоих девятнадцати лет полетит девятнадцатитысячный
шепот людской, как ночной мотылек.
Знать, до самого сердца прекрасной луны долетели стенанья
и вздохи твои, о певец Агахи!
Пусть же в сладком восторге трепещет душа, от стенаний и слез
замирая весной, как ночной мотылек!

ФАЗЛИ
(XIX век)

ГАЗЕЛИ

* * *

Если локонов ряд на прелестном лице ты откроешь, царица, в саду,
Будет завистью ранен прекрасный тюльпан и супбуль удивится
в саду.

Если шелковый ворот одежды своей расстегнешь ты небрежной
рукой,
Будет сердце тюльпана кроваво от ран, даже роза затмится в саду.

Если люди в великом безумье своем забывают о встрече с тобой,
Брось их в пламень разлуки, сожги их сердца и воздай им сторицей
в саду.

О мой кравчий! Все в пурпуре это вино — в нем черты отразились
твои.
Дай мне чашу багровую, словно тюльпан,— пир цветов
да продлится в саду.

Неужели, о сердце, руины твои посетило страданье любви?
Сохрани его, сердце, в глазнице своей, распевая, как птица в саду!

Твой возлюбленный, дева, средь прочих мужей именуется
Шахимардон?
Принеси ему в дар поцелуи твои: по тебе он томится в саду.

* * *

Хорошо, цветы вдыхая, тонкой их резьбой играть,
Локоном твоим, обвитым ниткой голубой, играть.

О страдающее сердце, ты влюбленному ответь:
Ради локонов душистых хорошо ль судьбой играть?

Конь кокетства на прогулке непокорен и горяч,—
Любит он, топча копытом травы под собой, играть.

Я в игре поставил сердце. Не в обычае любви
Ловкий ход; возможно ль, глядя на тебя с мольбой, играть?

Диво ль, если разольются слезы по моим щекам?
Дети любят, разбегаясь, как морской прибой, играть.

Хоть и вдребезги разбито, ты, о сердце, веселись!
Ведь оно, как дети, любит, утомясь борьбой, играть.

Нелегко на душу ставить: сладострастник — даже тот
Рад бы в ту игру включиться, если б мог любой играть.

Пешки верности расставив, ход, Фазли, не пропусти,
Если милая захочет на любовь с тобой играть!

МУХАММЕД ШАРИФ ГУЛЬХАНИ
(XIX век)

ПУТНИКУ

Благословен, кто в дальний путь идет!
Обходит солнце весь небесный свод.
Нет в мире ничего свежей воды,
Но жди заразы от стоячих вод!

О ТЕРПЕНИИ

Терпенье распахнет любую дверь.
Терпи — и в цель поставленную верь.

Бесплодные пески, солончаки
Терпенье превращает в цветники.

Терпенье нас от всякой лечит болп.
Оделись розами кусты, что нас кололи.

Терпенье силу нам дает в степи.
Усталость, боль, обиду — все терпи!

* * *

Кто беден счастьем, а детьми богат,—
Рожденью сына лишнего не рад:
Его расти, корми и одевай.
А верблюжонок лишний — это клад!

ПРО ДВУХ КОКАНДЦЕВ

Хотя умом подобен он ослу,
Но выдает себя за нашего муллу.

Во всех делах ему помощник — ложь,
А что таит в утробе,— не поймешь.

Он говорит, что он — хаджи, мулла,
Хоть не был дальше своего села.

Когда к нему пойдешь, кричит он: «Эй,
Кто съел наш плов, готовый для гостей?»

Али в Коканде первый был дурак.
Такой же — Бабаджан Ашур-Чулак.

Они похожи на слепых котят,
Но зрячим путь указывать хотят.

Сбивает с толку их кривой совет,
Гнуснее их людей в Коканде нет!

МАХЗУНА

(XIX век)

МУХАММАС

Друзья, в цвет бытия земного влюбилась я,
Ах, в ангела иль в духа злого влюбилась я?
В рубины уст и в пламень слова влюбилась я.
В сверканье взора огневого влюбилась я.
Он царь красы, и вот в такого влюбилась я.

Подобен месяцу на небе, земли далек,
Прекрасен телом и душою, красив, высок.
На зависть пышным розам сада — шиповник щек.
Не поглядит, хоть сотни жизней кинь в пыль дорог.
В беспечность мотылька цветного влюбилась я.

Лицо откроет, и померкнет пред ним закат.
Уроки бегства даст газелям проворный взгляд.
Перед медовыми устами и сахар — яд.
Смутясь его кудрей, завянет и райский сад.
Не в луч ли солнца золотого влюбилась я?

Два новых месяца на небе — серпы бровей,
Лицо — лужайка, две газели — глаза на ней.
Стан — что побег в садах желаний души моей.
О боже, боже, к удивленью моих друзей,
Не слушая рассудка зова, влюбилась я.

Взгляните: пальма шевелится, встает, идет...
Нет, это человек! Свидетель — ты, мой народ:
Так светел ликом, что сияньем вас обожжет.
Смущенный месяц и не смотрит, уйдя с высот.
Уж не в Юсуфа ль молодого влюбилась я?

На алой шелковой одежде горит узор.
Желаний войско в прах повергнет единый взор.
Сверкают зубы, словно жемчуг, все на подбор.
В моем дому печаль и горе живут с тех пор,
Как, на беду отца родного, влюбилась я.

О, почему судьбой даны мне лишь скорбь и грусть!
Ведь непослушную отвергнет мой друг, боюсь.
Не диво, коль от мусульманиста я отрекусь,
В народ язычников навеки я облачусь.
Увы, в неверного, в чужого влюбилась я.

НАДИРА

(? — ум. в 1842 г.)

* * *

О подруга, я слабею, мой рассудок омрачен.
Если в сад придет мой милый, дай мне знак, что это он.
Умертви меня сначала, если хочешь умертвить
Тех, кто пламенем любовным всех сильнее опален.
Не суди меня, подруга, а судящим прикажи,
Чтоб толпою не глазели на меня со всех сторон.
Ведь тому, кто судит пьяниц, подают такой кувшин,
Чтобы он заснул у стенки, на неделю опьянен.
В тех садах, где ты гуляешь, лучший сон моей души,
Даже воздух неподвижен, он тобою восхищен.
Если ж век твоих коснется предрассветный ветерок,
Попроси его на землю принести мне твой поклон.
Я хочу тебя увидеть, ясный месяц дней моих,
Встань, мой светлый, из могилы, лунным светом озарен.
Увидав тебя, Зулейка все сокровища отдаст
За тебя, Юсуф Прекрасный, смерти проданный в полон.
Надира, пускай не молкнет изумленный соловей,
Пусть стихами обернется твой полубезумный стон.

* * *

Губы высохли в разлуке, сожжена душа огнем.
Виночерпий, сделай милость, угости меня вином.
Всем, кто слышит эту песню, покажи свое лицо.
Пусть поймут, зачем в разлуке Надира поет о нем.

* * *

Как хорош в бутыли старой молодой и мутный сок!
Каждый, кто его вкушает, вечен в мире, как пророк.
Говорят, от жаркой страсти лечит чистое вино,
Боль разлуки остужает ледяной его глоток.
Пей вино! Тому, кто любит и любимым хочет быть,
Слыть ханжой и лицемером не пристало, мой дружок.
На заре благоуханной распускается миндаль,
Но другие ароматы к нам доносит ветерок.
Он доносит запах бочек, сводов темных и сырых,
Потому что от влюбленных близок винный погребок.
Хорошо любить пропойце, но судьбою обойден
Тот, кому дано влюбиться, а напиться невдомек.
Если нашего презренья опасается аскет,
Пусть до случая отложит назидательный урок.

МАХМУД МАХМУР
(? — 1844)

* * *

К тебе, чьей красотой в ночи светильники горят,
Огнем любви объят, кяфир огнем хаджи объят.

Я сам не вижу ничего, глаза застлала тьма,
С тех пор как на тебя упал мой обреченный взгляд.

Ты вознеслась своей красою на царственный престол.
Юсуф и тот бы счел твой взгляд первейшей из наград.

Светило твоего лица восходит каждый день,
Ревнуя, розы на себе рвут лепестков наряд.

И, не напившись из реки твоей красы, Махмур
От суеты мирской ушел, свой изодрав халат.

* * *

Не возлагай своих надежд на встречу с ней, о попугай,
Снимает головы она мечом бровей, о попугай.

Ну что ж, лети к ее окну и, наземь перья обронив
И распластав в пыли крыла, мечты развей, о попугай!

Посмел ты всуе песню спеть о сладостных ее губах,
И в клетку посадил тебя купец-злодей, о попугай.

Так будь моим учеником, и напишу, как Нехтеби,
Я книгу о любви твоей и о своей, о попугай.

Об аде Индии зачем нам думать в кущах Ферганы.
Ты, как Махмур, не пой хвалу, себя жалей, о попугай.

САТИРА НА МАХДУМА КУРАМА

Махдум — подлец из подлецов, без чести и ума,
Глава и гордость всех купцов — бесчестный Курама.

Лишь для эмира он хорош, эмир доволен им,
В сиянье славы и чинов бесчестный Курама.

Устроил мастерскую он, чеканит сам себе
И медь и серебро — таков бесчестный Курама.

Куда же смотрит властелин, где же глаза его?
Ведь хана обобрать готов бесчестный Курама.

Порой он звездочет, порой — гадатель на песке,—
Дурачит ловко простаков бесчестный Курама.

То музыкантом, то шутом бывает на пиру.
То поставщик бунтовщиков бесчестный Курама.

То муфтий, то хадатай он, то кадий, то хаким,
Хоть и дурак из дураков — бесчестный Курама.

Махдум рассказчиком слывет, но что нам рассказал,
Хоть и потратил много слов, бесчестный Курама?

САТИРА НА ХАДЖИ НИЯЗА

Чудовище, хоть и на двух ногах,
Хаджи Нияз внушает людям страх.

Кричит он, выбивается из сил:
«Я тоже в Мекку на поклон ходил!»

Быть может, много он топтал дорог,
Но в Мекке не бывал он, видит бог.

Гнуснейший изо всех уродов он,—
Свое паломничество продал он!

Злой во хмелю, глупейший из людей,
Он нажил деньги хитростью своей.

Кто взглянет на него, поймет, что он
Разбойник величайший всех времен.

То он ученостью похвастать рад.
То — бесноватым дервишам он брат.

То грозный стражник, то военный он,
Но всюду грешник неизменный он.

На пиршествах сидит в кругу вельмож,
И даже к хану самому он вхож.

К паломничеству охладив свой пыл,
Газель он в муках тяжких породил:

ГАЗЕЛЬ ХАДЖИ НИЯЗА О САМОМ СЕБЕ

Обширен неба круг, и все ж он тесен для моих дорог.
Я — блеск луны, я солнца свет, звезды далекий огонек.

Немало стран я исходил, немало в жизни видел я,
Я создан богом, чтоб съедать уже обглоданный кусок.

Пусть я простак, пусть я глупец, пусть я безумен, бесноват,
Пусть буду палками побит, я в Мекке был — свидетель бог.

Греха такого в мире нет, которого я не свершил,
Я — мерзкий грешник, и любой мне свойственен земной порок.

Меня назвали гордецом, что пьет навозную бузу,
Разбойником и подлецом меня любой назвать бы мог.

Я из-за студня в драку лезть готов с бродягою любым,
Увижу старую чалму, стащу — пусть прячут под замок.

Паломничество продал я, от страха, что в пути умру,
Я признаю свою вину,— что делать,— в Мекку путь далек.

Хоть суфий я, но у меня корзина целая грехов,
Разврата полная кошма, навоза полный кошелек.

Я рад тому, что, точно пса, меня с докукою моей
И шах и шейх к себе пока еще пускают на порог.

Несчастен я и нечестив, я жадности, корысти раб,
Я мастер клянчить: я еду себе выпрашиваю впрок.

Съев творога корзины три, я утром глажу свой живот.
Я съел бы тута семь мешков, чтоб съесть потом восьмой мешок.

Порой в Коканде я миршаб, порой искатель правды я,
Порой я в нужниках вельмож — вонючий глиняный комок.

Газель кончается, пойду грехи обычные свершать
И клянчить, может, кто-нибудь плеснет похлебки мне в горшок.

Вот я пред вами весь как есть, рожденный временем своим.
И вероломства своего могу вам преподать урок.

НИЯЗМУХАММЕД КАМИЛЬ ХОРЕЗМИ

(? — ум. в 1899 г.)

* * *

Что пользы, что роза весной распустит цветок на чужбине,—
Без друга, без кровли своей я так одинок на чужбине;
И ветер, с лужайки летя, не тронул он сердце мое,—
Я розу от злого шипа не мог отличить на чужбине.
Газель, ту, что мускусом пахнет, искал я в пустыне разлук,
Любимую жаждал,— тоска затмила зрачок на чужбине.

По чаше веселья томясь, печаль я изведал сполна,
От шумного пира друзей далек я, далек на чужбине!
Там дома смеются друзья, что алые в травах цветы,—
Без них мою душу изгрыз тоски червячок на чужбине.
В отчизне, что в чаще густой, Махмуд предо мной не торчит;
Я скрыт у Аяза в саду, где сумрак глубок, на чужбине.

«Без родины я обойдусь» — не смей говорить никогда,
Пусть даже негаданно будет удел твой высок на чужбине.
Тайсь, уподобясь Анка, в ущельях заоблачных гор,
Коль ты не стремишься достичь почетных дорог на чужбине.

Путем испытаний тяжелых на родине смело иди,
А тропы скитаний всегда не будут нам впрок на чужбине.
Ищи ты отчизну Камиля — Хиву, если сам ты — «камиль»,
И знай: Бухара — это смерть, могильный порог на чужбине.

* * *

Увы! От ее веселья глаза мои вечно в слезах;
Узрев расплетенные косы, покой потерял я в ночах.
От взоров твоих в моем сердце цветут наконечники стрел;
Теперь меня больше не манит прохлада в тенистых садах.
Глазам моим больно от света, сиянья волшебных ланит,
Подобных омытым росою красавицам-розам в лугах.
Лукавства дразнящие искры в зрачке — словно дома живут;
Снаружи тот дом охраняя, ресницы стоят на часах.
О сердце, от мук несказанных, от жгучих страданий не плачь,
Мучений любви не тревожь ты,— нельзя горевать при гостях.

Я черную родинку вижу,— а может, лица твоего
Тюльпан с сердцевиною черной в сияющих утра лучах.
Прозрачный рукав в своих складках таит переливы меча,
Его ль обнажить ты решишься несчастному сердцу на страх?
Кто ищет подобное счастье, о боже великий, скажи!
Ресниц ядовитые стрелы, губителен каждый ваш взмах.
Тот, кто перед милой своею всегда и во всем виноват,
Тому эти кудри и губы — темница, где узник в цепях.
Меня от любви не пытайтесь, о сонмы невежд, удержать,—
Коль зеркало полно красою — в нем сам отразился аллах!
Фазли с Умарханом в неволю тебе отдадутся, Камиль,
Увидев, что царственный жемчуг ты щедро рассыпал в стихах.

МУХАММЕД АМИН-ХОДЖА МУКИМИ
(1850—1903)

ПОРИЦАНИЕ ВРЕМЕНИ

Разбой, насилье — сущий ад! Ну и настали времена!
Дома́ в развалинах лежат. Ну и настали времена!

Хватаясь за голову, мы бездомных слышим стон и плач.
Вот что разбойники творят. Ну и настали времена!

Шлют письма: «Деньги подавай. Не дашь — тогда конец тебе,
Хотя б ты был Нур-Мухаммад». Ну и настали времена!

Сегодня смерти избежал, но завтра все равно умрешь,—
Тебе разбойники грозят. Ну и настали времена!

Трясутся все по вечерам, не смея двери отворить.
Все ждут рассвета и дрожат. Ну и настали времена!

Терзают женщин. Собрались убийцы, воры всей земли.
Захожих персов не щадят. Ну и настали времена!

Уж скоро месяц, как богач ночного отдыха лишен:
Зарыться он в солому рад. Ну и настали времена!

Худеет бай, тощает бай — незваных ждет ночных гостей.
Обвис на нем его халат. Ну и настали времена!

Везде разбойников клянут, повсюду толки лишь о них.
Все говорят, вопят, кричат: «Ну и настали времена!»

Я, Мукими, сказал бы так: «Хакимы твердые нужны,—
Пусть всех разбойников казнят!» Ну и настали времена!

СВЯТОЙ

То шапку носит, то чалму,— его зовут святой.
Аллаха сотню раз предаст за пять минут святой.

Его известны чудеса: он нюхает везде,—
Заслышав жареного дух, уж тут как тут святой.

Не сходят с языка его бесстыдные слова,—
Боюсь, камнями как-нибудь тебя побьют, святой!

Нечистое увидит он и тащит прямо в рот,
Но чистую обмоет кость великий плут святой.

Замерзнешь в шубе меховой в июльский жаркий день,
Едва задумает острить ханжа и шут святой.

Он самый толстый на земле, он весит больше всех,
Хотя придет без добрых дел на Страшный суд святой!

Все знает это Мукими, он правде первый друг.
Такая слава про тебя, дурной сосуд — святой!

Я — ФАРХАД

Когда ты павой входишь в сад, любимая моя,
Все павы стать тобой хотят, любимая моя!

Твой стройный стан как кипарис. Завидуя тебе,
В саду сломался бук-шамшад, любимая моя!

Когда с улыбкой ты пройдешь, готов пробиться я
Сквозь горы горя,— я Фархад, любимая моя!

Ахмед Келле. Поэт и дервиш. Миниатюра XIX в.

Стальное сердце у тебя: несчастные твои
Поклонники о том твердят, любимая моя!

Но где, лукавя, ты прошла равнинами садов,
Там все сады в цвету стоят, любимая моя!

Сердца соперников моих измучены тобой,—
Такой жестокости я рад, любимая моя!

Другие плачут. Мукими ликует и поет:
«Мне подарила нежный взгляд любимая моя».

И Щ И Т Е

Искать заставит падишах — меня ищите вы.
Мне имя — Скорбь. Где скорбь в очах, там и ищите вы.

Мне имени другого нет. Меж тех, кто от беды,
Как сорванный тюльпан, зачах, меня ищите вы.

Лейли вы ищете? Она не там ли, где Меджнун,—
Там, где безумные в слезах, меня ищите вы.

Уж если сердце вам велит скитальца отыскать —
Среди людей, чья жизнь в цепях, меня ищите вы.

Красавиц я любил, я пил измены купорос,—
Там, где под их стопами прах, меня ищите вы.

Уста красавицы — как мед, но он не для меня.
Меж тех, кто прожил жизнь впотьмах, меня ищите вы.

Ужасны жернова судьбы. Меж тех, чья пища — боль,
К кому немилостив аллах, меня ищите вы.

Меж тех, кто муравья слабей, чья черная звезда
Горит в жестоких небесах, меня ищите вы.

В любви несчастен Мукими,— уж лучше умереть.
Там, где неведом смерти страх, меня ищите вы.

РЕМЕСЛО МОЕ — ВЛЮБЛЕННОСТЬ

Ремесло мое — влюбленность, страсть в наставницы дана.
Кто любить мне запрещает, тех я проклял имена.

Я забыт, одна со мною собеседница — тоска.
Келья, где я умираю, будто печь раскалена.

Страх за жизнь—моя одежда, страх за жизнь —моя броня,
От дождей и стрел печали, может, защитит она?

Пусть глаза мои рыдают,— я желаю утонуть
В море, названном любовью, чья безмерна глубина.

Я люблю, я умоляю, но не взглянешь на меня.
Ты не любишь,— ты, наверно, из железа создана.

Весть пришла: между собою бой влюбленные ведут,—
На путях любимой — знаю — непрестанная война.

Тьму фонарь твой разгоняет... Почему же, Мукими,
Существо твое пылает, а судьба твоя темна?

МОЯ СУДЬБА

Мне удачи, к сожаленью, не дала моя судьба,
Мне одни лишь огорченья принесла моя судьба.

Все застлала пыль печали. Зеркало души моей
Черной пылью неудачи замела моя судьба.

Жизнь моя чернее ночи, счастья не было и нет,
И судьбу я умоляю: будь светла, моя судьба!

Я приветствую знакомца — он не слышит Мукими,
Будто глух на оба уха. Тяжела моя судьба!

УМИРАЮ ОТ ЛЮБВИ

Посторонний между вами,— умираю от любви!
Так ведется ль меж друзьями? — умираю от любви!

Над влюбленным ты смеешься, ты влюбленного бранишь,
У тебя не сердце — камень,— умираю от любви!

Соизволив написать мне, грамотная чересчур,
Ранила меня словами,— умираю от любви!

Бедняком пренебрегая, дни и ночи напролет
Ты пируешь с богачами,— умираю от любви!

Ферганы известны розы, но подобная одна
С ядовитыми шипами,— умираю от любви!

Я сгорел в саду волшебном редкой красоты твоей.
Образ твой перед глазами,— умираю от любви!

Стонов Мукими не слышишь; говорящий соловей,
Ты меня одела в пламя,— умираю от любви!

КТО СКАЖЕТ ОБО МНЕ?

Незримой тени я бледней. Кто скажет обо мне?
Я растерял своих друзей. Кто скажет обо мне?
Я книгу написал о ней. Кто скажет обо мне?
Я тысячи терзаюсь дней. Кто скажет обо мне?
Надменной госпоже моей кто скажет обо мне?

Забыла близкого она для дальних и чужих,
И слезы в шесть ручьев текут из скорбных глаз моих.
Не пожелаю и врагу ужасных мук таких,—
Я тысячи терзаюсь дней, страдаю каждый миг,
Я тысячи не сплю ночей... Кто скажет обо мне?

Нет радости без горьких слез и без разлуки — встреч,
И трудно о шипах забыть, когда о розах речь.
Мы палачи своих сердец, но, лишь увидим печь,
Жар загрести чужой спешим, чтоб хлеб себе испечь.
Так кто же, кто же из людей расскажет обо мне?

Ее уста меня влекут сильней, чем анаша,
Она, как птица райских стран, умна и хороша.
Я мелких счетов не люблю, к ним не лежит душа,
Меня поймет, кто сам горел, огнем любви дыша.
Никто, не ведавший страстей, не скажет обо мне.

К любимой я дорог искал, но не нашел дорог.
Где сила прежняя моя? Я стал — как волосок.
Для знатных, а не для меня открыт ее чертог,
Как будто знатных лишь любить она дала зарок,—
Но кто из ханов и князей расскажет обо мне?

Где воротник, а где подол, Меджнун не разберет,
Он светом называет мрак и мраком свет зовет.
Люблю — и думать не хочу о тысячах невзгод.
Я и на плахе не солгу. Меч надо мной сверкнет —
Спрошу я даже палачей: «Кто скажет обо мне?»

О ней мечтает Мукими и днем, и в час ночной.
Себя терзает Мукими и днем, и в час ночной.
Огонь снедает Мукими и днем, и в час ночной.
Провозглашает Мукими и днем, и в час ночной:
«Моя любовь вина пьяней, кто скажет обо мне?»

ФУРКАТ
(1859—1909)

О ПОЭЗИИ И ПОЭТИЧЕСКОЙ ГИПЕРБОЛЕ

О поэтах пишу я вот этот мой стих,
Рассказать я хочу в этом слове о них.

Хвалят благо, что явлено светом, они,
Звучным словом расскажут об этом они.

Где цветет на земле край — отрада сердец,
Где есть дивное зданье, прекрасный дворец,

Где раскинулся рощами благостный сад,
Посылающий людям блаженство услад,

Где широкие степи не знают конца
И просторами тешат людские сердца,

Где живет предостойный и мудрый народ,
В чьей душе человечности благо цветет,—

Обо всем возвестит добрым словом поэт,
А недоброго слова в стихах его нет!

Много видывал в жизни своей Саади,—
Сколько книг написал он о том, погляди!

Сколько в землях далеких сторон ни бывал,
И в каких городах только он ни бывал,—

Там на пеструю жизнь городов он смотрел,
В сущность зрелищ проникнуть готов, он смотрел.

Что б ни видел он в жизни людской — например,
Много разных законов, обычаев, вер,—

Обо всем он то прозой, бывало, писал,
То стихами — и много и мало — писал.

Лишь тому, кто не видел, чужое чудно́,—
Лишь ему беспричинно дивиться дано!

Вот пример: разных стран мусульманский народ,
А прямее сказать — мы, ферганский народ.

Городов мы российских не знали вовек
И не видели, как там живет человек.

А ведь в пользу себе побывать бы смогли
В них пытливые люди из нашей земли!

Что и где на земле повидает поэт,
Будет вид этих зрелищ стихами воспет.

Благодатны краса и звучанье стихов,
Если вложен в них смысл сокровеннейших слов.

Мусульманским поэтам, чья слава жива,
Были ведомы тайны высот мастерства.

Ведь и Фирдоуси, и Хафиз с Саади́ —
Словно стяг всех времен, что несут впереди!

Скольких доблестных мыслей и слов благодать
Людям, внемлющим слову, смогли они дать!

Ведь у Фирдоуси прочитает любой,
Как в стихах «Шах-наме» он описывал бой:

«И от грома копыт вся пустыня окрест
В шесть земель превратилась и в восемь небес!»

В этот стих заключил он немало чудес:
Где ж он взял шесть земель или восемь небес!

Но ведь каждый из нас слышать рад этот стих,
И чудесной красою богат этот стих!

Мы в веселье и в счастье слагаем стихи,
И в беде и в напасти слагаем стихи.

Что бы ни было с нами — об этом и речь,
И богата такими приметами речь!

Но всегда добрым словом мы судим о том,
Возвещаем правдиво мы людям о том!

ГАЗЕЛИ

ЦВЕТЕНЬЕ ВЕСНЫ

Если розам весной хорошо средь цветущего луга,
Если каждый в любви обретает любимого друга,

Если каждой весной снова плещут вино и веселье,
А казалось, навек погубили их стужа и вьюга,

Если тучи полны, если душу так радует зелень,
Близ арыков — луга и зеленое пиршество юга,

Если воздух пригож, и прозрачны журчащие воды,
И, бурля в ручейках, волны бьются о берег упруго,

Если хмель, как рубин, блещет искрами в золоте чаши,
Если кравчий в пиру — луноликая дева-подруга,

А у роз — соловьи, стайки горлиц — в ветвях кипариса
Дивный облик и стан вспоминают, томясь от недуга,—

Что нам райский цветник, да и нужен ли он человеку,
Если этой красой так богата земная округа?

Но в мирском цветнике как Фуркату быть столь же счастливым,
Если дом его стал точно полная скорби лачуга?

НЕ СРАЗУ, НЕ СРАЗУ

Ты мне стала навеки мила, но не сразу, не сразу.
Ты в душе моей страсть родила, но не сразу, не сразу.

Ты в посланье дала мне понять: «Пусть горячим и чистым
Поцелуям не будет числа, но не сразу, не сразу.

Быстрота не поможет достигнуть пленительной цели,
Человек завершает дела, но не сразу, не сразу».

Как мне выдержать? Пламя мое все сильней и сильнее.
Ты покой у меня отняла, но не сразу, не сразу.

Ждал я встречи напрасно, себя утешая напрасно,
Что разлуки рассеется мгла, но не сразу, не сразу.

Успокой меня, весть о себе мне пришли, дорогая,
Чтоб забвенье она принесла, но не сразу, не сразу.

Но могу ли спокойным я быть без тебя, без любимой?
Дни чернеют мои, как смола, но не сразу, не сразу.

Обольщая глазами, в меня ты метнула ресницы,—
За стрелою пронзает стрела, но не сразу, не сразу.

Если пламя Фурката свиданья вином не зальешь ты,
Я погибну, сожженный дотла, но не сразу, не сразу.

НА ЛИКЕ РУМЯНОМ

То ль испарина хмеля на лике румяном,
То ль на розе роса рдеет блеском багряным?

Это — бровь или меч, почерневший от крови,
Иль небесная синь в этом цвете сурьмяном?

Это кудри ли вьются, твой лик обвивая,
Иль драконы красу полонили обманом?

А откроешь лицо — соловьи изнывают,
Млеют горлицы, словно объяты дурманом!

Прах с пути твоего люди жадно хватают,
Будто золото — нищие в рубище рваном!

Колдовские нарциссы глаза сеют смуту,
Сабли брови спешат на подмогу смутьянам.

О кокетка, оставь искушенье лукавством,—
Ведь под ним, как под ношей, сгибаются станом!

От очей и бровей твоих — гибель Фуркату,—
Месяц всходит над звездами, смуты даря нам!

СМИЛУЙСЯ!

Багряный тюльпан в степи — то тень твоего чела
Иль это в степях судьбы — кровавая пиала?

Хвалитель назвал твой стан подобьем райских дерев,—
Ведь он кипарис сравнил с гнилой корягой ствола!

Хоть ты красотой — луна, увы, к тебе не дошли
Те стоны, что в муках слез разлука к небу взвила!

От горестей умер я, томясь в тоске по тебе,
А ты и этот недуг притворством моим сочла!

О память давних времен! Как счастлив с тобой я был!
Я дней разлуки не знал, не ведал такого зла!

И розам в садах дано твое превосходство знать:
Поникли они к земле, едва лишь ты в сад вошла.

Молва о твоих устах проникла и в медресе,—
Из каждой кельи неслась вослед тебе похвала!

О, смилуйся надо мной, нет сил разлуку терпеть,
И в сердце боль о тебе, и скорбь моя тяжела!

Истерзанный, изнемог в разлуке с тобой Фуркат,—
О, если б милость твоя ко мне снизойти могла!

ГДЕ Ж ТВОЯ ЛУНА?

Где ж твоя луна, о сердце, стонешь ты жестоко ночью,
Кровь вот-вот зальет мне очи струями потока ночью!

Дай хмельную чашу, кравчий,— я рабом послушным стану,
Наступает время пиршеств с девой черноокой ночью!

Нет конца и края горю, боль измен меня терзает,—
Ах, к чему печаль разлуки и слова упрека ночью!

В час, когда я, мучим жаждой, о твоих губах мечтаю,
Что́ устам вода живая,— даже в ней нет прока ночью!

Если всем моя красотка дарит взгляд, играя бровью,
Разве на меня не взглянет, хоть бы краем ока, ночью?

В час, когда, томя лукавством, луноликая выходит,
Диво ль, что душа навстречу выйдет к ней до срока ночью!

А когда прийти захочешь — от соперников укройся,
Милость не дари открыто — скрой ее глубоко ночью!

Сколько дней лежу во прахе я у твоего порога!
Сжалься! Милости молю я — хоть чуть-чуть, намека—ночью!

Ночь измен горька Фуркату — он, рыдая, ждет свиданья,—
Кто ж меня спасет от муки гибнуть одиноко ночью!

НА ТВОЕМ ПУТИ

Поутру стою несмело на твоем пути.
Все пред взором потемнело на твоем пути!

Достигают небосвода ропот мой и вздох,
А тебе до них нет дела на твоем пути.

Смерти ты моей желаешь? Что же, убивай,
Чтобы кровь моя зардела на твоем пути.

На коне с весельем скачешь, а моя душа
Под копытом онемела на твоем пути.

Камни клеветы встречаю грудью, как Меджнун,
Нет моей тоске предела на твоем пути.

О, приди же, как к Юсуфу Зулейха пришла,—
Горе мною овладело на твоем пути!

Если я, Фуркат, погибну от любви к тебе,
Ты мое увидишь тело на твоем пути.

ОЧИ ТВОИ

Кровожадным терзаньем мучат нечестиво очи твои,
Так и смотрят, где мусульмане — им пожива, очи твои!

Сонм сердец, как будто арканом, ловят кольца твоих кудрей,
Точат жала бровей-кинжалов горделиво очи твои.

«Уходи!» — угрожая гневно, гонят прочь острия бровей,
«Приходи!» — посылают нежно знак призыва очи твои.

Не подумай, что захмелевший стал мертвецки пьян от вина,—
Ты взглянула — и он увидел, что за диво — очи твои!

Рвет на мне одежды смиренья длань твоей жестокой красы,
И срамят меня перед всеми зло и лживо очи твои.

Если лик твой поверг в смущенье гладь жемчужную белых роз,
Почему же не шлют нарциссам клич зазыва очи твои?

Почему бесприютным ланям суждено в пустынях бродить?
Взор их томный красой затмили прихотливо очи твои!

Погубили, сломив Фурката, и повергли его в недуг
Стан твой, родинки, чудный облик и два дива — очи твои!

НЕТ БЛАГОНРАВНОЙ

Нет в мире благонравной ни одной,— горю, твой раб!
Увидев пери, стал я диваной,— горю, твой раб!

Ты пери? Или гурия в раю? Иль серафим?
Ты прелестью пленила неземной,— горю, твой раб!

Я странник, я в развалинах живу, сосед совы,
Будь милостива, сжалься надо мной,— горю, твой раб!

Тебя увидев, другом верным стал твоей любви,
Пока не обезумел я, больной,— горю, твой раб!

Кто вправе хвастаться, что он влюблен, влюблен в тебя?
Один лишь я пленен, пленен луной,— горю, твой раб!

С печалью тайно связана душа, с тоской слилась,
Боль стала для меня сестрой родной,— горю, твой раб!

Я вспоминаю, розу увидав, твои уста,
И отнял кровь мою цветок степной,— горю, твой раб!

Ах, почему цветы к твоим ногам не упадут?
Когда в саду гуляешь ты весной — горю, твой раб!

Да станет мотыльком моя душа, а ты — свечой:
Приди же, озаряя мрак ночной,— горю, твой раб!

Эх, жизнь моя прошла, я не достиг своей мечты,
Несчастней всех, и в холод я и в зной горю, твой раб!

Из букв-жемчужин имя нанизав своей луны,
Фуркат поет: «К чему удел иной? Горю, твой раб!»

О, ДОКОЛЕ Ж?

О, доколе ж мне в разлуке будешь душу жечь пожаром?
Пощади же, если любишь, не предай жестоким карам!

Впрямь, зачем тебе павлином красоваться средь развалин?
Даже совы не летают над моим жилищем старым!

Где бы я тебя ни вспомнил — облик твой, подобный розе,
Там мне сад и там — цветник мой, розы рая рдеют жаром.

Сколько ты меня ни мучишь, о жестокая шалунья,
Никогда не станет силы притерпеться мне к ударам.

От моих ночных стенаний даже небо пооглохло,
Ты ж меня не хочешь слышать, хоть кричу в терзанье яром!

Усмири поток стенаний, крик услышь, будь справедлива,—
В странах красоты султаном ведь зовешься ты недаром!

О, к твоим кудрям прильнуть бы,— и тогда мои ресницы
Послужили б вместо гребня их красе и дивным чарам!

Не сдержала ты посулов, вдребезги обет разбила,—
Эх, Фуркат, свои надежды ты растратил, видно, даром!

ПЫЛАТЬ МЕНЯ ТЫ НАУЧИЛА

Пылать меня ты научила в огне разлук по вечерам,
Но ты светильником свиданий сияешь радостным пирам.

Нет, не тюльпанами — скорбями усеяла ты грудь мою,
И стала садом степь страданья и уподобилась коврам.

Жестокости вонзила жало ты, солнцеликая, в меня,
Окрашен мир моею кровью, как жарким солнцем по утрам.

Ресницы стрел в меня метнула, лук натянув своих бровей,—
По воле собственной я гибну, грудь подставляя остриям.

Не так была война сурова меж христиан и мусульман,
Как у тебя — с моей любовью: мучительнице стыд и срам!

О сердце, сердце, ты страдаешь у стройной лилии в плену.
Где кипарис? Где ирис нежный? Где путь к пленительным дарам?

В сеть превратилась грудь Фурката: шалунья подняла свой меч,—
Да будет эта сеть как панцирь, что надобен богатырям!

ЛИШЬ ВСПОМНЮ

Как вспомню пушок благовонный, которым пленен,
Увижу тотчас и газель из хотанских сторон.

Я сердце и душу оставил в обители той,
Где был твоим розовым ликом мой взор восхищен.

Напиток приязни твоей разливая, судьба
Мне чашу пустую вручила,— я был обделен.

Едва ты вошла, вслед за горлинкой смолк соловей.
В смятении роза дрожит, кипарис посрамлен.

Твой ротик, о пери, настолько пленительно мал,
Что спорят премудрые — впрямь существует ли он?

С тех пор как узрел полумесяцы этих бровей,
И сам полумесяцем стал я, судьбою согбен.

Как только услышишь от вестника имя «Фуркат»,
Явись, умоляю!.. Ты слышишь предсмертный мой стон!

ОТАР-ОГЛЫ АВАЗ
(1884—1919)

ЯЗЫК

Знанье души народа — знанье его языка,
Только обменом речью —
связь меж людей крепка.
Юноши, изучайте не только родной язык,—
Станет вам, как родная,
чужая страна близка.
Матери, посылайте в дома науки детей,
Радостно черпать мудрость
из братского родника.
Знанье делает мудрым,— учившиеся всему
Гордостью века стали, и слава их велика.
Да не узнают дети обиды, что знал Аваз,
Вечно его томила по речи чужой тоска.

МУСУЛЬМАНСКИМ УЧЕНЫМ

Власть суеверия в мире святыней сделали вы,
Народ угнетенным и нищим ныне сделали вы,

Вы, судьи, законоведы, кем писан такой закон,
Что целый народ обреченным кручине сделали вы!

Затем, чтоб людей обезволить, в рабстве держали их,
Родную землю подобной чужбине сделали вы.

Настанет время — создатель к ответу вас призовет
И спросит: что с человеком, в гордыне, сделали вы?

Его ничему не учили, жил невеждою он,
Своей докукой заботу о чине сделали вы.

Не люди мы, что ли? Мы тоже песен хотим и книг,
Людей же стадом в безводной долине сделали вы.

Когда-нибудь, пробудившись, как я, вас спросит народ,
За что его жизнь и душу пустыней сделали вы?

* * *

Эй, громче ударив по струнам, спой песенку нам, певец.
Не место печали средь пира, дай радость сердцам, певец.

В силки своих песен волшебных любовников замани,
Чтоб стало не жалко с душою расстаться гостям, певец.

Вина ему дай, виночерпий. Пусть, чашу выпив до дна,
Поет нам газели. Мы рады певучим стихам, певец.

Пусть щеки твои заалеют, подобно розам в саду,
Пусть песня твоя понесется к ночным облакам, певец.

Ты душу зажег мне, играя, ты мертвого воскресил,
Своею целительной силой ты равен богам, певец.

Ах, если б на пиршестве этом твоя подруга, Аваз,
Такую бы песню запела, что смолкнул бы сам певец!

* * *

Воскрешающим мертвых речам животворным — хвала!
Убивающим смертных — очам твоим черным — хвала!

Все красавицы мира склонились бы ниц перед ней,
Восклицая смиренно: чертам неповторным — хвала!

Ночь разлуки прорезал лица ее тоненький луч,
Стали горы светиться,— вершинам тем горным — хвала!

Роза спрячется в землю, дурнушкой считая себя,
Скажет: пальме живой в одеянье узорном — хвала!

Ты влюбленным несешь с каждым шагом обиды и боль,—
Луноликая! Мукам и горестям вздорным — хвала!

Покрывало откинув, войдешь ты к поэту на пир,—
Скажут: верной любви, что горит жарким горном,— хвала!

Какова у поэта душа — таковы и стихи,
Слава сердцу Аваза. Трудам стихотворным — хвала!

ИБРАЙЫН-УЛЫ КУН-ХОДЖА
(1799—1880)

КОМУ НУЖЕН?

О, если есть еще края,
Где не слыхали соловья,
В таком глухом краю, друзья,
Кому цветок пахучий нужен?

Когда бегущий с гор поток
Не в силах напоить росток,
Не разольется в должный срок,—
Кому поток могучий нужен?

Коль сокол, высмотревший дичь,
Не испускает гордый клич
И не желает дичь настичь,—
Кому подобный сокол нужен?

Коль не мелькает пес, как тень,
Не перескочит и плетень,
Увидит зайца — гнаться лень,—
Кому брехун подобный нужен?

Коль не послушен конь узде,
Коль неразборчив он в еде,
Ленив на скачках и в езде,—
Кому скакун подобный нужен?

Нет перед дедами заслуг,
К врагу бежит, как лучший друг,
А дело валится из рук,—
Кому урод подобный нужен?

Не копит гнева с каждым днем,
Не победит в борьбе с врагом,
Ни силы, ни упорства в нем,—
Кому боец подобный нужен?

Душа за ближних не болит,
Людей в беде не защитит,
Все голодны, один он сыт,—
Кому вожак подобный нужен?

Несправедлив к народу он,
Не слышит страждущего стон,
От бедствий прячется за трон,—
Кому такой правитель нужен?

Суд справедливый не по нем,
Лицеприятен он во всем,
Чужак на празднике людском,—
Кому такой советчик нужен?

Скота в загоне — не сочтешь,
А людям пользы — ни на грош,
На волка жадного похож,—
Кому такой стяжатель нужен?

Шумит ручьем, а не рекой,
Бесстыдно хвастает собой,
А для врага — лишь звук пустой,—
Кому такой воитель нужен?

Не слушает отца и мать,
Их не желает почитать,—
Что старикам от сына ждать?
Кому такой наследник нужен?

Не видишь солнечных лучей,
Не слышишь, как звенит ручей,
Сам не поешь, как соловей,
И так всю жизнь... Кому ты нужен?

КОСЫБАЙ-УЛЫ АЖИНИЯЗ
(1824—1878)

БОЗАТАУ

Суждено уйти нам в неизвестный край.
Мы должны расстаться, славный Бозатау.
Слезы наши льются... Ты прощай, прощай,
Мы должны расстаться, славный Бозатау.

Век земля с народом, при земле народ.
Горе нас в изгнанье безземельных ждет.
Не избудем боли, захиреет род.
Ты кормильцем был нам, славный Бозатау.

Здесь на свет явился, рос я и взрослел,
Скакуном арабским век свой мчать хотел,
Жизнью наслаждался, хлеб твой сытный ел...
Мы должны расстаться, славный Бозатау.

Я к беседе доброй первым делал шаг,
Первый был затейник, первый весельчак.
Но тебя покинуть вынуждает враг,
Мы должны расстаться, славный Бозатау.

Сад был соловьиный — стал вороний стан.
Изболело сердце, в голове туман.
Разорен врагами и Кийсык Порхан.
Вытоптан, разграблен, славный Бозатау.

Мать в Гургане чья-то,— страшный был набег,—
Чьи-то братья, сестры угнаны в Атрек,
Чья-то дочь в Хаджаре проживет свой век,
Многие в неволе, славный Бозатау.

Вопли раздавались громкие окрест:
Больно отрываться от родимых мест.
Всадники пленили плачущих невест,
Гнали, разлучали с милым, Бозатау.

Вот юнец чубатый смотрит на отца:
В Шам, в Ирак ли в рабство продадут юнца —
Навсегда разлука, нет на нем лица!..
Гурд ли, Тегеран — все рабство, Бозатау.

Чья-то дочь в тончайший облеклась атлас,
Схвачена злодеем, так и не спаслась.
Свет луны и солнца для родных погас,
Дева твой разделит жребий, Бозатау.

Сотни их, приятных мягкостью речей,
Стройных, цветоликих, с теменью очей,
Волею аллаха, властью палачей
Где-то на Балканах будут, Бозатау.

Тех, что равны были красотой Лейли,
Чьи зарей румяной щеки расцвели,
Гордых, крутобровых,— в плен их увели,
Век им жить в неволе тяжкой, Бозатау.

Слышал, пред рассветом началась пальба.
Вольным спал — проснулся с участью раба:
Руки мне связали — где уж тут борьба...
Был врасплох захвачен сын твой, Бозатау.

Многие хлебнули горя от туркмен:
Тех они убили, тех угнали в плен.
Разоренье — целых не осталось стен,
Плач стоял повсюду громкий, Бозатау.

Тот в сраженье сделал свой последний вздох,
Тот, скота лишившись, жив, но нищ и плох;
Тот, с детьми расставшись, от тоски иссох —
Это не конец ли света, Бозатау!

Все-таки причина наших бед — Кунград,
Сейилхан жестокий также виноват.
Где ашамайлы и где теперь кыят?
Без людей, без пастбищ ныне Бозатау.

Храброго джигита участь тяжела.
Нет людей... Сгорело, что горит, дотла.
В сердце мне вонзилась жгучая игла —
Всеми ты покинут, славный Бозатау.

Связанный, плененный, ухожу в слезах.
Нет защиты — только ты один, аллах.
Полное безлюдье на твоих дворах,
Всеми ты покинут, жалкий Бозатау.

Был главою здешним ты, мулла Пирим,
Дорожат кунградцы именем твоим.
Будь же, муж ученый, ты защитой им.
Всеми ты покинут, бедный Бозатау.

За спиной остался разоренный рай.
Зийуар льет слезы и твердит: прощай!
Будет жив — вернется он в любимый край.
Всеми ты покинут, скорбный Бозатау.

ПРОСНИСЬ

(Мухаллес)

Пришел к тебе и стал у ног: любимая моя, проснись.
У изголовья свет зажег: любимая моя, проснись.
Луна, нетленный огонек, свет глаз моих, проснись, проснись.
Тоски немолкнущей исток, желанная моя, проснись.
Пришел я, не прийти не мог! О сжалься, милая, проснись!

Мне ночью выпало шагать — перед рассветом кончил путь,
Чтоб слово данное сдержать, себя пришлось мне подхлестнуть.
Ты продолжаешь сладко спать, застежки не стесняют грудь...
Душе моей чего желать? — В твоих объятьях прикорнуть.
Не заставляй меня страдать, открой глаза, скорей проснись.

К серпу, что в небесах повис, ты не тяни напрасно рук.
Войти, любимая, не тщись в тот недоступный смертным круг.
В полет безумный не стремись — одни препятствия вокруг,
Сорвешься ненароком вниз — в грязи окажешься ты вдруг.
У изголовья ждет твой друг. Проснись, любимая, проснись.

БЕРДАХ

(1827—1900)

МОРЕ РЫБЫ СВОЕЙ НЕ ДАЕТ

Снова в море закинул я сеть.
Море рыбы своей не дает.
Боже мой, нету силы терпеть,
Что в груди твоей: сердце иль лед?

Обезлюдел мой род, приуныл,
Поплелись мы, лишенные сил,
От родимой земли и могил...
Море рыбы своей не дает!

И меня захлестнула нужда,
И пошел я, не зная куда,
Но везде нас встречает беда,
Море рыбы своей не дает.

Путь тяжелый и длинный у нас.
Ни зерна, ни скотины у нас.
Есть ли выход, мужчины, у нас?
Море рыбы своей не дает.

В злобном море бушует волна,
Словно жизнь, холодна и черна.
Жизнь мрачна, без просвета она.
Море рыбы своей не дает.

Вам, друзья, не желал я беды,
Я желал за любовь и труды
Много счастья, как в море воды,
Лет на сто или двести вперед.

Но, увы, нас окутал туман,
Правят миром лишь зло да обман,
Злой богач и блудливый ишан,
Им и счастье, и мясо, и мед.

Ну, а мы — простота, беднота,
Дверь удачи для нас заперта,
Бьет аллах нас, и лжет нам мечта,
Море рыбы своей не дает.

Я бедняк, я собрат ваш Бердах,
Я правдив и в словах и в делах,
И меня обездолил аллах,
Адским пламенем сердце мне жжет.

МНЕ НУЖНЫ

Цветок, к моим ногам склоненный,
Поющий соловей влюбленный,
Мир, светом солнца озаренный,
Дни радостные — мне нужны.

Гора, чтоб издали дымилась,
Верблюдица, чтобы доилась,
Красавица, чтоб ночью снилась,
Для счастья моего нужны.

Мне нужен конь нетерпеливый,
С подстриженным хвостом и гривой,
Крепкокопытный и красивый...
Лихие кони мне нужны.

Есть у меня еще забота:
Мне соколиная охота,
Мне птицы, ждущие полета,
Лихие соколы нужны.

Джигиты, чья рука готова
В бою сразить врага любого,
Держать умеющие слово,
Для дела правого нужны.

Друзья, борцы, что за свободу
Готовы и в огонь и в воду,
Сочувствующие народу,
Для дела правого нужны.

Кто сеет хлеб и воду ищет,
Кто с бедняками делит пищу,
Кто помогает людям нищим —
Такие люди мне нужны.

Борцы, насупившие брови,
С оружьем правым наготове,
Те, что не пожалеют крови
В борьбе за счастье, мне нужны.

МОЯ ПОДРУГА

Брови, брови, как в горах осока,
Брови, брови подняты высоко,
А под ними, как у ланей горных,
Пара глаз, испуганных и черных.

Ты пришла — ответь мне, ради бога,—
Из каких краев на белый свет?
Здесь тебя такую сглазить могут,
Вот, надень на шею амулет.

РОЗА С БУТОНОМ

Ох, роза с бутоном,
Ох, роза с бутоном,
Смеясь, ты играешь
Со мною, влюбленным.

Как долго ты вовсе
Со мной не была,
В пожаре разлуки
Сгорел я дотла.

Ты, роза с бутоном,
Не хочешь склониться...
Как трудно влюбленным
Желанных добиться.

Мы платим за счастье
Нелегкою данью,
Чем больше желанье,
Тем горше страданье.

САРЫБАЙ

(2-я половина XIX века)

РАЗГОВОР С ЛЕТУЧЕЙ МЫШЬЮ

Сарыбай

Смотрю на тебя — и глазам я не верю:
Куда подевала ты мягкие перья?
Тебя не украсила эта потеря.
Что скажешь с утеса, летучая мышь?

Л е т у ч а я м ы ш ь

Облезлая шапка из шкуры барана,
Твой смех непочтительный слышать мне странно,
Следи же за речью своей неустанно
И будь поучтивей, когда говоришь.

С а р ы б а й

Зачем прозябаешь ты в темном ущелье?
Ведь сыро и холодно в каменной келье.
Крылатым без перьев какое веселье?
Ответь мне, пожалуйста, бедная мышь.

Л е т у ч а я м ы ш ь

На трудный вопрос ты желаешь ответа!
Была я в красивые перья одета,
Но сжил нас правитель жестокий со света,
По милости царской теперь я голыш.

С а р ы б а й

Гляди-ка: вон солнце за облаком скрылось.
Поведай мне, что же с тобою случилось?
К какому царю ты попала в немилость
И в чем провинилась, летучая мышь?

Л е т у ч а я м ы ш ь

Скрывать я жестокую правду не стану:
Коварство и пытки царя Сулеймана
Изведаны мною, и все мои раны,
Всевышний, один только ты исцелишь!

С а р ы б а й

Так вот оно что! Сулеймановы руки
Тебя обрекли на великие муки.
Тебя я расспрашиваю не от скуки,—
Поведай всю правду, летучая мышь.

Л е т у ч а я м ы ш ь

Наверное, мир Сулейману наскучил,
Давно на пернатых глазища он пучил,
Поймал меня первою — чуть не замучил.
Я вырвалась — юркнула в частый камыш.

Сарыбай

Чего же от птиц-то ваш царь добивался,
Зачем он ловить и терзать их пытался,
О чем он старался и как расправлялся
С другими? Ответь мне, летучая мышь.

Летучая мышь

У птиц он, тряся подбородком от злости,
Выщипывал перья, выдергивал хвостик,
На солнце высушивал легкие кости...
Не вырвешься, если к нему залетишь.

Сарыбай

Высушивал кости? А дальше-то что же?
Число неповинно загубленных множа,
К чему он стремился? Неясно мне все же.
Рассказывай дальше, летучая мышь.

Летучая мышь

Он птичьего племени целые тучи
Губил, собирал их в кровавые кучи,
Под кучей костер разводил он горючий —
Гори себе, птичка, пока не сгоришь.

Сарыбай

Нет слов, чтобы дольше с тобой состязаться.
Устал я... На север пора отправляться.
Ну, что же, счастливо тебе оставаться,
Пора нам расстаться, летучая мышь.

КЕМИНЕ
(1770 — 1840)

НИЩЕТА

У меня сто болезней и тысяча бед,
Тяжелей всех на свете забот — нищета.
Скорбь искала меня и напала на след.
Без конца караваном идет нищета.

Льется золото в пестром кругу бытия.
Затвердела от голода печень моя.
Держит, душит и гложет меня, как змея,
Умножает долги что ни год нищета.

Не прожить без еды и единого дня.
Ночью глаз не смыкаешь, лежишь без огня.
Не уходит к богатым, живет у меня,
Спит в углу на тряпье, слезы льет нищета.

В руки ей человек попадется живьем —
Подпояшется старая крепким ремнем
И ударит с размаху чугунным пестом...
Бьет — ударам ведет точный счет нищета.

Не могу я избыть нищету и тоску,
Кто посмотрит с улыбкой в лицо бедняку?
Много игр я впустую сыграл на веку,
Смотришь — каждую ставку берет нищета.

Говорит Кемине: тех — казной золотой,
Этих — жизнь наделяет сумою пустой.
Ты не рвись, мое бедное сердце, постой,
Будет время — от нас отойдет нищета.

* * *

Доверься разуму, покуда он с тобой.
С драконом в бой пойдешь — горой за правду стой,
Злоречие в родстве с презренной клеветой.
Не будь же злоречив и бойся праздных слов!

Лжецы наставники и неучи муллы,
Вы бросили ислам в пучину душной мглы.
«Мы просветители!» Бесхвостые ослы,
Глаз не дает сомкнуть ваш сумасшедший рев.

Попрали знание властители наук
И от поганых яств не отрывают рук;
Зов истины для них — лишенный смысла звук,
И стал простой народ добычею воров.

Ребенка малого избрали старшиной,
Пыль бородой метут пред байскою мошной;
Бедняк для них — баран, а нищий — пес дрянной,
Их суд страшит сирот и беззащитных вдов.

Дервиш и скуп и нагл, а мы святым отцом
И благодетелем обманщика зовем.
Жезл Моисея крив пред истинным путем;
Прямей стрелы мой путь, и правда — мой покров.

Пускай лицо в мукé — еще не мельник ты.
Чалма на голове, но злой бездельник ты.
Когда бы ты своей страшился пустоты,
Не множилось бы так число людских грехов!

Поститься нам велишь — и пальцы в жир суешь,
Возьмешь последний грош — и прямо в рай пойдешь.
Дутарщика зато навеки в ад пошлешь,
О пир, наставник наш, любитель мертвецов!

Ты хитрости достиг невиданных высот,
О мерзостях твоих не ведает народ,
Кто разгадал тебя, тот грешником слывет,
Ты молишься, а сам проклясть меня готов.

Моих проступков бог и тот не может счесть,
Но он простит меня: я помню стыд и честь.
Кто, Кемине — кяфир? Ты сам кяфир и есть.
Ад ждет тебя,— ты, пир, на склоне дней таков!

ХОРОШО

Хорошо прожить на свете долгий век,
И еще пожить немного хорошо.
Твоему ли будет сердцу, человек,
У последнего порога хорошо?

Неуч в перстень вставит криво самоцвет;
До высоких дел злодею дела нет;
Вдалеке от наших горестей и бед
Вольной лани быстроногой хорошо.

Вот к прохожим потаскуха льнет во тьме,
У нее краюшка хлеба на уме.
Хорошо не подходить к ее кошме,
И пойти другой дорогой хорошо.

Где ты, вянущая роза, спишь в траве?
Кемине не доверяет злой молве.
Замуж выйти он советует вдове,—
Разве быть ей слишком строгой хорошо?

НАПУТСТВИЕ

Спешите, юноши, на этот мир взглянуть:
Воспоминание блаженных лет останется.
Играйте, милые, любите дольний путь,
И капля радости в пучине бед останется.

Жизнь, точно девушка, приятная на вид,
Для неудачников готовит сто обид.
Кочевники уйдут, и песня отзвучит,
Но все же от колес в пустыне след останется.

И скажет Кемине: сомненья нет, умрешь,
Измученную плоть сухой земле вернешь,
Твою казну возьмут и взвесят каждый грош,
Но сыновьям твоим весь этот свет останется

ЛУНА

Шах смотрит с башни на страну.
Навстречу хану хан стремится.
Народ приветствует луну,
Луна от наших стран стремится.

Я за любимой рвался вдаль,
С любимой не видался — жаль! —
Была печаль, и есть печаль.
Кто полюбить обман стремится?

Султанша выйдет погулять,
Служанки будут ликовать.
Луну встречать пойду опять —
Луна уйти в туман стремится.

От Кемине один почет:
Он милостей от милой ждет,
Он жалобу желанной шлет,
Он сердцем к Айсолтан стремится.

ВЕК

Друзья! Настал нелепый век.
Зло подле человека ходит.
Быком по миру ходит бек,
Бедняк в ярме у бека ходит.

Сам станешь вором, вора скрыв.
Судья наш — крив, наставник — лжив!
Там, где ходил прямой элиф,
Согнувшись дал-калека ходит.

В лихие наши времена
И зрячим правда не видна.
Пир — настоящий сатана.
Муфтий — к девчонке некой ходит.

Доносчик в каждый дом проник,
И в клевете погряз язык,
И Кемине уже привык,
Что грех главою века ходит.

ПЛОХАЯ ЖЕНА

Ах, милые, с плохой женой
Седым и безбородый станет.
А печень у тебя больной
И в молодые годы станет.

Почешут люди языки,
Когда она крушить горшки,
Жечь платья да на пустяки
Переводить доходы станет.

Когда растает, словно дым,
Добытое трудом твоим,
Жена пойдет к дверям чужим,
Петь про свои невзгоды станет.

Обидишь глупую словцом
Да в шутку погрозишь прутом —
Уйдет, и опустевший дом
Жилищем непогоды станет.

По Кемине — любой ценой
Спасайся от жены дурной,
Запомни, что с плохой женой
Седым и безбородый станет.

* * *

Смотрите: идет, стройна, не видит нас молодица.
Не хочет любви моей и в этот раз молодица.
О, хоть бы костер тоски во мне погас, молодица!
Что ад пред огнем твоих бездушных глаз, молодица?
Хотя бы на час приди, приди сейчас, молодица!

Кто видел тебя, тому — лишенным покоя быть;
Я — нищий, ты — шах, тебе пристало такою быть.
А мне пристало твоим покорным слугою быть:
Плененным до смерти мне твоей красотою быть,
Кровавые слезы лить — вот твой приказ, молодица!

Влюблявшиеся до нас, видавшиеся тайком,
Друг друга желали так, что вспыхивали огнем,
Во имя любимых кровь из сердца била ключом,
И другу влюбленный друг безропотным был рабом.
Меня бы твой поцелуй от смерти спас, молодица.

Одежда твоя красна, отрада жизни моей.
Ты — пестрый тюльпан, а я — безумный твой соловей.
Вот косы — чернее туч, вот лик, что луны светлей.
А я говорю: такой не будешь до склона дней.
И вспомнишь, старухой став, ты свой отказ, молодица.

Друзей Кемине зовет: «Спешите меня спасти!
От высокорослой рук не в силах я отвести».
Беда соловью, когда тюльпану скажет: «Прости!»
Ищу я твой светлый путь, забыв другие пути,
Красавиц у нас не счесть, но мой алмаз — молодица.

В Л Ю Б Л Е Н Н Ы Й

Я влюблен, молчать не могу.
Плачь, певец, онемéй в тоске!
Я заснуть опять не могу.
Роза! Твой соловей в тоске.

Я — стремянный, ты — на коне.
Я — бедняк. Наклонись ко мне.
Я тебя по твоей вине
Жажду втрое сильней в тоске.

Мир стране своей возврати.
Укажи мне свои пути.
Руки нежные опусти
И меня пожалей в тоске.

Живописцы нашей земли
Дорогой кармин извели —
Воссоздать тебя не могли.
Ты мне солнца светлей в тоске.

Ты отвергла любовь мою,
Я вина твоего не пью.
Узнают меня по тряпью,
Я брожу средь людей в тоске.

Ты приходишь только во сне,
Не смеешься для Кемине,
И не спросишь ты обо мне
У подруги своей в тоске.

* * *

Любовь ступила на порог,—
Свой хлеб ты гостю отдала ли?
Да будут хлеб твой и творог
Источником твоих печалей!

Рай на кошме твоей простой
Могли бы мы найти с тобой,
Тебя ослицею слепой
В стихах тогда бы не назвали.

* * *

О сердце, затяни свой пояс посильней —
И все исполнятся желания равно.
Ты в розовом саду рыдаешь, соловей,
Дыханью роз твое рыдание равно.

Роза. Миниатюра Абдулхалика Махмуда. 1856—1857 гг.

Адам, дитя земли, из праха сотворен.
Здесь полномочен рок: он — властелин племен.
Напиток общий — смерть, и между всеми он
Распределяется заранее равно.

Когда мы в бой идем на воинство обид,
Нам совесть чистая — покров и крепкий щит.
Постылой смерти груз наш караван влачит,
И племя племени в скитании равно.

И лучше в этот мир не приходить совсем,
Но ты, живущий, будь насыщен бытием
И на земле оставь наследника, затем
Что мраку тщетное пылание равно.

Из мига в миг растет души моей недуг,
И крикнуть некому: приди на помощь, друг!
О люди! Для меня приманок нет вокруг,
Мне дней и месяцев мелькание равно.

Надеждой на тебя твой Кемине живет:
Жизнь гонится за ним, и смерть не отстает.
Яви, всеправедный, поток твоих щедрот,
Да будет всем твое деяние равно.

СЕИДИ
(1775 — 1836)

ДВА ЦВЕТКА

Два совершенства, два цветка,
Сегодня я увидел их.
И, доверительно легка,
Текла беседа у троих.

Одна — вальяжная сона,
Свежа другая, как весна.
Дух будоражит мне одна,
С другой я благостно притих.

Одна — возвысила мой дух,
Другая — услаждает слух.
Какую предпочесть из двух,
Из восхитительных таких?

Одна — цветущий куст весной,
Другая — жемчуг рассыпной.
Вина испил я у одной,
А в честь другой слагаю стих.

Одна — каскад дневных лучей,
Луна другая, страж ночей.
Она смеется, как ручей
В беспечных струях золотых.

Глаза одной таят дурман.
Другая — маленький джейран.
Одна наносит сотни ран,
Другая исцеляет их.

Одна в наряде дорогом,
Другая в платьице простом.
Одна, порой, грозит перстом.
Другая — радость для живых.

Одна в любви призналась мне,
А от другой я сам в огне.
Хожу в дурманном полусне,
Шалея от упреков злых.

Одна святой гылман в раю,
А от другой в аду горю.
С блаженным вздохом говорю:
Я, Сеиди, люблю двоих!

ПУСТЫНЯ

Когда, весеннею порой, я огляжу родной простор,
Как благодатный дар лежит в сиянье золотом пустыня.
На вешнем пастбище пестрит цветов и трав сплошной ковер,
Тебя, мой изобильный край, напрасно мы зовем: пустыня.

Все сердце вольное мое забрать желает от судьбы:
Люблю в молчанье созерцать барханов серые горбы,
И слушать, сидя на коне, сухой, нестройный звук пальбы —
И доброта и злость в тебе заплетены клубком, пустыня.

Издревле рядом здесь идут простосердечье и обман.
Охотник хищника торопит, бредет неспешно караван,
Маралы скачут по пескам, пугливо прячется джейран,
И влажный глаз его большой с вечерним схож цветком, пустыня.

Весной особенна твоя неизъяснима красота,
Сто тысяч раз я здесь бывал — ты каждый раз была не та:
То беспощадна, то нежна лучилась неба высота —
Тебя и вдоль и поперек я исходил пешком, пустыня.

Охотник радостно поет — к седлу добычу прицепил,
Но если торока пусты, то белый свет ему не мил,
От незадачливости злой, он и собрату нагрубил,
Но равнодушно вкруг него шуршит седым песком пустыня.

Друзья, давайте в мире жить, как сердце и душа велит:
Уйдет от выстрела марал — не надо нам таить обид.
Приметлив зоркий взгляд стрелка, охота снова предстоит,
Он, благородной страстью полн, опять к тебе влеком, пустыня.

Пустыня, слушай Сеиди: любовью души ранишь ты,
Нас на охоте провела, сто раз еще обманешь ты.
Но каждой новою весной тревожно дух дурманишь ты,
И любит мой народ тебя открыто и тайком, пустыня!

ВЛАСТИТЕЛЬНИЦА ХАТИДЖА

Злой соперник не дает повидаться нам разок,—
Юной прелестью своей всех прельстила Хатиджа.
Хочешь, зеркальце возьму и узорчатый платок —
Не напрасно гостя в дом пригласила Хатиджа.

Сила тайная любви с давних дней меня влечет.
Умный скажет: «Увлечен!», глупый молвит: «Сумасброд!»
Лучше в зеркальце гляди, как платок тебе идет,—
Это память обо мне, ангел милый, Хатиджа!

Нет искусников таких, чтоб влюбленность излечить,
Шуток легких, озорных, чтоб страдальца подбодрить,—
Удалось разлуке в миг сердце бедное разбить.
Ах, как больно ты меня поразила, Хатиджа.

На болезнь и на печаль рок несчастного обрек.
В омут медленной тоски погрузил меня не в срок.
Рок мне разум омрачил, ослепил слезой зрачок,—
Не пойму: добро иль зло причинила Хатиджа.

Обжигает губы вздох трепетанием огня.
Для друзей теперь я плох, разобижена родня.
Ополчиться каждый мог на влюбленного меня,—
Стан врагов моих беда оживила, Хатиджа.

Не найти второй такой, звездный свет очей моих.
Сердце полнится одной, окрыляется мой стих.
За тебя я сто с лихвой дам красавиц молодых—
Так своею красотой ослепила Хатиджа.

Разорвать тугую сеть, коль попался, не могу.
Захотел бы умереть, попытался — не могу!
Я любовь преодолеть постарался — не могу,
И досады сердце жжет злое жало, Хатиджа.

Сеиди мечтает вновь к розе уст в ночи припасть
И, хмелея от любви, пить спасительную сласть.
Раб твой связан по рукам, не позволь ему пропасть,—
Стала жизнь моя тебе жертвой малой, Хатиджа!

НЫНЕ

Позор тому, кто оробел,
Судьба его обманет ныне.
Враг осквернил родной предел,
В отважном дух воспрянет ныне.

Бог даровал оплоты нам —
У нас Халач-Джалан, Китнам.
Кто рвется отомстить врагам,
Тот на Чарджоу грянет ныне.

В сраженье правом смерть сладка,
Кровь красит порубань клинка,
Жизнь супостата коротка —
В небытие он канет ныне.

А те, кто страхом сражены,
Уткнутся пусть в подол жены...
Нам сабли трусов не нужны,
За право храбрый встанет ныне.

Эй, эрсари, пойдем в поход,
И враг реки не перейдет,
Джигит со знаменем, вперед!
Оно цветет и манит ныне.

Пусть гром пальбы ласкает слух,
С концов ударим сразу двух,—
Потешим волчьей схваткой дух,
Враги у нас в капкане ныне.

Слог Сеиди горит огнем.
Пять дней раздольно проведем,
Чарджоу с боем мы возьмем,
Руиной крепость станет ныне.

ПРОЩАЙ НАВЕКИ

Судьба с младенчества была со мной сурова.
Мир, где царит один обман, прощай навеки.
Поклон сторонке обжитой, родному крову,
Любимый мой, Мазандаран, прощай навеки.

Я, как Рустам, в горячке битв с врагами бился.
В силки попав, с надеждой жить я распростился.
Ходил я гордо, пировал и веселился —
Друзей моих надежный стан, прощай навеки.

В тисках неволи не снести мне плен позорный,
Где ты, любимая моя, с косою черной?
Где степь бескрайная моя и путь просторный,
Скакун — крылатый ураган, прощай навеки.

Моих, на торных тех путях, следов не стало.
Мечтал столетье я прожить, а жил так мало...
Я жадно книжные тома листал бывало,—
В тисненом золоте Коран, прощай навеки.

Не знал, что нам готовит рок одни страданья.
Мир доброты разрушен был до основанья.
Замолкли музыка и смех, друзей собранья.
Грядущий, праздничный майдан, прощай навеки.

Когда бы верный Мухаммед со мной был рядом,—
Я был бы дружбой обогрет, сердечным взглядом.
Хабиб-ходжа, отважный друг, души отрада,
Прощай, отважный пахлаван, прощай навеки.

Бутон погиб, не расцветя — сожжен хазаном.
Смолк соловей, певец весны погиб нежданно.
Мөлла премудрый, Зелили, мой брат названый,
Ты сложишь без меня дестан, прощай навеки.

А вы, соратники мои, в красе и силе,
Бежали вы, когда враги меня схватили.
Злодеи сверстников моих в бою сразили,
Могильный, брошенный курган, прощай навеки.

Увы, в печали и тоске живу я ныне.
Я встречу свой последний час на злой чужбине.
Прощай, весны моей простор, шелк неба синий...
Ты, Хатиджа, подруга-джан, прощай навеки.

Мяти, мне не забыть тебя, по крови брата.
Неотвратимо близит смерть часы заката.
Тот, кто найдет безглавый труп, в слезах утраты,
Кто будет горем обуян, прощай навеки.

«Приедет!» — тщетно шепчет та, что ждать устала,
И сердце в пламени беда сто раз сжигала.
Верблюдица, пропал ее сыночек, малый,
Мать, изнемогшая от ран, прощай навеки.

Оразбиби, сестра моя, ушли надежды.
Клеймо разлуки печень жжет, бессонны вежды,
Иссохли груди от тоски, черны одежды.
Разлука горбит стройный стан,— прощай навеки.

Рек Сеиди: умру я здесь и прахом стану,
В забвенье на чужбине я безвестно кану,
Ты, лукобровая моя, одна желанна,—
Прощай, в глазах слепой туман, прощай навеки.

БЕРЕГИ ЧЕСТЬ

Настоящие джигиты честь мужскую не уронят.
Боязливый муж отважным, непреклонным стать не может.
И подчас родного брата нам дороже посторонний,
Если брат твой равнодушный про тебя узнать не может.

Изначально всем живущим предназначен путь особый.
Часто близкие бывают полны зависти и злобы.
Шарлатаны заболевших не излечат от хворобы,—
На себя такую смелость неуч-знахарь брать не может.

Принимать гостей хозяин, как велит закон, обязан.
Тот, кто это не исполнит, тот презрением наказан.
Казову того алмазом, кто священной клятвой связан,—
Он ее от всех скрывает и друзей предать не сможет.

Сеиди всегда на тое щедро гостя угощает.
Всем поделится, но тайны никому не разболтает.
Он единственной любимой Хатиджу свою считает
И возлюбленной другую никогда назвать не сможет.

СТАЛО БОЛЬШЕ

Друзья, худые времена,—
Несчастных вдвое стало больше.
Душа правителей темна,
Творящих злое стало больше.

Забыв, что близок Страшный суд,
Пирует праздный лизоблюд.
За деньги совесть продают —
Лжи и разбоя стало больше.

Мир — двор нечистый, проходной —
Живет наживою одной.
Таких, что даже в пост святой
Творят срамное, стало больше.

Пойми взволнованным умом:
Невзгод все больше с каждым днем,
Клеветников, что лезут в дом,
Грозя бедою, стало больше.

Сердца невежд развращены,
Страдает правый без вины.
Жестоких ханов у страны,
Увы, не скрою, стало больше.

Ох, Сеиди, померк твой взгляд,
Народ походит на ягнят.
Волков, что нас пожрать хотят,
Кичась собою, стало больше.

СПИНА СКАКУНА

Когда в снаряженье садишься верхом,
Как трон Сулеймана — спина скакуна.
Покрыта атласным она чепраком,
В шитье златотканом спина скакуна.

Домчится до цели джигит верховой,
С конем породнился наездник лихой.
Мир занят порою нечестной игрой,
Но в нем безобманна — спина скакуна.

Кто немощен был — исцелится в миг,
На скачках он высшего счастья достиг,
Под ним не тюльпаны, не райский цветник —
Блаженства поляна — спина скакуна.

«Ну!» — крикнешь, бывало, на скачках гоня,
И в конском глазу полыханье огня.
Сто тысяч верблюдов не стоят коня —
Столь сердцу желанна спина скакуна.

Люблю я отменную конскую стать,
Весь мир за коня мне не жалко отдать,
Случалось мне в трудном походе устать —
Была неустанна спина скакуна.

Конь в битву джигита, как ветер, несет.
С налета противника грудью собьет.
Но пусть на привале твой конь отдохнет,
От пота туманна спина скакуна.

Твой конь благороден, коль едешь верхом,
Не смей никогда помышлять о плохом,
Прекрасны и горы и долы кругом,
Но сад Гюлистана — спина скакуна.

Мы — дети греха, многогрешны подчас,
Но скачка мой дух очищала не раз,
Речет Сеиди, завершая свой сказ:
Достойна дестана спина скакуна.

РОЗА

Зажегся утренний восток, и жарко заалела роза.
Ты, соловья поймав в силок, певца не пожалела, роза.

Мир вешним солнцем обогрет, царит везде зеленый цвет —
Святоша и сухой аскет хотят, чтоб облетела роза.

Весной мой сад затрепетал, расцвел, защелкал, засвистал,—
У соловья покой пропал, бедою стать сумела роза.

Когда беспечный пир пойдет и кравчий чару поднесет,—
На дне вдруг розово блеснет своей красою зрелой роза.

Ей, подружившейся с огнем, негоже знаться с вороньем —
Им опозорить нипочем тебя, цветок несмелый, роза.

Я, созерцая, изнемог, насыщен розовым зрачок,
Ты — роза с головы до ног, твои душа и тело — роза!

Одна мечта живет во мне, погибнуть в розовом огне...
С тобою быть наедине мне сердце повелело, роза.

Она, жестокости служа, сгубила многих без ножа,
Но, целомудренно свежа, быть каждый раз умела роза.

О Сеиди, ты видел ту, с губами в розовом цвету.
Я понял жизни красоту, и вновь душа запела, роза

З Е Л И Л И

(1795—1850)

П Р О Щ А Й

С любовью взлелеянный мой огород,
Мне долго был радостью каждый твой плод.
На север, в Хиву, меня враг уведет,
Сегодня тебе говорю я: прощай!

К тебе убегал я от зноя, мой сад!
Вдыхал я душистых цветов аромат.
Любил Зелили твой зеленый наряд,
От тени твоей ухожу я. Прощай!

Мой дом, ты открыт был всегда для гостей,
Ты слышал немало веселых вестей.
Уводят меня из-под кровли твоей.
Из двери открытой пойду я,— прощай.

Вы, овцы, не скоро на вас я взгляну.
Верблюд, ты привез мне когда-то жену.
Прощайте, любимые, друг ваш в плену.
Вы, травы, ты, поле,— в плену я, прощай!

Придет на развалины друг мой, поэт,
Мой поздний от вас он услышит привет.
Скажите ему: Зелили уже нет,
Тебе передал он, тоскуя: прощай!

Балханы! И к вам Сеиди подойдет,
У вас, великаны, ответ он найдет.
В далекие страны дорога ведет.
Ты, край мой скалистый, иду я,— прощай!

Ты неба высокого синий шатер!
Прощай, мое небо, мой кончен простор,
Меж скал увидало ты черный позор.
Сегодня всему говорю я, прощай!

Садовников новых я вижу вдали,
Ишаны и ханы исчезнут с земли.
И вспомнит свободный народ Зелили,
И скажет врагам он, ликуя: прощай!

ОБМАНУЛ ТЫ

Ты начал тоем, кончил тризной,
О мир блудливый! Обманул ты.
Подобно женщине капризной
И похотливой, обманул ты.

Мы шли беспечные, как дети,—
Так много радостей на свете!
Расставив дьявольские сети,
Всех, мир игривый, обманул ты.

Склоняя к выгодам базарным,
Ты золото рассыпал в дар нам.
Но, вероломный и коварный,
Нас речью лживой обманул ты.

Как девушка, в нарядах лучших
Явился ты в мечтах летучих.
Напрасной мукою измучив,
Вновь, мир ревнивый, обманул ты.

Ты улыбнулся мне, как другу,
Но лишь к тебе простер я руку —
Погнал меня в Хиву, в разлуку,
Улыбкой льстивой обманул ты.

Проходят годы чередою.
Пришел — и вновь простись с землею,
И звезды гаснут над тобою,—
Всех, мир болтливый, обманул ты!

И мы пришли, судьбой гонимы,
Отрады в мире не нашли мы.
Где, Зелили, Гурген родимый?
О мир кичливый, обманул ты!

КЯТИБИ
(1803—1881)

ТВОРИ ДОБРО

Твори добро, от бед людских души не отвращай.
Хорош поступок или нет — молчи, не осуждай.

Пока живешь, ты добрым будь, во имя доброты.
Хороших дел из рук своих, смотри, не выпускай.

Сам зорким глазом замечай несчастье и нужду,
К страдальцу первый подойди, ему лекарство дай.

Дверь перед гостем распахни, гостеприимным будь,—
Знаком тебе он или нет, как друга, угощай.

О Кятиби, слова в толпу бросай, как жемчуга!
Но похвалы или хулы за них не ожидай.

ЛЮБОВЬ МОЯ

Когда твоей не вижу красоты,
Изнемогаю я в слезах, любовь моя.
Ты хоть на миг приди ко мне, молю,
Побудь со мной в святых мечтах, любовь моя!

Нет в бренном мире вечной красоты,
Увянут скоро юные черты.
Я опьянел, эй, кравчий, где же ты?
Ведь держит пиалу в руках любовь моя.

Огонь любви меня испепелил,
Терпеть мученья не хватает сил.
Мой стон достиг заоблачных светил —
Бог содрогнулся в небесах, любовь моя.

Не отличаю тьмы от света дня,
От слез я слепну, свой удел кляня.
Дай мне лекарство, исцели меня,
Сто раз я ввергнут в прах, любовь моя.

В твоем краю я странствовать устал.
Бессильным я и безрассудным стал.
Все, что имел, в дороге растерял,
Хламида на моих плечах, любовь моя.

Я — нищий, и пуста моя сума.
Ты — справедливость высшая сама.
За что же ты свела меня с ума,
Забыла ты, что есть аллах, любовь моя?

Я, Кятиби, от горя изнемог,
Горит огнями светлый твой чертог.
Шепчу в слезах: с тобой да будет бог!
Один брожу в твоих краях, любовь моя.

Я ОТПРАВИЛСЯ В ПУТЬ

Меня разлука пламенем сожгла,
Тебя, мой друг, не вижу с давних пор,
Я говорю: напрасно жизнь прошла,
Грешно роптать, но справедлив укор.

Глядите, как со мной играет рок:
Не вытираю слез с поблекших щек.
Дела свои я не закончил в срок.
Своим мечтам я не давал отпор.

Я птицей был, живущей в камышах,
Но очутился в выжженных песках.
В пустыне, здесь, меня объемлет страх —
Тут не найдет тебя мой ждущий взор.

Я как джейран, живущий средь песка,
Бегущий от опасного стрелка;
Я заблудился вдруг средь тростника,
Попав в страну, где тысячи озер.

Тебя хранить от бед я дал зарок
На перепутьях всех твоих дорог.
От скорби я тебя не уберег
И сам в горящий угодил костер.

Я камнем был, валявшимся в степи,
Шептал мне голос: «Кятиби, терпи!»
Я благодарен, что в конце пути
Обетованный твой обрел простор.

НАСТАВЛЕНИЕ

Кятиби говорит: друг, плутов избегай,
Оскорбительных, ранящих слов избегай,
Бойся тех, кто неслышно идет за тобой,
Хитроумных и лживых льстецов избегай.

Кятиби говорит: труден избранный путь,
Только честным трудом свой достаток добудь,
Не давай себя впутать в дурные дела,
Лучше сразу ослепнуть, чем грязи хлебнуть.

Кятиби говорит: все имеет конец;
Тот, кто скромно и тихо живет,— молодец,
Умный понял, что истину знать не дано,
Но себя мудрецом величает глупец.

Кятиби говорит: речь достойно веди;
Прежде все разузнай, а потом рассуди;
У врагов опасайся совета просить,
Только с истинным другом досуг проводи.

Кятиби говорит: в смехе нету вреда,
Помни, сдержанность людям милее всегда.
Чем просить и униженно «дай» говорить,
Лучше в ад провалиться, сгореть со стыда.

Кятиби говорит: с теми правда и бог,
Кто по-братски меньшому советом помог;
Если баловнем будешь расти у отца —
Белоручку не пустит никто на порог.

Кятиби говорит: для плохих я плохой,
Ядовитое слово разит их стрелой;
Мой наметанный глаз распознает легко,
Кто средь добрых людей чужеродный и злой.

СТРАШНОЕ ВРЕМЯ

Среди правоверных и рознь и вражда.
Друзья, что за страшное время настало?
Постигнуть не сможет мой ум никогда —
Друзья, что за страшное время настало?

Где шах справедливый, престола оплот?
За годом проходит мучительный год,
Гляжу — разорен мой несчастный народ,
Друзья, что за страшное время настало?

Суфии отвергли святой шариат,
Лентяи законов блюсти не хотят;
Чему их учили? Обжорствуют, спят...
Друзья, что за страшное время настало?

Льнут к женам чужим позабывшие стыд,
Невежества конь их стремительно мчит.
Где зло, где добро — кто теперь различит?
Друзья, что за страшное время настало?

В душе Кятиби справедливости свет —
Он видит народ, изнемогший от бед.
О, муфтии, беки, кто даст мне ответ?
Друзья, что за страшное время настало?

КАРДЫБЕРДЫ ОГЛЫ МОЛЛАНЕПЕС
(1810—1862)

Я ТВОЙ ВЕРНЫЙ СОЛОВЕЙ

Я владычицу мою
Воспою, томясь по ней.
Сладостным вином любви
Напои меня скорей!

Словно пери, ты стройна,
Ты светла, моя весна.
Глубь миров озарена
Грудью нежною твоей.

Распахнуть к любимой дверь
И молить: поверь, поверь!
Целовать бы мне теперь
Щеки — яблок розовей!

Ты выходишь в сад густой,
И мутится разум мой.
Белый гребень костяной
Раздвоил волну кудрей.

Раб я твоего огня,
Вешнего ты ярче дня.
Друг, не прогоняй меня,
Я твой верный соловей!

Видишь ты мою судьбу,
Слышишь ты мою мольбу,—
Дай вина любви рабу
Век твоих, твоих бровей!

Пламень твой Непеса сжег.
Не таи своих дорог,
Пылью из-под легких ног
Ты лицо мое овей.

ТАМ И ЗДЕСЬ

Взлетят ресницы стайкой птиц,
Опустишь взор — и птицы здесь.
И речь в устах светлей зарниц,
И перлов блеск таится здесь.

Над розой ветерок парит,
И песня в листьях шелестит...
Вода струится, гусь летит,
Но птица — там, водица — здесь.

Любимая — в чужой стране,
Ей суждено, моей весне,
Там убиваться обо мне,
А мне по ней томиться — здесь.

Пленен красавицами я,
Две розы манят соловья:
Там — девушка, луна моя,
А солнце-молодица — здесь.

Судьба Непеса, как ты зла,
Коль сердцу радость немила.
Там — разорвет его стрела,
Звенящий нож вонзится — здесь.

ТВОИ ГЛАЗА

Любимая! Сердце мне опалили твои глаза.
Солгал я! Меня в огне исцелили твои глаза.

Толкуют среди людей о клейме на груди моей,—
То в сердце моем гостить полюбили твои глаза.

Расстаться бы мне с тобой, но ведь я без тебя умру,
И снова мой скорбный путь озарили твои глаза.

Сто тысяч умерших ты, усмехаясь, к жизни вернешь,
Но думать велят живым о могиле твои глаза.

Приносят жертвы у нас в честь курбана однажды в год —
Мгновенно сто тысяч жертв умертвили твои глаза.

Нет, ты не звала других, ты лишь мне подарила взгляд,
Сияние глаз моих повторили твои глаза.

Я пью за твою любовь, я бы мысли хотел собрать,
Но душу Непеса вновь поразили твои глаза.

МОЕ СЕРДЦЕ

Я полюбил ее, и в сладостном сне
Стремится по пятам за ней мое сердце.
Блаженства жаждал я, но как больно мне!
Как мечется в сетях скорбей мое сердце!

Подобно розе ты весной расцвела,
Но песня соловья тебя не зажгла,
А сердцу соловья лишь роза мила,
И рвется в твой цветник сильней мое сердце!

В груди моей — стрела, в очах — смертный мрак.
Погубишь ты меня, мой сладостный враг!
Сто черных локонов у щек твоих — так
Разорвано на сто́ частей мое сердце!

Мне внемлет тот, кто сам в подобной беде.
Я, как Меджнун, ищу спасенья везде.
Где сострадание, участие где?
Беспомощное, все слабей мое сердце!

Две брови черные — два черных крыла,
Сквозь слезы я молю, сгорая дотла:
О, если бы к моей тоске снизошла!
Скорбит, не находя путей, мое сердце!

В неверном мире нет соперницы ей,
Злой пламень завладел душою моей.
Ты птицею не рвись — себя лишь сильней
Затянешь волоском кудрей, мое сердце!

Ей говорит Непес: я — жертва твоя,
Все на тебя глядят, восторг затая.
Безмолвствую в моих страданиях я,
Но стонет пред красой твоей мое сердце!

МОЛОДЕНЬКАЯ

Как сказочный цветок, средь лилий простых
Ты выросла в раю, молоденькая.
Влюбленный, я пою о косах густых,
Закрывших грудь твою, молоденькая!

Султанша пред тобой подобна рабе.
Красавицы к твоей ревнуют судьбе.
Тобою любуюсь я, в одной лишь тебе
Лейли я узнаю, молоденькая!

Как деревце твой стан, лицо — нежный плод.
Заманчив блеск зубов, и губ сладок мед.
Тому, кого к тебе аллах приведет,
Отдашь красу свою, молоденькая!

Тебе тринадцать лет, Непес говорит,
И тюбетейки блеск, как солнце, слепит.
Вся в красном ты, и мне отраден твой вид,
И я тебе пою, молоденькая!

МЯТАДЖИ

(1822—1884)

ВЕРНЫЙ ПУТЬ

Тот, чьи деянья хороши,
Тот, кто ступил на верный путь,
Кто слово молвит от души,
Познает жизнь, постигнет суть.

Отважному все трын-трава,
Тверды дела его, слова.
Трус, увидав врага едва,
Спешит укрыться где-нибудь.

А ты, юнец, а ты, простак,
Смотри, не попади впросак,
Пусть в друга превратится враг,
Ты от него подальше будь.

Закон извечный миру дан,
В саду — цветок, в степи — джейран.
Слагает Мятаджи дастан,
Ему ночами не уснуть.

Г Д Е?

Где дни былые, лавки и духаны,
Все, кто меня пригрел впервые, где?
Все лучшие — во тьме, пути туманны,
Товарищи, мне дорогие, где?

Я всех могу назвать их поименно,
Пылает сердце, не сдержать мне стона.
Где наш былой покой, где власть закона?
Дутары, пери молодые где?

Я — Мятаджи, мне по ночам не спится,
Жду — ангел смерти должен появиться.
За помощью к кому мне обратиться,
Где дни мои, друзья былые где?

Ч Т О С Т А Л О С М И Р О М?

Когда к тебе заявится хаким,
Не жди, что он к тебе проявит милость.
Не жди, чтоб серна стала волком злым
И чтоб в змею лягушка превратилась.

Но изменился мир нам на беду.
Мышь ест людей, тигр плавает в пруду,
Стал ворон соловьем, и там, в саду,
Нет розы, лишь колючка уродилась.

Ты видишь: с львенком водится шакал,
Добычу волка заяц отобрал,
Хомяк в степи джейрана обогнал,
Кругом огонь пылает, что случилось?

Что стало с миром? Чтоб мне сердце сжечь,
Чтоб разум мой отнять, терпенье, речь,
Чтобы на гибель Мятаджи обречь,
Ты, Аннагюль моя, на свет явилась.

ПОВСЮДУ

Там хоть и зелен каждый склон и крут,
Дороги тем не менее повсюду,
В шелках и бархате веселый люд
На склонах гор в селениях повсюду.

И вод и скал родных — всего мне жаль.
Припомню их — гнетет меня печаль,
Как будто стрелы, пущенные вдаль,
Там скакуны в движении повсюду.

В родном краю мне б век не знать беды,
Там ветры, там обилие воды,
Там пастбища, там пашни, там сады,
Цветут цветы весенние повсюду.

Будь счастлив тот, кто думает о нас.
Друзья, печален мой истошный глас.
Что делать, пред грозой в недобрый час
Нам страшно, мы в волнении повсюду.

Коль цели ты достиг — так ей служи,
Своим родимым краем дорожи.
В земле чужой горюет Мятаджи,
Где б ни был, он в смятении повсюду.

С НАС ВЗЫЩУТ

Давайте, братья, здесь грешить не будем,
За все, что было здесь, с нас взыщут там.
Кто здесь помог копейкой бедным людям,
Великие получит тыщи там.

Жизнь не удержите, как ни держите,
Отца и мать на этом свете чтите,
Здесь не блудите и не клевещите,
Не то огонь вам станет пищей там.

Детей родив, их грамоте учите,
Чуть подрастут — к учителю ведите.
Вы лошадь здесь соседу отдадите —
И вам найдется табунище там.

Ступите здесь на верную дорогу.
Есть хлеб, вода и кров — так слава богу.
Кто здесь богатства не копил помногу,
Наверняка не будет нищим там.

Избегни здесь соблазна и сомненья.
Тем, что познал, делись без сожаленья.
Тобой постигнутое здесь ученье
Блеснет светильником в жилище там.

Не скажет Мятаджи, чего не знает.
Там праведников гурии ласкают,
Там из Ковсара жажду утоляют,
Блаженство праведник отыщет там.

НЕЛЬЗЯ

Друзья, мою, быть может, боль
Понять нельзя, понять нельзя.
С глупцом никчемным хлеб и соль
Вкушать нельзя, вкушать нельзя.

Юнец, пойми ты наконец:
Какой ни есть ты удалец,
Невесту, чей отец глупец,
Желать нельзя, желать нельзя.

Хоть ты и слово «мед» изрек,
Тебе не сладко, человек,
Иного беком, хоть он бек,
Назвать нельзя, назвать нельзя.

Я — Мятаджи, о чем мой стих?
Я говорю: цени родных.
Подмоги от людей чужих
Нам ждать нельзя, нам ждать нельзя.

МИР ЛИШИЛ

Коварен мир, мои согнул он плечи
И сил и вдохновения лишил.
Лишил он многих златоустов речи,
Почтенных — уважения лишил.

У всех судьба не может быть одною.
Она бывает доброю и злою.
Мир окружил иных родней большою,
Тех вовсе окружения лишил.

Одним он счастье дал, другим тревоги.
Есть много и счастливых и убогих.
Иным нужду он даровал, а многих
Богатых их владения лишил.

Шах, правивший страной во время оно,
Исчез, и ныне — ни страны, ни трона.
Мир злобен, нету для него закона,
Иных из нас он зрения лишил.

Родившись, человек по свету кружит.
Тот слезы льет, а тот живет не тужит.
Кого-то сделал мир ученым мужем,
Кого-то разумения лишил.

Утешась жертвою очередною,
Мир не проносит беды стороною.
Он счастья дружбы тех, кто был со мною,
Меня без сожаления лишил.

Проворный бег — суть скакуна лихого.
Суть мужа — сила, суть поэта — слово.
Мир у меня взял брата дорогого,
Меня он утешения лишил.

ИСТИНЫ

Перед богатым спину гнет
Должник, съедаемый нуждой.
Сгибают тысячи забот
Того, кто наделен бедой.

И если ты и бос и наг,
То над тобой смеется всяк.
Проходит друг, проходит враг,
Не поделясь с тобой едой.

Но если станешь вдруг богат,
Для всех ты будешь друг и брат,
В твою кибитку поспешат
Все, кто пренебрегал тобой.

Смеяться на поминках грех,
Смеющийся позорит всех.
Кабан в лесу, где ходит лев,
Не похваляется собой.

Ты старше станешь и поймешь,
Что счастья не приносит ложь,
Что там, где пляшет молодежь,
Не пляшет человек седой.

И если у тебя добра
Хоть вся Хива и Бухара,
А враг твой меньше комара,
Не смейся над его враждой.

Когда тебе под шестьдесят,
Будь не казной — умом богат.
Пусть будет, Мятаджи, в сто крат
Мудрей тебя наставник твой.

ОДАРИТ

Усерден будь, земля и скот
Твое служение одарит.
Руном овечка каждый год
Во дни весенние одарит.

Людей достойных где найдешь?
Везде царят обман и ложь.
К ишану если подойдешь,
Тебя презрением одарит.

Будь добрым к дочери родной.
Отдашь ее ты в дом плохой,
Твой зять потом тебя хулой
На все селение одарит.

Подлец чуть что — вступает в бой.
До власти человек худой
Дорвется, и весь край бедой
Его правление одарит.

Плохи слова иль хороши,
Спел Мятаджи их от души.
Цените соловья-бахши,
И он вас пением одарит.

ЕСТЬ ЛИ?

Скажите, в мире человек,
Судьбу переменивший, есть ли?
С любимой разлучась навек
И это переживший есть ли?

В огне влюбленные горят,
В разлуке стонут и кричат.
Все горы перерыл Фархат.
Другой все перерывший есть ли?

Нет вечных гор и вечных рек.
На белом свете человек,
Не разлучаясь целый век,
С возлюбленной проживший, есть ли?

Мне, Мятаджи, за шестьдесят.
Ум помутнел, померк мой взгляд.
Другой такой увядший сад,
Надежду схоронивший, есть ли?

МИСКИНКЛЫЧ
(1845—1906)

КОГДА ЛИШИТСЯ

Грустит красавица, когда
Подруги дорогой лишится.
Стучится в двери к ней беда,
Когда красы былой лишится.

Примерно лет до двадцати
Ей наливаться и цвести.
Но после двадцати пяти
Всех чар своих с тоской лишится.

В ней жар найдешь и в тридцать лет,
Но в сорок пять в ней проку нет,
А в пятьдесят ее портрет
Всей прелести живой лишится.

Глядишь, зубов жемчужный ряд
Исчез,— ей скоро шестьдесят.
Начнут смеяться все подряд,
Когда ума порой лишится.

А если в довершенье бед
Ослепнет в девяносто лет,
Считай — она покинет свет
И суеты земной лишится.

Овезбике, судьбу кляня,
Не согласится жить ни дня,
Когда на склоне лет меня,
По воле рока злой, лишится.

НЕ БУДЕТ

Когда тираном станет шах,
Любви к нему святой не будет.
Охватит правоверных страх,
И веры никакой не будет.

Шах ненасытен, потому
Придумает поборов тьму.
Служить защитой никому
Закон в стране родной не будет.

Чтоб по миру пустить людей,
С последних нищенских рублей
Шах дань возьмет казне своей,—
Краснеть злодей такой не будет.

Есть книга податей — диван,
Что ни страница, то обман.
Бедняк, страдающий от ран,
Всю жизнь терпеть разбой не будет.

Ученым козни строит шах,
Готов весь мир повергнуть в прах.
Но захлебнется он в слезах,
И власти роковой — не будет!

Он наживет себе врагов
И в стане собственных бойцов.
Презренный шах! В конце концов
Престола под тобой не будет...

Я, Мискинклыч, страдаю сам,
Проклятье шлю я палачам.
И, если внять моим словам,
В оковах край родной — не будет!

САХИБДЖЕМАЛ

(Конец XIX — начало XX века)

РАЗ — В ТРИ ДНЯ И РАЗ — В ЧЕТЫРЕ ДНЯ

Черноокий, вспомни обо мне
Раз — в три дня и раз — в четыре дня,
Чтобы слез не лить мне в тишине
Раз — в три дня и раз — в четыре дня.

На луну оттуда погляди,
Память обо мне храни в груди;
В наш аул, мой стройный, приходи
Раз — в три дня и раз — в четыре дня.

Милая твоя — Сахибджемал,
Ты бы в ней огня не зажигал...
Приходи же, молод и удал,
Раз — в три дня и раз — в четыре дня.

МОЕ ДИТЯ

Цветку подобный! Не унять мне горьких слез:
Где стан-чинара, где твой лик, мое дитя?..
Ах, почему ты до рассвета не дорос?
Сгубила осень твой цветник, мое дитя!

В саду зеленом был ты розовым кустом,
Душою душ, благоухающим листом...
Покинуть землю — мог ли думать ты о том?
Любви живительный родник, мое дитя!

Какая мать своих забудет сыновей?
Тебя насытит разве роза, соловей?
Судьбу просила я: печаль мою развей —
Да как удержишь сердца крик, мое дитя?

Мечтала я тебя украсить серебром,
Увидеть первую победу над врагом...
Я говорила: «Ты войдешь в просторный дом...» —
Кто мог предвидеть смерти миг, мое дитя?

Лечу к тебе, как на светильник — мотылек,
Вся обгорела я, мой разум изнемог,
Я в жарком пламени от головы до ног,
Мой дух в отчаянье поник, мое дитя.

Сахибджемал, тебя с ума свела беда...
Ужель я сына не увижу никогда?
Осталось ждать мне только Страшного суда —
А вдруг наступит встречи миг, мое дитя?

КЁРМОЛЛА
(1872—1934)

В КУРИЛЬНЕ ТЕРЬЯКА

Лежебоки! Привет, коль не сдохли вы.
Да очистит аллах, курильщики, вас!
Ваши сморщены шкуры, иссохли вы!
Да очистит аллах, курильщики, вас!

Что ж на ваших губах ни кровинки нет?
Что ж пред вами еды ни крупинки нет?
Разве близких, чтоб справить поминки, нет?
Да очистит аллах, курильщики, вас!

Вчетвером, впятером, стеная, лежат.
Ни голов нет, ни спин,— лишь кости торчат.
Посмотрю я — как тускл их жизни закат!
Да очистит аллах, курильщики, вас!

Этот мнит Рустемом себя — кичлив,
Тот его одобряет, яд закурив,
Третий что-то бормочет, слюни пустив...
Да очистит аллах, курильщики, вас!

Жалок этот, что с ядом во рту, в ноздре.
Есть не даст он голодной своей детворе.
Накурившись до бреда, блюет на дворе.
Да очистит аллах, курильщики, вас!

Вот с усердием этот чешет себя,
Тот, укрывшись полой, ядом тешит себя.
Третий: «Нынче прикончу,— брешет,— себя!»
Да очистит аллах, курильщики, вас!

Вши за пазуху лезут. Пусть! — не впервой.
Псы за дверью голодной воют гурьбой.
Укрывайтесь, друзья, от них с головой,
Да очистит аллах, курильщики, вас!

Тени выгоды нет от куренья вам.
Яд сулит лишь тень наслажденья вам.
Ненавистны слова сожаленья вам.
Да очистит аллах, курильщики, вас!

На красивого яд нагнал черноту,
Обрекла его порча на маету.
Все нутро подвело, как зимой скоту.
Да очистит аллах, курильщики, вас!

Тот ослаб — рядом с ним и комар силен;
Хочет встать, а его оглушает сон.
Лишь почуяв терьяк, вскочит, встрепан, он.
Да очистит аллах, курильщики, вас!

Их немало, чьи души — точно зола,
Не имеют родного нигде угла.
Стал от яда калекой и Кёрмолла...
Да очистит аллах, курильщики, вас!

МОЛЛАДУРДЫ
(1886—1922)

САРАНЧА

Саранча налетела, и люди в беде,
От посевов следов не отыщешь нигде;
Все замолкли, опять пребывают в нужде —
Разорила несчастный народ саранча.

Саранча желтовата, а крылья красны,
Грозной тучей слетает она с вышины,
А глаза у нее, словно гибель, темны,—
И ведь знает, куда прилететь, саранча!

Упадет она с неба, как будто бы снег,
Ровно в полдень она совершает набег,
Все сровняет с землей — погибай, человек!
Разорила несчастный народ саранча.

Саранча словно в желтый одета чекмень,
Пролетает она — затмевается день
И на разум какая-то падает тень,—
Людям голод и смерть принесла саранча.

Шейки хищников злых — с золотым поясом,
Налетают они на конях и пешком;
Оглядись, ничего не осталось кругом,—
Разорила несчастный народ саранча!

ШЕРСТЬ ПУСТЬ ЛЯЖЕТ ЗАВИТКАМИ

Подстриги короче шкурку, сшей хороший мне тельпек,
Шерсть пусть ляжет завитками, кожа будет пусть нежна.
Если выкроишь как нужно, проношу я шапку век...
Ну, а сверху пусть немного будет суженной она.

Если длинной шерсть оставишь — заслонит от взора свет.
Чтоб красивой стала шапка, братский выслушай совет:
Мастер опытный сумеет сам найти для шапки цвет —
Или белый, или красный, или будет пусть черна...

Добрых слов простого друга никогда не отметай,
Если дал ты обещанье — неизменно выполняй.
Если ты сошьешь мне шапку — форму нужную придай.
На колодке подходящей постоять она должна...

Мне без рук твоих умелых положиться на кого?
Ты старательней работай, совершенствуй мастерство.
Пусть тельпек с кистями будет, ты парчой расшей его.
А вверху обшивку сделай всю из черного сукна.

АХМАД-МАХДУМ ИБН НОСИР ДОНИШ
(1827—1897)

БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ПОДАРЕННЫЙ ГЛОБУС

Страмахов, пробный камень ты для золота наук
Ты, как Асаф, в делах избрать умеешь путь благой.

Читавшие мои стихи не слали мне даров —
Ты одарил меня, хоть стих тебе неведом мой.

Кто щедр, тот серебро свое разделит с мудрецом —
Ты, зная тайны бытия, их разделил со мной.

Скажу я: выше всех богатств достоинства твои,
В руке ты взвесил свод небес и дивный шар земной.

* * *

Мне говорил один мудрец, что шаху
Приличествует по его размаху

Дворцовые открыть широко двери
Для тех, кто сведущ в красоте и вере:

Философу, во-первых, ибо он
Глубинами познаний умудрен;

Врачу затем, чья колдовская сила
Одним дыханьем счастье приносила;

Затем за врачевателем идет
Провидец будущего — звездочет;

Потом певец, которого мы ценим
За то, что душу облегчает пеньем;

Потом писец, чья сладостная вязь
Между людьми установляет связь;

И наконец, поэт, что дивной песней
Нас приобщает к высоте небесной.

Наличие любого из людей,
Подобных этим,— украшенье царства.

Властитель! Их душою овладей —
И ты добьешься возвышенья царства.

Ведь ясно для раба и для царя,
Что дар людской дороже янтаря.

И никакое серебро и злато
Не будет здесь достаточною платой.

Так почему же молча ты глядишь
На то, что твой слуга Ахмад Дониш,

Который и мудрец и врачеватель,
Который и писец и прорицатель,

Тот самый ослепительный Ахмад,
В чьем дивном пенье соловьи гремят,

Что гением поэта обладает,
В твоей стране, как нищий, прозябает?

Зачем все дни его омрачены?
Зачем от горя взгляд его тяжел?

И отчего огни его черны,
Черны, как бел его литой котел?

Зачем бесстрастно смотришь ты, эмир,
На то, что возмущает целый мир?

Я средь поэтов — голос боевой!
Кто одолел меня певучей речью?

Средь мудрецов слыву я «головой»,—
Какая мысль не шла ко мне навстречу?

Орла превыше и мудрей змеи,
Во мне кипят могущества мои.

Но если стал я нищ — не диво это!
Суди царя по бытию поэта.

АДЕЛИНЕ ПАТТИ

Вот легкою стопой, чуть приподнявши платье,
Венерою в мехах идет актриса Патти.

Все замерло, она лишь бровью повела —
И звуки полились по золотой палате...

И мы вздохнули все. Вдруг трепет серебра
Из горла соловья, на сладостном раскате,

Пронесся по толпе, как по ночным садам...
А сердце гурии гремит сердцам: «Пылайте!»

АБДУЛКОДИР ХОДЖА САВДО
(1829 — 1873)

* * *

О сердце! Пользу ты нашло ль от упований? — Нет!
Давали саженцы плоды в садах мечтаний? — Нет!

Искало, сердце, друга ты все долгие года,
Искало друга — не нашло, плодов исканий нет.

Так не надейся на меня, советчик бедный мой.
Иль ты видало правоту моих деяний? — Нет!

И на вопрос моих друзей я б отвечал одно:
Хочу сокровища любви — иных желаний нет.

Отшельником давно я стал,— зачем безумцем слыть?
Сама печаль я, но светлей моих страданий нет.

Ханжа из жизни создает лишь стойло для ослов.
Он по делам своим — осел, глупей созданий нет.

Есть заповедные врата возлюбленных, Савдо.
Ты об иных врагах мечтал среди скитаний? — Нет!

* * *

Говорю: «Стала жизнь моя небытием без тебя!»
Отвечает: «Ну что за беда, проживем без тебя!»

У дверей кабака станет прахом моя голова,—
Я, бродяга, найду ли дорогу в свой дом без тебя!

О дарующий жизнь музыкант, дай приникнуть к устам,
Я бы ожил на миг, ведь дышу я с трудом без тебя.

Правда, знаю я средство продления жизни моей —
Это кудри твои,— брежу их завитком без тебя.

Если есть у меня хоть немного богатства души —
Всё любимой отдам. Всё отдам! Что мне в нем без тебя?

По заслугам любой от тебя получает ответ,—
Ты — царица стиха, но посланье прочтем без тебя.

Утопаю в грехах, но надеюсь на милость твою,—
Чем я был бы в греховном бессилье моем без тебя!

Кто к разлуке привык, чье пристанище вечная скорбь,
Тот покоя достиг,— не грустит ни о чем без тебя.

Благодарности мед, сладость гордой немой нищеты
Тот изведал, кто был твоим верным рабом без тебя.

Я хотел повторить полустишие милой моей,
Но несчастный Савдо не владеет стихом без тебя.

Те слова, что сказал я в начале касыды моей,
Повторю: «Стала жизнь моя небытием без тебя!»

СОМИ МИРЗО АЗИМ БУСТОНИ
(1840 — 1907)

* * *

С тех пор как зодчим возведен лазурный купол над землей,
Судьбой на голод обречен, лишь кровь свою ученый пьет.

Крылатый конь, скакун лихой подков златых не получил,
Меж тем по улицам осел в парче и в бархате идет.

«Своею кровью будешь сыт»,— судьба сказала мудрецу,
Меж тем безмозглому глупцу несут на стол вино и мед.

Кто сердцем и умом высок, того преследует беда,
Меж тем насильнику в шелках — от неба тысячи щедрот.

О время, как порочно ты, как мерзостны твои дела,
Когда кровавому шуту ты отдаешь под власть народ!

ШАМСИДДИН-МАХДУМ ШОХИН
(1859—1894)

* * *

Красавица, от глаз твоих покоя нет душе моей,
Мне снится твой алмазный лик и шелк рассыпанных кудрей.

Я ранен стрелами ресниц, кинжалами бровей пронзен.
Мой ангел, мой прелестный враг, раба плененного убей!

Сказал я: «Исцели недуг — любовь измучила меня!»
Она в ответ: «Терпи, мой друг, до дна отравы кубок пей».

Кому испить хоть раз дано уст искрометное вино,
Тот будет до скончанья дней во власти сладостных цепей.

Пленяет нежною игрой меня красавиц юных рой,
Но сердце предано одной, не слышит ласковых речей.

«О чем мечтаешь ты всегда?» — она спросила у меня.
В ответ я: «Разреши, молю, коснуться мне фаты твоей.

Я слепну от пролитых слез. Что зренье возвратит очам?»
Она в ответ: «Пыль тех дорог, где виден след ступни моей».

Сказал я: «Бедный пленник твой, томлюсь в силке душистых кос,—
Взгляни — я оплетен кольцом душистых, шелковистых змей.

Я стал подвижником любви, земные блага я отверг,
Тебе, любимая, служу, изнемогая от скорбей».

Шохину на пиру любви досталась соль пролитых слез.
Стихи печальные его — теперь забава для людей.

* * *

Ты наши жизни в плен берешь — мы за тобой идем вослед.
На ясный день твой лик похож, от глаз твоих исходит свет.

Тугие косы заплела, черней вороньего крыла,
Ты смертных всех с ума свела,— о пери, ты источник бед!

Скажи мне, кем ты рождена, кому ты в жены суждена?
Ты, словно гурия, нежна, тебе подобной в мире нет.

В Египте древнем сладок мед, но слаще меда дивный рот,
Румянец на щеках цветет, зари весенней алый цвет.

Печально на душе моей, терплю я муку много дней,
Страдальца, пери, пожалей, дай мне услышать твой привет!

Я — мотылек, сгореть хочу, лечу на яркую свечу.
Тебе я жизнь свою вручу... Погибну я во цвете лет.

* * *

Нет худшего порока в наше время,
Чем умудренности святое бремя,

Не наживешь иного, кроме зла,—
Не мудреца ведь чтут здесь, а осла.

Лети ж, мудрец, премудрою совою
Туда, где нет «небес» над головою:

Быть может, в этом сказочном краю
Развеешь думу скорбную свою.

Ужель, Ширин, все дни и ночи кряду
Ты рудокопу повелишь Фархаду

Киркою рыть до гроба Бисутун?
Ужели, царь, из этих лирных струп

Киркой, о камень скорби заостренной,
Я должен извлекать глухие стоны?

Нет, унесу свой одичалый вой
Туда, где нет «небес» над головой!

Теперь, когда угрюмое ненастье
Заставило забыть меня о счастье,

Когда туман объемлет кругозор,
Когда дурман сплетает свой узор,—

Теперь-то и подняться над землею
Туда, где нет «небес» над головою.

Или душа поэта такова,
Что может преклоняться, как трава?

Или Шохин не означает «сокол»?
А стих его не залетел высоко ль?

И обаянье голоса его
Волшбой не пристыдило естество?

Иль похвалы ему не расточались?
Иль «небеса» над ним не издевались?

Чего ж ему еще осталось ждать?
Так вознеси свою соколью стать

Любой тропой, хотя б и роковою,
Туда, где нет «небес» над головою!

ТОШХОДЖА АСИРИ
(1864—1915)

* * *

Ах, что такое человечность? Путь к свету, на восток, держать.
В узде времен коня мгновенья — как ни был бы высок — держать.

Во всяком, даже малом, деле хранить зерцало чистоты
И в самой малой доле сердца извечный огонек держать.

Быть вечно устремленным к правде, восторги другу посвятив,
Его в груди своей безмерной, а вовсе не у ног держать.

Разбив страницы сущей правды на клетки вдоль и поперек,
Ячейку безупречно ровной и вдоль и поперек держать.

Алмазу взора придавая росу туманную стыда,
Для окружающих стыдливость глубоко между строк держать.

В миг испытанья шлем терпенья надеть на скорбное чело,
Чтоб ледяною волей душу, как холодом поток, держать.

Как пальма, простирая тени на всех измученных в пути,
Себя средь роз багряных скромно, как серый стебелек, держать.

Всегда стараться быть свободным от двуединости души
И, сладких слушая монахов, на языке замок держать...

Увы! От этих лицемеров, изображающих святых,
Ты никуда не удалишься, нигде не скроешься от них.

Уйди по-львиному в пустыню иль в камышах найди свой кров —
Растянут черной паутиной религиозный свой покров.

Но ты, о друг мой, с недоверьем на это рубище взирай,—
Пираты в океане веры! Грабители у входа в рай!

Пускай на теле власяница — в дому румийская парча.
О, если б можно бы омыть их водой холодного меча!

ОТВЕТ ПОЭТУ, КОТОРЫЙ СПРАШИВАЛ О ПОЛОЖЕНИИ В ХОДЖЕНТЕ

Здесь положение — хоть плачь, и улучшенья нет.
Питаемся отчаяньем, а насыщенья нет.
По щиколотку летом — пыль, зимою — грязь в жилищах,—
Вот все убранство их, других там украшений нет.

РУБАИ

1

Пропорхнула жизнь моя, как весенний ветерок,
День и ночь мои обрек на страданья злобный рок.
Глаз, бывает, я сомкнуть не успею — ночь прошла,
Веки чуть смежу — гляжу: день уже отбыл свой срок.

2

Хоть и венценосец ты, хоть великим ты слывешь,
Хоть подчинены тебе земли и моря, а все ж —
Сея просо, не мечтай, что оно родит пшеницу:
Что посеял, только ты впоследствии пожнешь!

3

Разочарованием небосвод меня клеймил,
Он мне сердце истерзал, душу скорбью ущемил.
В одиночестве сгорел я надгробною свечой —
И забудут обо мне все, с кем жил, кто был мне мил.

МУХАММАД СИДДЫК ХАЙРАТ
(1878—1902)

САТИРА НА НАЧАЛЬНИКА НОЧНОЙ ПОЛИЦИИ БУХАРЫ

Толстобрюхий! Сидишь ты в седле, а подобен свинье.
Что за странность: ты стал главарем людоедов-волков!
Кто видал, чтобы волки вождем признавали свинью?
Ты — свинья, но по нраву ты волк, ты таков, ты таков!
Впрочем, злобный ты волк иль свинья — людям ясно одно:
Твой эмир — с волчьим правом свинарь, он — вожак подлецов!
Ты преступников ищешь? Главарь грабежей, постыдись:
От твоих мы страдаем воров, от эмирских воров!
Покрываешь злодеев ночных под покровом ночным,
И в опасности ныне у нас каждый дом, каждый кров!

МУСАДДАС

Предела горя я достиг, мой жребий страшен и жесток.
Истерзан в сердце у меня, изранен каждый уголок.
О развлеченьях я забыл, от наслаждений я далек,
Нет кубка у меня в руке, к вину я не ищу дорог.
Меня бы и цветущий сад в моей печали не привлек,
И неохота мне теперь понюхать иль сорвать цветок.

Мне больно видеть, как вокруг путем неправым жизнь идет,
Мишенью выбрали меня печаль и постоянный гнет.
Тоска, тоска со всех сторон — день изо дня, из года в год.
Я цели не могу достичь, я не могу идти вперед,
Я места днем не нахожу, я истомился от невзгод.
А ночью в скорби я брожу и мне не светит огонек.

О сердце, радости сосуд, что опрокинут кверху дном,
С тебя теперь сошла глазурь, ты не наполнено вином,
В тебе тоска моя живет, усиливаясь с каждым днем,
Ты умираешь наконец, объято медленным огнем.
Где страсти, где мечты мои? Погибли, стали темным сном,
Живу без мысли, без страстей, в своем унынье одинок.

Скажи, по прихоти какой ты спрашиваешь обо мне:
Здоров ли я? Нет, болен я, от слов мне тяжелей вдвойне!
Разбит я злобною судьбой, я горько плачу в тишине,
Я истощен, согбенный стан подобен молодой луне,
Не жаждет радости душа, она расплавлена в огне,
Остыло сердце, бедный ум из-за разлуки изнемог.

Из-за насилья наших дней, что мерзко угнетает нас,
Как у Хайрата, у меня опали крылья, дух погас,
Душа томится в кандалах, не слезы — кровь течет из глаз,
Как эта рифма, скорбь моя повтор находит каждый раз.
Я, как подстреленный птенец, в пыли, в крови лежу сейчас,
Найди я ворона крыло — я и под ним спастись бы смог!

ТОГОЛОК МОЛДО
(1860—1942)

ЧУМА

«Ох, семья моя велика,
И корова для нас, что мать,—
Не протянем без молока —
Не спеши ее отнимать,
Отступись, отойди, чума,
От коровы ты откажись,
Оглянись, посмотри сама
На бедняцкую нашу жизнь.
О чума, отпусти, молю,
Отпусти корову мою,
Пожалей ты моих детей,
Сосчитай-ка мою семью!
Десять ртов у меня, гляди!
Чем я стану птенцов кормить?
Пощади, чума, пощади,
Не руби последнюю нить!
О чума, в чем моя вина?
Ведь корова у нас одна,
Не души ее, не души,
Чтоб не плакали малыши...»

Но мольбе не вняла чума
И корову взяла чума —
Задавила жертву она,
Осушила родник до дна.

Молока семье не видать.
Вновь поет-причитает мать
О корове, которой нет,
О чуме, что застила свет:

«Нас корова кормила, с ней
Мы не знали голодных дней.
Подарил кормилицу тесть.
А теперь нам нечего есть...
Всем корова нужна была,
Всем по нраву она была —
И знакомые и родня
Предлагали взамен коня.
Но дороже любых коней
Нам корова наша была,
Мы не ведали горя с ней —
Она полной чашей была.
Золотое вымя ее —
Благоденствие и покой...
Но лихое пришло житье,
Мы не ждали поры такой.
Десять бедных моих птенцов!
Черный день к нам в юрту пришел.
На веревке висит кольцо,
А в земле — сиротливый кол...
Я рыдаю скорбя, чума,
Я слезами вся истекла,
Проклинаю тебя, чума,
Ты на смерть семью обрекла!»

1888

ЖАЛОБА ДЕВУШКИ, ВЫДАННОЙ ЗАМУЖ ЗА СТАРИКА

Солнце раннее не взошло над отрогами гор крутых,
И не слышала ничего я о сверстниках молодых.
Не спустилось солнце еще за отроги высоких гор,
Что за слово это — жених, я не ведала до сих пор.
На погибель, ох, на беду
Я за старца замуж иду.
Разве замуж так выдают?
Как овцу меня продают.

Слезы лью у всех на виду,
За хромого замуж иду.
За горбатого старика,
За богатого старика.
Словно лошадь на поводу,
Против воли замуж иду.
Старика я буду женой.

Продал дочку отец родной,
Сторговались, сошлись в цене...
Горе горькое бедной мне!
Гонят замуж, как на убой.
Грех, отец мой, великий грех,
Проклинаю тебя при всех:
Рухнет дом, что сложен тобой,
Околеет твой жеребец,
И развалится твой дувал,
Ты для дочери зверем стал.
Проклинаю тебя, отец!

Жить я буду, тебя кляня.
Ты родное дитя продал.
Много ль взял, отец, за меня,
Много ль денег за дочку взял,
Породнившись с баем седым?
Проклинаю я твой калым.

Аманбек, ты старший мой брат,
Мы резвились в одном саду,
Ты в беде моей виноват —
Не сумел развеять беду.

Мы с тобой дружили, джене,
Брата старшего ты жена.
Не пришла на помощь ко мне,
Не простится эта вина.

Если б мама жива была,
Дочь в обиду бы не дала.
А отец — он продал меня,
Чтоб поправить свои дела.

Плачь, несчастная, плачь, Эркеч,
Что теперь красоту беречь.
Чем женою быть старику,
Лучше сразу в могилу лечь.
Стал постылым мужем старик,
А кому он нужен — старик?

Что мне бархат и что шелка,
Лютой смерти хуже старик.
Не пришлось мне жить молодой.
Кто считается с сиротой!
«Скот в большом хозяйстве нужней»,—
Рассуждает родитель мой.
И надежды мои в пыли,
И желанья не расцвели,
Осыпает яблоня цвет,
Вместо сверстника-жениха
Стал мне мужем трухлявый дед,
Я зачахну во цвете лет,
Как могила, буду тиха.

1890

ЖАЛОБА ДЕВУШКИ, ВЫДАННОЙ ЗАМУЖ ЗА МАЛЬЧИКА

Грозный свекор мой — Шеримбай,
А отец мой — бай Карабай.
Я при муже, а не жена,
Я томлюсь ночами одна.
Возле дома дувала нет,
Тени в зной самой малой нет,
Негде скрыться, как на беду.
Мне исполнится двадцать лет,
С кем же душу я отведу?
Старики собрались на той,
На ковре они сели в круг.
Жиром лоснится, золотой,
Перед ними в миске курдюк.
Шестилетний глупый малец
Мужем сделался Анаркуль.
Вековухою лучше быть,
Пережить я это могу ль?

Проклинаю тебя, отец,
Пред людьми унизил меня,
За мальчонку выдал силком.
Не взберется муж на коня,
Не приедет за мною в дом.
С верховой ездой незнаком,
Неумел он и неуклюж,
Смех и горе — ребенок-муж!
Умереть бы мне от стыда!
Мужа этого до сих пор
Я не видела никогда!
За погодка бы замуж мне!
Не гордилась я женихом.
Не явился к моей родне
На коне своем он гнедом.
В юрте не было молодух,
Обступивших шумно кругом,
Поздравлявших невесту вслух,
Говоря: «Ай, славный жених!»
Почему мне радости нет?
Анаркуль ли хуже других.
Двадцать пять проплакала лет.
Самых лучших лет молодых. . .
Кем я проклята? Там и тут
Старой девкой меня зовут.
Все позорят Анар вокруг.
Есть ли ночь без горя, без мук?
Есть ли жизнь для бедной меня?
Если замужем мне не быть,
Мне сиянья не видеть дня.
Если выйду из юрты вдруг,—
Если гляну на горный луг,
Поднимусь я на ближний холм,—
Посмотрю, не едет ли друг,
Мой жених желанный, верхом,—
То увижу одни стада...
Равнодушный пасется скот.
Гор зазубренная гряда,
Где терновник колкий растет,
Две березки, ельник густой
Не услышат жалоб моих.
Стопудовый не сдвинуть куль...
Плачь, несчастная Анаркуль,
Не приедет к тебе жених!

Горе мыкать мне предстоит,
Не приедет статный джигит,
Погоняя тулпара вскачь.
Тот, кто мил мне, кто сердцу люб...
Лучше б в свекоры — карагач,
А в мужья бы ветвистый дуб!
Позабыла б я горький плач,
С женихом въезжая в аил,
Стала радостной, расцвела...
Ох, тоска меня извела,
Я измучилась, нету сил!
Столько горя принесший мне,
Пусть сгорит отец мой в огне.
Шеримбаю он продал дочь,
В душной юрте и день и ночь
Я в слезах живу, как вдова,
Обвенчали меня с юнцом...
Если б дядя — отцу он брат —
Разговор бы начал с отцом,
Упросил бы его назад
Шеримбаю вернуть калым,
Развести с мальчонкой меня
И с ровесником обвенчать,
С молодым, любимым моим,
Наши судьбы соединя,—
Перестала бы я рыдать.
А не справят свадебный той,
Чем при муже гибнуть вдовой,
Пусть зароют в землю живой.

1890

О СОБАКЕ, КОТОРАЯ ХОТЕЛА СШИТЬ СЕБЕ ХАЛАТ-ДООЛДАЙ

I

«Лютой злою зимою
От стужи околеваю,
Зубами стучу и вою,
Мечтаю о доолдае!

Меня доолдай согреет.
Ай, хорошо в доолдае!
Ох, весна бы скорее,
Наймусь я на службу к баю.

Стану пасти отару,
Наймусь к хорошему баю,
Буду работать не даром
И буду к зиме в доолдае.

Много шерсти овечьей
Возьму в награду у бая
И буду в тепле, беспечно
Лежать себе, размышляя...»

II

Но вот зима миновала,
Потом весна миновала,
И наша Собака забыла,
Как в снегу завывала.
Жаркое солнце светит.
Собака сидит без дела.
Язык непутевый свесив,
Нежится, разомлела...

Мимо бежит Лисица
И говорит с усмешкой:
— Время терять не годится,
Шей доолдай, не мешкай!

— Ах, Лисичка родная,
Кто мне шерсти предложит?
Что и делать, не знаю.
Кто мне, бедной, поможет?..

Ленивая эта Собака
Забыла, как выла, страдая.
За целое лето Собака
Не сшила себе доолдая!

1907

ТОКТОГУЛ САТЫЛГАНОВ
(1864—1933)

ПЯТЬ КАБАНОВ

Все вы воры — Акмат, Дыйкан,
Бактияр, Минбай, Атакан.
С вами — злобный Эгемберды,
Наготове у вас аркан.
Но теперь мы вам, подлецы,
Не дадим ни одной овцы,
Вы отныне нам не страшны,
Рыскулбековы кабаны!

Вся долина, все семь родов
Защитят и сирот и вдов.
Все четыре тысячи юрт
Перережут ваши пути,
Вашу черную кровь прольют,
От расплаты вам не уйти.
Обирать себя не дадим,
Не пропустим даже в Арым.

Если ты, Мырзакан, придешь,
Чтобы вспомнить былой грабеж,
Если ты придешь, Керимбай,—
Приготовим для встречи нож,
Разговоры будут просты —
Вспорем жирные животы.

Заносили вы каждый год
В книги все добро букары,
Забирали последний скот,
И терпели мы до поры.
Но дошел до края народ:
Не найти теперь и норы,
Не найти и клочка земли,
Где укрыться бы вы смогли!..

Знаем, все манапы давно
С богатеями заодно,
Не хотят беднякам помочь,
А у нас — аж в глазах темно.

Все подряд готовы забрать
Беспощадные кабаны!
Кожу с нас готовы содрать
Кровожадные кабаны!
Вам одно — напиться, пожрать,
Плотоядные кабаны!

Обескровили воры нас,
Истощили своей алчбой.
Доконали поборы нас,
Надоело терпеть разбой!

Перед вами — любой неправ,
Обираете, покарав,
Очумели — в десять коней
Наложили на старца штраф,
На беднягу Орозалы!
До чего впятером смелы!
Все, что есть у вас, кабаны,
Вы отняли у букары,
Из-за вас еще с той весны
Побираться пошел Сары.
С вами надо быть начеку —
Не прощаете бедняку,
Если он на статном коне,
Если конь хорош на скаку.
Нет у жадности вашей дна.
А у нас — найдется вина...
Опечалился Тоялы:
Атакан забрал скакуна.

Обозлившись, и у меня
Вы могли бы отнять коня,
Юрту, вещи к рукам прибрав,
Вы могли бы добавить штраф.
Вы убийцы, пять кабанов!
Кровопийцы, пять кабанов!
Вы могли б, мне живот вспоров,
Полизать горячую кровь...

Хоть злодейства не сокрушу,
В сердце гнев я не зря ношу.
Дважды мне все равно не жить,
И пощады — не попрошу!

1894

ДЕВУШКАМ

В свои атласные курме
Нарядитесь, девушки.
Пока веселье на уме,
Веселитесь, девушки.
Не возвратить счастливых дней,—
Блаженством юности своей
Насладитесь, девушки.
Кто сам не пляшет, не поет —
Смеющихся не признает,—
Не скучайте, девушки,
Жизнь драгоценная пройдет,
Так и знайте, девушки.

Свои атласные курме
Надевайте, девушки,
Пока наряды на уме,
Щеголяйте, девушки.
Пока прекрасны ваши дни,
Расцветайте, девушки,
Не возвратятся вновь они,
Так и знайте, девушки.

Цветите, как цветы цветут,
И влюбляйтесь, девушки.
Дни наслаждения пройдут —
Наслаждайтесь, девушки.
Играйте, пойте, смейтесь вы
И гуляйте, девушки.
На старость не надейтесь вы,
Так и знайте, девушки!

1897

В ИЗГНАНИИ

В руки дали топор тупой
И погнали глухой тропой.
Я тогда себе прошептал:
«Приготовься, твой час настал.
Получай в затылок свинец,
Обретай покой, наконец.

До могилы ведет тропа...»
Но — другою была судьба.

Огляделся — народ вокруг,
Сотни крепких надежных рук,
Все — на каторге, все — друзья,
Обездоленные, как и я.
Вон казах, татарин, узбек,
Вон киргиз и русский, гляди! —
Всех загнали в кромешный снег,
И у всех страданье в груди.

Я на родине правду пел,
Отхлестать кабанов успел,
Но манапы сказали: ложь!
Оплевали песню мою,
Оковали песню мою,
Где управу на них найдешь?

Бесконечен каторги срок,
И рассудок мой изнемог.
Пыль покрыла мое лицо,
Пыль изгнания, пыль дорог.
Далеко дорогой аил.
Дома жаворонком я был.
Мой народ, ты помнишь меня
Или, может, уже забыл?

Слыл на родине соловьем,
Разливал я песни рекой,
А теперь — погребен живьем —
Пни корчую в тайге глухой.
Провожу в молчании дни,
Провожу в страдании дни.
Мой народ, вспоминай меня,
Провожу в изгнании дни.
Ворочусь ли живым домой?
О, как бдителен тут конвой!
Я обдумываю побег,
Но в упор глядит часовой.
Вековые ели рублю,
Еле-еле я их валю,
Обессилел уже вконец,
И в руках и в ногах — свинец.

Сколько сил осталось в груди?
Сколько лет я в этом лесу?
Сколько мук еще впереди?
Сколько горя перенесу?
Тяжкий труд меня истощил,
Доконала меня ходьба...
Возвращусь ли когда в аил?
Что еще скрывает судьба?..

Но в унынье дальних дорог
Песни гор я в душе сберег...
И надумал сладить комуз —
Без комуза я жить не мог.
Пусть крута и лиха стезя —
Без комуза певцу нельзя,
Топором его мастерил,
Помогали мои друзья.
Раздобыли струны они,
Три струны певцу принесли,
И теперь коротаю дни
С горной песней, от гор вдали.
Из доски смастерил комуз,
Вырезал его по ночам...
Конвоиры глядят, боюсь,
Не понять меня палачам.
Как смогу я им объяснить,
Что не петь нельзя соловью?
Истончается жизни нить,
Если долго я не пою.
Мой комуз топором долблен,
Не комуз — сырая доска.
Но играю, в песню влюблен,
И бежит от меня тоска!
Мой комуз усталых бодрит,
Он надежду сердцам дарит.
Мой язык понятен не всем,
Но комуз — с любым говорит!
Сколько разных тут языков!
Всех пешком пригнали в тайгу,
Все влачат железо оков,
Не могу смотреть, не могу!..
Развлекаю друзей игрой,
Незаметно приходит ночь.

Конвоиры и те, порой,
Мой комуз послушать не прочь.
Но теперь я о том пою,
Что постиг в холодном краю.
О мученьях простых людей
Подобает петь соловью.
Путь изгнанников крут и слеп,
Он бесправен, жесток, нелеп.
Умираем с голоду мы,
Так уж скуден каторжный хлеб!
В снег лицом повалился друг,
Доконал непосильный труд.
Это горе поймет лишь тот,
Кто закапывал мерзлый труп.
Я от смерти на волоске,
Истомился в снежной тоске,
Истощился и — сам не свой —
Все мечтаю я о куске...

В муках каторги стынет кровь.
Молодые ушли года.
Неужели родимый кров
Не увижу я никогда?
Но играет верный комуз,
Отлегает от сердца груз,
Улыбаются мне друзья —
По душе им песня моя.

А начальнику донесли,
Что над снегом песня парит,
Что с людьми из любой земли
Мой комуз легко говорит...
И начальник средь бела дня,
Чертыхаясь и всех кляня,—
Размозжил о камни комуз,
В одиночку бросил меня.
Только песню не растоптал,
Песня вьется врагам в укор.

В муках каторги старым стал
Соловей поднебесных гор.

1906

ЗДРАВСТВУЙ, МАТЬ

Здравствуй, мать, здорова ли ты?
Тебе восемь десятков лет...
Я вернулся из темноты,
Пересек чуть не целый свет.

Ты вскормила меня молоком,
Ты была живым родником...
Да, судьба твоя нелегка.
Я вернулся. Издалека.
Мать, я жизнь за тебя отдам —
В добрый час меня родила,
Благодарен твоим трудам —
Ты мне силу предков дала.
А потом дивился народ:
И откуда такой акын?
Где он только слова берет?
Чей он родом и чей он сын?..
Да, я жертвою пасть готов
За тебя, дорогая мать.
Не жалела своих трудов,
Все готова была отдать...

Я вернулся из тьмы — живой.
Где же сын единственный мой?
Я в родные пришел края.
Где же сын, опора моя?
О копытце мое, сынок!
Я рыданий сдержать не смог...
Ты оставил в слезах отца.
Не застал Токтогул птенца.
Как росток, засохший весной,
Ты совсем молодым ушел,
Мой единственный, милый мой,
Ты растаял, как дым, ушел.
Ты умолк, птенец соловья,
Ты утих, кровинка моя,
Ах, могила твоя душна,
Как скорлупка, она тесна.
Я слезы удержать не смог,
Мой любимый напев ушел,
Как росток на корню, засох,
Расцвести не успев, ушел.

Ты закрыл глаза-зеркала,
Каково-то теперь тебе?..
Верю: в миг, когда смерть брала,
Не был ты покорен судьбе.
Знаю я — вырывался ты,
Не давался, метался ты,
Будто птаха в стальных когтях,
Бился и трепыхался ты...

Мать, вернулся твой сын Токо,
Был он в каторге, далеко,
Были дни его нелегки —
У тиранов остры клыки.
Изболелся твой сын душой,
Он вернулся из мрачных мест,
А его соколенок ушел,
Он покинул родной насест.

Мать, не плачь, не сгорай дотла,
Не терзай себя, не казни.
Ты и так в слезах провела
Все свои несчастные дни.
Ты слезами не мучай грудь,
Успокойся и лучше будь
Благодарна за то судьбе,
Что вернулся Токо к тебе.
Ты твердила: «Хоть раз взглянуть,
А потом умирать могу».
Одолел я великий путь,
В Забайкалье я жил, в снегу...
Я томился в тяжких сетях,
Обессилел, совсем зачах,
Но опять пред тобой стою —
Я теперь о тебе пою.

Дорогая, слезы утри,
Я остался жив, посмотри,
Верил я — обойду беду
И к тебе, наконец, приду.
Ты устала, родная, ждать.
Нелегко тебе, нелегко.
Я пришел, я вернулся, мать,—
Оправдать твое молоко.

1910

НАЗИДАНЬЯ

*

Если будешь достойно жить,
Добротою людям служить,
Станут все тебя уважать,
Захотят с тобою дружить.
И приветливым назовут,
И совет твой, гляди-ка, чтут,
А очутишься вдруг в беде,
То на помощь дружно придут.

*

Хорошо джайлоо тогда,
Если там пасутся стада.
И от пения соловья
Ива старая молода.
Если жаворонок поет,
То вдвойне прекрасен восход.
И душистей зеленый чай
Тем, кто с хлебом напиток пьет.
В самый жаркий палящий день
Ты ветвистую ценишь тень.
Поразишься ты кручам скал,
Если коз на них увидал.
И милей верблюдицы вид,
Коль верблюд за нею спешит.
Погляди на горы, джигит,
Недоступна их высота.
Если снег на гребнях лежит,
Совершенней их чистота.

*

Друг, без дела зря не лежи,
Если молод ты и здоров.
И еще совет мой таков,
Правду выслушай до конца,
Наставленьям внемли отца,—
Тайну жизни понял старик.

Поученья, друг мой, привык
Излагать я в звучных стихах.
Вникни в мысль мою глубоко,
И, в своих возвысясь глазах,
Скажешь: прав был старый Токо.

1913

ЫСАК ШАЙБЕКОВ
(1880—1957)

* * *

О, сладки денежки твои, да солон нрав,
За осень платишь ты весной, будь проклят, бай.
Ты постарался — рассчитался, обобрав,
Поиздевался надо мной, будь проклят, бай!

В двенадцать лет я стал жнецом, в двенадцать лет!
Будь проклят, бай, в двенадцать лет так мало сил!
Солома в пальцах — до костей! Но в сердце след...
Будь проклят, бай. Я спину гнул, но не просил.

1898

ГОРЕМЫЧНЫЙ НАРОД
(Отрывок)

...Скорбный путь твой окончится где
И когда, горемычный народ?!
Пусть ты спишь без кошмы, но была б
Хоть еда, горемычный народ!
Ничего не досталось тебе
От труда, горемычный народ.
У твоих лиходеев сердца
Изо льда, горемычный народ.
Состраданья не встретишь у них
Никогда, горемычный народ.
Просишь крова, глаза опустив
От стыда, горемычный народ.
Ты на лютое горе себе
Шел сюда, горемычный народ!
Неужель униженья твои —

Навсегда, горемычный народ?
Люди в лютой тоске разбрелись
Кто куда, горемычный народ.
Мы родимых своих разыскать
Не властны, горемычный народ.
Где же те, что далеко зашли
В глубь страны, горемычный народ?
Как суровы чужие пути,
Как темны, горемычный народ!
Как наказан ты белым царем
Без вины, горемычный народ!
Продал упряжь, а денежки где?
Все не впрок, горемычный народ!
Ты, растративши силу свою,
Падал с ног, горемычный народ.
Здесь надежное ладить жилье
Разве мог горемычный народ!
На воде заболтаешь муку —
Тем и сыт, горемычный народ.
Вволю здесь для тебя только скорбь,
Только стыд, горемычный народ.

Как от каждого нынче семья
Далека, горемычный народ!
И с друзьями сойтись — не найдешь
Уголка, горемычный народ.
Ты на голой земле отлежал
Все бока, горемычный народ.
Богатей не продаст бедняку
Ни куска, горемычный народ.
Как сурова дорога твоя,
Как тяжка, горемычный народ!
Истомили тебя нищета
И тоска, горемычный народ.
Здесь и в близком ты видишь теперь
Чужака, горемычный народ.
Здесь ты мяса не ешь и не пьешь
Молока, горемычный народ.
Все добро распродавши, живешь
Кое-как, горемычный народ.
Продаешь тонкорунную шерсть,
О бедняк, горемычный народ!
Сам себя продаешь — не прожить
Натощак, горемычный народ!

Ты вконец обездолил себя,
Словно враг, горемычный народ.
За гроши отдавал ты кошму
И ширдак, горемычный народ.
Ты вареную голень носил
На базар, горемычный народ.
«Вот дешевая голень!» — хвалил
Дрянь-товар горемычный народ.
Еле дышат от лютой нужды
Млад и стар, горемычный народ.
Белый чий с красной шерстью сплетя,
Продавал горемычный народ.
Перекрасив, распродал старье,
Обнищал горемычный народ.
«Добрый бек наш!» — притворно хвалил
Богачей горемычный народ.
Богачи не желают признать
За людей горемычный народ.
На душе у тебя с каждым днем
Тяжелей, горемычный народ.

Всю одежду свою, все добро
Продал ты, горемычный народ.
И писавшее песни перо
Продал ты, горемычный народ.
Ты арканы и седла понес
Продавать, горемычный народ.
Ты остался, оборван и бос,
Голодать, горемычный народ.
Продал шубу и шапку с себя
За гроши горемычный народ.
Все добро разбазарил дотла,—
Не дыши, горемычный народ!
Жеребята, что к баю ведешь,
Хороши, горемычный народ!
Малолетних детей продаешь —
Свет души, горемычный народ!
И похлебку продашь и казан,
Нищий наш горемычный народ.
Здесь не счесть наших бед, и обид,
И пропаж, горемычный народ!
Сложишь песню про злую судьбу
И продашь, горемычный народ!

1916

КАЛЫК АКЫЕВ
(1883—1953)

НУЖДА

Заставила ты с малых лет
Стать байским батраком, нужда.
Заставила в грязи, в хлеву
Спать вместе со скотом, нужда.

Ты молодую кость мою
Согнула горбылем, нужда.
Лишала слова мой язык
Ты перед болтуном, нужда.

Ты обескровила меня,
Покрыла сердце льдом, нужда.
Когда мне труд невмоготу,
Грозишь голодным днем, нужда.

Несчастному, ты служишь мне
Дурным поводырем, нужда.
В год черный гонишь за овцу
Ты в кабалу-наем, нужда.

Ты, душу истерзав, блуждать
Заставила слепцом, нужда.
Все годы нищеты бурдюк
Был за моим горбом, нужда.

Приедет сват,— ведешь меня
К соседу с просьбой в дом, нужда.
Беспомощный шатался я
Под злым твоим бичом, нужда.

Приедет друг,— и снова в долг
Баран в котле моем, нужда.
Среди друзей из-за тебя
Слыву я должником, нужда.

Ты в стужу лютую и в зной
Была худым шатром, нужда.
Обула в тряпки ноги мне,
Одела грудь рваньем, нужда.

Заставила ты землю рыть,
Я сросся с кетменем, нужда.
Заставила меня, глумясь,
Всю жизнь ходить пешком, нужда.

Мед слов моих из-за тебя
Стал горьким ковылем, нужда.
С безмозглым сыном бая мог
Сравняться ли я в чем, нужда?

Я не был болен, но с тобой
Стонал в бреду больном, нужда.
В пылу беседы обо мне
Шел разговор кругом, нужда...

Комузу-песне все отдав,
Я был всю жизнь певцом, нужда.
Простилась молодость со мной,—
Ты стала тяжким сном, нужда.

1907

БАРПЫ АЛЫКУЛОВ
(1884—1949)

МЫРЗАИМ

Как гора, что уходит ввысь,
Гордо ты встаешь, Мырзаим.
Там, где шесть арыков сплелись,
Воду ты берешь, Мырзаим.

Жеребенок ты огневой,
Ты красуешься, Мырзаим.
Слыша голос влюбленный мой,
Повинуешься, Мырзаим.

Лебедь — девственное перо,
Не идешь — плывешь, Мырзаим.
Ты на солнце, как серебро,
А не медный грош, Мырзаим.

Средь полыни над бережком
Перепелок охотник бьет.
Был и я хорошим стрелком
И без промаха целил в лет.
Я огнем сжигаем иным,
Я люблю тебя, Мырзаим.

Вдоль реки растет чернобыл,
Укрывает его туман.
Я охотником прежде был,
На куницу ставил капкан.
Я любовью к тебе томим,
Я люблю тебя, Мырзаим.

Берег озера невысок,
Там весь день сегодня пальба —
То охотники бьют сорок,—
Мне охотиться не судьба.
Я вздыхателем стал твоим,
Но не радуюсь, Мырзаим.

Взял охотник соболий след,
Мне до этого дела нет.
Стал угрюмым я и немым,—
Я люблю тебя, Мырзаим.

Ты — царица утиных стай,
Как тебя назвать, Мырзаим?
Птица сказочная, слетай
И на руку сядь, Мырзаим.

Ты и счастье, ты и беда,
Стань моей женой, Мырзаим.
Дай согласие, и тогда
Обрету покой, Мырзаим.
Только тигры боятся дня,
Ты же смелая, Мырзаим.
Если ты отвергнешь меня,
Дурно сделаешь, Мырзаим.
Хочешь, чтоб я плакал навзрыд
До скончания дней, Мырзаим?
Никогда не буду я сыт
Красотой твоей, Мырзаим.

Ты — кукушка, ночью нема,
Ты кукуешь днем, Мырзаим.
Столб поддерживает дома,
Ты держи мой дом, Мырзаим.
Хлеб сжинать твой желаю сам,
В поле быть с тобой, Мырзаим.
Трижды в день тебя видеть там,
Стань моей судьбой, Мырзаим.
Днем и ночью другом твоим
Я желаю быть, Мырзаим.

1910

СОПУ

Я сегодня спою о тех,
Кто, обманывая толпу,
За грехом совершая грех,
Называют себя сопу.

Ты, сопу, читаешь Коран,
А не ценишь его ни в грош.
На уме — грабеж и обман,
Ты — святоша среди святош.
Попиваешь бузу тайком,
Будто балуешься чайком,
И не страшен тебе аллах,
И не страшен тебе закон.
Что ни день — повторяешь грех —
Пьешь и прячешься ото всех,
Но откуда фальшивый страх?
Ведь не страшен даже аллах!
Что ни день, привычно, чуть свет
Забираешься на минарет,
Соревнуешься с петухом —
Раздираешь горло стихом —
Созываешь ты грешных нас
Поскорей совершить намаз.

Слышал я, как ты говорил:
«Хорошо кок-чай заварил!»
Синий чайник укутал ты...
Да немного напутал ты,
Ведь налил в него мусаллу
И не зря пригласил муллу!

Если так сам сопу грешит,
То и нам аллах разрешит...

Говорят: сопу никогда
Не возьмет чужого добра,
Ни плодов чужого труда —
Ведь рука у него добра.

Я не верю в святость его.
Погляди: пузатость его
Говорит открыто, что он —
Не из тех, кто блюдет закон.
Нечестивец носит суму —
Собирает налоги он.
Аккула, битир — все ему!
Неустанно в дороге он.
Проповедует шариат
И шипит: «Попадете в ад!»
Он последнюю лошадь взять,
Дармоед, за налоги рад.

Если я встречаю в пути
Мулл, сопу, ишанов, хаджи —
Я стараюсь их обойти,
Чтобы не утонуть во лжи.
Обхожу воровскую рать,
Обхожу любого из них:
Все готовы с тебя содрать,
Будто ты — их старый должник!

С петухом я сопу сравнил —
Петуха я зря очернил,
Ведь не он без удержу врет,
Обирая простой народ.

1910

ПРИМЕЧАНИЯ

ИЗ УКРАИНСКИХ ПОЭТОВ

Гулак-Артемовский Петро (1790—1865) — писатель, профессор, ректор Харьковского университета. Приобрел известность в литературе после опубликования ряда басен-сатир, где главным образом шла речь о произволе, чинимом помещиками над крепостными.

Боровиковский Левко (1806—1889) — поэт. Выступал как автор песен, баллад, дум, басен. Был также фольклористом и этнографом, собирал народные песни, пословицы, поверья. Работал над словарем украинского языка. Литературное наследие сохранилось не полностью.

Шашкевич Маркиан (1811—1843) — поэт, общественный деятель. Зачинатель новой украинской литературы на Западной Украине. Родился в семье священника. Окончил Львовскую духовную семинарию, был сельским священником. Возглавил литературный кружок прогрессивной молодежи «Русская троица», который ставил своей задачей просвещение украинского народа.

Стр. 29. *Хмельницкий* Зиновий Богдан (ок. 1595—1657) — гетман Украины, крупный государственный деятель и полководец. В стихотворении речь идет об осаде Львова во время национально-освободительной войны украинского народа войсками Богдана Хмельницкого (октябрь 1648 г.).

Устиянович Микола (1811—1885) — писатель, общественный деятель. Родился в семье служащего. Окончил философский и богословский факультеты Львовского университета. Печататься начал в 1836 году. Единственный прижизненный сборник вышел во Львове в 1860 году.

Стр. 30. *Полонина* — горное пастбище в Карпатах.

Стр. 31. *Черемош* — правый приток Прута. *Флояра* — пастушья свирель.

Гребенка (Гребинка) Евген (1812—1848) — украинский и русский писатель. Широкую известность получили его басни — «Малороссийские присказки» (1834; 1836). Отдельные лирические стихотворения Гребенки на украинском («Ні, мамо, не можна нелюба любить...») и на русском языке («Молода еще девица я была...», «Черные очи») стали популярными песнями.

Стр. 31. *Комиссар* — здесь: полицейский чиновник.

Гулак-Артемовский Семен (1813—1873) — композитор, певец. Родился в селе Городищи Киевской губернии. Учился в Киевском духовном училище. Его музыкальным образованием занимался М. И. Глинка. Одно время С. Гулак-Артемовский жил и учился в Италии, дебютировал как певец во Франции. Затем его сценическая деятельность протекала в Петербурге и Москве. В 1862 году закончил оперу «Запорожец за Дунаем», либретто к которой было написано им самим.

Стр. 33. *Байрам* (Курбан-Байрам) — праздник жертвоприношения, главный праздник мусульман, устраиваемый через семьдесят дней после окончания уразы (поста).

Костомаров Микола (1817—1885) — украинско-русский публицист, историк, критик, писатель. В 1844 году защитил магистерскую диссертацию «Об историческом значении русской народной поэзии». По инициативе М. Костомарова и его единомышленников в Киеве было организовано Кирилло-Мефодиевское общество. После его разгрома (1847) отбыл годичное заключение и был сослан в Саратов. В 1856 году был амнистирован. С 1859 по 1862 год — профессор Петербургского университета. С 1878 года — профессор Киевского университета по кафедре истории. М. Костомаров — автор ряда прозаических произведений, а также стихотворных сборников «Украинские баллады» (1839), «Ветка» (1840).

Стр. 35. *Адамашок* — шелковая восточная ткань. *Блаватас* — голубой шелк.

Стр. 36. *Кармазин* — старинная ткань алого цвета.

Щеголев Яков (1823—1898) — поэт. Родился в Охтырке Сумской губернии. Окончил Харьковский университет. Выступил в литературе в начале 40-х годов. Первый стихотворный сборник «Ворскла» вышел в 1883 году, второй — «Слобожанщина» — 1898-м.

Стр. 40. *Буджак.* — Так назывались в XVI—XIX вв. земли на юге Украины между устьями Дуная и Днестра. *Бунчук* — казацкий воинский значок — конский хвост на древке.

Стр. 44. *Хмель*—см. Хмельницкий. Прим. к стр.29. *Дорошенко* Михайло (ум. в 1628 г.) — гетман украинского казачества, погиб во время похода

на Крым. *Сирко* Иван (ум. в 1680 г.) — воспетый в народных преданиях кошевой атаман Запорожской Сечи, ревностный сторонник воссоединения Украины и России. Участвовал в походах на Крым. С именем Сирко связан рассказ о письме запорожцев турецкому султану, послуживший сюжетом для известной картины И. Репина. *Сковорода* Григорий (1722—1794) — украинский философ, просветитель-демократ, поэт.

Глебов (Глибов) Леонид (1827—1893) — поэт-баснописец. На формирование идейно-эстетических взглядов поэта оказали влияние Т. Г. Шевченко и русские революционные демократы. В 1861—1863 годах издавал и редактировал прогрессивный «Черниговский листок», закрытый за «противоправительственную агитацию». Первый сборник «Стихотворения» на русском языке вышел в Полтаве в 1847 году. Некоторые стихи Глебова стали народными песнями. Писал драматические произведения и басни.

Руданский Степан (1834—1873) — поэт. Родился в семье священника. Окончил духовную семинарию, Петербургскую медико-хирургическую академию, работал врачом. Выступал со стихами-балладами «Разбойник» (1851), «Вечерниці» (1852), «Розмаї» (1854). Написал атеистическую поэму «Думы лирника», запрещенную царской цензурой, поэму-сказку «Царь-Соловей» (1857), несколько исторических поэм. Значительное место в творчестве занимает жанр співомовок — сатирических стихотворений, написанных народным, то есть коломийковым размером.

Стр. 51. *Мазница* — посудина для дегтя.
Стр. 52. *Адеста* — искаженное «Одесса».

Федькович Юрий-Осип (1834—1888) — западноукраинский писатель. Родился в семье мелкого шляхтича. В 1862 году вышел сборник стихотворений на украинском языке — «Поэзия Иосифа Федьковича», в 1865 году — стихотворный сборник на немецком языке, в 1882-м — сборник «У Черемоша». Ю. Федькович известен и как прозаик.

Стр. 61. ... *во Львове на Замке* (Замок, Высокий Замок) — возвышенность во Львове, на которой в XIV веке польским королем Казимиром Великим был построен замок.
Стр. 62. *Как наш Тарас.*— Имеется в виду Тарас Шевченко.
Стр. 63. *Сардак* — род армяка, верхняя крестьянская одежда.

Старицкий Михайло (1840—1904) — писатель и театральный деятель. Сын мелкого помещика. В 1858 году поступил в Харьковский, а через два года в Киевский университет. Мировоззрение формировалось под влиянием революционно-демократических идей Т. Г. Шевченко, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Некрасова. М. Старицкий широко известен как поэт и драматург.

М а н ж у р а И в а н (псевдоним — Иван Каличка; 1851—1893) — поэт, фольклорист, этнограф. Часть фольклорных материалов И. Манжуры опубликована в сборниках и изданиях М. Драгоманова и В. Антоновича. Продолжатель традиций Т. Шевченко и Н. Некрасова, И. Манжура выступал против приверженцев «чистого искусства», стремился к правдивому отражению жизни, отстаивал мысль о служении литературы интересам народа.

Г р и н ч е н к о Б о р и с (1863—1910) — писатель, критик, историк, этнограф, публицист. Известен ряд стихотворных сборников, в том числе «Під сільскою стрікою» (1886), «Нові пісні і думи» (1887), «Під кмарным небом» (1893), «Пісні та думи» (1895), «Хвилини» (1903).

Стр. 76. *Манифест.*— Имеется в виду манифест Николая II 17 октября 1905 г., являвшийся политическим маневром самодержавия. ...*Меня микадо удивил:*|| *Воспитан очень странно* — намек на русско-японскую войну 1904—1905 гг. *Но пусть в парламенте народ* ||*Булыга представляет...*— Имеется в виду Булыгинская дума, законосовещательный орган, проектировавшийся министром внутренних дел царского правительства А. Г. Булыгиным в августе 1905 г. с целью отвлечь массы от революции. Суть проекта — лишить большинство населения — рабочих, мелкую буржуазию, женщин, военнослужащих, учащихся избирательных прав.

Г р а б о в с к и й П а в л о (1864—1902) — поэт, революционер. Разделял утопические идеалы революционеров-народников; в конце 90-х годов проявил глубокий интерес к марксизму. Из 38 лет жизни почти 20 лет провел в тюрьмах и ссылках. Умер в Тобольске, завещав похоронить себя рядом с декабристами. Писать начал с юношеских лет, но печатался мало. Известным стал в 1890 году, когда послал рукописи из иркутской тюрьмы своему другу Б. Д. Гринченко, а тот отправил их во Львов к И. Франко. П. Грабовский — один из выдающихся представителей украинской революционно-демократической поэзии 80—90-х годов, последователь традиций Т. Г. Шевченко. На его взглядах отразилось влияние эстетики Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Н. А. Некрасова.

Стр. 80. *Парнас* — горный массив в Фокиде (Греция), в мифах — место обитания Аполлона и муз. Взойти на Парнас — значит стать поэтом.

С а м и й л е н к о В л а д и м и р (1864—1925) — поэт. Окончил Киевский университет. Служил чиновником в Киеве, Чернигове. Печататься начал в 1886 году в украинских периодических изданиях, главным образом в Галиции. Особое место в его творчестве занимают стихи периода революции 1905 года, направленные против самодержавия. Последние годы жизни переводил на украинский язык классиков античной, западноевропейской и русской литературы.

Стр. 82. *Герострат* — грек из Малой Азии, который, желая прославиться, сжег в 356 г. до н. э. выдающееся произведение античного искусства — храм Артемиды в Эфесе; «слава Герострата» — позорная слава.

Стр. 83. *Мойры* — в греческой мифологии богини человеческой судьбы.

Стр. 84. *Ахиллес* — герой Троянской войны; ахиллесова пята — уязвимое место. *Гектор* — троянский герой; образ мужественного защитника родного города, любящего супруга, нежного отца. *Патрокл* — участник Троянской войны, друг Ахиллеса, пал от руки Гектора, отражая нападение троянцев на лагерь.

Стр. 86. *Кронион* (Крон, Кронос) — одно из древних доолимпийских божеств, младший титан, по преданию, низвергший и искалечивший своего отца. Боясь, что его постигнет участь отца, проглатывал собственных детей. *Гера* — древнее догреческое божество, в позднейших мифах супруга Зевса; повелительница молний, грома, бурь. *Феб* (Аполлон) — одно из важнейших божеств олимпийской религии; божество солнечного света, бог-воитель, поражающий лучами — золотыми стрелами врагов. *Артемида* (Диана у римлян) — одно из важнейших божеств Древней Греции, владычица зверей, покровительница охоты.

Маковей Осип (1867—1925) — писатель, публицист, критик и общественный деятель. Опубликовал сборники стихотворений «Поэзия» (1895), лирические циклы «Печаль и насмешка» (1896), «Путешествие в Киев» (1897), «Горные думы» (1899), поэму «Ревун» — сатиру на буржуазный парламентаризм, быт и нравы галицийских представителей австро-венгерского парламента.

Крымский Агафангел (1871—1942) — ученый, востоковед и писатель. Окончил Лазаревский институт восточных языков в Москве, в течение двадцати лет был его профессором. Жил в Сирии и Ливане, совершенствуясь в области арабистики. Один из организаторов АН УССР. Опубликовал сборник «Повести и рассказы» (1895), три книги стихов «Пальмовые ветки» (1901—1922), роман «Андрей Лаговский» (1905). Был другом И. Франко, Леси Украинки, М. Коцюбинского.

Олесь Олександр (1878—1944) — поэт. Родился в крестьянской семье. Окончил Харьковский ветеринарный институт; работал земским статистиком. В сборниках «С печалью радость обнялась» (1904) и «Стихотворения» (1909) выразил мысли и настроения демократической части украинской интеллигенции, сочувствовавшей революции 1905 года. В период реакции в творчестве Олеся заметно усилилось влияние декаданса. Февральскую революцию поэт встретил восторженно. Однако не понял смысла последних исторических событий, что отразилось на личной судьбе поэта. Не приняв Октябрьской революции, эмигрировал. Жил в Будапеште, Вене, Праге. В стихотворениях этих лет обращается к прошлому, к народным преданиям. Основной мотив поэзии — тоска по родине.

ИЗ БЕЛОРУССКИХ ПОЭТОВ

Чачот Ян (1797—1847) — поэт. Родился в семье обедневшего шляхтича. Учился в Виленском университете, участвовал в студенческом движении. Друг А. Мицкевича. Занимался фольклористикой, собирал народные песни.

Багрим Павлюк (1813 — ум. ок. 1891 г.) — поэт. Крестьянин по происхождению. Родился в местечке Крошин Минской губернии. Писать стихи начал рано. Отец поэта был арестован, а затем казнен за участие в бунте против крошинского помещика. При обыске были изъяты тетради сына. Стихи, записанные в них, носили антикрепостнический характер. В наказание автор был отдан в солдаты. Отслужив двадцать пять лет, Багрим вернулся в Крошин, где работал кузнецом. Тетради со стихами Багрима пропали. До нас дошло только одно его стихотворение, опубликованное в книге неизвестного польского автора «Рассказ о моем времени, или Литовские приключения» (Лондон, 1854).

Стр. 100. *Кожан* — летучая мышь.

Сырокомля Владислав (настоящее имя — Людвик Кондратович; 1823—1862) — поэт. Выходец из небогатой дворянской семьи. Его излюбленной поэтической формой была гавэнда — стихотворный рассказ бытового и исторического характера от лица автора или героя. Стихотворение «Почтальон» (1844) стало в переводе широко известной песней «Когда я на почте служил ямщиком...». Поэзия В. Сырокомли пользовалась широкой популярностью в России.

Неизвестный автор (XIX век). Имя автора поэмы «Тарас на Парнасе», написанной в первой половине XIX века (между 1837 и 1849 г.), не установлено. Несомненно, что он был образованным, передовым человеком своего времени. В течение нескольких десятилетий поэма распространялась в списках. Впервые была напечатана в 1889 году в газете «Минский листок».

Стр. 102. *Козьма-Дамиан* — народный праздник 1 ноября; «курячий праздник», «курячьи именины», когда режут кур.

Стр. 104. «*Полегче, братцы! Не душите // Вы фельетон мой и «Пчелу»*...— намек на Ф. В. Булгарина (1789—1859), реакционного журналиста и беллетриста, агента III Отделения, издателя газеты «Северная пчела» (1825—1859). *Облаять вас на целый свет, // Как Гоголя запрошлым летом*...— Имеются в виду нападки реакционной прессы (в частности, булгаринской) на произведения Н. В. Гоголя. О каком именно произведении, «Мертвых душах» или «Ревизоре», здесь идет речь, сказать трудно, так как дата написания поэмы не установлена. Нападкам подвергались оба произведения

Гоголя. *Товарищ рядом с ним идет, // Тащить он книжки помогает, // А сам грамматику несет...*— намек на Н. И. Греча (1787—1867) — реакционного писателя и журналиста, автора грамматики русского языка, «сподвижника» Булгарина.

Стр. 106. *Сатурн* — в древнеримской мифологии — бог времени, посева и плодородия. *Нептун* — бог морей в древнеримской мифологии. *Марс* — в древнеримской мифологии бог войны. *Геркулес* — греческий мифологический герой; он же Геракл. *Зевес* — в древнегреческой мифологии верховный бог; он же Юпитер. *Венера* — в древнеримской мифологии богиня любви и красоты. *Амур* — в древнеримской мифологии бог любви. *Геба* — у греков богиня юности.

Стр. 107. *Пряженая* — жареная. *Бахус* — бог вина и веселья.

Стр. 108. *Наяды* — в греко-римской мифологии нимфы вод. *Веста* — в древнеримской мифологии богиня домашнего очага.

К а л и н о в с к и й К о н с т а н т и н («Кастусь»; 1836—1864) — выдающийся белорусский революционер, ученик и последователь русских революционных демократов. Руководитель крестьянского восстания 1863 года в Белоруссии и Литве. Выданный предателем царским властям, был казнен в 1864 году в Вильно.

Б о г у ш е в и ч Ф р а н ц и с к (1840—1900) — поэт. Формирование общественных и литературных взглядов проходило под влиянием крестьянского движения, под воздействием идей русских революционных демократов. Один из зачинателей реалистического направления в белорусской литературе. Ему принадлежат два стихотворных сборника: «Дудка белорусская» (1891, Краков, под псевдонимом Мацей Бурачок) и «Смычок белорусский» (1894, Познань, под псевдонимом Сымон Рэйка з-пад Барысава). Эти сборники в свое время не были напечатаны по цензурным соображениям и до сих пор не найдены.

Стр. 116. *Верещака* — белорусское блюдо.

Л у ч и н а Я н к а (1851—1897) — поэт. Писал на белорусском, русском и польском языках. Его произведения на темы из крестьянской жизни представлены сборником лирики «Вязанка» (1891, опубл. 1903).

Г у р и н о в и ч А д а м (1869—1894) — поэт. Родился в семье обедневшего дворянина. Вел в Вильно революционную пропаганду. При обыске были найдены стихи, призывавшие к свержению самодержавия. В 1893 году был заключен в Петропавловскую крепость. В тюрьме тяжело заболел и был выслан под надзор полиции в имение отца, где вскоре умер. При жизни не печатался. Его стихи, близкие к народной песне и к поэзии А. В. Кольцова и Н. А. Некрасова, исполнены протеста против социального и пационального угнетения.

Т ё т к а (настоящее имя — Элоиза Пашкевич; 1876—1916) — поэтесса. Родилась в крестьянской семье. В 1902 году окончила неполную гимназию, затем общеобразовательные курсы Лесгафта в Петербурге. В 1905 году переехала в Вильно и приняла участие в революционных событиях. Ее первые стихотворения печатались как листовки и прокламации. В 1906 году, живя в Галиции, издала два стихотворных сборника «Крещение на свободу» и «Скрипка белорусская». Поэзия Тётки призывала к борьбе с самодержавием. Лирика ее романтически приподнята. Поэтесса ввела в белорусскую литературу новые жанры — политические стихи-гимны, стихи-призывы, революционные песни. Последние годы жизни писала в основном прозаические произведения. Во время 1-й мировой войны была сестрой милосердия на фронте.

Т о п ч е в с к и й Ф е л и к с (2-я половина XIX века) — поэт демократического направления. Сведений о его жизни не сохранилось.

Ж у р б а Я н к а (настоящее имя — Иван Ивашин; 1881—1964) — поэт. До 1934 года занимался педагогической деятельностью. На творчество Журбы оказала влияние поэзия Я. Купалы и Я. Коласа. Послереволюционная лирика посвящена общественным темам.

Б о г д а н о в и ч М а к с и м (1891—1917) — поэт. Его лирика (сб. стихов «Венок», 1913) тесно связана с народной поэзией, проникнута революционными и национально-освободительными идеями, согрета любовью к трудовому народу, крестьянской бедноте и городским низам.

Стр. 126. *Когда Геракл во прах поверг Антея...*— Антей — великан; греческая мифология. *Гея* — олицетворение Земли. Подвиги Геракла, греческого народного героя, воспевались в песнях, возникших еще до «Илиады» и «Одиссеи». Один из подвигов Геракла — победа над Антеем, который был непобедим, пока соприкасался со своей матерью-землей, дававшей ему силу. Геракл одолел Антея, оторвав его от земли.

Стр. 131. *Катулл* Гай Валерий — римский поэт, родился в первой четверти I века до н. э. Известен как автор стихотворений, обращенных к Лесбии.

Г у р л о А л е с ь (1892—1938) — поэт. Родился в крестьянской семье. В годы 1-й мировой войны служил на миноносце «Забияка». Принимал участие в уличных боях и штурме Зимнего дворца в октябре 1917 года. Творчество формировалось под влиянием реалистической поэзии Я. Купалы и Я. Коласа.

ИЗ МОЛДАВСКИХ ПОЭТОВ

Стамати Константин (1786—1869) — румынский и молдавский писатель. Родился в боярской семье. В Кишиневе познакомился с А. С. Пушкиным. Перевел его «Кавказского пленника». К. Стамати писал лирические и сатирические стихи, басни, публицистические статьи. Наиболее значительное произведение — поэма «Сказка сказок».

Стр. 135. *Так некогда трудился Иаков для Рахили...* — Согласно Библии, Иаков попросил у своего дяди Лавана в жены младшую дочь, красавицу Рахиль. Лаван согласился с условием, что Иаков отработает за нее семь лет. Иаков выполнил обещание. Однако дядя обманным путем сбыл Иакову старшую дочь, дурнушку Лию. Возмущенный Иаков не переставал требовать в жены Рахиль, и ему пришлось согласиться на новое условие Лавана и отработать еще семь лет за Рахиль.

Асаки Георге (1788—1869) — молдавский и румынский писатель, просветитель. Организовал первые театральные представления на родном языке. Основал первую молдавскую гимназию.

Стр. 138. *Рафаэль* Санти (1483—1520) — великий итальянский живописец эпохи Возрождения.

Стр. 141. *Сократ* (469—399 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист.

Стр. 142. *Афина* — одно из главных божеств Греции. Богиня неба, повелительница туч и молний, богиня плодородия.

Стр. 143. *Афродита* — в греческой мифологии — богиня чувственной любви и красоты. *Эрот* — бог любви, один из древнейших богов греческой мифологии. *Психея* — олицетворение человеческой души; обычно изображалась в виде бабочки или молодой девушки с крыльями бабочки.

Донич Александру (1806—1866) — молдавский и румынский писатель. Родился в семье помещика. Учился в кадетском корпусе в Петербурге. В 1835 году уехал в Молдавию. Работал судьей, затем адвокатом. А. Донич — создатель национальной молдавской басни. Перевел на молдавский язык поэму А. Пушкина «Цыганы», совместно с К. Негруцци «Сатиры» и другие поэтические произведения А. Кантемира, переводил также произведения французских авторов.

Хаждеу Александр (1811—1874) — молдавско-румынский просветитель, публицист, поэт. Зачинатель молдавско-румынской фольклористики на русском языке. Внес значительный вклад в дело развития и укрепления молдавско-румынско-русских культурных отношений.

Стр. 147. *Волошанка* — молдаванка; валах — древнее наименование молдаван. *О жизни и судьбе Стефансвой Елены.*— Елена — дочь молдавского господаря Стефана Великого, выдавшего ее в 1485 году замуж за Ивана — сына Ивана III. Вследствие борьбы партий и придворных интриг Елена была заточена в темницу. *И мрачный терем тот, где Грозный заключил // Ее, невинную, по проискам измены...*— У поэта ошибка: Иван Грозный воцарился на престоле в 1533 году. По-видимому, автор назвал «грозным» царя Ивана III. *Аккерман* — Белгород-Днестровский.

Стр. 148. *Святослав* (Игоревич) (ум. в 972 г.) — киевский князь, выдающийся полководец. Публий *Овидий* Назон (43 г. до н. э.— 17 г. н. э.)— великий римский поэт, сосланный императором Августом на берег Черного моря в город Томы, неподалеку от Аккермана.

Александри Василе (1821—1890) — молдавский и румынский писатель и публицист, собиратель фольклора, один из основателей театра в Яссах. Под воздействием лучших образцов народного творчества создал свои знаменитые «Дойны» (1843—1853), отличающиеся свежестью поэтических образов. Принимал активное участие в революции 1848 года, а также в борьбе за объединение Молдавии и Валахии в единое национальное государство. Написанные в эти годы циклы стихотворений проникнуты духом общественной борьбы против тирании. Большое место в творчестве занимают исторические поэмы, легенды. Оказал большое влияние на М. Эминеску, Й. Крянгэ, Й. Караджале, Г. Кошбука, М. Садовяну.

Стр. 148. *Дойна* — народная молдавская (также и румынская) песня.

Стр. 149. *В Севастополе.*— В этом стихотворении речь идет о Крымской войне 1853—1856 годов.

Стр. 150. *И все это по воле тщеславного монарха...*— намек на царя Николая I (1796—1855).

Стр. 151. *Брамины* (брахманы) — одна из наиболее привилегированных каст в Индии.

Сырбу Ион (1830—1869) — поэт. Родился в селе Машкауцы Оргеевского уезда в семье мелкого помещика. При жизни поэта было издано два сборника стихотворений: «Басни» в 1852-м и «Сочинения» — в 1854 году.

Стр. 152. *Зубр* — эмблема Молдавии в старые времена.

Хаждеу Богдан (1836—1907) — румынский и молдавский писатель, ученый-филолог, историк, публицист. Учился в Харьковском университете. В истории румынской и молдавской литератур считается зачинателем критического реализма в прозе, гражданской лирики в поэзии, исторической драмы и романа, мастером политического памфлета.

Эминеску Михай (настоящая фамилия — Эминович; 1850—1889)— крупнейший румынский и молдавский поэт. Родился в дворянской семье. Был вольным слушателем Венского университета. Занимался историей, словесностью, философией, естественными и социальными науками. Стихи М. Эминеску известны во всех странах. Неоднократно издавались на русском языке.

Стр. 161. *Сан-Марко* — собор в Венеции. *Сивиллы* — легендарные женщины-пророчицы.

Кужбэ Сержиу Виктор (1875—1937) — молдавский писатель. Литературные интересы С. Кужбэ определились в кружке бессарабских эмигрантов, возглавляемом Б. Хаждеу. Первая книга — «Рассказы о детстве» (1896).

Роман Тудосе (1887—1921) — молдавский писатель. Сын бедного крестьянина. Первые стихотворения и статьи посвящены деревенской жизни. В 1919 году в Кишиневе был издан сборник стихов Т. Романа «Песня пахаря».

Матеевич Алексей (1888—1917) — молдавский поэт этнограф, переводчик. Родился в семье священника. Окончил Киевскую духовную академию. Был учителем, полковым священником. В поэзии сильны революционные мотивы. В 1917 году Матеевич написал свое лучшее стихотворение «Наш язык» — гимн родной речи.

Стр. 167. *Кодр* (кодры) — лес.

ИЗ ЛАТЫШСКИХ ПОЭТОВ

Алунан Юрис (1832—1864) — поэт и общественный деятель. Зачинатель латышской письменной поэзии. В 1856 году выпустил сборник стихов «Песенки». С 1862 года был редактором первой прогрессивной латышской газеты, органа младолатышей, «Петербургас Авизес» («Петербургская Газета»). Творчество Ю. Алунана сыграло большую роль в развитии латышского языка.

Барон Кришьян (1835—1923) — фольклорист, писатель и общественный деятель. Вместе с Ю. Алунаном и Кр. Вольдемаром был руководящим деятелем младолатышского движения. В 1867 году переехал в Москву, где начал научную обработку и систематизацию латышских песен. Подготовил издание «Латышских народных песен» (1894—1915) — замечательный памятник народного творчества.

Стр. 171. *Дайны* — латышские народные песни.

Пумпур Андрей (1841—1902) — поэт. Родился в семье батрака. В 1876 году добровольцем участвовал в освободительной борьбе сербов против турок. В 1878 году окончил Одесское юнкерское училище, служил в воинских частях Прибалтики офицером-интендантом. В 80-х годах был связан с кружком латышских народовольцев. Основное сочинение А. Пумпура «Лачплесис» (1888) — эпос, созданный по мотивам народных преданий. При жизни вышел сборник его стихотворений «На родине и на чужбине» (1890) и путевые очерки «От Даугавы до Дуная» (1895).

Стр. 172. *Иманта* — легендарный древнелатышский герой. *Синяя гора.*— Существует в действительности, с нею связано множество легенд.

Стр. 173. *Перкон* — один из главных богов древнелатышской мифологии, властитель грома и молнии, небесный кузнец.

Каудзит Матис (псевдоним — Калниниек; 1848—1926) — писатель. Основной труд — роман «Времена землемеров» (1879), первое крупное реалистическое произведение в латышской литературе, созданное совместно с братом Рейнисом. Матис Каудзит известен как поэт, автор «Песенок» и «Стихотворений». В 70-е годы популяризовал русскую литературу, перевел на латышский язык поэмы М. Ю. Лермонтова «Хаджи Абрек» и «Демон», «Кавказский пленник» А. С. Пушкина.

Аусеклис Микелис (настоящее имя — Крогземис; 1850—1879) — поэт. С юных лет проникся освободительными идеями и стал поэтом-борцом против немецких баронов и немецкого духовенства. При жизни вышел сборник «Стихотворения» (1873). Вклад Аусеклиса в латышскую поэзию значителен. Он мастерски использовал сюжеты, образы и выразительные средства народного творчества, прокладывая пути дальнейшего развития латышской поэзии.

Стр. 175. *Стабураг* — скалистый обрыв на левом берегу Даугавы, упоминается в легендах и песнях.

Стр. 176. *Тримпус* — бог пива, песен и веселья.

Стр. 177. *Лига* — мифологическая богиня, покровительница поэзии. *Узыньш* — божество, опекающее коней и пасеки, получеловек, полуживотное. *Аушриня* (Аустриня) — уменьшительное от Аушра (Аустра), то же, что и Аврора, — так поэт называл свою родину. *Рамове* — легендарная священная дубрава.

Эсенбергис Янис (Янис Эсенбергис-Гесе; 1862—1890) — поэт, переводчик. С 1883 года начинает публиковать свои стихи в журналах, преимущественно — это любовная лирика. Переводил произведения Пушкина, Петефи, Шекспира.

Персиетис (настоящее имя — Карлис Земитис; 1862—1901) — поэт, писатель. Один из основоположников критического реализма в латышской литературе. Автор сатирических стихотворений, эпиграмм, басен, а также лирических стихов. Переводил стихотворения А. Кольцова, М. Лермонтова.

Блауман Рудольф (1863—1908) — классик латышской литературы, писатель-реалист. Тонкий бытописатель деревни. Автор многочисленных рассказов и целого ряда пьес. Выступал и как поэт-лирик.

Трейманис-Зваргулис Эдвард (псевдоним — Зваргулис; 1866—1950) —поэт. Сын крестьянина. Как писатель и журналист приобрел известность в 90-е годы. Автор стихотворных сборников «В страданиях и улыбках» (1896—1897) и «Сердце грешника» (1899).

Вейденбаум Эдуард (1867—1892) — поэт. Один из первых латышей, изучавших марксизм. В 1886 году написал очерк «О частной собственности, капитализме и задачах рабочего класса», который явился первым марксистским сочинением на латышском языке. Оставил около сотни стихотворений, переводы из Горация, Ф. Шиллера, несколько очерков по вопросам политэкономии и права. При жизни стихотворения Э. Вейденбаума не печатались, но широко распространялись в рукописях среди революционной интеллигенции и рабочих.

Аспазия (настоящее имя — Эльза Розенберг; 1868—1943) — поэтесса. Стихи периода так называемого «Нового течения», собранные в книге «Красные цветы» (1897), в высокохудожественной форме выражали демократические идеи. В период революции 1905 года в творчестве поэтессы снова зазвучали мотивы общественной борьбы. В декабре 1905 года Аспазия вместе со своим мужем поэтом-революционером Янисом Райнисом эмигрировала в Швейцарию (вернулась в Латвию в 1920 г.). Во время эмиграции отошла от социальной тематики. Сборники: «Солнечный уголок» (1910), «Охапка цветов» (1912), «Сломанные крылья» и др.

Поэтесса взяла свой псевдоним у одной из знаменитейших женщин Древней Греции, родившейся в 470 году до н. э. в Милете. Дочь Аксиоха Аспазия отличалась красотой, природным умом и образованностью. Дом ее в Афинах был местом, где собирались влиятельные и замечательные по уму и дарованиям люди, в частности Сократ.

Стр. 192. *Горгоны* — в древнегреческой мифологии крылатые женщины-чудовища, взгляду которых была присуща магическая сила превращать в камень все живое. Согласно одному из мифов, Горгон было три; из них единственная смертная — Медуза, которой отрубил голову *Персей*, герой древнегреческой мифологии, сын бога Зевса и Данаи.

Саулиетис Аугуст (настоящее имя — Аугуст Пликау; 1869—1933) — писатель. Сын крестьянина. Работал учителем. Стихотворные сборники «Лесной шум» (1897), «Далекие вести» (1924). Писал также рассказы и пьесы.

Порук Янис (1871—1911) — писатель. Литературная деятельность относится к периоду 1895—1905 годов. В поэзии Порука преобладает тема любви, пейзажная лирика.

Плудон Вилис (1874—1940) — поэт. В ранних произведениях выражал сочувствие освободительному рабочему движению. Писал баллады, поэмы, стихи для детей, был переводчиком.

Маконис (настоящее имя — Екаб Калнынь; 1879—1918) — писатель-революционер. Родился в семье столяра. Учился в волостной школе и учительской семинарии. Был активным участником революции 1905 года. За нелегальную деятельность и принадлежность к ЛСДРП был приговорен к 15 годам каторжной тюрьмы. Именно в это время им была написана большая часть стихотворений ярко выраженного революционного характера. После Февральской революции некоторое время жил в Ярославле, затем уехал в Сибирь, где вел партийную работу.

Скалбе Карлис (1879—1945) — писатель. Сын сельского кузнеца. Был учителем, журналистом. Первое стихотворение опубликовано в 1896 году. В сборниках стихотворений «Мечты узника» (1902), «Когда яблони цветут» (1904) выражены сочувствие страданиям народа, протест против мещанства, стремление к лучшей жизни. После первой русской буржуазной революции с 1906 по 1909 год жил в эмиграции в Финляндии, Швейцарии, Норвегии. В 1906 году примкнул к декадентам. Прозаическое наследие составляют увлекательные авторские «Зимние сказки» (1913).

Барда Фрицис (1880—1919) — поэт. Автор сборников «Сын земли» (1911), «Песни и молитвы Древу Жизни» (1923). Во многих стихотворениях выступает как тонкий лирик, воспевающий природу и любовь.

Брукленайс Аугуст (1891—1918) — революционный поэт. Родился в семье батрака. Был активным членом латышской социал-демократической партии. В 1913 году вышел стихотворный сборник «Дальние звоны». Перед первой мировой войной вышел второй стихотворный сборник «Во власти железа и стали», вслед за ним цикл стихотворений «Деревня». В 1915 году в качестве беженца попал в Сибирь, тут был создан цикл стихотворений «Сибирские просторы». А. Брукленайс активный участник Октябрьской революции. Летом 1918 года защищал Иркутск и был зверски убит белогвардейцами.

ИЗ ЛИТОВСКИХ ПОЭТОВ

Пошка Дионизас (1757—1830) — выдающийся писатель, филолог, историк. Родился, как предполагают, в имении Малдунай или Барджай. Несколько лет учился в Кражяйской гимназии. С 1790 года становится судебным деятелем, с 1818 года судебный писарь, а затем судья. Наиболее значительное поэтическое произведение «Мужик Жемайтии и Литвы». Составил польско-латинско-литовский словарь.

Страздас Антанас (1763—1833) — один из популярнейших поэтов начала XIX века. Родился в семье крепостного крестьянина. Окончил духовную семинарию. Был ксендзом в приходах Восточной Литвы. Из-за «вольнодумного» отношения к обязанностям священника подвергался преследованию со стороны церковных властей, был заточен в монастырь. Издал стихотворный сборник «Песни светские и духовные» (1814). Почти все стихи А. Страздаса стали народными песнями.

Незабитаускис-Забитис Киприонас (1779—1837) — первый литовский поэт, сочинявший стихи на философские и политические темы. Родился в семье свободных крестьян. Среднее образование получил в Кражяйской гимназии, затем учился в Вильнюсском университете, после чего стал ксендзом. После восстания 1830—1831 годов жил в эмиграции, где и покончил жизнь самоубийством.

Валюнас Сильвестрас (1789—1831) — первый литовский поэт-романтик. Родился недалеко от Расейняй. Окончив школу католиков, поступил в вильнюсскую высшую духовную семинарию. По выходе из нее С. Валюнас не стал ксендзом, а вернулся на родину. Писал на литовском и польском языках. Свои произведения С. Валюнас не печатал, поэтому до нас дошли только «Песня Бируте», цикл из трех стихотворений «Размышления» и «Послания пишущему литовский словарь».

Стр. 214. *Бируте*, по преданию, дочь простого рыбака, повстречала неподалеку от Паланги великого князя Кястутиса и вскоре стала его женой. *Пруссы и Курши* — древнебалтийские племена, родственные литовцам.

Стр. 215. *Кястутис* — князь тракайский и жемайтийский (1345—1380), затем великий князь литовский (1381—1382). *Жемайты* (они же жемайтисы, или жемайтийцы) — уроженцы и жители Жемайтии, северо-западной части Литвы.

Стр. 216. *Перкунас* — верховный бог у древних литовцев, бог грома и молнии. *Витаутас* — великий князь литовский (1392—1430); в годы его властвования Великое Княжество Литовское достигло наибольшего могущества. В 1410 году литовские войска под водительством Витаутаса, в союзе с русскими и поляками, нанесли поражение крестоносцам при Грюнвальде (литовское название — Жальгирис). По преданию — сын Бируте и Кястутиса.

Станявичюс Симонас (1799—1848) — поэт. Родился в Канапенай (ныне Расейняйский район) в дворянской семье. Окончил Вильнюсский университет и получил степень кандидата наук. Издал сборники литовских народных песен и мелодий (1829, 1833). Примерно в эти же годы были изданы в одной книге с баснями К. Донелайтиса шесть басен Станявичюса. После смерти поэта осталось много рукописей, которые во время восстания 1863 года были сожжены. До нас дошли только шесть басен и одна ода поэта. С. Станявичюс умер в Стемпляй от чахотки.

Стр. 216. *Рингаудас* — полумифическая личность, жил приблизительно в конце XII — начале XIII века. По преданию — отец Миндаугаса. *Миндаугас* — великий князь литовский (1236—1263), основатель литовского государства.

Стр. 217. *Гедиминас* — великий князь литовский (1316—1341), в годы его правления Великое Княжество Литовское было значительно расширено. *Альгирдас* — великий князь литовский (1345—1377), одержавший ряд военных побед.

Алекнавичюс Каетонас (1803—1874) — поэт, просветитель. Родился неподалеку от Палевене (Купишкисский район) в крестьянской семье, закончил вильнюсскую духовную семинарию. Долгие годы был викарием в разных приходах, большое внимание уделял просвещению народа. В 1846 году издал букварь, в 1861-м — сборник своих стихотворений, названный «Сказки, приключения, свадьбы и хоровые песни». Обвиненный в сочувствии к повстанцам 1863 года, К. Алекнавичюс был понижен в сане и переведен в Асавас, где и скончался.

Зауэрвейнас Юргис (1831—1904) — поэт. Печатался под псевдонимами Силватикус, Гиренас. Знал более десятка языков, на многих писал стихи.

Анусавичюс Юлюс (1832—1907) — поэт. Родился в дворянской семье. Учился в Вильнюсе, работал землемером. За участие в восстании 1863 года был арестован и сослан в Сибирь, откуда вернулся около 1890 года и поселился в Данюнай. Почти все стихи и прозаические произведения создал в ссылке. Его огромный архив до сих пор почти не изучен. Лишь малая часть наследия Юлюса Анусавичюса опубликована.

Кайрис Клеменсас (1835—1864) — поэт. Родился в Людишках Аникшчяйского района. Окончил духовную семинарию в Варняй и Петербургскую духовную академию, был ксендзом, капелланом в Каунасской гимназии. После восстания 1863 года был выслан в Пермскую губернию. Писал стихи на литовском, польском и латинском языках.

Баранаускас Антанас (1835—1902) — поэт и языковед. Родился в Аникшчяй в семье крепостного. В 1862 году окончил Петербургскую духовную академию. Был профессором духовної семинарии, позднее стал епископом. В 1858—1859 годах написал поэму «Аникшчяйскиї бор» — выдающееся произведение литовской поэзии XIX века, где воспел красоты природы и духовное богатство литовского народа. Написал еще несколько поэтических произведениї: «Пою песенку», «Дорога в Петербург», «Чувства сердца», «Разговор с Литвой», «Восход солнца». После подавления восстания 1863 года занял клерикальные позиции и отошел от поэтического творчества.

Стр. 221. *Аникшчяй* — местность на берегу реки Швентойи (приток Нерис) на юго-востоке Литвы.

Стр. 224. *Шлаве* — речка, текущая в Аникшчяйском бору. *Пашлавис* — лиственный лес на берегах Шлаве. *Жальтичи* — персонажи литовской народной сказки «Эгле — королева ужей», дети Жальтиса (Ужа) и Эгле, превратившиеся в деревья вместе с матерью после того, как ее братья зарубили Жальтиса косами. *Жальтене* — жена Жальтиса. *Седула* — род лиственного дерева. *Марчупис* — приток реки Швентойи.

Стр. 227. *Сутартине* — многоголосая старинная песня.

Венажиндис Антанас (1841—1892) — поэт, первым в литовской поэзии начал писать любовную лирику. Родился в поместье Анаполис в семье свободных крестьян. Учился в паневежской гимназии, затем в варняйской духовной семинарии. В 1864 году стал ксендзом. Стихов не публиковал, и не все они сохранились. Первый сборник стихов А. Венажиндиса был издан в 1894 году. Многие литовские народные песни поются на слова А. Венажиндиса.

Дагилис Станисловас (1843—1915) — поэт. Сотрудник журнала «Аушра» («Заря»), видный переводчик. Изучал филологию в Петербурге, учительствовал на Украине. Переводил А. С. Пушкина, А. Мицкевича, М. Ю. Лермонтова, Г. Р. Державина, А. В. Кольцова.

Арминас-Трупинелис Пятрас (1853—1885) — поэт, автор басен, ставших в литовской литературе классическими. Переводил на литовский язык стихи А. Мицкевича, А. С. Пушкина, басни И. А. Крылова.

Кудирка Винцас (1858—1899) — поэт, прозаик, переводчик, критик, публицист. Родился в семье зажиточных крестьян. В 1881 году, закончив мариампольскую гимназию, поступает в Варшавский университет, после окончания которого становится фактическим редактором нелегального журнала «Варпас» («Колокол»). В. Кудирка — видный идеолог литовского национального движения конца XIX века. В 1899 году вышел сборник стихотворений поэта, изданный под псевдонимом Винцас Капсас.

М а й р о н и с (настоящее имя — Ионас Мачюлис; 1862—1932) — один из самых крупных литовских поэтов. Родился в семье свободных крестьян. Закончил каунасскую духовную семинарию. С 1892 года — профессор духовной академии в Петербурге. В национальном движении участвовал на стороне клерикального крыла литовской буржуазии. Представитель романтизма, ярко отобразил национальные чаяния народа, воспевал красоту природы Литвы. Немало его стихотворений положено на музыку. Написал несколько острых сатир, обличающих буржуазные нравы. Писал поэмы, баллады, создал стихотворную драматическую трилогию «Смерть Кястутиса» (1921); «Витовт у крестоносцев» (1930); «Витовт-король» (1930). Одним из первых ввел силлабо-тоническое стихосложение в литовскую поэзию, обогатил ее новыми стихотворными жанрами.

Стр. 231. *Тракай* — город на востоке Литвы, неподалеку от Вильнюса, в XIII в. при великом князе Гедиминасе был столицей Литвы.

Стр. 232. *Сарды* — древний город в Малой Азии, столица раннерабовладельческого государства Лидии. В 654 г. до н. э. разрушен киммерийцами. В 500 (или 499) г. до н. э. сожжен восставшими ионийцами. В 334 г. захвачен Александром Македонским. В 1402 г. до основания разрушен Тимуром.

С а к а л а у с к а с К с а в е р а с (псевдоним — Ванагелис; 1863—1938)—поэт. Родился в деревне Калеснинкай (неподалеку от Симнаса). Учился вместе с Ю. Андзюлайтисом в учительской семинарии в Вейверяй. В 1883 году К. Сакалаускас пишет свое первое стихотворение «Из далекой сторонушки», которое вскоре стало широко известной песней. Учительствуя в Паевонисе и Бержининкай, К. Сакалаускас создает ряд стихотворений, в которых горячо откликается на страдания литовского народа. В 1888 году царское правительство выслало К. Сакалаускаса из Литвы в Польшу. Здесь он прожил двадцать лет. Умер поэт в Варшаве, куда переехал в 1903 году.

М а л и н а у с к а й т е-Э г л е Л ю д м и л а (1864—1928)— поэтесса. Родилась в семье ополячившихся дворян, вблизи Вашкай. Начала писать на литовском языке. В печати выступила только в 1884 году под псевдонимом Эгле. В 1885 году по приглашению активного деятеля литовского национального движения Й. Шлюпаса отправляется в Нью-Йорк. Здесь она вышла за него замуж и включилась в активную антиклерикальную борьбу. В этот период часто печаталась. После первой мировой войны поэтесса вернулась в Литву.

Стр. 237. *Ковас* — бог войны у древних литовцев.

М а ч и с-К е к ш т а с Й о н а с (1867—1902)— поэт. Родился в семье крестьян. Не окончив гимназии, некоторое время работал домашним учителем. С 1886 года — редактор журнала «Аушра». Один из первых литовских

революционных поэтов, видный лирик. Эмигрировав в США, возглавлял прогрессивную литовскую газету «Венибе летувнинку» («Единство литовцев»). Его сборник «Стихи» вышел в свет в 1910 году, когда поэта уже не было в живых. Сочинения Й. Мачиса-Кекштаса изданы в Литве в 1961 году.

Вайчайтис Пранас (1876—1901) — поэт, зачинатель жанра элегии и исторической баллады в литовской поэзии. Родился в деревне близ Синтаутай. Окончив мариампольскую гимназию, учился на факультете права в Петербургском университете, работал в библиотеке Российской академии наук. Заболев чахоткой, вернулся в Литву, где и умер в 1901 году. Первые публикации П. Вайчайтиса — в 1896 году. Перевел на литовский язык «Скупого рыцаря» и «Русалку» А. С. Пушкина.

Стонис Винцас (род. в 1893 г.; настоящее имя—Казис Житкус) — поэт. Большую часть стихотворений написал в самом начале века. В 1924 году издал сборник стихов «Слезоньки».

Бинкис Казис (1893—1942) — видный поэт и драматург. Родился в деревне Гуяляй недалеко от города Папилис в бедной крестьянской семье. Учился в городах Биржай и Вильнюсе, слушал курс лекций в Берлинском университете. В середине 20-х годов возглавлял движение литовских футуристов (группа «Четыре ветра»). Стихи начал публиковать с 1913 года. Издал сборники «Стихи» (1920) и «100 весен» (1923). Под псевдонимом К. Алейошюс издал сборник юмористических поэм. В послевоенное время в Литве изданы три его поэтические книги.

Миколайтис-Путинас Винцас (1893—1967) — выдающийся поэт, прозаик, драматург, критик и литературовед. Родился в деревне Пилотишкяй (ныне Пренайский район). Учился в мариампольской гимназии, в Сейнайской духовной семинарии, в Петербургской духовной академии, а в 1922 году окончил университет в Фрибурге (Швейцария), получил степень доктора философии и затем еще год совершенствовался в Мюнхенском университете. С 1923 года он начал преподавательскую деятельность в Каунасском, а затем в Вильнюсском университетах; с 1941 года действительный член Академии наук Литовской ССР. Первые стихотворения В. Миколайтис-Путинас опубликовал в 1911 году. Широко известны несколько поэтических сборников: «Красные цветы. Князь Жвайнис» (1917), «На рубеже двух зорь» (1927) и романы «В тени алтарей» (1933) и «Повстанцы» (1957). Перевел на литовский язык «Крымские сонеты» и «Конрада Валленрода» А. Мицкевича.

Геле (Гайдамавичюс) Зигмас (1894—1912) — поэт. Родился в деревне Наясяй, недалеко от города Шяуляй, в семье управляющего имением. В 1912 году окончил шяуляйскую гимназию, учился в Киевском университете на филологическом факультете. Писать стихи начал еще в младших

классах гимназии, а с 1909 года сотрудничал в печати. В 1912 году поэт подготовил сборник стихотворений «Цветник», но не успел его издать. Пополненный стихами из рукописного наследия, сборник был издан в советские годы (1948, 1963). *Геле* — в переводе с литовского: цветок.

Янонис Юлюс (1896—1917) — выдающийся пролетарский поэт. Родился в деревне Бержиняй, недалеко от города Биржай, в бедной крестьянской семье. С начала первой мировой войны встал на позиции большевиков. Издавал рукописный журнал «Побег», работал в подпольном кружке. В 1916 году переехал в Петербург и стал активным деятелем большевистской партии. Ю. Янонис — основоположник литовской пролетарской поэзии. Писал на литовском и русском языках. Творчество Ю. Янониса оказало решающее влияние на формирование литовской революционной лирики. Его полное собрание сочинений издано в двух томах в 1957 году.

Сруога Балис (1896—1947) — видный поэт-символист, известный драматург, литературный критик. Родился в деревне Байбокай (ныне Биржайский район). В 1914 году окончил реальное училище в Паневежисе, учился в Петрограде, Москве и Мюнхене. Преподавал в Каунасском и Вильнюсском университетах. Первые стихи напечатал в 1912 году, спустя несколько лет издал поэму «Богиня озера» (1919), сборник стихов «Солнце и песок» (1920), «Тропами богов» (1923). Во время второй мировой войны был заключен гитлеровцами в концлагерь. В Советской Литве издан его шеститомник (1957). Широкую известность получил его роман «Лес богов» — о гитлеровском лагере смерти.

ИЗ ЭСТОНСКИХ ПОЭТОВ

Фельман Фридрих Роберт (1798—1850) — писатель. Окончил медицинский факультет Тартуского университета; был врачом в Тарту. С 1842 года преподавал эстонский язык в Тартуском университете, ему принадлежат исследования по эстонской грамматике. Ф.-Р. Фельман собрал сказания о Калевипоэге. Публиковал в календарях стихотворения и просветительские рассказы.

Петерсон Кристьян Як (1801—1822) — поэт. Творчество его положило начало созданию эстонской национальной литературы. Наиболее значительной частью наследия являются оды.

Крейцвальд Фридрих Рейнхольд (1803—1882) — писатель, просветитель, фольклорист. Зачинатель национальной литературы. Родился в семье крепостного. Был учителем в Таллине и Петербурге. Изучал

медицину в Тартуском университете. До 1877 года был врачом в уездном городе Выру. Важнейшим моментом творческой биографии Ф.-Р. Крейцвальда было составление эстонского эпоса «Калевипоэг».

Стр. 252. *Каннель* — национальный музыкальный инструмент.

Стр. 253. *Лембиту* — народный герой и военачальник эстонцев в период борьбы против немцев в начале XIII века.

К е р б е р М а р т и н (1817—1893) — поэт. Родился в семье пастора. Учился в Тартуском университете. Был школьным учителем. Первый сборник вышел в свет в 1862 году.

Р у с с о в Ф р и д р и х (1828—1906) — поэт. Сын таможенного чиновника. Учился в Таллине и в Петербурге на юридическом факультете. Первый сборник издан в 1854 году.

Я к о б с о н К а р л Р о б е р т (1841—1882) — просветитель-демократ, публицист, писатель. Родился в семье учителя, работал учителем. С 1878 по 1882 год был редактором прогрессивной газеты «Сакала». Автор ряда учебников, научно-популярных брошюр, а также стихотворений и пьес.

Стр. 256. *Таара* — священное место у древних эстонцев, где приносились жертвы богам.

К у л б а р с Ф р и д р и х (1841—1924) — поэт. Получил образование в тартуской учительской семинарии. Работал учителем. На творчество оказала влияние немецкая поэзия позднего романтизма. В его произведениях нашли отражение мифологические, фольклорные, библейские мотивы. Большое место в творчестве занимают песни о родине, ее историческом прошлом, получившие широкую популярность в народе.

Стр. 258. *Эмайыги* — река; дословно: мать-река.

К о й д у л а Л и д и я (настоящее имя — Лидия Эмилис Флорентине Янзен; 1843—1886) — поэтесса и драматург. В истории эстонской литературы и в памяти эстонского народа остается прежде всего как замечательный поэт-лирик. Ее творчество формировалось в атмосфере национального движения и освободительной борьбы. Была знакома с видными деятелями национального движения — Ф. Крейцвальдом, К. Якобсоном. Л. Койдула стремилась пробудить национальное самосознание народа, волю к борьбе, веру в будущее.

Стр. 259. Стихотворением «Приветствие» открывался сборник «Соловей Эмайыги». *Ээстимаа, Ээсти* — Эстония.

Стр. 260. *Калевипоэг* — главный герой эстонского народного эпоса.

Ванемуйне — древний певец, сказитель, сопровождал свое пение игрой на каннеле.

Стр. 261. *Калев* — родоначальник эстонского народа.

Стр. 266. *Голгофа* — согласно Евангелию, место распятия Христа.

Веске Михкель (1843—1890) — лингвист, фольклорист, общественный деятель, активный участник национального движения. Был видным поэтом-лириком. Многие его песни о родине положены на музыку. Опубликовал антологию «Эстонские народные песни».

Стр. 266. *Пейпси* — Чудское озеро.

Рейнвальд Адо (1847—1922) — поэт. Печататься начал в 1858 году. Автор стихотворных сборников «Певец Вильянди» (1872—1889), «Песни Адо Вильянди» (1904). Участвовал в эстонском национальном движении, был приверженцем буржуазно-демократического направления.

Кундер Юхан (1852—1888) — писатель, критик и педагог. Автор пьес из народной жизни. Собирал, изучал и издавал эстонский фольклор. Составил сборник «Эстонские сказки» (1885). Принимал участие в национальном движении. Известен и как автор целого ряда стихотворений.

Якобсон Петер (1854—1899) — поэт. Родился в семье сапожника, учился в школе для неимущих. Участник русско-турецкой войны. Первые публикации появились в печати в 1881 году.

Лийв Якоб (1859—1938) — писатель. Автор сборника стихов «Вируская лира» (1886—1900), поэмы «Лев пустыни» (1898) и драм в стихах.

Тамм Якоб (1861—1907) — поэт, переводчик, баснописец. Сын батрака. Окончил тартускую учительскую семинарию. Был учителем. Печататься начал в 1882 году. В 1892 году вышли две книги стихов «Пробудившиеся голоса», в 1914 году сборник «Поэмы». Переводил басни И. А. Крылова, стихи А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Г. Гейне.

Сёэт Карл Эдуард (1862—1950) — поэт. Автор стихотворных сборников: «Луговые цветы» (1—2, 1890—1891), «Радость и печаль» (1894), «Судьба» (1899), «Воспоминания и надежды» (1903), «Дом» (1921), «Жатва лунного серпа» (1937). Поэзия Сёэта близка народному творчеству.

Лийв Юхан (1864—1913) — писатель. В прозаических произведениях выступил как предтеча эстонского критического реализма. Талантливый поэт. Его блестящая патриотическая и пейзажная лирика была

справедливо оценена лишь благодаря посмертным изданиям. Обаяние поэзии Лийва в искренности, непосредственности переживаний, которым сопутствуют своеобразная образность и народность выражения.

Хаава Анна (настоящее имя — Анна Розалия Хаавакиви; 1864—1957) — поэтесса. Народный писатель Эстонской ССР. Родилась в крестьянской семье. Окончила в 1884 году Тартускую высшую женскую школу. Выступила в печати в 80-е годы. Сборники «Стихотворения» (1888—1897) и «Перекрестные волны» (1910) содержат преимущественно любовные песни. В сборниках стихотворений «Волны» (1908), «Дети севера» (1913) поэтесса выступает против социального и национального неравенства.

Лилиенбах Юхан (1870—1928) — поэт и издатель. Участник революции 1905—1907 годов. Создатель и организатор ряда сатирических журналов и рабочих альбомов, в которых издавал сочинения видных представителей эстонского критического реализма (Э. Вильде, Петерсон-Сяргава) и пролетарских писателей (Ээссааре Ааду, В. Мэльдер-Пролетаарлане). В 1909 году вышла книга стихотворений «Утренние песни», пронизанных верой в победу пролетарской революции. В 1910 году начал издавать «Капитал» Маркса на эстонском языке. Участник Февральской и Октябрьской революций.

КОМИ ПОЭТ

Куратов Иван Алексеевич (1839—1875) — основоположник коми литературы. Родился в семье дьякона. Учился в духовном училище, затем в семинарии. Был учителем Усть-Сысольского духовно-приходского училища. В этот период сформировались демократические воззрения поэта, представителя критического реализма в коми литературе. Последние годы жизни Куратов провел вдали от родины. В 1866 году после окончания Казанской школы полковых аудиторов его направили на военно-судебную работу. Трагично сложилась судьба литературного наследия И. Куратова. При жизни ему удалось опубликовать лишь пять стихотворений под видом народных песен. Его рукописи, найденные в советское время, начали издаваться в 1926 году, а полностью были опубликованы в 1939 году в связи со столетним юбилеем поэта.

И. Куратов переводил на родной язык Пушкина, Шиллера, Беранже, Рудаки. Создал грамматику коми языка.

Стр. 287. «*Organum Novum*» («Новый Органон») — книга выдающегося английского философа-материалиста XVI века Фрэнсиса Бэкона (1561—1626).

КАРЕЛЬСКИЙ ПОЭТ

Виртанен Ялмари (1889—1939) — поэт. Родился в семье рабочего-лесопильщика. Работал на заводе «Атлас» в Петербурге. Был уволен за участие в демонстрациях 1905 года. Печататься начал с 1906 года. Был участником Февральской и Октябрьской революций. Первый сборник стихов со вступительной статьей М. Горького вышел в 1930 году. Последующие стихотворные сборники выходили в 1933, 1936, 1937 годах.

ИЗ ЕВРЕЙСКИХ ПОЭТОВ

Этингер Шлойме (1801—1856) — писатель, просветитель. Родился в семье раввина. Окончив Львовский университет, был врачом. Около 1848 года основал еврейскую земледельческую колонию, которая просуществовала до его смерти. Писал стихи, эпиграммы, басни и драмы на языке идиш. При жизни не публиковался.

Гордон Михл (1823—1890) — поэт. Родился в Вильно. Жизнь прошла в скитаниях. Имя ему создали стихотворения, написанные на жаргоне (идиш). Многие из них стали народными. В своем творчестве М. Гордон был горячим поборником просвещения.

Гольдфаден Абрам (1840—1908) — драматург, поэт, организатор еврейской театральной труппы, которая играла в различных городах России. Родился в семье ремесленника-часовщика, учился в раввинском училище в Житомире. Писать начал на древнееврейском языке, потом перешел на разговорный — идиш. В 1866-м и 1869 годах опубликовал два стихотворных сборника «Еврейчик» и «Еврейка», выразив в них горячее сочувствие бедному, обездоленному человеку. Отдельные его стихотворения стали народными песнями. После запрещения царским правительством еврейского театра (1883) Гольдфаден уехал за границу.

Стр. 295. *Знаю, что тысячеокий // Ангел прилетит за мной* — по народным представлениям, ангел смерти тысячеглаз.

Варшавский Марк (1848—1907) — поэт. Родом из Киева. Адвокат по профессии. В 1901 году был опубликован первый сборник его стихотворений с восторженным предисловием Шолом-Алейхема.

Перец Ицхок-Лейбуш (1851—1915) — классик еврейской литературы. На протяжении всей жизни выступал как смелый новатор в разнообразных литературных жанрах. И.-Л. Перец написал первые драматические поэмы на идиш белым стихом. В своих прозаических произведениях и статьях разоблачал западноевропейскую буржуазную «свободу», либеральную фразеологию, выражал протест против угнетения человека.

Стр. 303. Стихотворение «Библейский мотив» было переведено Мариной Цветаевой в 1941 году.

Винчевский Мориц (1856 — 1932) — пролетарский поэт. В 1877 году вступил в ряды немецкой социал-демократии. Систематически печатал под разными псевдонимами в журнале «Асифас-Хахомим» («Собрание мыслителей») стихи, рассказы и статьи, проникнутые социалистическими идеями, направленными против националистов. После издания в Пруссии закона против социалистов был арестован (1878) и вскоре выслан. В 1894 году переехал в Нью-Йорк; с 1897 года принимал деятельное участие в издании социал-демократической газеты «Форвертс» («Вперед»), из которой ушел, как только она приняла оппортунистический характер. В последние годы жизни вступил в Коммунистическую партию США. В 1924 году посетил Советский Союз.

Шолом-Алейхем (настоящее имя — Шолом Нахумович Рабинович; 1859—1916) — великий еврейский писатель, о котором А. В. Луначарский сказал: «Вместе со своими героями Шолом-Алейхем разрешал внутренние противоречия жизни в смехе» («Известия», 1926, 20 июня). Писал также и стихи, особенно в период 1883—1887 годов.

Фруг Семен (1860—1916) — поэт. Родился в семье еврея-земледельца. Начал печататься с 1879 года. В 1885 году был издан первый стихотворный сборник, в последующие годы вышли сборники «Думы и песни» (1887), «Стихотворения 1881—1889», «Песни исхода» (1908).

Розенфельд Морис (1862—1923) — писатель. Сын портного. В 1882 году уехал в Лондон, затем в 1886-м переселился в Нью-Йорк, где 18 лет работал на швейной фабрике. Писал стихи о жизни рабочих. Сотрудничал в социалистических изданиях «Народная газета» (1886) и «Рабочая свобода» (1888—1889), в анархистской газете «Правда» (1889).

Эдельштадт Давид (1866—1892) — поэт. Родом из Калуги. Первые стихотворения были опубликованы в калужской газете, когда Д. Эдельштадту было 12 лет. В 1882 году уехал в Америку. Один из представителей еврейской пролетарской поэзии. Стихотворения «В борьбе», «Мое завещание» пользовались популярностью среди рабочих России и Америки.

Бовшовер Иосиф (1873—1916) — пролетарский поэт. В 18 лет эмигрировал в Америку, работал на фабрике в Нью-Йорке, где выступал перед рабочими со своими стихами. Его стихи и статьи печатались под псевдонимом Турбов в Америке и в лондонской газете «Arbeiter Freund» («Друг рабочего»). Стихи И. Бовшовера были популярны среди еврейского населения Америки, Польши, Литвы. Его поэзия оказала влияние на развитие еврейской советской поэзии.

Бялик Хаим-Нахман (1873—1934) — видный еврейский поэт. Вошел в литературу в 90-х годах, когда четко обозначился процесс социального расслоения еврейских масс в России. В лучших своих произведениях он возвышается до уровня национального, народного поэта. Любовь читателя завоевали его поэмы «Сказание о погроме» (1904), «Сияние» (1901), «Огненная хартия» (1905), «Мертвецы пустыни» (1902), лирические стихотворения. В прозе Х.-Н. Бялик выступает как реалист, мастер бытовых картин и психологических зарисовок. В 1920 году уехал из России. Горький назвал Х.-Н. Бялика «великим поэтом, редким и совершенным воплощением духа своего народа...».

Стр. 326. *Хедер* — еврейская религиозная школа. *Махарша* — талмудист С. Эдельс (1555—1631). *Махарам* —Меир из Люблина (1558—1616) — крупный раввинист.

Стр. 329. *Таммуз* — еврейское название летнего месяца, соответствует июлю.

ИЗ ГРУЗИНСКИХ ПОЭТОВ

Чавчавадзе Александр (1786—1846) — поэт. Родился в княжеской семье. Отец был послом царя Ираклия II при дворе Екатерины II. В 1804 году А. Чавчавадзе убежал из дому и присоединился к восставшим горцам. После поражения восстания был сослан в Тамбов. Вскоре был прощен и зачислен в Пажеский корпус. Участвовал в войне 1812 года, был адъютантом генерал-фельдмаршала Барклая-де-Толли (1761—1818). В 1814 году вернулся в Грузию, где занимал крупные военно-административные должности. В 1827 году в чине генерал-майора участвовал в русско-персидской войне. В 1832 году принимал участие в дворянском заговоре, ставившем целью отторжение Грузии от России; снова был сослан в Тамбов. Был прощен и в 1841 году получил чин генерал-лейтенанта. А. С. Грибоедов был женат на дочери А. Чавчавадзе Нине (1812—1857). А. Чавчавадзе — родоначальник грузинского романтизма. Произведения его переведены на многие языки мира.

Стр. 334. *Главой над Понтийским встает побережьем* — то есть над побережьем Черного моря; Понт Евксинский, букв.: «гостеприимное море» — название Черного моря у древних греков. *Голиаф* — легендарный богатырь, филистимлянин из города Геф.

Стр. 335. *Титан Прометей был прикован Зевесом.*— Прометей — один из титанов, богоборец и защитник людей. В наказание за противодействие богам Зевс повелел приковать Прометея к скале, пробил ему грудь копьем, и огромный орел каждое утро прилетал и клевал печень титана. *Цицишвили* (Цицианов) Павел (1754—1806) — грузинский князь, генерал от инфантерии русской службы. *Армия Севера* — русская армия. *Иверия* — древнее название Восточной Грузии.

О р б е л и а н и Г р и г о л (1804—1883) — поэт. Участник дворянского заговора 1832 года, ставившего целью восстановление независимого грузинского государства и престола. После 5-летней ссылки вернулся в свой полк, 20 лет провел в Дагестане, сражаясь с имамами Шамиля. В 1857 году получил чин генерал-адъютанта. Был генерал-губернатором Тбилиси. На литературном поприще выступил в 1827 году как поэт романтической школы.

Стр. 336. *Азарпеша* — ковш для вина с длинной ручкой.

Стр. 338. *Тамара* (Тамар) (ок. середины 60-х годов XII в.—1213) — грузинская царица, дочь Георгия III. *Бетания* (Вифания) — монастырь XII века, образец древнегрузинского зодчества.

О р б е л и а н и В а х т а н г (1812—1890) — поэт. Учился в Тбилисском благородном училище, потом в Пажеском корпусе в Петербурге. Был участником дворянского заговора 1832 года. Приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в Калугу. В 1837 году амнистирован. Вернувшись в Грузию, поступил на военную службу, дослужился до чина генерала.

Стр. 340. *Дманиси* — развалины средневекового города.

Стр. 341. *Эдем* — рай. *Гомбори* — лесистый хребет в Кахетии.

Б а р а т а ш в и л и Н и к о л о з (1817—1845) — крупнейший грузинский поэт. Ученик философа и общественного деятеля С. Додашвили (1805—1836), под влиянием которого проникся идеями гуманизма и национальной свободы. В начале 40-х годов Бараташвили приобрел славу поэта, но его произведения напечатаны были лишь в 1852 году. Петербургская академия наук избрала его своим корреспондентом, который должен был собирать материалы по истории Грузии. Умер 28 лет от злокачественной лихорадки, погребен на горе Мтацминда.

Стр. 341. *Мтацминда* («Святая гора») — гора, возвышающаяся над Тбилиси, со старинным монастырем, превращенным в пантеон писателей и общественных деятелей Грузии.

Стр. 344. *Екатерина Чавчавадзе* (1816—1882) — дочь поэта Александра Чавчавадзе.

Стр. 347. *Ираклий II* (1716—1798) — царь и полководец, выдающийся государственный деятель, объединивший Кахетию и Карталинию. *Баратаев* (Бараташвили) Михаил Петрович (1784—1856) — родственник поэта, за связь с декабристами был подвергнут аресту.

Стр. 348. *Мерани* — сказочный крылатый вороной конь.

Э р и с т а в и Р а ф а и л (1824—1901) — поэт. Происходил из родовитой дворянской семьи. Учился в Петербургском университете, который не закончил по состоянию здоровья. Был чиновником особых поручений при кутаисском губернаторе. Выступал как переводчик русской и зарубежной классики. Работал как этнограф и собиратель фольклора.

Чавчавадзе Илья (1837—1907) — писатель и общественный деятель. Родился в княжеской семье. Учился И. Чавчавадзе в Петербургском университете, который сыграл решающую роль в формировании его мировоззрения. Литературную деятельность сочетал со службой в государственных и общественных учреждениях. Противник самодержавно-крепостнического строя, виднейший представитель национально-освободительного движения в Грузии, И. Чавчавадзе постоянно находился под наблюдением полиции. Многие его произведения цензура не допускала к печати. Он был убит наемниками царской охранки. Произведения И. Чавчавадзе переведены на многие языки мира.

Стр. 353. *Кварели* — селение в Кахетии, родина Ильи Чавчавадзе.
Стр. 355. *Картли* (Карталиния) — область в Грузии.

Церетели Акакий (1840—1915) — поэт и общественный деятель. Родился в княжеской семье. Учился в Петербургском университете на факультете восточных языков. Атмосфера русского революционно-демократического движения 60-х годов оказала определяющее влияние на мировоззрение поэта. Творчество А. Церетели многогранно. Ему принадлежат, помимо лирических стихотворений, поэмы, повести, очерки, басни, пьесы, публицистические статьи. Лучшие образцы его гражданской и любовной лирики приобрели огромную популярность и принесли ему славу поистине народного поэта.

Стр. 357. *Шербет* — сладкий ароматный напиток.
Стр. 359. Стихотворение «*Песнь песней*» посвящено грузинскому поэту-романтику Г. Орбелиани, отражает полемику поэтов о природе эстетического чувства человека.
Стр. 363. *Тариэл, Автандил, Придон, Дареджан* — герои поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». *Каджи* — злые духи.
Стр. 364. «*Сулико*» — популярное стихотворение поэта. В образе Сулико подразумевается Грузия. Сулико — букв.: «душенька».

Важа Пшавела (1861—1915) — поэт. Выходец из народа. Начальное образование получил в телавской школе. Прослушал курс в горийской семинарии и лекции в Петербургском университете. Важа Пшавела — мастер пейзажа, не имеющий соперника в грузинской поэзии. Его эпическое и лирическое творчество способствовало подъему национального самосознания грузинского народа.

Стр. 370. *Амирани* (Амиран, Амран) — сказочный богатырь, титан, герой древнего народного эпоса Грузии и других народов Кавказа, кавказский Прометей.
Стр. 371. *Дэви* (девы, дивы) — исполинские злые чудовища.

Стр. 374. *Духан* — мелочная лавка. *Картлийцы* (см. прим. к стр. 355), *кахи*, *имеретины* — грузины, живущие в соответствующих частях Грузии: Кахетии, Имеретии; *абахезы* (абхазцы) — народность, населяющая Абхазию.

Евдошвили Иродион (настоящая фамилия — Хоситашвили; 1873—1916) — писатель. Происходил из крестьян. Был исключен из тбилисской духовной семинарии за неблагонадежность. Участник революции 1905 года. Был арестован в 1909 году и сослан в Сольвычегодск в 1910 году. Из ссылки вернулся в 1913 году тяжело больным. Писал прозу и стихи. Творчество поэта высоко ценил В. Маяковский.

Стр. 378. *Кавкасиони* — по-грузински Большой Кавказский хребет. *Алазань* (Алазани) — река в Кахетии, левый приток Куры. *Рион* (Риони) — самая большая река в Западной Грузии.

Гаприндашвили Валериан (1889—1941) — поэт. Окончил юридический факультет Московского университета в 1914 году. Писать стихи начал на русском языке. Первый сборник «Сумерки» вышел в 1919 году. В. Гаприндашвили — один из основателей символистской группы «Голубые роги». После установления советской власти в Грузии отходит от символизма, пишет стихи о революции, социалистическом строительстве.

Стр. 379. *Полина де Виардо* — Виардо-Гарсиа Мишель Полина (1821—1910) — французская певица, вокальный педагог, композитор.

Стр. 380. *Бальмонт* Константин Дмитриевич (1867—1942) — русский поэт, переводчик поэмы «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели.

Шаншиашвили Сандро (род. 1888г.) — писатель. В 1911—1914 годах учился в Швейцарии, затем в Берлинском и Лейпцигском университетах. Литературная деятельность началась в 1904 году. С. Шаншиашвили сыграл большую роль в развитии грузинского советского театра.

Стр. 382. *Чонгури* — струнный музыкальный инструмент.

Гришашвили Иосиф (настоящая фамилия — Мамулаишвили; 1889—1965) — поэт, академик. Родился в семье ремесленника-каменщика. За сборник стихотворений удостоен Государственной премии СССР 1950 года.

ИЗ АРМЯНСКИХ ПОЭТОВ

Абовян Хачатур (1808—1848) — писатель, просветитель, педагог, основоположник новой армянской литературы и нового литературного языка, этнограф. Оставил богатое литературное наследие: романы, рассказы, очерки, пьесы, басни, стихи.

А л и ш а н Г е в о н д (1820—1901) — крупный ученый, географ, исследователь, поэт. Родился в Константинополе. Постоянно жил за границей. Его литературный псевдоним Наапет (Патриарх). Пользовался большой известностью. Сборники его стихотворений и поэм известны под названием («Песнопения»).

П е ш и к т а ш л я н М к р т и ч (1828—1868) — поэт и драматург. Один из создателей армянского национального театра в Константинополе (1856). Автор ряда исторических трагедий, которые были проникнуты идеями объединения народа и борьбы против чужеземного ига. Лучшие стихотворения положены на музыку и поются доныне, в частности «Мы — братья».

Стр. 388. *Айастан* — армянское название Армении.

Н а л б а н д я н М и к а э л (1829—1866) — писатель, публицист, философ, революционный деятель. Зачинатель армянской реалистической критики и эстетики. М. Налбандян прошел сложный путь идейного развития. Выступив как просветитель-демократ, продолжатель традиций Х. Абовяна, он в конце 50-х годов под влиянием освободительной борьбы народов России и Западной Европы первым из армянских писателей стал на позиции революционного демократизма. Как философ М. Налбандян — один из ярких представителей домарксова материализма. Его литературные взгляды складывались под влиянием В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова. М. Налбандян близко подходил к материалистическому пониманию эстетических проблем, выступал с критикой теории «искусства для искусства», защищал принципы реализма и народности.

П а т к а н я н Р а ф а э л (псевдоним — Гамар-Катипа; 1830—1892) — писатель. В 1855—1857 годах издавал литературные сборники «Гамар-Катипа», в которых опубликовал патриотические стихи.В 1863—1864 годах в Петербурге редактировал еженедельник «Юсис» («Север»). В произведениях 50—60-х годов (стихотворениях «Слезы Аракса», 1855;«Песнь матери Агаси», 1862), в исторической поэме «Смерть храброго Вардана Мамиконяна» (1856) обращался к героическим страницам прошлого. Гражданская поэзия Патканяна 50—60-х годов испытала влияние Н. А. Некрасова, а в его прозе заметно влияние Н. В. Гоголя и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Некоторые стихотворения Р. Патканяна положены на музыку и поются в народе.

Д о д о х я н Г е в о р г (1830—1908) — поэт. Родился в Крыму. Примыкал к литературному течению армянской интеллигенции, вышедшей из Тартуского университета. Знаменитое стихотворение поэта «Цицернак» («Ласточка») было напечатано в сборнике литературной группы «Гамар-Катипа» (название сложилось из начальных букв фамилий участников группы).

Стр. 391. *Аштарак* — древнейшее селение неподалеку от Еревана.

А г а я н Г а з а р о с (1840—1911) — писатель и педагог. Демократические воззрения его отразились в мемуарном произведении «Главные события моей жизни», а также в романе «Две сестры». Лирические стихотворения проникнуты идеями борьбы крестьянства с эксплуататорами.

Стр. 393. *Чуха* (чоха) — крестьянская верхняя одежда.

Ш а х а з и з С м б а т (1841—1907) — поэт. Родился в деревне Аштарак. Детство провел в Москве. Окончил Лазаревский институт восточных языков. В течение тридцати лет работал преподавателем в том же институте, целиком отдаваясь литературной и педагогической деятельности. В 1860 году вышел первый стихотворный сборник «В часы досуга», в 1865-м — второй. Переводил А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова.

Д у р я н П е т р о с (1852—1872) — поэт-лирик, драматург. Родился в семье кузнеца, учился в армянском колледже; жил в нищете, умер от туберкулеза. Автор исторических трагедий, насыщенных пафосом национально-освободительной борьбы. В проникновенных песнях он «прокричал миру о страстной любви к родному народу... о своих страданиях...» (Б р ю с о в В. Поэзия Армении, Ереван, 1973, с. 73).

И о а н н и с и а н И о а н н е с (1864—1929) — поэт. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Более двадцати лет был учителем русского языка и всеобщей литературы в армянской духовной академии. В дни Бакинской коммуны руководил городским отделом просвещения. В 1922 году работал в Законодательной комиссии при Совнаркоме Армении, в институте по составлению словарей и разработке терминологии. Выпустил три сборника стихотворений (1887, 1908, 1912). Ранние стихотворения принадлежат к лучшим образцам армянской гражданской лирики. И. Иоаннисиан — мастер любовной лирики и певец природы. В. Брюсов писал, что Иоаннисиан «словно ставил себе задачей — указать все пути и дать все образцы лирики. Песня, ода, элегия, обработка исторической легенды, философское раздумье — все эти и другие основные формы лирики были любовно и тщательно культивированы Иоаннисианом» (Б р ю с о в В. Поэзия Армении, Ереван, 1973, с. 81).

Стр. 399. *Артавазд* — армянский царь; как гласит легенда, был закован в цепи и брошен в пещеру. *Масис* — армянское название горы Арарат.

Ц а т у р я н А л е к с а н д р (1865—1917)— поэт. Родился в Закаталах (Азерб. ССР) в бедной семье. Учился в тифлисском ремесленном училище. Переехав в Москву, занялся самообразованием. В 1891 году вышел первый сборник его стихотворений, в 1898-м — второй. Литературная дея-

тельность не прерывалась до конца жизни. Известен как переводчик русских поэтов — А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. В. Кольцова, И. С. Никитина, А. Н. Плещеева. Переводил Байрона, Г. Гейне.

А к о п я н А к о п (1866—1937) — основатель армянскоїї советской поэзии. Родился в Гяндже (ныне Кировабад). Учился в гимназии. Был исключен за распространение прокламации против Александра III. Переселился в Баку.Работал на нефтяных промыслах. С 1904 года — член большевистскоїї фракции РСДРП. Печататься начал в 90-х годах. В 1923 году А. Акопяну было присвоено звание народного поэта Армении и Грузии. Стихотворения А. Акопяна переводились на русскиї, грузинскиї, азербайджанский, французский и другие языки.

Т у м а н я н О в а н е с (1869—1923) — крупнейшиї армянский писатель, общественный деятель. Родился в семье священника. Начал писать в середине 80-х годов. Общественное признание его поэзия получила в начале 90-х годов с выходом двух томов «Стихотворениї» (1890, 1892). О. Туманян был ярким выразителем реалистической тенденции. Уже в 90-е годы в поэтическом творчестве О. Туманяна широко представлены социально-психологические конфликты армянской действительности, обычаи народа, его фольклорные традиции. Последнее десятилетие XIX — начало XX века — этап зрелости, реализма и народности творчества О. Туманяна. В это время написаны целый ряд поэм, в том числе «Лореци Сако», «Ануш», «Маро», «Старая война», «Давид Сасунский», а также стихотворения и баллады.

Стр. 410. *Гегамы* — горы Армении. *Арагац* — гора на территории Армении.

Стр. 413. *Кяманча* — струнный музыкальный инструмент.

Ш а н т Л е в о н (настоящее имя — Левон Сегбосян; 1869—1951) — поэт. Родился в Константинополе, там же получил среднее образование. Учился в Праге, Париже, Москве. Известен не только как поэт, но и как драматург, романист и педагог. Основные произведения: поэма «Девушка гор», пьесы «Старые боги», «Император».

И с а а к я н А в е т и к (1875—1957) — крупнейший армянский поэт. Родился в деревне Казарапат, вблизи Александрополя. Учился в Александрополе и Эчмиадзинской духовной семинарии, которую не окончил. Долгое время жил в Германии и Франции. Путешествовал по Италии, Греции. Изучал литературу, фольклор и философию европейских народов. Первый сборник стихов «Песни и раны» напечатан в 1898 году, второй сборник под тем же названием — в 1903-м. В 1908 году — вышел в свет третиї сборник. Вернулся из Парижа в Советскую Армению в 1936 году. Плодотворно работал до конца жизни.

Стр. 415. *Яр* — возлюбленный, возлюбленная.
Стр. 420. *Джан* — ласкательное обращение: «душа моя», «милый мой».

Кургинян Шушаник (1876—1927) — поэтесса. Родилась в Александрополе (ныне Ленинакан, Арм. ССР). Систематического образования не получила. Много лет жила в Ростове-на-Дону. Огромное влияние на поэтессу оказала революция 1905 года. В 1907 году издала сборник стихотворений «Звон зари». Умерла в Ереване.

Тэкэян Ваан (1877—1945) — поэт. Родился в Константинополе, там же учился. Был редактором армянских газет. В период с 1905 по 1915 год жил во Франции, Англии, Германии, потом обосновался в Египте. В Армению впервые попал в 20-е годы, позже по семейным обстоятельствам снова вернулся в Египет, где и умер.

Сиаманто (настоящее имя — Атом Ярджанян; 1878—1915) — поэт. Родился в семье менялы. В 1892 году переехал в Константинополь. Учился в женевском колледже, затем в Сорбонне. В общественно-литературной среде Константинополя и Парижа формируются эстетические взгляды Сиаманто. Первое стихотворение «Видения смерти» (1898), в 1908 году в Париже издает стихотворный сборник «Богатырское». Сиаманто был убит турецкими властями.

Варужан Даниэл (1884—1915) — поэт. Родился в Турецкой Армении. Учился в Бельгии. Изданы сборники его стихотворений: «Ужасы», «Разгром», «Сердце племени», «Песнь хлеба». В 1915 году был убит турецкими властями.

Стр. 427. *Чапига* — ручка плуга.
Стр. 429. *Хачбур* — крест, сплетенный из колосьев.

Севак Рубен (настоящая фамилия — Чилинкарян; 1885—1915) — писатель. Окончил медицинский факультет Лозаннского университета. Был врачом в швейцарских больницах. В 1914 году вернулся на родину, через год был убит во время массовых армянских погромов. Автор «Красной книги», посвященной национальным бедствиям армян, поэм: «Безумец погромов», «Турчанка», «Песня о человеке». В периодической печати были опубликованы стихотворения из сборников «Книга любви», «Последние армяне», «Хаос». Эти сборники частично остались в рукописях.

Терьян Ваан (настоящее имя — Тер-Григорьян Ваан; 1885—1920) — поэт и общественный деятель. Родился в семье священника. Окончил Лазаревский институт восточных языков в Москве, учился на историко-филологическом факультете Московского университета, затем на восточном факультете Петербургского университета. Первый сборник стихотворений

«Грезы сумерек», вышедший в 1908 году, поставил В. Тэрьяна в ряд крупнейших представителей новой армянской литературы. В 1912 году вышел второй стихотворный сборник поэта. Некоторые стихотворения этого периода носят следы влияния Поля Верлена. Патриотический цикл «Страна Наири» был создан в 1913—1915 годах. С первых дней Октябрьской социалистической революции он становится деятельным сотрудником Народного комиссариата по делам национальностей. Пролетарскую революцию он приветствовал стихотворениями: «Знамя свободы», «Песня рабочих», «Встань, демократия», «Для всех народов».

Стр. 437. *Наири* — страна рек; название, данное ассирийцами древней Армении.

З а р я н К о с т а н (1885—1969) родился в Грузии в городе Шамахи. Учился в Баку, позже в Париже. Писать начал рано, вначале на французском и итальянском языках, после 1910 года — на родном языке. Писал стихи и романы. Революция застала Заряна за рубежом, в 1963 году вернулся в Советскую Армению.

М е ц а р е н ц М и с а к (1886—1908) — выдающийся армянский лирик. Приобрели известность два поэтических сборника, изданные в 1907 году,— «Радуга», «Новые песни».

Стр. 441. *Пери* — прекрасные девы; в их облике выступает нечистая сила. Впоследствии в восточной поэзии пери стали олицетворять собой дев не земного происхождения.

ИЗ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ПОЭТОВ

З а к и р (настоящее имя — Касым бек Алибек оглы Джеваншири Хинзиристани; 1784—1857) — поэт. Служил в царских войсках (иррегулярных) в период кавказских войн. Пропагандировал необходимость культурного сближения азербайджанского и русского народов, а также народов Закавказья. В стихах выступал против тирании. Вел борьбу с реакционным мусульманским духовенством. По приказу карабахского уездного начальства имение престарелого поэта было разорено, а сам он сослан.

Стр. 445. *Гошма* — одна из силлабических форм азербайджанского стихосложения, одиннадцатисложник; состоит из пяти строф, в каждой строфе — четыре строки.

Стр. 447. *Яшмак* — повязка, покрывающая нижнюю часть лица женщины.

Стр. 449. *Нун* — буква арабского алфавита, обычно сравнивается с бровью и родинкой над ней.

Стр. 450. *Бадахшан* — область на Памире, славилась рубинами.

Стр. 451. *Ваиз* — проповедник. *Бек* — правитель округа или города; почетный титул.

Стр. 452. *Дарга* — в Азербайджане XVI—XVIII веков слово это употреблялось в значении чиновника хана, собиравшего подати, или управителя деревни. В данном случае — смотритель базара. *Ага* — господин, повелитель. *Сеид* — титул мусульман, ведущих происхождение от «пророка» Мухаммеда. *Мулла* (молла) — мусульманское духовное лицо. *Муров* — первоначально падзиратель, распределяющий воду для орошения. В дореволюционной азербайджанской деревне выполнял еще и другие мелкие административные функции.

Бакиханов Аббас-Кули-Ага-Кудси (псевдоним — Кудси; 1794—1847) — писатель, ученый-просветитель. Владел персидским и арабскими языками. Участвовал в русско-иранской и русско-турецкой войнах (1826—1829) на стороне России. Был другом А. Грибоедова, А. Бестужева-Марлинского и В. Кюхельбекера. Был знаком с А. С. Пушкиным. В 40-х годах участвовал в литературном кружке Мирзы-Шафи Вазеха.

Стр. 452. *Магомет* (Мухаммед; ок. 570—632) — арабский религиозный и государственный деятель, которого западные буржуазные востоковеды обычно считают основателем ислама и автором Корана, а мусульмане — величайшим пророком, посланником аллаха.

Стр. 453. *Джуббе* — мужская одежда, длинная, с широкими рукавами.

Мирза-Шафи Вазех (1794—1852) — поэт. Вошел в литературу как поэт-реалист, просветитель. До 40-х годов жил и работал в Гяндже. В результате гонений покинул родной город и переехал в Тифлис. Здесь создал литературный кружок «Дивани Хикмат» («Собрание мудрости»), который объединил виднейших азербайджанских поэтов и литераторов.

Стр. 455. *Шейх* — почетное звание, которое присваивается служителям мусульманского религиозного культа.

Стр. 456. *Султан Махмуд* — Махмуд Ямин Себуктегин (998—1030) — основатель и самый могущественный правитель династии Газневидов. *Аяз* — имя любимого раба султана Махмуда Газневида.

Хейран Ханум — одна из наиболее видных азербайджанских поэтесс, живших в начале XIX века. Даты рождения и смерти неизвестны. Ее литературное наследие (диван) состоит из 4500 двустиший, написанных на азербайджанском языке и фарси. Часть жизни жила в Таврии (первая половина XIX в.). Хейран Ханум — яркая представительница литературной школы Физули, продолжательница его традиций.

Стр. 459. *Ханум* — жена, госпожа, дама. *Иса* — евангельский Иисус.

Стр. 461. *Зулейха* — жена Азиса Египетского, домогавшаяся любви Иосифа. *Юсуф* — библейский Иосиф Прекрасный (см. прим. к стр. 472). *Фархад*—имя легендарного каменотеса, героя поэмы А. Навои «Фархад и Ширин».

Набати Сейид Абулькасим (1812—1873) — поэт. В начале творчества писал стихотворения в духе классической литературы под несомненным влиянием Руми, Саади, Хафиза. Впоследствии в творчестве поэта большое место заняла любовная лирика.

Стр. 462. *Газель* — лирическое стихотворение, возникшее в персидской поэзии еще в X веке; насчитывает не более двенадцати двустиший (бейтов) с единой рифмой (монорифмой) во всех четырех строчках, в первом бейте обе строки имеют рифму. *Лейли* — любимая Меджнуна. *Меджнун* — букв.: одержимый, безумный от любви, романтический герой поэм Низами, Физули и многих других поэтов Востока.

Ахундов Мирза-Фатали (1812—1878) — писатель, общественный деятель, родоначальник азербайджанской реалистической литературы. Получил духовное образование, владел многими восточными языками. Был знаком с передовыми людьми своего времени, в частности с декабристами, сосланными на Кавказ, и участниками польского восстания. Первым значительным произведением была элегическая поэма «На смерть Пушкина», переведенная на русский язык декабристом А. А. Бестужевым-Марлинским в мае 1837 года и опубликованная в этом же году в журнале «Московский наблюдатель». Литературный талант М.-Ф. Ахундова с особой силой проявился в драматургии. Его творчество способствовало развитию новой демократической литературы на всем Переднем Востоке и в Средней Азии.

Стр. 465. *Турачи* — род птиц средней величины из отряда куриных.

Стр. 468. *Сабухи* — псевдоним М.-Ф. Ахундова.

Стр. 469. *Батман* — мера веса, колебавшаяся в разных местностях Средней Азии; также мера площади. *Исрафил* — один из четырех архангелов, являющийся, по учению мусульман, хранителем небесной трубы, затрубив в которую он воскресит мертвых. *Мохаррам* — религиозный праздник у мусульман.

Ашуг Алескер (1821—1926) — один из крупнейших азербайджанских ашугов. Создал классические образцы ашугской поэзии. Признанный мастер стихосложения, работал во всех формах ашугской поэзии.

Натаван Хуршидбану (1830—1897) — поэтесса. В газелях, написанных простым языком, она воспела чистые возвышенные чувства женской души, глубокие переживания женщины-матери.

Стр. 472. *Миср* — Египет. *Якуб* — Яков (Иаков). *Зиндан* — темница. *Юсуфу, чья судьба тиха, чтоб не встречалась Зулейха...* — По библейскому

преданию, Иосиф Прекрасный (сын Иакова) был продан братьями в рабство в Египет, где стал рабом начальника телохранителей фараона Потифара. Жена Потифара Зулейха воспылала к Иосифу страстью, но была им отвергнута. По навету Зулейхи Иосиф был заключен в темницу.

Ширвани Сеид-Сезим (1835—1888) — поэт. Жил и учился в Ираке, Сирии и Египте. Начал с классических жанров и прославился как замечательный мастер газели. После Физули Ширвани считается крупнейшим лириком Азербайджана.

Стр. 475. *Эмир* — верховный правитель. *Азраил* — ангел смерти.

Стр. 476. *Туман* — денежная единица. *Кадий* (кази) — духовный судья у мусульман.

Стр. 477. *Имам* — духовный сан. *Шариат* — свод законов, основанный на священной книге мусульман — Коране.

Стр. 480. *Сура* — глава в Коране.

Сабир Мирза-Алекпер (1862—1911) — поэт. Родился в семье торговца. Учился у моллы. Долгое время в творчестве поэта основное место занимали классические жанры и соответственная тематика. Революция 1905 года вызвала коренной поворот в творчестве поэта. В его стихах начали во всю мощь звучать революционно-демократические идеи.

Стр. 481. *Аба* — шерстяная накидка.

Стр. 486. *Гылман* — ангел, херувим. *Гурия* — райская дева, символ красоты.

Стр. 488. *Гаджи* (или хаджи) — почетный титул, присваиваемый мусульманам, совершившим паломничество — «хадж», в священный храм Каабы в Мекке. *Мешади* — приставка, добавляемая к имени человека, совершившего паломничество в святые места. *Намаз* — пятикратная ежедневная молитва у мусульман.

Сиххат Аббас (1874—1918) — поэт. Господствующее начало в творчестве — лиризм, задушевность, чувствительность. В своих стихах опоэтизировал мечту о другом, лучшем общественном строе, основанном на законах разума и просвещения, культуры и прогресса, гуманности.

Джавид Гусейн (1882—1944) — поэт. Оставил богатое литературное наследие — романтические драмы в стихах: «Шейда», «Шейх Санан», «Омар Хайям», «Иблис», «Сиявуш».

Стр. 492. *Кааба* — храм в Мекке; главное святилище мусульман, куда надлежит обращаться лицом во время молитвы.

Стр. 495. *Кафир* (кяфир) — общее название всех иноверцев у мусульман.

Чанка (Тажутдин) (1860—1908) — аварский поэт. Родился в ауле Батлаич. Мать была известной в Аварии плакальщицей и певицей. Сын бедняка, Тажутдин был воспитан дедом; учился у крупных арабистов. Стал учителем в родном ауле. Многие из стихотворений стали народными песнями. В последние годы жизни поэт эмигрировал в Турцию и вскоре умер на пути в Мекку. Произведения поэта были записаны и напечатаны только после Октябрьской революции.

Стр. 498. *Муталим* — ученик мусульманской духовной школы, медресе. *Хизри* (Хызр) — почитаемый на Востоке мифический святой, отождествляемый с библейским Илией; согласно преданию, появление Хызра превращает пустыню в долину плодородия. *Хадис* — легенды и рассказы типа «житие» о Мухаммеде и мусульманских святых.

Стр. 499. *Мекка* — город в Аравии, родина Мухаммеда, священный город.

Стр. 500. *Сардар* — правитель, наместник.

Махмуд из Кахаб-Росо (1873—1919). Родина поэта — аварский аул Кахаб-Росо. Отец был угольщиком. Несмотря на бедность, он отдал сына учиться. Поэтический дар у Махмуда обнаружился в ранней юности, а через несколько лет слава о нем гремела по всей Аварии. Он исполнял свои произведения под собственный аккомпанемент. Большинство стихов Махмуда посвящено любимой по имени Муи. Жил в Закавказье, в Сальянах, в Баку. В 1914 году записался добровольцем в Дагестанский конный полк, сражался в Альпах, в Австрии, был тяжело ранен. В Карпатах написана его знаменитая поэма «Мариам» (послание к Муи). После Октябрьской революции вернулся в Порт-Петровск (Махачкала). Первое собрание песен Махмуда на родном языке вышло в Махачкале в 1926 году. Творчество Махмуда оказало огромное влияние на развитие дагестанской поэзии.

Стр. 501. *Рамазан* — название девятого месяца мусульманского лунного года; время мусульманского поста.

Стр. 503. *Ширван* — местность на северо-востоке Азербайджана, в средние века — феодальное государство. *Джейхун* — традиционное в поэзии название реки Амударьи, иногда любой быстрой многоводной реки.

Батырай (1831—1910) — даргинский поэт. Его поэзия начинает демократическую линию в дагестанской литературе. Большое место в творчестве занимает любовная лирика. Известен цикл его песен, в которых отразилась жизнь даргинской деревни прошлого века, цикл песен «О герое», воспевающих волевую личность.

Стр. 509. *Самур* — река, протекающая в Дагестане, а также в Азербайджане.

Мунги Ахмед (1843—1915) — даргинский поэт. Первый в Дагестане воспел в своих стихах труд мастерового люда. Отличается демократичностью и вниманием к проблемам социального неравенства.

Стр. 514. *Говорит «манжур» она...*— В такой транскрипции Ахмед Мунги передает французское слово «бонжур» (добрый день, здравствуйте).

Ирчи Казак (1830 — 1879) — кумыкский поэт. Четкая критическая направленность, социальная тематика, обращение к предметам и характерам повседневного быта — основные черты его творчества.

Стр. 517. *Аргамак* — порода быстрых и выносливых верховых восточных лошадей.

Османов Магомед-Эффенди (1840—1904) — кумыкский поэт. Родился в семье кадия царской конвойной роты из мусульман. Получил духовное образование. В Петербурге занял место отца в конвойной роте. В творчестве получили отражение и развитие многие традиции поэзии Ирчи Казака — широкий интерес к общественной жизни, близость к фольклору, внимание к сатирическим жанрам. М.-Э. Османов — первый собиратель и издатель кумыкского и ногайского фольклора.

Стр. 522. *Уздень* — свободный крестьянин.

Щаза из Куркли (1880—1931) — лакская поэтесса. Родилась в бедной семье. Нелегка была ее судьба, несчастное замужество, бегство из семьи, скитание по чужим домам вместе с маленьким сыном. Пела на свадьбах, была плакальщицей на похоронах. Поэтический дар Щазы и ее прекрасный голос принесли ей широкую известность. Ее песни и биографические сведения о ней разысканы лакским литературоведом и фольклористом Х. Халиловым.

Саидов Гарун (1891—1914) — лакский поэт. Получил русское образование. Творчество отмечено идеями русского освободительного движения. В 1919 году появилась на театральной сцене его пьеса «Лудильщики». Погиб в борьбе за советскую власть.

Етим Эмин (1837—1889) — лезгинский поэт. В лирике большое место занимает отражение личной судьбы поэта.

Гаджи Ахтынский (1865—1914) — лезгинский поэт. Родился в ауле Ахты. Покинув родину в поисках заработка, долго жил в Азербайджане. Работал на нефтепромыслах. Является первым рабочим поэтом в лезгинской литературе. Творчество его носит эпистолярный характер: стихи-письма к друзьям и близким.

Стр. 533. *Джамаат* — народ, люди, толпа.

ИЗ ОСЕТИНСКИХ ПОЭТОВ

Г а д и е в С е к а (1855—1915) — писатель, родился в семье горца-бедняка. Бесправный труженик — центральная фигура творчества. В стихотворении «Чермен» создал образ легендарного народного героя, поднявшего меч против землевладельцев.

Стр. 534. *Нана* — мать.

Х е т а г у р о в К о с т а (1859—1906) — основоположник осетинской литературы и литературного языка. Родился в горном селении Нар, в семье офицера русской службы Л. Е. Хетагурова. В 1870 году Л. Хетагуров вместе с частью безземельных горцев из нарского ущелья основал на равнине, в Кубанской области, селение Лаба, ныне селение Хетагурово. В Ставропольской гимназии, где учился Коста, проявились его способности к литературе и живописи. В 1881 году К. Хетагуров был принят в Петербургскую академию художеств. С 1885 по 1891 год К. Хетагуров жил во Владикавказе. К этому периоду относится его самая активная поэтическая и общественная деятельность. К. Хетагуров писал на осетинском и русском языках. За революционную деятельность подвергался преследованиям, был несколько раз выслан. В 1899 году вышел из печати его сборник «Осетинская лира», который был конфискован. Несмотря на тяжелую болезнь, К. Хетагуров до последних дней напряженно работал. Умер поэт в Ставрополе.

Стр. 535. *Арака* — водка.

Стр. 539. *Нарт* — воин-богатырь в восточных сказаниях. *Фандыр* — лира.

Ц а г о л о в Г е о р г и й (1871—1938) — поэт, публицист. Родился в селении Христиановском (ныне Дигора) в семье священника, впоследствии народного учителя. Окончил моздокское духовное училище, учился в Ставропольской духовной семинарии, был исключен за чтение «недозволенных книг». Работал чернорабочим, телеграфистом, сельским писарем, учителем. Первый поэтический сборник Г. Цаголова «Осетинские мотивы» вышел в 1907 году.

А б а е в Ш а м и л ь (1878—1940) — поэт. Родился в селении Христиановском в семье крестьянина. Стихи начал писать в 1902 году. Первый переводчик на осетинский язык революционной песни «Варшавянка». В 1932 году был издан его стихотворный сборник «Две жизни».

Г а д и е в Ц о м а к (1883—1931) — поэт. Окончил историко-филологический факультет Тартуского университета. За участие в революционном движении в 1908 году был осужден на пожизненное поселение в Сибири. Вернулся на родину после Февральской революции, принял участие в Октябрьской революции и в борьбе за советскую власть в Северной Осетии.

Стр. 543. *Адат* — неписаный закон, обычное право у мусульман.

Баграев Созур (1888—1928) — поэт. Выступал в защиту обездоленных крестьян против местных богачей и землевладельцев-алдаров, царских чиновников. Был партизаном в годы гражданской войны. В сатирических стихах обличал врагов революции.

БАЛКАРСКИЙ ПОЭТ

Мечиев Кязим (1859—1945) — зачинатель балкарской литературы. Владел фарси, арабским, тюркскими языками, изучал поэтов Востока. Поэзия К. Мечиева отличается высоким гуманизмом. В годы советской власти в стихах и песнях поэта отразились перемены во всех областях жизни и быта горцев.

ИЗ ТАТАРСКИХ ПОЭТОВ

Кандалый Габделжаббар (1797—1860) — поэт. При жизни сочинения его распространялись в рукописях. Впервые были опубликованы просветителем Каюмом Насыри в книге «Плоды бесед о литературе» (1884). Писал сатирические стихотворения, любовные поэмы, посвященные крестьянской девушке («Сахипджамал», 1884).

Стр. 551. *Хазрет* — духовный наставник. *Абыстай* — почтительное обращение к жене муллы.

Стр. 554. *Тебе послал я много строк, у них «Мухаммедии» слог...* — «Мухаммедия» — книга стихов религиозного содержания, написанная в XV веке турецким поэтом Мухаммедом Чаляпи.

Гали Чокрый (1826—1889) — поэт. Развивал новаторские тенденции творчества своих предшественников. Для самого Г. Чокрыя характерно обращение к жизни как главному источнику поэзии, ярко выраженное национальное своеобразие, народность языка.

Стр. 554. *Булгар* (Болгар Великий) — столица Волжско-Камской Болгарии в период с X по XV век, ныне селение Болгары Тат. АССР. Описан арабским историком Ибн-Фадланом. *Аксак-Тимур.*— Имеется в виду среднеазиатский полководец и завоеватель Тимур (Тамерлан; 1336—1405).

Акмулла Мифтахетдин (1831—1895) — поэт-просветитель. Писал на так называемом языке тюрки, некоторые произведения на казахском. В отличие от религиозно-мистической поэзии поэтов-суфиев был выразителем идеалов простого народа. При жизни было напечатано лишь одно стихотворение поэта.

Стр. 556. *Мурза* (мирза) — представитель знатного рода.

Емельянов Яков (1848—1899) — поэт. Родился в семье крестьянина, учился в Казанской школе крещеных татар. До 1874 года был учителем. В 1879 году в Казани был опубликован его сборник «Стихи на крещен-татарском языке».

Дардменд (настоящее имя — Закир Рамиев; 1859—1921) — поэт. Учился в медресе. В Стамбуле изучал турецкую литературу. Был издателем татарских журналов.

Рамиев Сагит (1880—1926) — поэт. Родился в семье плотовщика. Учился в Оренбурге, в медресе «Хусаиния» и в русской школе. С 1902 года работал учителем. В 1906 году переехал в Казань. Ввел в татарскую поэзию живые интонации разговорной речи. Перевел на родной язык «Марсельезу», «Живой труп» Л. Н. Толстого, переводил стихотворения Н. А. Некрасова, Демьяна Бедного.

Тукай Габдулла (1886—1913) — народный поэт. Родился в деревне Кушлауч в семье муллы. Учился в Уральске в местной школе. В 1907 году переехал в Казань, где развернул кипучую литературную и общественную деятельность. В казанский период Г. Тукай изучает устное народное творчество, литературу арабов, персов, турок, русскую литературу. Г. Тукай пришел в поэзию в годы первой русской революции как поэт, вдохновленный идеалами свободы и социального равенства. В своих произведениях он призывал татарский народ вступить на путь борьбы с эксплуататорами и царизмом. Вел непримиримую борьбу с буржуазными националистами и национальными нигилистами.

Стр. 567. *Саз* — струнный музыкальный инструмент.

БАШКИРСКИЙ ПОЭТ

Бабич Шайхзада (1895—1919) родился в деревне Асяп в семье муллы. Окончил уфимское медресе «Галия». Вошел в литературу в предреволюционные годы.

Печататься начал в 1913 году. Считал себя преемником поэтической традиции Габдуллы Тукая. Ш. Бабич одним из первых в башкирской и татарской поэзии воспел революционный рабочий класс. В своей гражданской лирике он выступает как поэт революционного обновления. Ш. Бабич оставил ценное наследие, являющееся национальной гордостью башкирского народа.

Стр. 576. *Курай* — деревянный музыкальный инструмент типа флейты. *Яик* — река Урал.

КАЛМЫЦКИЙ ПОЭТ

Бадма Боован (1880—1917) родился в семье бедняка-кочевника. Ребенком был отдан в хурул (калмыцкий монастырь). Б. Бадма провел там несколько лет. Выдающиеся способности привели его в Лхасу, где в течение 18 лет Бадма постигал премудрости ламаистской учености, получил докторскую степень «лхарамба». На 31-м году жизни вернулся на родину. С открытием буддийского хурула в Петербурге Бадма обосновался здесь. Общался с выдающимися востоковедами того времени — Б. Я. Владимирцовым, В. Л. Котвичем, С. Ф. Ольденбургом, Ф. И. Щербатским. В 1915 году появилась поэма Бадмы «Услаждение слуха». Автор ее был отлучен от калмыцкой церкви, так как поэма своей основной направленностью расшатывала слепую веру в непререкаемость авторитета церковных иерархов. Февральская революция 1917 года вселила в поэта надежду на прогрессивное развитие родного края. Жизнь Бадмы оборвалась трагически. Прогрессивная общественность Калмыкии обвинила в смерти поэта церковную верхушку.

Стр. 579. *Пречистой Пищи сын* — одно из имен (эпитетов) Будды. *Нирвана* — одна из важнейших категорий буддийской философии, состояние полного освобождения от страданий. *Три драгоценности* — Будда, его учение и его последователи (хувраки).

Стр. 581. *Шлока* — основной размер санскритской дидактической поэзии; здесь — строфы-восьмистишия, которыми написана поэма. *Гелюнг* — монашеская степень. *Банди* — послушник в монастыре. *Ради инорожденческих дел* — то есть дел, предстоящих человеку, согласно верованиям буддистов, в ином (после смерти) рождении.

Стр. 582. *Ты покинул родимый свой дом.*— Имеется в виду одна из заповедей Будды своим последователям: жить в монастыре, отрешившись то «греховных» мирских дел, от вражды и привязанностей. *Айас* — самый страшный из восемнадцати видов ада.

Стр. 583. *Хутукта* — святой. *Облачаться в наряд дорогой, // Не приближешься к жизни другой.*— Имеется в виду заповедь о разрешении носить шелковую мантию лишь в промежутке между концом земной жизни и началом иного существования, то есть, по-видимому, с обретением святости, сана хутукты. *Багш* — старшее должностное лицо монастырской общины, наставник всех хувраков; формально подчинялся только ламе калмыцкого народа.

Стр. 584. *Хотон* — группа юрт, поставленных в круг. В одном хотоне, как правило, проживали близкие между собой родственники.

Стр. 585. *Шебинер*—духовный ученик. *Субурган*—надгробная пирамида. «*Отведавший вина — не ученик*» — изречение из «Шастры о виновности за винопитие» богослова Бадмы Жуннэ, приводящего якобы подлинные слова Будды; здесь автор песни обвиняет багша в том, что тот, игнорируя эту заповедь, тем не менее считает себя учеником и последователем Будды.

Стр. 586. *Как первородный грех преодолеть, // Он рассказать не сможет...*— То есть багш не в состоянии проповедовать так называемые «наставления ундэс ясаху», направленные на полное преодоление нравственных изъянов. *Велит устав, чтоб дом был прост и строг.*— Устав хурульной общины строго регламентировал размеры жилища, кровати, чаши аскета. *Тантристский сан* — высшая ступень монашества. *О каре за нарушенный обет // Не помышляет вовсе он...* — Монахи-тантристы должны были соблюдать 318 принципов. Предполагалось, что за нарушение их ответственность несут как священнослужитель, так и рукополагавший его наставник.

Стр. 587. *«Ом мани бадме хум»* — дословно: «Жемчужина в цветке лотоса», то есть Будда. Так начинается известная буддийская молитва. *Нойон* — крупный феодал, господин, высший представитель сословной знати.

В данном комментарии использованы материалы кандидата филологических наук А. Ш. Кичикова.

ИЗ МАРИЙСКИХ ПОЭТОВ

Чавайн Сергей (1888—1942) — основоположник литературы народа мари. Родился в бедной крестьянской семье. Учился в Казанской учительской семинарии. Был учителем в Казахстане. Переводил на марийский язык классическую русскую поэзию. Писал стихотворения, поэмы, песни, рассказы и повести.

Мухин Николай (1890—1943) — поэт. Родился в семье учителя. Рано оставшись сиротой, батрачил у богачей, был пастухом. Всю жизнь работал учителем. В 1918 году опубликовал поэму «Смена жизни». Автор сборников «Стихи» (1928) и «Плоды свободы» (1936).

ИЗ ЧУВАШСКИХ ПОЭТОВ

Иванов Константин (1890—1915) — известный поэт. Учился в Симбирской чувашской учительской школе. Был исключен за участие в бойкотировании шовинистически настроенных преподавателей. В 1909 году получил звание народного учителя. Принимал участие в составлении букварей и учебных пособий для чувашских школ. Литературную деятельность начал с перевода революционных песен в годы первой русской революции и стихов М. Ю. Лермонтова, Н. П. Огарева, А. В. Кольцова, Н. А. Некрасова. Написал стихотворную сказку «Две дочери», баллады «Железная мялка» и «Вдова», сказ «Голодные», трагедию «Раб дьявола», публицистическое стихотворение «Наше время» и свое лучшее произведение — лирико-эпическую поэму «Нарспи». Первым использовал в чувашской поэзии силлабо-тонический стих.

Стр. 593. *Тури-касе* — верхняя улица или возвышенная часть села.
Стр. 595. *Большой калым* — весенний праздник.
Стр. 596. *Уйран* — напиток из кислого молока.

Эмине (2-я пол. XIX века) — поэтесса. Ее называли «Волгой Чувашии». Родилась в поселке Висьпюрт. Когда ей было 19 лет, ее суженого забрали в пожизненные рекруты и Эмине покончила жизнь самоубийством. Многие чувашские народные песни приписываются Эмине.

Стр. 598. *Саппун* — вышитый передник, часть праздничной одежды.

ИЗ КАЗАХСКИХ ПОЭТОВ

Каржаулов Шоже (1805—1891) — известный акын-импровизатор, виртуозный мастер айтыса (состязания в стихах), от рождения слепой. Разъезжая по Казахстану и Киргизии, вступал в песенные состязания со многими видными акынами-импровизаторами и выходил победителем.

Аранов Суюнбай (1827—1896) — поэт-акын демократического направления. Призывал народ к борьбе против ханов-угнетателей, прославлял вождя народного восстания Исатая Тайманова. Творчество отмечено большим мастерством и острой социальной направленностью. Широко использовал традиционную форму айтыс.

Стр. 604. *Джейляу* — летнее становище, пастбище.

Биржан-Сал (1831—1894) — народный композитор, акын, певец. Родился в местечке Ербол Кокчетавской области. Известен целый ряд песен Биржана, популярных в народе: «Жамбота», лирическая песня «Заблуждения». «Айтбай» — одно из наиболее значительных произведений Биржана.

Жаяу Муса (1835—1929) — известный певец и слагатель песен. Родился недалеко от озера Жасыбай в нынешней Павлодарской области. Играл не на домбре, как все акыны, а на скрипке и на гармонии, пел и по-русски. Наиболее известны его песня «Белый ситец», ставшая гимном бунта и борьбы казахского народа, «Кулбай», «Шолпан», «Турумтай». Шедевр творчества Мусы «Гаухар-кыз»,— лирическая песня, исполненная гражданского чувства Оставил богатое литературное наследие: эпическую поэму «Олжабай батыр», множество стихотворений, басни.

Стр. 607. *Бий* — судья.

А л т ы н с а р и н И б р а й (1841—1889) — педагог-просветитель, писатель, этнограф и фольклорист. Боролся против отсталости народных масс, против религиозного мракобесия. Убежденный сторонник содружества русского и казахского народов, пропагандировал демократическую русскую литературу. Зачинатель казахской реалистической литературы, талантливый поэт и переводчик.

К а р а м с и н А х а н - С э р э (1843—1913) — акын. Родился в местечке Коскуль. Тринадцатилетним мальчиком уехал в Петропавловск, где поступил в медресе. Однако религиозное учение не соответствовало его стремлениям и натуре, и он, оставив Петропавловск, вернулся в родной аул. На заре творчества Ахан-Сэрэ была создана ставшая популярной в народе песня «Желдирме».

К е м п и р б а й (1844—1895) — популярный народный певец-импровизатор, мастер устного народного творчества. Вступал в песенные состязания со многими акынами своего времени.

Стр. 611. *Нар* — одногорбый верблюд. «*Кок кептер*» — дословно «синий голубь».

Стр. 612. *Курук* — длинный шест с веревочной петлей на конце для ловли отбившихся скакунов.

К у н а н б а е в А б а й (1845—1904) — великий поэт-демократ. Основоположник критического реализма в казахской литературе. Его лирика, сатира, философско-публицистические назидания «Гаклия» являются широкой картиной жизни казахского общества. Огромную роль сыграл он в деле просвещения народа, ознакомил его с русской классической литературой. Будучи реалистом критического направления, он беспощадно критиковал в своих произведениях феодальную верхушку. На эстетические взгляды Абая оказали влияние идеи В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова.

Стр. 613. *Медресе* — мусульманская школа в мечети или особом здании при ней.

Стр. 615. *Кобыз* — музыкальный инструмент.

Стр. 618. *Тулпар* — легендарный конь.

С а р ы (1863—1895) — акын. Родился в Талдыкуме, в нынешнем Челкарском районе Актюбинской области. Песни его пользовались огромной популярностью в народе. Наиболее известные и значительные из них: «Сары», «Глеу-Кабак» и много других.

Стр. 623. *Камча* — плеть.

Б а л у а н - Ш о л а к (1864—1919) — акын, народный композитор, певец. Поначалу исполнял песни акынов Биржана и Ахана, затем стал создавать свои собственные. Широко известна в народе жизнерадостная песня Шолака «Сентябрь», шедевр казахского песенного творчества «Галия», посвященная любимой женщине.

Т о р а й г ы р о в С у л т а н м а х м у т (1893—1920) — писатель демократического направления. Сыграл большую роль в развитии казахской поэзии и прозы. В своих стихах он изобличал феодалов, звал казахский народ к знаниям, к борьбе за свободу. Горячо приветствовал советскую власть в Казахстане. Автор поэм, романа в стихах.

ИЗ УЗБЕКСКИХ ПОЭТОВ

А г а х и М у х а м м е д Р и з а (1809—1874) — писатель, историк, переводчик. Служил при дворе хивинских ханов хронистом. Племянник поэта Муниса Хорезми, автора исторического труда «Райский сад счастья». Продолжал труд своего предшественника — летопись Хорезма. Автор лирического дивана «Талисман влюбленных». Агахи перевел на узбекский язык произведения классиков Востока: «Гулистан» Саади, «Бахаристан» Джами.

Стр. 628. *Алиф* — буква арабского алфавита; тонкая вертикальная черта. С алифом в поэзии сравнивается стройный стан красавицы. *Карун* (библейский Корей) — мифический богач древности, который за скупость был проклят Моисеем, после чего земля разверзлась и поглотила Каруна со всеми его сокровищами.

Ф а з л и (XIX в.; даты рождения и смерти неизвестны) — поэт. Жил при дворе кокандского правителя. Писал преимущественно газели любовно-лирического и философского содержания. Художественную ценность представляет запись поэтического состязания Фазли с поэтессой Махзуной.

Стр. 629. *Сунбуль* — гиацинт.
Стр. 630. *Шахимардон* — селение в Ферганской области.

Г у л ь х а н и М у х а м м е д Ш а р и ф — поэт XIX века, даты жизни и смерти неизвестны. Писал на узбекском и таджикском языках. Жил в Намангане и Коканде во время правления кокандского хана Омархана (1810—1822). Вначале работал банщиком, затем был принят во дворец Омархана в качестве воина (сарбаза). Вскоре проявил себя как талантливый поэт, остроумный в спорах и поэтических состязаниях. Основал жанр басни в узбекской литературе.

Стр. 631. *Коканд* — город в Ферганской долине, центр Кокандского ханства.

М а х з у н а (настоящее имя — Мехрибан; даты рождения и смерти неизвестны) — поэтесса XIX века. Писала на узбекском и таджикском языках. До нас дошли лишь отдельные стихотворения. Среди них — две таджикские газели, один узбекский мухаммас, одно узбекское и одно таджикское мушаира (стихотворный диалог) между Махзуной и Фазли.

Стр. 632. *Мухаммас* — стихотворение, состоящее из пятистрочных строф.

Н а д и р а (год рождения неизвестен, умерла в 1842 г.; настоящее имя — Махимар-сим) — поэтесса. Была дочерью правителя города Андижана. В 1808 году Надиру выдали замуж за Омархана. После смерти мужа престол перешел к ее четырнадцатилетнему сыну, но всеми делами управляла Надира. Она покровительствовала ученым и людям искусства. В 1842 году бухарский эмир Насрулла-хан захватил Коканд и, обвинив Надиру в нарушении законов шариата, казнил. Вместе с ней были казнены ее сыновья. До нас дошли сборники стихотворений Надиры на староузбекском и новоперсидском языках.

М а х м у р М а х м у д (год рождения неизвестен, умер в Коканде в 1844 г.) — поэт-сатирик. Входил в группу прогрессивных поэтов (Гульхани, Гази и Хазык), противостоявшую придворным одописцам Кокандского ханства. Обличал знать, духовенство и хана. Стихи отличаются гуманистическими настроениями.

Стр. 635. *Нехтеби* — попугай в восточной поэзии.

Стр. 636. *Муфтий* (муфти) — духовное лицо, объясняющее правила шариата, религиозного закона мусульман. *Хаким* — губернатор в эмирской Бухаре. *Дервиш* — мусульманский монах, член суфийского ордена.

Стр. 637. *Суфий* (суфи) — человек, исповедующий учения суфизма (религиозно-мистическое учение на Востоке). *Миршаб* — букв.: «господин ночи», полицейская охрана.

К а м и л ь Х о р е з м и Н и я з м у х а м м е д (год рождения неизвестен, умер в 1899 г.) — поэт и музыковед. Служил у Мухаммед-Рахим-хана II секретарем и правителем канцелярии. Знал классическое наследие прошлого, переводил с персидского языка. Рукописный диван (собрание сочинений) Хорезми хранится в Институте востоковедения АН Узб. ССР. Создал систему нот, известных под названием «хорезмских», и записал узбекские классические мелодии. Был талантливым художником и каллиграфом. *Камиль* — по-арабски «совершенный».

Стр. 638. *Анка* — мифическая птица-феникс, живущая на краю мира, на горах Каф. *Хива* — столица Хивинского ханства; ныне город в Хорезмской области Узб. ССР.

Мукими Мухаммед Амин-ходжа (1850—1903) — поэт. Продолжатель традиции Навои, Лутфи, Физули. Обогатил традиционную классическую лирику новым социальным содержанием — сочувствием к простым людям. Лирика Мукими отличается богатством жанров (газель, мухаммас, рубаи) и высокими художественными достоинствами.

Стр. 641. *Искать заставит падишах — меня ищите вы.*— Намек на то, что Мукими вынужден был какое-то время скрываться от преследования властей.

Стр. 643. *Анаша* — наркотик, чаще всего маковый сок.

Фуркат (настоящее имя — Закирджан Халмухамедов; 1859—1909) — поэт, мыслитель, публицист. Родился в семье мелкого торговца-ремесленника. Учился в Коканде, изучал арабский и персидский языки и классическую поэзию Востока. Здесь же начал писать лирические и сатирические стихи. Много путешествовал по Индии, Аравии, Турции, Греции, Болгарии, откуда присылал стихи-репортажи, публицистические очерки и путевые заметки. Фуркат выступал как представитель и глава просветительного движения. Идеи Фурката и его единомышленников сыграли значительную роль в развитии узбекской литературы, философии, педагогики.

Стр. 645. *Саади* (род. между 1203—1210—1292) — крупнейший персидский и таджикский поэт. *Фирдоуси* Абулькасим (ок. 940—1020 или 1030) — крупнейший персидский и таджикский поэт. *Хафиз* Шамседдин Мухаммед (ок. 1325—1390) — крупнейший персидский и таджикский поэт.

Стр. 646. *«Шах-наме»* («Книга о царях») — название нескольких прозаических и стихотворных сводов, в которых были собраны мифы, сказания и исторические хроники иранских народов. Самым значительным из них является эпопея Фирдоуси. От остальных сводов сохранились лишь фрагментарные пересказы отдельных отрывков в трудах различных авторов.

Стр. 651. *Увидев пери, стал я диваной...*— То есть, увидев красавицу, стал безумным.

Стр. 653. *Хотан* — некогда знаменитый город в восточном Туркестане.

Аваз Отар-оглы (1884—1919) — поэт. Демократ, просветитель. В 18 лет стал признанным поэтом Хорезма. В своем творчестве бичевал феодальную знать, взяточников, продажных судей и мулл; боролся с отсталостью и невежеством. В отдельных стихотворениях воспевал революцию. Был объявлен правителем Хивы сумасшедшим. Умер в нищете.

ИЗ КАРАКАЛПАКСКИХ ПОЭТОВ

К у н - Х о д ж а И б р а й ы н - у л ы (1799—1880) — поэт. Был жнецом, пастухом, сезонным рабочим. В стихотворениях «Чабаны», «Жнецы», «Белый камыш» изображал многострадальную жизнь угнетенного хивинскими ханами народа. Подвергаясь преследованиям, вынужден был покинуть Хиву.

А ж и н и я з К о с ы б а й - у л ы (1824—1878) — поэт. Был широко образованным человеком, хорошо знал восточную литературу. Писал также на узбекском и казахском языках. Автор многочисленных любовных и философских стихов, известных и любимых в народе.

Стр. 658. *Бозатау* («Остров плодородия») — одна из самых известных и любимых в Каракалпакии песен. *Кийсык Порхан* — местность на острове, сопредельная с Бозатау. *Гурган*, *Атрек*, *Хаджар* — города в Иране, Аравии, куда угоняли захваченных во время набегов людей, чтобы продать на невольничьих рынках. *Шам* — древнее название Сирии. *Гурд* — город в Иране.

Стр. 659. *Многие хлебнули горя от туркмен.*— Поэт имеет в виду туркменских феодалов, совершавших частые набеги на земли каракалпаков. ... *причина наших бед — Кунград.*— Имеется в виду двурушническая политика предводителя восстания Мухаранда Фены, ставшего на путь предательства народа. *Ашамайлы* — название рода. *Кыят* — название рода.

Стр. 660. *Пирим* (Пиримбий) — организатор сопротивления каракалпаков хивинскому хану. *Зийуар* — литературный псевдоним Ажинияза. *Мухаллес* — см. Мухаммас (прим. к стр. 632).

Б е р д а х (настоящее имя — Бердимурат Каргабаев; 1827—1900) — поэт. Знаток поэзии Востока. Творчество разнообразно по тематике и жанрам. Перу Бердаха принадлежат лирические, сатирические, дидактические стихи, исторические поэмы, а также роман в стихах «Царь-самодур», в котором изображена борьба народа с ханом-деспотом.

Стр. 661. *Ишан* — руководитель и наставник группы дервишей.

С а р ы б а й (2-я половина XIX в.) — классик каракалпакской поэзии, первый каракалпакский баснописец, был носителем передовых идей своего времени.

ИЗ ТУРКМЕНСКИХ ПОЭТОВ

К е м и н е (Мамедвели; 1770 — 1840) родился в семье дехкан-бедняков и сам всю жизнь провел в бедности. Учился в медресе Бухары при поддержке сородичей. Впоследствии поэт скитался на чужбине, несколько лет батрачил в Хиве. По преимуществу Кемине поэт-сатирик. Постоянно подвергался преследованиям реакционного духовенства.

Стр. 667. *Жезл Моисея крив пред истинным путем.*— Намек на библейское сказание о том, как жезл Моисея, брошенный им перед троном египетского фараона, превратился в ползающего змея. *Дутарщик* — от слова «дутар» — двухструнный музыкальный инструмент. *Пир*— старец; наставник.

Стр. 670. *Дал* — буква арабского алфавита; символ кривизны, согбенности.

С е и д и С е и й т н а з а р Х а б и п - х о д ж а - о г л ы (1775 — 1836) — поэт. Родился в состоятельной семье служителя культа. Учился в начальной школе, затем в медресе Бухары и Хивы. Был видным беком — предводителем войска. Славу Сеиди принесла любовная лирика. Известна поэтическая переписка Сеиди с поэтом-полководцем Зелили, в которой отразилась борьба туркмен с соседями. Участниками этой борьбы были оба поэта. Сеиди прославлял защитников родины, призывал туркмен к единению.

Стр. 673. *Сона* — женское имя; букв.: прекрасная птица.

Стр. 677. *Эрсари* — одно из племен, образовавших туркменскую нацию, обитает на востоке страны. *Мазандаран* — город в Иране. *Рустам*— герой поэмы Фирдоуси «Шах-наме».

Стр. 678. *Пахлаван* — богатырь, силач. *Хазан* — холодный, осенний ветер; поэтический образ внезапного бедствия. *Дестан* (дастан) — литературный жанр, соединяющий в себе особенности и фольклорной прозы и поэзии как песенной, так и книжной.

Стр. 679. *Той* — пиршество.

Стр. 681. *Гюлистан* — райский сад, эдем.

З е л и л и (Курбандурды; 1795—1850) — поэт. В течение семи лет был в плену у хивинского хана. В творчестве прослеживается четкая социальная направленность, большое место занимают патриотические стихи, зовущие к объединению туркменских племен; любовная лирика и произведения на морально-дидактические темы.

Стр. 684. *Гурген* — река на юго-западе Туркменистана.

К я т и б и (1803—1881) — поэт. Родился в ауле Караган близ нынешнего Бахардена, в этих местах прошла вся его жизнь. Учился в медресе Бухары и Хивы. Вернувшись на родину, стал учителем. Дошедшие до нас произведения Кятиби — преимущественно любовная и пейзажная лирика. В дидактических стихотворениях поэт обличал социальные пороки.

М о л л а н е п е с К а д ы р б е р д ы о г л ы (1810—1862) — поэт и музыкант-исполнитель. Автор большого лирического дивана и известного дастана «Зохре и Тахир», написанного на сюжет преданий о любви, распространенных среди многих тюркоязычных народов. В лирике Молланепес развивал лучшие традиции предшественников, творчески их обогащая. Рукописи Молланепеса не сохранились. Его стихотворения записаны из уст бахши (народного певца).

Стр. 689. *Курбан* (курбан-байрам) — см. прим. к стр. 33.

М я т а д ж и (настоящее имя — Аннаклыч; 1822—1884) — поэт. Стихи, связанные с фольклором, превратились в народные песни. Воспевал человеческую красоту, любовь, природу родного края, прославлял храбрость, обличал социальное неравенство и несправедливость, тяжелый труд крестьянина.

Стр. 694. *Ковсар* (кевсер) — согласно коранической легенде, река в раю.

М и с к и н к л ы ч (настоящее имя — Моллаклыч; 1845—1906) — народный поэт, музыкант-исполнитель. Его дом был своего рода литературно-музыкальным центром. Стихи-песни Мискинклыча исполнял его ученик Гайыб-Берды. Рукописи его не сохранились. Записано около ста социальных, любовных, дидактических, бытовых стихотворений и три дастана: «Батыр Непес», «Бекзаде Гурбан» и «Товкы».

С а х и б д ж е м а л (конец XIX — начало XX в.) — поэтесса. Жила в селении Анау близ Ашхабада. Ее брат, Дурды-бахши, был прославленным народным певцом. Сама поэтесса великолепно владела даром музыкальной импровизации.

К ё р м о л л а (1872—1934) — поэт. Родился в Хивинском ханстве, близ Ташауза. Отец Молласакар, бедный крестьянин, был известным поэтом. Кёрмолла много странствовал в поисках заработка, побывал во всех уголках Туркменистана. В молодом возрасте он ослеп. «Ремесло» народного певца стало для него основным занятием.

Стр. 700. *Терьяк* — опиум, наркотик.

М о л л а д у р д ы (1886—1922) — поэт-сатирик. Сын поэта Мятаджи. Работал судьей и учителем. Автор басни «Лжец», большого сатирического стихотворения «Хемдек-бай».

Стр. 702. *Тельпек* — папаха.

ИЗ ТАДЖИКСКИХ ПОЭТОВ

Д о н и ш А х м а д - М а х д у м и б н Н о с и р (прозвище Калла — голова; 1827—1897) — ученый, поэт. Глава просветительского направления в таджикской литературе и общественно-политической мысли. Родился в Бухаре. В 50-е годы работал в библиотеке эмира бухарского. В 1857 году был направлен с эмирским посольством в Петербург. В 60-х годах был освобожден от службы при дворе, но оставался астрономом эмира. В 1869 году, после присоединения Средней Азии к России, снова был направлен в Петербург с посольством. В третий раз посетил Россию в 1874 году. Во время поездок знакомился с русской культурой, которая оказала влияние на его мировоззрение. Дониш — автор целого ряда работ просветительского, философского, социологического характера. В своих трактатах выступал как сторонник превращения феодальной деспотии в просвещенную конституционную монархию. Писал также и поэтические произведения.

Стр. 704. *Страмахов, пробный камень ты для золота наук.*
Ты, как Асаф, в делах избрать умеешь путь благой...—
Страмахов — Стремоухов П. Н. (ум. в 1885 г.), директор Азиатского департамента министерства иностранных дел, во время поездки Дониша в Петербург (1869) подарил поэту глобус. *Асаф* — по преданию, великий везирь Сулеймана (Соломона), прославившийся своей мудростью; иносказательно — мудрый советник.

Стр. 706. *Патти Аделина* (1843—1909) — итальянская певица. Гастролировала в Петербурге во время пребывания там А. Дониша (1874).

С а в д о А б д у л к о д и р Х о д ж а (1829 — 1873) — поэт-сатирик. Жил в Бухаре. Был всесторонне образованным человеком. Самостоятельно изучил астрономию, математику и другие светские науки. Хорошо знал ювелирное дело, каллиграфию, живопись, музыку. Поэт вынужден был служить при дворе эмира. По некоторым сведениям, Савдо утонул в реке Вахш.

Б у с т о н и С о м и М и р з о А з и м (1840 — 1907) — поэт. Родился в селении Бустони, близ Бухары. Образование получил в бухарском медресе. Служил писарем у разных правителей, затем был приглашен ко двору секретарем эмира. Во время войны России с Бухарой находился при эмирском войске как историк-хронист. Позднее в царствование Абду-

лахада был удален от двора за оппозиционные настроения. Жил в нужде, зарабатывая перепиской книг. Увлекался историей, лексикографией и поэтикой, был видным теоретиком поэтики и теории прозы.

Ш о х и н Ш а м с и д д и н - М а х д у м (1859—1894) — поэт, просветитель. Родился в Бухаре в семье бедного муллы. Рано остался сиротой, был взят на воспитание слепым поэтом Зариром Джуйбори, благодаря которому окончил медресе. Рано начал писать стихи. Был придворным поэтом эмира Абдулахада. Умер от чахотки, оставив богатое поэтическое наследие — более 12 000 лирических стихов «байтов» (двустиший), прозаическое произведение «Чудеса искусства» (сборник поговорок, афоризмов, кратких сатирических рассказов), два маснави (крупное поэтическое произведение, состоящее из двустиший с определенной рифмовкой) — «Лейли и Меджнун» и незаконченный «Дар друзьям».

Стр. 710. *Бисутун* — название скалы в Иране с клинописными надписями в честь побед Дария I. По преданию, через Бисутун был пробит Фархадом канал.

А с и р и Т о ш х о д ж а (1864—1915) — поэт. Работал мастеровым по выделке мельничных жерновов. Был дружен с передовыми литературными деятелями своего времени Айни, Фуркатом, Мукими, пользовался среди них славой тонкого знатока таджикской, арабской и узбекской литератур.

Стр. 712. *Рум* — наименование Рима, а затем Римской империи, распространенное в древности в некоторых странах Востока, после разделения Римской империи применялось лишь к Восточно-Римской, или Византийской империи. *Рубаи* — форма восточной лирической поэзии, состоящая из четверостишия, в котором рифмуются первая, вторая и четвертая строки.

Х а й р а т М у х а м м а д С и д д ы к (1878—1902) — поэт. Родился в семье бедного бухарского муэдзина (служителя религиозного культа). Двенадцати лет остался круглым сиротой. Учился в медресе, где освоил арабскую грамоту, логику. Много читал, отличался феноменальной памятью. Вопреки категорическому запрету мусульманского духовенства изучил русский язык и одним из первых стал вводить в стихи русские слова и понятия.

ИЗ КИРГИЗСКИХ ПОЭТОВ

Т о г о л о к М о л д о (1860—1942) — акын. Родился в аиле Куртка на Тянь-Шане, в семье бедняка. С детских лет воспитывался у деда, акына Музооке. Рано лишился отца, батрачил. Стихи начал слагать с 14 лет. Выучился грамоте у муллы. Автор многочисленных кошоков (плачей, причи-

таний), сатирических стихов, первых киргизских басен. В своих произведениях обличал баев, духовенство, царскую администрацию. Стихи записывал арабским письмом. Первая книга на киргизском языке издана в 1925 году, на русском — в 1958-м. Известен как исполнитель киргизского народного эпоса «Манас».

Стр. 716. *На веревке висит кольцо...*— Имеется ввиду кольцо, продеваемое в нос коровы.

Стр. 717. *Дувал* — глинобитный забор.

Стр. 720. *Аил* — деревня.

Токтогул Сатылганов (1864—1933) — акын. Родился в аиле Саз-Джийде в долине Кетмень-Тюбе (ныне Токтогульский р-н Ошской обл.). С 12 лет батрачил, тогда же начал слагать песни, аккомпанируя себе на комузе. В 1878 году после победы в айтысе (состязании акынов) над Арзыматом, придворным акыном крупного богача Дыйкамбая Рыскулбекова, стал известен всей Киргизии. В 1897 году создал знаменитую песню «Пять кабанов», в которой заклеймил сыновей Рыскулбека. В 1898 году богачи расправились с акыном, сфабриковав ложный донос, по которому Токтогул был арестован как участник Андижанского восстания. В восстании акын участия не принимал, однако был вместе с другими приговорен к смертной казни. Казнь была заменена десятилетней каторгой. Токтогула заключили в Александровский централ, акын работал на строительстве Круго-Байкальской железной дороги. Он пытался бежать, был пойман, срок каторги увеличился до 25 лет. В 1910 году русские друзья помогли акыну совершить побег, и он добрался до родных мест. Токтогул был неграмотным, при жизни от него не записано ни одной песни. Вскоре было записано его обширное поэтическое наследие, сохранившееся в памяти народа и акынов — его учеников. Первая книга Токтогула на киргизском языке издана в 1938 году, на русском — в 1940-м.

Стр. 722. *Рыскулбек*-болуш — волостной управитель в Кетмень-Тюбе, на родине Токтогула. Кабанами акын называет пятерых сыновей Рыскулбека. *Арым* — название летнего пастбища. *Керимбай* Атаханов — манап, ставленник Рыскулбека. *Букара* — подданный, простолюдин, простой народ.

Стр. 724. *Курме* — расшитая безрукавка.

Стр. 726. *Комуз* — киргизский народный трехструнный музыкальный инструмент.

Шайбеков Ысак (1880—1957) — акын. Родился в аиле Чон-Кемин Пишпекского уезда. С 12 лет батрачил у бая, потом у муллы, у которого выучился грамоте. После подавления восстания 1916 года Шайбеков

вместе с повстанцами ушел в Китай. Там он создал поэму «Горемычный народ» — о бедствиях киргизов в изгнании. Поэма обрела широкую популярность.

Стр. 733. *Чий* — вид высокого степного ковыля, сухие стебли его используются для плетения изделий, например циновок.

А к ы е в К а л ы к (1883—1953) — акын, продолжатель традиций родоначальника киргизской литературы Токтогула, его ученик. С первых дней революции творчество К. Акыева было подчинено ее идеям. Широко использовал традиционные устные жанры для создания поэтических образов людей труда. Первая книга на киргизском языке вышла в 1936 году.

А л ы к у л о в Б а р п ы (1884—1949) — акын. Родился в аиле Ачи Ошской области, в семье батрака. С восьми лет батрачил у баев. В песнях разоблачал баев, духовенство, чиновников, был широко известен в народе, состязался с прославленным Токтогулом. Первая книга на киргизском языке издана в 1949 году, на русском — в 1958 году.

Стр. 737. *Сопу* — суфий (см. прим. к стр. 637). *Минарет* — высокая башня при мечети, с которой муэдзин созывает верующих на молитву. *Кок-чай* — зеленый чай. *Мусалла* — виноградное вино домашнего приготовления.

Стр. 738. *Аккула* — натуральный налог с хлебного тока в пользу мечети. *Битир* — приношение служителям культа по случаю прекращения поста.

Л. Осипова

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Арутюнов. Находит себя и человечество... 5

ИЗ УКРАИНСКИХ ПОЭТОВ

ПЕТРО ГУЛАК-АРТЕМОВСКИЙ

Любаша. *Перевод Н. Ушакова* 27

ЛЕВКО БОРОВИКОВСКИЙ

Рыбаки. *Перевод Л. Вышеславского* 28
Суд. *Перевод В. Потаповой* 28

МАРКИАН ШАШКЕВИЧ

Хмельницкий осаждает Львов. *Перевод Б. Турганова* 29

МИКОЛА УСТИЯНОВИЧ

Верховинец. *Перевод Б. Турганова* 30

ЕВГЕН ГРЕБЕНКА

Чертополох и Коноплинка. *Перевод В. Потаповой* 31
Черные очи 32

СЕМЕН ГУЛАК-АРТЕМОВСКИЙ

Из оперы «Запорожец за Дунаем». *Перевод Б. Турганова* . . . .
Романс Оксаны 32
Дуэт Оксаны и Андрия 33
Песня Одарки 34

МИКОЛА КОСТОМАРОВ

Брат с сестрою. *Перевод Б. Турганова* 34

ЯКОВ ЩЕГОЛЕВ

Неволя. *Перевод Б. Турганова* 38
Безродные. *Перевод В. Шацкова* 39
В поле. *Перевод Б. Турганова* 40
Струны. *Перевод Б. Турганова* 40
Заброшенный хутор. *Перевод Б. Турганова* 42
Кукла. *Перевод Б. Турганова* 43
Кобзарь. *Перевод Б. Турганова* 43
Последний из могикан. *Перевод В. Шацкова* 44

ЛЕОНИД ГЛЕБОВ

Кузнечик. *Перевод Ф. Кривина* 45
Не плачь, поэт! *Перевод Б. Турганова* 46
В степи. *Перевод Б. Турганова* 46
«Скакал гарбуз по долинам...» *Перевод Ф. Кривина* 48
Ясли. *Перевод Ф. Кривина* 48

СТЕПАН РУДАНСКИЙ

«Повей, ветер, в край родимый...» *Перевод Б. Турганова* 49
Дядюшке Прохору, кузнецу. *(Отрывок). Перевод Б. Турганова* 50
Славно торговалось. *Перевод В. Потаповой* 51
Почем дурни? *Перевод Б. Турганова* 52
Далеко ли до Киева? *Перевод Б. Турганова* 53
Свечка. *Перевод Б. Турганова* 53
«Ой, пойду я во садочек, где растет калина...» *Перевод В. Шацкова* 54
«Пусто, голо мое поле...» *Перевод В. Шацкова* 55

ЮРИЙ ФЕДЬКОВИЧ

Поклон. *Перевод Б. Турганова* 56
Вечером. *Перевод В. Шацкова* 56
Сестра. *Перевод А. Глобы* 57
Святая дева, радуйся, Мария! *Перевод Б. Турганова* 58
Рекрут. *Перевод Б. Турганова* 59
Дезертир. *Перевод Л. Вышеславского* 60
В Вероне. Песня. *Перевод Б. Турганова* 60
Гуцулки. *Перевод Б. Турганова* 61
Нива. *Перевод Б. Турганова* 61
Мой сардак. *Перевод В. Шацкова* 63
Где счастье? *Перевод В. Шацкова* 63

МИХАЙЛО СТАРИЦКИЙ

Выйди!.. *Перевод В. Казина* 64
«Когда замкнется крышка гробовая...» *Перевод Б. Турганова* . 65
Пир. *Перевод Л. Вышеславского* 65
Швея. *Перевод А. Жарова* 66

Борцу. *Перевод М. Зенкевича* 67
Последняя дорога. *Перевод Б. Турганова* 67
Встреча. *Перевод Л. Вышеславского* 68

ИВАН МАНЖУРА

В степи и в хате. *Перевод Б. Иринина* 70
Весной. *Перевод В. Шацкого* 71
Бобыль. *Перевод А. Глобы* 71
Песня. *Перевод Б. Турганова* 72
Не гаснет любовь. *Перевод В. Шацкого* 73
Первый снег. *Перевод Б. Иринина* 73
Кое-кому. *Перевод А. Гатова* 74
Искренняя молитва. *Перевод М. Шехтера* 74

БОРИС ГРИНЧЕНКО

Кусок хлеба. *Перевод Б. Иринина* 75
Унылые картины. *Перевод Б. Иринина* 75
Манифест. *Перевод М. Шехтера* 76

ПАВЛО ГРАБОВСКИЙ

Рабочему. *Перевод Н. Ушакова* 77
Украине. *Перевод П. Карабана* 77
Руси-Украине. *Перевод П. Карабана* 77
Ночью. *Перевод В. Цвелева* 78
Женская душа. *Перевод Н. Ушакова* 78
Песня каторжан. *Перевод Н. Ушакова* 79
«Я не певец красавицы природы...» *Перевод П. Карабана* . . . 79
Парнасцам. *Перевод П. Карабана* 80

ВЛАДИМИР САМИЙЛЕНКО

Жемчужина. *Перевод В. Потаповой* 81
Песня. *Перевод Б. Турганова* 81
Геростратт. *Монолог в трех сценах. Перевод Б. Турганова* . . . 82
Идеальный публицист. *Перевод В. Потаповой* 88

ОСИП МАКОВЕЙ

Выше туч. *Перевод М. Комиссаровой* 88
Думка. *Перевод В. Звягинцевой* 89
Элегия. *Перевод Б. Турганова* 89
Каменный век. *Перевод Б. Турганова* 90

АГАФАНГЕЛ КРЫМСКИЙ

Одинокий на чужбине. *(Отрывок). Перевод М. Рудермана* . . 91
«Мой край, претерпеть за тебя не страшусь я...» *Перевод М. Зенкевича* 92
«Поэзия! О спутница моя!..» *Перевод И. Поступальского* 92

ОЛЕКСАНДР ОЛЕСЬ

«Ах, сколько струн в душе! Звенят...» *Перевод В. Звягинцевой* . 93
Искра. *Перевод Н. Ушакова* 94
«Ты вновь окрыляешь надежды и мысли...» *Перевод В. Звягинцевой* 94
Лебединой стае. *Перевод Л. Вышеславского* 95
Астры. *Перевод М. Исаковского* 95
«Милый, глянь — краса какая...» *Перевод А. Прокофьева* . . 96
«К высотам, к серебряным далям снегов...» *Перевод Л. Озерова* . 96
«Люблю ее, зову своею...» *Перевод А. Прокофьева* 96
«Ты в ту ночь была с другими...» *Перевод М. Исаковского* . . . 97
«Воля?! Воля?! Брат! Товарищ!..» *Перевод П. Карабана* . . 97

ИЗ БЕЛОРУССКИХ ПОЭТОВ

ЯН ЧАЧОТ

Переводы Ю. Петрова

Пока солнце встанет... 98
Почему глаза разъедает наши? 98

ПАВЛЮК БАГРИМ

Гей, берись, парнишка малый... *Перевод Д. Бродского* 99

ВЛАДИСЛАВ СЫРОКОМЛЯ

Переводы Ю. Петрова

«Вот повсюду птичье пенье...» 100
Хорошие вести *(Отрывок)* 101

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

Тарас на Парнасе. *Перевод М. Лозинского* 101

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

Разговор Данилы со Степаном. *Перевод Ю. Петрова* 110

КАСТУСЬ КАЛИНОВСКИЙ

«Марыся чернобровая, голубка моя!..» *Перевод Ю. Петрова* . . 114

ФРАНЦИСК БОГУШЕВИЧ

Смычок. *Перевод А. Тарковского* 114
Колыбельная. *Перевод С. Маршака* 116

ЯНКА ЛУЧИНА

«Не я пою,— народ божий...» *Перевод С. Маршака* 117
Весна. *Перевод Вс. Рождественского* 118

АДАМ ГУРИНОВИЧ

Переводы Ю. Петрова

«Что за голос, тоскливый и звонкий...» 119
«Нас калечили паны...» 119

ТЁТКА

Соседям в неволе. *Перевод М. Комиссаровой* 120
Вера белоруса. *Перевод Л. Хаустова* 121
Деревенским женщинам. *Перевод С. Маршака* 122

ФЕЛИКС ТОПЧЕВСКИЙ

Работа и деньги. *Перевод Ю. Петрова* 122

ЯНКА ЖУРБА

Призыв. *Перевод В. Цвелева* 124

МАКСИМ БОГДАНОВИЧ

Водяной. *Перевод И. Поступальского* 125
Край мой родимый!.. *Перевод В. Державина* 125
Озеро. *Перевод автора* 126
«Когда Геракл во прах поверг Антея...» *Перевод В. Державина* . 126
Над могилой мужика. *Перевод Н. Банникова* 127
«Доброй ночи, заря-зарница!..» *Перевод М. Исаковского* 127
«Встань, буря, грянь над миром снова...» *Перевод В. Державина* . 127
«Мы в бурю по морю блуждали...» *Перевод В. Державина* . . . 128
«Я помню, как метель мела колючей пылью...» *Перевод Н. Горской* 128
Майская непогода. *Перевод И. Поступальского* 128
«Если только огонь разгорится во мгле...» *Перевод Н. Горской* 128
Слуцкие ткачихи. *Перевод В. Корчагина* 129
«Наших дедов душили чащобы лесов...» *Перевод Б. Иринина* . . 129
«Много в жизни людей есть дорог...» *Перевод В. Державина* . . 130
«Там венки суровой славы...» *Перевод И. Поступальского* . . . 130
Воспоминание. *Перевод А. Прокофьева* 131
«Народ, Белорусский Народ!..» *Перевод Н. Глазкова* 131
«Ой, скатилася звездочка, скатилася...» *Перевод А. Прокофьева* . 131
Лявониха. *Перевод М. Комиссаровой* 132

АЛЕСЬ ГУРЛО

Не гасите огней!.. *Перевод В. Цвелева* 133
Сеятелю. *Перевод Л. Хаустова* 133
Заблестели в темной дали маяки... *Перевод Н. Брауна* 134

ИЗ МОЛДАВСКИХ ПОЭТОВ

КОНСТАНТИН СТАМАТИ
Переводы Ю. Петрова

Честный человек 135
Бедный юноша и барышня 135
Синие глаза 136
Скорбь 136

ГЕОРГЕ АСАКИ

Обезьяна на маскараде. *Перевод А. Коренева* 138
Слово Сократа. *Перевод Ю. Петрова* 141
Художнику. *Перевод Ю. Петрова* 142
На смерть отца. *Перевод Ю. Петрова* 143
Грусть. *Перевод Ю. Петрова* 144

АЛЕКСАНДРУ ДОНИЧ

Мысль. *Перевод Г. Перова* 145
Родной племянник. *Перевод К. Ковальджи* 145

АЛЕКСАНДР ХАЖДЕУ

Москва в 1812 году 146
Могила волошанки в Москве 147
Аккерман 147

ВАСИЛЕ АЛЕКСАНДРИ

Дойна. *Перевод В. Луговского* 148
В Севастополе. *Перевод Вс. Рождественского* 149
Журавли. *Перевод В. Шефнера* 151

ИОН СЫРБУ
Переводы Б. Дубровина

Молдавия 151
К радости 152
К правде 153

БОГДАН ХАЖДЕУ

Ель. *Перевод М. Талова* 154
Гора и долина. *Перевод М. Талова* 155
Белое и черное. *Перевод Г. Перова* 155

МИХАЙ ЭМИНЕСКУ

Венера и Мадонна. *Перевод А. Ахматовой* 156
Ангел-хранитель. *Перевод Ю. Кожевникова* 157
Болтовне ответ — молчанье. *Перевод Ю. Кожевникова* 158
Я иду за милой следом... *Перевод М. Петровых* 158

Жизнь. *Перевод Л. Мартынова* 159
Венеция. *Перевод Ю. Нейман* 161
Из тьмы забвения... *Перевод Ю. Кожевникова* 162
Звезда. *Перевод Ю. Кожевникова* 162

СЕРЖИУ ВИКТОР КУЖБЭ
Переводы В. Сикорского

Гимн будущего 163
Свободе 164

ТУДОСЕ РОМАН
Переводы В. Дубровина

Судьба крестьянина 165
Знаю ли я... 166

АЛЕКСЕЙ МАТЕЕВИЧ

Наш язык. *Перевод В. Бугаевского* 166
Я пою. *Перевод Г. Поженяна* 168
Томление. *Перевод Г. Поженяна* 169

ИЗ ЛАТЫШСКИХ ПОЭТОВ

ЮРИС АЛУНАН

Сонет. *Перевод С. Шервинского* 170
Вечер. *Перевод Е. Великановой* 170

КРИШЬЯН БА́РОН

«Не кладите камня надо мной...» *Перевод Вл. Невского* 171

АНДРЕЙ ПУМПУР

Народу. *Перевод С. Шервинского* 171
Иманта. *Перевод С. Шервинского* 172
«Ты, родимый, справь мне лодку...» *Перевод Л. Копыловой* . . 173
«Рига, сколько нашей крови...» *Перевод Л. Копыловой* 174

МАТИС КАУДЗИТ

Любовь к народу. *Перевод Вс. Рождественского* 174
Утешение. *Перевод Е. Великановой* 175

АУСЕКЛИС

Тримпула. *Перевод Вяч. Иванова* 175
Ubi bene, ibi patria. *Перевод С. Ботвинника* 176
В Латвии. *Перевод Е. Великановой* 177

ЯНИС ЭСЕНБЕРГИС

Моя могила. *Перевод В. Шефнера* 178
День настает. *Перевод Е. Великановой* 178

ПЕРСИЕТИС

Сердцевины и сердца. *Перевод Вл. Лифшица* 179

РУДОЛЬФ БЛАУМАН

Ты не знаешь еще... *Перевод Вс. Рождественского* 179
Несчастье. *Перевод В. Шефнера* 180
Как непоэтично! *Перевод Е. Великановой* 180

ЭДВАРД ТРЕЙМАНИС-ЗВАРГУЛИС

Бал зверей. *Перевод М. Борисовой* 181

ЭДУАРД ВЕЙДЕНБАУМ
Переводы Г. Горского

«О, как меня всегда края влекут...» 182
«Встань, воспрянь же, свободы дух!..» 182
«Как белый лебедь, облако плывет...» 182
«Словно голый средь крапивы...» 183
«Друг, на всей земле свободы...» 183
«То я знаю, то смогу я...» 183
«Богатство свое ты усердно копил...» 184
«Кто по лугам среди цветов гуляет...» 184
«Люди несчастные рабством измучены...» 184

АСПАЗИЯ
Переводы Л. Осиповой

Где? 185
Мечта 186
Бессилие 186
Лунный свет струится 187
Сказочка 188
Весеннее утро 189
Жизнь — это не Бетховена соната 190
Тяжесть 190
«Те дни давно уж были!..» 191
Твоя любовь 191
Фаустовское мгновенье 192
Принцесса 192
Сила дерева 193
Беспокойное существо 193
Бежать! 194

АУГУСТ САУЛИЕТИС
Переводы Е. Великановой

За зеленью горных склонов 195
Далекие колокола 195

ЯНИС ПОРУК

«Я знаю — роза цветет...» *Перевод С. Шервинского* 196
Путник. *Перевод Вс. Рождественского* 197
«Рукою дрожащей...» *Перевод С. Шервинского* 197

ВИЛИС ПЛУДОН

Летним полднем. *Перевод Л. Копыловой* 197
Осень бедствий. *Перевод Л. Копыловой* 198
Красный мак. *Перевод С. Шервинского* 198
Еще не время. *Перевод Л. Копыловой* 199
Одна из многих. *Перевод Л. Копыловой* 199
Весенняя благодать. *Перевод Л. Копыловой* 200

МАКОНИС

Истина. *Перевод С. Шервинского* 200

КАРЛИС СКАЛБЕ

Который час? *Перевод Вс. Рождественского* 201
На чужбине. *Перевод Л. Копыловой* 202
В сгоревшем лесу. *Перевод Л. Осиповой* 202
Трава. *Перевод Л. Копыловой* 203
Весною. *Перевод Л. Копыловой* 203

ФРИЦИС БАРДА

Переводы Л. Копыловой

Сын земли 203
Моя песня 204
Весна 204
Мартовская панорама 205
Серая лачуга 206
Молитва 206
Границы 206
Возвращенье 207
Фиалка 207
Мой колодезь 208

АУГУСТ БРУКЛЕНАЙС

Вечером. *Перевод Вл. Бугаевского* 209

ИЗ ЛИТОВСКИХ ПОЭТОВ

ДИОНИЗАС ПОШКА

Песнь мужичка. *Перевод Д. Бродского* 210

АНТАНАС СТРАЗДАС

Вот уж снег... *Перевод Д. Бродского* 211

КИПРИОНАС НЕЗАБИТАУСКИС-ЗАБИТИС

Будет по-другому! *Перевод А. Ревича* 213

СИЛЬВЕСТРАС ВАЛЮНАС

Песня Бируте. *Перевод П. Карпа* 214

СИМОНАС СТАНЯВИЧЮС

Слава Жемайтисов. *Ода. Перевод С. Ботвинника* 216

КАЕТОНАС АЛЕКНАВИЧЮС

Зяблик. *Перевод Ю. Петрова* 217

ЮРГИС ЗАУЭРВЕЙНАС

Мы литвинами рождены. *Перевод Г. Ефремова* 218

ЮЛЮС АНУСАВИЧЮС

На горке. *Перевод В. Бугаевского* 219
Кто сердце истерзанное залечит *(Фрагмент). Перевод Г. Ефремова* 220

КЛЕМЕНСАС КАЙРИС

День пробуждается. *Перевод Ю. Петрова* 221

АНТАНАС БАРАНАУСКАС

Аникшчяйский бор *(Отрывок). Перевод Н. Тихонова* 221

АНТАНАС ВЕНАЖИНДИС

«Ой вы, песенки-песни, утеха моя!..» *Перевод М. Светлова* . . 228
«Прекрасен, прекрасен далекий ночной небосвод...» *Перевод Г. Ефремова* 229

СТАНИСЛОВАС ДАГИЛИС

К читателю. *Перевод Ю. Петрова* 229

ПЯТРАС АРМИНАС-ТРУПИНЕЛИС

Путники и собаки. *Перевод Ю. Петрова* 230

ВИНЦАС КУДИРКА

Народная песня. *Перевод Г. Ефремова* 231

МАЙРОНИС

Тракайский замок. *Перевод П. Антокольского* 231
Исчезну, как дым... *Перевод Л. Озерова* 232
Когда-нибудь цепи спадут. *Перевод П. Антокольского* 233
Поэт. *Перевод М. Петровых* 234
Осенние дни. *Перевод М. Петровых* 235

КСАВЕРАС САКАЛАУСКАС

Эхо призывов. *Перевод П. Семынина* 235

ЛЮДМИЛА МАЛИНАУСКАЙТЕ-ЭГЛЕ

К Неману. *Перевод А. Ахматовой* 237

ЙОНАС МАЧИС-КЕКШТАС

Мне ведом плач. *Перевод Л. Миля* 238

ПРАНАС ВАЙЧАЙТИС

«В мир пришел бедняк обычный...» *Перевод А. Голембы* 239
«Дни мои перегорели...» *Перевод А. Голембы* 239
«Хотел зачерпнуть я алмазы ладонью...» *Перевод А. Голембы* 240
Солнце моей жизни. *Перевод Ю. Петрова* 240

ВИНЦАС СТОНИС

Летний вечер. *Перевод Г. Ефремова* 241

КАЗИС БИНКИС

«Где твои песни? Где мечты?..» *Перевод Г. Ефремова* 242
Ах, пришла б ты сюда... *Перевод Ю. Петрова* 242

ВИНЦАС МИКОЛАЙТИС-ПУТИНАС

Снежинки. *Перевод Ю. Петрова* 243

ЗИГМАС ГЕЛЕ (ГАЙДАМАВИЧЮС)

Береза. *Перевод Ю. Петрова* 243

ЮЛЮС ЯНОНИС

Переводы Е. Великановой

Соотечественнику 244
Песня утра 245
Буря 246
Гимн борцов 247
«В стихах бывает глубина...» 247

БАЛИС СРУОГА

Мы приходим, словно тени... *Перевод Ю. Петрова* 247
«Рута у дома. В лугу полевица...» *Перевод Г. Ефремова* 248

ИЗ ЭСТОНСКИХ ПОЭТОВ

ФРИДРИХ РОБЕРТ ФЕЛЬМАН

«...Счастием был я покинут...» *Перевод Вс. Рождественского* . . 249

КРИСТЬЯН ЯАК ПЕТЕРСОН

Луна. *Перевод Вс. Рождественского* 250
Певец. *Перевод Е. Великановой* 251

ФРИДРИХ РЕЙНХОЛЬД КРЕЙЦВАЛЬД

Свободе. *Перевод Д. Левоневского* 251
Песня об отечестве. *Перевод Д. Левоневского* 252

МАРТИН КЕРБЕР

Дорогой отчий дом. *Перевод Ю. Петрова* 253

ФРИДРИХ РУССОВ

Барин и деревенская девушка. *Перевод Ю. Петрова* 254

КАРЛ РОБЕРТ ЯКОБСОН

Новая жизнь. *Перевод К. Высоковского* 255
Еще не все потеряно. *Перевод Ю. Петрова* 256

ФРИДРИХ КУЛБАРС

Эстония, мое отечество. *Перевод С. Ботвинника* 257
К Койдула. *Перевод С. Ботвинника* 257
В путь, журавлики! *Перевод Ю. Петрова* 258

ЛИДИЯ КОЙДУЛА

Приветствие. *Перевод А. Кочеткова* 259
Раздумья на горе Тоомемяги. *Перевод Д. Самойлова* 260
Всегда о родине. *Перевод Н. Павлович* 262
Эстонская земля и эстонское сердце. *Перевод Д. Самойлова* . . . 262
Я — дочь твоя. *Перевод А. Кочеткова* 263
Любовь. *Перевод П. Железнова* 264
Соловей. *Перевод В. Казина* 264
Молчи, само хотело... *Перевод П. Железнова* 265
Песни — слезы, вечно слезы... *Перевод А. Кочеткова* 265
Сам. *Перевод А. Кочеткова* 265

МИХКЕЛЬ ВЕСКЕ

Родина. *Перевод Вс. Рождественского* 266

АДО РЕЙНВАЛЬД

Черный кафтан. *Перевод И. Северянина* 267
Вера и знание. *Перевод Ю. Петрова* 267
Народы. *Перевод Ю. Петрова* 268
Шапку долой! *Перевод Ю. Петрова* 268

ЮХАН КУНДЕР

На горе Мунамяги. *Перевод Вс. Азарова* 269

ПЕТЕР ЯКОБСОН

Переводы Ю. Петрова

Песня ткача 270
Песня о масленице 271

ЯКОБ ЛИЙВ

Флюгер. *Перевод Ю. Петрова* 271

ЯКОБ ТАММ

Корчма. *Перевод И. Северянина* 272
За пряжей. *Перевод П. Кустова* 272

КАРЛ ЭДУАРД СЁЭТ

Призраки прошлого. *Перевод Л. Стекольникова* 273
Воровство. *Перевод Ю. Петрова* 274
Больные глаза. *Перевод Ю. Петрова* 275

ЮХАН ЛИЙВ

О врагах. *Перевод Л. Тоома* 275
Рано. *Перевод С. Куняева* 276
Грустна твоя родина. *Перевод Л. Тоома* 276
Я много цветов собрал бы... *Перевод Л. Тоома* 276
Улыбнись! *Перевод Л. Тоома* 277
Летний вечер. *Перевод Л. Тоома* 277
Мой стих. *Перевод Л. Тоома* 277
Осеннее солнце. *Перевод С. Куняева* 278
Слышишь, слышишь? *Перевод Л. Тоома* 279
Последняя возможность. *Перевод Вл. Соколова* 279
Осень. *Перевод И. Северянина* 279
Вчера я видел Эстонию *(На железной дороге). Перевод Л. Тоома* 280
Отчизне. *Перевод Л. Тоома* 280
Дети Ванемуйне. *Перевод С. Куняева* 281
Море. *Перевод С. Куняева* 281
Вереск. *Перевод Б. Кежуна* 282
Звон. *Перевод Ю. Петрова* 283

АННА ХААВА

Один лишь раз любовь бывает. *Перевод Б. Кежуна* 283
«Не примчатся вместе с ветром...» *Перевод Б. Кежуна* 283
Родной язык. *Перевод Е. Великановой* 284

ЮХАН ЛИЛИЕНБАХ

Утренняя заря. *Перевод Л. Хаустова* 285
Борцы за свободу. *Перевод Л. Хаустова* 285

КОМИ ПОЭТ

ИВАН КУРАТОВ

Песня моя, песня... *Перевод С. Северцева* 286
Как я Библию раскрою... *Перевод В. Тихомирова* 287
«У окна в гробу лежал мой лучший друг...» *Перевод В. Тихомирова* 288
«Раз тоска меня взяла...» *Перевод П. Семынина* 288
Кровь моя стынет. *Перевод В. Тихомирова* 288

КАРЕЛЬСКИЙ ПОЭТ

ЯЛМАРИ ВИРТАНЕН

Песня пастуха. *Перевод Дм. Голубкова* 290
Он померкнет. *Перевод А. Старостина* 291
Снова все сверкает. *Перевод А. Старостина* 291

ИЗ ЕВРЕЙСКИХ ПОЭТОВ

ШЛОЙМЕ ЭТИНГЕР

Муха. *Перевод Я. Козловского* 292
Молодо-старо. *Перевод М. Шатуновского* 293

МИХЛ ГОРДОН

Мое время. *Перевод М. Шатуновского* 293

АБРАМ ГОЛЬДФАДЕН

Переводы Я. Козловского

«Мчатся годы, мчатся годы...» 294
Самовар 296

МАРК ВАРШАВСКИЙ

Переводы Б. Слуцкого

Песня о хлебе 297
Соре и Ривке 298
Зима 299
Фрейлехс 300
Бабушка 301

ИЦХОК-ЛЕЙБУШ ПЕРЕЦ

Жди и верь! *Перевод Н. Горской* 303
Библейский мотив. *Перевод М. Цветаевой* 303
Кошечка, не шебурши... *Перевод Н. Горской* 304
Ночные сторожа *(Подражание благочестивой песне). Перевод Н. Горской* 305
Лодочник. *Перевод Л. Фрухтмана* 306
«Будь я господь, я б нечестивца наказал...» *Перевод Н. Горской* . 306
В багрец одетый клен. *Перевод Н. Горской* 306
Где мышка живет. *Перевод Н. Горской* 307
Этеле. *Перевод Н. Горской* 307
Три швеи. *Перевод Н. Горской* 308
«Часто мнится мне...» *Перевод Н. Горской* 309

МОРИЦ ВИНЧЕВСКИЙ

Переводы Т. Глушковой

Слепой музыкант 309
Мои голуби 310

ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ
Переводы А. Ревича

Нашему поэту 311
Новогоднее *(Нашей пишущей братии)* 312
Зима 313
«Снова радостное солнце...» 314

СЕМЕН ФРУГ
Переводы Н. Гребнева

Молитва к свободе 314
Колыбельная 315
Слово бывшего земледельца. 316

МОРИС РОЗЕНФЕЛЬД
Переводы Ю. Петрова

Лев 317
Плачь, песня моя! 318

ДАВИД ЭДЕЛЬШТАДТ

Портной. *Перевод Н. Гребнева* 318
Мое завещание. *Перевод Л. Фрухтмана* 320

ИОСИФ БОВШОВЕР

К ветру. *Перевод Ю. Петрова* 320
Рабу. *Перевод Ю. Петрова* 321
Решимость. *Перевод Ю. Петрова* 321
Он ушел. *Перевод М. Шатуновского* 322

ХАИМ-НАХМАН БЯЛИК
Переводы С. Липкина

Лето умирает... 322
Канун весны 323
Высоко в горах 325
Мой сад 327

ИЗ ГРУЗИНСКИХ ПОЭТОВ

АЛЕКСАНДР ЧАВЧАВАДЗЕ

«О далекие, полные света, года!..» *Перевод В. Звягинцевой* . . . 333
Кавказ. *Перевод П. Антокольского* 334

ГРИГОЛ ОРБЕЛИАНИ
Переводы Н. Заболоцкого

Плачущей Н[ине]Ч[авчавадзе]. 336
Пир *(Подражание Пушкину)* 336

Прощание 337
Лик царицы Тамары в Бетанийской церкви 338

ВАХТАНГ ОРБЕЛИАНИ
Переводы А. Кочеткова

Древний Дманиси 340
Кахетия 340

НИКОЛОЗ БАРАТАШВИЛИ

Сумерки на Мтацминде. *Перевод Б. Пастернака* 341
Таинственный голос. *Перевод Б. Пастернака* 342
Моей звезде. *Перевод Б. Пастернака* 343
Княжне Е[катери]не Ч[авчава]дзе. *Перевод Б. Пастернака* . . 344
Одинокая душа. *Перевод Б. Пастернака* 344
«Я помню ты стояла...» *Перевод Б. Пастернака* 345
Моя молитва. *Перевод Б. Пастернака* 345
«Что странного, что я пишу стихи?..» *Перевод Б. Пастернака* . . 346
«Мужское отрезвленье — не измена...» *Перевод Б. Пастернака* . 346
Могила царя Ираклия. *Перевод Б. Пастернака* 347
Мерани. *Перевод В. Державина* 348
«Осенний ветер у меня в саду...» *Перевод Б. Пастернака* 350
Злобный дух. *Перевод Б. Пастернака* 350
«Ты самое большое чудо божье...» *Перевод Б. Пастернака* . . . 351
«Цвет небесный, синий цвет...» *Перевод Б. Пастернака* 351

РАФАИЛ ЭРИСТАВИ

Рог. *Перевод Н. Тихонова* 352

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ

Горам Кварели. *Перевод Н. Заболоцкого* 353
Поэт. *Перевод В. Звягинцевой* 354
«Мое перо, о дорогое, к чему нам слава?..» *Перевод С. Шервинского* 355
День падения Коммуны. *Перевод С. Шервинского* 355
«Славная родина, что ты сегодня грустна?..» *Перевод С. Шервинского* 356

АКАКИЙ ЦЕРЕТЕЛИ

«Ты горька, моя жизнь бесталанная...» *Перевод Б. Пастернака* . 357
Больная. *Перевод В. Державина* 358
Сказанное со сцены. *Перевод Д. Самойлова* 359
Песнь песней. *Перевод Б. Пастернака* 359
Поэт. *Перевод Б. Пастернака* 361
Седина. *Перевод В. Державина* 362
Волнуйся, море! *Перевод Н. Заболоцкого* 363

Сулико. *Перевод Н. Гребнева* 364
Лира. *Перевод Б. Пастернака* 365
Моя вера. *Перевод П. Антокольского* 366
Любовь. *Перевод Д. Самойлова* 368
Думы умирающего. *Перевод Д. Самойлова* 369

ВАЖА ПШАВЕЛА

Амирани. *Перевод Н. Заболоцкого* 370
«По ущелью тянутся туманы...» *Перевод Н. Заболоцкого* 372
Орел. *Перевод Н. Заболоцкого* 373
Жалоба меча. *Перевод В. Державина* 373
Утешение. *Перевод Н. Заболоцкого* 374
Почему я создан человеком. *Песня. Перевод Н. Заболоцкого* . . 375
Завещание. *Перевод Н. Заболоцкого* 376

ИРОДИОН ЕВДОШВИЛИ

Переводы А. Гатова . . . . . .

Друзьям 377
Прощание приговоренного к ссылке 378

ВАЛЕРИАН ГАПРИНДАШВИЛИ

Полине де Виардо. *Сонет* 379
Константину Бальмонту 380

САНДРО ШАНШИАШВИЛИ

Потомству завещаю. *Перевод И. Поступальского* 380
Море. *Перевод Н. Тихонова* 381
Народу. *Перевод А. Межирова* 381
Мое чонгури. *Перевод Н. Тихонова* 382
Незнакомке. *Перевод В. Луговского* 382

ИОСИФ ГРИШАШВИЛИ

Девушке из народа. *Перевод Д. Самойлова* 383
«Синеет небосклон за дальними хребтами...» *Перевод И. Поступальского* 383
Да буду тебе щитом! *Перевод Д. Самойлова* 384

ИЗ АРМЯНСКИХ ПОЭТОВ

ХАЧАТУР АБОВЯН

Человек, любящий свой народ, говорит перед своею смертью. *Перевод С. Шервинского* 385

ГЕВОНД АЛИШАН

Луна, прекрасная луна! *Перевод А. Сендыка* 387

МКРТИЧ ПЕШИКТАШЛЯН

Мы — братья. *Перевод Е. Сырейщиковой* 388

МИКАЭЛ НАЛБАНДЯН

Свобода. *Перевод П. Антокольского* 389

РАФАЭЛ ПАТКАНЯН

Художник. *Перевод В. Брюсова* 390

ГЕВОРГ ДОДОХЯН

Цицернак. *Перевод В. Брюсова* 391

ГАЗАРОС АГАЯН

Прялка. *Перевод В. Брюсова* 392

СМБАТ ШАХАЗИЗ

Сон. *Перевод А. Сендыка* 394

ПЕТРОС ДУРЯН

Моя скорбь. *Перевод К. Бальмонта* 394
Ропоты. *Перевод В. Брюсова* 395
Моя смерть. *Перевод А. Сендыка* 396
Озеро. *Перевод А. Сендыка* 397

ИОАННЕС ИОАННИСИАН

Царь Артавазд. *Легенда. Перевод В. Брюсова* 399
Певцу. *Перевод В. Звягинцевой* 400
«Не забывай, певец, о верной лире...» *Перевод М. Петровых* . . 400
«Прощайте, солнце и весна...» *Перевод И. Поступальского* . . . 401
С. Шахазизу. *Перевод А. Кафанова* 401
«Дорогая, усни! Сладкий сон призови...» *Перевод М. Лозинского.* 402
«Ты веками, о родина, слезы лила...» *Перевод С. Шервинского* . 402
«Один, всегда один, я счастлив тем!..» *Перевод Н. Тихонова* . . 403

АЛЕКСАНДР ЦАТУРЯН

Ручей. *Перевод К. Бальмонта* 404
«Мрачна, темна душа моя!..» *Перевод И. Бунина* 404

АКОП АКОПЯН

«Велико наше горе, печаль беспредельна...» *Перевод С. Шервинского* 405
Песня кузнеца. *Перевод А. Глобы* 406
Революция. *Перевод А. Безыменского* 406
Националистам. *Перевод Н. Тихонова* 408

ОВАНЕС ТУМАНЯН

Пролог. *Перевод Вс. Рождественского* 408
Песня пахаря. *Перевод М. Петровых* 409
Армянскому скитальцу. *Перевод С. Шервинского* 410
Предкам. *Перевод В. Державина* 411
Пророчество. *Перевод В. Державина* 411
Армянское горе. *Перевод В. Брюсова* 412
Поэтам Грузии. *Перевод М. Шагинян* 412

ЛЕВОН ШАНТ

Философы. *Перевод С. Шервинского* 414
Почему? *Перевод А. Сендыка* 414

АВЕТИК ИСААКЯН

«Уж солнце за вершиной гор...» *Перевод А. Блока* 415
«Ночью в саду у меня...» *Перевод А. Блока* 415
«Певец я — птица в вышине...» *Перевод А. Ахматовой* 416
«Издалека в тиши ночной...» *Перевод А. Блока* 416
«Мечтой я на дальних бродил берегах...» *Перевод В. Державина* 416
«Шумно та звезда упала...» *Перевод А. Ахматовой* 417
«Я спал, и море снилось мне...» *Перевод С. Шервинского* 417
«Глухим, неясным, призрачным порывом...» *Перевод Б. Пастернака* 418
«От жгучего горя сердце мертво...» *Перевод А. Ахматовой* . . . 418
«Моя душа объята тьмой полночной...» *Перевод И. Бунина* . . . 418
«Да, я знаю, всегда есть чужая страна...» *Перевод А. Блока* . . 419
«В разливе утренних лучей...» *Перевод А. Блока* 419
«В далеких горах Гималайских сейчас...» *Перевод В. Державина.* 419
«В тоске я шел вдоль горного кряжа...» *Перевод Б. Пастернака* . 420
«Я увидел во сне...» *Перевод А. Блока* 420
«Безвестна, безымянна, позабыта...» *Перевод В. Брюсова* . . . 421
«Ветер бьется о мой порог...» *Перевод В. Державина* 421

ШУШАНИК КУРГИНЯН

Панихида. *Перевод А. Сендыка* 421

ВААН ТЕКЭЯН

Переводы А. Сендыка

Всевышнему 422
Красавицы 423
Итог 423

СИАМАНТО

Горсть пепла — родной дом. *Перевод С. Шервинского* 424
Мои слезы. *Перевод С. Шервинского* 425

Умереть мне хочется с песней. *Перевод А. Сендыка* 425
О надежде. *Перевод А. Сендыка* 426

ДАНИЭЛ ВАРУЖАН

Курящаяся лампада. *Перевод С. Шервинского* 427
К музе. *Перевод А. Сендыка* 427
Волы. *Перевод А. Сендыка* 428
Зов пашен. *Перевод А. Сендыка* 428
Хачбур. *Перевод А. Сендыка* 429
Маки. *Перевод А. Сендыка* 430
После пира. *Перевод А. Сендыка* 431

РУБЕН СЕВАК

Колокола. *Перевод П. Антокольского* 432
Приди! *Перевод А. Сендыка* 433
Скажи зачем? *Перевод А. Сендыка* 434

ВААН ТЕРЬЯН

Грусть. *Перевод В. Брюсова* 435
«Оторван я от родимой земли...» *Перевод Вс. Рождественского* . 435
Сумерки. *Перевод А. Ахматовой* 435
«Если будешь в далеком, далеком краю...» *Перевод С. Шервинского* 436
На каторге. *Перевод М. Петровых* 436
«Привет тебе, бурный страданья восторг...» *Перевод В. Державина* 437
«Ужель поэт последний я...» *Перевод В. Брюсова* 437
Напрянка. *Перевод К. Бальмонта* 438
«Ты не горда, страна моя...» *Перевод Ф. Сологуба* 438
«А там пастухи на свободных горах...» *Перевод А. Ахматовой* . . 439
«Вот снова дорога моя влечет...» *Перевод И. Поступальского* . . 439

КОСТАН ЗАРЯН

«Горек хлеб на столе наших дней...» *Перевод А. Сендыка* . . . 440

МИСАК МЕЦАРЕНЦ

«Ночь сладостна, ночь знойно сладостна...» *Перевод В. Брюсова* . 440
На рассвете. *Перевод В. Брюсова* 441
Вечернее желание. *Перевод А. Сендыка* 441
Песнь любви. *Перевод А. Сендыка* 442
Ночной полив. *Перевод А. Сендыка* 442
Хижина. *Перевод А. Сендыка* 443

ИЗ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ПОЭТОВ

ЗАКИР

Г о ш м ы

«Задержите на час полет в высоте...» *Перевод В. Державина* . . 445
«Все ль ты ей передал, о зефир, когда...» *Перевод В. Державина* . 446
«О боже, что ж ты столь жесток...» *Перевод О. Ивинской* 446
«О, сердце украв, будь мне солнца светлей!..» *Перевод О. Ивинской* 447
«Как нарцисс, твой взгляд срываю...» *Перевод Д. Виноградова* . 448
«Кто жаждет хмеля губ твоих...» *Перевод Д. Виноградова* . . . 448
«О, свет очей моих, правдивый...» *Перевод О. Ивинской* . . . 449
Послание к Мирза-Фатали Ахундову *(Отрывок). Перевод В. Державина* 451

АББАС-КУЛИ-АГА-КУДСИ БАКИХАНОВ

Переводы П. Антокольского

Обращение к жителям Тавриза 452
Письмо в стихах 453

МИРЗА-ШАФИ ВАЗЕХ

«Сколько на небе устойчивых звезд...» *Перевод В. Луговского* . . 454
«О ты, что живешь вместе с нами...» *Перевод В. Луговского* . . . 455
«Высокая ростом, стройная телом, ты идешь...» *Перевод В. Луговского* 455
«Ты, сидя в палатке, откинула косы...» *Перевод В. Луговского* . 456
«Из песен остается на века...» *Перевод Н. Гребнева* 456
«Сложна дорога жизни, но она...» *Перевод Н. Гребнева* 456
«Поднимет ветер пыль...» *Перевод Н. Гребнева* 457
«На тропках счастья, на дорогах бед...» *Перевод Н. Гребнева* . . 457
«Одни из нас твердят...» *Перевод Н. Гребнева* 457
«Увы, проходит жизнь...» *Перевод Н. Гребнева* 457
«На звезды мы глядим в полночный час...» *Перевод Н. Гребнева* . 458
«Я к свету шел...» *Перевод Н. Гребнева* 458
«Талант поэта — дар небес нетленный...» *Перевод Н. Гребнева* . 458
«Никто не знает, где родится чудо...» *Перевод Н. Гребнева* . . . 458
«Коль хочешь мир познать...» *Перевод Н. Гребнева* 458
«— Мирза-Шафи, заладил ты одно...» *Перевод Н. Гребнева* . . . 459

ХЕЙРАН ХАНУМ

Переводы Т. Стрешневой

Несравненный 459
Посмотри 460
Не по нраву 460
Суть явлений 461
Это сердце 461

АБУЛЬКАСИМ НАБАТИ

Переводы Т. Стрешневой

Газель

«Утром, пьяный и беспечный...» 462

Гошма

«Ограбили душу любимой глаза...» 463

Мой еще не кончен путь 463

МИРЗА-ФАТАЛИ АХУНДОВ

На смерть Пушкина. *Перевод П. Антокольского* 465

«Откуда этот шум и крики...» *Перевод Л. Озерова* 469

АШУГ АЛЕСКЕР

Гошмы

«Творец тебя создал...» *Перевод К. Симонова* 469

«Я выглянул как-то случайно в окно...» *Перевод К. Симонова* . 470

«Желтеет колос, и краснеет мак...» *Перевод К. Симонова* 470

«Мне этой встречи не забыть...» *Перевод А. Корчагина* 471

«Перед тобой повинен я...» *Перевод А. Корчагина* 471

ХУРШИДБАНУ НАТАВАН

Было бы хорошо. *Перевод Т. Стрешневой* 472

Роза. *Перевод Т. Стрешневой* 473

Не уходи. *Перевод Т. Стрешневой* 473

«Как небеса, ты расцвела, фиалка...» *Перевод Е. Долматовского* . 474

СЕИД-СЕЗИМ ШИРВАНИ

Взятка богу. *Перевод Т. Стрешневой* 474

Глупый судья. *Перевод Т. Стрешневой* 476

Случай с Меджнуном. *Перевод Т. Стрешневой* 478

Упрек Меджнуну. *Перевод Д. Виноградова* 478

Ответ Меджнуна. *Перевод Д. Виноградова* 479

МИРЗА-АЛЕКПЕР САБИР

К согражданам мусульманам и армянам. *Перевод П. Антокольского* 480

Бакинским рабочим. *Перевод С. Васильева* 481

Свобода. *Перевод Т. Стрешневой* 482

Немыслимое. *Перевод Т. Стрешневой* 483

Спи, человек! *Перевод Д. Самойлова* 483

Истина. *Перевод П. Панченко* 484

Я — поэт. *Перевод С. Васильева* 485

Пародия на лириков. *Перевод С. Васильева* 485

Отшельнику. *Перевод С. Липкина* 486
Мечта отшельника. *Перевод В. Державина* 486
В рот воды набрали. *Перевод С. Васильева* 487
Правоверные с бульвара. *Перевод Д. Самойлова* 487
Что мне за дело? *Перевод С. Васильева* 488
«Муж сказал: «Я раз в году вижу в зеркале себя...» *Перевод С. Липкина* 489
«Нет, я не стоек в убежденьях...» *Перевод С. Липкина* 489
«Отцовский долг еще не в том...» *Перевод С. Липкина* 489
«Мерило горя — ум...» *Перевод С. Липкина* 490

АББАС СИХХАТ

Будущее принадлежит нам. *Перевод Е. Долматовского* 490
Огонь. *Перевод А. Корчагина* 491

ГУСЕЙН ДЖАВИД

Шейх Санан. *Перевод Л. Озерова* 492
Не радуйся чужому горю. *Перевод Л. Озерова* 492
Улыбнись. *Перевод Л. Гумилева* 493
Не видел. *Перевод Л. Озерова* 493
На закате. *Перевод Л. Гумилева* 494
Уходи. *Перевод Л. Гумилева* 495
Перед богиней войны. *Перевод И. Григорьева* 495

ИЗ ДАГЕСТАНСКИХ ПОЭТОВ

АВАРСКИЙ ПОЭТ

ЧАНКА (ТАЖУТДИН)

Переводы Я. Козловского

Подняться бы мне в гору... 497
«Когда б за стройность награждал невест...» 500

АВАРСКИЙ ПОЭТ

МАХМУД ИЗ КАХАБ-РОСО

Переводы С. Липкина

Земной праздник 501
Мариам 505

ДАРГИНСКИЙ ПОЭТ

БАТЫРАЙ

Героические песни

Переводы Э. Капиева

«Ты руками в плен берешь...» 508
«Там, где конь стреножен твой...» 509

«Грудью своего коня...» 509
«Нет, прославленный герой...» 509

Любовные песни

«Если выйдешь ты за дверь...» *Перевод Э. Капиева* 510
«Да, не встретится любовь...» *Перевод Э. Капиева* 510
«Эта черная коса...» *Перевод Э. Капиева* 510
«Я иль дом твой повалю...» *Перевод Э. Капиева* 511
«Пусть сожжет наша любовь...» *Перевод Н. Капиевой* 511
«Ты со всяким говоришь...» *Перевод Н. Капиевой* 511

Из песен о себе

«Ах, могу ль я песни петь...» *Перевод Э. Капиева* 512

ДАРГИНСКИЙ ПОЭТ

АХМЕД МУНГИ

Переводы Я. Козловского

Мадам 513
«Да погибнет этот мир...» 515
Песня молодых кубачинцев 515
Резец 516
Стихотворец и мулла 516

КУМЫКСКИЙ ПОЭТ

ИРЧИ КАЗАК

Переводы С. Липкина

Асхартау 517
Песня погонщика волов на пахоте 517
Удача 518
Три года — мой срок 518
Гей, джигиты! 519
Молитесь за нас 519
Из сибирских стихов 520

КУМЫКСКИЙ ПОЭТ

МАГОМЕД-ЭФФЕНДИ ОСМАНОВ

Первая песня из «Кумыкской свадьбы». *Перевод Р. Морана* . . . 521
О щедрости и чести. *Перевод И. Гребнева* 522
«Князь — не муж...» *Перевод Н. Гребнева* 523
Обычаи кумыков. *Перевод Н. Гребнева* 523
О тех, кого не спасает чалма. *Перевод Н. Гребнева* 524
Вино. *Перевод Н. Гребнева* 525

ЛАКСКАЯ ПОЭТЕССА

ШАЗА ИЗ КУРКЛИ
Переводы Ю. Нейман

«Мой сокол желанный!..» 526
«Как в обойме тесной — пули...» 526
«Как выйду с рассвета...» 527
«Чем быть нелюбимого...» 527
«Сверкающий снег на зеленом лугу...» 527
«Ранней юности любовь...» 528

ЛАКСКИЙ ПОЭТ

ГАРУН САИДОВ

Если ветер подует. *Перевод П. Гребнева* 528

ЛЕЗГИНСКИЙ ПОЭТ

ЕТИМ ЭМИН

Старухам сплетницам. *Перевод Н. Ушакова* 529
О счастливая! *Перевод Н. Глазкова* 530
Не ведающему о мире. *Перевод Р. Морана* 531
В смятенье мир... *Перевод Р. Морана* 531
Слово умирающего Эмина. *Перевод Н. Ушакова* 532

ЛЕЗГИНСКИЙ ПОЭТ

ГАДЖИ АХТЫНСКИЙ

Прошу — сообщи! *Перевод Ю. Нейман* 533

ИЗ ОСЕТИНСКИХ ПОЭТОВ

СЕКА ГАДИЕВ

Чермен. *Перевод А. Ахматовой* 534

КОСТА ХЕТАГУРОВ

Завещание. *Перевод П. Панченко* 535
Знаю. *Перевод М. Исаковского* 535
У гроба. *Перевод М. Исаковского* 536
Безумный пастух. *Перевод С. Липкина* 536
Мужчина или женщина? *Перевод Д. Кедрина* 537
Кому-что... *Перевод Н. Ушакова* 538
Осень. *Перевод Н. Тихонова* 538
В новогоднюю ночь. *Перевод Л. Озерова* 538
«Если б запеть мне...» *Перевод Л. Озерова* 539
Привет. *Перевод Л. Озерова* 539
Памяти А. С. Грибоедова 540

ГЕОРГИЙ ЦАГОЛОВ

На могиле Коста Хетагурова 540

ШАМИЛЬ АБАЕВ

«О жизнь, пробудись...» *Перевод А. Сендыка* 542

ЦОМАК ГАДИЕВ

Клич борьбы. *Перевод А. Корчагина* 542

СОЗУР БАГРАЕВ

Поминки. *Перевод Т. Стрешневой* 543

БАЛКАРСКИЙ ПОЭТ

КЯЗИМ МЕЧИЕВ

Переводы С. Липкина

«К тебе я хотел перебраться в челне...» 545
«Холмик мы не приравняем к скалам...» 545
«Чую твоего жилья тепло...» 545
«Храбрость острее любого кинжала...» 546
Откровенное слово 546
«Только вышел я из сакли на заре...» 546
«Я слагаю стихи и железо кую...» 547
Завещание сыну 547
«Я сравню тебя с моей стрелою...» 547
«Свое метнул я слово...» 548
«Мы овцы. Ближе, ближе...» 548
«Чтоб родину избавить от невзгод...» 548
«Скорбит земля родная...» 548
«Несчастный мой народ...» 548
«Шумя, с отвесных гор...» 549
Что мне делать? 549
«Кязим, к чему твой стон...» 549
«Немало горьких слов...» 550
«Да будут прокляты насильники...» 550
«Идет в ауле дождь...» 550

ИЗ ТАТАРСКИХ ПОЭТОВ

ГАБДЕЛЖАББАР КАНДАЛЫЙ

К Сахипджамал *(Отрывок). Перевод Р. Морана* 551

ГАЛИ ЧОКРЫЙ

Восхваление Казани. Несколько строк о древнем Булгаре. *Перевод С. Липкина* 554

МИФТАХЕТДИН АКМУЛЛА
Переводы С. Липкина

Стихи о муллах 555
Строки, написанные в тюрьме 556

ЯКОВ ЕМЕЛЬЯНОВ

Горе *(Отрывок). Перевод Р. Морана* 556

ДАРДМЕНД
Переводы С. Липкина

Прошедшие дни 557
Твой родственник... 558
Корабль 558
Узнай, что впереди... 559
Мы 559
Лето прошло... 559
Довольно 559
Счастлива страна... 560
Расставание 560
Пусть друга нет... 560
Для отчизны, где я родился... 560
Народ 560
Чьи это голоса? 561

САГИТ РАМИЕВ
Переводы М. Львова

«Я» 561
Гори, сердце 562

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ

К народу. *Перевод С. Липкина* 562
О перо! *Перевод А. Ахматовой* 563
Пушкину. *Перевод С. Липкина* 564
Родной земле. *Перевод А. Ахматовой* 565
Жизнь. *Перевод С. Липкина* 565
Поэт. *Перевод С. Липкина* 566
Сегодня праздник. *Перевод С. Липкина* 567
Любовь. *Перевод Я. Хелемского* 567
Моя звезда. *Перевод В. Тушновой* 568
Книга. *Перевод М. Петровых* 568
Колебания и сомнения. *Перевод А. Ахматовой* 569
Родной язык. *Перевод С. Липкина* 570
Последние капли слез. *Перевод А. Тарковского* 570
Грусть. *Перевод В. Державина* 571

Мальчик с дудочкой. *Перевод С. Маршака* 571
Молния. *Перевод А. Тарковского* 572
Трудная доля. *Перевод В. Ганиева* 572
Иду своим путем. *Перевод Р. Морана* 572
Враги. *Перевод Н. Мальцевой* 573

БАШКИРСКИЙ ПОЭТ

ШАЙХЗАДА БАБИЧ

Переводы С. Липкина

Присяга народу 574
Одно мгновенье... 575
Жизнь в борьбе 575
Я жду 576
Бог или черт 577
Соловью, заключенному в клетку 577

КАЛМЫЦКИЙ ПОЭТ

БООВАН БАДМА

Услаждение слуха. *Перевод Г. Ярославцева* 579

ИЗ МАРИЙСКИХ ПОЭТОВ

СЕРГЕЙ ЧАВАЙН

Переводы А. Казакова

Смело, друзья мои! 589
Зачем я рожден 589

НИКОЛАЙ МУХИН

Песнь жаворонка. *Перевод С. Сомовой* 590

ИЗ ЧУВАШСКИХ ПОЭТОВ

КОНСТАНТИН ИВАНОВ

Нарспи *(Отрывок из поэмы). Перевод Б. Иринина* 592

ЭМИНЕ

Переводы И. Озеровой

«Мост подпирают дубовые сваи...» 597
«В просторах степей всех цветов мне не счесть...» 597
«Девушки, готовясь к сенокосу...» 598
«С юга плывет облаков синева...» 598
«Ветер меняется, кружится, кружится...» 598
«Месяц поднялся высоко, высоко...» 599

«В небе летает луна, говорят...» 599
«Ветер вновь подул...» 600
«У отца в саду смородина, смородина...» 601

ИЗ КАЗАХСКИХ ПОЭТОВ

ШОЖЕ КАРЖАУЛОВ

Песня. *Перевод А. Коренева* 602

СУЮНБАЙ АРАНОВ

О старости. *Перевод Б. Слуцкого* 603

БИРЖАН-САЛ

Четверостишия. *Перевод А. Сендыка* 605

ЖАЯУ МУСА

Переводы А. Сендыка

«Я «нищий господин», я сын Байжанов...» 606
«Сынок мой, твой отец, бедой согбенный...» 606
«Муса я, это имя всем известно...» 606
«Я к могиле Сапар приник...» 607
«Вы богатыми стали, ограбив...» 607
«Наши бии — подлецы все подряд...» 607
«Бием звать судью — смешно...» 607

ИБРАЙ АЛТЫНСАРИН

Переводы П. Шубина

Кто это? 608
Река 608

АХАН-СЭРЭ КАРАМСИН

Час испытания. *Перевод Е. Винокурова* 609
«Страсть изменчива, как летний ветерок...» *Перевод А. Сендыка* . 610
«Взволнованы ветром камыш и вода...» *Перевод А. Сендыка* . . 610
«Немало ударов мне жизнь нанесла...» *Перевод А. Сендыка* . . . 610
«Наместник аллаха — пророк Мухаммед...» *Перевод А. Сендыка* 610

КЕМПИРБАЙ

Прощание Кемпирбая. *Перевод Е. Винокурова* 611

АБАЙ КУНАНБАЕВ

«Я презрел познанье, юноша пустой...» *Перевод М. Петровых* . 613
«О казахи мои! Мой бедный народ!..» *Перевод С. Липкина* . . . 614
«Поэзия — властитель языка...» *Перевод В. Звягинцевой* 615

«Острый разум чист, словно пласт ледяной...» *Перевод А. Штейнберга* 616
«О любви, душа, молишь вновь...» *Перевод М. Петровых* 617
«Язык любви — язык без слов...» *Перевод Ю. Нейман* 617
«Природа смертна, вечен человек...» *Перевод Л. Озерова* 618
«Страсть к науке тебя влекла...» *Перевод Ю. Нейман* 618
«Проклятый мир обирает нас...» *Перевод М. Петровых* 619
«Если мысль за волею вслед...» *Перевод А. Штейнберга* 619
«На сорок лоскутьев тоскою...» *Перевод М. Петровых* 620
«Я вырастил пса из щенка...» *Перевод А. Глобы* 620
«Веселья легкая вода...» *Перевод Л. Озерова* 621
«Мотыльки, чей светел наряд...» *Перевод М. Петровых* 621
«Как море — сердце, радость — блеск его...» *Перевод Ю. Нейман* 622
«Ангел молнии, Рагит...» *Перевод Л. Озерова* 622

САРЫ
Переводы А. Сендыка

«От слез в глазах туман; не видя ничего...» 623
«С любимою своей я был наедине...» 623
«Я понял, что тюрьма певцу не по плечу...» 624
«Уж осень, за моря стремятся стаи птиц...» 624

БАЛУАН-ШОЛАК
Переводы А. Сендыка

«Шолак я, слыхала вся степь обо мне...» 624
«Батыром я стал без руки как-никак...» 625
«Пока я годами не согнут в дугу...» 625

СУЛТАНМАХМУТ ТОРАЙГЫРОВ
Переводы А. Жовтиса

То добро, что в жизни вкусил... 625
Я стану человеком... 626
Это ли справедливость? 626
Зачем я живу? 627

ИЗ УЗБЕКСКИХ ПОЭТОВ

МУХАММЕД АГАХИ

«Пусть разрушится то колесо...» *Перевод Н. Павлович* 628
«Встань вечерней порой и лицо приоткрой...» *Перевод Н. Заболоцкого* 629

ФАЗЛИ

Газели

«Если локонов ряд на прелестном лице ты откроешь...» *Перевод Н. Заболоцкого* 629
«Хорошо, цветы вдыхая...» *Перевод Т. Спендиаровой* 630

МУХАММЕД ШАРИФ ГУЛЬХАНИ
Переводы С. Маршака

Путнику 631
О терпении 631
«Кто беден счастьем...» 631
Про двух кокандцев 631

МАХЗУНА

Мухаммас. *Перевод В. Звягинцевой* 632

НАДИРА
Переводы М. Алигер

«О подруга, я слабею...» 633
«Губы высохли в разлуке...» 634
«Как хорош в бутыли старой молодой и мутный сок!..» 634

МАХМУД МАХМУР
Переводы Н. Гребнева

«К тебе, чьей красотой в ночи...» 634
«Не возлагай своих надежд на встречу...» 635
Сатира на Махдума Курама 635
Сатира на Хаджи Нияза 636
Газель Хаджи Нияза о самом себе 637

НИЯЗМУХАММЕД КАМИЛЬ ХОРЕЗМИ
Переводы Н. Сидоренко

«Что пользы, что роза весной...» 638
«Увы! От ее веселья глаза мои вечно в слезах...» 638

МУХАММЕД АМИН-ХОДЖА МУКИМИ
Переводы Н. Ушакова

Порицание времени 639
Святой 640
Я — Фархад 640
Ищите 641
Ремесло мое — влюбленность 642
Моя судьба 642

Умираю от любви 642
Кто скажет обо мне? 643

ФУРКАТ

О поэзии и поэтической гиперболе. *Перевод С. Иванова* 644

Газели

Цветение весны. *Перевод С. Иванова* 646
Не сразу, не сразу. *Перевод С. Липкина* 647
На лике румяном. *Перевод С. Иванова* 647
Смилуйся! *Перевод С. Иванова* 648
Где ж твоя луна? *Перевод С. Иванова* 649
На твоем пути. *Перевод С. Липкина* 649
Очи твои. *Перевод С. Иванова* 650
Нет благонравной. *Перевод С. Липкина* 651
О, доколе ж? *Перевод С. Липкина* 651
Пылать меня ты научила. *Перевод С. Липкина* 652
Лишь вспомню. *Перевод Ю. Нейман* 653

ОТАР-ОГЛЫ АВАЗ

Переводы В. Звягинцевой

Язык 653
Мусульманским ученым 654
«Эй, громче ударив по струнам...» 654
«Воскрешающим мертвых речам...» 655

ИЗ КАРАКАЛПАКСКИХ ПОЭТОВ

ИБРАЙЫН-УЛЫ КУН-ХОДЖА

Кому нужен? *Перевод Г. Ярославцева* 656

КОСЫБАЙ-УЛЫ АЖИНИЯЗ

Переводы Г. Ярославцева

Бозатау 658
Проснись *(Мухаллес)* 660

БЕРДАХ

Переводы Н. Гребнева

Море рыбы своей не дает 660
Мне нужны 661
Моя подруга 662
Роза с бутоном 663

САРЫБАЙ

Разговор с летучей мышью. *Перевод Г. Ярославцева* 663

ИЗ ТУРКМЕНСКИХ ПОЭТОВ

КЕМИНЕ

Переводы А. Тарковского

Нищета 666
«Доверься разуму, покуда он с тобой...» 667
Хорошо 668
Напутствие 668
Луна 669
Век 669
Плохая жена 670
«Смотрите: идет, стройна...» 671
Влюбленный 671
«Любовь ступила на порог...» 672
«О сердце, затяни свой пояс...» 672

СЕИДИ

Переводы Т. Стрешневой

Два цветка 673
Пустыня 674
Властительница Хатиджа 675
Ныне 676
Прощай навеки 677
Береги честь 679
Стало больше 679
Спина скакуна 680
Роза 681

ЗЕЛИЛИ

Прощай. *Перевод Н. Лебедева и Г. Карпова* 682
Обманул ты. *Перевод Г. Веселкова* 683

КЯТИБИ

Переводы Т. Стрешневой

Твори добро 684
Любовь моя 684
Я отправился в путь 685
Наставление 686
Страшное время 687

КАРДЫБЕРДЫ ОГЛЫ МОЛЛАНЕПЕС

Переводы М. Петровых

Я твой верный соловей 687
Там и здесь 688
Твои глаза 689
Мое сердце 690
Молоденькая 690

МЯТАДЖИ
Переводы Н. Гребнева

Верный путь 691
Где? 692
Что стало с миром 692
Повсюду 693
С нас взыщут 693
Нельзя 694
Мир лишил 694
Истины 695
Одарит 696
Есть ли? 697

МИСКИНКЛЫЧ
Переводы В. Ганиева

Когда лишится 697
Не будет 698

САХИБДЖЕМАЛ
Переводы С. Ботвинника

Раз — в три дня и раз — в четыре дня 699
Мое дитя 700

КЁРМОЛЛА

В курильне терьяка. *Перевод М. Тарловского* 700

МОЛЛАДУРДЫ
Переводы С. Ботвинника

Саранча 702
Шерсть пусть ляжет завитками 702

ИЗ ТАДЖИКСКИХ ПОЭТОВ

АХМАД-МАХДУМ ИБН НОСИР ДОНИШ

Благодарность за подаренный глобус. *Перевод И. Гуровой* . . . 704
«Мне говорил один мудрец...» *Перевод И. Сельвинского* 704
Аделине Патти. *Перевод И. Сельвинского* 706

АБДУЛКОДИР ХОДЖА САВДО
Переводы В. Звягинцевой

«О сердце! Пользу ты нашло...» 706
«Говорю: «Стала жизнь моя небытием...» 707

СОМИ МИРЗО АЗИМ БУСТОНИ

«С тех пор как зодчим...» *Перевод В. Левика* 708

ШАМСИДДИН-МАХДУМ ШОХИН

«Красавица, от глаз твоих...» *Перевод Т. Стрешневой* 708
«Ты наши жизни в плен берешь...» *Перевод Т. Стрешневой* . . 709
«Нет худшего порока в наше время...» *Перевод И. Сельвинского* . 710

ТОШХОДЖА АСИРИ

«Ах, что такое человечность?..» *Перевод И. Сельвинского* 711
Ответ поэту, который спрашивал о положении в Ходженте. *Перевод Л. Пеньковского* 712
Рубаи. *Перевод Л. Пеньковского* 712

МУХАММАД СИДДЫК ХАЙРАТ

Переводы С. Липкина

Сатира на начальника ночной полиции Бухары 713
Мусаддас 713

ИЗ КИРГИЗСКИХ ПОЭТОВ

ТОГОЛОК МОЛДО

Чума. *Перевод М. Ватагина* 715
Жалоба девушки, выданной замуж за старика. *Перевод Т. Стрешневой* 716
Жалоба девушки, выданной замуж за мальчика. *Перевод Т. Стрешневой* 718
О Собаке, которая хотела сшить себе халат-доолдай. *Перевод М. Ватагина* 720

ТОКТОГУЛ САТЫЛГАНОВ

Пять кабанов. *Перевод М. Ватагина* 722
Девушкам. *Перевод С. Липкина* 724
В изгнании. *Перевод М. Ватагина* 724
Здравствуй, мать. *Перевод М. Ватагина* 728
Назиданья. *Перевод Т. Стрешневой* 730

ЫСАК ШАЙБЕКОВ

«О, сладки денежки твои...» *Перевод М. Ватагина* 731
Горемычный народ *(Отрывок). Перевод М. Петровых* 731

КАЛЫК АКЫЕВ

Нужда. *Перевод С. Обрадовича* 734

БАРПЫ АЛЫКУЛОВ

Мырзаим. *Перевод Т. Стрешневой* 735
Сопу. *Перевод М. Ватагина* 737
Примечания *Л. Осиповой* 741

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРИЯ ВТОРАЯ
Том 102

ПОЭЗИЯ НАРОДОВ СССР
XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

*

Редактор
Ю. Розенблюм

Оформление «Библиотеки»
Д. Бисти

Художественный редактор
Ю. Коннов

Технические редакторы
Л. Платонова и О. Ярославцева

Корректоры
О. Емельянова и З. Тихонова

*

ИБ № 457
Сдано в набор 10/XI 1976 г. Подписано к печати 10/III 1977 г. Бумага типогр. № 1. Формат 60×84¹/₁₆. 52 печ. л. 48,516 усл. печ. л. 39,561 + 7 нак.= 40,361 уч.-изд. л. Тираж 303 000, 1-й завод (1—150000) экз.
Заказ № 896. Цена 4 р. 42 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

*

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая, 28

ПОЭЗИЯ НАРОДОВ СССР XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

ПОЭЗИЯ НАРОДОВ СССР XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА